Московский государственный
институт международных отношений (университет)
МИД России

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ
современная российская школа

Хрестоматия

АСПЕКТ ПРЕСС
Москва
2022

УДК 911.3:32
ББК 66.09
П50

Рецензенты

доктор географический наук *В.А. Горбанёв*

доктор экономических наук, член-корреспондент РАН *А.В. Кузнецов*

Составители

И.Ю. Окунев, М.Н. Шестакова

Технические редакторы

А.В. Макарычева, О.А. Сбродова

П50 Политическая география: Современная российская школа: Хрестоматия / Сост. И.Ю. Окунев, М.Н. Шестакова. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022. — 544 с.

ISBN 978-5-7567-1147-9

Хрестоматия представляет собой собрание ключевых теоретических текстов по политической географии, опубликованных российскими учеными в научных журналах и сборниках и не утративших актуальности в силу своего обобщающего характера, и может рассматриваться в качестве отражения развития отечественной школы в данном направлении на современном этапе – в первой четверти XXI века. Работы сгруппированы по разделам, отражающим основные субдисциплины политической географии: теория и методология науки, геополитика, комплексное регионоведение, географическое государствоведение, столицеведение, лимология, политическая регионалистика, электоральная география, гуманитарная география.

Для студентов и специалистов в области географии, политологии и международных отношений.

УДК 911.3:32
ББК 66.09

ISBN 978-5-7567-1147-9

© Окунев, И.Ю., Шестакова М.Н., составление, 2022
© ООО Издательство «Аспект Пресс», 2022

Все учебники издательства «Аспект Пресс»
на сайте и в интернет-магазине
https://aspectpress.ru

Оглавление

Как работать с хрестоматией 6

И.Ю. Окунев, М.Н. Шестакова. **Современная российская школа политической географии** (вместо предисловия) 7

Глава 1. **Введение в политическую географию** 15

И.М. Бусыгина. Судьба географических знаний в политической науке и образовании 16

Р.Ф. Туровский. Геопространство и метапространство: географические методы в политологии 27

А.Б. Елацков, Н.В. Каледин. Историческое развитие отечественной политической географии и геополитики 43

Глава 2. **Глобальные геополитические системы** 57

И.М. Бусыгина, И.Ю. Окунев. Пространственное распределение силы и стратегии государств, или что и как объясняет геополитика . . . 58

Б.А. Исаев. Геополитика классическая и современная 76

М.Н. Грачев. Геополитическое моделирование как разновидность структурно-функционального анализа мировой политики 93

А.Б. Елацков. Политическое геопространство как объект исследования. III. Пространство геополитических отношений 98

Глава 3. **Интеграционные объединения** 109

Н.А. Косолапов. Пространственно-организационный подход к анализу международных реалий. 110

А.Д. Воскресенский. Регионализация в современных международных отношениях 125

Глава 4. **Государства** 147

М.В. Ильин. Возможна ли универсальная типология государств? 148

А.Б. Себенцов, В.А. Колосов. Феномен неконтролируемых территорий в современном мире 172

Е.Ю. Винокуров. Анклавы в мировой экономике и политике: опыт последних десятилетий 189

Глава 5. **Свойства территории государства** 207

В.Г. Шведов. Основы объектно-предметного изучения государственной территории 208

А.И. Трейвиш. Геопространство, информация, мобильность и модернизация общества 218

А.Г. Дружинин. «Фактор моря» в территориальной организации общества: исследовательские приоритеты в российской социально-экономической географии 237

Глава 6. **Состав территории государства** 243

Ф.А. Попов. Дробление политического пространства мира: основные формы и современные тенденции 244

Д.В. Заяц. Географические типы сепаратизма 256

Глава 7. **Международные и зависимые территории** 265

А.В. Фененко. Международное соперничество за освоение общих пространств 266

В.Л. Иноземцев. Колонии и зависимые территории: приглашение к дискуссии 291

Глава 8. **Столицы и центры** 305

С.А. Тархов. Столицы 306

А.А. Овсянников. Социология столичности: смыслы и стратегии 311

В.И. Россман. Переносы столиц на повестке дня современных государств 320

Глава 9. **Границы и размежевания** 329

В.А. Колосов. Исследования политических границ с начала XX века до наших дней 330

Д.С. Панарина. Граница и фронтир как фактор развития региона и/или страны 347

П.Я. Бакланов. Структурные особенности и потенциал развития приграничных и трансграничных районов: теоретические аспекты 364

Г.М. Федоров, В.С. Корнеевец. Трансграничные регионы в иерархической системе регионов: системный подход 374

Глава 10. **Электоральная география** 383

Р.Ф. Туровский. Теория электоральной географии. Географические закономерности голосований 384

А.С. Ахременко. Пространственный электоральный анализ: характеристика метода, возможности кросснациональных сравнительных исследований 394

Глава 11. **Регионы и муниципалитеты** 415

Н.М. Межевич. Определение категории «регион» в современном научном дискурсе 416

С.А. Тархов. Основные направления географического изучения административно-территориального деления 441

В.Г. Ледяев. Социология власти: теория городских политических режимов 453

А.Н. Швецов. Структурные преобразования муниципального пространства. Обоснование целесообразности и оценка эффективности 472

Глава 12. **Пространственная идентичность** 485

Д.Н. Замятин. Геополитика образов и структурирование метапространства 486

Н.Ю. Замятина. Модели политического пространства 512

К.Э. Аксенов. Системообразующие свойства пространства–времени при трансформации общественно-географического пространства 528

Об авторах и составителях 540

Как работать с хрестоматией

Хрестоматия составлена из *избранных теоретических произведений современных российских ученых*, занимающихся политической географией или смежными дисциплинами.

Получение гуманитарного образования невозможно без работы с *первоисточниками*. Именно умение перерабатывать большие объемы материала, воспринимать идеи, написанные в разных стилистических традициях и методологических парадигмах, критически относиться к своим и чужим суждениям – отличает специалиста с высшим гуманитарным образованием от просто человека с широкой эрудицией. Поэтому освоение политической географии не может ограничиваться чтением учебника, а должно дополняться разбором ключевых актуальных текстов по данной проблематике, опубликованных в монографиях и научных статьях. Поскольку доступ к подобным источникам не всегда прост, составители хрестоматии взяли на себя смелость подобрать несколько текстов по каждой из центральных тем политической географии, договориться с их правообладателями и издать в виде самостоятельной книги. Любое издание ограничено в объеме, поэтому надеемся, что работа с хрестоматией станет только отправной точкой в работе студента или молодого специалиста.

Работы в хрестоматии сгруппированы по разделам, отражающим основные **субдисциплины** политической географии: теория и методология науки (введение в политическую географию), геополитика (глобальные геополитические системы), мировое комплексное регионоведение (интеграционные объединения), географическое государствоведение (государства, свойства и состав территории государства, международные и зависимые территории), столицеведение (столицы и центры), лимология (границы и размежевания), политическая регионалистика (регионы и муниципалитеты), электоральная география и гуманитарная география (пространственная идентичность).

Перед каждой статьей вы найдете несколько **вопросов** к ней. Их можно использовать в качестве опорных при обсуждении на семинаре. Советуем вам не просто читать тексты, а учиться их конспектировать, выделять ключевые идеи, термины и цитаты. Впоследствии вы сможете использовать переработанный материал статьи в своих собственных работах.

Пособие может служить *дополнением* к учебнику МГИМО (*Окунев И. Ю.* Политическая география. Аспект Пресс, 2019), структуру которого оно повторяет, или использоваться отдельно: вместе с другими изданиями или самостоятельно.

Современная российская школа политической географии (вместо предисловия)

Традиция книг, описывающих процессы на политической карте мира, довольно стара. Благодаря блестящей находке Н.В. Каледина можно говорить о том, что первое в мире пособие по политической географии было написано в Санкт-Петербургском университете в середине XVIII в. Тем не менее политическая география — наука относительно молодая, ее предметное поле продолжает уточняться, а методы исследования совершенствоваться. Крайне важно, как нам кажется, чтобы такие еще формирующиеся дисциплины обеспечивались не только учебниками, но и хрестоматиями, отражающими содержание живой дискуссии в этой отрасли знаний. Значительный опыт осмысления политического пространства российскими учеными на протяжении последовавших трех столетий позволяет нам заявить о сложившейся самобытной российской школе политической географии. Данная хрестоматия является слепком развития данной школы на современном этапе — в первой четверти XXI в.

К началу 2020 г. в России сложилась первичная научная инфраструктура политической географии. Ее лидерами, пожалуй, стоит считать Лабораторию геополитических исследований Института географии РАН (под руководством В.А. Колосова) и кафедру региональной политики и политической географии Санкт-Петербургского государственного университета (объединяющую учеников Н.В. Каледина). Также кафедры и научные центры, в своем названии прямо обозначающие свой политико-географический или геополитический профиль есть в Московском государственном университете (Лаборатория регионального анализа и политической географии на географическом факультете и кафедра геополитики на факультете глобальных процессов), Сибирском федеральном университете в Красноярске (кафедра глобалистики и геополитики), Кубанском государственном университете в Краснодаре (кафедра экономической, социальной и политической географии) и Институте географии им. В.Б. Сочавы СО РАН в Иркутске (Лаборатория георесурсоведения и политической географии).

Политическая география в России развивается по синусоиде: относительные пики в 1900–1920 и 1990 гг. сменялись долгими периодами затишья. В последнее время, на наш взгляд, намечается ренессанс интереса к политико-географическим исследованиям в России. Новая межфакультетская магистерская программа по политической географии открывается в СПбГУ, обновленное звучание общественной, в том числе политической географии пытаются придать на недавно открытом при участии Института географии РАН факультете географии и геоинформационных технологий НИУ ВШЭ.

Переформатирован Институт геополитических и региональных исследований БФУ, открылись перспективные Научно-учебная лаборатория по политической географии и современной геополитике в НИУ ВШЭ и Центр пространственного анализа международных отношений в МГИМО. Помимо организационных преобразований следует отметить, что выпущено или готовится к публикации новое поколение российских учебников по политической географии, издана фундаментальная монография по географии российских границ, вышли важные тексты по истории самобытной российской школы политической географии, появилось несколько интересных наработок в других отраслях дисциплины. К сожалению, приходится констатировать, что эти позитивные изменения происходят на фоне общего сокращения числа кафедр социально-экономического профиля в вузах страны (особенно региональных).

Повышающийся интерес к проблематике политической географии ставит перед нами требование содержательного и методологического переосмысления дисциплины. На наш взгляд, в духе обозначенной в свое время на Западе «новой политической географии» такое переосмысление должно идти по пути активного внедрения в политическую географию точных качественных и количественных методов исследования. В частности, возможно более широкое:

- внедрение ГИС-моделирования и картографирования для политико-географических исследований, требующее создания открытой базы данных шейп-файлов (и их аналогов) с данными о государственных и административных границах, электоральных округах и других политико-географических элементах;
- использование при проведении политико-географических экспедиций кодифицированного включенного наблюдения или экспертного интервьюирования с последующим картографированием по *GPS*-координатам результатов экспедиций с расчетом частотности пространственного распределения релевантных наблюдений;
- включение математического моделирования и пространственной эконометрики (в первую очередь в части расчета глобальных и локальных показателей пространственной автокорреляции, географического разрыва регрессии и инверсивного географического кластерного анализа) для оценки эффекта места и соседства в политических процессах на локальном, национальном и глобальном уровнях;
- переход от дискурс-анализа политико-географических нарративов к методам пространственного анализа территориального распределения дискурса.

Предполагается, что стоящие методологические вызовы потребуют и более тесной научной кооперации, а скорее, даже продолжения институционализации политико-географического профессионального сообщества в России. В этой связи казалось бы логичным создание комитетов по политической географии при Санкт-Петербургском и Московском отделениях Русского географического общества. По аналогии с исследовательской группой по политической географии Королевского географического общества Великобритании, специальной группой по политической географии Американской ассоциации географов, комиссии по политической географии и геополитике Французского национального комитета по географии, рабочей группы по политической географии Немецкого общества географии такие комитеты могли бы, помимо семинаров и конференций, курировать создание единого хранилища цифровых политико-географических данных и поощрять лучшие тематические книги, диссертации и статьи прежде всего молодых исследователей. Инициатива межфакультетской магистерской программы СПбГУ могла бы быть дополнена инициативами по созда-

нию сетевой межвузовской образовательной программы по политической географии (скажем, с участием МГУ, МГИМО или других вузов). Сложной, но необходимой задачей остается создание узкого профильного профессионального научного журнала по политической географии (возможно на базе одного из уже существующих изданий при его переименовании и переформатировании). Надеемся, что и данная книга послужит делу консолидации российского политико-географического сообщества.

В основу отбора текстов для данного пособия нами были положены несколько важных, на наш взгляд, принципов. Во-первых, данная хрестоматия представляет собой собрание ключевых теоретических текстов по политической географии, опубликованных российскими учеными в научных журналах и сборниках, не утративших актуальности в силу своего обобщающе-теоретического характера. Такая концепция исключила появление в хрестоматии текстов, посвященных различным отдельным примерам и узким вопросам политической географии, в частности, российского пространства. Во-вторых, собрание не включает идеологизированных и философских текстов, в том числе в рамках «геополитической» традиции, фокусируясь только на академических исследованиях со строгой методологической рамкой. В-третьих, пособие не ограничено жесткими хронологическими рамками, но тем не менее не отражает генезис российской школы политической географии, останавливаясь только на новейшем этапе ее развития. Особенности использования авторского права не позволили включить работы недавно ушедших от нас выдающихся современников, таких как, С.Б. Лаврова, О.В. Витковского, Л.В. Смирнягина и некоторых других. И наконец, мы не претендуем на всеохватность имен, тем и текстов, задача книги состоит в том, чтобы дать студенту к каждому семинару две-три ключевые работы, которые разовьют его знания о предмете анализа, почерпнутые из учебника.

Для этого учебного издания мы постарались отобрать наиболее яркие статьи авторов по политической географии, в большинстве своем являющиеся по первому образованию географами, получившими его, как правило, в Москве или Санкт-Петербурге (Ленинграде). Эти две столицы, безусловно, могут оспорить право называться отчим домом отечественной политгеографии и продолжают достойно, на высоком уровне представлять эту науку. Тем не менее, современная российская политическая география давно перешагнула границы двух столиц, и в сборнике вы найдете тексты авторов из Калининграда, Ростова-на-Дону и Владивостока. Многие ученые, чьи работы мы размещаем в хрестоматии, стали в дальнейшем кандидатами и докторами отнюдь не географических, а политических наук, доказывая этим, что география всегда была наукой комплексной, междисциплинарной, свободно интегрирующейся в различные области знаний, что является одновременно ее как сильной, так и слабой стороной.

По задумке составителей хрестоматии, она является органическим продолжением учебника МГИМО по политической географии[1], и, как следствие, структура хрестоматии выстроена в логике учебника. В то же время, хрестоматия может использоваться как дополнительное пособие к учебникам, широко используемым в российских вузах (И.М. Бусыгиной[2], Н.В. Каледина и Н.М. Михеевой[3], В.А. Колосова и Н.С. Мироненко[4], Р.Ф. Туровского[5] и др.).

---

1 *Окунев И.Ю.* Политическая география. М.: Аспект Пресс, 2019.

2 *Бусыгина И.М.* Политическая география. Формирование политической карты мира. М.: Аспект Пресс, 2020.

3 География мира: В 3 т. Т. 1: Политическая география и геополитика / Отв. ред. Н.В. Каледин, Н.М. Михеева. М.: Юрайт, 2018.

4 *Колосов В.А., Мироненко Н.С.* Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2001.

5 *Туровский Р.Ф.* Политическая география. Смоленск: СГУ, 1999.

Следуя канве учебника МГИМО по политической географии, мы подобрали работы ученых таким образом, чтобы студенты, знакомясь с его разделом, могли тут же обратиться к лучшим (на наш взгляд) образцам отечественной научной мысли, отражающей то или иное направление политической географии.

Для **вводного раздела** (гл. 1), посвященного предметному полю и истории политической географии, мы выбрали программные статьи видных ученых политгеографов: тексты доктора политических наук И.М. Бусыгиной «Судьба географических знаний в политической науке и образовании», опубликованной в «Полисе» в 2003 г., доктора политических наук Р.Ф. Туровского «Геопространство и метапространство: географические методы в политологию» (журнал «Метод», 2015) и представителей петербургской школы А.Б. Елацкова и Н.В. Каледина «Историческое развитие отечественной политической географии и геополитики» («Псковский регионологический журнал», 2019).

Статья И.М. Бусыгиной посвящена проблеме поиска идентичности в современной географической науке и применимости географических знаний в политологии. С ней перекликается по своей идее работа Р.Ф. Туровского, который пишет о возможности интеграции географических знаний и политологии, при этом он вырабатывает оригинальные концепты гео- и метапространства, предлагая новые подходы к изучению политического пространства и регионов. Как и многие географы, Р.Ф. Туровский — сторонник системного подхода. А.Б. Елацков и Н.В. Каледин, используя в своей работе исторический, деятельностно-геопространственный и структурно-генетический подходы, сделали акцент на происхождении, хронологии и особенностях развития политической географии и геополитики в российской науке и образовании, начиная от Академического университета (прародителя СПбГУ) и до наших дней.

Следующий раздел (гл. 2) посвящен **глобальным геополитическим системам**, и в фокусе этого раздела — работы по теоретической геополитике. Это статья профессора И.М. Бусыгиной, написанная в соавторстве с И.Ю. Окуневым, «Пространственное распределение силы и стратегии государств, или что и как объясняет геополитика», опубликованная в журнале «Полис» в 2014 г. Работа известного петербургского ученого в области геополитики Б.А. Исаева «Геополитика классическая и современная» увидела свет в «Полисе» в 2011 г., московская геополитическая школа представлена доктором политических наук М.Н. Грачевым, статья «Геополитическое моделирование как разновидность структурно-функционального анализа мировой политики», доклад по которой был сделан на научной конференции в Санкт-Петербурге в 2011 г. И, наконец, еще одна публикация — А.Б. Елацков «Политическое геопространство как объект исследования» опубликована в географической серии «Вестника СПбГУ» в 2013 г.

Геополитика как одно из направлений политической географии (иногда ее представляют самостоятельной наукой, а некоторые «международники» считают ее частью направления «международные отношения») в нашей стране имеет неоднозначную репутацию, доставшуюся ей еще с середины прошлого столетия. Именно вопросы переосмысления данной дисциплины, поиска значимости географических факторов в международных отношениях отражены в статье И.М. Бусыгиной и И.Ю. Окунева. В своей работе Б.А. Исаев предпринял попытки анализа становления геополитики, сравнения классических и современных научных школ, идей и теорий. Анализу влияния географических факторов на внешнюю политику государств и геополитическому моделированию отведена основная роль в исследовании М.Н. Грачева. Одной из важнейших особенностей государства, которую изучает геополитика, является географическое положение и его различные виды. Этим видам, а также изучению динамики, типов и форм проявления географических отношений (как обязательного компонента геополитического отношения) в пространстве посвящена статья А.Б. Елацкова.

В разделе об **интеграционных объединениях** (гл. 3) мы сочли возможным разместить работу Н.А. Косолапова, историка по образованию, опубликованную в журнале «Международные процессы» в 2007 г. В ней раскрываются такие понятия, как «пространство» (не тождественно «территории»), в частности «международное пространство», на которое большое влияние оказывает феномен глобализации. По мнению автора, важной особенностью глобализации является переплетение глобальных, региональных и общестрановых пространств и уменьшение общего количества пространств. Здесь же представлено исследование известного специалиста в области зарубежного регионоведения профессора А.Д. Воскресенского «Регионализация в современных международных отношениях», посвященное анализу новых трендов, обусловленных регионализацией и макрорегионализацией в мировом пространстве и связанных с ними концепциях регионализма и региональных комплексов, на основе которых изучается мировая политика.

Раздел «**Государства**» (гл. 4) открывает публикация профессора М.В. Ильина «Возможна ли универсальная типология государств?» в журнале «Политическая наука» (2008), которая, на наш взгляд, наиболее полно отражает проблему создания универсальной типологии государств, аналога периодической системы Д.И. Менделеева. Крайне разнообразные по своей природе, функциям, устройству государства очень сложно уложить в одну-единственно правильную схему. В эту же главу мы поместили две работы, отражающие более частные, но весьма интересные случаи государственного устройства: это исследование двух географов Института географии РАН А.Б. Себенцова и В.А. Колосова (Полис, 2012), посвященное феномену неконтролируемых территорий, диффузия которых на политической карте мира значительно шире, чем принято считать. Авторы классифицируют виды контроля над территориями, выделяют типы неконтролируемых территорий, отмечают причины их формирования. Публикация доктора экономических наук Е.Ю. Винокурова в журнале «Мировая экономика и международные отношения» (2002) сфокусирована на таком распространенном на политической карте мира явлении, как анклав (в данном случае рассматриваемый как составная часть территориальной структуры государства), его современном состоянии, рассматриваются типы анклавов, их роль в мировой политике и экономике.

В следующий раздел вошли работы коллег, которые, на наш взгляд, отражают **свойства территории государства** (гл. 5). Здесь закономерна статья доктора географических наук из Владивостока В.Г.Шведова, опубликованная в 2013 г., в которой рассматривается территория государства как объект географического исследования. По мнению автора, государство характеризуют геосистемный характер, его уникальные параметры и конфигурации. В статье А.И. Трейвиша в журнале «Региональные исследования» (2015) рассматриваются взаимосвязи между категориями «геопространство», «информация», «мобильность» и «модернизация». Значительный акцент сделан на разнообразии и явлении пульсации социально-географического пространства, выявлены типы пульсаций, доказана константа географии для исследований модернизации и пространства. Вышедшая недавно работа доктора географических наук из Ростова-на-Дону А.Г. Дружинина посвящена влиянию «фактора моря» на территориальную организацию общества; автором предпринята попытка систематизации приоритетных направлений исследований по морской тематике с учетом возможности «мореориентированности» России.

От свойств территории государства переходим к его **составу** (гл. 6) — еще одному традиционному разделу политической географии. В его логику укладывается публикация Ф.А. Попова в географическом журнале «Региональные исследования» (2015), посвященная анализу центростремительных процессов, происходящих в мировом политическом пространстве. Автор изучает сецессионизм в самом широком смысле

этого понятия, справедливо полагая, что «двуглавый феномен» имеет значительное распространение и влияние на мировую политику. Перекликается с данным исследованием статья его коллеги Д.В. Зайца «Географические типы сепаратизма», написанная значительно раньше, где автор скрупулезно описывает и типологизирует с политико-географической точки зрения сепаратизм, которому в свое время он посвятил кандидатскую диссертацию.

Вопросы **международных** и **зависимых территорий** (гл. 7) нашли отражения в работах доктора политических наук А.В. Фененко и доктора экономических наук В.Л. Иноземцева, опубликованные в журналах «Международные процессы» (2010) и «Полис» (2013) соответственно. Проблема международных территорий наиболее широко освещена в статье Фененко, где речь идет о потенциальном и реальном соперничестве государств за так называемые общие пространства: воздушное, космическое, информационное, Мировой океан. Отдельного внимания, по мнению автора, заслуживают Арктика и Антарктика. Анализу истории европейской колонизации и зависимых территорий посвящена работа В.Л. Иноземцева. В дискуссионном ключе автор предлагает теоретический подход к различению понятий: колонии и зависимые территории, постколониальное развитие и постзависимость, вестернизация и глобализация. Скорее задавая вопросы, чем вы давая готовые ответы, он предлагает подумать и полемизировать вместе с ним, что, на наш взгляд, является одним из ценных этапов обучения: дать возможность студенту самому заняться поиском ответа, а не мыслить уже предложенными авторами, пусть и маститыми учеными, готовыми решениями.

Разумеется, в хрестоматии невозможно было обойти такую очень географическую, и вместе с тем междисциплинарную, тему, как **столицы** и **центры** (гл. 8). Для этого раздела мы выбрали статьи географа С.А. Тархова (2007) , экономиста А.А. Овсянникова (2009) и философа В.И. Россмана (2013) (все авторы — доктора наук, признанные авторитеты в своих областях знаний). С.А. Тархов предпринимает попытку типологизации мировых столиц в зависимости от размера, ранга в иерархии, анализирует такие понятия, как гипотрофия и гипертрофия центров государств. А.А. Овсянников анализирует трансформацию концепта столичности под влиянием социокультурных изменений, происходящих в обществе. На примере Москвы автор показывает, что к ранее существовавшим традиционным атрибутам столичности добавляются новые, такие как имидж, бренд и т.д. Достаточно злободневной теме, не исчезающей с повестки дня, когда речь заходит о столицах, а именно об их переносе, посвящена статья Россмана. В ней автор актуализирует содержание академической и политической дискуссии о столицах, их статусе, потенциале развития, апеллируя к богатому мировому опыту, не забывает и о России.

Безусловно, одной из обширных тем в исследованиях политической географии является изучение границ и все, что с ними связано. Этим и объясняется то, что в разделе «**Границы** и **размежевания**» (гл. 9) были объединены работы известных географов, которые так или иначе на протяжении своей научной жизни занимаются вопросами лимологии. В первую очередь, эта статья В.А. Колосова, опубликованная в 2008 г. и посвященная эволюции теоретических исследований политических границ, анализу этапов развития государственных границ за последние сто лет. Говоря о границах вообще, нельзя обойти вниманием феномен фронтира, как особого исторического, социального, культурного явления, сыгравшего огромную роль в формировании отдельных государств (в первую очередь, США и России). Значимости границ в целом и фронтира в частности и посвящена работа Д.С. Панариной (История и современность, 2015).

Поскольку границы не существуют сами по себе в безвоздушном пространстве, а являются соединительными или разделительными линиями между регионами, госу-

дарствами, мирами, цивилизациями, то важным объектом изучения являются приграничные и трансграничные территории. В своей статье П.Я. Бакланов исследует районы, которые обладают большим потенциалом интеграции государств, граничащих друг с другом. Автор выделяет факторы, благодаря которым складывается весь потенциал приграничья. По его мнению, трансграничность (складывающаяся из приграничных территорий соседних государств) может выступать значимой предпосылкой установления международного сотрудничества и развития территорий. Похожей тематикой занимаются ученые Балтийского федерального университета Г.М. Федоров и В.С. Корнеевец. На протяжении многих лет в фокусе их внимания остается Балтийский регион как яркий пример международного региона. В статье, размещенной в настоящем издании, исследуется роль и место трансграничных регионов как одного из видов международных регионов в системе сотрудничества соседних государств, которые являются субъектами, формирующими политические трансграничные регионы.

Электоральной географии отведен значительный пласт отечественных исследований самых разных областей знаний, поэтому мы посчитали необходимым разместить в разделе «**Электоральная география**» (гл. 10) две работы политологов Высшей школы экономики А.С. Ахременко и Р.Ф. Туровского. Во включенном в сборник отрывке из учебника по политической географии Р.Ф. Туровского предлагается обобщение предметного поля географии голосований и систематизация так называемых «эффектов» электоральной географии. В статье А.С. Ахременко исследуется понятие электорального пространства, изучается возможность использования пространственного анализа для электоральных процессов. Автор выделяет основные факторы структурирования электорального пространства и осуществляет попытку инструментализации и операционализации данного метода для дальнейшего использования в сравнительных исследованиях.

Еще одним важным с политико-географической точки зрения является глава, посвященная **регионам** и **муниципалитетам** (гл. 11). Статья Н.М. Межевича открывает раздел статьей, в актуальном ключе рассказывающей о регионе как важной категории научного дискурса. Автор придерживается понятия региона как сложного комплексного понятия, которое он вкладывает в данный концепт, важной предпосылкой формирования которого «является наличие специфики экономического, этнографического, конфессионального, социально-культурного состава, особый характер политической организации общества и властных элит». Рассматриваются понятия «регионализм» и «регионализация», выделяются общие и специфические черты западного и российского регионализма. Исследование С.А. Тархова посвящено административно-территориальному делению государства как основе политико-территориального устройства страны. Автор выделяет основные направления изучения АТД именно с точки зрения географии (иерархия единиц, конфигурация сетки, размеры административно-территориальных единиц, пространственное районирование территории и т.д.), обозначает количественные и пространственные параметры АТД, выявляет основные этапы и тенденции эволюции систем АТД на страновом уровне (на примере России).

Еще две работы отражают разные аспекты локальной политики и местного самоуправления: статья доктора философских наук В.Г. Ледяева, посвященная теории городских режимов (Социологический журнал, 2006), и доктора экономических наук А.Н. Швецова, рассматривающего структурные преобразования муниципального пространства (Регион: экономика и социология, 2018). В своем исследовании В.Г. Ледяев подвергает тщательному анализу теории городских политических режимов, развивавшихся на примере обобщения опыта локальной политики американских и европейских городов. Автор изучает потенциал применения данных теорий к современной России. Муниципальное пространство постсоветской России не раз подвер-

галось разного рода трансформациям, часто целенаправленно на разных государственных уровнях. Поиск ответа на вопрос о причинах таких изменений в структурной организации данного пространства, его содержании и последствиях ведется в работе А.Н. Швецова. Автор сопоставляет процессы, происходящие в России, с зарубежным опытом и предлагает каждое структурное изменение пространства сопровождать тщательной квалифицированной экспертизой, оценкой эффективности, основанной на системных оценках эффективности таких преобразований.

Финальной частью хрестоматии является крайне важная метапредметная тема **пространственной идентичности** (гл. 12), изучением которой занимаются как географы, так и культурологи, ученые-обществоведы и политологи. Именно этим разделом мы хотели бы закончить наше издание, наглядно показав, что политическая география действительно является комплексной и универсальной дисциплиной. Разумеется, мы не могли обойти своим вниманием двух ученых, которые посвятили большую часть своей жизни изучению пространства как комплексного явления, доктора культурологии Д.Н. Замятина (о метапространстве) и кандидата географических наук Н.Ю. Замятиной (о моделях политического пространства). Д.Н. Замятин исследует разные аспекты пространства, его трактовки в разное время и эпохи (географическое, политическое). Автор вводит понятие «политико-географические образы», исследуя их в международных отношениях, на различных примерах, а также применительно к внешней политике России. Используя геополитику образов, он показывает, как можно интерпретировать значимые события и формировать метапространства, в том числе и по отношению к России. Н.Ю. Замятина в своей статье анализирует различные подходы к осознанному или подсознательному структурированию пространства. Кроме объективного и субъективного подходов, она выделяет еще и другие критерии, выбор которых влечет за собой формирование целостной системы пространственных представлений.

Финализирует раздел работа доктора географических наук из Санкт-Петербурга К.Э. Аксенова, посвященная трансформации общественно-географического пространства. Исследователь вводит понятие пространственно-временной системы, в которой пространственные и временные свойства элементов могут менять сущность образующих эту систему явлений и процессов. Под такой системой можно понимать трансформацию общественно-географического пространства.

Завершая вступительное слово, хочется подчеркнуть, что мы постарались собрать под одной обложкой работы различных авторов[1], кто-то из них имеет прямое отношение к политической географии, посвятив ей всю жизнь, кто-то получил только географическое образование, впоследствии перейдя в другую сферу знаний, у кого-то профессиональные интересы лежат совершенно в другой области. Это позволяет говорить о том, что политическая география умеет вовлекать в свою сферу профессионалов из самых разных отраслей знаний, являясь уникальной междисциплинарной и комплексной наукой, захватывающие открытия в которой, по нашему глубокому убеждению, еще впереди.

И.Ю. Окунев,
М.Н. Шестакова

---

[1] Использованные работы были написаны авторами в разное время, и на момент публикации хрестоматии могут не отражать современную геополитическую ситуацию. Вероятно, взгляды авторов также могли измениться, однако составители хрестоматии сочли возможным не менять авторский текст и оставить его таким, каким он был опубликован впервые. Все материалы печатаются с письменного разрешения авторов и издательств.

ГЛАВА 1

Введение в политическую географию

Судьба географических знаний в политической науке и образовании

Геопространство и метапространство: географические методы в политологии

Историческое развитие отечественной политической географии и геополитики

1. Каковы причины появления критической географии?
2. Почему, согласно Д. Харви, дорога важнее деревни? Чем обусловлено изучение географией не только «мира мест», но и «мира потоков»?
3. Насколько широко географические знания сегодня используются в политической науке?

И.М. Бусыгина

СУДЬБА ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ*

A place for everything and everything in its place.
S. Smiles[1]
Geography is too important to be left to geographers.
D. Harvey[2]

Общество, неизбежно структурированное пространственно, не может не испытывать потребности в различного рода географических знаниях, а следовательно — и в самой географии как одном из подходов к миропониманию и мировосприятию. Недаром по-английски *to take place* дословно — «занимать/брать место» и одновременно — «состояться». Таким образом, чтобы состояться, надо иметь место. То же и в русском языке: «имеет место» — значит наличествует, присутствует.

Политология, как и другие общественные дисциплины, производит и истолковывает информацию, имеющую выраженную пространственную, географическую составляющую. Ключевой вопрос здесь — в адекватных интерпретациях знаний о пространстве при анализе политических процессов и явлений, в поиске ориентированных на нужды политической науки дефиниций для «места» и «пространства».

Географические знания занимают центральное место во всех формах политического действия, а значит — и политического анализа. Географическое невежество может оказаться крайне пагубным и для политика, и для эксперта-политолога. Именно «повернутость спиной» к географии, непонимание российского пространства и есть причина того, что интересы политических игроков, действующих в центре, сегодня патологически не совпадают с горизонтальными, пространственными интересами общества, которые зачастую вообще не принимаются в расчет.

Речь, естественно, идет не о том, что политолог должен быть географом (а географ — политологом) и знать «все обо всем» — в противном случае ламен-

* *Бусыгина И.М.* Судьба географических знаний в политической науке и образовании // Полис. Политические исследования. 2003. № 1. С. 149–158.

тации, да и сама тема становятся надуманными, если не просто смехотворными: дескать, политологи занимаются политологией вместо того, чтобы заниматься географией. Нет, речь идет о необходимости географического знания и географического воображения в политической науке — о том, как возможно «мыслить подобно географу», поскольку политическая нейтральность географических знаний всегда была и будет фикцией.

Данную статью ни в коем случае не нужно воспринимать как некий «коллективный голос» географов или близкой к географии «общественности». Я никого не представляю, лишь делаю попытку суммировать собственный опыт географа в политологии (в ее исследовательской и образовательной ипостасях), учитывая, что один из важнейших общественных сдвигов последнего времени заключается в коренном изменении условий и обстоятельств для производства и передачи знаний.

Географическа наука: история и современное состояние

Дабы уяснить, какую роль могут/должны играть географические знания в политической науке, необходимо, хотя бы тезисно, остановиться на современном положении географической науки за рубежом и в России (что, в свою очередь, невозможно без краткого экскурса в историю). Как оценить потенциальный вклад (российской) географии в политическую науку, исходя из ее, географии, состояния? Отмечу, что вопрос касается не междисциплинарных исследований, работ, как говорится, «на стыке» (выражение, которое не отражает природы феномена, но применяется за неимением лучшего) двух предметных областей, а ценности географических знаний для собственно политологических штудий.

Традиционно географические знания носили преимущественно фрагментированный характер; при этом одно из базовых представлений состояло в том, что знания, полученные в ходе географических изысканий, имеют выраженную специфику, отличаются от всех других. Суть отличия следующая: географические знания не поддаются генерализации и систематизации; в географии нет ни общих законов, ни общих принципов, это наука о «случаях». По мнению известного американского географа Р. Хартшорна, география — идеографическая наука, использующая индивидуализирующий метод при описании уникальных явлений[3] [см.: Туровский, 1999: 20]. Таким образом, можно констатировать, что география сильна не единством объекта/предмета, но единством метода. Однако подобная констатация лишь регистрирует, а не решает глубинную для географии проблему — проблему идентичности, которой не может быть лишена дисциплина, простирающаяся от палеогеографии, геоморфологии и климатологии до постмодернистских версий культурной географии.

У тезиса о специфичности географических знаний есть не только сторонники, но и противники. Один из них — знаменитый географ Д. Харви — настаивает на необходимости более систематизированного подхода к географическому знанию, поиска и вычленения новых, «сильных» географических идей, которые служили бы своего рода каркасом в географии и для географии [Harvey, 2001: 6]. Академическая география была, по выражению Харви, «незаконнорожденным ребенком Просвещения», оставаясь либо в тени других научных направлений, либо отражая

и даже усиливая далеко не лучшие его стороны[4]. Она «ставила большие вопросы, но слишком часто давала тривиальные ответы» [Harvey, 2001: 112].

Кризис географии побуждает Харви заняться выстраиванием рамок новой, так называемой критической географии, ориентированной на поиск общих принципов и механизмов производства географических знаний и пытающейся понять, как, когда и с какой целью отдельные их формы используются политическими акторами. Ученый признает и обосновывает наличие динамической взаимосвязи между политическими процессами и институтами и разного рода географической информацией.

В контексте данной работы более важными, однако, представляются не проблемы выживания географии как самостоятельной научной дисциплины, не способы преодоления ею внутреннего кризиса и обретения собственного лица, но определение внешней роли географии, ее «выходы» на политологию.

Здесь следует подчеркнуть, что география развивалась параллельно с историей общества, в которой были укоренены (и которой были стимулированы) основные географические открытия, идеи, подходы. Другими словами, содержание и форму географических знаний невозможно понять в отрыве от социальной базы их производства и использования — все в свое время и на своем месте. Мы легко заметим, что, несмотря на отсутствие генерализации (проблема, не вызывавшая в XIX столетии особого беспокойства), география традиционно занимала более почетное положение в культуре ведущих европейских стран — Франции и Германии, была тесно связана с политическими и экономическими проблемами[5].

В конце XIX в. раздел мира на сферы влияния породил серьезные геополитические проблемы; борьба за доступ к природным и трудовым ресурсам и контроль над рынками были в конечном счете борьбой за территорию. Появившиеся в то время работы Ф. Ратцеля[6], а позже К. Хаусхофера, развивавшего ратцелевскую идею «жизненного пространства» государства, как известно, послужили базой для разработки геополитических стратегий империалистической экспансии Третьего рейха. В 1904 г. английский географ и политик (!) сэр Х. Маккиндер, исходивший из представлений о мире как о географическом и политическом целом, сформулировал одну из наиболее влиятельных глобальных геополитических концепций [Отечественные записки, 2002: 24–25]. В целом географические знания того периода содержали сильнейшую идеолого-политическую «начинку».

После Первой мировой войны географические изыскания в Западной Европе и США постепенно теряют масштаб и глубину, превращаясь по преимуществу в дескриптивные штудии — «кейсы» социальных и естественных форм, располагающихся в неком «абсолютном» неподвижном пространстве. Географические (и географо-политические) подходы к пространству стагнируют, пространственный язык в исследованиях «засушивается» и умирает [Smith, Katz, 1993: 74–75]. С течением времени изменения в фокусе и подходах к исследованиям приобретают все более кардинальный характер. Во-первых, география становится радикальнее, усиливается влияние марксистской метатеории. В 1960–1970-е годы представления о первичности экономического базиса общества и вторичности социальных, политических и культурных форм, так же как и об очевидных, резко выраженных географически «несправедливостях» капитализма разделяют многие западные географы [см.: Smith, 2000: 3]. Во-вторых, что еще важнее в данном контексте, география дробится, съеживается и уже не замахивается на крупные проблемы. В географических специальностях идет процесс «профессионализации», и географы сосредоточивают свое внима-

ние на том, что Харви называет «техникой и механикой городского, регионального и экологического менеджмента» [см.: Harvey, 2001: 30], утратив роль «синтезаторов» знаний в их пространственном аспекте. Сказанное относится прежде всего к так называемой прикладной географии, однако и в академической своей ипостаси география не смогла отвоевать достойное место в научном разделении труда; в настоящее время она по большей части выполняет функции некоего «субстрата», «оплодотворяющего» иные науки знаниями о пространстве. Отсюда — нарастающее напряжение между географией как научной дисциплиной и географией как способом накопления, использования и интерпретации определенного рода информации.

И все же географические знания не остаются невостребованными. Более того, всеобъемлющие экономико-политико-культурные процессы, именуемые «глобализацией», серьезнейшим образом зависят от накопления и интерпретации географических знаний. Именно здесь география проявляет себя как особый способ познания, который «пронизывает» политические и социальные явления, влияя тем самым на общий ход и характер общественного развития. Возникает взаимосвязь между политическими, экономическими и социальными трансформациями и географическими знаниями. Анализ процессов глобализации, «освобожденный» от географической специфики, обернется абстрактным и отчужденным умствованием. В свою очередь география, невдохновленная/необогащенная глобалистским видением, превратится либо в чистую дескрипцию, либо сведется к пассивному инструменту для прикладников.

На протяжении последних ста лет конец пространства как одного из ключевых факторов жизни общества предсказывался неоднократно. Дебаты о смысле глобализации возвращают нас к этой теме: негеографы говорят о резком падении значимости «фактора территории» вследствие происходящих структурных сдвигов. Глобализация не отменяет территорию, но трансформирует концепцию территориальности: контроль над потоками и сетями становится важнее прямого контроля над физической территорией. Глобальная перестройка сказывается не только на роли места, но и (по мере усиливающейся пространственной неравномерности развития) на относительной «цене» мест по отношению друг к другу.

«Это место исчезло... Теперь имеют значение не поля, не горы, а дорога. Не будет деревни как места самого по себе. Будет просто название, через которое вы проезжаете, дома вдоль дороги. И там вы будете жить, имейте в виду. Вдоль дороги»,— говорит один из героев Р. Вильямса [см.: Harvey, 2001: 171]. Действительно, территория в прежнем своем понимании «заканчивается», но меняется не само место, а интерпретация, так что место немедленно обретает новый смысл. Все места выстраиваются вдоль дороги (на самом деле — вдоль многих дорог), не переставая при этом сохранять своеобразие. Мы являемся свидетелями (и одновременно — неизбежными участниками) глокальной реорганизации пространства, реорганизации, суть которой в превращении мира ранжированных вдоль одномерной шкалы — от «развитых» до «отсталых» — мест в мир неповторимых пространственных ситуаций, образованных наложением глобальных потоков на местные/региональные особенности [Согомонов, 2001: 66-67]. Идет погружение «мира потоков» в «миры мест», сопровождающееся «истончением», по выражению Р. Сэка, но не исчезновением, последних [Sack, 1997: 248]. Эти сдвиги со своей стороны вызывают реакцию — местную/региональную социально-политическую мобилизацию, формы которой ориентированы на логику развития конкретного

места [Agnew, 1987: 32–33]. Последствия глобальной перестройки и местная локально-ориентированная среда переплетаются, накладываются друг на друга; влияние глобальных процессов опосредуется локальными/региональными факторами. Прекрасное подтверждение сказанному (и важное свидетельство размывания традиционной концепции территориальности) я вижу в появлении «регионов-государств» (*region-states*), пространственно локализованных зон массированных инвестиций, рассекающих национальные границы [Biersteker, 1999: 35].

География, таким образом, должна изучать не только «мир мест», но и «мир потоков» — поле, которое активно осваивается на Западе, но не постигнуто российской географией — ни методически, ни методологически. Характерный пример приводит Л.В. Смирнягин: Госкомстат публикует интереснейшие матрицы, отражающие перевозки товаров (по 580 товарным группам!) из всех районов производства во все районы потребления. Это и есть география потоков! Уже ряд лет такие матрицы имеются в открытом доступе, тем не менее серьезные публикации практически отсутствуют[7].

Постсовременный мир постепенно выстраивает неведомую ранее систему отношений, построенную на иной этике, один из компонентов которой — пространственный, артикулирующий новые принципы: территориальности и коммунитаризма [Согомонов, 2001: 74–75]. Пространственная этика подразумевает географическое видение мира. Об этом красиво пишет Р.Д. Сэк: «Мы географичны, и будем улучшаться, если будем мыслить географически» [Sack, 1997: 252]. Пространственные воображение и этика предусматривают отказ от двойной иллюзии: от восприятия пространства как застывшей, мертвой формы и от полной его дематериализации, абстрагирования от пространственного фактора в принципе.

Роль и смысл географии (и, в частности, пространственного дискурса) недооцениваются во внешнем для науки мире. Но и география недооценивает сама себя. Она обладает крайне важной особенностью, однако не использует ее: речь идет о диффузном присутствии географических знаний в «теле» других дисциплин, включая политологию (происходит, естественно, и обратный процесс: мощная экспансия иных дисциплин, в том числе политологии, в географию). Обладая этой специфической позицией, география могла бы не только «прислоняться» к прочим наукам, но порождать и стимулировать научные новации. Иначе магистральная судьба географии — «окукливание» в качестве традиционного школьного предмета. Не более.

Политология сегодня («посвященные играют в свои маленькие игры…»)

Подобно тому как это делается в географии и других научных дисциплинах, эволюцию политической науки следует рассматривать в контексте нужд и запросов общества, которые, что важно, меняются не только во времени, но и в пространстве, от социума к социуму. Так, состояние отечественной политологии, казалось бы, должно отражать состояние российского общества, ибо, согласно высказанному тезису, она «вырастает» из его потребностей. Однако этого не происходит по крайней мере в одном аспекте: общественное развитие дифференцировано территориально, в то время как политическая наука *per se* развивается вне географического контекста, не предполагает наличия и, тем более, ценности про-

странственного воображения. «Политология не умеет синтезировать пространственные процессы, но не догадывается об этом»[8].

Б. Гройс называет географию шифром, ключом к подсознанию россиян [Гройс, 1991: 20]. И это не «географические фанфаронады», но признание значимости данного фактора для России, страны «странников, скитальцев и искателей». Я глубоко убеждена в том, что без серьезного освоения географии, в частности морфологии российского пространства, понять сегодня ее политическую среду невозможно. Наша политическая жизнь, во-первых, пространственна по характеру, а во-вторых, определена самой природой российского пространства, его феноменальной дифференцированностью. Пространство — активный несущий компонент властных отношений, их (ре)конфигурации, фрагментации, консолидации; оно отражает асимметричность таких отношений. Так что обращающийся к России (особенно к России политической) вынужден обращаться к пространству, и тем не менее и элита, и общество игнорируют знания о нем, не признают необходимости его осмыслить[9].

Мне представляется, что российское политологическое сообщество продвинулось в своем формировании довольно далеко, во всяком случае контуры его обрисовываются уже вполне четко. Само по себе это нормально и даже хорошо, но, боюсь, придется несколько омрачить праздник. Вероятно, процесс становления протекал излишне быстро и бурно, а потому сопровождался перекосами. Наиболее существенный из них состоит, на мой взгляд, в том, что политическая наука в России рискует превратиться в «закрытый цех», куда не допускаются «непосвященные». Это действительно тяжелая проблема, типичная не только для российской науки. «Закрытые цеха», по выражению Р. Дарендорфа, оказываются «удобным обиталищем для тех, кто в них входит. Посвященные играют в свои маленькие игры... Биофизики обращаются к биофизикам, политологи — к политологам, и даже историки — некогда выпускники открытых школ и поборники общедоступного образования — приобретают привычку вести свои частные игры по пересмотру и восстановлению трактовок исторических событий» [Дарендорф, 1997: 7].

Проблема «закрытого цеха», непогрешимости знания вырастает в одну из ключевых — члены цеха постоянно подвергаются соблазну впасть в ученый снобизм. Возникает и укрепляется привычка к дефициту сотрудничества, к скрытности и отторжению вместо открытости, взаимодействия и взаимообмена. Сочетание поверхностности и высокомерия — не лучшее для науки. Но, возможно, еще более печально то, что российская политология уже обретает инерционность, и сложившиеся перекосы имеют тенденцию к закреплению, окостенению[10].

Мировая политическая наука за последние десятилетия глубоко проникла в предметные сферы других дисциплин, в том числе географии, этнографии, культурологии и т.п. Более того, именно междисциплинарные исследования сегодня обещают основные научные новации, именно «на стыке» научных направлений разворачиваются наиболее интересные исследовательские проекты. Между тем российская политология, напротив, склонна к строгому очерчиванию своих границ, и эти границы становятся барьерами не только для представителей смежных наук, но и для самих политологов.

Наглядным примером, высвечивающим острую нужду политологов в географических знаниях, служит сравнительное измерение в политической науке. Как точно заметил в свое время С. Липсет, «кто знает только одну страну, тот не знает ни од-

ной». Таким образом, для понимания происходящего в России необходимо «встроить» ее в кросснациональную перспективу, что, без сомнения, представляет собой самостоятельную и довольно сложную исследовательскую задачу [см.: Открытая дискуссия, 1997: 136]. Сравнительные политологические исследования крайне необходимы и на другом структурном уровне — региональном. Собственно, только на пересечении этих двух уровней и возможно достоверное понимание хода политического развития страны в целом. Несмотря на «заезженность» тезиса, все же сошлюсь на него, слишком он верен: «факт географический» по-прежнему «красной нитью» проходит и будет проходить через историю России и через ее настоящее.

И тем не менее политическая наука в России сегодня, похоже, прекрасно обходится без географических знаний, не говоря уже о пространственном воображении. Разнообразные сюжеты, связанные с особенностями российского пространства, с самим фактом исключительного значения пространства для страны, активно обсуждаются — но не политологами. В частности, теме «Пространство России» посвящен шестой том журнала «Отечественные записки», включающий в себя, помимо прочего, материалы «круглого стола» по данной проблематике. Круг участников «стола» весьма широк — географы, культурологи, философ, экономист, религиовед, социолог, историк. Но лишь один из них в качестве второй своей специальности, после культурологии, называет политологию [см.: Пространство в России, 2002]. Для политологов пространства России — малоизученный и, видимо, малоценный объект.

Любопытно, что аналогичное положение с «географическим видением» характерно и для политической науки стран Центральной и Восточной Европы: по крайней мере анализ состояния этой дисциплины, проведенный специалистами самого региона, оставляет именно такое впечатление [см.: European Political Science, 2002: 23–59]. Правда, ни в одной из стран региона пространственный фактор не играет столь определяющей роли, как в России.

Географические знания способны быть важным орудием политического действия и в этом качестве должны быть осмыслены политологами. Географические объекты, ассоциируемые в общественном сознании с определенными ценностями, могут и даже имеют тенденцию становиться мощными инструментами распространения политической идеологии[11]. Географические образы можно сознательно формировать, культивировать, наконец, манипулировать ими для решения задач политического характера. Множество свидетельств подобного рода дают страны Европейского Союза. Примечателен, в частности, опыт французского муниципалитета Сент-Этьен по изменению малопривлекательного образа города — в прошлом центра размещения тяжелой промышленности [Колосов, 2002: 35–36]. Еще более впечатляющий пример — деятельность «Инициативного круга Рурской области», созданного политиками, предпринимателями и экспертами-консультантами региона в целях оптимизации образа последнего [Бусыгина, 2000: 137].

Работой над формированием географических образов сейчас занимается особое междисциплинарное направление, тесно связанное с социологией, геополитикой, политологией, культурологией. Более того, разворачивается и обостряется конкуренция географических образов. Перспективы здесь огромны, и, следовательно, потребность в политологах с пространственным воображением будет возрастать.

Понятие пространственности (территориальности и/или региональности) играет центральную роль как при формировании идентичностей разного уровня, так

и в политических манифестациях этих идентичностей — от политики локального бустеризма (*not in my backyard*) до движений за региональную автономию или даже сецессию. Мир можно представить себе как комплекс региональных различий, межрегиональных контактов, напряжений и конфликтов [см.: Harvey, 2001: 225–226].

Динамика пространственных связей велика, характер соотношения между глобальным и локальным только складывается (чтобы тут же измениться, создавая каждый раз новую ситуацию). Своеобразие (непохожесть) пространственных ситуаций и сама неравномерность географического развития становятся одним из важнейших «ключей» к адекватному анализу политических процессов любого масштаба.

Географические знания как элемент политологического образования

Обратимся теперь к учебной, образовательной ипостаси политической науки, рассматривая ее опять-таки с точки зрения инкорпорации и использования географических знаний.

Систему, а главное — содержание политологического образования в том виде, в котором они сложились к настоящему времени в России, трудно назвать безупречными или хотя бы в достаточной степени эффективными. Не берусь судить о всех возможных путях их совершенствования, но один для меня очевиден: усиление «географического компонента».

Небрежение географическими знаниями негативно сказывается не только на политической науке, но и на политологическом образовании. Политология часто воспринимается студентами как предмет невразумительный, абстрактный, оторванный от жизни. Это особенно заметно при обучении студентов, для которых политологические дисциплины не являются профильными. Жизнь — сама по себе, а политология — это то, что надо пережить в течение полугода, заучив наизусть определения и забыв впоследствии как дурной сон. Дело даже не в том, что студенты данных определений не понимают. Понимают, но не представляют себе, что все, о чем идет речь на лекциях и семинарах, действительно где-то происходит (имеет место). Вот почему так трудно добиться от студентов конкретных и, что важнее, собственных примеров для подтверждения сказанного ими в ходе семинара, зачета или экзамена; почти всегда дело ограничивается пересказом примеров из учебника (в том случае, если учебник содержит таковые, а это наблюдается не всегда). Поэтому студентам скучно.

Географическая безграмотность еще более непростительна для студентов-политологов. Я глубоко убеждена в том, что им крайне необходимы базовые знания по географии, необходимы сразу, уже на первом курсе. Много ли смысла учить студентов сравнительному методу, если они слабо представляют себе, где расположены объекты сравнения? Отсутствует географический «субстрат» — и политическая наука для студентов съеживается до набора отвлеченных теорий, положений, схем, которыми можно жонглировать с большей или меньшей ловкостью.

Политическая реальность не становится реальностью для студентов. Это печально, поскольку, по-видимому, студенты полагают, что в политической науке так и должно быть, привыкают, усваивают абстрактный, отвлеченный характер политического знания (мои беседы со студентами свидетельствуют, увы, именно о том). Более того, студенты-политологи старших курсов боятся (и это не преуве-

личение) географических знаний, точнее, публичной констатации собственного невежества. На старших курсах усвоение географических знаний требует пересмотра уже сложившихся представлений о политической науке, что, естественно, гораздо сложнее. Мой тезис: «любая политическая проблема имеет географический аспект и требует географических знаний»[12] — вроде бы и не отрицается, но слабо воспринимается студентами. Даже если они соглашаются с необходимостью географии, им трудно делать «поворот кругом», поверять уже полученные знания географическими подходами. Так что в лучшем случае они относятся к «внедрению» географии в собственные умы как к «необходимому лишнему», а чаще — как к дополнительной нагрузке, вызванной прихотью преподавателя, а ведь овладеть географическими знаниями нельзя без кропотливой и длительной работы: политико-географическую номенклатуру за одну ночь не выучишь.

Какими же минимальными географическими знаниями должны обладать студенты-политологи?

Студенты должны уметь «читать» географические карты. Именно картографирование, картографические дефиниции и весь массив политико-географической номенклатуры были и остаются основными «посредниками», соединяющими географическое видение мира с собственно механикой политических процессов и практик.

Студенты обязаны иметь представление о территориальной структуре современных государств, об их административно-территориальном членении.

Студентам нужно уяснить суть и смысл таких понятий, как «локальность», «территория», «место», «пространство» (в географических дискурсах они часто заменяются общим термином «регион»), с тем чтобы разобраться в пространственных аспектах глобализации, постичь сущность «глокализации», «детерриторизации» и «ретерриторизации», изменение значения «места» в «мире потоков». Это — необходимое условие восприятия и использования новых концептуальных подходов, разработка которых активно идет сейчас, в частности, в мировой политике.

Студентам следует осознавать специфику политических процессов и явлений различного пространственного масштаба (локального, регионального, национального, глобального) и взаимосвязь между ними. Наконец, студенты должны иметь представление о пространственном измерении политических конфликтов (их локализации, границах и пр.).

Географические знания производятся во всех местах приложения сил выпускников факультетов и кафедр политологии (и всюду же востребованы): на государственной службе, в международных организациях, в негосударственных структурах, корпорациях и компаниях, средствах массовой информации (вот, кстати, важнейший источник потребления, и, что еще существеннее, конструкции и интерпретации географической информации и дезинформации!)[13].

И дело не только в том, чтобы студенты получали географические знания посредством введения собственно географических базовых курсов, таких как «Политическая география» и «Политическая регионалистика». Это одна сторона медали. Не менее важно, чтобы преподаватели всех без исключения курсов обладали географическими знаниями и пространственным воображением, сознавали их необходимость, были «чувствительны» к географии, а такое не осуществимо без изменения общего «климата» в политической науке. Перемены возможны в прин-

ципе, но затруднены в силу инерции: «колея» молодой российской политологии уже наезжена и становится все глубже.

* * *

Западные исследователи часто сожалеют о том, что концепция «места», да и сама география постепенно утрачивают (либо уже утратили) свое значение в общественных науках, в частности в политологии. В российской политической науке ситуация иная: географические знания у нас не подверглись постепенной девальвации, а изначально не были в должной степени востребованы, не воспринимались как инструмент познания политического.

Проблема поиска собственной идентичности касается не только географии, она может «вырасти» в весьма серьезную и для российской политической науки, и пренебрежение географическими знаниями и подходами способно сыграть здесь существенную роль. Политическая наука все больше разделяется на академическую, «высоколобую», и прикладную, технологическую. Академическая наука не стремится к инкорпорации географических подходов, прикладная — знает географию мест (или даже места) и применяет ее в качестве одного из инструментов при достижении конкретной цели. Создавать и культивировать «цеховой» принцип, а значит — разрыв между политической наукой и географией, не использовать возможности «перекрестного опыления» — неразумно.

Изменить сложившуюся ситуацию призвано географическое просвещение, которое, по моему мнению, является абсолютно необходимой предпосылкой полноценного образования по любой из политологических специальностей. Преподаватели, а через них — и студенты — должны видеть мир, а не нагромождение политических декораций. Дьявол, как известно, — в деталях, причем очень часто в деталях именно пространственных, географических.

Примечания

[1] «Место для всего, и все на своем месте». С. Смайлс [цит. по: Kern 1983: 182].

[2] «География слишком важна для того, чтобы оставлять ее географам». Д. Харви [Harvey, 2001: 116].

[3] Забегая вперед, отмечу, что политология — тоже идеографическая наука.

[4] Для иллюстрации данного положения Харви ссылается на Канта, чьи лекции по географии не только отличались непоследовательностью и отсутствием систематизации, но и воспроизводили немало географических предрассудков [Harvey, 2001: 210–211].

[5] Так, труды В. де ла Блаша и французской школы «Анналов» имели прямые выходы на проблематику национального единства, а фон Тюнена — на вопросы индустриализации Германии.

[6] В книгах «Законы пространственного роста государств» и «Политическая география» Ратцель заложил основы «пространственного подхода» к изучению политики государств.

[7] Интервью с автором (сентябрь 2002 г.).

[8] Слова доцента географического факультета МГУ Н. Зубаревич, произнесенные в беседе с автором.

[9] Это отмечает, в частности, В. Каганский, хотя речь у него идет о культурных ландшафтах России [Каганский, 2001: 16].

[10] В контексте данной статьи тема языка политологов безусловно не главная, однако упомянен ее хотя бы вскользь — уж очень хорошо она иллюстрирует сказанное выше. Объ-

ективные трудности (средствами «прежнего» языка сложно описать и объяснить новые реалии) заставили политологов изобрести для своей дисциплины новый язык. Так что язык нашей политологии зачастую выступает передатчиком неявных, зашифрованных сообщений, а в конечном итоге — еще одним критерием принадлежности к цеху, причем последняя функция и оказывается определяющей. Общение становится беспрерывным экзаменом на «профпригодность». Непонятный для «непосвященных» язык проникает и в образование, делая, в отсутствии базовых знаний, политическую науку для студентов головоломкой, смысл разгадывания которой для них по крайней мере не очевиден.

[11] Известный пример: в США в процессе продвижения поселенцев на запад фронтир превратился в своего рода «географико-эстетико-моральную икону» [Tuan, 1993: 205]. Как показывают исследования, проведенные в Ванкувере, в крупном городе возможно создание и поддержание «либеральных» и «неоконсервативных» ландшафтов [Smith, 2000: 47].

[12] Эту сентенцию можно обратить к студентам-географам, развернув ее в обратном направлении: любая географическая проблема имеет политический аспект.

[13] Отмечу, что географические знания, а точнее — географические интерпретации, нередко конкурируют между собой, причем противоречия могут возникать как по масштабу (между уровнями источников производства знаний), так и по целеполаганию (между источниками знаний, имеющими разную природу). В первом случае речь идет о конфликте между «институционализированными» знаниями, направленными на решение государственных задач по управлению территориями, и знаниями локальными и региональными, питающими и поддерживающими территориальные идентичности соответствующих уровней. Пример противоречий второго рода — конфликт между интерпретациями географических данных, представляемыми государственными организациями и институтами гражданского общества.

Литература

Бусыгина И. Регионы Германии. М., 2000.

Гройс Б. Россия как подсознание Запада // Параллели. 1991. Вып. 1.

Дарендорф Р. Гражданская ответственность интеллектуалов: против нового страха перед просвещением // Полис. 1997. № 6.

Каганский В. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001.

Колосов В. «Низкая» и «высокая» геополитика // Отечественные записки. 2002. № 3.

Открытая дискуссия «Состояние отечественной политологии» // Полис. 1997. № 6.

Пространство в России // Отечественные записки. 2002. № 6.

Согомонов А.Ю. Глокальность (очерк социологии пространственного воображения) // А. Согомонов, Кухтерин С. (ред.). Глобализация и постсоветское общество. М., 2001.

Туровский Р.Ф. Политическая география. М., Смоленск, 1999.

Agnew J. Place and Politics. The Geographical Mediation of State and Society. Boston, 1987.

Biersteker Th. Beyond States or State? // J. Anderson (ed.). Regional Integration and Democracy. Boston, 1999.

European Political Science. 2002. Summer.

Harvey D. Spaces of Capital. Towards a Critical Geography. Edinburgh, 2001.

Kern S. The Culture of Time and Space, 1880–1918. Cambridge, 1983.

Sack R.D. Homo Geographicus: A Framework for Action, Awareness and Moral Concern. Baltimore; L., 1997.

Smith D.M. Moral Geographies. Ethics in a World of Difference. Edinburgh, 2000.

Smith N., Katz C. Grounding Metaphor. Towards aspatialized politics // M. Keith, S. Pile (eds). Place and the Politics of Identity. L.; N.Y., 1993.

Tuan Y.-F. Passing Strange and Wonderful: Aesthetics, Nature and Culture.Washington, 1993.

1. Как понятие «пространство» используется в политической географии? Какие подходы к определению политического пространства существуют и в чем их различия?
2. Назовите и раскройте основные подходы и концепции, используемые для анализа территориальных аспектов политики.
3. Что может служить критерием включенности той или иной территории в функционирование политической системы?

Р.Ф. Туровский

ГЕОПРОСТРАНСТВО И МЕТАПРОСТРАНСТВО: ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В ПОЛИТОЛОГИИ*

Географические подходы и методы достаточно активно используются в российской политологии. Однако состояние теории остается не вполне удовлетворительным в связи со слабой концептуализацией и операционализацией таких базовых понятий, как «политическое пространство»,«регион», «территория», «место» в политической науке. При этом важно избегать прямого заимствования определений этих понятий из теоретической географии, интегрировав их в политологический дискурс. Это значит, что понятия «пространство», «регион», «территория» и пр. должны иметь политический смысл, получать непосредственную связь с миром политики, а географические объекты — выступать в качестве политических субъектов. Все социальные и политические процессы, так или иначе, связаны с пространством, протекают в нем, имеют пространственную составляющую. В связи с этим можно говорить и о каузальной обусловленности социальных и политических процессов в пространстве, но эта обусловленность нуждается в концептуальном осмыслении.

В политологии, как отечественной, так и зарубежной, активно используется понятие «политическое пространство», смысл и содержание которого, однако, сильно различаются в зависимости от автора и контекста. Политическое пространство, на наш взгляд, следует рассматривать как производную от пространства как такового. И. Ньютон понимал пространство как бесконечную протяженность, а следовательно — вместилище всех вещей, поскольку они обладают атрибутом протяженности. Однако в философии выделяются два различных подхода к пространству. Философская традиция, восходящая к И. Канту, акцентирует априорные формы

---

* *Туровский Р.Ф.* Геопространство и метапространство: географические методы в политологии // Метод. 2015. № 5. С. 71–89.

Исследование выполнено в рамках программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» по теме «Структурный анализ региональных политических режимов и электорального пространства», реализуемой Лабораторией региональных политических исследований.

чувственного созерцания пространства [Кант, 1993]. Напротив, традиция, связанная с именами Дж. Беркли и др. [Беркли, 1978] и повлиявшая на позитивизм (оказавший, в свою очередь, большое влияние на развитие современной науки в целом и политологии в частности), акцентирует комплекс ощущений и опытных данных, т.е. формы непосредственного чувственного познания пространства.

Наличие двух подходов к пространству существенно повлияло на особенности политологического дискурса, оперирующего этим понятием. В политической географии пространство понимается как географическое пространство, т.е. овеществленное, физическое, метрическое, материальное. Но многие политологические тексты оперируют понятием «пространство» вне связи с географической картой, понимая его как объем, вместилище, в котором наблюдаются политические процессы. При этом понятие «пространство» в таких работах нередко приобретает не «кантианский», а просто метафорический характер, не будучи операционализированным на основе политической науки.

По нашему мнению, следует разделить два подхода к политическому пространству — физический и «метафизический», но использовать их во взаимосвязи.

В соответствии с *«метафизическим»* подходом политическое пространство понимается как пространство-идея, пространство политических (властных) отношений, без их географической привязки. Поскольку любое пространство, вне зависимости от подхода, обладает атрибутом протяженности, при «метафизическом» подходе его можно представить в виде геометрических форм, отображающих отношения между политическими явлениями. Пространство тогда понимается как совокупность объектов и связей между ними, определенным образом расположенных друг по отношению к другу. Особенность в том, что эти объекты не являются географическими, хотя у них могут быть свое положение, направление и расстояние в воображаемом пространстве. Такое пространство можно назвать политическим метапространством[1].

Физический» подход к определению политического пространства предполагает, что оно характеризуется физической протяженностью. Это значит, что политические явления должны иметь протяженность (занимать площадь) и определенное положение в пространстве (т.е. являться элементом физического пространства). При таком подходе целесообразно говорить о политическом геопространстве, подчеркивая с помощью этого определения связь политического пространства и земной поверхности,«материальность» политического пространства.

Политические отношения, складывающиеся в метапространстве, часто (но не обязательно) имеют территориальную проекцию, т.е. определенным образом распределены и структурированы в геопространстве. Комбинирование двух подходов позволяет, например, рассматривать какие-либо общестрановые политические явления в целом, а затем — в их региональной проекции, т.е. в терминах их геопространственной структуры (распределение по территории) или же региональных модификаций для общенациональных явлений[2].

Политическое пространство — это широкое понятие, охватывающее всю существующую совокупность политических явлений и отношений, как выраженных в физическом пространстве (геопространстве), так и внепространственных в узком смысле этого слова (т.е. существующих только в метапространстве). Политическое геопространство представляет собой проекцию политического пространства на земную поверхность, которая придает ему «физический» характер[3].

Роль пространства в политических процессах долгое время недооценивалась в общественных науках в связи с доминированием «метафизического» подхода, а также преобладание мисторицизма над географичностью. Рассмотрение пространства, притом обязательно вместе со временем, в социальных науках стало важной инновацией конца XX в. Большую роль в этом сыграл Э. Гидденс. По его словам, «социальная теория должна принять во внимание, так как это не было сделано ранее, сущностную включенность пространственно-временных пересечений во все социальное бытие» [Giddens, 1979, p. 54]. По мнению Э. Гидденса, «все социальное взаимодействие состоит из социальных практик, расположенных во времени-пространстве и организованных искусным и умным образом человеческими агентами» [Soja, 1989, p. 142]. Учитывая неразрывную связь пространственных и временных процессов, необходимо активное использование концепта *пространственно-временного континуума* (в англоязычных источниках — пространства-времени, или времени-пространства, *time-space*). Это означает важность учета исторической эволюции, трансформационных процессов, хронополитики.

В некоторых западных исследованиях сделан следующий шаг, и в развитие темы взаимоотношений пространства и социума предложена концепция пространственности. Пространственность (на основе работ Э. Сойи [Soja, 1989, p. 79] с дополнениями автора и применительно к политологии) проявляется в трех формах.

1. Одновременность происходящих политических событий, их синхронность в пространстве. Аналогично Л. Гумилёв использовал взаимодополняющие синхронный (одновременность исторических процессов) и диахронный (историческая динамика отдельно взятой ситуации) подходы [Гумилёв, 1990].
2. Социальный результат, которым является определенная организация пространства. Эта организация оказывается не только материальной («механическое» перемещение явлений), но и смысловой (наделение мест новыми смыслами). В результате вместо пространства *per se* возникает пространство, сотворенное человеком.
3. Активная сила, которая влияет на социальное поведение.

Впрочем, на наш взгляд, спорным здесь является третий пункт. Пространственность сама по себе вряд ли может считаться активной силой, это напоминает умножение сущностей без должного основания. Скорее она должна быть фактором, оказывающим влияние и до некоторой степени определяющим социальное поведение. Причина в том, что социализация, происходящая в геопространстве, зависит от его характеристик (более радикальный подход, вроде того, который предлагает Э. Сойя, выглядит осовремененной версией географического детерминизма, привязывающего социальное поведение к географическим условиям). При этой оговорке пространственность, понимаемая как синхронность, социальный результат и социальный фактор, будет удачным концептом, применимым для исследования отношений между центром и регионами.

Рассмотрим процесс превращения физического пространства в политическое геопространство. Согласно П. Бурдье, в пространстве происходят два направленных друг к другу процесса — овеществление социального (в нашем случае — политического) пространства (т.е. его проецирование, физическая репрезентация) и присвоение пространства физического. Концепция «присвоения» физического

пространства исходит из того, что «социальное пространство — не физическое пространство, но оно стремится реализоваться в нем более или менее полно и точно... То пространство, в котором мы обитаем и которое мы познаем, является социально обозначенным и сконструированным. Физическое пространство не может мыслиться в таком своем качестве иначе, как через абстракцию (физическая география), т.е. игнорируя решительным образом все, чему оно обязано, будучи обитаемым и присвоенным. Иначе говоря, физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии... объективация и натурализация прошлых и настоящих социальных отношений» [Бурдье, 1993]. Процесс присвоения физического пространства, о котором говорит П. Бурдье, на наш взгляд, имеет политический характер, стимулируя развитие и структурирование властных отношений.

Физическое пространство рассматривается в работах отечественных и зарубежных авторов как объект политического интереса. Географ Р. Сэк выдвинул в связи с этим концепцию территориальности, которая определяется как «попытка индивида или социальной группы контролировать или оказать влияние на людей, явления и взаимосвязи путем делимитации и контроля над географическим ареалом» [Sack, 1986, p. 19]. Территориальность в политике — это особая модель поведения политических субъектов, целью которой является власть над частью физического пространства. Создание государства, если следовать этой логике, — это проявление территориальности со стороны государствообразующих субъектов, которыми могут быть определенные социальные, этнические и иные группы, а также лидеры.

Политический интерес к территории определяется особыми качествами этой территории. В структуре политических отношений по этой причине определим дуализм физического пространства как ресурса и как ценности.

1. Физическое пространство воспринимается политическими субъектами как ресурс, что связано с неравномерностью распределения ресурсов по территории и, следовательно, ресурсным дефицитом, что стимулирует борьбу. Примерно так рассуждает П. Бурдье: «Пространство, точнее, места и площади овеществленного социального пространства или присвоенного физического пространства обязаны своей дефицитностью и своей ценностью тому, что они суть цели борьбы, происходящей в различных полях, в той мере, в какой они обозначают или обеспечивают более или менее решительное преимущество в этой борьбе» [Бурдье, 1993]. Физическое пространство-ресурс существует в двух формах. Во-первых, это материальная форма — размещенные на территории экономические активы, месторождения полезных ископаемых и т.п. Во-вторых, это политическая (геополитическая) форма, когда обладание определенной территорией, например, усиливает позиции государства в мире, решает проблемы национальной безопасности и т.д.

2. Физическое пространство выступает и в роли ценности, что связано с его восприятием через призму культуры, а также — политической идеологии. Отношение индивидов и групп к пространству может, например, рассматриваться в терминах топофилии, любви к месту [Yi-Fu Tuan, 1974, p. 93]. Ее антиподом оказывается топофобия. В концепции места Дж. Эгнью также присутствует эта идеальная составляющая: этот автор среди трех составных частей места (наряду с местоположением и местом действия) выделяет чувство места, которое есть у жителей территории, и определяет социально значимое отношение к ней, являющееся основой для социального действия [Agnew, 1987, p. 28]. Ценность территории, восприни-

маемая через призму культуры, приводит к появлению идеологических течений, таких как национализм и регионализм.

Довольно часто территориальные аспекты политики рассматриваются на основе наиболее простого подхода, который можно назвать композиционным. В соответствии с этим подходом, территория понимается как «контейнер», не имеющий собственного значения [Developments in Electoral Geography, 1990, p. 29]. Конечно, это не более чем признание того, что общественные процессы имеют территориальную проекцию, а потому политику можно рассматривать «на примере» определенной территории. Но такие исследования не позволяют понять причинно-следственную связь между территорией и политикой, представляя собой бессистемную подборку отдельных «кейсов». Существует необходимость разработки научных, политологических подходов, которые могли бы объяснить феномен политического геопространства в его взаимосвязи с метапространством.

Политический процесс обычно локализован, т.е. протекает в определенной точке физического пространства, где происходит концентрация политического взаимодействия, принятия политических решений и др. (локализация, впрочем, может быть единичной или множественной, когда процесс происходит в двух и более точках). Территория или место (последнее понятие часто употребляется в западных источниках в аналогичном смысле, но не характерно пока для русскоязычного дискурса) представляет собой арену политических процессов и отношений.

Подход к территории (месту) как к арене можно обнаружить в различных социальных теориях. Вспоминаются термин «месторазвитие», введенный евразийцами в начале XX в., а также теория этногенеза Л. Гумилёва, в которой автор оперирует понятием «этноценоз», восходящим к месторазвитию [Гумилёв, 1990]. В зарубежной социологии Э. Гидденс использует понятие *locale*, т.е. место действия. Оно определяется как «физический регион, включенный в формирование структуры взаимодействия, имеющий определенные границы, которые помогают сконцентрировать взаимодействие тем или иным образом» [Soja, 1989, см. также: Гидденс, 2005]. Политикогеограф Дж. Эгнью предложил свою концепцию места, одной из составляющих которого является место действия (англ. *locale*). В своих работах мы предложили использовать термин «арена» [Туровский, 1999].

Рассмотрение территории как политической арены является первым шагом вперед от композиционного подхода. Однако этого явно недостаточно. На следующем шаге необходимо установить, в чем заключается значение территории (места), играет ли она какую-либо собственную роль помимо «вместилища», механического расположения объектов и явлений.

Здесь может быть использована концепция медиации, автором которой является Дж. Эгнью. В соответствии с ней место непосредственно задействовано в социальных процессах, играя в них важную, одну из определяющих ролей[4]. Оно участвует, таким образом, в процессе социальной структурации (термин Э. Гидденса), не являясь простым изображенным на карте итогом «абстрактного» социального процесса, протекающего вне географического пространства [Agnew, 1987, p. 36]. Самостоятельность места определяется, например, тем, что с ним связаны экономический рост, социальные изменения, политическая идентичность. Свои рассуждения Дж. Эгнью иллюстрирует, показывая, как локальный контекст влияет на развитие политических партий и голосование избирателей в конкретных условиях.

Используя концепции арены и медиации, мы предлагаем вместо композиционного применять более глубокий — контекстуальный подход к исследованию политического значения территории и политического пространства в целом. В соответствии с этим подходом территория понимается как политический контекст[5]. Она включена в политический процесс, является его неотъемлемой частью и характеристикой.

Общепринятые подходы к изучению физического пространства, разработанные в рамках географической науки и соответствующие тем или иным философским представлениям о пространстве, считают его имманентными характеристиками геометрическую трехмерность и подвижность во времени (фактически речь идет о четырех измерениях). Поэтому пространственные исследования носят по преимуществу структурный характер, нацелены на выявление и объяснение структуры, что объясняется главными особенностями пространства — протяженностью, объемностью, динамичной трехмерностью. Поэтому анализ в данном случае означает определенное деление пространства на части. Существует необходимость структурного анализа политического геопространства, как и политического пространства в целом[6].

Сущностной характеристикой политического геопространства является его неоднородность. Причины неоднородности связаны с особенностями систем расселения, социальных коммуникаций, идентичностей, политических интересов и организации власти. Политическое сообщество стремится к пространственной компактности и гомогенности, поскольку носители схожих политических интересов тяготеют друг к другу при расселении (феномен относительной социальной однородности локальных сообществ), и наряду с этим политические коммуникации на компактной территории часто способствуют сближению позиций (это показали исследования эффекта соседства в электоральной географии [Developments in Electoral Geography, 1990]). При этом в более обширном пространстве возникает неизбежная множественность различающихся сообществ, не исключается и внутренняя политическая поляризация географически относительно компактных сообществ. Административный регион обычно представляет собой совокупность сообществ, поскольку, как уже говорилось, на практике невозможно обеспечить соответствие каждой административной единицы каждому консолидированному политическому сообществу. Сказанное в полной мере относится к государству, которое всегда состоит из большого числа региональных и, особенно, локальных политических сообществ. Исследовательской проблемой является не сама гетерогенность государства, а характер и степень этой гетерогенности, которые и оказывают прямое влияние на политический процесс.

Региональное структурирование общества, или регионализация, представляет собой относительно новый предмет исследования, возникший во второй половине XX в. Один из пионеров этого направления в социологии Э. Гидденс определяет регионализацию как «временную, пространственную или пространственно-временную дифференциацию регионов внутри или между местами действия» [Giddens, 1984]. Он подчеркивает, что «регионализация — это важное понятие, призванное сбалансировать представление о том, что общества всегда представляют собой гомогенные, унифицированные системы» [Giddens, 1984]. В процессе регионализации направленно создаются формальные регионы и самостоятельно складываются региональные политические сообщества (см. ниже)[7].

Можно заметить, что анализ структурных процессов в различных науках построен на схожей терминологии. В отечественной географической науке выделяют две составляющие процесса пространственной дифференциации — концентрацию и стратификацию [Гладкий, Чистобаев, 2000]. Другие авторы противопоставляют концентрацию и деконцентрацию [Грицай и др., 1991]. Наибольший интерес для нас представляет процесс концентрации, который означает, что явления накапливаются в определенных очагах. Процесс концентрации приводит к формированию центров, а значит, к росту пространственной неоднородности. Поскольку количество центров, как правило, больше единицы, возникает поляризация пространства, связанная с противоречиями и коренными различиями между определенными крупными центрами, которые играют роль противостоящих полюсов.

Такие понятия, как «концентрация» и «деконцентрация», «стратификация» и «поляризация», используются на практике применительно к структурированию любых пространств. Например, социология пользуется концепцией социальной стратификации, рассуждает о поляризации общества. В политологии говорят о концентрации власти. Такие особенности дискурса свидетельствуют в пользу структурной идентичности физического и политического пространств, схожести метапространства и геопространства. Первичным является описание процессов их структурирования, которое проводится с использованием одних и тех же терминов. Процессы, протекающие в политическом и физическом пространствах, во многом однотипны. В политологии региональные различия всегда рассматриваются в качестве одной из разновидности социально-политических различий.

Структурирование политического геопространства — это следствие наложения политико-административных границ на метапространственную политическую структуру общества. В результате государство оказывается не только определенным набором административных регионов, но и гораздо более сложным комплексом различных политических сообществ. На наш взгляд, административно-политические границы дополнительно усиливают поляризацию, поскольку борьба за власть и реализацию политических интересов протекает на данной территориии в данных условиях социальной и территориальной неоднородности. Это влечет за собой рост политической активности наиболее крупных социальных групп на данной территории, что в случае приблизительного равенства приводит к поляризации.

В структурном анализе политического геопространства понятие «регион» следует условно, чтобы уйти от терминологической «разноголосицы», признать понятием, производным от более общего понятия — «территории». Территории представляют собой простейшие структурные единицы физического пространства, а для политической науки — политического геопространства. Прежде всего, территория — это площадь с определенными границами. Территорию можно определить как участок земной поверхности, выделенный на основе конвенционально установленных критериев для тех или иных исследовательских или практических целей.

Регион — это «безразмерное» понятие с точки зрения географического масштаба (поэтому регион — это целостность и одновременно часть целого). Оно может использоваться для обозначения любого участка земной поверхности, обладающего набором специфических свойств. Именно определенные свойства, качества и создают регион, отличая его от более абстрактной территории, имеющей геометрическийхарактер.

Строгое и целостное определение понятия «регион» можно найти в географическом словаре Э. Алаева. Согласно этому определению, регион — это «территория, по совокупности насыщающих ее элементов отличающаяся от других территорий и обладающая единством, взаимосвязанностью составляющих элементов, целостностью, причем эта целостность — объективное условие и закономерный результат развития данной территории» [Алаев, 1983]. Анализ этого определения позволяет сделать вывод о том, что регион — это определенный комплекс явлений (элементов), который характеризуется условным единством и целостностью.

В политологии понятие «регион» используется очень часто, но в разных смыслах. Обобщая используемые подходы, определим дуализм двух наиболее распространенных представлений о регионе — как о формальном политическом институте и как о политическом сообществе. Отсюда предлагаемые нами два основных (но не единственных) подхода к региону — формально-институциональный и сообщественный (коммуникативный).

Формально-институциональный подход, который также можно назвать институционально-правовым или даже юридическим, понимает регион прежде всего как формальный политический институт. Подобная региональная институционализация объясняется тем фактом, что после перехода народов мира к оседлости принята именно территориальная форма организации публичной власти. Принципиально важные в политике отношения господства–подчинения непосредственно связаны с физическим пространством. По мнению Т. Парсонса, «принуждение по природе своей связано с территорией, так как оно является средством физическим» [Парсонс, 2002, с. 253]. Как известно, наличие территории является обязательным признаком государства, как и любой административно-территориальной единицы.

На наш взгляд, доминирующий в политологическом дискурсе формально-институциональный подход к региону недостаточен для понимания отношений в политическом геопространстве, он имеет механистический и формально-юридический характер. Предлагаемый нами второй — сообщественный — подход (от слова «сообщество», англ. — *community*) в большей степени связан с реально складывающейся в физическом пространстве территориальной организацией политических отношений. В соответствии с ним субъектом политических отношений выступает региональное (или, возможно, локальное) сообщество. Акцент сделан на объединении индивидов по территориальному признаку для выражения своих политических интересов — вне прямой связи с административно-территориальным делением. Сообщественный подход учитывает, что политическими акторами являются не абстрактные административно-территориальные единицы, а люди и их группы, движимые и объединенные определенными интересами.

В общественных науках главной характеристикой сообщества считается взаимодействие. К. Дойч определяет политическое сообщество как«сообщество социального взаимодействия, дополненного как принуждением, так и согласием» [Deutsch, 1954]. *Региональное политическое сообщество мы определяем как пространственно локализованную группу людей, объединенных политическими коммуникациями и участвующих в политических отношениях.*

Сообщественный подход можно также назвать коммуникативным подходом. Дело в том, что именно политические коммуникации создают региональное сообщество, которое представляет собой географически компактный сгусток политических коммуникаций. Главным индикатором существования сообщества явля-

ется наличие характерной для него, консолидирующей идентичности. Например, в соответствии с теорией К. Дойча, политические коммуникации играют ключевую роль в развитии национализма [Deutsch, 1953]. В нашей работе важно отметить, что политические коммуникации способствуют сближению позиций и идентичностей, их позитивному синтезу, что и приводит к формированию сообщества.

Впрочем, локализованные коммуникации не обязательно имеют однонаправленный, только консолидирующий эффект. На территории всегда возникает политическое взаимодействие, но его итогом может быть как консолидация локализованных групп, так и их поляризация в результате взаимного отталкивания[8]. Но в любом случае возникает сообщественный эффект, положительный или отрицательный по своему знаку. а это, в свою очередь, означает, что сообщество обретает политическую субъектность, т.е. происходят его активизация и актуализация в политическом пространстве (в том числе в геопространстве). Различение консолидированных и поляризованных сообществ имеет важное концептуальное значение.

В отличие от формального региона, сообщество не имеет четких географических границ, его границы находятся в метапространстве. Географические, спроецированные границы сообществ могут лишь асимптотически стремиться к границам формализованных регионов. Полное соответствие наступает только в идеально-типическом случае абсолютного географического соответствия формального региона и сообщества, т.е. при«идеальном» административно-территориальном делении, которое на практике реализовать невозможно в связи с дисперсностью расселения людей и их индивидуальными различиями. Территориальная проекция реально существующего политического сообщества лишь приближается к границам формальных регионов. Она стремится к ним приблизиться, поскольку соответствие (конгруэнтность) означает большую однородность формального региона, а значит, снижение внутренней конфликтности в силу большего совпадения и/или гармонии политических интересов. Но члены сообщества в самом «лучшем» случае могут быть разбросаны по территории, нигде при этом не составляя все 100% населения.

Возвращаясь к формально-институциональному подходу, отметим важное сущностное качество формального региона — его имманентную неоднородность, проявляющуюся пусть и в принципиально разной степени. Эта неоднородность создает внутренние поляризации, несовпадения политических интересов, конфликты и расколы, которые являются «питательной средой» политических отношений и, в частности, характерны для подавляющего большинства государств — особой группы формальных регионов.

В социальных науках наличествует своя крайность, когда регион понимается только как сообщество, в результате чего исследование на практике сводится к его географическому ядру и/или социальной доминанте, оставляя без внимания периферии и меньшинства. В региональных политических исследованиях, проводимых на субнациональном уровне, обычно применяется формально-институциональный подход: исследования привязаны к административным единицам и уделяют преимущественное внимание политическим процессам и отношениям на юридически заданной территории. На наш взгляд, существует необходимость эффективного сочетания этих двух подходов, что позволит получить полное представление о политическом геопространстве.

Синтез формально-институционального и сообщественного подходов к регионам в политологии может быть проведен с помощью системного подхода. Этот

подход позволяет перейти от отдельных институтов, сообществ и групп интересов к рассмотрению целостных систем, выраженных в геопространстве.

В соответствии с самым общим определением система представляет собой совокупность элементов, которые находятся в определенных отношениях и связях между собой и с внешней средой данной системы. Для системы характерны целостность и делимость на взаимосвязанные части. В сравнительной политологии можно встретить, например, следующее определение системы: «Любое образование, определяемое как система, обязательно должно обладать двумя свойствами: 1) состоять из совокупности взаимосвязанных частей и 2) отграничиваться от окружения, с которым взаимодействует...» [Алмонд и др., 2002, с. 37–38]. Таким образом, главными характеристиками системы являются: а) отношения со средой, внешние отношения; б) внутренняя структура. Легко заметить, что обе характеристики системы имеют свои территориальные проекции, выражены в физическом пространстве.

В социологии социальная система понимается как система повторяющихся социальных практик. По мнению Э. Гидденса, система — это упорядочение социальных отношений во времени-пространстве, понимаемое в качестве воспроизводящихся практик (ср. у Т. Парсонса: социальная система — это интегративная подсистема действия, у Д. Истона: политическая система — это система поведения). Система включает в себя нормы и ресурсы, постоянно включенные в воспроизводство социальных систем.

В сравнительной политологии политическая система обычно рассматривается как разновидность социальной системы и в этом контексте как совокупность формальных политических институтов: «Политические системы — особый тип социальных систем, а именно таких, которые задействованы в принятии властных публичных решений... политическая система представляет собой совокупность институтов (таких, как парламенты, бюрократии и суды), которые формулируют и воплощают в жизнь коллективные цели общества или существующих в нем групп» [Алмонд и др., 2002, с. 37–38]. Важно отметить, что авторы этого определения сами говорят о «несметном» количестве политических институтов («совокупностью» которых является политическая система), не сводя их к одним только институтам, которые названы в их определении.

В то же время не следует забывать, что основатель теории политических систем Д. Истон предлагал немного иную трактовку своего ключевого понятия. Он считал, что в основе политической системы находится политическое разделение труда (одним из аспектов политической системы можно назвать «группу людей, связанных между собой политическим разделением труда» [Easton, 1965]), и в политической системе происходит взаимодействие, связанное прежде всего с распределением ценностей (например, социализация, рекрутирование, коммуникация)[9].

Понятие «территориально-политическая система» (ТПС) впервые возникло в отечественной политической географии, но и там не получило широкого распространения, хотя автор концепции В. Колосов обоснованно, на наш взгляд, считает его ключевым для политической географии. Территориально-политические системы определяются как «объективно взаимосвязанные сочетания элементов политической сферы (политических и административных границ, центров управления, органов власти, партий, общественных движения и т.д.), функционирующие на определенной территории» [Колосов, Мироненко, 2001, с. 243]. В этом определении ТПС объединяет политические институты и формальные границы, что не противоречит подходам, известным в политологии. Однако определения

ТПС, бытующие в политической географии, для политологии являются недостаточно полными. Политическая система не может определяться просто как взаимосвязанное сочетание элементов, она должна функционировать по принципам системы. Иначе неясно, откуда берется «определенная территория» и как можно обосновать географические границы, которые должна иметь территориально-политическая система.

Территориально-политическая система — это разновидность политической системы, представленная в физическом пространстве (геопространстве), т.е. имеющая географические границы. Для выявления реально существующих ТПС и изучения их функционирования нужно исследовать выполнение на территории системных функций в рамках сконцентрированного (локализованного) в определенных границах политического разделения труда. Поскольку с территорией, в силу особенностей организации публичной власти, всегда связаны деятельность политических институтов и юрисдикция властных органов, может быть признан ее потенциал политической системы. Актуализация данного потенциала зависит от того, насколько на территории и, например, на какой части формального региона действительно выполняются системные функции.

Административно-территориальное деление, политико-административные границы создают формальную основу, каркас ТПС. Например, государство, всегда состоящее из множества регионов, представляет собой ТПС уже по одной этой причине, в силу того, что оно делится на политически значимые части — регионы, а государство при этом успешно поддерживает территориальную целостность. Политическое разделение труда всегда по определению есть в формальных регионах, где происходит дифференциация политических функций в связи с наличием региональной власти и различных политических структур местного значения. В процесс формирования территориально-политических систем включены оказавшиеся (добровольно или нет) в данных административных границах сообщества, которые сами по себе, как правило, не имеют четких, линейных географических границ.

Территориально-политическая система, согласно теории, должна быть отграничена от внешней среды, которая оказывает на нее возмущающее воздействие. Д. Истон делит внешнюю среду на две части — интрасоциетальную и экстрасоциетальную. К интрасоциетальной среде относятся экономика, культура, социальная структура и межличностные отношения. Они представляют собой другие, не политические системы, существующие в обществе. Экстрасоциетальная среда находится вне данного общества и представляет собой международное сообщество, частью которого является данная система. Сюда попадает и мировая политическая система, и системы неполитического происхождения, такие как международная экономика или международная система культуры [Easton, 1965].

Исходя из концепции Д. Истона, на наш взгляд, среду ТПС удобно определить следующим образом:

1. Триада элементов экстрасоциетальной среды: геополитика, геоэкономика и геокультура.
2. Диада элементов интрасоциетальной среды: экономика в границах данной системы, культура в границах данной системы.

Исследование ТПС в пространственно-временном континууме обязательно включает их эволюцию и судьбу, появление и исчезновение. Другими словами, су-

ществует проблема устойчивости (резистентности) систем в отношении внешних воздействий. Не случайно типичный анализ политических систем построен вокруг проблем их стабильности, внешних воздействий и внутренних расколов.

Выживание, резистентность системы в отношениях с меняющейся и, возможно, агрессивной средой обеспечиваются с помощью ее внутренней перестройки, т.е. политической реформы. Подход Д. Истона к этой проблеме, на наш взгляд, недостаточно точен. По Д. Истону, одним из ответов системы на раскол может быть усиленная гомогенизация — «снижение или устранение религиозных, языковых или других культурных различий между группами» [Easton, 1965]. Но расколы чаще всего носят имманентный, неустранимый и притом весьма конфликтный характер, а навязываемая гомогенизация способна вызвать обратный эффект. Поэтому выживание системы может обеспечиваться такими реформами, которые создают компромиссный вариант политической организации.

Вообще, телеология стабильности политических систем является справедливой причиной для острой критики этой теории, которая, как считается, не в состоянии описать причины социальных революций, поскольку акцент сделан на устойчивость и самоорганизацию. Такая аберрация восходит к мнению Т. Парсонса, который указывал на важность восстановления и самоорганизации системы (аналогично Д. Истон акцентирует равновесие в системе). Еще до Т. Парсонса темы выживания, сохранения и стабильности социальных систем были главнейшими для Э. Дюркгейма и А.Р. Рэдклифф-Брауна. В связи с этим не меньшее значение получает исследование проблемы разрушения территориально-политических систем. В случае административно-территориальных единиц это их принудительное уничтожение центром. В случае государств — распад, самоликвидация, создание новых и т.п.

Анализ существующих источников открывает парадокс теории и практики изучения политических систем в отношении важнейшей для нас «географической» темы границ. Д. Истон возражает против определения пространственных границ у политических систем, хотя на самом деле не отрицает их право на существование. На практике в политической науке обычно рассматриваются политические системы определенных обществ, которые совпадают с определенными государствами. Этот подход всегда используется в сравнительной политологии, которая в значительной степени посвящена сравнению политических систем, идентифицируемых через их национально-государственную принадлежность.

Можно согласиться с Д. Истоном, когда он утверждает, что политико-административные границы представляют собой границы всего общества, а не политической системы, существующей в этом обществе. Следовательно, «границы системы не обязательно должны быть пространственными по своей природе» [Easton, 1965]. Действительно, физическая граница не может отделить политическое взаимодействие в обществе от того, которое связано с интрасоциетальными системами, представляющими собой внешнюю среду политической системы, но в то же время существующими в том же пространстве и времени, что и политическая система данного общества.

Политическая система исходно не имеет географических границ. Но она обычно формируется в пределах заданных политико-административных границ. Критерии, с помощью которых определяются границы политической системы, могут иметь географическую проекцию. Политическая система, на наш взгляд, асимптотически стремится к тому, чтобы заполнить все физическое пространство, занимаемое дан-

ной политико-административной единицей (государство, регион и др.): как минимум потому, что в этом заинтересована власть. Но «географический зазор» между системой и административной единицей существует почти всегда, поскольку часть территории может не участвовать в политическом разделении труда.

Определение границ ТПС возможно с помощью подхода «центр–периферия». Политическая система в ее географической репрезентации однозначно занимает часть территории данного политико-административного образования, а именно ее политическое ядро, связанное системой коммуникаций и реальным разделением политического труда. Здесь-то и возникает территориально-политическая система, к ней также подключаются ближние периферии. Критерием включенности территории в функционирование политической системы может быть вовлеченность населения в общенациональную (общерегиональную) политическую жизнь.

Также при определении реальных границ ТПС должна приниматься во внимание нелинейность границы. Политологи, не знакомые с теоретической географией, обычно представляют политико-административные границы в качестве линейных образований. Неудивительно, что они не склонны соотносить границы политических явлений с линейными географическими границами. Однако политическая граница далеко не всегда носит линейный характер. Она может быть «размытой», представляя собой площадное явление — переходную зону. В переходных зонах можно говорить о неполной, частичной представленности данной политической системы и о наложении двух и более политических систем на одной географической территории.

В завершение отметим, что системный подход подвергается справедливой критике в современной политической науке. В то же время, как показывает анализ источников, критики не отрицают сам факт существования политических систем. Скорее, они стремятся дистанцироваться от натурализма и структурализма. Кроме того, проблема релевантности системного подхода прямо связана с известной в современной науке дискуссией о соотношении структуры и агента.

Структурализм (К. Леви-Стросс, М. Фуко, Ж. Деррида и др.) ориентирован на выявление упорядоченных, устойчивых, повторяющихся явлений, которые составляют структуры социальной жизни. Дилемма отношений между структурой и агентом решается здесь в пользу обезличенной структуры. На развитие системного подхода в социальных науках большое влияние оказал натурализм, основанный на аналогиях функционирования социальных и биологических систем, которые следуют из теории систем, разработанной биологом Л. фон Берталанфи [Bertalanffy, 1969]. «Натуралисты» считали необходимым создать точную теорию в нефизических отраслях науки на основе системного подхода. В дискурс социальных наук проникли такие понятия, как «гомеостатическое равновесие», «саморегуляция системы». Социальные системы стали рассматриваться в качестве открытых систем, по аналогии с биологией и в отличие от физики с ее закрытыми системами. Кроме того, из кибернетики Н. Винера было заимствовано представление об иерархических уровнях управления.

На наш взгляд, системный подход можно сделать удобной теоретико-методологической основой, только очистив его от крайностей структурализма и натурализма. К. Хэй делит политические теории на две группы — структуралистские (в которых важны структура и контекст) и интенционалистские, или волюнтаристские (в которых важен агент, «живой» актор). Оба подхода в крайних вариантах упрощают и редуцируют социальную реальность. Структурализм недооценивает

акторов, описывает процессы без субъектов, как будто «невидимая рука» управляет акторами, предопределяя регулярность и предсказуемость их политического поведения [Hay, 2002, p. 102]. Критика структурализма (с которым неразрывно связана теория систем) привела к другой крайности, когда на первый план выходят интенции, мотивации, эмоции, самосознание акторов, которые способны понимать свои действия, но действуют по собственному усмотрению, волевым порядком. Интенционализм способен только к дескриптивным методам, он оказывается по преимуществу эмпирическим способом описания и обобщения политического поведения. Для него политические системы не имеют смысла.

В конце XX в. усилились попытки найти компромисс между двумя крайностями. Примером является теория структурации, предложенная Э. Гидденсом. Под структурацией он понимает структурирование социальных отношений во времени и пространстве посредством дуализма структуры. Дуализм структуры выражается в том, что она одновременно выступает «посредником и результатом поведения, которое структура периодически организует. Структурные качества социальных систем не существуют вне действия, но они постоянно вовлечены в его воспроизводство» [Hay, 2002, p. 119]. Структура представляет собой «следы памяти» в деятельности акторов, а лучше сказать — принятые практики, в том числе основанные на законах. Структура также отличается пространственно-временной изменчивостью. Можно сослаться в связи с этим на концепцию морфогенетической последовательности М. Арчер. По ее мнению, структура предшествует действию, которое ее воспроизводит или трансформирует; наблюдается морфогенез структуры [Archer, 1989; Archer, 2003].

В развитие теории структурации и применительно к политическим отношениям К. Хэй развивает «подход стратегических отношений», автор которого — Б. Джессоп (*strategic-relational approach*). По мнению этих авторов, структура и агент существуют всегда, их различие является сугубо аналитическим построением. Правильнее говорить о диалектике в отношениях между структурой и агентом. Развивая мысль Э. Гидденса, К. Хэй замечает, что структура и агенты представляют собой не две стороны монеты, а сплав, из которого сделана одна монета [Hay, 2002, p. 126–127]. В перспективе существуют стратегическое действие, совершаемое актором, и стратегически выбранный контекст. В качестве стратегических акторов могут выступать как индивиды, так и коллективы [Hay, 2002, p. 131], к числу которых мы можем отнести региональные сообщества.

Из вышесказанного следует, что территориально-политическая система должна рассматриваться не в качестве самодостаточной, «механически» работающей структуры, а как идеальная модель. В противном случае мы приходим к волюнтаризму (полное отсутствие системности в политических отношениях). Как полагает К. Хэй, во-первых, акторы действуют в соответствии с определенными взглядами о социальной и политической среде. Во-вторых, акторы не обладают совершенной и исчерпывающей информацией о контексте, они лишь делают предположения о характере последствий своей деятельности. Поэтому и функционирование территориально-политической системы не обезличено и сильно зависит от «человеческого фактора», от политических идей и информационных возможностей акторов.

Примечания

[1] В отечественной географии концепцию метапространства развивает Д. Замятин [Замятин, 2003; Замятин, 2004]. Но его концепция рассматривает метапространство как

пространство образов в географии культуры. Хотя у Д. Замятина и Н. Замятиной есть и работы по политическому пространству [Замятин, Замятина, 2000; Замятина, 1999]. Мы рассматриваем политическое метапространство как пространство не выраженных непосредственно на местности политических отношений.

[2] Например, говорят о региональных политических режимах, региональных партийных системах, региональных политических культурах и т.п. (см. работы В. Гельмана, Г. Голосова, А. Кузьмина, В. Нечаева и др., а также автора данного исследования).

[3] Важна в связи с этим точка зрения П. Бурдье, который формулирует различие между физическим и социальным пространством: «Физическое пространство определяется по взаимным внешним сторонам образующих его частей, в то время как социальное пространство — по взаимоисключению (или различению) позиций, которые его образуют, так сказать, как структура рядоположенности социальных позиций» [Бурдье, 1993]. При этом, на наш взгляд, в политологии, если проводить аналогии с построениями П. Бурдье, не следует различать физическое и политическое пространства, так как политическое пространство может быть физическим, как это показывает политическая география.

[4] На Дж. Эгнью повлияло его знакомство с микросоциологией, рассматривающей локальные особенности социального поведения и открывающей, по его мнению, совершенно новые операциональные возможности для изучения социума. Он указывает на тот факт, что все индивиды живут, работают и т.п. в определенных локальных условиях и границах, что предопределяет наличие у всех политических процессов локального характера.

[5] При этом необходимо избежать крайностей географического детерминизма, который пытается объяснять политические явления их местоположением. Такое «обратное», «активное» влияние территории на социальную реальность существует, но имеет непрямой и ограниченный характер.

[6] Географический подход, легший в основу политической географии, тоже посвящен проблемам дифференциации и структурирования географического пространства, в котором проходит организация общества. У В. Горбацевича можно встретить определение, в соответствии с которым политическая география рассматривается как наука о территориально-политической организации общества в географическом пространстве [Горбацевич, 1976, с. 43]. Территориально-политическая (или политико-территориальная) организация общества понимается как совокупность территориальной дифференциации политических явлений и управления территориальной структурой политики [Ягья, 1974]. В. Колосов говорит об интегральном геопространстве, которое включает в себя различные — политические, экономические, культурные — аспекты и дифференциация которого определяется территориальным разделением труда [Колосов, Мироненко, 2001, с. 243].

[7] Регионализация бывает двух типов. Одна — направленная, управляемая, или административная. В ее результате появляются административно-территориальные единицы. Другая — «стихийная», «спонтанная», коммуникативная, или «социологическая» (если использовать терминологию Р. Даля). Она производит политические сообщества.

[8] По поводу «полезности» и «вреда» изоляции социальных групп в сообществе в науке нет единого мнения. Правильнее говорить о нелинейной зависимости культурных различий и стабильности. А. Лейпхарт прав, когда он предпочитает рассматривать неоднородные сообщества в континууме, а не через дихотомию составляющих их групп — полюсов. Усиление коммуникации в едином континууме позволяет снять часть противоречий за счет обмена культурными ценностями и более близкого знакомства. Однако на определенном этапе оно может вылиться в резкое усиление противоречий, если политические интересы этих групп войдут в конфликт. Поэтому Д. Истон, рассматривая устойчивые политические системы, все же предпочитал сотрудничество замкнутых в себе культурных общностей [Easton, 1965, p. 250].

[9] Подход Д. Истона восходит к социологии Э. Дюркгейма, который отмечал определяющую роль разделения труда в социальных процессах и считал, что это новое явление отменяет старое сообщество (общину), объединенное единством чувств, т.е. на языке нашей концепции — сочетанием идеологии и коммуникаций. Напрашивается аналогия с территориальным разделением труда, которое играет огромную роль в структурировании пространства (прежде всего — геоэкономического, но во многом и политического).

Литература

Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. — 350 с.

Сравнительная политология сегодня / Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. М.: Аспект Пресс, 2002. — 537 с.

Беркли Дж. Сочинения. М.: Наука, 1978. — 556 с.

Бурдье П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. — 336 с.

Гидденс Э. Устроение общества. М.: Академический проект, 2005. — 528 с.

Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Регионоведение. М.: Гардарики, 2000. — 384 с.

Горбацевич Р.А. Актуальные вопросы политической географии // Экономическая география: К XXIII Международному географическому конгрессу. Л., 1976. С. 41–52.

Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991. — 168 с.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеоиздат, 1990. — 327 с.

Замятин Д.Н. Геополитика образов и структурирование метапространства // Полис. 2003. № 1. С. 82–103.

Замятин Д.Н. Метагеография: пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004. — 512 с.

Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю. Пространство российского федерализма // Полис. 2000. № 5. С. 98–108.

Замятина Н.Ю. Модели политического пространства // Полис. 1999. № 4. С. 29–41.

Кант И. Критика чистого разума. СПб.: Тайм-Аут, 1993. — 477 с.

Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2001. — 479 с.

Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. — 831 с.

Туровский Р.Ф. Политическая география. М.; Смоленск: Изд-во СГУ, 1999. — 381 с.

Ягья В.С. Пространство в политической географии (постановка проблемы) // Экономическая и социальная география: проблемы и перспективы. Л., 1974. С. 73–79.

Agnew J. Place and politics. The geographical mediation of state and society. Boston: Allen & Unwin, 1987. — 267 p.

Archer M. Culture and agency. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. — 343 p.

Archer M. Structure, agency and the internal conversation. Cambridge, UK; N.Y.: Cambridge University Press, 2003. — 370 p.

Bertalanffy L. von. General Systems Theory. N.Y.: G. Braziller, 1969. — 289 p.

Deutsch K.W. Nationalism and Social Communication. N.Y.: Publ. Jointly by the Technology Press of the Massachusetts Institute of Technology, and Wiley, 1953. — 292 p.

Deutsch K.W. Political Community at the International Level. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1954. — 70 p.

Developments in electoral geography / Ed. by R.J. Johnston, F.M. Shelley and P.J. Taylor. L.; N.Y.: Routledge, 1990. — 278 p.

Easton D. A systems analysis of political life. N.Y.: Wiley, 1965. — 507 p.

Giddens A. Central problems in social theory: action, structure and contradiction in social analysis. L.: Macmillan, 1979. — 294 p.

Giddens A. The constitution of society. Outline of the theory of structuration. Cambridge: Polity Press, 1984. — 402 p.

Hay C. Political analysis. A critical introduction. N.Y.: Palgrave, 2002. — 314 p.

Sack R. Human Territoriality: Its Theory and History. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1986. — 256 p.

Soja E.W. Postmodern Geographies. The Reassertion of Space in Critical Social Theory. L.; N.Y.: Verso, 1989. — 266 p.

Yi-Fu Tuan. Topophilia. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1974. — 260 p.

1. Как зародилось понятие политической географии? Каковы основные идеи донаучного этапа развития географического знания?
2. Что такое «евразийство» и кем разрабатывалась данная концепция?
3. Какие области вопросов охватывали геополитические исследования со второй половины XIX до начала XX в.?
4. Назовите основные парадигмы политической географии и соответствующие им направления исследований.

А.Б. Елацков, Н.В. Каледин

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И ГЕОПОЛИТИКИ*

Эволюция научных парадигм

Неоспоримым фактом является выдающийся вклад российских национальных школ политической географии и геополитики в мировую науку и культуру. Далее рассмотрим некоторые их достижения и особенности развития. С учетом того, что оба указанных исследовательских направления пересекаются между собой, но полностью не совпадают, основное внимание обратим именно на их общее поле научных интересов.

В развитии отечественной политической географии можно выделить ряд крупных исторических этапов, связанных с преобладанием *научно-образовательных парадигм*. Каждая из них отличалась от других методологической основой, характером предметной области и тематическими приоритетами. В этом смысле их можно считать также и доминирующими на определенном этапе исследовательскими программами. Геополитическая мысль, в той части, в какой она была связана с политико-географическими исследованиями, в определенной степени также отражала смену этих парадигм.

Исторически первым в развитии отечественной политической географии и геополитики можно считать ***донаучный этап***, когда политико-географическое и геополитическое знание еще не связывалось со специальными науками. Для этого этапа были характерны преимущественно эмпирические политико-географические описания и геополитические идеи, не использующие научные методы верификации и моделирования. Большую роль в формировании геополитических идей играли сакрально-географические и философские представления.

---

* *Елацков А.Б., Каледин Н.В.* Историческое развитие отечественной политической географии и геополитики // Псковский регионологический журнал. 2019. № 4 (40). С. 3–15.

Самой известной на сегодня концепцией раннего периода является, пожалуй, идея Филофея Псковского о Москве как о Третьем (и последнем) Риме, высказанная им в начале XVI в. в послании к Василию III, хотя ее прообраз возник еще раньше (например, понимание Москвы как «Нового Царьграда»). Постепенно с Третьим Римом отождествляется и вся Россия, которая стала представляться уникальным миром. Эта концепция одной из первых открыла череду идеальных геополитических образов, с которыми российские мыслители отождествляли Россию на протяжении последующей истории. Среди прочих авторов данного этапа можно указать, в частности, на историка А. Лызлова (конец XVII в.), в своей «Скифской истории» построившего, по сути, доктрину противостояния кочевого и оседлого миров в Евразии. Тогда о дихотомии «Суши» и «Моря», позже положенной Х. Маккиндером в основу геополитики, даже не задумывались. Можно также упомянуть государственного деятеля и публициста А. Ордина-Нащокина (XVII в.), предлагавшего модель объединения двух крыльев славянского мира путем союза с Польшей.

Научный этап развития политической географии и геополитики можно отнести к первой четверти XVIII в. Именно в этот период трудами сподвижников Петра I создаются первые научные школы и институты, среди которых — Академия наук и Академический университет в Санкт-Петербурге (1724 г.). Дальнейшее развитие политической географии и геополитики можно рассматривать как ряд исторических ступеней научного познания, для которых были характерны свои научно-образовательные парадигмы [11; 12]. Рассмотрим их подробнее.

Государствоописательная парадигма

С ней связаны возникновение и становление политической географии, предметом которой стало комплексное описание стран, а главным методологическим принципом отбора и систематизации эмпирического материала — «государственно-географический» подход, в силу «политической» (в терминологии традиционной со времен Аристотеля), т.е. «государственной», привязанности такой информации. Она олицетворяла общественно-географическое направление в географии до конца XIX в. и имела явно эмпирический характер. При этом государствоописание исходило из принципов географического детерминизма и развивалось в конкуренции со статистикой (камеральной, политической).

Надо отметить, что в XIX в. общественно-географическое познание во все большей степени развивалось именно в рамках более прагматичной статистики (также систематизировавшей разнообразные знания о жизни государств — *Stato, ит.*), о чем свидетельствует и название первой российской общественно-географической кафедры географии и статистики, созданной в Санкт-Петербургском университете в 1819 г.. Даже выдающийся представитель военной географии Д.А. Милютин предложил преобразовать ее в военную статистику как более комплексную дисциплину.

<...> В 1738 и 1739 гг. Академией наук было издано первоначально на немецком, а затем на русском языках «Краткое руководство к математической и натуральной географии» немецкого профессора на российской службе Г.В. Крафта [25]. Именно в этих изданиях <...> был применен термин «политическая

география» <...> В 1745 г. в Академии был издан труд его коллеги профессора Х.-Н. Винцгейма «Краткая политическая география» [3][1].

В европейских странах термин «политическая география» появляется во второй половине 1750-х годов в трудах А. Бюшинга[2] (считавшегося Ф. Ратцелем «отцом» политической географии), благодаря его взаимодействию в конце 1740-х годов с названными российскими «инноваторами» термина [11, с. 24–25]. На основе этих трудов в 1758 г. И.М. Гречем и С.Ф. Наковольниным был создан первый «полный» отечественный учебник «Политическая география» [6], который издавался в четырех частях по 1772 г.

Расцвет государствоописательной парадигмы политической географии приходится на первую половину XIX в., происходит в конкуренции со статистикой и связан с деятельностью на упомянутой кафедре профессоров К.Ф. Германа (ее первого заведующего), Е.Ф. Зябловского (автора первой развернутой концепции политической географии) [10] и К.И. Арсеньева (автора первого общественно-географического исследования по формированию территории и районированию России, и также первого геополитического представления о центро-периферическом характере ее могущества) [1]. Можно упомянуть и один из первых геополитических, по сути, атласов, созданный в рамках данной парадигмы [2].

Антропогеографическая парадигма

Причины последующего кризиса и постепенного забвения политической географии кроются как в конкуренции со статистикой, так и в дифференциации самой географии, утверждении ее новой структуры, связанной с трудами немецких географов XIX в. антропогеографической школы (К. Риттера, Ф. Ратцеля и др.). Антропогеография связывала общественные явления на земной поверхности в первую очередь с природными факторами, пытаясь уже не только описывать, но и объяснять географические различия в жизни общества. В новой структуре географии предмет политической географии оказался «разобранным» тремя новыми направлениями: народоведением, государствоведением и экономической географией. И хотя антропогеографическая парадигма политической географии вытесняет государствоописательную в Европе лишь в конце XIX в. (после публикации Ф. Ратцелем в 1897 г. его «новой» «Политической географии»), ее истоки в форме идей географического детерминизма прослеживаются в России с начала XVIII в.

В России в начале 1890-х годов в концепции структуры географии известного профессора-антрополога Э.Ю. Петри уже нет места традиционной политической географии, критически именуемой им «так называемая», представляющей собой «неорганизованный и лишенный научной системы конгломерат всевозможных сведений, относящихся к географии» [15, с. 46]. Переход к новой, антропогеографической парадигме завершается накануне Первой мировой войны трудом В.П Семенов-Тян-Шанского [19]. Констатируя в 1915 г. отсутствие научной политической географии в России, он тем не менее делает исключение для ее становления «блестящих трактатов» конца XIX — начала XX в. трех профессоров: В.И. Ламанского (о триединой историко-культурной и территориально-политической структуре Евразии и специфике в ней российско-восточноевропейско-евразийского «Среднего мира», рис. 1 [14], П.П. Семенова-Тян-Шанского (о закономерности и особенно-

Рис. 1. Примерные границы «трех миров» Евразии по В.И. Ламанскому (составлено по текстовому описанию в [14])

стях колонизационных движений в мире и России) и А.И. Воейкова (об антропо-политико-географическом районировании наиболее освоенной части Земного шара, рис. 2) [5].

В.П. Семенов-Тян-Шанский рассматривал политическую географию как «итоговое», синтетическое и многоуровенное знание, географию «территориальных и духовных господств человеческих сообществ», а географо-детерминистские принципы ратцелевской политической географии были дополнены фактором экономической деятельности человека как важного опосредующего звена в процессе формирования территориального господства. Им были выделены исторические формы «могущественно-территориального владения» («средиземноморская», «клочкообразная», «чрезматериковая») как результата действия природных, исторических, экономических и культурных факторов территории.

К этому этапу следует отнести труды еще трех известных авторов. Во-первых, антропо-геополитическую цивилизационную (в современной терминологии) по своей сути концепцию локальных «культурно-исторических типов» Н.Я. Данилевского, представленную в книге «Россия и Европа» (1869 г.). Во-вторых, главный труд Л.И. Мечникова, созданный им в эмиграции, «Цивилизация и великие исторические реки» [26]. В-третьих, труд известного представителя русского космизма А.Л. Чижевского о влиянии циклической деятельности Солнца, как фактора географической среды, на геополитические процессы в истории [22].

Вне же географической науки антропогеографическая парадигма в геополитике имела противоречивое влияние. С одной стороны, там она начала складываться несколько раньше, чем в самой политической географии. Например, работа Данилевского уже выходила за рамки не только государствоописательной парадигмы, но и тогдашней географии вообще. С другой стороны, множество философских

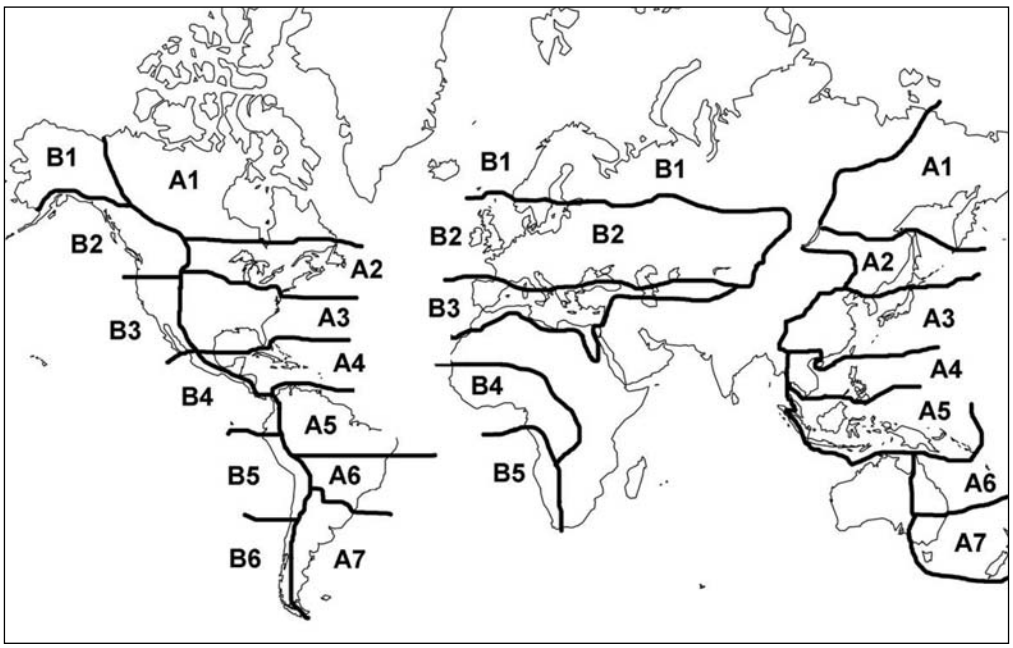


Рис. 2. Торговые бассейны океанов по А.И. Воейкову [5].

Жирными линиями обозначены границы торговых бассейнов Тихого и Атлантического океанов и их широтно-климатических зон. Буквенно-цифровые индексы зон: А — на востоке континентов, В — на западе континентов, 1–7 — порядковые номера зон

и «политологических» трудов геополитического плана практически не испытали влияния антропогеографии.

Одним из вариантов антропогеографической парадигмы политической географии можно рассматривать *евразийство* — историко-философскую и политико-географическую концепции об особом «месторазвитии» и исторической миссии России, отличающихся своеобразным (евразийским) историко-культурным единством, обусловленным географической и этнографической целостностью территории [17]. Одним из важнейших понятий евразийцев стало «месторазвитие», также они одними из первых стали использовать термин «геополитика». Концепция разрабатывалась в 1920–1930-е годы российскими учеными-эмигрантами, П.Н. Савицким, Г.В. Флоровским, Н.С. Трубецким, Г.В. Вернадским и др.

Более поздней (1960–1980-е годы) и исторически последней российской страницей антропогеографической парадигмы политической географии, методологически близкой евразийству, стала этногенетическая и этно-геополитическая концепция Л.Н. Гумилёва — выдающегося русского этнолога, историка и географа. Именно им была предложена модель пассионарных циклов этногенеза, имеющих пространственную локализацию и геополитический смысл (рис. 3) [7].

Еще одним вариантом антропогеографической парадигмы можно назвать «украинство» — представления украинских ученых и политиков периода после распада Российской империи (1920–1940-е гг.), разрабатывавшиеся как на терри-

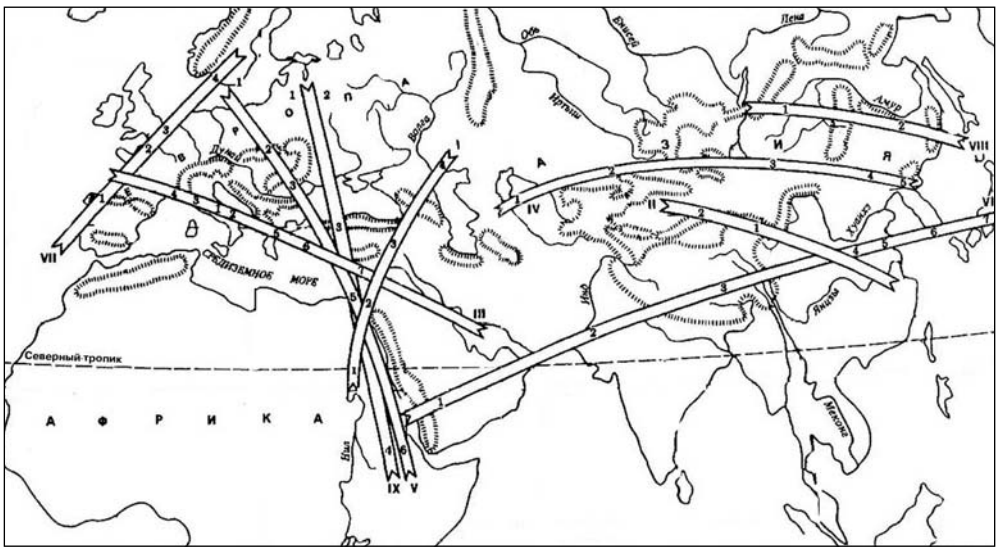


Рис. 3. Оси зон пассионарных толчков (по Л.Н. Гумилёву) [7, с. 342].

Линиями с римскими цифрами обозначены оси пассионарных толчков, происходивших в Евразии в период с XVIII в. до н.э. по XIII в. н.э.; арабскими цифрами обозначены места этногенеза. Так, к IX толчку (XIII в.) относится этногенез литовцев (1), великороссов (2), турок-османов (3) и эфиопов (4). Остальные обозначения см. в первоисточнике

тории Украины, так и в украинской эмиграции (М.С. Грушевский, С.Л. Рудницкий, Д.И. Донцов, Ю.И. Липа и др.). При общей для них методологической «триаде» (украино-центричности, «самостийности», антироссийскости) спектр этих представлений весьма широк [23, с. 174–252].

В целом со второй половины XIX до начала XX в. де-факто геополитические исследования охватывали более широкий круг вопросов, чем политическая география. Геополитическое познание к началу XX в. постепенно приобрело свой «классический» вид и в ней сложилось несколько пересекающихся исследовательско-тематических программ:

- *военно-геостратегическая*, нацеленная на вопросы военного противоборства и безопасности страны, включая оценку роли военно-морского могущества (П.А Языков, Д.А. Милютин, Е.Н. Квашнин-Самарин, А.Е. Снесарев и др.);
- *историко- и политико-географическая*, ставившая задачу выявления форм и закономерностей территориально-политической организации общества в истории и современности при внимании к естественно-географическим факторам (К.И. Арсеньев, К.М. Бэр, А.И. Воейков, П.П. Семенов-Тян-Шанский, В.П. Семенов-Тян-Шанский, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский);
- *этнокультурная, этногеографическая или цивилизационная*, ориентированная на изучение России как особой цивилизации и этнокультурного мира во взаимоотношении с другими цивилизациями (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, В.И. Ламанский, Л.И. Мечников);

■ *политико-социологическая*, направленная на политический и философский анализ актуальных проблем и стратегий развития страны (П.И. Пестель, А.И. Герцен, М.А. Бакунин, С.Н. Южаков, Д.И. Менделеев, А.Е. Вандам и др.).

Особым направлением стало *государственно-прагматическое*, связанное с непосредственной организацией геополитической деятельности государства, т.е. с практическим уровнем геополитики (Н.И. Панин, Н.Н. Муравьев-Амурский и др.).

На все из них наложил отпечаток спор славянофилов, западников и государственников, у которых были и свои предпочтения. Славянофильское крыло предпочитало цивилизационную, в то время как западническое — политико-социологическую программу исследований. Особую роль сыграли географический детерминизм и антропогеография, способствовавшие развитию геополитики в лоне географии.

Государственно-геополитическая парадигма

Радикальные территориально-политические изменения по итогам Первой мировой войны и социалистической революции в России вызвали трансформацию антропогеографической парадигмы политической географии Ф. Ратцеля — В.П. Семенова-Тян-Шанского в более узкий вариант — государственно-геополитическую парадигму. Сохранявшиеся в негеографических работах геополитического плана остатки государствоописательной парадигмы также переходят к государственно-геополитической парадигме, минуя стадию антропогеографии (характерной для тогдашней политической географии и «географического» крыла геополитики). Новая область политико-географического знания в 1899 г. была обозначена шведским профессором Р.Челленом термином «геополитика» и стала доминирующей и определяющей своеобразие новой парадигмы политической географии, постепенно выделившись в самостоятельное междисциплинарное научное направление.

В отличие от «западной» интерпретации развития территориально-политических систем, в СССР сложилась иная, марксистско-ленинская, методологическая основа их изучения, с биполярным восприятием общественно-политических процессов, в том числе территориально-политических, сквозь классовую, антикапиталистическую идеологическую призму. Ключевой геополитической работой на десятилетия вперед стала книга В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1916 г.), подчеркивавшая неравномерность мирового развития. Важным компонентом идеологии 1920-х годов стала доктрина «мировой революции». Ее активным сторонником и пропагандистом стал Л.Д. Троцкий. В 1920-е годы сформировалось и представление об СССР как осажденной острове-крепости (М.В. Фрунзе). Далее геополитические исследования, особенно в общественно-политической сфере, на протяжении всей советской истории были подчинены идеологическим установкам партийных лидеров.

Вместе с тем долгое официальное неприятие политической географии и геополитики как научных направлений и учебных дисциплин (информация о них,

присутствовавшая в советских энциклопедиях и справочниках в 1920-е годы, отсутствовала с начала 1930-х до 1960-х годов) сопровождалось «миграцией» и «растворением» политико-географической и геополитической проблематики в других науках — военной географии, обществоведческих науках, востоковедении и особенно в экономической географии зарубежных стран (но как «вспомогательного» знания). Монопольные позиции в научной и учебной литературе на несколько десятилетий заняли пять государственно-геополитические тем: политическая карта; типология стран мира; география межимпериалистического соперничества; политизация экономико-географических характеристик стран мира; критика западной политической географии и геополитики (В.Э. Ден, И.А. Витвер, М.Б. Вольф, Б.Н. Семевский, А.Г. Шигер и др.). Однако изучение западной геополитики в 1920-е годы В.Э. Деном и его коллегами по кафедре экономической географии Ленинградского государственного университета привело к их обвинению в контрреволюционной деятельности.

Геополитические воззрения складывались не только в рамках экономической географии. Всемирную известность и геополитическую интерпретацию получила концепция «длинных волн» («больших циклов») мировой экономической конъюнктуры Н.Д. Кондратьева. В области критики западной геополитики поработали также философы и историки (И.С. Звавич, Е.В. Тарле, Н.Ф. Яницкий и др.).

География политико-географических и геополитических исследований носила ярко выраженный «столичный характер» — в ней доминировали научные и образовательные организации Петрограда-Ленинграда (Географический институт, Ленинградский государственный университет, его Научно-исследовательский географо-экономический институт) и Москвы (МГУ им. М.В. Ломоносова, Институт географии Академии наук, Коммунистическая Академия, Институт мирового хозяйства и мировой политики).

Деятельностно-общественная парадигма

Тенденция политизации экономической географии закономерно активизировалась после Второй мировой войны, расширения социалистической системы и распада колониальной системы, что привело к расширению предметной области политической географии геополитики и к «вызреванию» новой парадигмы — деятельностно-общественной, сложившейся уже во второй половине 1970-х годов.

Ее содержание включает изучение территориально-политических аспектов уже не только государственной, но и других видов деятельности общества (в первую очередь таких субъектов, как партии, этносы, религиозные конфессии и др.), а также иных сфер жизни общества (экономической, социальной, этнической, культурной и др.) и их интегральных результатов, в том числе политико-географических районов. Происходит переход от государственно-геополитической тематики к более широкому политико-географическому страноведению, ставшему в 1980-е годы ядром новой парадигмы и охватывающему широкий круг вопросов территориальной расстановки политических сил в странах, их регионах и отдельных центрах (электоральную географию), региональные социально-

и культурно-политические различия, политико-географическое районирование, методику политико-географических характеристик стран и их регионов и др.

Именно в рамках этой парадигмы в ряд научных направлений возвращается сначала политическая география, а с конца 1980-х — и геополитика. Неоценимый вклад в этот процесс внесли выдающиеся географы С.Б. Лавров и В.А. Колосов. Знаковым событием стало первое Всесоюзное совещание по проблемам политической географии, прошедшее в 1986 г. в Баку и по итогам которого был выпущен первый в СССР политико-географический сборник научных трудов [16], в котором впервые были опубликованы доклады, позитивно трактующие геополитику.

В рамках современного (постсоветского) этапа деятельностно-общественной парадигмы сложились три основных научно-дисциплинарных направления исследований:

- *в теории международных отношений* (А.Д. Богатуров, Л.Г. Ивашов, Н.А. Комлева, С.А. Косолапов, С.В. Лурье, В.П. Ощепков, Э.А. Позднянков, К.Э. Сорокин, А.И. Уткин, П.А. Цыганков и др.),
- *в политологии и политической публицистике* (К.С. Гаджиев, А.Г. Дугин, М.В. Ильин, А.С. Панарин, А.П. Паршев, К.В. Плешаков, В.Н. Рябцев, Р.Ф. Туровский, В.Л. Цымбурский и др.);
- *в политической географии* (К.Э. Аксенов, П.Я. Бакланов, Л.А. Безруков, О.В. Витковский, В.В. Вольский, Ю.Н. Гладкий, В.А. Дергачев (Киев), А.Г. Дружинин, А.Б. Елацков, Д.Н. Замятин, Н.В. Каледин, В.А. Колосов, С.Б. Лавров, А.И. Ибрагимов (Баку), Я.Г. Машбиц, Н.С. Мироненко, А.С. Перепечко (Минск), Ф.А. Попов, С.Б. Слевич, Л.В. Смирнягин, А.И. Трейвиш, Р.Ф. Туровский, А.Е. Федоров, В.Г. Шведов, В.С. Ягья и др.).

Основными теоретическими концепциями политической географии, на которые опирается большая часть исследований объективной политико-географической реальности, стали концепции территориально-политической организации общества (В.А. Колосов [13]) и геополитической самоорганизации общества (Н.В. Каледин [11]). В соответствии с первой, опирающейся на территориальный подход, предметом политической географии является процесс территориально-политической организации общества и его результаты — территориально-политические системы, а их элементарной единицей — «политико-географическое место». Вторая концепция, исходя из деятельностно-геопространственного подхода, дает более широкую интерпретацию политико-географической реальности как результата непрерывного взаимодействия, взаимной адаптации разнообразной политической деятельности общества и многообразных условий-свойств земного пространства (геопространства). Результатом и элементарным носителем этого геоадаптационного процесса и его результатов — политико-географических явлений выступают геополитические отношения. Это те «кирпичики», из которых сложена политико-географическая картина мира.

С этих позиций геополитика представляется деятельностью по управлению геополитическими отношениями между политическими субъектами и условиями

геопространства, в том числе отношениями контроля над этим геопространством. Соответственно геополитика как область знания ставит задачу выявления, прогнозирования и проектирования таких отношений. Составной частью этой деятельности является геополитическое моделирование.

Изучение логики геополитических моделей

Рассматривая историческое развитие геополитической мысли и предлагавшихся разными авторами геополитических моделей, возникает потребность обобщенного понимания той логики, в рамках которой эти модели формулировались. Для этого требуется перейти к теоретическому уровню осмысления геополитического знания. Далее предложим возможный вариант решения задачи [8; 9].

Основываясь на деятельностно-геопространственном подходе [11], в качестве базового элемента теоретизации и объекта исследования определяется геополитическое отношение (ГПО). Каждому ГПО имманентно присущи географическое и политическое отношения.

Вся многообразная совокупность таких отношений представляет собой геополитическое пространство. Участок геопространства, участвующий в однородных ГПО с отдельным субъектом можно именовать геополитическим полем. В расширенном же контексте предлагается использовать геоадаптационный подход к исследованию геополитики и смежных с ней проблем. Фактор адаптационного давления, называемый в адаптационной теории стрессором, применительно к данному контексту рассматривается нами в качестве геострессора.

Изучая историческое развитие исследований геополитической реальности, можно разделить их на два больших уровня: эмпирический и концептуальный. На первом исследуются конкретно-исторические ГПО в том виде, в каком их удается выявить или предположить. Часто результаты этих исследований используются для второго уровня, на котором строится та или иная идеализированная модель. При геополитическом моделировании исследуются системы ГПО, которые можно типологизировать и отнести к тем или иным абстрактным идеальным моделям. Группы идеальных моделей можно условно разделить на три класса по приоритетно рассматриваемой стороне в ГПО — географической, деятельностно-политической и их общей динамике. Опишем их подробнее.

1. Модели географического ряда.

Модели географического ряда берут свое начало еще от концепций географического детерминизма. Обосновывая сеть геополитических границ, регионов, и геополитических полей, кладут в основу не локализацию интересов и геополитических полей акторов, а инвариантную структуру географической оболочки, прежде всего физико-географическую. Имеет место внесубъектный подход, как бы взгляд на ГПО с другой, геопространственной его стороны. Соответственно, можно выделить две основные группы моделей — естественно-географические и общественно-географические.

Так, к моделям естественно-географического типа можно отнести, например, гипотезу Л.Н. Гумилёва о локализованных линиях пассионарных толчков (см. рис. 2) или модель А.Е. Федорова о влиянии геологических структур на

конфликты и геополитику [21]. Несколько иначе обстоит дело при исследовании общественно-географических факторов. В данном случае абстрагирование может происходить только при оценке таких явлений, которые мало зависят от изменчивых политических границ и интересов. Это может быть некий «социально-экономический субстрат» политических процессов с инвариантом границ — этническая карта, экономические районы, транспортные сети или цивилизации. Сюда, например, можно отнести модель А.И. Трейвиша, определяющую геополитическую величину страны ее мировой долей по трем общественно-географическим показателям [20, с. 72].

Если попытаться обобщить разнообразные географические модели с точки зрения геоадаптационного подхода, можно отметить два основных пути их построения. Во-первых, это описание принудительной детерминации (трансформации) собственных характеристик находящихся на некоторой территории геополитических субъектов. Например, пассионарный толчок по концепции Л.Н. Гумилёва происходит независимо от воли сообщества и первоначально незаметен. Во-вторых, что встречается реже, может описываться образование положительных и отрицательных геострессоров (факторов геоадаптационного давления) для произвольных субъектов на данной территории. Это проявляется, например, при описании «притягивающей» геополитической роли месторождений углеводородов. Модели обеих ветвей в конечном итоге оценивают влияние описанных факторов в качестве внешних и внутренних условий для политической динамики/геоадаптации геополитических субъектов на территории.

2. Модели деятельностного ряда.

В данных моделях рассматриваются отдельные или включенные в некую географически структурированную мозаику геополитические поля отдельных акторов. Широко распространенной моделью этого типа является концепция «больших пространств» в разных вариациях. В этом же ключе можно рассматривать и типологию геополитических пространств по В.П. Семенову-Тян-Шанскому. Наиболее востребованной в описании геополитического положения государств представляется секторно-концентрическая (радиально-кольцевая) идеализированная модель.

Обобщая разнообразные деятельностно-пространственные модели локального (частного) уровня, можно отметить основные пути их логического построения (рис. 4). Во-первых, имеется различие между моделями позиционирования (пассивной оценки, анализа и прогнозирования) и стратегирования (активного, нормативного проектирования и программирования). Во-вторых, описываются, с одной стороны, реакции на вызовы геострессоров, а с другой — роль общей дифференциации геопространства. В итоге все модели данного типа оценивают влияние указанных факторов на политическую трансформацию/геоадаптацию и политико-геоадаптационные возможности конкретных субъектов.

На следующем шаге описывается уже результат взаимодействия субъектных и геопространственных факторов. Этот процесс имеет несколько «выходов». С одной стороны, это функциональная (отраслевая) политическая геоадаптация, а с другой — складывающиеся пространственные формы геополитических полей. С точки же зрения исторической геополитики интересно прослеживать относительные изменения элементов данной схемы на разных исторических этапах,

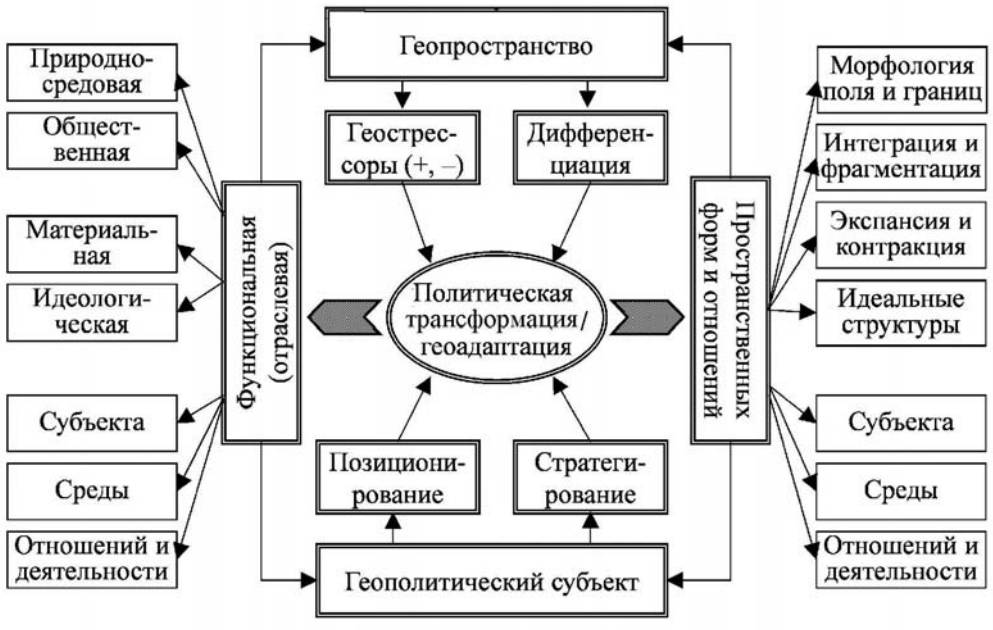


Рис. 4. Обобщенная логическая структура геополитических моделей деятельностного ряда [9]

а также каким образом эти изменения фиксировались в геополитических моделях авторов прошлых эпох.

В принципе, кроме описанного типа, в ряду деятельностных моделей можно выделить еще несколько, включая «непространственный» деятельностно-функциональный и «надсубъектный» сетевой [9].

3. Модели хроногеополитического ряда.

Развертывание и структуризация ГПО и геополитических полей происходит во времени как в своего рода четвертом измерении геопространства. В первом приближении можно выделить три основных подхода — аналитический, стадиальный и циклический. В отечественной литературе особую популярность получили различные модели геополитических циклов. Интерес к ним, видимо, связан с тем, что они, в идеале, позволяют прогнозировать геополитический процесс. Это и пассионарный цикл по Л.Н. Гумилеву, и цикл отношений Россия–Европа по В.Л. Цымбурскому, и длинные волны по Н.Д. Кондратьеву, и ряд других.

Таким образом, можно заключить, что множество разнородных, на первый взгляд, геополитических моделей достаточно хорошо могут вписываться в некоторую общую логическую структуру и классификацию. Это открывает путь для интегрального рассмотрения геополитических моделей, предлагавшихся разными авторами в различные периоды истории, как элементов единой системы геополитического знания.

Примечания

[1] *Дополнение к исходной статье*. Г.В. Крафт (G.W. Krafft) употребил термин «политическая или историческая география» впервые именно в России, причем отнес его к исторической науке. В Западной Европе термин изредка встречался и ранее. Так, еще в 1665 г. в Париже было издано «Введение в географию» Н. Сансона с главой о «политической или гражданской географии». Позже термин появился и в немецкой литературе, что, вероятно, и принимал во внимание Крафт. Х.-Н. Винцгейм (Ch.N. Winsheim) опубликовал, видимо, первую в мире книгу (учебник) с названием именно «Политическая география» [3] (на русском и немецком языках). Этот труд был отмечен А. Бюшингом в его «Новом землеописании...».

[2] *Дополнение*. Развивая политическую географию как государствоописательное исследовательское направление, сам Бюшинг, тем не менее, еще предпочитал употреблять термин «политическое землеописание» (*Politische Erdbeschreibung*). Переводчики на русский уже тогда (1766 г.) заменяли его «политической географией» — термином, ранее утвердившимся в России.

Литература

1. *Арсеньев К.И.* Статистические очерки России. СПб., 1848.

2. *Блокк А.* Атлас. Сравнительное обозрение сил и богатства европейских государств. СПб., 1863.

3. *Винцгейм Х.-Н.* Краткая политическая география: К изъяснению изданного на российском языке небольшого атласа. СПб., 1745.

4. *Витвер И.А.* Историко-географическое введение в экономическую и политическую географию капиталистического мира. М., 1945.

5. *Воейков А.И.* Будет ли Тихий океан главным торговым путем земного шара? // Изв. Имп. Рус. геогр. о-ва. 1904. Вып. IV.

6. *Греч И.М., Наковольнин С.Ф.* Политическая география сочиненная в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, для употребления учащагося во оном Корпусе шляхетства напечатана. СПб., 1758.

7. *Гумилёв Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеоиздат, 1990. С. 342.

8. *Елацков А.Б.* Обобщенные типы геополитических моделей // География и природные ресурсы. 2019. № 3.

9. *Елацков А.Б.* Общая геополитика: вопросы теории и методологии в географической интерпретации. М.: ИНФРА-М, 2017.

10. *Зябловский Е.* Курс всеобщей географии по нынешнему политическому разделению. Ч. 1. СПб., 1818.

11. *Каледин Н.В.* Политическая география. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996.

12. *Каледин Н.В., Чистобаев А.И., Каледин В.Н., Елацков А.Б.* Развитие политической географии и геополитики в Балтийском регионе как научно-образовательных направлений: исторический вклад Санкт-Петербургского университета // Балтийский регион. 2019. Т. 11. № 2. С. 136–152.

13. *Колосов В.А.* Территориально-политическая организация общества. Дисс. ... д-ра геогр. наук. М., 1992.

14. *Ламанский В.И.* Три мира Азийско-Европейского материка. СПб., 1892.

15. *Петри Э.Ю.* Методы и принципы географии. СПб., 1892.

16. Политическая география: проблемы и тенденции: Материалы Всесоюз. совещ. / Под ред. В.А. Колосова, А.И. Ибрагимова. Баку, 1987.

17. Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн / Под ред. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземской. М., 1993.

18. *Семевский Б.Н.* Вопросы теории экономической географии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1964. — 87 с.

19. *Семенов-Тян-Шанский В.П.* О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии // Изв. Имп. Рус. геогр. о-ва. 1915. Вып. 8.

20. *Трейвиш А.И.* Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М., 2009. С. 72.

21. *Федоров А.Е.* Возможные геотектонические причины движений народов (массовых миграций) и геополитика // Альманах Пространство и Время. 2012. Вып. 2.

22. *Чижевский А.Л.* Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924.

23. *Шаблій О.І.* Політична географія, геополітика і геостратегія // Суспильна географія: теорія, історія, українознавчі студії. Львів. 2001.

24. *Шигер А.Г.* Политическая карта мира (1900–1960): Справочник. Ч. 1. М., 1961.

25. *Krafft G.W.* Kurtze Einleitung zur Mathematischen und Naturlichen Geographie, nebst dem Gebrauch der Erd-Kugeln und Land-Charten, zum Nutzen der Russischen studirenden Jugend. St. Petersburg, 1738.

26. *Metchnikoff L.* La Civilisation et les grands fleuves historiques / avec une préface de M. Élisée Reclus. P., 1889.

ГЛАВА 2

Глобальные геополитические системы

Пространственное распределение силы и стратегии государств, или что и как объясняет геополитика

Геополитика классическая и современная

Геополитическое моделирование как разновидность структурно-функционального анализа мировой политики

Политическое геопространство как объект исследования. III. Пространство геополитических отношений

1. Насколько важны географические факторы в геополитике? Как вы понимаете понятие «хартленд»?
2. Остались ли в мире «неосвоенные территории»? Назовите их.
3. В чем различия «высокой» и «низкой» геополитики?

И.М. Бусыгина, И.Ю. Окунев

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СИЛЫ И СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВ, ИЛИ ЧТО И КАК ОБЪЯСНЯЕТ ГЕОПОЛИТИКА*

Возможно, ни одно научное направление не развивалось столь бурно и противоречиво, как геополитика. Не только экспертные сообщества, но и общества в целом пережили период почти маниакальной очарованности геополитикой (геополитика может все!) для того, чтобы перейти потом к сильнейшему разочарованию в ней и отказу от геополитики в принципе. Так, в свое время геополитические тексты практически напрямую определяли внешнюю политику (вернее, внешнюю экспансию) германского государства, сегодня же в Германии стараются избегать самого термина «геополитика» — это значит, что целое научное направление просто-напросто «вымыто» из сферы научных исследований или в лучшем случае присутствует только имплицитно. В России при обилии публикуемых учебников и монографий, посвященных геополитике, среди исследователей до сих пор отсутствует консенсус даже относительно «базовых» подходов и терминов — а это не только предоставляет возможность, но и вводит в соблазн разного рода спекуляций. Сам термин «геополитика» часто используется произвольно, без всякого соотнесения с пространственными факторами [см., напр., Kakabadse, Kakabadse, 2001]. (Весьма примечательно, что во многих работах при использовании термина «геополитика» предлагаются объяснения, геополитике — по крайней мере, классической — противоречащие.) Ситуацию не выправляет и то, что, объявляя геополитику анахронизмом, исследователи вводят в научный оборот новые термины с приставкой «гео»[1]. Еще в 1986 г. Лесли Хеппл констатировал, что литература по геополитике фрагментирована и неполна, а связь между отдельными ее направлениями или отсутствует, или весьма условна [Hepple, 1986: 33]. Сегодня, почти 30 лет спустя, ситуация немногим лучше.

Отдельную проблему представляет собой использование «языка геополитики» самими политиками. В России геополитический лексикон времен холодной войны

* *Бусыгина И.М., Окунев И.Ю.* Пространственное распределение силы и стратегии государств, или что и как объясняет геополитика // Полис. Политические исследования. 2014. № 2. С. 106–123.

становится все более популярным при совершенно произвольном употреблении терминов; отсутствие хотя бы какого-то консенсуса относительно понятий и подходов и делает это возможным. Евразийская интеграция и последние события на Украине привели к очередному «обострению болезни»: «геополитическая схватка», «неоимперские амбиции», «силы, которые хотели бы, чтобы Россия перестала быть одним из полюсов влияния в мировой политике» — таким языком наши депутаты обсуждают результаты инициативы «Восточное партнерство» Евросоюза[2].

Подобное положение кажется нам ненормальным и невыгодным для нашей страны. В данной статье мы ставим задачи обсудить возможные подходы к объяснению поведения государств и взаимоотношений между ними со стороны геополитики и тем самым пригласить к дискуссии всех заинтересованных в данном предмете.

Зачем нужна геополитика: недостаточность объяснений в международных отношениях и политической науке

Традиционно объяснения поведения государств на международной арене и складывающиеся системы этих отношений «закреплены» за теориями международных отношений (МО). В рамках различных теоретических подходов МО поразному трактуют внешнеполитические мотивации государств и придают разный «вес» значимости международных соглашений и институтов в отношениях между суверенными государствами. Одной из идей, общей для всех основных направлений исследований международных отношений, является признание важности формальных и неформальных альянсов суверенных государств — от коалиций до сообществ и федераций. При этом практически все теоретические подходы к международным отношениям, при всех их различиях, отмечают ключевую роль создания и поддержания альянсов вокруг и против стран, претендующих на статус великих держав [Бусыгина, Филиппов, 2012: 74]. Таким образом, можно говорить о том, что в целом эти теории воспринимают систему МО как «мир множества точек», между которыми разворачиваются взаимодействия. В этом мире, правда, есть несколько точек самого большого «веса» (великие державы), однако чем обусловлено их появление — этот вопрос большого значения не имеет. Между тем, в мире взаимодействуют не точки, но пространства (поскольку каждое государство имеет пространственные характеристики, и это особенно важно для великих держав, которые территориально протяженны); более того, взаимодействия между государствами тоже пространственны.

Современная политическая наука в своем объяснении внешней политики того или иного государства чаще всего идет от его внутренних характеристик, исследуя главным образом характер политического режима. Базовой является теория двухуровневой игры, где внешняя политика рассматривается как продолжение внутренней [Putnam, 1988: 427–460]. Здесь доказанным является стратегическое различие между демократическими и недемократическими государствами. Подлинные демократии ведут себя особым образом: они демонстрируют более миролюбивое поведение в отношении друг друга (обычно говорят: «демократии не воюют»), но в целом они не обязательно более «миролюбивы», чем автократии. Исследователи предлагают два значимых объяснения такого поведения демокра-

тий — структурное и нормативное, однако до сих пор относительно немного работ исследовали *вариации внутри «демократического лагеря»*.

Тем не менее, мы видим, что государства со схожими характеристиками политических режимов демонстрируют совершенно различные модели поведения на международной арене. Так, внешнеполитические стратегии Бразилии и Мексики, государств, которые являются и президентскими республиками, и федерациями, будут тем не менее демонстрировать принципиальные различия, в первую очередь в отношении США.

Это означает, что дополнительными объясняющими могут выступать и иные факторы — в частности, факторы географические. Таким образом, не подвергая сомнению объяснения, следующие из теорий МО, утверждается, что использование географических переменных позволяет усилить объяснения поведения государств, их альянсов и миропорядков.

Основатели геополитики считали географические факторы в международных отношениях самими важными в связи с тем, что они являются наиболее постоянными, что стало основой для обвинений геополитики в «географическом детерминизме». Современная геополитика разделяет более мягкий подход, предложенный Н. Спикманом, утверждавшем, что география не предопределяет, но создает условия и предлагает возможности, а пространственные факторы должны считаться не детерминирующими, а обусловливающими (*conditioning*) [Spykman, 1938: 28–50].

Примечательно, что экономисты и политэкономы заметили и осознали важность географических факторов для объяснения работы институтов, а последние, в свою очередь, выступают объясняющими уровня, характера и устойчивости развития. Этому направлению посвящена обширная литература [см.: Acemoglu et. al., 2003; Sachs, 2003; Villarubia, 2006]. Признать важность географических факторов оказывается гораздо более трудным делом для международников и политологов.

Многие российские геополитики утверждают, что «конец геополитики» был предсказан преждевременно: битвы за пространство (и тем самым — за власть) еще более важны в мире глобализирующихся экономик и постоянно нарастающих информационных потоков. Рассуждения о том, что место (*geographical space, locality*) утрачивает материальность, а с ней и самый смысл своего существования, игнорируют реалии — укажем хотя бы на широкое распространение «войн» за природные ресурсы, которые, очевидно, «привязаны» к определенной территории [см.: de Billon, 2005; Victor, Amy, Hayes, 2006]. Хорошей иллюстрацией здесь будет являться разворачивающаяся в последние годы конкуренция за Арктику, где в отношениях приарктических государств все более остро начинают проявляться проблемы, связанные с разграничением арктических территорий. Действительно, через пятьдесят лет Арктика сможет стать одним из главных источников энергоресурсов и ключевым транспортным узлом планеты. За «арктический пирог» уже ведется серьезная борьба, в которой участвуют США, Россия, Канада, Норвегия, Швеция и даже такая далекая от этого региона страна как Китай. Средства массовой информации активно осваивают горячую тему продвижения национальных интересов и достижения стратегических целей России в Арктическом регионе в условиях геополитического соперничества[3]. Однако при отсутствии научных объяснений геополитического характера эта тема опять-таки рискует стать полем для обширных спекуляций.

Все согласны с тем, что защищать геополитические подходы времен, например, конкуренции между Британской и Российской империями XIX в., или же идеологические подходы времен холодной войны, по меньшей мере нелепо. Тем не менее, современная геополитика вовсе не сводится к своим старым — и, безусловно, устаревшим — базисам.

Существует ряд оснований сохранения значимости геополитики в настоящее время. *Во-первых*, без обращения к геополитике невозможно достаточно глубоко понять историю международных отношений XVIII, XIX и XX вв. (последний неслучайно называют «веком геополитики»). Глобальные конфликты этого времени часто разворачивались между морскими и сухопутными державами; таким образом, география во многом обусловливала содержание международной политики [Sempa, 2002: 120].

Разделы и переделы мира между колониальными державами в XIX в., империализм начала XX в. и подъем Третьего рейха — именно геополитическая проблематика дает понимание великих битв прошлого за организацию глобального политического пространства. Впоследствии, во времена холодной войны, именно геополитика использовалась для описания перманентной борьбы между капиталистическим Западным и социалистическим Восточным блоками, которая в конце концов закончилась распадом Советского Союза [см.: Tuathail, Dalby, Routledge, 1998].

Во-вторых, обращение к геополитике позволяет сформировать адекватную *внешнеполитическую стратегию государства*. Речь идет именно о фундаментальной стратегии, а не конкретных решениях. Понятно, что на выработку такой стратегии оказывают влияние множество факторов, однако «фактор географический» — среди наиболее значимых; географическая среда (внутри и вне государства) может как накладывать серьезные ограничения на внешнюю политику, так и предоставлять государству определенные преимущества. Таким образом, принимая во внимание условия этой среды, мы можем лучше и полнее реализовать стратегический выбор и роль государства в современном мире.

В-третьих, существует еще один важный аспект геополитики, относящийся к стратегической культуре. Невозможно отрицать, что разные страны декларируют и реализуют различные подходы в международных отношениях. Так, государства с протяженной морской границей интерпретируют вопросы безопасности совершенно иначе, чем государства, не имеющие выхода к морю. Различные политические культуры, которые в сильной степени определяют «национальный стиль» во внешней политике (в частности, характер вовлеченности в международные конфликты), сформированы особым историческим опытом каждой страны — а этот исторический опыт является производным, в том числе, и от комбинации национальных географических условий [Owens, 1999: 59–76; Gray, 1977: 33].

Наконец, потенциально значимость геополитики может не только сохраниться, но и возрасти в связи с новыми исследованиями пространств — географических, политических, экономических, социокультурных — и их «наложений». Подобные «пространственные исследования», безусловно, требуют концептуализации, однако этот процесс уже начался (прежде всего, в стенах ИМЭМО РАН)[4], и вопросы взаимоотношения пространств физических (географических, геополитических) с пространствами иных измерений станут в перспективе одними из ключевых.

Обосновывая значимость геополитики, мы вовсе не призываем к географическому детерминизму, но лишь делаем следующее утверждение: геополитика базируется на предпосылке о том, что географические факторы (помимо прочих) обусловливают ограничения и возможности в мировой политике. Государства могут использовать свои преимущества (которые при использовании из географических становятся геополитическими), или же оказаться заложниками своих ограничений.

Пространственная парадигма международных отношений

Вопреки расхожему представлению о геополитике как об одной из теорий международных отношений близкой реализму или неореализму [см., напр., Лебедева, 2013: 41–42], геополитика наряду с историей и теорией МО образует самостоятельную парадигму трактовки международных отношений — пространственную. Более того, геополитика не может трактоваться рамками реализма или неореализма, в своем развитии она как отдельная парадигма прошла ту же эволюцию: от реализма, выразившегося в школах географического детерминизма Х. Маккиндера и К. Хаусхофера, до либерализма географии человека В. де ла Блаша, от неореализма ревизионистской геополитики Н. Спикмена до постмодерна критической геополитики Ж. Тоала.

В ходе эволюции подходов происходил пересмотр отношения к понятию пространство. В модернистских школах доминирует «территориальная» парадигма мироустройства, предполагающая, что мир разделен на протяженные в пространстве объекты (в первую очередь государства, но также империи, сферы влияния и т.д.) [Agnew, 2005: 437–461]. Тем не менее, многочисленные исторические примеры доказывают, что политии не обязательно обладать территориальностью в этом понимании. Территориальность является лишь одной из стратегий ее развития, которая просто возобладала в нашу эпоху. В то же время известно, что современное территориальное государство развивается только в Новое время в Европе после отказа от нетерриториальных династических систем с персонализированной суверенностью в пользу народного суверенитета [Дэвис, 2006].

Тем не менее, суверенность может быть достигнута не только в протяженных в пространстве объектах. Внутренняя и внешняя легитимация взаимоотношений власти и общества возможна и в нетерриториальных сетевых образованиях. Такие политии как города-государства, союзы, морские империи, безусловно, занимают некоторое пространство, однако не являются протяженными в пространстве объектами, т.е. государственность не всегда означает наличие жестких границ соответствующей территории.

В постмодернистских школах геополитики различают территориальность политии как характеристику ее протяженности и ограниченности в пространстве, предполагающую наличие фиксированных границ применения суверенитета, от пространственности политии как характеристики ее представленности (распространенности) в пространстве. Ресурс территориальности сильно ограничен, поскольку одна и та же территория не может подпадать под разные суверенитеты, в то время как пределы пространственности намного более широкие, так как се-

тевой принцип организации политии позволяет одной территории распределять свою суверенность между несколькими образованиями.

Можно сделать вывод о том, что геополитика как самостоятельная парадигма учений о влиянии географических характеристик на международные отношения переживает эволюцию вслед за переосмыслением своих объясняющих переменных — пространства и дифференцирующихся в нем факторов.

Отметим, что каждая из предлагавшихся в различные исторические периоды пространственных конфигураций международных отношений (противостояние морских и сухопутных держав, борьба за хартленд и римленд, противостояние Севера и Юга и т.д.) имела по два существенных аналитических ограничения. *Во-первых*, они объясняли лишь актуальную для них международную ситуацию (так, римленд был актуален для понимания баланса сил во времена холодной войны, но оказывается неспособен объяснить постбиполярное геополитическое равновесие). *Во-вторых*, они оказывались идеологированными и зависящими от внешнеполитических видений автора той или иной концепции (пришел бы Маккиндер к концепции хартленда, если бы не служил в Афганистане?).

«Сила» государств и ее пространственное распределение

«Сила» всегда представляла собой центральный концепт для анализа международных отношений; в постбиполярном мире различия в концептуализации «силы» стали одним из основных источников дебатов, как в научной, так и в популярной литературе и в СМИ. Мы не ставим задачи глубокого погружения в эти дискуссии, укажем лишь на принципиальную линию раскола. Так, Кеннет Уолтц определял силу как способность государства влиять на поведение других государств, не становясь при этом объектом влияния [McCormick, 2007: 12]. Это традиционное понимание силы, ее интерпретация в духе реалистской парадигмы. Следствия такого понимания широко известны: сила понимается исключительно как военная сила, и обладание ею базируется на трех предпосылках: (1) сила зависит от способности государства вести войну; (2) сила подразумевает принуждение; (3) сила «монополизирована» государством [Ibid.: 12–15, 59]. Помимо прочего, данный подход однозначно предполагает, что прежний биполярный порядок был заменен однополярным, где США и играют роль «одинокой сверхдержавы» [Huntington, 1999: 35].

Наиболее известным представителем альтернативного подхода является Джозеф Най, определяющий силу как «способность влиять на поведение других для получения желаемых результатов» [Nye, 2004: 2]. Най утверждал, что силу невозможно понять или оценить, не исследуя контекст, не понимая «в какую игру вы играете» [Ibid.: 2–4]. Да, во времена холодной войны и «жестких» коалиций сила преимущественно интерпретировалась как военная сила, однако сегодня и сам мировой порядок, и его восприятие принципиально изменились. Сегодня «скрытые» и «бессознательные» формы силы не менее важны для понимания мировых политических процессов, чем «видимые» и «осознанные» [McCormick, 2007: 4–6, 10–11]. Концепция «мягкой силы» Ная — это наиболее известная (и успешная) попытка реконцептуализации силы. Най делает важнейшее утверждение о том, что сила не всегда осязаема, конкретна и измеряется в количественном выражении;

она может быть следствием такого слабо параметризуемого свойства как привлекательность [Nye, 2004: 3].

Таким образом, основной раскол существует между концептуализациями «жесткой» и «мягкой» силы. Жесткая сила определяется наличием военных и экономических ресурсов, в ее распоряжении традиционные инструменты — от прямого насилия до взяток и подкупа [Smith, 1998: 68]. Тем не менее, важно подчеркнуть, что само по себе обладание набором конкретных материальных ресурсов — природных, человеческих, пространственных, экономических, военных — не является автоматической гарантией обладания «силой», т.е. способностью достигать желаемых результатов.

В отличие от жесткой, несущими элементами мягкой силы выступают привлекательность (актора, претендующего на обладание ею) и «кооптивный» характер. Таким образом, здесь крайне важен фактор внешнего признания. Действительно, если акторы добровольно признают особый статус одного из них (например, статус великой державы), то необходимость прямого давления и угроз существенно снижается; такая политика может быть контрпродуктивна. Мягкая сила может возникать как результат распространения ценностей и норм: «когда культура страны основана на универсальных ценностях, а ее политика соответствует ценностям и интересам, которые разделяют другие, вероятность желаемого результата возрастает в силу появления отношений взаимного притяжения и взаимных обязательств» [Nye, 2004: 5, 7].

Обратим внимание: вне зависимости от того, как концептуализируется понятие «силы» в международных отношениях, эти концептуализации оказываются безразличными к фактору пространства, т.е. к пространственному положению источника силы. Между тем, привлечение к анализу фактора пространства — соединение источника «силы» с определенной территорией, на которой он располагается, позволяет серьезно усилить объяснительную силу происходящего в мировой политике. Мировая политика разворачивается в географическом контексте [Sempa, 2002: 118].

Каким было бы распределение силы в международных отношениях, будь пространство Земли бесконечно, а империи могли бы продолжать экстенсивно развиваться, не соперничая друг с другом? Или если бы мировой континент Пангея не раскололся много миллионов лет назад, и атлантическое побережье США граничило с Западной Сахарой? Так или иначе, сила распределяется в конкретном пространстве Земли и это ее фундаментальная объясняющая. Соответственно, понимание силы и ее распределения невозможно без обращения к геополитике, стоящей на стыке наук об обществе и географии. Именно пространство как объясняющая переменная является объектом интереса географии, от которой геополитика наследует частицу «гео» в своем названии (согласно классическому определению Ассоциации американских географов, география является наукой о месте и пространстве[5]). Напомним, что так наз. *первым законом географии* является закон Вальдо Тоблера, гласящий, что «все взаимосвязано, но расположенные ближе друг к другу объекты взаимосвязаны больше, чем расположенные дальше» (*everything is related to everything else, but near things are more related than distant things* [Tobler, 1970: 234–240). Это показывает, что современная география, а вслед за ней и геополитика, в отличие от обыденного понимания, давно ушли от описания, соответственно, земного пространства и его

международно-политического среза, перейдя к задаче анализа влияния пространства и его конфигураций на различные процессы. Примером действия первого закона географии в международных отношениях может служить ставшая классической математическая модель влияния эффекта соседства на конфликтность и сотрудничество, разработанная Дж. О'Лафлином и Л. Анселином при анализе событий в Африке в 1966–1978 гг. [O'Loughlin, Anselin, 1991: 29–61].

Мы утверждаем, что пространственный аспект добавляет к анализу международных отношений важное измерение в силу по крайней мере двух обстоятельств. Во-первых, очевидно, что распределение «силы» по территории земного шара отличается выраженной пространственной неравномерностью, причем «локусы силы» (т.е. основные места ее концентрации) меняют свое пространственное расположение — происходит постепенное возвышение одних локусов (мест) и упадок других. Так, Модельски выделял в мировой истории «длинные циклы» (порядка ста лет), в ходе которых мировая сила (лидер) возвышается и приобретает контроль, «правит» миром, а затем утрачивает контроль вследствие внутрисистемных сдвигов и вызовов, с которыми она не в состоянии справиться (иными словами, три поколения — за 100 лет — выполняют свои задачи: первое строит, второе консолидирует, третье теряет контроль). При этом происходит возвышение новой мировой силы. Модельски выделял четыре силы в мировой истории — Португалию, Нидерланды, Великобританию и США. О «длинных циклах» писал и Фернан Бродель в книге «Цивилизация и капитализм», выделяя в качестве мировых лидеров последовательно Венецию, Нидерланды, Великобританию и США. Пространственные перемещения центра силы и есть движущая сила, своего рода «мотор» мирового развития.

Кроме того, успешность внешней экспансии в разные времена зависела и от наличия того или иного ресурса, необходимого для ведения войны. Причем вместе с технологическим развитием менялся и основной ресурс для войны — железо, порох, нефть и т.д. Поскольку распределение всех этих ресурсов было неравномерным, смена технологической эпохи приводила к перераспределению силы в пространстве, а значит, и изменению конфигурации МО. Стоит заметить, что в современном мире зависимость от природных ресурсов несколько сократилась вслед за тем, как доминирующей в международных отношениях стала мягкая сила. Сила государства в эпоху глобального управления скорее определяется его способностью к эффективному управлению, т.е. умению быстро и правильно принимать решения в изменяющейся ситуации и доводить их до реализации.

Во-вторых, важно указать на пространственные асимметрии внутри самих концепций «силы»: разные «силы» будут преобладать на различных пространствах, во взаимоотношениях между различными государствами, какие-то государства в отношениях друг с другом будут преимущественно полагаться на инструменты «мягкой силы», для других отношения в духе «жесткой силы» будут по-прежнему более эффективными. Так, отношения внутри так наз. коалиции стран Запада (т.е. отношения между европейскими странами, США и Канадой, трансатлантические отношения и пр.) базируются на доминировании (которое, видимо, можно уже назвать абсолютным) «мягкой силы». В то же время отношения на других пространствах будут выстроены совсем иначе, с преобладанием «жесткой силы» в ее военной и экономической ипостасях. Именно такими будут отношения между

большей частью государств на Африканском континенте, или отношения Китая с большинством африканских государств. Более того (к вопросу Ная о том, что следует смотреть на то, «в какую игру вы играете»), одно и то же государство будет играть в разные игры на разных пространствах, прежде всего в отношении баланса «жестких» и «мягких» инструментов — достаточно сравнить политику США в отношении, к примеру, стран Евросоюза и их политику в отношении Ирака и Сирии. Еще один пример — политика России по отношению к различным государствам постсоветского пространства.

Необходимо заметить, что сама сила есть результат преобладания потребностей общества и человека над их возможностями — это фундаментальное правило жизни приводит к необходимости той или иной формы легитимации процессов распределения ограниченных возможностей в рамках сообщества. Такая легитимация происходит через достижение того или иного вида консенсуса в обществе относительно справедливости такого распределения, что определяет структуру и характер политических процессов в обществе. Другими словами, сама сила (политика) есть порождение географии, она возникла как результат неравномерности распределения ресурсов (в широком понимании этого слова).

Геополитические равновесия, порядки и их трансформации

Территориальное распределение «силы» по миру может быть устойчивым (т.е. существовать продолжительное время), в этом случае речь идет о глобальном территориальном (геополитическом) равновесии; в то же время может происходить и переход от одного равновесия к другому, т.е. формирование нового глобального геополитического порядка с разрушением прежнего. Подобные равновесия в геополитике объяснялись через противопоставление морских и сухопутных держав, центра и периферии, полюсов развития и другие концепции. Стандартным (и ставшим уже классическим) примером геополитического равновесия является биполярный мир, состоявший из двух больших и жестких коалиций, центрированных вокруг Советского Союза и США. Преимуществами этого порядка были его (относительная) простота и симметрия, однако эти же достоинства обернулись стратегическими недостатками. Во-первых, сложившиеся коалиции были слишком велики и потому внутренне гетерогенны; во-вторых, в качестве предпосылки поддержания равновесия выступало сохранение непроницаемой разделительной линии, что оказалось весьма трудной задачей; в-третьих, равновесие было чрезвычайно затратным: постоянное поддержание статуса требовало огромных расходов, прежде всего на развитие вооружений и всех звеньев ВПК. Наконец, еще одним условием существования этого равновесия было отсутствие других значимых игроков в системе международных отношений. Эти условия должны были обеспечиваться одновременно; иными словами, только соблюдение *всех* условий гарантировало поддержание биполярного равновесия, при отсутствии хотя бы одного из них система начинала неконтролируемо распадаться, что и произошло.

Как подчеркивают академики Н.А. Симония и А.В. Торкунов, одним из важнейших последствий распада биполярной системы стало то, что «открыто выявилась зарождавшаяся под ‘покровом’ биполярности тенденция формирования

многополярного мира» [Симония, Торкунов, 2013: 67]. И процесс складывания этой многополярности — это объективная реальность. Следовательно, речь идет о формировании нового геополитического порядка, обладающего принципиально новыми качествами и гораздо более сложного по сравнению с биполярным равновесием. Важно подчеркнуть, что, в отличие от биполярной системы, многополярный мир равновесием *не является*: этот порядок является открытым — он допускает «вход» новых игроков (полюсов) с соответствующим изменением правил игры.

Таким образом, мы можем говорить о том, что ключевым понятием геополитики выступает баланс сил не столько как статичное состояние (*balance of power*), сколько как динамический процесс (*balancing of power*). Аарон Клиеман удачно противопоставляет традиционное понимание баланса сил как уравновешенных весов балансу сил как вечному двигателю [Klieman, 2013]. Клиеман подчеркивает, что этот новый подход требует переориентации внимания исследователя с констатации формулы баланса и ее «геометрии» (биполярная, многополярная, Запад–Восток, Север–Юг и т.д.) на изучение механизмов ее формирования и поддержания. Баланс сил в таком случае перестает быть только глобальным, его составными частями становятся региональные и локальные подсистемы баланса сил, в которых ключевыми акторами могут выступать далеко не только великие державы. Данный процесс, резюмирует Клиеман, конституируется не только сверху вниз великими державами, но и снизу вверх всеми игроками на международной арене.

Мы рассматриваем мир как *пространственное целое,* взаимоотношения между частями которого (пространствами более мелкого масштаба) могут быть рационально объяснены. Своего рода системой координат выступает система современных государств[6], т.е. в рамках нашего подхода государство является основным объектом анализа. При этом, как указано выше, мы исходим из принципиальной асимметрии (а точнее, огромного множества асимметрий) этой системы в силу крайней неоднородности ее элементов (государств). «Мир... представляет собой *симбиоз* около двух сотен неодинаковых стран с разным уровнем формационного, т.е. социального и экономического развития... Каждая страна в составе мирового сообщества преследует собственные геоэкономические и геополитические интересы...» [Ibid.: 68].

Важно заметить, что анализ мира как пространственного целого был затруднен в открытых системах международных отношений (в которых не был исследован весь мир и оставалось неясным конечное число акторов и ресурсов на планете). Именно этим можно объяснить то, что расцвет геополитических размышлений пришелся на конец XIX — начало XX в., когда на пике своей колониальной политики европейские державы проникли почти во все самые удаленные уголки планеты, сформировалось понимание пространства Земли как целого и конечного явления, внутри которого теперь можно было изучать распределение «силы» и механизма поддержания баланса между ее частями.

Объясняющие в геополитическом анализе

Нашими объясняющими (независимыми переменными) выступают географические (пространственные) факторы, т.е. факторы, которые различаются (дифференцируются) в пространстве. При этом акцент делается не на анализе лишь

свойств положения объекта в пространстве, имманентно ему присущих (прежде всего местоположение государства, размер и форма территории), а на анализе его отношений с положениями других объектов в пространстве, т.е. на анализе пространственных связей (внутренние асимметрии в размещении ресурсов, населения, экономики и пр.).

Таким образом, пространственные (геополитические) факторы оказываются противопоставленными временным (хронополитическим), что меняет представление о месте геополитики в системе наук о международных отношениях. Если история МО как дисциплина в качестве переменной выделяет временные параметры, теория МО — общественные (политические, социальные, культурные) процессы, то геополитика — пространственные факторы.

Подобный подход выделяет особые независимые переменные, на которые опирается в своем анализе геополитика. К ключевым из них относятся:

1) местоположение территории и ее соседи;
2) характер границ территории;
3) физические свойства территории (размер, конфигурация, выход к морю и т.д.);
4) антропогенные свойства территории (централизованность, освоенность, связанность, урбанизированность и т.д.);
5) физический состав территории (рельеф, воды, почвы, климатические зоны, минеральные ресурсы и т.д.);
6) антропогенный состав территории (состав населения, города, экономические районы, инфраструктура и т.д.);
7) конфигурация элементов, расположенных на территории (отношения центр-периферия, характер и уровень межрегиональных диспропорций, расколы и асимметрии территории);
8) эволюция территориальной структуры политии (формирование государства и его территории, территориальные стратегии, время объединения, бывший статус, изменения границ);
9) суверенность территории (внутренняя — политический режим и институты, их преемственность, степень фрустрации, и внешняя — членство в международных организациях, интеграционных образованиях и соответствующие обязательства, накладывающие ограничения на поведение политии);
10) геополитические образы (внутренняя и внешняя интерпретация пространства и его элементов).

Ключевыми зависимыми переменными для геополитики в таком случае станут:

1) объект или субъект геополитики;
2) национальные и глобальные приоритеты на разных этапах;
3) геополитические стратегии;
4) характер геополитических взаимосвязей с различными территориями (конфликт — соперничество — дистанцирование — влияние — коалиция — партнерство — иерархия и т.д.);
5) место в геополитическом миропорядке.

Уровни геополитического анализа

В геополитических исследованиях можно выделить два уровня анализа[7]. Первый уровень, о котором шла речь выше, исследует глобальные пространственные порядки (равновесные или неравновесные), а также причины их сломов, трансформаций и основы формирования новых систем. В то же время формирование геополитических порядков сопровождается возвышением новых глобальных центров силы, отношения между которыми во многом определяют глобальную повестку дня. Каждый из этих центров силы (полюсов) имеет собственную глобальную повестку (иногда определяемую как геополитический код государства) [Колосов, Мироненко, 2001: 125–133; Flint, 2011: 43], т.е. представление о наиболее благоприятной для него роли и месте в мировой системе). Эта повестка имеет выраженное геополитическое измерение (т.е. можно говорить о геополитической стратегии), поскольку во многом и обусловлена, и ограничена географическими факторами. По сути, можно говорить о том, что каждый из мировых полюсов имеет *собственную геополитику*.

Говоря об этом, мы базируемся на тезисе об усилении (а не ослаблении) роли государства в современном мире. Еще недавно государству (как и геополитике) предсказывали смерть под давлением снизу (со стороны региональных и локальных сообществ) и сверху (со стороны агентов глобализации и интеграции). Впрочем, этот диагноз оказался, по меньшей мере, преждевременным: государство по-прежнему «живо», более того, неправомерным, по нашему мнению, является утверждение о том, что глобализация подталкивает суверенное государство к самоустранению, исчезновению, или принципиальному ослаблению. Напротив, растущая взаимозависимость и открытость современных государств означает, что роль государства становится еще более важной, еще более решающей для успеха. Суверенное государство должно стать более сильным, гибким и эффективным, изменяя себя, но не устраняясь. Это связано с тем, что конкурентными на мировом рынке сегодня могут быть только глобальные компании, открытые внешнему миру, и при этом опирающиеся на преимущества национальной экономической и политической системы. Так что адекватный ответ государства на вызовы глобализации — в создании экономических и политических условий, способствующих оперативной и эффективной реакции рыночных субъектов национальной экономики на быстро и непредсказуемо изменяющиеся условия внешнего мира. Сильное современное государство должно создать внутренние условия, при которых у национальных компаний возникнут преимущества в глобальной экономике.

Геополитика отдельных центров силы (государств-полюсов) и представляет собой второй уровень геополитического анализа. Так, наиболее популярным объектом анализа здесь традиционно является геополитика США, при этом большинство исследований делает акцент на изменение роли этой страны в мире при переходе от однополярного порядка 1990-х годов к многополярному миру [см.: Kagan, 2008; Zakaria, 2009; Todd, Delogu, 2009; Gelb, 2009; Ramo, 2009; Friedman, 2010]. Большой массив исследований посвящен геополитике Китая — первой незападной мировой державе; лейтмотивами становятся такие проблемы, как китайские

особенности использования «мягкой силы» в МО и дефицит «глобальных идей», что потенциально выступает серьезным ограничением для утверждения Китая как мирового центра силы [см.: Bobo, 2008; Emmott, 2008; Ebel, 2009b; Agnew, 2010: 569–582]. Многие авторы весьма озабочены формированием глобальной геополитической повестки России и продвижением российских национальных интересов [см.: Trenin, 2001; Ebel, 2009a; Petersen, 2011].

Наконец, большой интерес представляют работы по геополитике Европейского Союза. Евросоюз не является сверхдержавой в традиционном геополитическом смысле; более того, государства-члены не ставят перед собой такую задачу на будущее. Реакции на геополитические вызовы, которые демонстрирует ЕС, принципиально отличны от реакций традиционных «великих держав» — к ЕС этот термин неприменим. Нетрадиционная надгосударственная природа Евросоюза порождает многочисленные попытки все-таки найти для этого объединения «правильную» дефиницию. ЕС определяют как «невестфальскую систему», «гражданскую силу», «экономического гиганта и политического карлика», наконец, как «неоимперию». Общая тональность этих определений подводит к мысли о том, что ЕС — в силу своей аморфной природы — не может вести себя на мировой арене в жесткой традиционной геополитической манере. Между тем, механизмы выработки и реализации внешнеполитической стратегии Евросоюзом напрямую вытекают из особенностей его интеграционных принципов и институционального дизайна. И важнейшим определяющим фактором в этой связи следует считать интеграционный успех Евросоюза в комбинации с отсутствием политического Центра — сильного центрального правительства.

У Евросоюза нет «национального интереса», в сфере внешних отношений присутствует лишь возможность опираться на «общий знаменатель» интересов отдельных стран. Именно поэтому ЕС вынужден изобретать и реализовывать свои собственные механизмы и инструменты, позволяющие «форматировать пространства» за пределами границ Союза. К таким инструментам относятся «еврорегионы», политика измерений (Северное измерение, Восточное партнерство), строительство (макро)регионов (сотрудничество в регионах Балтийского, Средиземного и Черного морей) [Бусыгина, 2007: 18–28; Бусыгина, Филиппов, 2010].

Геополитика «высокая» и «низкая»

Разговор об аналитических основаниях геополитики был бы неполон без обращения к постмодернистским школам геополитики, в первую очередь, к критической геополитике.

Если модерн представляет пространство вокруг нас как нечто объективное и познаваемое, то постмодерн указывает на то, что мы воспринимаем пространство не напрямую, а через образы и дискурсы, которые наполняют пространство нужными нам смыслами и функциями. Другими словами, в наших представлениях о пространстве мы оперируем воображаемыми элементами, существующими не по законам объективных фактов, а принимаемыми на веру подобно мифам.

В качестве примера можно привести известный территориальный спор России и Японии. В российском политическом дискурсе закрепилось представление

о группе спорных островов как о «южно-курильских», т.е. являющихся неотъемлемой частью Курильской гряды, закрепленной за Россией по итогам Второй мировой войны. В японском дискурсе превалирует название «северные территории», т.е. представление об особой группе островов, не имеющих отношение к Курильской гряде и находящихся скорее ближе (территориально и культурно) к японскому Хоккайдо. При таком дискурсе претензии России на эти острова кажутся японцам необоснованными. Важно заметить, что в данном споре одно и то же пространство способно сформировать конкурирующие геополитические мифы, через которые актуализируются представления стран об их положении в пространстве и стратегии его освоения.

Одно и то же пространство через геополитические представления может наполняться противоположными смыслами: так, например, пограничное положение может быть осмыслено через миф «крепости» с барьерной функцией (французский Бельфор, российский Кронштадт) или, наоборот, через миф «моста культур» с контактной функцией (соседние французский Монбельяр и российский Выборг). Удаленность от центра может осмысливаться как «периферийность» или отсталость в развитии, или как исключительность, дающая право на автономию и своеобразие собственного развития.

Распределение силы в пространстве, его конфигурация и динамика таким образом также выражаются в производстве и распространении геополитических мифов. Так, Россия конституировала себя в качестве отдельного полюса силы через мифы о Третьем Риме и неоевразийстве, а современный Китай обобщает свою роль на континенте через образ нового шелкового пути.

В этой связи важным оказывается различать «высокую» и «низкую» геополитику. «Высокая» геополитика (или академическая, как ее чаще называют в критической геополитике) изучает геополитические представления элиты, академического, экспертного и журналистского сообществ. Данные представления являются в значительной степени более независимыми от доминирующих дискурсов и могут считаться активными, т.е. оказывающими существенное влияние на формирование и распространение геополитических мифов. С точки зрения последователей модернизма в современной геополитике эти представления могут быть даже полностью свободными от дискурса и соответственно считаться объективными.

Другим полюсом выступает «низкая» (популярная) геополитика, обобщающая геополитические представления в массовом сознании. Превалирующие там мифы являются в значительной степени зависящими от доминирующих дискурсов и могут считаться пассивными, т.е. в первую очередь только отражающими формирование и распространение геополитических мифов. Такие восприятия могут существенно отличаться от представлений элит (например, представления о России будут существенно различаться в массовом сознании европейцев и у европейских элит — и тех, и других «мучают страхи», однако принципиально различного свойства). Если для массового сознания это преимущественно страхи перед Россией как наследницей СССР (тоталитарный режим при закрытых границах), то для элиты опасения связаны в большей степени с непредсказуемостью режима, экономической зависимостью от российского экспорта энергоносителей и агрессивным выходом российского бизнеса на европейские рынки.

Заключение

На наш взгляд, геополитика как научная дисциплина нуждается в глубоком переосмыслении — этот процесс пошел на Западе, соответствующая дискуссия нужна и в России. Разворачиваться ей следовало бы не в логике ностальгии по старым геополитическим концепциям с их упрощенными объяснениями (это нелепо в современном мире), равно как и не в логике поиска новых названий для дисциплины, изучающей влияние пространства на международные отношения. Дискуссия должна быть свободна от идеологических представлений о том, как необходимо обустраивать пространство, и выйти за пределы моделирования и отстаивания геополитических мифов любого содержания.

Главный вопрос, который авторы хотели бы вынести на такую дискуссию — существует ли у геополитики собственная исследовательская ниша или это лишь междисциплинарная область, интегрирующая наработки разных наук. Полагаем, что такая ниша есть, и она состоит в изучении влияния пространства на международные отношения. Геополитика — это, возможно, уникальный пример научного направления, которое зародилось в рамках географического анализа и было (или, по крайней мере, должно быть) инкорпорировано в анализ социальный и политический.

Влияние пространства на международные отношения невозможно объяснить в рамках только политологических, географических или исторических подходов. Данное влияние выражается в том, что сила распределяется в пространстве согласно специфическим геополитическим закономерностям. Такие закономерности невозможно понять лишь через призму эволюции международных систем, иерархию силы в МО или влияние политического режима на внешнюю политику, поскольку подобное распределение оказывается зависимым от конфигурации, свойств и интерпретации пространства как отдельных участников международных отношений, так и среды в целом, в которой такие отношения выстраиваются. В то же время пространственные закономерности распределения силы в МО не оказываются идентичными тенденциям распределения населения или экономической силы по территории, чем занимаются география населения и экономическая география.

Первое и второе конституирует отдельную дисциплину — геополитику с собственной исследовательской парадигмой, терминологией и методологией. Дисциплину, возвращающую пространство в число объясняющих международные политические процессы, а следовательно, обогащающую наше понимание последних.

Геополитика (была и есть) тесно связана с политической практикой, при этом сама неясность и «грозность» термина делает его «удобным в употреблении» для слишком многих в нашей стране. Едва ли образ России в мире от этого улучшается, скорее, наоборот. Научные дискуссии по геополитике — это не только важное «противоядие» от использования опасных доктрин и разного рода мифов, но и способ помочь в формировании более адекватной, последовательной и, главное, реализуемой национальной внешнеполитической стратегии. В конечном итоге, геополитика проясняет тот набор стратегических выборов, что позволяет усилить эффективность стратегии. Отводя географическим факторам критически важную роль для позиционирования страны на международной арене и источника ее силы

и развития, геополитика признает, что эти факторы дают лишь частичные объяснения и указания с точки зрения формирования стратегии. Так, мы знаем, что любые благоприятные географические предпосылки могут быть сведены на нет дурным управлением.

Примечания

[1] В 1994 г. географы Джордж Демко и Уильям Вудс впервые концептуализировали термин «геополиномика» (*geopolinomics*) как аналитический инструмент междисциплинарного характера, объединяющий географию, политику и экономику (см.: [Kazi, 2007]).

[2] «В Госдуме России прошел день геополитического бреда». 2013. URL: http://newsland.com/news/detail/id/1249276/ (проверено: 18.01.2014).

[3] См., напр., *Знаменский М.* «Кто растопит арктический лед?» // Комсомольская правда. 2012. 15 июня. URL: http://www.kp.ru/daily/25899.4/2857385 (проверено: 18.01.2014).

[4] См. материалы круглого стола ЦЭСПИ ИМЭМО РАН «Пространственные факторы современных политических изменений; проблемы концептуализации», 20 ноября 2013 г.

[5] См.: URL: http://www.aag.org/cs/mycoe/geographic-learning (проверено: 18.01.2014).

[6] Точнее, совокупности территориальных политических систем, включающих, в том числе, и некоторые непризнанные государства, несамоуправляющиеся территории и надгосударственные образования.

[7] Здесь речь идет о «традиционной», а не о критической геополитике.

Литература

Бусыгина И.М. Асимметричная интеграция в Евросоюзе // Международные процессы. 2007. Т. 5. № 3. С. 18–27.

Бусыгина И.М., Филиппов М.Г. Евросоюз: от частного к общему // Россия в глобальной политике. 2010. № 1. С. 121–133.

Бусыгина И.М., Филиппов М.Г. Политическая модернизация государства в России: необходимость, направления, издержки, риски. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2012. — 224 с.

Дэвис Н. История Европы. М.: АСТ, 2006. — 943 с.

Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2001. — 479 с.

Лебедева М.М. Мировая политика: Учебник. М.: Кнорус, 2013. — 256 с.

Петерсен А., Барыш К. Россия, Китай и энергетическая геополитика в Центральной Азии. М.: Московский Центр Карнеги, 2012. — 90 с.

Симония Н.А., Торкунов А.В. Глобализация, структурный кризис и мировое лидерство. Мифы и реальность. М.: Библиотека «Международной жизни», 2013. — 88 с.

Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A. The Rise of Europe: Atlantic Trade, Institutional Change and Economic Growth // American Economic Review. 2003. Vol. 95. No. 3. P. 546–579.

Agnew J.A. Sovereignty Regimes: Territoriality and State Authority in Contemporary World Politics // Annals of the Association of American Geographers. 2005. No. 95 (2). P. 437–461.

Agnew J.A. Emerging China and Critical Geopolitics: Between World Politics and Chinese Particularity // Eurasian Geography and Economics. 2010. Vol. 51. No. 5. P. 569–582.

Bobo L. Axis of Convenience: Moscow, Beijing and the New Geopolitics. USA: Brookings Institution Press and Chatham House, 2008. — 277 p.

Le Billon P. (ed.). The Geopolitics of Resource Wars: Resource Dependence, Governance and Violence. L.: Frank Cass, 2005. — 288 p.

Ebel R.E. The Geopolitics of Russian Energy: Looking Back, Looking Forward. A Report of the CSIS Energy and National Security Program. 2009a. — 73 p. URL: http://csis.org/files/publication/090708_Ebel_RussianEnergy_Web.pdf (accessed: 18.01.2014).

Ebel R.E. Energy and Geopolitics in China: Mixing Oil and Politics. A Report of the CSIS Energy and National Security Program. 2009b. — 73 p. URL: http://csis.org/publication/energy-and-geopolitics-china (accessed: 18.01.2014).

Emmott B. Rivals: How the Power Struggle Between China, India and Japan Will Shape Our Next Decade. USA: Harcourt Inc., 2008. — 342 p.

Flint C. Introduction to Geopolitics. N.Y.: Routledge, 2001. — 312 p.

Friedman G. The Next 100 Years: A Forecast For the 21st Century. USA: Anchor Books Edition, 2010. — 253 p.

Gelb L. Power Rules: How Common Sense Can Rescue American Foreign Policy. USA: Harper Perennial, 2009. — 352 p.

Gray C.S. The Geopolitics of the Nuclear Era: Hartland, Rimlands and the Technological Revolution. N.Y.: Crane, 1977. — 70 p.

Hepple L. The Revival of Geopolitics // Political Geography Quarterly. Supplement to Vol. 5. No. 4. October 1986. S21–S36.

Huntington S.P. The Lonely Superpower // Foreign Affairs. 1999. Vol. 78. No. 2 (March/April). P. 35–49.

Kagan R. The Return of History and the End of Dreams. Atlantic Books, 2008. — 115 p.

Kakabadse A., Kakabadse N. The Geopolitics of Governance: The Impact of Contrasting Philosophies. UK: Palgrave Macmillan, 2001. — 149 p.

Kazi A. End of Geopolitics and the Beginnings of Geopolinomics: United States in Central and Southwest Asia. Presentation during the conference «The aspects of EU-Central Asia Relations», 27.04.2007. Berlin, Germany. Embassy of Kyrgyz Republic and Akademiker Bund. Hamburg e.V., 5 p. URL: https://src.auca.kg/images/stories/files/report_aftab_kazi_end_of_geopolitics.pdf (accessed: 18.01.2014).

Klieman A. Balance of Power, Balancing Power and Geopolitics / Paper presented at the IPSA RC-41 Workshop on Geopolitics & Great Powers, Jerusalem, 2013.

McCormick J. The European Superpower. Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2007. — 256 p.

Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004. — 191 p.

O'Loughlin J., Anselin L. Bringing Geography Back to the Study of International Relations: Spatial Dependence and Regional Context in Africa, 1966–1978 // International Interactions. 1991. Vol. 17. No. 1. P. 29–61.

Owens M.T. In Defense of Classical Geopolitics // Naval War College Review. 1999. Vol. 52. No. 4. P. 59–76.

Petersen A. The World Island: Eurasian Geopolitics and the Fate of the West. Praeger Security International, 2011. — 176 p.

Putnam R. Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two Level Games // International Organization. 1988. Vol. 42. No. 3. P. 427–460.

Ramo J.C. The Age of Unthinkable: How the New World Disorder Constantly Surprises Us and What We Can Do About It. USA: Back Bay Books, 2009. — 288 p.

Sachs J. Institutions Matter, But Not For Everything // Finance and Development. 2003. June. P. 38–41. URL: http://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2003/06/pdf/sachs.pdf (accessed: 18.01.2014).

Sempa F.P. Geopolitics: From the Cold War to the 21st Century. UK: Transaction Publishers, 2002. — 131 p.

Smith K.E. The Instruments of European Union Foreign Policy // J. Zielonka (ed.). Paradoxes of European Foreign Policy. The Hague: Kluwer Law International, 1998. P. 67–85.

Spykman N.J. Geography and Foreign Policy, I // American Political Science Review. 1938. Vol. 32. P. 28–50.

Tobler W. A Computer Movie Simulating Urban Growth in the Detroit Region // Economic Geography. 1970. Vol. 46 (2). P. 234–240.

Todd E., Delogu C.J. After the Empire: the Breakdown of the American Order. N.Y.: Columbia University Press, 2009. — 233 p.

Trenin D. The End of Eurasia: Russia in the Border Between Geopolitics and Globalization. M.: Carnegie Moscow Center, 2001. — 354 p.

Tuathail G.Ó., Dalby S., Routledge P. (eds.). The Geopolitics Reader. L.; N.Y.: Routledge, 1998. — 302 p.

Victor D.G., Amy M.J., Hayes M.H. (eds.). Natural Gas and Geopolitics. From 1970 to 2040. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. — 24 p. URL: http://assets.cambridge.org/97805218/65036/frontmatter/9780521865036_frontmatter.pdf (accessed: 18.01.2014).

Villarubia J. Neighborhood Effects in Economic Growth. 2006. — 47 p. URL: http://ideas.repec.org/p/bde/wpaper/0627.html (accessed: 18.01.2014).

Zakaria F. The Post-American World. USA: W.W.Norton and Company, 2009. — 336 p.

1. Каковы причины роста интереса к геополитике в классический период?
2. Расшифруйте «закон» Маккиндера.
3. Как изменились школы и направления исследований в современный период?
4. Почему можно говорить об укреплении связи политики с географической средой?

Б.А. Исаев

ГЕОПОЛИТИКА КЛАССИЧЕСКАЯ И СОВРЕМЕННАЯ*

Название статьи не случайно перекликается с названием известной картины Тициана «Любовь небесная и любовь земная», изображающей двух очень похожих женщин (существует даже мнение, что великий художник изобразил одну свою возлюбленную в двух ипостасях), одетых, однако, совершенно по-разному: Любовь небесная облачена в роскошное венецианское платье эпохи Возрождения, на земной Любови — лишь тонкая полоска белой материи, да ниспадающий за плечами плащ. Одеяния двух так внешне похожих и таких внутренне разных женщин лишь подчеркивают название картины, которое на языке оригинала звучит как «Любовь сакральная и простая» (*Amor sacro e profane*). То же можно сказать, сравнивая геополитику классического периода и нашей современности: с одной стороны, они очень похожи, ибо выросли из одного корня, с другой — это существенно отличающиеся друг от друга научные субдисциплины, формировавшиеся в различных условиях, имевших своим предметом внешне очень похожие, но по своей внутренней структуре и содержанию очень разные миры, разные международные политические системы, сформулировавшие, поэтому, разные геополитические законы и закономерности.

Геополитические идеи прошли длительное историческое развитие и апробацию практикой. Геополитические идеи высказывали еще философы и историки Древнего мира. Геополитическое мышление просматривается в учениях Средневековья и Нового времени. Геополитическую точку зрения излагали в своих трудах деятели Просвещения. Она проходит красной нитью в теориях Индустриальной эпохи и имеет продолжение в Постиндустриализме. На выводы геополитической науки опирались в свое время такие движения, как либерализм, консерватизм, социал-демократия, коммунизм, фашизм, экологизм.

В развитии геополитики как научной субдисциплины можно выделить три этапа: 1) предыстория геополитики; 2) классическая геополитика; 3) современная геополитика.

* *Исаев Б.А.* Геополитика классическая и современная // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 69–85.

Этап 1. Предыстория геополитики

На первом этапе, длившемся с незапамятных времен вплоть до конца XIX в., еще не существовало отдельной геополитической отрасли знания, понятия геополитического, а геополитические идеи являлись составной частью философских учений, исторических исследований и практических рекомендаций правителям. Предтечи геополитики (назовем их так) лишь высказывали отдельные идеи о политической структуре известного им мира, выделяли из нее отдельные пространства влияния тех или иных могучих держав, определяли их границы, строили догадки о причинах объединений государств в союзы, столкновений за раздел и передел ойкумены. Примерами таких идей можно считать описанный в Истории Геродота факт заключения союзного договора древнегреческих полисов против державы Ксеркса и вообще извечное противостояние эллинов и варваров[1]; выведенную Фукидидом причину войны между Афинами и Спартой, заключавшуюся в стремлении к гегемонии в зоне своих интересов, а также в постоянных столкновениях держав сухопутного и морского могущества[2]; сформулированные в Артхашастре правила завоевания, заселения, устройства новых территорий и оборудования границ[3]. При этом вместе с гениальными предположениями и догадками высказывались и совершенно нереалистические, порой фантастические идеи. Тот же Геродот, например, основной причиной войн между эллинами и варварами считал «умыкание жен».

Таким образом, ***двумя основами***, на которых, как Колосс Родосский на двух ногах, стояла вся предыстория геополитики, были идеи:

- стремления держав к гегемонии, завоеванию, расширению своих границ, освоению новых пространств;
- извечного противостояния держав Суши и Моря, цивилизованных и варварских народов.

Этап 2. Классическая геополитика

Этап классической геополитики имел место с конца XIX — до середины XX в. Именно в этот период было дано определение геополитики как отдельной отрасли знания, появилось представление об области ее исследований, были предложены основные категории, а из отдельных идей и предположений предыдущей эпохи формировались основные геополитические концепции, теории и национальные школы геополитики. В духе того времени классики геополитики даже формулировали геополитические законы.

Каждая наука, развиваясь, переживает период апогея, наивысшего расцвета, своеобразного философского акмэ. Труды ученых, выведших свою науку на недостижимую до этого высоту, становятся классическими, т.е. теми образцами, которые находят множество последователей, которым подражают, на которых учатся новые поколения. Именно в этот период происходит признание как ученых, так и всей науки не только узким кругом специалистов, но всей политической элитой и широкими слоями читающей публики. Легитимизация геополитики как науки и основы для практической политики началась в классический период, который, по мнению многих политологов, начался с работ Ф. Ратцеля (80-е годы

XIX — 10-е годы XX в). В таких фундаментальных трудах, как «Антропогеография» («Народоведение»), «Земля и жизнь» он завершил усилия предшественников по созданию теории государства как живого организма и границ как живых органов государства, теории пространственного роста государств, концепций связи народонаселения с землей и почвой, концепции экспансии развитых, передовых культур, зависимости мощи государств от плотности населения и размеров их территории, а работой «Политическая география» (1898) он открыл новую научную дисциплину, которая получила название «геополитика». Таким образом, Ратцель был одновременно последним предтечей геополитики и первым геополитиком-классиком.

После Ратцеля геополитическая наука развивалась высокими темпами и быстро распространялась, в первую очередь на европейском и американском континентах. Особенно большим спросом геополитические идеи пользовались в великих державах — крупных странах, занимавших огромные пространства (Россия, США), в сравнительно небольших, но мощных в военном и экономическом смысле метрополиях, создавших гигантские колониальные империи (Великобритания, Франция), или странах, претендовавших на статус великих держав (Япония после победы в русско-японской войне), или государствах, считавших себя ущемленными унизительными условиями мира (Германия после Первой мировой войны), или державами, почувствовавшими свою силу, но не успевшими к колониальному разделу мира (Германия после объединения и франко-прусской войны, Италия после Рисорджименто и франко-австрийской войны). Одной из главных причин всплеска популярности геополитики в той или иной стране обычно становилась победа в войне: ведь она всегда сплачивает нацию, возрождает национальную культуру, способствует духовной и территориальной экспансии в соседние страны, на другие континенты. Но и поражение в войне тоже может стать катализатором создания и распространения геополитических теорий. Этот процесс наблюдался, например, после поражения Германии в Первой и Второй мировых войнах, после поражения России в русско-японской войне, после распада СССР и потери Россией огромных территорий, заселенных русскими.

Следующей причиной усиления влияния геополитики следует назвать появление агрессивных идеологий. Такие идеологии, как английский, французский, испанский, португальский, бельгийский, голландский колониализм, американский экспансионизм, советский коммунизм, итальянский фашизм, немецкий нацизм, японский милитаризм, прямо призывали к захвату и освоению обширных пространств, расширению своих границ за счет территорий соседних стран, распространению своего влияния на всех континентах Земли. Важно отметить, что геополитические представления классического периода всегда имели в виду освоение человеком реальных, физических пространств суши, моря и неба, всегда опирались на военную мощь государства, что не могло не вести к захватам и аннексии территорий, разделам и переделам мира с помощью оружия и грубой силы.

Характерной чертой классического периода геополитики (который, уточним, продолжался с 80-х годов XIX в. по 50-е годы XX в.) была не только консолидация разных ученых в едином русле геополитической мысли, но и формирование отдельных ее течений — национальных школ.

Германская школа. Первой оформилась германская школа геополитики. Она рождалась в недрах географической и правовой науки. Именно географы и правоведы, развивавшие учение о государстве, заинтересованные политикой, первыми в классический период начали закладывать основы новой науки. У ее истоков стояли Карл Риттер, Фридрих Ратцель, Рудольф Челлен.

Расцвет германской геополитики приходится на 20–40-е годы прошлого века, когда писали свои труды, создавали геополитические институты, вообще активно влияли на социально-политический процесс в Германии такие геополитики, как Карл Хаусхофер, Карл Шмитт, Эрих Обст, Курт Вовинкель, Адольф Грабовски. Германская геополитика сразу начала развиваться в двух направлениях. Первое — националистическое (к нему принадлежали указанные выше геополитики) имело своим истоком национальную неудовлетворенность немцев, заключавшуюся в отлучении их от процесса создания колониальных империй, в поражении их в Первой мировой войне.

Второе направление германской геополитики — интернационалистское, левое, социал-демократическое — нашло свое воплощение в работах Георга Графа, Карла Виттфогеля, других сторонников реформаторского марксизма. Оно ставило своей задачей дополнить исторический материализм географическим детерминизмом, «привязать» экономические и политические отношения между людьми и государствами к природе, земле и почве. Таким образом, по крайней мере, в период своего зарождения на немецкой почве, геополитика генерировала в первую очередь радикальные (правые и левые) политические теории. Эти теории по-разному оценивали возможности и насущные задачи Германии.

Теории «Срединной Европы» (*Mitteleuropa*) Иозефа Парча и Фридриха Науманна на первое место ставили расширение германских границ, включение в состав «фатерлянда» всех этнических немцев со своими территориями, образование мощной и геополитически живучей метрополии, которая «естественным образом» распространит свое влияние на Турцию и Ближний Восток. Теории «мировой политики» (*Weltpolitik*) Рудольфа Челлена и Эриха Обста начинали свои геополитические построения с требования передела колониальных владений, предоставления «независимости» колониям малых (Бельгия, Голландия, Португалия) и отставших в своем развитии (Испания) держав, что служило бы на пользу более мощной и развитой Германии. Эти теории, в свою очередь, подразделялись на «морские», утверждавшие приоритет флота в геополитическом развитии государств (Альфред фон Тирпиц), и сухопутные, настаивающие на освоении германским государством соседней и близлежащей суши (Р. Челлен, Ф. Науманн).

Другой отличительной чертой немецкой геополитики явилась повышенная восприимчивость ее государством и обществом. Причинами этого, очевидно, явились поражение в Первой мировой войне, потеря всех колоний, необходимость выплаты огромных репараций и жестокий финансово-экономический кризис, охвативший страну. Повышенная восприимчивость немцев к геополитике способствовала быстрому укоренению в сознании нации теории «Срединной Европы», концепции «больших пространств» (Фридрих Лист), «континентального блока «Берлин — Москва — Токио» (К. Хаусхофер) и других, главной идеей которых явилось противостояние континентальных, сухопутных держав и, в первую очередь,

Германии, «обиженной» судьбой, державам морским, торговым, богатым, владеющим десятками миллионов квадратных километров заморских территорий.

Это, в свою очередь, способствовало успешной и быстрой институциализации геополитики. Уже в 1919 г. К. Хаусхофер в курсе географии, читаемом в Мюнхенском университете, изложил свои геополитические идеи. В 1924 г. в берлинской Высшей политической школе А. Грабовски организует геополитический семинар. В том же году Хаусхофер совместно с Э. Обстом, О. Маулем и Г. Лаутензахом начинает издание первого геополитического журнала. После прихода нацистов к власти (1933) он создает в Мюнхене Институт геополитики, а в 1938 г. в Штутгарте — Национальный союз для «геополитического воспитания» немцев, проживающих за границей. Геополитика была введена обязательным предметом во всех университетах Германии.

Национальные геополитические школы, поддерживающие экспансионистскую политику, формировались в то время в Японии и Италии.

Еще до начала Первой мировой войны человечество, как это предсказывал Ратцель, начало активное освоение воздушной среды — аэросферы с помощью аппаратов легче воздуха — дирижаблей, аэростатов и др. и аппаратов тяжелее воздуха — самолетов и вертолетов. Геополитики 1920–1940-х годов осмысливали последствия этого освоения, а так как дело шло к всеобщей войне, осмысление это осуществлялось по большей части в геостратегическом и военно-стратегическом ключе. Характерной фигурой той геополитики, осуществившей прорыв в познании нового вида человеческой деятельности, понимании значения этой деятельности для расширения влияния ведущих держав и завоевания ими жизненного пространства был представитель **итальянской школы геополитики** генерал ВВС Джулио Дуэ. В своей работе «Господство в воздухе» (1921) он сделал вывод о том, что авиация, в отличие от изобретенного ранее пулемета, является не оборонительным, а наступательным видом вооружения и ведет к созданию не оборонительных, а наступательных военных доктрин. Именно из факта развития авиации вытекает у Дуэ его стратегия господства в воздухе, которая заключается в едином планировании, едином развитии военной и гражданской авиации, авиационной и связанной с ней других видов индустрии. Именно авиация, по теории Дуэ, должна была решать ход и исход будущих войн[4].

Геополитические школы других ведущих государств — Великобритании и Франции, сумевших построить и удержать свои колониальные империи, не высказывали столь агрессивных намерений, выступали за сохранение статус-кво.

С учетом ограниченного характера статьи остановимся на геополитических взглядах только двух выдающихся геополитиков классического периода, представляющих германскую и британскую научные школы — Ратцеле и Маккиндере.

Геополитика, или политическая география у Ратцеля вытекает из народоведения, или антропогеографии. Антропогеография же базируется на следующих постулатах:

- все народы мира взаимосвязаны;
- человек, все сообщества людей включены в общую жизнь земного шара;
- народ и государство каждого человеческого сообщества представляют собой единый организм;

- этот организм находится в постоянном историческом движении, развитии и росте;
- рост государственного организма продолжается до естественных границ;
- на рост и развитие государств оказывают влияние климат и географическое положение, т.е. его территория, формы земной поверхности, а также плотность населения;
- существенное значение для стимулирования развития государственного организма имеет морская среда. Одним из самых сильных «двигателей» развития человеческого общества явилась борьба с морем. Взаимоположение суши и моря не только привносит разнообразие на поверхности Земли, но и, взаимодействуя с человеческими сообществами, создает своеобразные «исторические группировки», такие как средиземноморский мир, балтийские страны, атлантические державы, тихоокеанская культурная область и др.

В «Политической географии» (1898) Ратцель решает проблемы существования и роста государств как живых организмов. Для Ратцеля государство — это форма жизни людей на Земле, это суть живой организм, распространяющийся вместе с людьми на все континенты и острова Земли. Условием жизни и роста государств является неразрывная связь с землей, почвой, на которой они существуют, а так как государства создаются *людьми* и существуют в неразрывной связи с *народами* и *землей*, то они и являются тем «политическим клеем», который соединяет воедино эту триаду. «Наиболее сильными государствами будут те, — отмечает Ратцель, — где политическая идея проникает все государственное тело, до последней его части... И политическая идея обнимает не только народ, но и его территорию»[5].

Итак, политическая география, т.е. классическая геополитика, по Ратцелю, начинается с концепции государства как живого организма, связанного с землей. Второй важнейшей проблемой геополитики у него выступают вопросы исторического движения и роста государства, которые осуществляются путем завоеваний и колонизации. Рост государств, при этом, способствует дифференциации мира на сильные, жизнеспособные и слабые страны. Сильные создают колониальные империи, удел слабых — быть присоединенными к сильным державам или вовлеченными в орбиту их влияния. Третьей проблемой геополитики Ратцель считает проблему пространств, пространственного расположения государств и влияние географического положения на политический статус государства. Наконец, четвертым важнейшим вопросом политической географии Ратцель считал вопрос границ как периферийных органов государства, как естественных географических рубежей и как политических разграничительных линий. Решению этой проблемы он посвятил четыре раздела своей «Политической географии». Он исследовал все возможные географические переходные зоны, где встречаются суша и море, как-то: берега, полуострова, перешейки, острова, различные формы поверхности: равнины, горы, низины, плоскогорья и выявил их влияние на образование и строение государств.

Можно констатировать, что геополитика как научная дисциплина состоялась именно в трудах Ф. Ратцеля. Он же, задав круг проблем, первый сформулировал

предмет новой науки. Эти проблемы решались в трудах других классиков геополитики (Челлена, Мэхэна, Коломба, Маккиндера, Хаусхофера, Обста, Науманна, Шмитта, Видаль де ла Блаша, Дуэ, В.П. Семенова-Тян-Шанского, Савицкого и др.). Они долгое время, по крайней мере в течение классического периода, служили ориентиром, давали направление развития геополитической науки. Большинство из них и сегодня, конечно, в новых геоисторических и геополитических условиях, исследуются и решаются геополитиками.

Выдающимся представителем **британской школы геополитики** классического периода, как уже упоминалось, был Хэлфорд Маккиндер — крупный британский географ и политический деятель. В 1904 г. он выступил на заседании Королевского географического общества с докладом «Географическая ось истории», в котором изложил свои геополитические взгляды. Согласно концепции Маккиндера, определяющим фактором истории народов является географическое положение стран. Причем по мере экономического, социального и культурного развития влияние географического, а также военно-стратегического факторов на прогресс человечества постоянно возрастает. Эти факторы выражаются во взаимоотношениях сухопутных и морских народов, освоении ими земных и водных пространств. Эти факторы, в конечном счете, и способствуют формированию геополитической карты мира. В начале XX в. она выглядела следующим образом. Из всех континентов Земли преобладающим с географической точки зрения выглядит евразийский континент (фактически Россия), ставший в мировой политике «осевым регионом», в котором существуют условия (недоступность со стороны «сил моря», хорошие коммуникации в виде железных дорог) для развития промышленных и военных держав, которые заменят собой монгольскую империю Средневековья. За пределами «осевого региона» находится «большой внутренний полумесяц», образованный Германией, Австрией, Турцией, Индией и Китаем, а также «внешний полумесяц», который составляют морские державы: Великобритания, США, Канада, Южная Африка, Австралия и Япония.

В таком положении равновесие в мире нарушено в пользу периферийных морских государств «внешнего полумесяца». Но «осевая» держава — Россия, обладая огромными ресурсами, к своей сухопутной мобильности может добавить морскую, т.е. значительно усилить флот и выйти в Мировой океан. Кроме того, промышленная мощь и мобильность континентальной империи может резко усилиться за счет заключения союза с Германией. Это изменит баланс сил в мире в пользу осевой империи и толкнет такие страны, как Франция, Италия, Египет, Индия, Корея к союзу с морским блоком во главе с Великобританией и США.

Позднее в книге «Демократические идеалы и реальность» (1919) Маккиндер видоизменил свою концепцию «осевого региона», который он стал называть «хартленд» (т.е. «сердце земли»), за счет включения в него на востоке Тибета и Монголии, а на западе — Центральной и Восточной Европы. Это изменение учитывало такие процессы, как дальнейший прогресс транспорта, рост населения, индустриализация. И здесь новые преимущества в освоении своей территории и усилении влияния на весь хартленд и мировой остров (т.е. на Азию, Европу и Африку вместе взятые) получают Германия и Россия (последняя во время написания доклада их не использовала), в то время как державам периферии для поддержания морской мощи требуется все более разветвленная сеть баз, которая по карману только нем-

ногим государствам. Отсюда вытекает знаменитая формула Маккиндера: «Кто правит Восточной Европой, господствует над хартлендом; кто правит хартлендом, господствует над мировым островом (т.е., повторим, Азией, Европой и Африкой); кто правит мировым островом, господствует над миром»[6].

Подводя итоги, можно выделить ***три кита классической геополитики***. Во-первых, это пришедшее из глубины веков представление об извечном, исходившем из географического положения, геродотовом разделении государств на державы Суши и державы Моря. В классический период его переформулировал Карл Шмитт, который политику и геополитику понимал по схеме «или — или», а точнее: «друг или враг, свой или чужой, Суша или Море, Запад или Восток»[7]. Это представление не поколебал даже факт освоения третьей среды — атмосферы и сформулированная Дуэ доктрина господства в воздухе.

Во-вторых, это теория Ратцеля, утверждающая, что государство — живой организм, что оно ведет себя как колония мхов или водорослей. У государства есть только одна альтернатива: или поглотить соседние страны и расширить свое геопространство, или быть съеденным соседним разрастающимся государством. Эта теория экспансии адекватно описывала структуру мира конца XIX — начала XX в., состоявшего из колониальных метрополий, колоний и полуколоний.

В-третьих, это «закон» Маккиндера, исходящий из того, что различное географическое положение государств Земли может создавать, в том числе, и недостижимые для экспансии зоны типа Хартленда. Отсюда: «Кто владеет Хартлендом — владеет миром». Правда, в ответ на «закон» Маккиндера Николас Спикмен сформулировал прямо противоположный «закон мирового контроля», гласящий: «Кто контролирует римленд (береговая полоса континента Евразия, легко достижимая для флотов великих морских держав) — доминирует над Евразией, кто доминирует над Евразией, держит судьбу мира в своих руках».

Этап 3. Современная геополитика

Современная геополитика ведет свой отсчет с окончания Второй мировой войны и послевоенного переустройства мира. Эти исторические события не только послужили коренной перестройке структуры мира, международных отношений и геополитической парадигмы, но и совпали с изобретением оружия огромной разрушительной силы — атомной бомбы, которое вместе с созданным несколько позднее ракетным двигателем стало играть не только военно-стратегическую, но и геостратегическую роль.

Важно отметить, что геополитические представления классического периода всегда имели в виду освоение человеком реальных, физических пространств суши, моря, а в последний период и неба, всегда опирались на военную мощь государства, что не могло не вести к захватам и аннексии территорий, разделам и переделам мира с помощью оружия и грубой силы. Эта парадигма геополитического мышления начала меняться после первого применения атомной бомбы (1945), изобретения ракетно-ядерного оружия, накопления колоссальных запасов других видов оружия массового уничтожения. Возможность даже небольшой стране иметь оружие массового поражения нивелировала различия в военной мощи малых и великих держав, снижала вероятность войн между ними. Осознание изме-

нений, которые принес научно-технический прогресс в военной, промышленной, теоретико-стратегической и других областях в середине XX в. и ознаменовало собой конец классического периода геополитики.

В период современной геополитики произошла определенная ***перегруппировка школ и направлений геополитических исследований***.

На первое место и по числу исследователей и по числу исследований и по их влиянию на развитие мировой геополитической науки вышла американская школа геополитики.

Интеграционный процесс в Европе, создание сначала Европейского объединения угля и стали, затем Европейского экономического сообщества и, наконец, политической конфедерации — Европейского союза означало постепенное осознание европейцами не только национальных, но и общеевропейских интересов и формирование общей европейской школы геополитики. Этот процесс после распада Варшавского договора и расширения числа членов ЕС за счет стран Центральной и Восточной Европы вступил в новую стадию и пока далек от завершения.

Важное место в мировой геополитике заняла возродившаяся после замалчивания в советский период новая российская геополитика, создавшая собственную геополитическую школу.

Активно формируется китайская школа геополитики.

Свои исследования послевоенные геополитики начали с осмысления изменения структуры мира (распад антифашистской коалиции в составе США, Великобритании, СССР, затем Франции и других стран и формирование биполярного мира), мирового политического климата (холодная война) и влияния на политику государств ракетно-ядерного оружия.

Характерными работами на эту тему были исследования американского военного историка и геополитика Бернарда Броди, французского геополитика Пьера Галуа и английского военного стратега Эдгара Джеймса Кингстон-Макклори.

Броди в своей получившей довольно широкую известность книге «Стратегия в век ядерного оружия» (1960), тщательно исследовав возможности ракетно-ядерного оружия и состояние геостратегий (в том числе стратегии воздушной мощи и господства в воздухе Дуэ), пришел в выводу о необходимости пересмотра активных, наступательных доктрин доядерной эпохи и формулирования новых постядерных стратегий — стратегий предотвращения всеобщей войны, принципов ограничения, локализации любых военных конфликтов, ***концепции сдерживания***.

Галлуа в книге «Стратегия в ядерный век» (1960) утверждал, что появление ядерного оружия и ракет как средств его доставки коренным образом меняет отношение политиков к войне. «Государство, бросившее вызов другому государству, рискует потерять за несколько часов все, что создано им до этого, и оказаться отброшенным на несколько десятилетий назад, даже если оно обладает превосходящей военной мощью»[8]. Это нивелирует неравенство в военной мощи между государствами и делает более равноправными отношения между разными по величине и военной мощи державами, владеющими ядерным оружием, дает возможность сдерживать агрессивные устремления крупных геополитических держав. Причем ядерное оружие нивелирует современные государства не только по военной мощи, но и по их географическому положению. Для ядерных ракет стали достижимы как

территория США, так и самые отдаленные «углы» СССР. Это изменяет валидность теорий «хартленда» и «римленда».

Но ядерное оружие изменяет взгляд и на военную стратегию в том смысле, что при равном обладании им преимущество получает страна-агрессор, так как государство, подвергшееся агрессии, теряет слишком много уже при первом ударе, и ответный удар не всегда возможен. Ядерное оружие позволяет минимизировать сроки приготовления к войне, исключить мобилизацию людских и технических резервов, наносить внезапные и обезоруживающие удары. Обмен ядерными ударами, по мнению Галлуа, может напоминать взбирание по «губительной лестнице, ведущей к абсурду», когда на каждой ступени этой лестницы вступают в действие новые все более мощные виды ядерного оружия. И все же вероятность ответного ядерного удара дает возможность сдерживать любую державу, рвущуюся к мировому господству, но не с помощью старых оборонительных доктрин, рассчитанных на строительство глубоко эшелонированных линий обороны, а с помощью ядерного оружия с современными средствами доставки. Характерными чертами новой политики сдерживания, по мнению Галлуа, является «произведение двух величин»: количество боевых средств ответного удара и решимость нации их применить, т.е. произведение технического и субъективно-волевого факторов. Эти величины, т.е. ударную ракетно-ядерную мощь и твердую национальную волю, Галлуа называет ***законами сдерживания***[9].

Если геостратегии классического периода были комбинациями сухопутной и морской стратегий, то современные геостратегии, после завоевания человеком воздушной среды, стали ***глобальными***, обнимающими все геопространства Земли, т.е. стали комбинациями сухопутных, морских и воздушных стратегий — делает вывод Кингстон-Макклори[10].

Идеи военных стратегов о сдерживании в эпоху ядерного оружия вполне разделяли «мирные» геополитики. Английский историк Арнольд Тойнби в работе «Цивилизация перед судом истории» (1947), проанализировав «изменение карты мира», отметил нарастающий процесс унификации, т.е. объединения мира в единое мировое сообщество, которое стало реальностью уже с 1500-х годов. Процесс унификации, по мнению Тойнби, приведет к политическому объединению мира, т.е. созданию в скором будущем всемирного государства. К этому же ведет и сокращение числа великих держав с восьми до двух (США и СССР). Третьей великой державой может стать Европейский Союз. Объединение мира возможно двумя способами: принудительным (военными средствами) или путем ***сотрудничества.*** Принудительный метод невозможен в эпоху ядерного оружия. Поэтому у великих держав и остальных стран нет альтернативы налаживанию отношений и сближению. Механизм этого сближения и управления мировыми процессами уже создан в лице ООН. Однако процесс налаживания отношений, сближения и унификации не будет ламинарным. На этом пути, считал Тойнби, не избежать конфликтов. Поэтому одна из глав его труда была названа «Столкновение цивилизаций»[11].

Идею столкновения цивилизаций развил в 1990-х годах Самюэль Хантингтон. Несмотря на множество приведенных им фактов межцивилизационных конфликтов, в первую очередь между западной и исламской цивилизациями, будущее «мира цивилизаций» видится Хантингтону довольно оптимистично: чтобы избежать глобальной межцивилизационной войны следует признать уникальность ка-

ждой из цивилизаций, полицивилизационный характер современной геополитики и, вместе с тем, осознать универсальность общечеловеческой Цивилизации как основы для сотрудничнства[12].

В.Л. Цымбурский, критикуя конфликтогенный подход Хантингтона к анализу цивилизационной картины мира, отмечал: «можно предвидеть, что цивилизационная геополитика ... вскоре переступит рамки проблематики «столкновения цивилизаций». Ей предстоит работать и с самоопределяющимися иноэтническими пристройками цивилизаций — например, с «кельтским возрождением» или с шансами Китая в Юго-Восточной Азии. Ее предметом должно стать строение существующих цивилизационных платформ, особенно состояние их краевлимесов — будь то Восточная Германия, российский Дальний Восток или юг США, когда-то отторгнутый от Мексики, а теперь отвоевываемый латиноамериканским приливом. И несомненно ее «коронная» тема — народы и земли между цивилизациями»[13]. Цымбурский не только дополнил и детализировал картину мира цивилизаций, но и создал геополитическую концепцию межцивилизационных систем со связующими лимитрофными зонами. Кроме того, он обнаружил связь геополитики с хронополитикой, которая, отметим, стала особенно заметной в наше время, время нарастания темпа геохронополитической динамики. Это направление ***геохронополитики***, а именно концепцию длинных волн геохронополитической динамики развивает в своих работах современный российский геополитик М.В. Ильин.

Другие современные российские геополитики так же, как и их зарубежные коллеги, выступают за сдержанность в международных и межцивилизационных отношениях, за развитие ***геополитики сотрудничества*** и установление соединяющих и открытых границ взамен закрытых границ времен геополитики классического периода. Так, например, известный российский геополитик Н.С. Мироненко свой подход называет «***геополитикой взаимодействия***, а не конфронтации»[14], а В.А. Колосов в своей теории государственных границ (лимологии) явно отдает ***предпочтение интеграционным и соединяющим границам*** перед полупроницаемыми и отчуждающими[15].

Не следует думать, что современная геополитика совершенно прервала традицию геополитики классической, что она стала как бы антитезой классики. И у современных геополитиков нередко звучат классические и даже доклассические мотивы. Взять, например, известную работу Збигнева Бжезинского «Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические перспективы (1998), в которой он отмечает: «Гегемония также стара, как мир. Однако и американское мировое превосходство отличается стремительностью своего становления, своими глобальными масштабами и способами существования»[16]. Как видим, речь идет о давно известной идее гегемонии, но в совершенно иных геополитических и хронополитических условиях, на ином геополитическом пространстве.

Современные геополитики не отрицают ***связи политики*** как военной, так и мирной с ***самыми разнообразными пространственными факторами***. Речь идет в первую очередь о природно-физическом, географическом пространстве, которое, как заметил еще Ратцель, состоит из трех сфер: геосферы (суши), гидросферы (воды), атмосферы (воздуха). Эти сферы на обитаемой поверхности Земли пересекаются и взаимодействуют самым разнообразным и причудливым образом.

Таким образом, ***связь политики с физическим миром, с географической средой за последние шестьдесят лет не только не ослабла, а более того, заметно усилилась.*** Если политики Древнего мира говорили о борьбе Суши и Моря, а геополитики классического периода включили в этот ансамбль еще и воздушную среду, то теперь следует добавить туда космическое пространство. Освоение космической среды позволило «космическим» державам:

- усилить и качественно улучшить контроль земного пространства, сделав его поистине глобальным;
- повысить возможности и эффективность изучения и дальнейшего освоения поверхности, глубин и недр Земли;
- создать новое, более мощное и эффективное лазерное оружие и космические ракеты, используемые как носители ядерного оружия;
- создать новые, космические отрасли науки и техники;
- создать плацдарм для освоения Луны и планет Солнечной системы.

Но это еще не все. ***Каждая сфера этого физико-космического фактора геополитики значительно расширилась и углубилась***. Расширение указанных сфер произошло за счет:

- освоения всей территории ойкумены и перенесения ее границ практически до северного и южного полюсов;
- заселения почти всех более или менее пригодных для жизни островов, подключения к цивилизованной жизни их населения;
- освоения практически всей акватории Мирового океана с помощью современных судов, авиации, другой техники;
- освоение воздушного океана пассажирскими лайнерами, исследовательскими и военными летательными аппаратами.

Значительное углубление исследования и использования сухопутной, океанской, воздушной и космической сфер произошло в результате:

- дальнейшего проникновения человека в земную кору с целью добычи необходимых подземных ресурсов и дальнейшего исследования подземного мира;
- погружения человека на все большие глубины океана с мирными и военными целями;
- штурма верхних слоев атмосферы, что привело к стиранию границ между воздушной и космической средой и изобретению таких аппаратов, как «Шаттл» и «Буран» для полетов в обеих средах;
- постепенного движения человечества от освоения околоземного космического пространства через освоение планет Солнечной системы к выходу в безбрежие Космоса.

Кроме непосредственной связи современной геополитики с такими географическими, а точнее, физическими средами, как суша, море, воздух, космос, а также ***подземная и подводная среда***, в последнее время все чаще говорится о влиянии на политику государств ***виртуальных сред***: радио- и телеэфира, всей совокупности печатных периодических изданий, сети Интернет. Можно прогнозировать в бли-

жайшее время борьбу ведущих держав за передел валютно-финансовой «среды», где борются такие акторы современной геополитики, как доллар, фунт стерлингов, евро и уже вступают в борьбу китайский юань и российский рубль. Давно идет борьба за демонстрацию преимуществ той или иной нации в таких сферах человеческой деятельности, как спорт, мода, туризм и др.

Особенно важное влияние на современную геополитику приобретает ***демографический фактор***.

Американский публичный политик и геополитик Патрик Бьюкенен в книге «Смерть Запада» (2002) предрек перерождение и депопуляцию Америки и всей западной цивилизации. Его пессимизм питает приводимая им безрадостная статистика: треть некоренных американцев — нелегальные иммигранты, которым безразлична судьба Америки. Десятки тысяч коренных американцев являются сторонниками тех самых авторитарных режимов, с которыми США ведут непримиримую борьбу, а некоторые из них помогают терроризму или становятся террористами и пытаются нанести ущерб Америке изнутри. Такая ситуация, по мнению Бьюкенена, есть следствие вымирания англо-саксонского населения и усиления иммиграции. Если в 1970 г. в США насчитывалось 9 млн некоренных американцев, то к 2000 г. их число перевалило за 30 млн. Каждый год в Соединенные Штаты прибывает почти миллион официальных иммигрантов и еще полмиллиона незаконных. Постоянно растет количество американцев неевропейского происхождения: в 1960 г. их было 16 млн, сегодня — уже 80 млн. «Неуправляемая иммиграция, — делает вывод Бьюкенен, — грозит уничтожить страну ... и превратить Америку в хаотическое скопление народов, не имеющих фактически ничего общего между собой — ни истории, ни фольклора, ни языка, ни культуры, ни веры, ни предков»[17], а это угрожает распадом нации на отдельные государства или, как называет эту перспективу автор, — «балканизацией». Второй причиной наметившейся депопуляции «европейской» Америки Бьюкенен считает катастрофические изменения в традиционной культуре американцев. Культурная революция, начавшаяся в 60-х годах XX в., привела к дехристианизации, снижению моральных норм и коренному изменению образа жизни американцев, культурному разделению общества. Америка больше не служит плавильным тиглем для прибывающих в нее людей различных национальностей и культур. Массовая и неуправляемая иммиграция не дает возможности ассимилировать представителей разных цивилизаций в одну культурную общность. В южных штатах, граничащих с Мексикой, появились целые поселения, где не слышна английская речь. Аналогичные процессы идут во всех развитых странах Запада. Бьюкенен не исключает из общего процесса угасания западной цивилизации и Россию. В ней также наблюдаются процессы депопуляции, культурной и религиозной дифференциации, массовой иммиграции. Запад, по мнению Бьюкенена, умирает...[18] Геополитическая концепция Бьюкенена — это концепция смерти Запада не в результате поражения в войне или торгово-промышленной конкуренции, а вследствие вымирания населения, усиления иммиграции, падения морали и трансформации традиционных для западной цивилизации культурных норм.

В несколько иной плоскости видит демографический фактор как геополитическую проблему французский теоретик Жан-Клод Шенэ. В статье «Демография и стратегия: закат Запада»[19] (1996) он констатирует, что демографической фактор

геополитики на национально-региональном уровне сегодня действительно стал «национальной арифметикой» и «судьбой нации». Но нельзя отрицать его значение и на глобальном уровне. Действительно, в XVII в. прирост населения в Европе значительно превышал аналогичный показатель в мире в целом. Это послужило главной причиной увеличения доли населения Европы в планетарном масштабе с ⅙ (1492 г. — год открытия Америки) до ⅓ (1930 г.). При этом незаселенные части планеты тоже заполнялись выходцами из Европы. С 1700 по 1995 г. численность населения Северной и Южной Америк, Сибири и Океании возросла с 22 до 900 млн человек. XX век, в соответствии с предсказаниями А. де Токвиля, стал веком периферийных по отношению к Старому Свету регионов: Америки и России. Их выход на мировую геополитическую арену был во многом обусловлен демографическим взрывом. Население США увеличилось с 1 млн (1750) до 265 млн человек (1995). Число жителей России менее чем за 200 лет (1700–1890) увеличилось в 5 раз и достигло 100 млн человек. При этом рождаемость в России в начале XX в. была наивысшей в мире. Однако с конца XIX в. в Западной Европе отмечается неуклонный спад рождаемости и замедление прироста населения, в то время как в начале XX в. начался демографический подъем в странах третьего мира. Численность населения Европы в 1995 г. равнялась лишь 20% от мировой, а в 2030 г. она, вероятно, составит уже менее 10%. Это не может не отразиться на международных отношениях. Перенаселенные государства третьего мира обязательно потребуют свою долю полномочий во всех международных организациях. Период европейского господства, делает вывод Ж.-К. Шенэ, заканчивается. Однако упадок Запада в исследовании Шенэ не носит фатального характера. У западной цивилизации есть немало возможностей преодолеть негативные геополитические тенденции.

В современной геополитике появилось новое направление, которое можно назвать ***«геоистория»***. Геополитики-геоисторики видят и перетолковывают известные исторические факты и процессы в другом свете, под иным, геополитическим углом зрения. В частности британский геополитик Питер Тейлор показывает историю Нового времени состоящей из трех периодов, трех гегемоний: 1. Нидерланды — XVII в.; 2. Британия — середина XIX в.; 3. США — середина XX в. Каждая гегемония, по Тейлору, имеет восходящую и, обязательно, нисходящую ветвь, каждая гегемония восходит в результате изматывающей войны, при этом каждый старый гегемон становится союзником нового гегемона. Другие геоисторики пытаются выделить более или менее устойчивые исторические периоды — геополитические эпохи, в которых структура мира была зафиксирована международным договором о разделе мира, третьи — вписывают в эти всемирные геополитические эпохи национальные геополитические эпохи и периоды тех или иных стран[20]. Третьи геоисторики решают региональные или прикладные проблемы. Например, проблема роли и значения Средиземноморья в эпоху Филиппа II (Фернан Бродель)[21], проблема геоисторических рамок и геополитического значения Великой русской революции (Б.А. Исаев)[22].

Продолжает оставаться одним из основных ***экономический фактор*** современной геополитики, который измеряется не только объемом ВВП и оборонной промышленности той или иной державы, но и ростом ее торговли (а это уже сотрудничество, а не противостояние), развитием ***транспорта*** (*транспортная геополитика*), в том числе международного, развитием *коммуникаций* и вообще всей

инфраструктуры. Экономический фактор все чаще рассматривается как ***социально-экономический***, показывающий возможности экономики в совершенствовании социальной сферы, повышении жизненного уровня населения. Современные геополитики, говоря о влиянии отдельных государств на геополитический процесс, учитывают не только величину территории и плотность населения, но и степень его удовлетворенности условиями жизни, возможности для проявления экономической и политической активности, ибо от этого существенно зависит как состояние экономики, так и процветание общества и стабильность политической системы.

Подводя общие итоги статьи, выделим **особенности современной геополитики.** На современном этапе и, особенно, в конце XX — начале XXI в. геополитика претерпевает глубокие изменения. Даже ***сам термин «геополитика» трактуется намного шире,*** чем ранее. Корень «гео» приобрел теперь и второй смысл: его все чаще трактуют не только как географическое, но и как «планетарное», «глобальное» измерение политики, как взаимоотношения супердержав или военных блоков, как «столкновение цивилизаций» (А. Тойнби, С. Хантингтон) или как изменение общей конфигурации мировой системы, например, с биполярной на моно- или полицентрическую.

Вторая часть термина «геополитика» — «политика» в данном контексте означала завоевание власти, пространства, осуществление господства, освоение этого пространства. В последнее время толкование и этой части термина претерпевает существенные изменения в том смысле, что современные акторы геополитики не столько жаждут завоевать и освоить новые территории, сколько стремятся контролировать максимально возможные пространства, причем, — и в этом тоже состоит особенность современной геополитики, — контролировать не территории в целом, а, по большей части, линии коммуникаций этих территорий и потоки (финансовые, товарные, рабочей силы, туристические, мигрантские и т.д.), поддерживая тем самым наиболее благоприятные условия для собственного развития и процветания.

Другой особенностью современной геополитики стало более ***широкое толкование геополитических факторов***. К пространственно-географическому фактору современные теоретики добавляют: финансово-экономический, социально-экономический, культурно-исторический или цивилизационный, национально-этнический, транспортно-потоковый, ресурсный, в частности энергетический, а также экологический и миграционно-демографический.

Третья особенность — это *возрастание и разрастание геополитических пространств, т.е.* ***резкое расширение поля геополитики***. *К* традиционным пространствам Суши и Моря доклассической геополитики геополитики-классики добавили воздушное пространство. Но триада физических пространств: геосферы, гидросферы и атмосферы в сегодняшней геополитической науке по мере освоения новых пространств пополнилась: подводным пространством; пространством околоземного космоса; пространством межпланетного и дальнего космоса. При этом не только возросло число геопространств, но и расширились сами пространства — за счет заселения последних незаселенных территорий на Земле, строительства подводных лодок и морских платформ нефтедобычи, самолетов и других летательных аппаратов, увеличения плотности населения, систем коммуникаций.

Четвертой особенностью современной геополитики стало стремление к контролю ***виртуальных пространств***. Современная геополитическая борьба развернулась в эфире между средствами массовой информации, между вещательными станциями разных государств, между рекламными фирмами и т.д.; в периодической печати; в сети Интернет; в сфере искусства; в сфере науки и образования.

Пятая особенность современной геополитики связана с деколонизацией мира и перестройкой международных отношений. Современные геополитические державы уже не стремятся строить колониальные империи и осваивать новые геопространства. Задачей современной геостратегии ведущих держав стало не освоение новых пространств, а ***контроль*** всех физических сред Земли. Это сильно изменило современные геополитические представления. Например, «закон» Маккиндера–Спикмена в наше время следует формулировать следующим образом: «Кто контролирует околоземное космическое пространство, тот контролирует весь мир».

Шестой особенностью геополитики стало резкое ***увеличение числа ее акторов***. Акторами современной геополитики стали не только наиболее мощные государства (державы), но и различные объединения больших, средних и малых государств (экономические, политические, культурно-национальные и др.), цивилизации, транснациональные корпорации, негосударственные международные организации, система ООН.

Седьмой особенностью современной геополитики стала ее ***возрастающая динамика***. Геополитика XXI в. столкнулась не только с быстрыми политическими изменениями, но и с необходимостью фиксировать эти политические реалии. Для этого были предложены термины «геополитическая эпоха» и «геополитическая картина мира»[23], которые представляли собой определенное, сложившееся на данное время равновесие мировой политической системы. Но это равновесие временно. Нарушают геополитическое равновесие конфликты, войны, распады государств и следующие за ними изменения структуры мира. В действительности геополитическая картина мира находится в постоянном изменении.

Восьмой особенностью современной геополитики явилось формирование ***новых геополитических школ***. В соответствии с новой геоструктурой мира в современной геополитике можно выделить американскую, формирующуюся европейскую и российскую школы, а также китайскую школу, также находящуюся в процессе формирования.

Наконец, девятой особенностью современной геополитики явились ***новые геостратегии***, учитывающие новые реалии мировой политической системы XXI в. Речь идет о геостратегиях сдерживания, пришедших на смену наступательным стратегиям, о геостратегиях сотрудничества, все более заменяющих геостратегии соперничества держав, о геостратегии соединяющих и интеграционных границ, объединяющих страны, вместо геостратегии непрозрачных и закрытых границ, разделяющих великие державы, о геостратегии решения глобальных проблем вместо геостратегии гонки вооружений и наращивания военной мощи.

Примечания

[1] *Геродот*. История // Историки античности: В 2 т. М., 1989. Т. 1. Древняя Греция. С. 166.
[2] *Фукидид*. История. М.: Наука, 1993. С. 6–11.
[3] Артхашастра или наука политики. М.: Наука, 1993. С. 52–55.

[4] См.: *Дуэ Дж.* Господство в воздухе. Вероятные формы будущей войны. М.; СПб., 2003.

[5] *Ратцель Ф.* Политическая география (в изложении Л. Синицкого) // Землеведение. 1898. Кн. 3–4. С. 22.

[6] *Маккиндер Х.* Географическая ось истории // Дугин А. Основы геополитики. 4-е изд. М., 2001. С. 499.

[7] *Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 41–42; *Шмидт К.* Земля и море. Созерцание всемирной истории // Дугин А. Основы геополитики. М., 2000. С. 844.

[8] *Пьер Галлуа.* Стратегия в ядерный век. М., 1962. С. 29.

[9] Там же. С. 93–94, 144–145.

[10] *Кингстон-Макклори Э.Дж.* Глобальная стратегия М., 2005. С. 61.

[11] *Тойнби А.Дж.* Цивилизация перед судом истории. М., 1995. С. 129–135.

[12] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций М., 2003. С. 515–532.

[13] *Цымбурский В.Л.* Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М., 2007. С. 236.

[14] *Колосов В.А., Мироненко Н.С.* Геополитика и политическая география. М., 2002. С. 5.

[15] Там же. С. 366–367.

[16] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 1998. С. 13.

[17] *Бьюкенен П.* Смерть Запада. М., 2002. С.14.

[18] Там же. С. 4–44, 246–280.

[19] *Шенэ Ж.-К.* Демография и стратегия: закат Запада // Киселев С.Г. Основной инстинкт цивилизаций. М., 2002. С. 284–294.

[20] См., напр., *Исаев Б.А.* Геополитические эпохи развития Российского государства // Политэкс: Политическая экспертиза: Альманах. Вып. 2. СПб., 2005. С. 140–153.

[21] *Бродель Фернан.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. М., 2002.

[22] *Исаев Б.А.* Три волны Великой русской революции // Изменения России: политические повестки и стратегии. Международная научная конференция. Тезисы докладов. Москва, 25–26 ноября 2010 г. РАПН.

[23] Мне неизвестен автор термина «геополитическая эпоха». Авторство термина «геополитическая картина мира» у меня никто не оспаривает. Геополитическая картина мира по своему содержанию и длительности менее геополитической эпохи. Кроме того, геополитическая эпоха обычно завершается всеобъемлющей войной, а начинается общим соглашением о переделе мира и переустройстве мирового порядка. Подробнее см.: *Исаев Б.А.* Геополитика. СПб.: Питер, 2005. С. 90–97.

1. Что такое «модель» в контексте анализа мировой политики? На каких трех уровнях абстракции может осуществляться моделирование?
2. Какие географические факторы оказывают существенное влияние на внешнюю политику государств?
3. Каковы сходства между геополитическим методом исследования мировой политики и структурно функциональным анализом?
4. Что такое «карта Маккиндера»? В чем различия концепций Маккиндера и Хаусхофера?

М.Н. Грачев

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ*

Понятие *«модель»* в широком его понимании обозначает образ или прообраз какого-либо объекта или системы объектов, выступающих в качестве «оригинала» по отношению к данной модели, используемый при определенных условиях в качестве «заместителя» или «представителя» отображаемого «оригинала». Подобный образ или образец носит условный либо мысленный характер — в роли модели может выступать изображение, описание, план, схема, чертеж, график и т.п. Так, например, глобус и географическая карта мира представляют собой модели Земли. В этом же смысле можно сказать, что фотография, список примет и вообще любой перечень паспортных или анкетных данных являются моделями конкретного человека, личность которого удостоверяют названные документы.

Существует, однако, и другое толкование данного понятия — художники или скульпторы, как известно, называют «моделью» изображаемого ими человека, а отнюдь не его изображение. Тем не менее, в науке обычно используется первая из упомянутых интерпретаций указанного термина: под моделью какой-либо системы, процесса, явления понимается их описание на языке некоторой научной теории. Примерами таких описаний являются математическая или химическая формула, уравнение или система уравнений, фрагмент теории или даже вся теория в целом. В области политической науки подобными примерами выступают, в частности, модель политической системы общества, предложенная Д. Истоном, концепция полиархии Р. Даля, теория партогенеза М. Дюверже[1] и др.

* *Грачев М.Н.* Геополитическое моделирование как разновидность структурно-функционального анализа мировой политики // Современные геополитические процессы: новые вызовы и поиски решений: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Санкт-Петербург, 3–4 июня 2011 г.: В 2 т. Т. 1. СПб., 2011. С. 11–16.

Исследование объектов познания на их моделях, построение и изучение моделей реально существующих предметов, явлений и процессов принято называть *моделированием*. Возможность такого исследования, предполагающая перенос результатов, полученных в ходе построения и исследования моделей, на «оригинал», основана на том, что модель в определенном смысле отображает или воспроизводит какие-либо его черты. При этом такое отображение и связанная с ним идея подобия явно или имплицитно основаны на точных понятиях изоморфизма или гомоморфизма (или их обобщениях) между моделью и «оригиналом».

Будучи сознательно упрощенным отображением определенной части исследуемой действительности, в том числе и политической реальности, моделирование необходимо предполагает использование абстрагирования и идеализации. Отображая наиболее существенные, с точки зрения цели исследования, свойства оригинала и отвлекаясь от несущественного, модель выступает как специфическая форма реализации абстракции, т.е. как некоторый абстрактный идеализированный объект, с помощью которого становится возможным, формализовав какое-либо явление, событие или ситуацию, дать прогноз их развития с определенной долей вероятности. При этом от характера и уровней абстракций и идеализаций, лежащих в основе моделирования, в значительной степени зависит весь процесс переноса знаний с модели на оригинал. В частности, принципиальное значение имеет выделение трех уровней абстракции, на которых может осуществляться моделирование: уровня *потенциальной осуществимости*, когда упомянутый перенос предполагает отвлечение от ограниченности познавательно-практической деятельности человека в пространстве и времени; уровня *реальной осуществимости*, когда этот перенос рассматривается как реально осуществимый процесс, хотя, возможно, лишь в некоторый будущий период человеческой практики, и уровня *практической целесообразности*, когда этот перенос не только осуществим, но и желателен для достижения некоторых конкретных познавательных или практических задач.

Основные положения геополитики исходят из утверждения, что политика государств — в особенности внешняя политика — предопределяется главным образом географическими факторами: пространственным положением, природными ресурсами, климатическими условиями и т.п. В известной мере данная дисциплина основана на редукционизме, сознательно упрощенном отображении социально-политической действительности, сведении многообразных ее проявлений к нескольким параметрам географического характера. Однако при этом, выделяя в качестве основного принципа один важнейший критерий и сводя к нему в своей системе интерпретаций все остальные аспекты международной жизни, геополитика рассматривает мир как единое целое с изначально присущей ему внутренней неоднородностью, представленной взаимосвязью, взаимозависимостью и взаимообусловленностью элементов, составляющих данную целостность.

Указанное обстоятельство позволяет провести определенные параллели между геополитическим методом исследования мировой политики и структурно-функциональным анализом, задающим принципы исследования процессов и явлений социальной действительности как системно-организованной структурной целостности, в которой каждый элемент имеет определенное функциональное значение, выполняет некоторую функцию внутри этой целостности. По-видимому,

было бы не совсем корректным безоговорочно утверждать, что геополитика — по крайней мере, в ее ранних и классических концепциях конца XIX — первой половины XX в. — опирается на структурно-функциональный анализ, ибо последний, как известно, получил свое окончательное оформление в качестве общенаучного методологического принципа не ранее 50–60-х годов XX в. Вместе с тем, на наш взгляд, было бы интересно отметить, что геополитика и структурно-функциональный анализ имеют общую предысторию, которая восходит к идеям органицизма в социологии, сформулированным Г. Спенсером. Именно от этих идей берут свое начало и исходные методологические принципы структурно-функционального анализа, заложенные Э. Дюркгеймом и его школой, и концепция государства как живого организма, укорененного в почве, принадлежащая Ф. Ратцелю.

Центральным для структурно-функционального анализа, как известно, является понятие функции, которая рассматривается в двух аспектах: 1) как «назначение» («роль») какого-либо элемента некоторой целостности (системы) по отношению к другому элементу или к системе в целом; 2) как такая зависимость в рамках данной целостности (системы), при которой изменения какого-либо одного элемента оказываются производными (функцией) от изменений другого или других элементов. В последнем случае вводится понятие функциональных (функционально-организационных) связей (отношений, зависимостей) в ряду причинных, структурных, генетических связей внутри данной системы, а также выделяются и процессы функционирования (поддержания организации-организованности, порядка) наряду с процессами производства и воспроизводства, в совокупности обеспечивающие стабильное существование системы и соотносимые с процессами ее изменения и развития — как в результате «естественной» эволюции, так и вследствие специально предпринимаемых, «искусственных» усилий.

Представляется, что эти положения вполне уместно применить к «карте Маккиндера» — модели, предлагающей как в ее первоначальном, так и в трансформированном Н. Спикмэном виде фундаментальное деление мира на три взаимосвязанных и взаимозависимых элемента: «осевой регион» (*pivot area*), страны «внутреннего полумесяца» (*inner crescent*) и страны «внешнего полумесяца» (*outer crescent*), — каждый из которых выполняет определенную функцию в плане решения важнейшей стратегической задачи контроля над миром. В первом случае ключевая роль в ее реализации принадлежит «осевому региону», во втором — «внутреннему полумесяцу».

При всей условности подобного применения метода структурно-функционального анализа к геополитическим моделям можно утверждать, что он, тем не менее, позволяет проследить определенные тенденции в мировой политике и определенным образом формализовать их. Интерпретируя указанным образом геополитическую модель, ее можно использовать как для объяснения процессов и явлений, имевших место в прошлом, так и для составления вероятностных прогнозов развития событий в будущем. Структурно-функциональный метод позволяет рассматривать политический процесс как взаимодействие взаимосвязанных и взаимозависимых элементов, обладающих определенными функциями. Соответственно, изменение поведения или состояния одного структурного элемента может повлиять на изменение функционирования другого элемента или системы в целом. При этом мы можем рассматривать мировую политику как изменяющую-

ся динамическую систему, в которой государства и союзы государств выступают в качестве элементов, а их роли представляют собой определенные функции в общей системе международных отношений. Структурно-функциональный анализ предполагает изучение функциональных зависимостей элементов данной динамической системы, а также способствует оценке изменений, к которым эта система может, в конечном счете, прийти и с какими именно изменениями в режиме своего функционирования. Таким образом, структурно-функциональная модель представляет собой «концептуальный инструмент, ориентированный, в первую очередь, на управление моделируемым процессом или явлением. При этом функция предсказания, прогнозирования служит целям управления»[2].

Использование моделей позволяет изучать такие объекты, прямой эксперимент над которыми затруднен, либо — как в сфере мировой политики — вообще невозможен в силу объективных причин. В данном контексте модели, будучи теоретическими конструкциями, выступают как «интеллектуальные инструменты», которые «ни в каком абсолютном смысле не являются ни истинными, ни ложными, а только более или менее полезными»[3]. Соответственно, полезность какой-либо модели определяется прежде всего той степенью, в которой она помогает нам понять окружающую действительность. По мнению американских политологов Дж.Б. Мангейма и Р.К. Рича, теоретическая конструкция, чтобы быть полезной для объяснения наблюдаемых феноменов, должна отвечать следующим пяти требованиям: она должна быть *верифицируемой, логически непротиворечивой, доступной, общей* и *экономичной*[4].

Верифицируемость модели означает возможность ее подтверждения эмпирическим путем. Это является одним из важнейших качеств любой модели, которая основывается на исходных допущениях, во многом предопределяющих результаты исследования. Следовательно, упрощение исследователем действительности в ходе построения модели следует рассматривать как процедуру, способствующую упорядочению, структурированию имеющихся сведений и формулируемых гипотез. Но любое упрощение может использоваться до тех пор, пока модель будет отражать основные характеристики объекта исследования, позволяющие сделать прогнозы относительно действительности таким образом, чтобы мы могли провести наблюдения, либо подтверждающие, либо опровергающие их. При этом модель должна быть связана с действительностью систематическим образом, а не представлять собой лишь некое множество абстракций.

Логическая непротиворечивость модели подразумевает ее внутреннюю последовательность. Предположения, на основе которых формулируется модель, должны быть совместимыми друг с другом, а входящие в нее термины — однозначными.

Доступность модели означает, что другие исследователи и специалисты, имеющие в данной конкретной области соответствующую подготовку, могут надлежащим образом воспринять и понять предлагаемую модель так, чтобы иметь возможность использовать ее для объяснения или интерпретации событий и заниматься проверкой вытекающих из нее гипотез.

Общий характер модели предполагает возможность ее использования для объяснения разнообразных, но, тем не менее, имеющих некоторые общие черты событий, происходящих в разных местах и в разное время. С этих позиций полезность модели определяется также возможностью ее применения для составле-

ния соответствующих прогнозов, которые носят вероятностный характер, когда, говоря словами Н. Винера, «ученый... не в состоянии с уверенностью предсказать, что же будет происходить отныне и вовеки, а может только объяснить, что, по всей вероятности, произойдет в какое-либо определенное время, при каких-то определенных условиях»[5].

Под экономичностью имеется в виду достаточная простота модели в плане ее свободы от каких-либо дополнительных оговорок, условий и многочисленных исключений из устанавливаемых ею некоторых общих правил и закономерностей. Иными словами, экономичность модели корреспондируется с ее эксплицитностью, состоящей в том, что «все правила для описания и изучения реальности сформулированы в явном виде»[6].

На наш взгляд, геополитическое моделирование в значительной мере отвечает указанным требованиям, предлагая достаточно ясные и эксплицитные теоретические конструкции, отражающие совместимость физических, социальных, материальных и моральных ресурсов государства, составляющих тот потенциал, использование которого (а в некоторых случаях даже просто его наличие) позволяет ему добиваться своих целей на международной арене. В данном отношении прагматическая полезность структурно-функционального прочтения геополитической модели представляется двойственной: представителей одних государств она в известной степени «обучает» тому, как лучше сохранить территориальное господство и осуществить экспансию, тогда как их противников — поиску концептуальных принципов эффективного противодействия, которое может быть как симметричным, так и асимметричным. Так, например, Версальский договор являлся логическим продолжением геополитической модели Х. Маккиндера, выражавшей главным образом интересы Великобритании, и был направлен на ослабление государств Средней Европы и подавление Германии. Напротив, К. Хаусхофер, исходя из тех же предпосылок, развил прямо противоположную теорию «европейского освобождения», которая была полным отрицанием логики Версаля и легла в основание идеи формирования континентального блока «Берлин — Москва — Токио». Не отвергая на теоретическом уровне потенциальной возможности создания такого военно-стратегического союза и констатируя как факт, что он не состоялся, следует подчеркнуть, что структурно-функциональные геополитические модели выступают в качестве не только *описывающих*, но и *предписывающих* моделей. Однако логика этих предписаний, несмотря на свою убедительность и стройность, далеко не всегда бывает востребована политическими деятелями.

Примечания

[1] Подробнее см.: *Даль Р.* Введение в теорию демократии. М., 1992. С. 68–88; *Дюверже М.* Политические партии. М., 2000. С. 21–37; *Истон Д.* Категории системного анализа политики // Политология: Хрестоматия / Сост.: проф. М.А. Василик, доц. М.С. Вершинин. М., 2000. С. 319–331.

[2] *Плотинский Ю.М.* Модели социальных процессов. М., 2001. С. 87.

[3] *Мангейм Дж.Б., Рич Р.К.* Политология. Методы исследования. М., 1997. С. 44.

[4] См.: Там же. С. 50.

[5] *Винер Н.* Я — математик. М.; Ижевск, 2001. С. 27.

[6] *Мангейм Дж.Б., Рич Р.К.* Указ. соч. С. 23.

1. В чем особенности географического пространства?
2. Почему островные государства можно рассматривать как «идеальные» с точки зрения физического измерения геопространства?
3. Перечислите типы геополитических отношений и назовите особенности каждого из них.

А.Б. Елацков

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ГЕОПРОСТРАНСТВО КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ III. ПРОСТРАНСТВО ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ*

Введение. В предыдущей статье [1] нами были рассмотрены некоторые особенности географических отношений, представляющих своеобразную «ткань» географического пространства. Было отмечено, что они существуют не изолированно, не сами по себе, а в синтезе с функциональными отношениями той или иной природы. В настоящей статье мы обсудим проявление географических отношений в политическом геопространстве.

Интерпретации «политического пространства». Начнем с того, что термин «политическое пространство» содержит несколько разных смыслов. Сама по себе многозначность вполне приемлема, но в нашем случае часто приводит к смешению и подмене понятий. Для смягчения противоречий мы предложили использовать термин «политическое геопространство» в тех случаях, когда речь идет именно о нем [2, с. 131]. К данному понятию тесно примыкают два других «политических пространства»: пространство-как-геосреда и функциональное (социальное) пространство. Кратко рассмотрим имеющиеся противоречия в их интерпретации. К.Э. Аксенов отмечает необходимость ясного различения понятий «среда» и «пространство», так как многие авторы стремятся подменить одно другим. Он заключает, что политико-географическое пространство — это не среда политической деятельности (в том числе физико-географическая), «а сама эта деятельность, взятая с атрибутивной точки зрения» [3, с. 333]. В том же духе высказывается, в частности, политолог И.А. Чихарев, отмечающий, что в современных политико-пространственных исследованиях часто «смешиваются пространство политики (например, географическое) и политическое простран-

* *Елацков А.Б.* Политическое геопространство как объект исследования. III. Пространство геополитических отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 7. Геология. География. 2013. № 4. С. 152–161.

ство» [4, с. 16]. Подобное разграничение вполне согласуется с излагаемой нами позицией.

Однако здесь мы переходим к проблеме, свойственной многим отечественным политологическим исследованиям, стремящимся охватить вопросы политической географии и геополитики. Речь идет о своеобразной «боязни» географии, о стремлении отгородить терминологическим барьером политику от географического пространства. Для этого используется на первый взгляд тот же аргумент, что и при решении предыдущего вопроса, а именно разграничение понятий пространства и среды. Это действительно оправдано в случае рассмотрения лишь функционального политического пространства, без охвата вопросов политической географии и геополитики. В противном случае возникают противоречия. Ошибочной посылкой часто является то, что «география» сводится лишь к физической (а то и вообще к описанию очертаний суши и морей), с игнорированием ее общественно-географического и гуманитарного содержания. С. Джонс еще в 1954 г. отмечал: «Мы, географы, боюсь, черпаем политическую науку из газет. Многие же политологи, я знаю, под географией понимают лишь физическую географию, и политическую географию представляют как влияние природной среды на политику» [5, p. 112]. При этом понятия «физического» (включающего и социальные объекты) и «физико-географического» пространств различаются не четко. Так, Чихарев пишет: «Позволим себе утверждать, что география представляет собой пространство политики, но не политическое пространство. Последнее... лишь воплощается в физическом пространстве, в географии» [4, с. 18]. Ему вторят и некоторые другие авторы-политологи: «...Политическое (политико-географическое, или геополитическое) пространство выделяют в результате наложения политических процессов на параметры физического пространства» [6, с. 88]; «Разумнее остановиться на понимании географического пространства как некой среды, в которой действуют акторы политических отношений» [7, с. 145]; «...В типологию геополитических пространств наряду с географическим пространством (Суша, Море, Воздух, Космос) вошли экономическое, информационно-кибернетическое и информационно-идеологическое пространства» [8, с. 22]. Крайнюю позицию занял К.С. Гаджиев, для которого «гео» в «геополитике» означает лишь глобальный масштаб политического исследования, и не более того [9, с. 38]. На самом деле в данном случае мы сталкиваемся с проблемой соотношения функционального (социального) и географического пространств, не имеющей общепринятого решения. Но утверждение, что «политическая география дополняется (?! — *А.Е.*) политическим пространством, которое «вырастает» над географией» [4, с. 19], лишено всякого смысла. Что в таком случае изучала политическая география до этого «дополнения»?

Из приведенных высказываний напрашивается вывод, что сами по себе политические феномены либо вообще непространственны, либо негеографичны. Так, И.А. Чихарев считает именно «территориально-географическое понимание политического пространства» недостатком (!) геополитики, см. [4, с. 28]. Политическое геопространство как бы исчезает в «зазоре» между естественно-географическими условиями и «нефизической» политикой, но на самом деле просто редуцируется. Это избавляет от неудобных вопросов о геопространственном характере самих политических феноменов, акторов и сил, а не только их географической среды. Ведь на самом деле функциональное политическое пространство не просто «наклады-

вается» («воплощается» и т.п.) на географическое, а синтезируется с ним, обретая *новое качество* в виде политического геопространства. А.М. Трофимов и М.Д. Шарыгин отмечают: «...Существование географического пространства предопределяет для каждого взаимодействующего элемента геосистемы как дополнительные ограничения, так и новые возможности... Иначе говоря, объект в геопространстве не тождественен тому же объекту вне этого пространства...» [10, с. 181]. Один из основоположников концепции социального пространства — П. Бурдьё — высказывался по данной проблеме в том духе, что социальные структуры и дистанции конвертируются в физическое пространство в более или менее деформированном виде посредством присвоения участков пространства и натурализации социальных отношений [11, с. 50–53].

Нельзя упускать из виду, что геопространственное (физическое) измерение в значительной степени определяет содержательные и сущностные параметры многих политических феноменов, как и наоборот — многие политические феномены отражаются в геопространстве. Именно подобное пересечение явлений и интересует политическую географию и геополитику. Простой пример. Допустим, есть два сообщества, разделенных политической границей. Но именно геопространственная форма этой границы, включая наличие анклавов, и степень ее привязки к природным рубежам могут как стимулировать, так и сглаживать потенциальные конфликты. П.Бурдьё отмечает эффекты «клеймения» людей местом и «соседской вражды», которые не объяснимы вне контекста физического пространства [11, с. 61–63]. Известный стратег А. фон Шлиффен писал о том, что «на поле сражения геометрия выступает определяющим фактором. Геометрия расположения и движения войск может искупить не только недостаток численности, но и недостаток качества» [12, с. 488]. Обратный пример: социальное расслоение выражается в геопространстве и сказывается в географии выборов, в джерримендеринге. Подробно о таких взаимовлияниях пишет, в частности, К.Э. Аксенов [13]. Отметим, что первый отечественный энциклопедический словарь по политологии (1993) давал характеристику политического пространства именно в географическом смысле: «Пространственная протяженность политических процессов предполагает физическое, территориальное измерение» [14, с. 301].

Ряд авторов впадают в иную крайность, отказываясь от анализа физического геопространства вообще. Так, Н.А. Косолапов утверждает, что «понятие “пространства” относится обычно к реальности социальной (экономическое, политическое... и многие иные пространства)», и что лишь «*организованная территория становится пространством*, т.е. местом, более или менее приспособленным для жизни конкретных особей и/или видов (?! — *А.Е.*)» [15, с. 6–7]. С географической точки зрения подобный подход приемлем *только* в случае, если речь идет о *собственном* социальном или биологическом геопространстве объекта, процесса или территории (геотории). Так, собственное пространство «идеального» государства действительно ограничено пределами его территории, если не учитывать поле внешнего влияния.

Геополитическое пространство. Ранее [2, с. 130] мы рассмотрели геопространство в широком (планетарном, I) и узком (географическом, II) смыслах. В обоих случаях мы можем выделить политическое подпространство (политическую гео-

сферу). В первом случае (I) в него попадут все «привязанные» к Земле политические феномены, включая порядок имен в избирательном бюллетене или споры за распределение мест в правительстве. Во втором случае (II) мы имеем дело с политическими феноменами, для форм существования и проявления которых значительную или даже определяющую роль играет их *включенность в географические отношения*. Как отмечает К.Э. Аксенов, «...предметом политической географии является не весь комплекс взаимоотношений областей политологии и географии, а лишь та их часть, которая находится в диалектическом единстве...» [3, с. 332]. Имеется и «пограничный слой» явлений, для которых значимость географических отношений невелика в том или ином исследовательском контексте.

Политическое геопространство-II, выделенное из единого планетарного геопространства-I, можно именовать *глобальным геополитическим пространством*. Оно является предельным объектом исследования как для геополитики, так и для политической географии. Можно говорить и о политико-географическом пространстве, на глобальном уровне совпадающем с геополитическим. Рассматриваемые же в данном контексте отдельные политические феномены обладают *частными геополитическими пространствами*, складывающимися, подобно прочим геообразованиям [16, с. 98], из собственного (внутреннего) геопространства, и геопространства (поля) их существенного внешнего влияния. Именно в этом смысле возможно употребление термина «пространство» во множественном числе. Правда, зачастую происходит путаница. Так, В.А. Дергачев, давая определение геополитического пространства вообще, фактически пишет лишь о частном пространстве, так как оно, по его мнению, «определяется границами распространения... мощи государств» [17, с. 108].

Вместе с тем, географические отношения — основа географического пространства — в синтезе с политическими обретают новое качество в виде *геополитических отношений* (ГПО). Именно они являются элементарными абстрактными объектами исследования названных дисциплин [18] и служат своеобразной «гипюровой тканью» любого геополитического пространства. Последнее, таким образом, может рассматриваться как *пространство геополитических отношений*. Это является принципиальной основой для понимания всего геополитического пространства. Рассмотрим следующий пример. Допустим, под давлением СМИ отменена отправка экспедиционного корпуса в другую страну. «Является ли подобное событие телом, — задается вопросом А.Ф. Филиппов, — а если нет, то как оно может быть размещено в политическом (или в любом другом) пространстве? ... какие именно тела были или могли быть подвергнуты здесь воздействию?» [19, с. 6]. Здесь мы сталкиваемся с явной ошибкой интерпретации. Дело в том, что в результате указанного события физические тела не перемещались, но изменились ГПО со страной назначения, с союзниками и противниками. Следовательно, изменилось само геополитическое пространство.

Отношения, конечно, существуют не сами по себе, а между элементами множества, состоящего из объектов, процессов и иных отношений. Сами по себе эти элементы политическими не являются, так как ни один феномен не может быть политическим, если не включен в политические отношения. Это своеобразный «субстрат» для геополитических отношений. Он неоднороден и складывается из нескольких компонентов (подпространств или «пластов»), каждый из которых

имеет свои объекты, связи и структуры. Если же рассматривать функциональное пространство, даже полностью абстрагированное от географического, то оно обнаруживает со вторым явную корреляцию. Так, в функциональном политическом пространстве можно обнаружить некоторые «сгущения» — кластеры политических отношений. Нетрудно предположить, что они, в проекции на геопространство, соответствуют не только социальным группам, но и территориям государств. а «разреженные» области между ними — социальным, государственным и геополитическим границам (но не их геометрии!). Той же особенностью обладают и массовые когнитивные пространства — их характер зачастую обусловлен культурными особенностями, связанными с теми или иными территориальными сообществами.

Остается важный вопрос: трансформируется ли геополитическое пространство в результате политической деятельности, направленной на преобразование *неполитических* сфер геопространства (для экономических, культурных и прочих неполитических нужд)? Здесь, вроде бы, ГПО не образуется — нет единства географического и политического отношений. Однако это не совсем так. С одной стороны, место, где принимаются политические решения, становится геополитическим центром для окружающего пространства. Суть самих политических решений значения не имеет. В максимальном, мировом значении такие центры приобретают характер глобальных городов. С другой стороны, географические отношения, формируемые каким-либо образом, участвуют в дальнейшем образовании ГПО независимо от первоначальной цели их формирования. Так, построенная предпринимателем для развития завода дорога может позже оказаться важной с геостратегической точки зрения. Как и построенная сеть инновационных центров может сыграть роль в географии выборов, в складывании локальных политико-экономических полюсов притяжения и т.п.

Синтетическая категория. Таким образом, всем ГПО имманентно присущи как географические, так и политические отношения. Оба компонента могут складываться в разных пропорциях, что зачастую подогревает дискуссию между политико-географами и политологами о принадлежности геополитики как научной дисциплины. Названные компоненты, составляя единое ГПО, не просто суммируют свои параметры, а благодаря свойству эмерджентности образуют объект совершенно иного качества со своими свойствами и параметрами. Появляются специфические понятия, которые не могут быть типизированы ни как чисто географические, ни как чисто политические. Например, «анклав», «оккупация», «административно-территориальная единица», «сфера влияния». В комплексе разных ГПО переплетение обоих компонентов становится еще более сложным и разнообразным. Кроме того, в структуре ГПО можно выделить *хронополитические* отношения, отражающие их общую динамику.

Для определения ГПО (как и любого другого отношения) требуется двойное абстрагирование [20, с. 174]. Во-первых, от всех отношений, кроме геополитического, что позволяет определить собственную природу данного отношения. а во-вторых, от параметров конкретных предметов, между которыми оно возникает. Последние становятся своего рода «переменными» со своей областью определе-

ния. В нашем случае ими выступают, с одной стороны, геопространство во всем многообразии форм, объектов и процессов, включая политические, а с другой — геополитические субъекты и их деятельность. Возможность рассматривать стороны ГПО как «переменные» делает его операциональным при конкретизации. В случае подстановки конкретных факторов геопространства и конкретных субъектов, мы описываем эмпирическое или первичное ГПО между ними. Таким образом, в обоих «разрезах» рассматриваемое отношение представляется категорией, синтезирующей географические и политические аспекты, причем в общем случае как равноправные.

С этой точки зрения представляется нерациональным считать одну из сторон ГПО первичной, а другую — вторичной, производной. Тем не менее, Н.В. Каледин предполагает, что с позиций деятельностного подхода «геопространственные отношения... придающие политическому (формообразующему) содержанию геопространственную определенность, можно рассматривать в качестве абстрактно-общих выразителей содержания второго порядка (географического) предметной области политической географии» [18, с. 83]. Хотя здесь возникает вопрос: действительно ли только одна из сторон является формообразующей? В том же духе высказывается В.А. Бурлаков: «Политические элиты государств формируют вектор своего поведения, исходя из собственных интересов, *слабо связанных с географическими факторами*» (курсив мой. — *А.Е.*) [7, с. 145]. Но будь это действительно так, поведение было бы одинаковым применительно ко всем местам планеты. На самом деле «пассивность» и «постоянство» природно-географического пространства относительны и неоднозначны. Можно вспомнить, для примера, картину К.Брюллова «Последний день Помпеи». Ю.Н. Гладкий отмечает, что «...наше восприятие политической организации мира страдает субъективностью тем больше, чем чаще географы уходят от учета природно-пространственной субстанции, “барахтаясь в тине” политологических умозаключений» [21, с. 509]. Надо иметь в виду, что геопространство со своими характеристиками сложилось задолго до появления общества, а тем более его политической деятельности. Последняя, возникнув, «вписывается» в принудительно навязываемые географические ограничения, законы, отношения и формы, синтезируется с ними и образует новые. Неравноправность сторон может сказываться и быть очевидной лишь при конкретизации ГПО. Нам представляется, что во многих случаях ведущей стороной оказывается именно географическая, причем нередко — естественно-географическая. Это значит, что в *общем случае* нельзя априори определить ведущую сторону ГПО. Восприятие какой-либо одной из них как среды или внешнего объекта, а другой — как деятельной, формообразующей силы — лишь частный случай интерпретации.

Признание возможности ведущей, формообразующей роли за обеими сторонами отношения или взаимодействия важно и по следующей причине. Согласно представлениям диалектической логики, движущей силой развития ГПО является их внутренняя противоречивость, выраженная диалектическим единством обеих его сторон. ГПО содержит, в частности, противоречие соответствия: прогресс любой из сторон вызывает несоответствие и изменение другой, что ведет к ее изменению, адаптации и временному установлению их сбалансированного соотношения [18, с. 86–87]. Конечно, мы можем в аналитических целях абстрагироваться от из-

менчивости и формообразующей роли одной из сторон взаимодействия. Но в этом случае надо понимать, что несимметричность не присуща реальному взаимодействию, а привносится в него субъективно.

Типы геополитических отношений. Форма и законы реализации ГПО всегда зависят от их конкретной природы. Можно провести их типологизацию по характеру вещественных, энергетических и информационных взаимодействий в геопространстве. Это важно с той точки зрения, что разные типы по-разному позиционируются в геопространстве и по-разному участвуют в образовании геополитических систем и структур. Прежде всего, выделяются два крайних идеальных типа. *Во-первых*, это непосредственное отношение мест («место—место», или М—М). Чаще всего представляет собой ГПО информационного типа, не зависящее от характера промежуточных пространств между соотносящимися местами. Более важную роль играет качество самих мест, чем их расположение. Таковы, например, следующие отношения: имиджевые, союзнические, комплиментарности, оценки, сходства и различия. При определенной идеализации в ряде случаев к данному типу можно отнести и вещественно-энергетические отношения. Так, вырожденным случаем будет материальное взаимодействие смежных (соседских) мест или операции в глобальном виртуальном пространстве.

Во-вторых, мы выделяем прямую противоположность названному типу — отношение мест, всецело зависящее от характера промежуточного геопространства. Так как последнее можно представить множеством иных мест, то обозначим данное отношение как «место—местá—место» (или М—М—М). Оно чаще всего связано с энерго-вещественными взаимодействиями: транспортные связи, военные действия, массовые миграции и т.п. В данном контексте особую важность приобретают протяженность, характер и многовариантность пространственных «трасс» взаимодействия.

Но можно выделить и два промежуточных типа. Итак, *в-третьих*, это ГПО, зависящее только от расстояния между местами («место—расстояние—место», или М—Р—М). Данные отношения во многих случаях поддаются описанию с помощью «гравитационных» моделей в условно однородном геопространстве. Как специфические случаи можно рассматривать, например, океанские коммуникации, радиовещание на территорию противника или траектории МБР. Правда, спутниковое и интернет-телевидение постепенно переводит телевещание в разряд отношений типа М—М.

В-четвертых, выделяются ГПО, безразличные к расстоянию, но зависящие от наличия промежуточных рубежей или границ («место—границы—место», или М—Г—М). Соответственно, данное отношение чувствительно и к пространственным формам явлений (их морфологии). Наиболее известными примерами моделирования подобных отношений являются «теория домино» и оценка степеней соседства. В данном контексте следует рассматривать и понятие «геополитический коридор». Все четыре названных типа могут иметь *геоисторические* подтипы, когда соотносящиеся места принадлежат разным историческим периодам. Таким образом, мы получили матрицу из четырех типов отношений по чувствительности к двум пространственным факторам (табл. 1). *Интегральные* ГПО могут сочетать признаки разных идеальных типов в различных пропорциях.

Таблица 1

Типы геополитических отношений по чувствительности к пространственным факторам

		Чувствительность к расстоянию	
		+	–
Чувствительность к границам	+	М–М–М	М–Г–М
	–	М–Р–М	М–М

Подвергнутое анализу ГПО предстает перед исследователем в трех аспектах: *онтологическом* (как выявление реальных или мнимых ГПО), *аксиологическом* (их политико-идеологическая и иная оценка) и *гносеологическом*. Так, например, выявляется реальное геополитическое доминирование США в 1990-е годы. Далее это доминирование оценивается либо положительно (как моральное лидерство, несущее свободу), либо отрицательное (как проявление враждебного неоколониализма и т.п.) Также имеет значение третий, гносеологический, аспект, связанный с научностью и адекватностью методов выявления и анализа ГПО (какие параметры использованы для констатации доминирования США и какие шкалы для его геополитической оценки). Все три аспекта неоднозначны. Так, почти всегда положительные и отрицательные ГПО с некоторым объектом сосуществуют одновременно, но в разных функциональных сферах.

Среди ГПО выделяются не только действительные, но и возможные, потенциальные отношения, а также «реликтовые» отношения исторического характера. Кроме того, исходя из диалектического единства политического бытия и политического сознания, их можно разделить на материальный и идеологический (ментальный, субъективный) уровни. Последний включает ГПО в сфере политического сознания. Для внешнего наблюдателя «субъективные» геополитические представления являются весьма объективными, которые требуется исследовать, ибо они непосредственно воздействуют на геополитический процесс. В.А. Дергачев, например, придает им такую значимость, что даже само геополитическое пространство определяет через объединяющие людей «панидеи» [17, с. 108]. В последние десятилетия получила широкое распространение «критическая геополитика». Ее подход основан как раз на изучении геополитического восприятия пространства политическими деятелями, сообществами и творцами геополитических доктрин. ГПО идеологического уровня могут быть четырех типов. *Во-первых*, возникающие в образно-ментальном (представляемом) пространстве. Аналогично географическим образам и образно-географическим отношениям, в индивидуальном и массовом сознании складываются геополитические образы [22, с. 193] и *образно-геополитические отношения*. *Во-вторых*, мы выделяем отношения между сознанием субъекта (объекта) и материально-вещественными объектами. Например, их оценка или восприятие. *В-третьих*, надо говорить об отношениях между сознаниями разных субъектов (объектов). Это, в частности, различие и сходство в политических идеологиях. Можно, *в-четвертых*, выделять и отношения между сознанием субъекта и его собственным материальным субстратом. По мнению С. Джонса, политические идеи, а значит и идеологические ГПО, раскрываются в физическом пространстве через следующую двунаправленную цепочку: Идея–Решение–Движение–Поле–Территория [5, p. 115].

Сети отношений. Методологически важно рассматривать ГПО в контексте нескольких масштабных уровней геополитического пространства. Такой подход является традиционным для общественной географии и геополитики.

1. В «вертикальном» (местном) разрезе — в контексте прочих геополитических и географических отношений того же региона или геополитической системы. Геополитическое пространство предстает как бы многослойным.
2. В «горизонтальном» разрезе — в контексте условий глобального, регионального и локального геополитических пространств, как внешних, так и внутренних.
3. В «историческом» разрезе — в контексте множественных вариантов прошлого развития и возможных сценариев будущего.

ГПО, имея разнородные основания, создают причудливые «узоры» на разных «слоях» геополитического бытия во всех трех обозначенных аспектах. «...Множественность пространственных проекций означает, — пишет А.Ю. Мельвиль, — что мир одновременно и однополярен, и биполярен, и многополярен, и центробежен, и хаотичен» [23, с. 120]. Й.Фергюсон и Р.Мансбах проводят аналогию политического пространства с «бесшовной сетью, охватывающей множество многослойных, перекрывающихся и взаимодействующих политических властей» [цит. по: 24, p. 48]. Вместе с тем в процессе познания приходится иметь дело не только с прямыми, но и опосредованными ГПО. Например, через международную организацию, в которой состоит государство, оно вступает в специфические отношения с некоторым объектом, причем они могут оказаться и нежелательными. Особое значение имеют отношения между разными ГПО. Мы будем обозначать их как отношения второго и более высокого порядков (отношения отношений), если они отчетливо идентифицируются именно в таком качестве. Таким образом, множество элементарных ГПО соотносятся между собой и образуют новые ГПО. Те, в свою очередь, также образуют ГПО еще более высокого порядка. Складывается большая и сложная совокупность или система отношений разных уровней, типов и природы. Какие-то из них имеют существенное значение для геополитической деятельности и должны быть подвергнуты тщательному исследованию, а какие-то малозначимы, и ими можно пренебречь. Заметим, что *n*-ный порядок ГПО не рассматривается нами как степень обобщения или масштаба. Для обобщенных отношений типа «государственная власть — геопространство страны», состоящих из множества элементарных и разнородных ГПО, целесообразнее использовать термин «*интегральное* геополитическое отношение».

Исходя из «многослойности» геополитического пространства, можно также утверждать, что для целевого преобразования некоторого конкретного ГПО могут устанавливаться другие ГПО с иными объектами, лишь косвенно связанные с первым, но приводящие к его наведенному изменению посредством либо а) отношений высшего порядка, либо б) опосредованно через изменяемый объект геопространства. Например, осуществление государством локальной миротворческой деятельности приводит к тому или иному изменению «имиджевых» отношений страны уже безотносительно конфликтного региона. Вместе с тем, внешние для субъекта объекты геопространства также вступают в отношения друг с другом, в том числе в геополитические. Эти отношения, в свою очередь, так же являются геопространственной стороной для отношений второго порядка.

Как мы уже отметили выше, понятие ГПО, а значит, и геополитического пространства, исторично и требует учета исторического контекста. Для каждой эпохи были характерны, во-первых, свои преобладавшие типы обеих сторон отношения и, во-вторых, доступные наборы самих отношений и их типичных комплексов. Так, с одной стороны, изменялись сами общественные, социально-экономические и политические отношения, появлялись новые, ранее не известные специфические черты и виды. Большую роль в этом играли развитие социальных институтов, научного знания и технологий. С другой стороны, усложнялось, уплотнялось и осваивалось геопространство, интенсифицировались процессы его изменения, складывались пространственные структуры новых типов. Это, в свою очередь, порождало смену конкретно-исторических типов самих ГПО. В первом приближении можно выделить три основных исторических комплекса ГПО: докапиталистический, капиталистический и современный [25, с. 51]. Исторические типы ГПО и их комплексов выражают своеобразный механизм формирования конкретной геополитической реальности. Параметры, по которым выявляются и оцениваются ГПО, также изменчивы во времени, и особенно отличаются для разных геополитических эпох. Так, например, весьма различны параметры оценки мощи государств в XVII и XXI вв. В свою очередь, развитие и трансформация геополитических отношений представляет собой геополитический процесс. Он воспринимается наблюдателем в виде череды «моментальных снимков» — геополитических ситуаций или событий. А.Ф. Филиппов утверждает, что «...события, совершающиеся в любом, даже самом маленьком регионе, предполагают движение, перемену мест» [19, с. 21]. Но и событие, и движение в философском смысле могут означать изменение состояний и отношений без какого-либо перемещения масс. Также важно отметить, что признаки и сущностные характеристики ГПО как абстракции объективной реальности инвариантны и являются *общими для всех исторических эпох*. В противном случае ГПО как общее понятие нельзя было бы определить вообще, как это нельзя сделать для доисторического периода.

Литература

1. *Елацков А.Б.* Политическое геопространство как объект исследования. II. Географические отношения и виды геоположений // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия 7: Геология, география. 2013. Вып. 1.

2. *Елацков А.Б.* Политическое геопространство как объект исследования. I. Виды и пределы пространств // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия 7: Геология, география. 2012. Вып. 2. С. 126–135.

3. *Аксенов К.Э.* Сущностный характер политической географии // Известия РГО. 1992. Т. 124. Вып. 4. С. 331–337.

4. *Чихарев И.А.* Проблематика политического пространства и времени в современной политологии и международных исследованиях // Политическая наука. 2009. № 1. С. 7–31.

5. *Jones S.B.* A Unified Field Theory of Political Geography // Annals of the Association of American Geographers. 1954. Vol. 44. No. 2. P. 111–123.

6. *Арсентьева И.И.* Научный дискурс категории «политическое пространство»: дефиниции, структура, механизмы формирования // Вестник Читинского гос. ун-та. 2010. № 4. С. 87–93.

7. *Бурлаков В.А.* Геополитика в системе современной российской политической науки: поиск новой парадигмы // Россия и АТР. 2008. № 4. С. 134–148.

8. *Комлева Н.А.* Идеологическая граница как предел идеологического пространства: сущность, специфика и технологии защиты // Пространство и время. 2010. №1. С. 22–26.

9. *Гаджиев К.С.* Геополитика. М.: Междунар. отношения, 1997. — 384 с.

10. *Трофимов А.М., Шарыгин М.Д.* Общая география (Вопросы теории и методологии). Пермь, 2007. — 490 с.

11. *Бурдьё П.* Физическое и социальное пространства // Бурдьё П. Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейа, 2007. С. 49–63.

12. Искусство войны: Антология военной мысли. В 2 кн. Кн. 2. Новое время / Сост. Р.В. Светлов. СПб.: Амфора, 2000. — 492 с.

13. *Аксенов К.Э.* Пространство и политика: Концептуальные подходы к изучению особой предметной области // Региональная политика. 1993. № 3 (5). С. 62–81.

14. *Политология:* Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост.: Ю.И. Аверьянов. М.: Изд-во Московского коммерч. ун-та, 1993. — 431 с.

15. *Косолапов Н.А.* Глобализация: территориально-пространственный аспект // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 6. С. 3–13.

16. *Алаев Э.Б.* Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М., 1983. — 350 с.

17. *Дергачев В.А.* Геополитический словарь-справочник. Киев: КНТ, 2009. — 592 с.

18. *Каледин Н.В.* Политическая география: истоки, проблемы, принципы научной концепции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. — 164 с.

19. *Филиппов А.Ф.* Пространство политических событий // Полис. 2005. № 2. С. 6–25.

20. *Войшвилло Е.К.* Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. М.: Изд-во МГУ, 1989. — 239 с.

21. *Гладкий Ю.Н.* Гуманитарная география: научная экспликация. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. — 664 с.

22. *Замятин Д.Н.* Власть пространства и пространство власти: Географические образы в политике и международных отношениях. М.: РОССПЭН, 2004. — 352 с.

23. *Мельвиль А.Ю.* Пространство и время в мировой политике // Космополис. 2007. Лето. № 2 (18). С. 117–122.

24. *Little R.* Reconfiguring International Political Space: The Significance of World History // Political space: frontiers of change and governance in a globalizing world / Ed. by Y.H. Ferguson and R.J. Barry Jones. Albany: State University of New York Press, 2002. P. 45–60.

25. *Каледин Н.В.* Исторические типы политической карты мира. I. От очаговой к глобальной геополитической системе // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия 7: Геология, география. 2000. № 3. С.51–59.

ГЛАВА 3

Интеграционные объединения

Пространственно-организационный подход к анализу международных реалий

Регионализация в современных международных отношениях

1. Почему пространство может быть более стабильно, чем территория? Какие типы пространства можно выделить?
2. Что такое процесс глобализации? Какие организации являются структурообразующими в глобальной экономике?
3. Каким образом процесс глобализации отделяет пространство от территории?

Н.А. Косолапов

ПРОСТРАНСТВЕННО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕАЛИЙ*

Появление в общественном и научном обороте термина, долгое время в этой среде не присутствовавшего, отражает наличие заслуживающей внимания потребности: практической и/или когнитивной. Тем более что речь о взаимосвязи двух новоявленных категорий — «пространства» и «сопредельности». Наблюдаем ли мы еще одно проявление *моды* на понятия и подходы, которая в публицистике и науке распространена не менее, чем в других сферах[1]; или за изысками ума есть нечто практически и политически значимое?

Автору уже приходилось рассматривать проблему явления пространства в современном мире[2]. Множество пространств делает неизбежными их различные соприкосновения и взаимодействия, в связи с чем возникает практическая и научная необходимость в классификации самих пространств, их многообразных взаимовлияний и, на этой основе, выделении видов пространств и связей между ними, существенных для процессов глобализации, международных отношений и мировой политики.

Представляется, что по изложенным ниже причинам наиболее значимо в современном мире явление *сопредельности* пространств, открывающее богатые и неоднозначные перспективы для альтернативных вариантов развития порядка в мире — будь то формализованного или все более неформального; глобального, международно-регионального или традиционного международного — а также для эволюции научно-теоретических представлений о макросоциальных явлениях и процессах, к числу коих относятся международные отношения и глобализация.

---

* *Косолапов Н.А.* Пространственно-организационный подход к анализу международных реалий // Международные процессы. 2007. Т. 5. № 3 (15). С. 57–65. (*В настоящем издании печатается в авторской редакции.*)

Статья подготовлена в рамках проекта, осуществляемого по гранту РГНФ №06-03-00169а «Глобальный миропорядок: формирование, структура, управляемость».

I. Определение пространства, типы пространств

Хотя понятие «пространства» часто используется как синоним объема или территории (космическое, российское), оно и только оно относится к реальности социальной, «наложенной» на некую территорию (экономическое, политическое, культурное, правовое, информационное и пр. пространства). *Территория* — не просто физико-географическая реальность, но место, где кто-то обитает; она суть *физическая сфера жизнедеятельности*. Поверхность Луны, Марса пока не называют территорией: на них не распространяется наша *жизнедеятельность*.

Территория может быть определена как часть физико-химической среды (окружающего мира), допускающая существование на ней определенных видов жизни, способная обеспечить такую жизнь необходимыми и доступными для нее ресурсами, и закрепленная за этими видами жизни или допускающая такое закрепление разными способами[3]. Пространство же — организация территории для конкретных видов жизни общества; конструкция, создаваемая человеком в целях использования данной территории, ее ресурсов и обустройства жизни в практическом и социальном отношениях.

В зависимости от уровня социально-исторического развития общества и его сложности, пространства организуют функционально преемственные, но качественно разные сферы жизни человека. Вначале это примитивное деление территории по функциональному признаку: зоны охоты, приготовления пищи, отдыха, ремесел, ритуалов и т.д. Это — хозяйственно-бытовое пространство человека, в XXI в. сосредоточенное в его квартире, гараже, на приусадебном участке. С появлением собственности возникает правовое пространство, организующее отношения людей в связи с обладанием, распоряжением, переходом собственности. Регулярность обменов и их растущие объемы вызывают к жизни рынок, а его усложнение приводит в итоге к современному экономическому пространству, включающему разные виды и типы рынков, связей производства и услуг, государственное регулирование экономики и многое иное. Рост численности общества и его сегментирование по демографическим, профессиональным и многим иным критериям повлекли за собой становление социального пространства — сферы гражданских отношений, социальной мобильности, разных видов поддержки человека.

Отсюда ряд принципиальной значимости выводов. *Во-первых*, одна и та же *территория способна вмещать множество пространств*. Есть ли какой-то предел этого множества и если да, то что его определяет — проблема отдельная, в данной статье не рассматриваемая. *Во-вторых*, *пространство может быть более стабильно, чем территория*: народ, согнанный с его территории, на новом месте еще долго живет по-старому, т.е. в привычных ему пространствах. *В-третьих*, развитие общества выражается, а уровень развития измеряется, наряду с прочим, видимо, *насыщенностью пространствами*, их *внутренней сложностью* и *качеством их взаимодействия*. *В-четвертых*, данное *пространство организует* не просто некое частое занятие человека, но *устойчивую сферу относительно долговременной деятельности*[4]. И *в-пятых*, становление пространственного оформления данной сферы деятельности может рассматриваться как определенный этап ее исторической эволюции. Поясним:

На фоне увеличения числа пространств на каждой данной территории (бывшей в разные периоды фактическим владением, позднее княжеством с определен-

ными правилами передачи власти в нем, и наконец, государством современного типа) международные отношения долгое время представлялись «диким полем», лишенным каких-либо организации, порядка, законности. С этим взглядом, однако, вряд ли можно согласиться. Рассматриваемые через призму пространственного подхода, международные отношения предстают специфичной формой организации необходимых связей и отношений между пространственно оформленными социально-территориальными единицами (системами). Если такая единица имеет границу или ареал (пусть даже оспариваемые соседями), если в ней есть хотя бы примитивно организованный социум — значит, данная территория уже в какой-то, пусть минимальной мере заполнена пространствами разных типов. В принципе то же самое может быть сказано и о ее соседях. Но наличие большей или меньшей совокупности подобных единиц свидетельствует о том, что их суммарная территория еще не охвачена пространствами или же существенно отстает в ее пространственном оформлении — в противном случае было бы возможно идентифицировать более крупную целостность (империю, унитарное государство, федерацию, интеграцию и т.п.).

Понятие «международных отношений» указывает, что какие-то отношения между нашими умозрительными «единицами» все же есть — иначе не было бы предмета разговора. Но «отношения» — в отличие от контактов, связей и прочих нерегулярных, относительно кратких, нередко случайных взаимодействий — не могут не подчиняться каким-то обычаям, нормам; а значит, обладают хотя бы минимальной организацией, т.е. пространственностью. Какая деятельность, однако, охватывается этим пространством? На длительном этапе истории только передел территорий, достигаемый путем войн, силовых захватов (рейдерства). Но за войнами следуют этапы признания и использования их результатов, что и делает международные отношения нетождественными чисто военным.

Пространственность международных отношений — не в их организации и зарегулированности (не достигнутых еще и поныне), но в том, что на протяжении веков они были сферой — *пространством — территориального передела*. Закономерен вопрос: если внутристрановые пространства четко «привязаны» к территории (всей страны или ее части), то что является «местом обитания» пространств международных? Здесь видятся два варианта. Исторически это пространство, располагающееся над *спорной* территорией (иное дело, что оспорена могла быть в принципе любая территория, на которую хватало сил). События, развернувшиеся вокруг Арктики летом-осенью 2007 г., позволяют предположить, что пространство территориального передела пока еще остается востребованным. Но в принципе такое пространство сохраняется постольку, поскольку существует практика территориального передела. На протяжении XX в. международные отношения вобрали множество новых для них сфер деятельности, оттеснив далеко на задний план военно-силовой территориальный передел[5]. Видимо, не во всех случаях здесь правомерно говорить о наличии уже сложившихся пространств. Но в той мере, в какой они все же проявляют себя в разных формах и сферах международного регулирования, такие пространства существуют в международном праве и неформальных нормах и правилах — т.е. в виртуальных формах. Виртуальность как «место обитания» международных пространств дополняет в этом качестве сферу территориальных переделов, пока успешно тесня ее (но не исключено, что маятник качнется

в обратную сторону). Международные отношения — одно из первых созданных человеком пространств, до сих пор не осознанное в этом его качестве.

Сравнение международных и внутренних пространств легко обнаруживает низкую плотность, разреженность первых в сравнении со вторыми, хотя и внутри страны, особенно крупной по территории и населению, плотность пространств неодинакова. Видимо, пространством в строгом смысле слова следует считать ту и только ту часть организационной «надстройки» над территорией, в которой конкретные пространственные формы и отношения не просто присутствуют время от времени, но утвердились на повседневной основе. Формально действуя на всей территории государства, например, право реально присутствует лишь там, где его удалось сделать непременной характеристикой повседневной жизни, где реально удалось наладить жизнь по закону; и отсутствует там, где население живет по «понятиям» или обычаям и нормам прошлого. Такое понимание пространства (как правового, так и любого иного) особенно важно, когда речь заходит о единых пространствах СНГ, России–ЕС или глобализации.

Суть явления заключается в том, что лишь в пространстве становится возможно формирование, долговременное поддержание, институциональное закрепление социальных отношений любого рода. Идет ли речь о власти или праве, типе рынка или регулировании конкретных видов деятельности, жизни политической или общественной — все это предполагает некие отношения, их длительность и стабильность во времени, а также наличие соответствующих функциональных институций. Но все перечисленные признаки в совокупности и образуют пространство как оно было определено выше. Пространство выступает и как важнейшая предпосылка и непременное условие всякого действительного развития. Отношения могут изменяться, вызвать к жизни сложные для своего времени организационные решения. Но без пространственного оформления никакие отношения эффекта развития не дают.

За исходные критерии классификации пространств целесообразно принять три: (а) что именно, какую по ее природе часть материального мира и/или сферу деятельности организует данное пространство; (б) в каких экзистенциальных формах проявляется пространство; (в) что способно поставить предел этому пространству, так или иначе ограничить его.

В соответствии с первым критерием можно выделять пространства: (i) в основе их *физические* (т.е. не чисто-социальные) — организация территории, ее наполнение коммуникациями и инфраструктурами; (ii) *социальные*, т.е. прямо или косвенно организующие общество и его жизнедеятельность. Социальные пространства, в свою очередь, могут быть подразделены на (iii) *хозяйственное* (обычно включающее официальную, неформальную и теневую экономики); (iv) *политическое*, в котором вырабатываются основные правила устройства, жизни и эволюции общества, и (v) *культурное* — пространство присущих и необходимых социуму практических навыков, ритуалов и смыслов, благодаря которым социум функционирует как целостность, а не просто сумма индивидов[6].

По второму критерию все типы социальных пространств (иными мы здесь заниматься не будем) могут быть подразделены на: (а) *реальные*, имеющие некое материально-практическое выражение; таковы, видимо, внутристрановые и глобальные пространства в отличие от международных; (б) *виртуальные* — так, «гло-

бальное гражданское общество» существует главным образом в Интернете; (в) *психологические* (когнитивные), обнаруживающие себя в представлениях, ценностях и ассоциациях человека: концепции, политплатформы, идеологии, религии, массовое и специализированное сознание.

Классификация по третьему критерию сложнее, ибо требует априорного установления пределов пространства вообще, а не конкретного его вида. Надо заметить, что *реальное* пространство удается осязать, лишь мысленно разделив его на части («объект относительно иного объекта»). При этом данное реальное пространство нарушается (обрывается, искривляется, трансформируется) всегда каким-то иным пространством. Этот факт позволяет определить *пространство как нечто, имеющее предел только вне себя*[7]. Однако пределы пространства социального (а также биологического, здесь не рассматриваемого) имеют еще один очевидный ограничитель, на первый взгляд расположенный внутри, а не вне данного пространства. Такой ограничитель — пределы возможностей социума (и данных вида, типа жизни вообще) в конкретных условиях и на определенном уровне их развития. Так, СССР рухнул не только в силу чаще всего называемых причин (которые несомненны), но отчасти и потому, что до сих пор в мире нет теории централизованного управления столь крупным и сложным объектом, и неизвестно, может ли такая теория в принципе быть создана и применена. Иными словами, исторически обусловленная (а возможно, принципиальная) неспособность человека добиться на шестой части суши желаемых типа и форм дееспособной и эффективной организации общества, экономики и всей их жизни привела к распаду советских пространств: социального, политического, военного, экономического, правового, культурного. Но означает ли это, что предел всех названных пространств действительно находился внутри них?

На мой взгляд, нет, и вот почему. Заявленное пространство в период его декларации и создания было, говоря современным языком, еще не виртуальным, но умозрительным, когнитивным. Позднее оно обрело практические черты, но во многом оставалось гипотетическим и идеологическим — т.е. находилось в сфере сознания. Конкретные пределы проектам, фантазиям и гипотезам задаются сознанием их творца. Эти пределы могут быть исключительно широки, но все же они конечны, поскольку обусловлены исторически достигнутыми организацией и содержанием сознания, причем даже в случаях, когда оно стремится и пытается отбросить и/или отрицать предшествующий ему опыт (эксперимент с «реальным социализмом» показал это очень хорошо). Другими словами, в части духовного творчества пределы есть, и они заданы извне этого творчества.

Но когда начинаются попытки воплотить умопостроения (идеологии, веру, проекты) в жизнь, в дело вступают ограничения, связанные с принципиальной осуществимостью задуманного (возможно такое осуществление в принципе или нет), наличием необходимых знаний, ресурсов, умений. Все эти ограничения лежат вне *того пространства*, которое пытается создать человек сообразно своим замыслам (хотя и в пределах других существующих в данном обществе в данное время пространств). Есть еще две категории ограничений, действующих в подобных случаях. Одна самоочевидна: ресурсы, их физическая, экономическая, иная (например, статусная — Ирану ядерное оружие не по чину) доступность. Другая — резерв хронологического времени, которое может (или не может) быть за-

трачено на соответствующие попытки. Так, веры в коммунизм хватило на одно, в социализм — на два поколения советских людей; затем лавинообразный цинизм сделал неизбежными перемены 1989–1993 гг. Не вдаваясь сейчас в дискуссию о механизмах этого явления, подчеркну лишь свою солидарность с позицией тех многочисленных авторов, которые разделяют идею о времени как заложенном в природу системы предельном сроке ее жизнеспособности. Тогда подобное системное время *есть нечто, заключающее предел только в себе самом*[8]. Эти особенности пространства и системного (не хронологического) времени влияют на взаимодействия пространств, особенно разнородных по их природе, и на явление сопредельности пространств.

II. Типы взаимодействий пространств

Множество пространств уже предполагает их взаимодействия, которые в самом общем виде и в целях упрощения анализа можно подразделить на одно- и мультипространственные: в первом случае как-то взаимодействуют друг с другом однотипные пространства, во втором — разнородные.

Однопространственные взаимодействия *физических* пространств могут иметь форму параллельных, пересекающихся, соприкасающихся[9]. *Социальные* пространства обнаруживают способности к соприкосновению, взаимному проникновению, а также к разобщенности (взаимному неприятию, отталкиванию). В последнем случае, видимо, надо различать разобщенность *практическую*, когда какие-то социальные пространства просто не соприкасаются друг с другом или не подозревают о существовании друг друга; и *виртуальную*, когда налицо их осознанное взаимное неприятие, отторжение. Пространства *политические* непременно как минимум соприкасаются, иначе не будет политики. Но их соприкосновение может быть: временным или длительным *слиянием* (от временного союза до интеграции[10]); пересечением (и тогда конфликтом в зоне пересечения). В современной политике, как до нее во всех видах творчества, распространен также еще один вид пространственных взаимодействий — *сопредельность*, когда нет слияния или пересечения, но какая-то (иногда исключительно сильная) взаимосвязь между пространствами прослеживается или ощущается со знаками «плюс» (позитивные ассоциации) или «минус» (упомянутое выше неприятие, отторжение).

Все перечисленные здесь взаимодействия социальных пространств имеют одну общую черту: они начинаются в сознании человека, хотя продолжаться и завершаться могут как там же, так и в других сферах (но всегда с отражением происходящего в сознании[11]). Во всех случаях социальных пространств именно сознание играет главенствующую роль. Оно не только предшествует практике, рождая образы ожидаемого будущего еще (часто задолго) до того, как начнется их практическое воплощение, но и по ходу практики координирует ее сообразно задуманному, не всегда в лучшую сторону, не отказываясь от намеченного даже когда безусловно выявились его негативные или катастрофические издержки и последствия. Если и когда крушение планов наступает, оно редко происходит в сфере только и исключительно реальных пространств: ему сопутствуют, а чаще предшествуют перемены в сознании (но уже иных субъектов), позволяющие задумать, подготовить и осуществить некие социальные альтернативы.

Мысль, самоочевидная до банальности, но заглушенная, забитая поисками «объективных закономерностей», которые вели и ведут позитивизм и марксизм: в личной и общественной жизни все свершения, рывки, зигзаги и катастрофы на стадии инициации определяются психикой, т.е. сочетанием эмоций и сознания. И только потом, когда механизм, процесс определенного рода запущены, в дело вступают закономерности иных, непсихических сфер[12]. Законы истории надо во многом искать в психологии, а не где-то еще; и это ключ к пониманию явления сопредельности как особого свойства социальных пространств.

Сопредельность физико-географическая — территориальное соседство. В повседневном употреблении она суть смежность, пограничность, близость. В поэзии, литературе ее смысл — не принадлежность, но взаимосвязь (Г. Лорка: «сопредельность мечты и плоти»; Ч. Айтматов: «сопредельность человека и государства»); здесь она — скорее образ, нежели определение. Заметим, что речь идет о некоей умозрительной взаимосвязи не «чего попало», но явлений и/или понятий, внутренне сложных, допускающих разноречивые их трактовки. Так, человек сопределен государству как винтик в системе тоталитаризма, как свободная личность в свободном же обществе и как индивид, безразличный к государству, которое, в свою очередь, равнодушно к его нуждам, судьбе, самой его жизни. Говорят и о сопредельности нравственных позиций, во многом не совпадающих друг с другом, даже взаимоисключающих.

В словаре В. Даля «сопредельность» отсутствует. Видимо, в литературу понятие это пришло из богословия, а позже и повторно из его современного отпочкования — богословско-политического анализа. Интересно употребление этой категории Феофаном Затворником: «зло допущено в сопредельности с свободою внутри, и в соприкосновении с человеком во вне» — т.е. свобода имманентна злу и каким-то образом обитает внутри последнего, тогда как человек местоположен во вне и зла, и тем самым свободы. Не вдаваясь в запоздавшее обсуждение этой концепции, отметим понимание сопредельности как связи по-своему органичной, важной, но неочевидной и не поддающейся определению; ощущаемой и переживаемой, а не зримой. Сайт «Вселенная православия» напоминает об известной еще византийцам метанимии — переносе понятия по сопредельности[13].

В психологии (теория поля) сопредельность рассматривается как *поле ассоциаций*, и эта трактовка представляется наиболее отвечающей анализу взаимодействий пространств современного мира. Явление сопредельности в политике правомерно рассматривать как проекцию ассоциативного мышления на социальные и собственно политические явления и процессы. Принципиальное значение имеет то, возникают ли конкретные ассоциации самопроизвольно (в этом случае надо говорить о непреднамеренной, стихийной сопредельности[14]) или же их появление — следствие преднамеренного влияния (каким могут быть дезинформация, создание желаемых прецедентов, провокация, управление посредством прогнозов и др.).

III. Глобализация и сопредельность

Если международные отношения суть пространство, то те же соображения еще более правомерны применительно к глобализации. Последняя по-иному, чем международные отношения, привязана к конкретной территории. В обычных,

не связанных с войнами и/или кризисами условиях международные отношения могут никак или лишь слабо и опосредованно затрагивать внутреннюю сферу государства. Глобализация, напротив, способна проникать на локальные уровни и даже взламывать государство изнутри, формально не посягая при этом на его суверенитет, территориальную целостность и прочие привычные международно-правовые характеристики.

Глобализация в категориях науки о международных отношениях может быть определена как триединство процессов складывания целостной глобальной финансово-экономической сферы, ее международно-политического оформления и стремления ряда наиболее дееспособных государств воспользоваться этими процессами, ориентируя их в максимально благоприятном для интересов и социально-экономической модели этих стран направлении.

Образование целостной глобальной экономики — не что иное, как создание в принципе единого (при локальных отклонениях) *глобального финансового и экономического пространств*, признаками и структурообразующими стержнями которых уже на протяжении десятилетий являются ВБ, МВФ и ГАТТ/ВТО. Глобальная экономика опирается на сочетание унификации национально-правовых систем, кодификации международного права и сопряжения первого процесса со вторым. Трудно назвать эту тенденцию иначе, как формирование основ *глобального правового пространства*. Международно-политическое оформление глобализации, создание в перспективе глобального миропорядка будет означать оформление *политического пространства*, включая появление глобальных (в отличие от привычных международных) политических институций. Параллельно зарождается *пространство глобальных безопасности и стабильности*, серьезные признаки которого уже просматриваются.

Поэтому *глобализацию правомерно трактовать как реструктуризацию и качественное развитие международного пространства*; усиление в нем внутренней специализации и диверсификации при одновременном росте объема и усложнении связей между формирующимися пространствами глобального мира. Видимо, эта сторона глобализации и является главным ее качеством.

Суть глобализационной реструктуризации международных отношений и мирового развития заключается в фактическом создании новой архитектуры пространств, которые будут определять жизнь и развитие мира в предстоящие десятилетия: глобальной как по территориальному охвату, так и по организации в рамках этой архитектуры всех ранее возникших и оформившихся основных пространств. Создается виртуальная «опора» предстоящего развития: не просто новая, но принципиально отличная в ее основных чертах от действовавшей до сих пор. В этом смысле *глобализацию можно определить как процесс организации в единое системное целое множества пространств, возникших в разное время, составлявших сферу международных отношений и занимающих «нишу» от субгосударственного (внутристрановые регионы) до глобального уровней* современного мира. Вопрос, какие формы может принять организация глобальных пространств.

Глобализационная реструктуризация международного пространства пока проявляется прежде всего в том, что сетевая система, какой по определению являются международные, особенно межгосударственные отношения, начинает все более обретать «третье измерение» и трансформироваться в иерархическую структуру.

При политическом и международно-правовом равенстве государств в международных отношениях давно сложилась и продолжает закрепляться их фактическая иерархия по уровням развития и дееспособности в разных сферах — экономике и финансах, уровне и качестве жизни населения, науке и технике, в военной области и др. Эти объективные различия дополняются субъективными притязаниями отдельных стран и групп стран на особую (даже иногда откровенно заявляемую лидирующую) роль не просто в мировой политике, международных отношениях, но в современном мире вообще. Дополняются они и тем, что США — наиболее дееспособное государство современности — ставит свое национальное законодательство выше международных обязательств (в отличие от других стран, придерживающихся в этом вопросе противоположной позиции). Можно долго рассуждать о нравственных, правовых и прочих аспектах подобного хода событий, рассматривать этот ход как благо или угрозу. Несомненно, однако, что независимо от любых его оценок, процесс этот означает не что иное, как зримую трансформацию былой международной сети в глобальную иерархию — систему, функционирующую и (само)управляющуюся по иным, нежели сетевые, законам. В рамках этой незавершенной (и неизвестно, способной ли достичь завершения) системы получили распространение различные негосударственные субъекты мировой политики и международных отношений, невозможные в традиционной *сети* отношений межгосударственных. Оформилось разделение международных отношений и мировой политики (о возможности чего велись научные дискуссии еще в первой половине 1970-х годов).

Описанная реструктуризация происходит пока главным образом путем создания глобальных сетей, «дополнительных» к международным политическим и иным отношениям; а также посредством их эпизодического «прошивания» межсетевыми «вертикалями», создающими в тех или иных сфере деятельности, узле проблем и/или конфликтов, международном регионе важные политические и/или правовые прецеденты, способные в случае их неоднократного повторения лечь в основу уже подлинно глобальных институтов и права. Так сопрягаются меж собой зарождающиеся «вертикальные» и/или «горизонтальные» отношения и структуры по глобальной и субглобальным (международно-региональным) линиям. Эти тенденции не противоречат друг другу. Регионализация может быть формой явного или скрытого сопротивления глобализации[15]; но может идти в русле последней, дополняя и подкрепляя глобализационные процессы, которым иначе грозил бы отрыв от основного массива локальных отношений. Многое здесь зависит не от становления организационных структур глобализирующегося мира как таковых, но от интересов и действий социальных групп, способных влиять на этот процесс.

Важнейшая особенность глобализации в описываемом ее качестве — то, что *пространство как социальная практика все более отрывается от территории*. Изначально эта тенденция была «запущена» многие века назад с появлением международных отношений. Но все сдвиги в международных отношениях второй половины XX — начала XXI в. происходили и пока происходят главным образом в пространственной, не территориальной сфере. Исключения — распад СССР (но видимо, еще преждевременно делать окончательный вывод, территориальный это распад, пространственный или же сложная эволюция соответствующего территориально-пространственного комплекса) и грядущие передел и освоение Мирового океана, фактически начатые в 2007 г. в Арктике.

Если государство можно рассматривать как систему институционального, политико-административного и иного оформления социального пространства на определенной территории, то ожидать аналогичной четкости в организации пространств глобального мира в обозримом будущем вряд ли реально. Причины тому — отсутствие в настоящее время какой-либо глобальной власти; дефицит легитимности у односторонних и/или групповых притязаний на такую власть; как следствие, невозможность глобального управления в строгом смысле слова, тем самым и невозможность организовать глобальные пространства сообразно воззрениям и интересам субъекта власти/управления, как это исторически имело место в каждой стране, государстве применительно к их пространствам.

Глобальная власть могла бы, гипотетически, стать результатом появления глобальной империи (вокруг какого бы центра подобная империя ни сложилась) либо консенсуса международного сообщества в отношении создания глобальной власти. 60-летний опыт деятельности ООН позволяет отодвинуть гипотезу о международном консенсусе в неопределенное будущее: в культурно целостном, давно интегрированном, не имеющем острых внутренних конфликтов Евросоюзе рождение наднациональной власти идет медленно, трудно и пока не состоялось. Появление же глобальной империи сдерживается сегодня не только дефицитом сил для решения подобной задачи, но и пониманием того, что империя по сути — попытка силой компенсировать дефицит управления на территории, не поддающейся управлению имеющимся набором институтов и средств; а потому переход к империи есть первый, но необратимый шаг к упадку страны и ее роли в мире.

Дефицит легитимности у односторонних притязаний на глобальную власть не следует отождествлять с нелегитимностью глобальной власти как таковой. Обсуждение данной темы не входит в задачи статьи. Заметим только, что пути и способы обеспечения легитимности глобальной власти производны от того, как и в чьих интересах формировалась бы такая власть.

Невозможность глобального управления — т.е. гарантированного с высокой мерой надежности достижения желаемых целей посредством определенных, проверенных опытом процедур — не означает, что человек совсем не влияет на направленность, темпы, итоги мирового развития. Иное дело, что процесс и результативность такого влияния пока имеют больше общего с лотереей, нежели с собственно управлением в строгом смысле этого понятия.

Но если глобальных власти, легитимности, управления недостает или нет вообще, тогда *только сопредельность может быть способом организации пространств глобального мира* на современном этапе его развития, а она диктует господство в этой сфере неформальных отношений: формальные есть всегда властная и законная организация пространств, на глобальном уровне пока недостижимая. Современный этап международно-политической глобализации — период системоформирующих роли и значения сопредельности во взаимосвязях пространств глобализирующегося мира. Почему?

Постсоветский мир, в котором одновременно и асинхронно накладываются друг на друга множество переходов — от биполярности к моноцентричности с альтернативой новой би- или же многополярности; от международных отношений к глобальным; от автаркии культур к их все более интенсивным взаимодействию и смешению; от внутризападного идеологического радикализма к глобальному

столкновению конфессий и политических идеологий и т.д. — мир этот означает не что иное, как становление глобальной социальной экологии. Разбросанные по разным «углам» планеты социумы не просто все более тесно ваимодействуют между собой. Из их связей и отношений рождается новое социальное качество — мир, в котором каждые страна и культура, сохраняя свой социоисторический генотип, все более связываются в целостную систему, в которой существование и особенно возможности развития *каждого* из ее компонентов зависит от общего состояния такой экологии и эффективности ее внутренних взаимосвязей.

Поскольку речь об экологии социальной, а не биологической, целостность ее востребует некую новую систему практической этики и основанных на ней правил, норм и процедур. Локальные по эмпирическим и когнитивным основам их происхождения этические системы прошлого неспособны взять на себя такую роль, и это не предположение, но факт: ни одна из т.н. мировых религий, равно как ожесточенно спорящие между собой идеологии либерализма и коммунизма, несмотря на немалые старания их адептов, не стали глобальными учениями и не имеют, судя по всему, такой перспективы вообще.

Новые идейные системы (идеологии, политические и правовые концепции, научные теории) возникают, видимо, не тогда, когда их «продиктует» некая новая эмпирика, но когда накопление и осмысление жизненных явлений (самих по себе не обязательно новых) предлагает достаточно оснований для усиления идей, отличных от доминирующих в данный период или альтернативных им. На пути от тезиса к антитезе возможны три состояния мысли и производимых ею идей: развитие данного тезиса, развитие соответствующей антитезы и прорыв от спора между ними к формулировке новой пары «тезис-антитеза», формированию на ее основе собственной системы представлений и организация эмпирики (фактов) и практики в соответствии с новой, рожденной таким образом «теорией».

Спор либерализма и коммунизма — этических систем, вызванных к жизни эпохой Просвещения — будет или порождать периодические шарахания от тезиса к антитезе, или простимулирует появление нового этического комплекса, более отвечающего условиям и проблемам современного мира. В любом случае оценка моральности, полезности и эффективности действующих и гипотетических новых представлений и норм (равно как и сами эти последние) выстраиваются путем ассоциативного мышления. Причем наиболее продуктивными оказываются, как правило, не механические аналогии и экстраполяции, но парадоксальные (при этом не лишенные внутренних красоты и логики) ассоциативные связи, казалось бы, далеко отстоящих друг от друга явлений и представлений. Но такие связи и есть сопредельность — возможная как между идеями, так и пространствами мира, все более насыщенного тем и другим и необъяснимого, даже неприемлемого с с нравственных и интеллектуальных позиций, рожденных за тысячелетия его разобщенности. Возвращение к последней или прорыв от сопредельности идей и пространств современности к новым, фундаментальным для глобальной социоэкологической системы — вот выбор, перед которым оказался человек в начале XXI в. Во втором случае сопредельность идей и пространств станет, видимо, на весьма продолжительный срок важным фактором динамической стабильности глобальной социально-экологической системы.

IV. Последствия для науки и практики

Мышление пространствами меняет базовую парадигму социальной теории — если до сих пор такая теория выстраивалась на изучении роли легитимных в идеологическом и правовом смыслах институтов и отношений, рассматриваемых во взаимосвязи с этическими принципами и нормами (христианская этика), то пространственное видение социального мира востребует объединение в рамках общей теории всех форм его реальной организации — как перечисленных, так и легитимных с позиций идеологии, психологии, реальной веры *всех* социальных групп; а также нелегитимных по любым критериям, ибо и такие пространства тоже существуют, сколь бы мерзки они подчас ни были и/или ни казались.

Человек живет в организованной, т.е. в опространствленной им среде, и качество его жизни, видимо, прямо зависит как от конструкции пространств, так и от особенностей их взаимодействия. Наряду с пространствами «официальной», т.е. подчиняющейся власти и закону, признаваемой и утверждаемой моралью, верой, идеологией жизнью всегда и везде существуют пространства «теневые». Их наличие подтверждает целостность социума: «тень» отбрасывается правом, конфессией, порядком — иначе это не «тень», а лишь еще один комплекс неких фактических отношений[16]. На переходных этапах развития общества «теневые» отношения и пространства играют, видимо, определяющую роль в подготовке и реализации перехода[17], в обеспечении физического выживания основной массы населения[18], и глобальный мир здесь не будет исключением.

В практике международных отношений давно известен принцип, когда во избежание споров и конфликтов или для более надежного закрепления чьих-то интересов априори формулируются некие «правила игры», соблюдаемые затем на протяжении иногда очень длительного времени. Первым документированным примером такого рода стал раздел океана (а тем самым мира) между Испанией и Португалией, осуществленный римским папой Александром VI (1493). В 1494 г. ему на смену пришел основанный на тех же принципах Тордесильянский договор между Кастилией и Португалией. Договор вошел в историю международных отношений и права как впервые установивший принцип организации территорий, которые еще предстояло «открыть», поставить под контроль; которых могло вообще не оказаться в обозначенных пределах. Если раньше организация территории следовала за ее захватом, то отныне именно организация начинала не только предшествовать захвату, но и «подсказывать», где следует искать объекты для территориальной экспансии. В условиях глобализации действует множество построенных по тому же принципу многосторонних договоров, давно установивших правила изучения, освоения и использования применительно к ближнему космосу, Мировому океану, определивших нормы, критерии поведения государств в мире и ряде международных регионов. С середины XX в. де-факто создана и продолжает развиваться система ограничения доступа ненадежных государств к передовым технологиям, продуктам и знаниям.

Анализ конкретных проявлений управляемой сопредельности виртуальных и иных пространств, нацеленной на получение стратегического (длительного и важного по последствиям) эффекта — объемная тема самостоятельной статьи.

Здесь лишь подчеркнем, что предвосхищение не просто будущих условий и/или проблем и тенденций, но правил игры, способных дать максимальный эффект в ожидаемых и/или создаваемых условиях давно стало одним из генеральных направлений стратегического анализа и внешнеполитической деятельности ряда ведущих стран.

Былые приспособление к меняющимся международным обстоятельствам, упование на судьбу и/или Бога и даже активное формирование благоприятных для страны внешних условий все заметнее теснятся в последние полвека проектированием пространств (правил игры) и стремлением управлять (как минимум влиять на) их эволюцией и/или сопредельностью. Вместо стремления к идеологической чистоте и «верности» внешнеполитического курса приоритет все чаще отдается поиску возможностей конструктивного применения подходов и идей, способных заранее (иногда за годы и десятилетия) обеспечить желаемую конструкцию общего и/или специализированного международного порядка с тем, чтобы когда настанет время его практического задействования, можно было бы с полным основанием заявить, что необходимые правила давно разработаны, взаимно согласованы и должны соблюдаться. Подобная практика — не что иное, как проектирование пространств и их желаемой применимой сопредельности.

Перспективы ее распространения ставят интересную научно-практическую проблему. Дело в том, что различные территории и сферы деятельности весьма неоднородны по насыщенности их всевозможными пространствами: богатство и даже перенасыщенность пространствами в одних узловых точках (территории и центры деятельности) могут близко и тесно соседствовать с пространственной бедностью, даже нищетой. Видимо, в центрах пространственной насыщенности будут возникать гораздо большие возможности для явлений непреднамеренной и управляемой (или направляемой) сопредельности[19]. Такие центры мы будем называть «узлами пространств», открываемые ими возможности взаимодействия и взаимовлияния пространств — хабами их сопредельности.

Логично ожидать, что в мире начала XXI в. — вернется ли он к известной по прошлому многополярности соперничающих держав и/или центров силы, или же станет многополярно(олигархически)-глобалистским, эффективной окажется та политика, которая сумеет не просто спрогнозировать ожидающие ее вызовы, угрозы и возможности, но вообразить, разработать и провести в жизнь схемы, закладывающие основы под формирование тех пространств, которые станут необходимы в определенных международных условиях и/или на определенном этапе развития страны.

Примечания

[1] Вспоминается великолепный шарж на такую моду (в этом случае на «народность»), рожденный пером *И. Ильфа и А. Петрова*: «Понюхал дед Пахом свою портянку, и аж заколдыбачился».

[2] См.: *Косолапов Н.* Глобализация: территориально-пространственный аспект // Мировая экономика и международные отношения (МЭиМО). 2005. № 6. С. 3–13; *его же*. Россия: территория в пространствах глобализирующегося мира // МЭиМО. 2005. № 7. С. 3–14.

[3] *Косолапов Н.* Глобализация: территориально-пространственный аспект...

[4] Так, приготовление еды — частное, хотя и ежедневное занятие, организуемое каждым по своему усмотрению. Но *кухонное пространство* как территория приготовления еды — уже социальный феномен, производный от уровня развития социума, образа жизни и ряда других факторов.

[5] Нерушимость государственных границ и принцип территориальной целостности государств признаются сейчас не только в Европе, но и в Уставе ООН, в Африке и Латинской Америке.

[6] Предлагаемая классификация — не более чем попытка первого подхода и не исчерпывает всего многообразия пространств, особенно социальных.

[7] См.: *Косолапов Н.А.* Политико-психологический анализ социально-территориальных систем. М., 1994. Гл. 5.

[8] Там же.

[9] Цель автора здесь — не представить исчерпывающий список всех и всяческих взаимодействий, но проиллюстрировать их особенности применительно к разным типам пространств.

[10] Политическую борьбу сил, соперничающих друг с другом в рамках одной политической системы (например, партий в государстве), целесообразно рассматривать в пространственном отношении как слияние, тогда как соперничество вне единой политической системы — как пересечение пространств, чреватое конфликтом.

[11] Полученное в свое время марксистское образование тянет уточнить, о чьем сознании — группы, индивида, общества — идет речь. Но открытия любого рода, включая марксизм, совершаются индивидами, встречаются в штыки обществом и только потом завоевывают внимание и симпатии групп. Поэтому в данной статье речь пойдет о сознании как явлении и качестве «вообще».

[12] Так, падающий из окна человек — физическое тело, и результаты его столкновения с землей будут определяться законами физики. Но падает он потому, что оступился, выбросился сам или его выбросили другие, т.е. первопричиной падения стал некий психический процесс у этого человека и/или у напавших на него.

[13] Когда говорят «чайник закипел», имеют в виду, что закипела вода в чайнике. См.: URL: http://www.odos.ru/publish/example/index.php?id=324 (дата обращения: 16.09.2007).

[14] Советская цензура давала фантастические примеры подобных сопредельностей. Так, в период правления Л.И. Брежнева книга моего знакомого, видного специалиста-международника долгое время не могла пробиться в печать, поскольку в ней упоминалось о тридцати с лишним покушениях на жизнь президента Франции Ш. де Голля. Цензоры усмотрели в этом факте намек на возможность использования подобного примера в СССР.

[15] И в этом случае не только тормозить глобализацию и/или обрекать ее на поражение, но своим сопротивлением закалять, развивать процессы глобализации, делать их более разнообразными и жизнеспособными.

[16] Так, вплоть до середины XIX в. «тени» в международных отношениях не было и не могло быть по определению вследствие отсутствия в них права и общей конфессиональной основы. Место как права, так и «тени» занимали обычай, ритуал (протокол), фактические нормы. С появлением международного права возникает явление противоправного международного поведения — но еще не «тени», для становления которой не хватает властной («ограниченно подчиняюсь, не плачу налоги») и морально-идеологической («живу по принципам, более или менее сильно отличным от общепринятых») целостности международного сообщества. Только с глобализации начинается — но пока лишь начинается — формирование теневых секторов глобальных экономики и финансов, а также прикрывающей их политики, «прогресс» и пределы развития которых будут, видимо, находиться в прямой зависимости от степени политического оформления глобализации.

[17] См.: *Косолапов Н.А.* Круговорот «света» и «тени» как механизм общественного развития // Теневая экономика и политическая коррупция в обществах переходного типа (афро-азиатские страны и Россия) / Под ред. В.Н. Наумкина. М.: ЦСПИ, 2001. С. 69–82.

[18] Эта функция теневой экономики блестяще проявилась в России в 1990–1994 гг.

[19] Видимо, не случайно революции, будь то насильственные или цветные и бархатные, обычно происходят именно в центрах пространственной насыщенности, и только потом их последствия распространяются на всю страну посредством формирования в ней новых пространств.

1. Для чего необходимо производить пространственную регионализацию? Какие регионы можно выделить по историко-культурным параметрам? Какие — по геополитическим?
2. Как отдельные страны могут входить в два или три региональных кластера?
3. Почему с исторической точки зрения система Вестфальского мира распалась?

А.Д. Воскресенский

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ*

1. Теоретико-прикладные аспекты регионального измерения международных отношений: постановка проблемы

Из всего многообразия теоретических подходов к исследованиям международных отношений одним из наиболее продуктивных «макроподходов» при анализе региональных измерений является системный, который благодаря своей комплексности позволяет теоретически выделять региональный уровень и региональные подсистемы (собственно «региональные подсистемы» и «региональные комплексы») в качестве самостоятельных аналитических объектов исследования. Этот подход позволяет решать наряду с теоретическими и вполне практические, прикладные задачи: вычленять и сравнивать ключевые макрорегионы мира и уже на региональном уровне анализировать, как модифицируются общие (глобальные) закономерности применительно к макрорегиональным и региональным географическим/историческим/историко-культурным/цивилизационным образованиям, региональным организациям разного типа, собственно, странам, трансграничным регионам, а также применительно к внутристрановым регионам. Вычленение регионального уровня анализа как теоретической и практической проблемы одновременно позволяет более адекватно и корректно подойти к проблематике страновой специфики, так как ставит ее в контекст региональных (т.е. модифицированных применительно к конкретной группе связанных определенными общими основаниями объектов) закономерностей, а не интуитивных неформализованных историософских умозаключений страноведческого характера.

* *Воскресенский А.Д.* Регионализация в современных международных отношениях // Ч. 1: Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2012. № 5. С. 5–16; Ч. 2: Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2012. № 6. С. 5–11. (При участии С.И. Лунева, Е.В. Колдуновой и Е.А. Пронина.)

Вопросы о региональных и субрегиональных подсистемах, связанные с новейшими трендами современных международных отношений — глобализацией, регионализацией и фрагментацией, как и само понятие региона и в связи с этим конкретное региональное членение мира, являются предметом дискуссий. Однако результаты этих дискуссий имеют вполне прикладное значение — проблематика регионального уровня непосредственно связана с практикой международных отношений и дипломатии.

В условиях биполярного мира и взаимодействия двух центров и двух типов периферий подчиненный характер проблематики региональных и субрегиональных подсистем не вызывал сомнений, поскольку объяснялся логикой системного биполярного противостояния. После распада биполярной структуры отношений ситуация усложнилась и возникло много вопросов, на которые пока нет однозначного ответа: если биполярная система исчезла, а ей на смену пришел полицентричный мир, то корректно ли утверждать, что мир распался на относительно компактные территориально-экономические регионы и субрегионы, «соответствующие» тому или иному центру международной системы, т.е. географически, экономически, культурно-исторически «привязанные» к нему, а значит нет и не будет общих/глобальных закономерностей, а есть только сочетание регионального и субрегионального уровней взаимодействия? Если это не так, то мы можем говорить о принципиально новом качестве влияния региональных процессов на глобальный уровень отношений и новой реальности глобального управления? Возникают в этой связи и более частные вопросы: как методологически корректно определить границы между регионом (и региональной подсистемой) и субрегионами (субрегиональными подсистемами)? Совпадают ли границы макрорегионов и региональных подсистем? Каково соотношение между глобализацией и регионализацией?

Системный подход в сочетании с другими подходами дает исследователю богатый теоретический и методологический инструментарий для поиска адекватных ответов на эти вопросы. Этот подход стал достоянием науки о международных отношениях с середины 1950-х годов. Очевидно также, что многие из положений теории международных отношений, которые относятся к системному подходу, разрабатывались и раньше. Однако особенно широкое распространение системные идеи получили после выхода работ классиков политической науки Т. Парсонса и Д. Истона, в которых политическая система рассматривалась в виде определенной системной совокупности отношений, находящейся в непрерывном взаимодействии со своей внешней средой через механизмы «входов» и «выходов» в соответствии с базовыми идеями кибернетики [Парсонс, 1997; Истон, 2000]. Одновременно исследователи определили, что международные отношения имеют свою специфику, прежде всего по своему характеру они являются социальными отношениями, а значит, международные системы и подсистемы относятся к типу социальных систем. Это означает, что они должны рассматриваться как сложные адаптирующиеся системы, анализ которых не следует вести по аналогии с анализом моделей механических систем. Эти системы, как правило, принадлежат к типу открытых и слабоорганизованных, т.е. в таких системах сложно провести четкую границу, а соответственно и подвергнуть анализу систему в отрыве от среды, и наоборот. Пространственные границы таких систем носят условный характер. Подсистемы хотя и отличаются характером своих отношений со средой, однако

не только существуют в реальности, но и имеют некоторые пространственные границы, хотя часто эти границы меняются, накладываются друг на друга, носят условный характер. Это в той или иной степени верно для всех региональных международных (под)систем. Они представляют собой не просто некоторые аналитические объекты, а конкретные, в реальности — очень сложные комплексные связи — между существующими социальными общностями, взаимодействие которых имеет определенные черты системно-пространственной организации.

Еще одна особенность международной системы отношений и составляющих ее региональных подсистем связана с тем, что их основные элементы представлены социальными общностями (включая отдельных индивидов). Они являются социальными системами особого типа со слабой степенью интеграции элементов в целостность и со значительной автономией элементов. Третья особенность связана с тем, что международные отношения являются по преимуществу политическими отношениями, главным звеном которых являются межгосударственные отношения. Даже при увеличении количества акторов отношения между ними и государством в основном продолжают носить политический характер, а по степени влияния на стратегические вопросы государство все еще остается вне конкуренции по сравнению с другими акторами. Вопрос о трансформации суверенитета и о связанном с этим переносом акцента в международных отношениях с реалистических подходов (*Realpolitik*) только начал обсуждаться в рамках интеллектуальных дискуссий, а кооперативистские подходы в мире в целом все еще не стали превалирующими.

В общественных науках существуют разные подходы к международным отношениям как системе (в этом смысле мы и говорили о том, что системный подход как бы «вбирает» в себя основное содержание того, что по-разному может интерпретироваться в других подходах), из которых наиболее известными являются традиционно-исторический (международная система — это дипломатические отношения между государствами в тот или иной исторический период), историко-социологический (с идеей социальной детерминированности конкретной исторической системы международных отношений), структурно-исторический (выделяются исторические системы международных отношений, основанные на различиях структуры), эмпирико-региональный или, в другой терминологии, социоестественный (определенные географические регионы, как системы (подсистемы) в рамках международных, экономических, политических и других отношений), структурно-дипломатический (система — это понимание, предположения, усвоенные навыки, виды реакции, правила, нормы и процедуры, приобретаемые и используемые акторами при осуществлении их различных индивидуальных целей в рамках совместной практической деятельности) и реалистический (различные модели баланса сил или баланса мощи, т.е. международной системы без политических подсистем, с двумя-пятью участниками, а также определенными правилами, по которым играют эти участники). Общим и/или наиболее важным во всех этих подходах является вычленение общей (глобальной) системы международных отношений, некоей самодостаточной системной целостности, позволяющей описывать и анализировать международные отношения вообще.

В 1990-е годы теоретики международных отношений в полный голос заговорили о настоятельной необходимости разграничить общие и частные проблемы

систем международных отношений и выделить региональный уровень международных отношений как самостоятельный уровень анализа. Связано это было с нарастанием тенденций к глобализации, с одной стороны, и регионализации и фрагментации — с другой. Теоретики международных отношений заговорили о том, что ряд международных взаимодействий помимо взаимодействий глобального уровня обладает определенной автономией, нуждающейся в объяснении и концептуализации. Они обратили внимание на то, что существуют частные закономерности, связанные с определенной спецификой (прежде всего географической, территориально-экономической, цивилизационной, культурной, этнопсихологической, этноконфессиональной и т.д.) функционирования частей международной системы, т.е. подсистем международных отношений. Эти более узкие (частные) закономерности описывают функционирование региональных и субрегиональных подсистем — совокупности специфических международных взаимодействий, в основе которых лежит общая географическая, экономическая, культурно-цивилизационная, политическая (пространственная в широком смысле) принадлежность. При этом тенденции последних десятилетий позволяют утверждать, что:

- в настоящее время складывается принципиально новое качество влияния региональных процессов на глобальный уровень международных отношений;
- глобальная повестка дня переформатируется и актуализируется по-разному в разных региональных подсистемах;
- региональные процессы (региональное понимание мировых процессов) могут выдаваться за глобальные или альтернативные глобальным;
- региональные процессы могут оказывать влияние или переформатировать глобальные;
- выстраиваются разные иерархии глобальных проблем и угроз в различных региональных подсистемах;
- различные элементы региональной подсистемы или разные комбинации акторов регионального уровня по-разному влияют на глобальный уровень: они могут поддерживать и усиливать глобальный порядок, способствовать его радикальному слому и ниспровержению или эволюционной трансформации в новое качество;
- относительное обособление регионального уровня международных отношений (регионализация) позволяет ставить вопрос о корректировке существующих теоретических подходов к международным отношениям, «достройке» общей теории с учетом регионального уровня или же (более радикальное предложение) построении «незападной» (корректнее — незападноцентричной) теории международных отношений в соответствии со спецификой крупнейших сегментов макрорегионального уровня (макрорегиональных комплексов);
- относительное обособление регионального уровня международных отношений (регионализация) «реабилитирует» категорию пространства в международном политико-экономическом анализе и приводит к образованию субдисциплинарных полей «на стыках» международных отношений/мировой политики и политологии (мировое/зарубежное сравнительное/комплексное регионоведение, сравнительный макрорегиональный политический анализ/кроссрегиональный политический анализ, региональная политология, политическая регионали-

стика, политическая география, геополитика), в которых категория пространства становится центральной или играет стержневую роль;

- в последние десятилетия происходит трансформация глобальной системы международных отношений, в которой существенное, если не определяющее влияние играют процессы перераспределения регионального влияния и региональной мощи, новые конфигурации макрорегиональных союзов и блоков, которые в конечном счете определят конфигурацию новых региональных порядков второй четверти XXI в.;
- сегодняшние дебаты по вопросам идейно-философских основ современного мирового порядка напрямую связаны с проблематикой регионального уровня (подъем новых мировых держав незападного мира, подъем Азии, дискуссия о роли Запада и месте Востока, «реинтерпретации» основ западной цивилизации, последствиях перераспределения влияния между регионами мира, сущностном содержании проектов незападного мирового порядка или незападной (незападноцентричной) теории объяснения существующего порядка, путей его эволюционного развития, роли исламского, китайского факторов в мировой политике, роли стран БРИК и т.д.);
- неверный/неадекватный анализ мировых глобальных и региональных тенденций и проектов, приблизительное понимание алгоритма взаимодействия глобального и регионального уровней отношений, их взаимовлияний, неумение адекватно концептуализировать настроенную в соответствии с глобальными закономерностями, но удачно адаптированную к региональной специфике, конкурентную региональную модель модернизации и развития увеличивает цену внешнеполитической ошибки, ускоряет отставание стран и регионов, приводит к фрагментации части мирового пространства и образованию «неудавшихся», «неуспевающих», стагнирующих или автаркических государств и депрессивных регионов, причем выход из этого состояния через стратегию догоняющего развития становится все более и более затруднительным.

2. Проблема «многослойности» пространства в современных международных отношениях и мировой политике

Современный мир в дискурсе международных исследований можно охарактеризовать как разноуровневую («многоэтажную») систему, состоящую из множества разновеликих акторов, взаимосвязей между ними и подсистем, организующих эти взаимосвязи, и одновременно как сложную систему, где взаимодействия элементов внутри структуры и вне ее со средой системы дифференцированы, функционально упорядочены, изменчивы и обладают пространственно-временным измерением.

Пространственное измерение современного мира как системы не входит в предметное поле классических теоретических исследований в области международных отношений и мировой политики, а если и входит, то не является для них структурообразующим. Поэтому получается парадокс: не являясь предметом изучения или не являясь структурообразующим понятием, пространственное из-

мерение одновременно присуще любому международному исследованию в прикладном ракурсе в рамках предметного поля практически любой гуманитарной и социальной дисциплины. Соответственно этим взглядам существует достаточно распространенная радикальная точка зрения об «исчезновении пространства» в «плоском» глобальном мире и об «освобождении» человечества от пространственной дифференциации (теория А.А. Фридмана о «плоском мире» [Friedmann, 1922]). Более «умеренные» исследователи-международники критически относятся к такому радикальному тезису, но также подчеркивают, что дифференциация пространства, включающая в себя такие категории, как «географическое положение», «географическая близость/удаленность», утрачивает свое значение по мере усиления процесса глобализации. Эта точка зрения не лишена серьезных оснований, если подразумевать под «пространством» все еще достаточно ограниченную урбанизированную часть современного мира, называемую постиндустриальной или развитой, или же рассматривать эту часть и урбанизированные точки неурбанизированного пространства и ограничивать исследования. Если рассматривать постиндустриальную часть мира как материал для построения теорий и концепций, считая, что она является основной, то в этой умозрительной парадигме, «периферия» либо навсегда останется периферией в силу центрированного характера мировой системы, либо будет постепенно преобразована и войдет в состав урбанизированного мирового пространства.

Однако наряду с «плоской» современной частью мира по-прежнему существует и традиционная часть — «сферическая», хотя благодаря глобализации «сферическая» часть мира достаточно быстро, но неравномерно «уплощается» и сокращается. Жизнь наполнена контрастами между «плоской» и «сферической» частями мира (городские макроагломерации Нью-Йорка, Лондона, Москвы, Токио, Нью-Дели, Мумбаи, Шанхая, Чунцина и их пригороды или/и места проживания племенных социальных организаций в Афганистане, Африке или Австралии и т.д.), и переход из одной части в другую сопряжен со сложностями. Переносясь на скоростном транспорте (самолет, «синкансен»/TGV/»сапсан») со скоростью 300–900 км/ч в другую урбанизированную точку страны или мира, вы двигаетесь дальше с максимальной скоростью 5–90 км/ч, и это передвижение может быть ограничено и/или затруднено «географически». Мобильный телефон и Интернет сокращают расстояние и «уплощают» мир, но пока не могут перенести индивида физически в любую точку мира, а применение этих технологий также может ограничиваться. Другими словами, в реальной жизни эти два типа пространства (каждому из них соответствует и свой тип времени — линейное или циклическое) сосуществуют и накладываются друг на друга, создавая единое и одновременно структурно дифференцированное «многослойное» пространственно-временное поле международных отношений и мировой политики, хотя их соотношение и меняется не в пользу «сферического». В то же время, казалось бы, локальные проблемы, характерные для «сферической» части мирового пространства, могут выходить на глобальный уровень, хотя иногда весьма причудливым образом[1], создавая ложное представление о возможности окончательного «реванша» сферического мира. В частности, понятия обществ-конгломератов, «спаянных» из «традиционных» (сферический мир) и «современных» (плоский мир), и «анклавного развития»[2] основаны на идее сосуществования разных типов пространственно-временной организации.

Признавая существенные контрасты двух типов пространств, оптимисты делают предположение, что именно «плоский» мир является неизбежной перспективой развития мира «сферического». Такая постановка вопроса означает трансформацию пространственности (сжатие/уплощение-растяжение пространства) как фактора международных отношений и ограничивает его анализ в рамках встроенных в систему глобальной мировой политики политико-экономических концепций регионализации и регионализма как прежде всего и по большей части — экономических процессов мирового хозяйствования (интеграция / региональная интеграция / регионализм / регионализация / трансрегионализм). Ряд теоретиков-скептиков, однако, сомневаются в необратимости процесса «сжатия-растяжения» пространства мира в плоскость, линию, точку и продолжают анализировать пространственные факторы в мировой политике как структурообразующие (теории центра/периферии, мир-систем, разнотипных цивилизаций). Именно структурное неравенство и функциональная дифференциация элементов мировой системы и взаимосвязей между ними, как считают представители второй точки зрения, являются залогом ее развития. Одновременно часть вполне «респектабельных» исследователей говорят о возможности концептуализации такой точки зрения вплоть до создания «незападной (точнее, незападноцентричной) теории международных отношений» [Non Western..., 2010], а также о построении комплексного понимания взаимосвязанного мира (концепция мироцелостности М.А. Чешкова[3]).

Теории регионального уровня восполняют «пробелы» в концепциях, основанных на превалировании «плоского мира», а в некоторых, самых продвинутых из них, делается попытка представить «незападное» (незападноцентрическое) видение (видение не из центра мировой системы, «с другого регионального полюса», с точки зрения логики другого регионального комплекса, или «синтетическое», комплексное видение) всего мирового процесса. Соответственно представители этих взглядов считают, что в исследованиях можно абстрагироваться от сохраняющегося деления мира на «плоский» и «сферический», акцентировать внимание только на одном или только на другом объекте, но можно и рассматривать проблему, в частности, с точки зрения путей трансформации одного и другого объекта в новое качество каждого из них, как проблему «сращивания» в специфические конгломераты либо «синтеза» в новое комплексное теоретическое видение. Такая постановка проблемы дает дополнительный импульс дискуссии о возможности построения «незападной теории международных отношений», основанной, в частности, на идее разного типа влияния различных сегментов регионального уровня на глобальный и анализа этого процесса с прикладной точки зрения.

Дифференциация пространства, внешней составляющей которой является контраст разных частей мира, не была бы актуальной в научных дискуссиях, если бы не находила отражение в краткосрочных и долгосрочных политических процессах, которые необходимо анализировать практикам международных отношений — дипломатам и политическим аналитикам, а таких практических задач становится все больше. К примеру: как оценивать подъем Китая, долгосрочность, характер и последствия этого подъема; каковыми будут институциональные последствия кризиса ЕС; как анализировать подъем Азии, роль «новых поднимающихся государств» и какими будут последствия этого процесса для международных отношений; каковы роль и перспективы стран БРИК, роль

новых формальных и неформальных региональных образований и организаций, которых насчитывается уже не один десяток[4]. Как спрогнозировать роль и значение политической составляющей региональных процессов в экономике, роль и значение экономических импульсов для форматирования наднациональной политической составляющей региональных процессов и др.?

Ясно, что категория времени-пространства не перестает влиять на международные и внутриполитические явления и трансформирует общие глобальные тенденции в специфические (региональные и локальные), т.е. в практически востребованную проблематику, которой занимаются специалисты-практики по безопасности, дипломатии, экономике и политике. Дифференциация пространства является реальным феноменом, а значит, анализ пространственного измерения может иметь и имеет существенное значение для прикладных, в том числе прогностических исследований, которыми никто не собирается пренебрегать в реальной жизни.

Таким образом, глобализация, независимо от того, какое ей дается определение, идентифицируется через свойство пространственности, в частности и через процесс регионализации в случае международных отношений. Соответственно глобализация может восприниматься как вызов или угроза, потому что она интерпретируется как синоним однополярности и материализуется по-разному на локальном, региональном и глобальном уровнях. «Отторжение» глобализации происходит из-за недостаточно глубокого понимания этого процесса, неумения найти ее адекватную макрорегиональную форму, а также из-за того, что одна из региональных форм глобализации может выдаваться за ее единственную модель для подражания без учета региональной специфики. Кроме того, большинство считающихся глобальными проблем (глобальное потепление, транснациональная преступность, международный терроризм) имеют региональную (географическую) природу, неразрывно связаны с территориальной (пространственной) динамикой, т.е. имеют территориальную базу.

С региональным уровнем концептуализации, исследованием регионализации, ситуация на порядок сложнее из-за того, что регионализацию не обязательно можно понимать как противоположность глобализации. Регионализация может выступать и в форме противоположности глобализации, и усиливать фрагментацию мира как своеобразный инструмент управления глобализацией. Регионализация оказывается несколько более определенным понятием, чем глобализация, поскольку ее «основным различием» является понятие региона, одного из таксонов иерархичной дифференциации пространства, в то же время само понятие региона — многозначно и в международных отношениях может интерпретироваться по-разному.

«Глобализация может быть осмыслена как процесс (или совокупность процессов), который воплощает в себе трансформацию пространственной организации социальных отношений и взаимодействий, измеряемую с помощью таких показателей, как их протяженность, интенсивность, скорость и взаимодействие, и порождающую межконтинентальные и межрегиональные потоки и структуры активности, взаимодействий и проявлений власти. Регионализацией можно назвать объединение государств или обществ, связанных между собой функционально или географически в единую группу, тогда как интернационализация относится к моделям взаимодействий и взаимосвязей между двумя или несколькими наци-

ональными государствами независимо от их географического положения» [Хелд, Гольдблатт, Макгрю, Перратон, 2004, с. 19].

Таким образом, можно определить глобализацию как возникновение новой системы мирового хозяйствования, заключающейся в слиянии национальных экономик в единую общемировую систему, основывающуюся на новой ступени свободы движения товаров и капитала, новой информационной открытости мира, технологической революции, телекоммуникационном сближении стран и регионов, появлении межнациональных социальных движений, интернационализации образования, что сопровождается стандартизацией процессов глобального управления, политических интересов, культуры и ценностей, информационных и коммуникационных потоков и выражается в параллельно идущих процессах регионализации. При таком понимании глобализации регионализация предстанет как объединение государств или обществ, связанных между собой функционально и/или географически.

Определение понятия регионализации требует представить понятие регионализма как взаимозависимости стран и выхода интересов национальных субъектов за их границы, но в национальных рамках либо («экономизированное» определение) как формирование экономических сообществ близко расположенных государств посредством торговых соглашений преференциального типа.

Классификации и типологии представляют собой «горизонтальные» и «вертикальные» способы дифференциации пространства/территории соответственно по количественным и качественным критериям. Классификации (как условно «горизонтальный» способ классификации территории) и типологии (как условно «вертикальный» способ) в международных исследованиях преимущественно связаны с дифференциацией государств — основных субъектов международно-политического процесса — по пространственно-географическому/цивилизационно-географическому признаку или какому-либо критерию[5]. Демократические государства с развитой рыночной экономической системой, новые индустриальные государства, сверхкрупные индустриальные государства с развивающимися или переходными экономиками, «неудавшиеся» государства (*failed states*), государства-изгои (*rogue states*) или же «вертикальные» группировки, принадлежащие к «первому», «второму», «третьему» миру/эшелону развития, могут быть рассмотрены с различным содержанием каждой из этих категорий. Границы между категориями в таких классификациях и типологиях достаточно размыты и иногда, несмотря на наличие количественных характеристик, субъективны, хотя типологии, например, могут иметь в своей основе применение математических методов для анализа качественных критериев (см., например: [Политический атлас..., 2007]). Как правило, в типологиях и классификациях наибольшее внимание уделяется географической/исторической близости или степени выраженности выбранного критерия в пределах существующих государственных границ. Среди очевидных примеров классификаций можно выделить дифференциацию государств (а также существующих внутри них политико-административных единиц) и международных регионов (по уровню экономического развития, к примеру, по ВВП на душу населения; в соответствии с уровнем политического развития, анализ которого основан на количественных и/или качественных характеристиках). Помимо типологий и классификаций государств можно выделить и типологии, связанные не

только с основным критерием, но и с таксонированиями, основанными прежде всего на использовании таксона «регион» [Воскресенский, 2007, с. 29–37; Воскресенский, 2002, с. 139–143; Доклад о мировом развитии, 2009, с. 36; Гладкий, Чистобаев, 2003, с. 147–166]. Большое значение в международных отношениях приобрели и простейшие типологии, основанные на бинарных оппозициях — Запад/Восток [Воскресенский, 2007]; Север/Юг; а также на триадах (Центр/Полупериферия/ Периферия) [Immanuel, 1974, p. 347–357].

3. Макрорегионализация и практика мирополитического взаимодействия

Регионализация в ее современном виде является относительно новым феноменом. Не случайно до сих пор четко не разработаны критерии и параметры понятия «регион» и существует бесчисленное множество вариантов прикладной классификации регионального членения мира. Это касается как масштабов регионов, так и принадлежности конкретных стран к тому или иному географическому/политическому/цивилизационному региону.

Понятие «регион» достаточно многозначно. *Во-первых*, данный термин может относиться как к внутристрановому делению пространства (административно-юридическое понимание региона, частично синонимичное понятию «район») [Дергачев, Вардомский, 2004, с. 10], так и к делению мирового пространства (внешнеполитическое или международно-политическое понимание региона) [Мир политической науки, 2004, с. 596; Система, структура..., 1984, с. 363]. Во-вторых, регион может определяться по группе признаков[6] либо по базовой функции, которая является основной для того или иного исследования (географические, экономические, геополитические, социокультурные регионы) [Мир политической науки, 2004, с. 596; Дергачев, Вардомский, 2004, с. 11–12]. Следовательно, региональное деление как «средство отбора и изучения пространственных сочетаний сложных комплексов явлений» [Гладкий, Чистобаев, 2002, с. 22], как правило, будет зависеть от поставленных исследовательских задач и носить характер социального конструкта [Spindler, 2005, s. 100].

Как аналитический конструкт, региональное деление мира обладает особенностями образной репрезентации: регион может представлять собой политико-географический образ определенной территории и тем самым демонстрировать характерные черты и закономерности ее развития[7]. В отечественной науке анализ специфики регионального уровня с точки зрения системного подхода выразился в идее международно-политического региона, который рассматривался как «относительно самостоятельная подсистема межгосударственных отношений, объединенных прежде всего общностью определенных, присущих именно данному региону политических проблем и соответствующих им отношений» [Система, структура..., 1984, с. 363][8]. Это определение основано, в свою очередь, на определении политического регионализма как взаимоотношений географической группы смежных национальных государств, которые обладают рядом общих характерных черт, высоким уровнем взаимодействия и институализированной кооперацией, осуществляемой посредством формальной многосторонней структуры.

Попытки аналитически выделить отдельные региональные пространства/регионы/региональные подсистемы имели несколько оснований. Во-первых, представлялось очевидным, что анализ целого ряда международных процессов с точки зрения основной конфликтной оси биполярности не дает полного представления о них, а сами эти процессы либо генерируются отнюдь не взаимодействием сверхдержав, либо имеют к этому взаимодействию лишь опосредованное отношение. *Во-вторых*, анализ взаимосвязей в рамках того или иного региона позволял расширить рамки классического страноведения (*area studies*) и получить более широкие возможности для сравнительного анализа, в том числе межрегионального, уже в рамках международных отношений, мировой политики, мирового комплексного регионоведения/зарубежного регионоведения (*global/world comprehensive regional studies*), межрегионального политического анализа. *В-третьих*, анализ соотношения глобального, регионального и национально-локального уровней давал новые возможности для рассмотрения той или иной проблемы в рамках международной системы.

Регионализация подразумевает самую тесную политическую, экономическую и культурологическую взаимозависимость соседних стран. Под термином «регионализация» в литературе и жизни понимаются три различных по содержанию явления:

- возрождение/подъем региональных держав (неформализованное понимание регионализации в мировой политике);
- формирование региональных интеграционных группировок, в том числе и преференциального типа (классическое политико-экономическое определение регионализации);
- политическая основа, мотивы, импульсы и движущие силы регионализма и/или регионализации в первом и втором значении этого понятия (формирующееся направление в международной политэкономии, экономической политологии, зарубежном комплексном регионоведении).

Таким образом, понятия регионализма и регионализации могут выступать в качестве синонимов, подчеркивая взаимозависимость стран и выход ряда страновых проблем за рамки национальных государств, но на региональном уровне, а могут — в качестве разных, лишь частично совпадающих понятий (в частности, в экономической и международно-политической области). В этом случае международный регионализм («макрорегионализм» или «миниглобализация») выступает в качестве реализации национальных интересов на новом, более высоком, чем локальный или страновой уровень, но в региональных рамках.

В биполярный период региональные державы появлялись в первую очередь в тех районах, где существовала конфликтная взаимозависимость и крайне медленно происходила интеграция (Восточная Азия). Противоположная картина наблюдалась в регионах, где комплиментарная взаимозависимость значительно перевешивала конфликтную. Здесь начались активные интеграционные процессы (Европа), в основе которых лежали:

- рост экономической взаимозависимости и сближение экономических интересов;
- наличие общего внешнеполитического противника;
- отсутствие явного доминирующего центра, либо наличие доминирующего «ядра», состоявшего из двух-трех государств.

После краха социалистической системы противостояние двух региональных процессов стало не столь очевидным.

Таким образом, глобализация и регионализация являются взаимосвязанными, взаимодополняющими друг друга, но при этом они могут стать в определенной степени противоречащими друг другу тенденциями, поскольку все страны являются как объектами, так и субъектами глобализации и регионализации. Процессы глобализации вызываются прежде всего неограниченной конкуренцией и требуют от экономических субъектов повышения эффективности всех видов операций, и именно поэтому она ущемляет интересы менее развитых стран. Действия же в рамках регионализации в большей мере отвечают интересам отдельных стран, не только экономическим, но и политическим, социальным, историческим, культурным и т.п. Промежуточным, а потому весьма вероятным вариантом глобализации является стяжение «старых» регионов в макрорегиональные комплексы (макрорегионализация), начальным этапом которого является региональная интеграция, прежде всего экономическая, а потом и политическая (в разных формах, различного характера и в различной степени). Подобный процесс дает возможность различным странам:

- участвовать в глобализации в щадящем варианте, не испытывая давления со стороны всей мировой экономики;
- резко подтягивать менее развитые государства макрорегиона, предоставляя им преференции и инвестируя в их экономику;
- улучшать позиции бизнеса более развитых стран, получающего расширение географической зоны действий в льготном варианте;
- укреплять геополитические позиции, поскольку масштабы рынков становятся намного крупнее и интеграционная группировка способна гораздо лучше коллективно защищать своих членов от иностранной конкуренции.

По существу, с учетом теории регионального уровня можно считать, что макрорегиональный комплекс (а не отдельное государство, по версии одного из классических и до сих пор наиболее влиятельных подходов в теории международных отношений — реализма) представляет собой прообраз одного из центров формирующейся полицентричной мировой системы. По данному пути уже пошли Европа, создав Европейский Союз, и частично США, создав группировку НАФТА. Такой же путь пытается нащупать Китай, формируя так называемый Большой Китай на основе массовой эмиграции и нового качества экономико-политической зависимости «периферийного пространства» от «новой метрополии», пытаясь стать единственным государством-лидером в Восточной Азии. По всей видимости, в связи с мировой дискуссией о подъеме Восточной Азии будет правомерно говорить о формировании макрорегиона, или макрорегионального комплекса «Большая Восточная Азия» (Северо-Восточная и Юго-Восточная Азия, Центральная и Южная Азия), прежде всего с экономической и культурно-цивилизационной точек зрения. В этом же ключе происходят дискуссии о «возрождении» СНГ, структурировании Центрально-Восточной Евразии и т.д.

Позитивными факторами, способствующими образованию макрорегионов, являются:

1) полная или частичная экономическая взаимодополняемость в макрорегионе, когда комплиментарная взаимозависимость в целом перевешивает конфликтную, т.е. если в регионе существует экономическая взаимозависимость и взаимодополняемость и происходит существенное сближение экономических интересов;
2) начало и развитие интеграционных экономических процессов, когда доля торгового оборота стран друг с другом приближается к половине общего торгового оборота. Все региональные организации (от формата «АСЕАН-плюс» до Восточноазиатского сообщества) ставят своей целью постепенное снижение тарифов во внутрирегиональной торговле и снятие ограничений на импорт — вплоть до образования зоны свободной торговли (НАФТА и ЕС давно сформировали единые рынки);
3) движение в сторону валютно-финансовой интеграции (у НАФТА в качестве таковой выступает мировая валюта — доллар), ЕС ввел единую региональную валюту — евро; обсуждался и вопрос о единой азиатской валюте на базе йены или юаня, но он не перешел в практическую плоскость как недостаточно созревший);
4) новые формы кооперации;
5) выступление крупных или крупнейших государств макрорегиона за расширение экономического сотрудничества в рамках макрорегиона (МЕРКОСУР, БРИК, ССАГПЗ, ШОС, АСЕАН-плюс и т.д.);
6) определенная культурно-цивилизационная близость стран региона и их отличие от других макрорегионов. Цивилизационное поле, на котором осуществляется социально-экономическое развитие в разных регионах, обширно — от индивидуализма, основы западного общества, до коллективизма, свойственного традиционному восточному обществу, с существованием огромного количества промежуточных вариантов;
7) теоретическое обоснование специфики развития государств макрорегиона как целого (у ЕС есть единая экономическая политика, общее понимание основ внутренней политики и формирование единой внешней и оборонной политики);
8) формирование региональной идентичности (европейцы ее давно сформировали, в других макрорегионах она находится на разных стадиях формирования).

4. Проблема практического макрорегионального/регионального членения мирового пространства

Пространственное (спатиальное, или плоскостное) членение мира в международных отношениях исходит из внутренней цивилизационно-географической и культурно-политической логики развития стран, т.е. из определения международно-политического макрорегиона как привязанной к территориально-экономическому и национально-культурному комплексу региональной совокупности явлений (основывающемуся на специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, политических, нацио-

нально-культурных условий, служащих основанием для его выделения), объединенных общей структурой и логикой таким образом, что эта логика и историко-географические координаты ее существования являются взаимообусловленными. Такое определение региона как базового понятия мирового комплексного/зарубежного комплексного регионоведения (*global/world regional studies*) и одновременно вспомогательного в международных отношениях позволяет расположить материал в определенной пространственной (спатиальной/плоскостной) системе координат.

Если исходить главным образом из географических параметров, то можно выделять географические макрорегионы, мезорегионы (средние регионы), а также отдельные регионы и субрегионы, основываясь на их физико-географических характеристиках, так мы выделяем мировые континенты (Америку, Африку, Евразию, Австралию, Антарктиду, подразделяя их, в свою очередь, на субконтиненты).

Под регионом в широком смысле понимается определенная территория, представляющая собой сложный территориально-экономический и национально-культурный комплекс, который может быть ограничен признаками наличия, интенсивности, многообразия и взаимосвязанности явлений, выражающихся в виде специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, национально-культурных условий, служащих основанием для того, чтобы выделить эту территорию.

Исходя из историко-культурных параметров, можно выделять историко-культурные регионы: китайский, корейский, вьетнамский, индийский, индо-иранский, тюркский, арабский, российский, европейский. североамериканский, латиноамериканский, африканский регионы объединяются в соответствующие региональные общности по таким параметрам, как геополитическая традиция (принадлежность к единому государственному образованию), современная тенденция к интеграции (межгосударственному взаимодействию), этнолингвистическое, этнокультурное или этнопсихологическое единство. К культурно-религиозным макрорегионам обычно относят: конфуцианско-буддийский, индуистский, мусульманский, православный, западно-христианский и др.

Геополитические параметры позволяют разделить зарубежную Азию на Центральную, Южную, Юго-Восточную и Восточную, Ближний Восток и Средний Восток. При этом нередко возникает проблема «пограничных» государств, не принадлежащих в полной мере ни одному региону или принадлежащих сразу нескольким геополитическим регионам.

В рамках системного подхода к международным отношениям была предусмотрена возможность рассмотрения частей системы как подсистем, в том числе региональных, обладающих собственными закономерностями международного взаимодействия. Взгляды на функционирование региональных подсистем представлены следующими подходами:

- параметры международной политической динамики едины для всего мира, региональные подсистемы формируют международное взаимодействие более низкого уровня, однако идентичное по своим характеристикам глобальной системе;

- регионы уникальны, изучение параметров функционирования одной региональной подсистемы может иметь ограниченное значение для понимания функционирования других региональных подсистем;
- регионы рассматриваются как отдельный уровень анализа, понимание структуры и особенностей функционирования одной региональной подсистемы может помочь в понимании других регионов, даже если процессы, происходящие в их рамках, принимают различные формы [Колдунова, 2010, с. 71].

Соответственно этим рассуждениям, по-видимому, сегодня с той или иной степенью определенности можно говорить о латиноамериканской, североамериканской (иногда их условно объединяют в панамериканскую или межамериканскую), европейской, африканской, азиатской региональных подсистемах международно-политических отношений и соответствующих этим подсистемам международно-политических макрорегионах, а также и о некоторых более или менее четко определяемых субрегиональных подсистемах (международно-политических регионах) — западноевропейской и восточноевропейской как частях европейской подсистемы (причем специфика этих субрегиональных подсистем стирается на наших глазах), североамериканской и южно-американской (или латиноамериканской) как частях панамериканской (межамериканской) подсистемы, ближне- и средневосточной, центральноазиатской, южноазиатской, юго-восточноазиатской, восточноазиатской как частях азиатской (или, в ряде случаев, азиатско-тихоокеанской) подсистемы международных отношений.

Региональная подсистема международных отношений (МО) — это совокупность специфических политико-экономических, культурно-цивилизационных, историко-социальных и социо-культурных взаимодействий в пространственном кластере системы МО, т.е. региональная подсистема МО — это совокупность специфических взаимодействий подсистемного типа, в основе которых лежит общая регионально-географическая, социально-историческая и политико-экономическая принадлежность.

Ясно, что в соответствии с различными параметрами отдельные страны могут входить не в один, а в два или даже три перекрещивающихся региональных кластера. Кроме того, часто выделяются и другие культурно-географические агломерации государств, которые могут строиться по принципу экономической кооперации и совместной системы безопасности и/или «скрепляться» историческими конфликтами, спорными проблемами, традиционной враждой. Правомерно деление мира на геоэкономические и геополитические регионы, к тому же и некоторые исторические регионы в последнее время приобретают довольно четко выраженные геоэкономические черты. Эти перекрещивающиеся принципы цивилизационно-пространственного членения, позволяющие выделять «базовые» или «структурообразующие» регионы, и послужили основой определения наиболее важных международно-политических макрорегионов. В рамках границ этих макрорегионов имеет смысл проводить параллели и строить различного рода сравнения и сопоставления, такие сопоставления могут послужить основой и для более широких кросс-региональных сравнительных моделей универсального характера. Одновременно они являются основой традиционного практического историко-

дипломатического и структурного политико-экономического анализа и используются МИД разных стран в своей организационной деятельности.

Кроме цивилизационно-пространственной (спатиальной/плоскостной), существует, как отмечалось выше, и возможность содержательной (аналитической) группировки стран (классификация *versus* типология). Она в принципе конвенциональна и субъективна, так же как и использованная нами спатиально-плоскостная, однако аналитическая модель, как правило, при этом не позволяет акцентировать внимание на общности исторического/цивилизационного/политического развития стран региона, т.е. не позволяет в полной мере осмысливать историческую/цивилизационную общность и одновременно специфику политических процессов конкретных стран в рамках региона. Спатиальный принцип подачи содержательного материала позволяет проследить региональную динамику международно-политического развития, судьбу местных и импортированных политических институтов, появление возможных «политических разломов» и политических конфликтов в регионах, имеющих общие цивилизационные/исторические корни и сходные принципы формирования и эволюции политической культуры, сходные формы реакции на явления международной жизни. Такой методологический подход более ориентирован на практику и в некотором смысле более утилитарен, в то же время и в аналитических моделях есть свои сильные стороны. Они позволяют вычленять общие типологические/структурные черты, увидеть закономерности, нередко скрываемые пространственными или «страновыми» характеристиками. Поэтому продуктивной представляется разработка комплексных спатиально-аналитических принципов дифференциации, позволяющих сочетать элементы пространственного анализа (классификации) с аналитическими принципами построения типологий.

5. Эволюция концепции регионализации и понятие регионального комплекса

Еще в конце 1980-х годов исследователи отметили тенденцию к проявлению в рамках региональных пространств таких проблем безопасности и связанных с ними политико-экономических процессов, которые вели к формированию «региональных комплексов безопасности», т.е. групп государств, чьи первичные интересы безопасности тесно связаны друг с другом настолько значительно, что их национальная безопасность не может рассматриваться в отрыве друг от друга. Исследователи Б. Бузан и О. Вевер предложили свой вариант применения концепта регионального комплекса безопасности как практической проблемы макрорегионализации в рамках всей международной системы, при этом понимая, что в новых условиях уже нельзя ограничиться рассмотрением исключительно военно-стратегических вопросов, и предполагая, что такого рода анализ может послужить основой для дальнейших концептуализаций регионального уровня международных отношений. При этом они не стали формулировать расширительное понятие регионального комплекса. Региональный комплекс формулировался как группа единиц, чьи основные дискурсивные процессы, в рамках которых политическое сообщество формирует представление о том или

ином факторе как о существенной угрозе или, наоборот, понижает значимость угрозы (секьюритизация и десекьюритизация), или оба эти процесса настолько связаны между собой, что проблемы безопасности данных единиц не могут быть адекватно проанализированы или решены в отрыве друг от друга. Региональный комплекс при таком понимании фактически представляет собой встроенную в политико-экономическую структуру макрорегиона комплексно структурированную проблематику безопасности и развития. Результатом исследования регионального измерения проблем безопасности стала общая концепция региональных комплексов безопасности, нацеленная на то, чтобы объединить достоинства неореалистического, глобального и постмодернистского направлений в международных отношениях и вместе с тем предложить достаточно операциональную теорию регионального уровня.

После окончания «холодной войны» процессы регионального уровня проявляются более отчетливо, что дает достаточные основания для их самостоятельного теоретического анализа на новой стадии обобщения. Причинами усиления региональной динамики конфликтности или сотрудничества стали:

1) снижение вмешательства глобальных держав[9] в процессы, протекающие в других частях мира;
2) переход многих великих держав в «легковесную» категорию, что означало существенное ограничение их намерений быть вовлеченными во внешние военные конфликты.

Как уже отмечалось, процессы глобального и регионального уровней стали разделяться исследователями за счет определения различных категорий ведущих акторов, доминирующих на том или ином уровне (супердержавы, государства-доминанты, великие державы, государства-лидеры, региональные державы, государства первого и второго и других эшелонов), и механизмов их взаимодействия, а также путем анализа региональной динамики проблем безопасности в рамках региональных комплексов.

Великие державы (в другой терминологии — государства-лидеры), в отличие от сверхдержав и/или государств-доминантов, не обязательно обладают исключительными возможностями во всех сферах международной деятельности. Однако их отличает то, что их экономические, военные и политические возможности вполне достаточны для того, чтобы в краткосрочной или среднесрочной перспективе попытаться претендовать на статус супердержавы/государства-доминанта или пытаться форматировать или переформатировать мировой порядок [Воскресенский, 2006, с. 20; «Большая Восточная Азия»..., 2010, с. 17]. Великие державы активно вовлечены в процесс формулирования повестки дня безопасности и могут действовать в нескольких регионах мира, при этом являясь региональными лидерами, по крайней мере, в одном регионе. Они активно участвуют в форматировании макрорегионального уровня. Терминологическое различие связано с пониманием и градациями этой категории у разных исследователей в разных странах (китайцы употребляют термин «великие» («даго» — большие) государства, который используется некоторыми российскими исследователями по аналогии с англоязычным термином «*the great powers*», применяемым

американцами и англичанами. Последние, в свою очередь, выделяют «*the great powers*» — «старые великие державы» (США, Франция, Германия, Япония, Великобритания) и «*aspiring powers*» — «новые великие державы» («поднимающиеся», стремящиеся изменить статус-кво в международной системе: Китай, Россия, Индия, Иран, Бразилия). Подъем великих держав (иногда также используется термин «великие региональные державы», «новые великие державы» или «сверхкрупные страны»/«новые сверхкрупные индустриальные державы») происходит либо за счет того, что какие-то страны в силу определенных политических и экономических причин повышают свой статус в международной иерархии, либо за счет упадка бывших сверхдержав.

Таким образом, становится ясна взаимосвязь и иерархия понятий «региональный комплекс безопасности», «региональный комплекс», «региональная подсистема», «региональный порядок», «регион». Понятие регионального комплекса в его экономической ипостаси обозначается разными этапами/формами «зрелости» региональной интеграции (зоны свободной торговли, таможенный союз, платежный союз, общий рынок, экономический и валютный союз, военно-политический и экономический союз), а в ипостаси безопасности связано с понятием регионального комплекса безопасности. Понятие региональной подсистемы шире понятия регионального комплекса, одновременно оно является «плоскостным» понятием, а региональный комплекс — «объемным» (оно у́же, но комплексно и многомерно). Понятие региональной подсистемы акцентирует внимание прежде всего на макрорегионе как субъекте международных отношений вообще, а региональный комплекс может являться ассиметричной частью, центром (стержнем) региональной подсистемы, а может полностью совпадать с ней. При этом для всех понятий базовым для выделения является понятие «регион».

Региональный комплекс — группа государств, обладающая достаточно высокой степенью функциональной и географической комплексной взаимозависимости, отграничивающей ее от других регионов и определяющей тип регионального комплекса. Региональный комплекс — многомерный сегмент международного пространства регионального уровня, выделяемый на основе существования относительно устойчивой системы региональных взаимосвязей и взаимозависимостей структурно-пространственного характера разного типа (политических, экономических, культурно-исторических) и разной степени интенсивности, позволяющих отграничить его от среды или выступить подсистемным объединением различной степени цельности по отношению к международной среде.

Понятие регионального комплекса аналитически у́же, чем понятие региональной подсистемы и может рассматриваться как элемент региональной подсистемы. Региональный порядок — способ организации внутренней структуры региональной подсистемы или регионального комплекса.

Великие державы (государства-лидеры), и особенно глобальные, обладают существенными возможностями оказывать влияние на ситуацию в региональных комплексах и даже в предельном выражении определять динамику их безопасности (к примеру, в период «холодной войны»). Существуют также «буферные» пространства, которые «изолируют» динамику процессов, происходящих в сопредельных региональных комплексах.

Заключение

Обобщая сказанное, можно сделать вывод о том, что существующие в настоящее время в мировом сообществе концепции и параметры регионального уровня, международно-политического региона, региональных подсистем, региональных комплексов дискуссионны, но именно эти дискуссии и определяют будущее идейно-теоретических основ мирового порядка второй половины XXI в. Такая постановка вопроса объясняется следующими практическими соображениями[10]:

- происходит трансформация Вестфальской системы[11]: изменившаяся система генерирует новые типы вызовов и угроз, которые по-другому воздействуют на государство — не уничтожают его, а подвергают эрозии некоторые из традиционных параметров и/или трансформируют в новое качество. Рассмотрение данных процессов только с точки зрения того, придают или нет субъекты международной системы значение глобальным процессам как существенным, не является достаточным;
- становятся более выпуклыми проблемы трансформации суверенитета, которые в региональном плане усугубляются еще и тем, что после распада колониальной системы западная идея суверенного государства была привнесена в незападный мир в глобальных масштабах и не везде адекватно соответствовала местной специфике. В сложившейся ситуации оказалось, что незападные страны с формальной точки зрения обладают международно-правовым суверенитетом, однако многие из них свою территорию могут контролировать лишь частично либо вообще не обладают полноценным контролем над территорией;
- не учитываются наднациональная и транснациональная составляющие мировых процессов, которые охватывают не только одно государство, но и региональные группы государств, и отдельные части государств. Не учитывается также явное противоречие между логикой сохраняющегося пока еще деления мира на суверенные государства и транснациональным характером глобализации. К примеру, при анализе процессов, происходящих в Африке и Латинской Америке, следует принимать во внимание деятельность негосударственных акторов, а также комплекс вызовов и угроз, источником которых не является государство в прямом смысле слова (террористические группировки, наркокартели). Предложенный в традиционных концепциях региональных комплексов безопасности (концепция «новых центров силы») взгляд на государство не дает полного понимания контекста транснациональности;
- одна из аналитических проблем концепции региональных комплексов связана с фиксацией их границ. В то же время проблематика «нового качества» границ (концепции «проницаемости границы», границы как зоны сотрудничества, границы как зоны экономического взаимопроникновения и взаимодействия, границ «трансформеров», не мешающих развитию трансграничных процессов) трудно концептуализируется и встраивается в традиционные теории международных отношений;
- в мире явственно происходят процессы «теневой интеграции» регионов — «стягивания» за счет нетрадиционных/неформальных/неформализированных угроз и других типов угроз, а также региональные трансформации и более широ-

кие и глубокие тенденции (макрорегионализация). Современные исследователи предусматривают возможность трансформации регионального комплекса. Механизм подобной трансформации пока не совсем ясен (соответственно, трудно вырабатывать практические рекомендации) и, кроме того, в расчет не принимаются внутренние процессы, которые зачастую становятся причинами появления и распространения новых «внешних» для других участников процессов и трендов (нетрадиционных угроз безопасности). Игнорируются такие проблемы, которые оказываются шире по территориальному охвату, нежели национальное государство, либо группа государств.

Необходимо отметить появление целого ряда операциональных концепций, которые фиксируют отдельные макрорегиональные изменения, в том числе связанные с процессами в области экономики и безопасности. В качестве примеров следует привести концепцию мезо- и мегарайонов, а также концепцию Центрально-Восточной Азии. И наконец, необходимо выделить более широкий комплекс отечественных исследований и концепций, посвященных тенденциям макрорегионализации и пространственному измерению мировой политики (А.Д. Воскресенский, М.В. Ильин, Н.А. Косолапов, М.В. Стрежнева) на материале Европы (В.Г. Барановский, И.М. Бусыгина, О.В. Буторина, М.В. Стрежнева, Ю.В. Шишков и др.) и Восточной Азии (В.Я. Белокреницкий, А.Д. Воскресенский, В.В. Михеев, Г.И. Чуфрин и др.), происходящим под влиянием целого ряда факторов (регионального и глобального лидерства, «старых» и «новых» проблем безопасности, трансформации политических систем). Концепция макрорегионализации как нового тренда мировой политики как бы «вбирает» в себя более операциональные концепции мега- и мезорегионов и идею «стягивания» регионов и позволяет комплексно оценить эти новые тенденции. Дальнейшая теоретическая и практическая концептуализация процессов регионализации позволяет разрабатывать прикладные теории конкурентной модели регионального и национального развития, основанной на максимизации кооперативистского начала в стратегии национальной модернизации, и развития при адекватной защите национальных интересов.

Примечания

[1] Таджикистан, Руанда и Дарфур, Синьцзян, Тибет, Чечня, пиратство у берегов Сомали, проблемы Афганистана и Ирака, экологические проблемы Китая для его соседей, несменяемость политических режимов в Тунисе и Египте и т.д.

[2] Концепции Н.А. Симонии, А.Д. Богатурова, посвященные вопросам международного сотрудничества в области перехода к информационному обществу, изменению роли дипломатии в связи с развитием ИКТ, преодоления информационного неравенства.

[3] Основную интенцию построений М.А. Чешкова определяет стремление сформировать единое смысловое основание всего многообразия пониманий и определений глобализации в качестве условия правильного (научного) знания о глобальности [Чешков, 1999].

[4] К примеру: ЕС, Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА), Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР) и его подварианты (УНАСУР), Организация исламская Конференция (ОИК), Лига арабских государств (ЛАГ), Арабский социально-экономический совет (АСЭС), Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), Объединенный совет стран Персидского залива, Союз арабских стран

Магриба, Арабский совет экономического сотрудничества, АСЕАН, Региональный форум АСЕАН (АРФ), БИМСТЕК (Индия, Бангладеш, Шри-Ланка, Непал, Бутан, Мьянма, Таиланд), Форум диалога Индия–Бразилия–ЮАР, ЕврАзЭс, Восточно-азиатский саммит, Экономическое сотрудничество стран Тихоокеанского региона (APEC), Тихоокеанский экономический совет сотрудничества (PECC), Экономический совет тихоокеанских стран (PBEC), Тихоокеанская торговля и сотрудничество (*PAFTAD*), Совет сотрудничества и защиты Азиатско-Тихоокеанского региона (*PECC*), СНГ и др.

[5] К примеру, политическому, политико-экономическому, экономическому и др.

[6] К примеру, ландшафтный регион, в выделении которого сочетаются несколько факторов: климатический, гидрографический, почвенный и т.д.

[7] О структуре политико-географических образов (см.: [Замятин, 2004, с. 83–91]).

[8] В этой связи расширительную трактовку международно-политического региона (см.: [Воскресенский, 2006, с. 7]).

[9] Супердержавы и государства-доминанты.

[10] Подробнее см.: [Колдунова, 2010, с. 83–88].

[11] С политологической точки зрения система вестфальского мира (суверенных государств) существует и сейчас, однако с исторической — она распалась.

Литература

«Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации. М., 2010.

Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М., 2002.

Воскресенский А.Д. «Большая Восточная Азия»: мировая политика и энергетическая безопасность. М., 2006.

Воскресенский А.Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М., 2007.

Воскресенский А.Д. Региональные подсистемы международных отношений и регионы мира // Восток–Запад–Россия. М., 2002.

Воскресенский А.Д. Сравнительный анализ политических систем, политических культур и политических процессов на Востоке как часть дискурса мирового комплексного регионоведения: общие закономерности и специфика их региональной трансформации // Политические системы и политические культуры Востока. М., 2006.

Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Регионоведение: Учебник. М., 2003.

Дергачев В., Вардомский Л. Регионоведение. М., 2004.

Доклад о мировом развитии — 2009. Новый взгляд на экономическую географию. М., 2009.

Замятин Д. Мета-география: пространство образов и образы пространства. М., 2004.

Истон Д. Категории системного анализа политики // Политология: Хрестоматия / Сост. М.А. Василик, М.С. Вершинин. М., 2000.

Колдунова Е.В. Безопасность в Восточной Азии: новые вызовы. М., 2010.

Кулматов К.Н., Митрофанова А.В. Региональные аспекты международных отношений: Учебник. М., 2010.

Мир политической науки. Кн. 1. Категории. М., 2004.

Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997.

Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М., 2007.

Система, структура и процесс развития международных отношений. М., 1984.

Транснациональное политическое пространство: новые реальности международного развития. М., 2010.

Фридман Т. Плоский мир. Краткая история XXI в. М.: АСТ, 2007.

Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Д. Глобальные трансформации. М., 2004.

Чешков М.А. Очерки теории и методологии мироцелостности. М., 1999.

Buzan B. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Friedmann A. Über die Krümmung des Raumes. Z. Phys. 10 (1922), S. 377–386.

Immanuel W. The Modern World System. Vol. 1. N.Y., 1974.

Non-Western International Relations Theory / Ed. by A. Acharya, B. Buzan. N.Y., 2010.

Spindler M. Regionalismus im Wandel. Die neue Logik der Region in einer globalen Őkonomie. Wiesbaden, 2005.

Voskressenski A. Regional Studies in Russia and Current Methodological Approaches for Social/Historical/Ideological [Re]construction of International Relations and Regional Integration in Eastern Eurasia // Reconstruction and Interaction of Slavic Eurasia and Its Neighboring Worlds / Ed. by IEADA Osamu and UYAMA Tomohiko. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2006.

ГЛАВА 4

Государства

Возможна ли универсальная типология государств?

Феномен неконтролируемых территорий в современном мире

Анклавы в мировой экономике и политике: опыт последних десятилетий

1. В чем отличия терминов «государство» и «государственность»?
2. Как изменилась структура стран по типологии Ж. Коломера за последний век? Перечислите современные «мегагосударства». Какими важнейшими функциями они обладают?
3. Что такое «квазигосударства», «несостоявшиеся государства»? Приведите примеры.

М.В. Ильин

ВОЗМОЖНА ЛИ УНИВЕРСАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВ?*

Похожий вопрос — «Можно ли создать некое подобие периодической системы элементов Менделеева для государств?» — я задал в ноябре прошлого года на Международной конференции в Шанхае. Сидевший напротив Жозеп Коломер отреагировал мгновенно. Он хитро прищурился, поднял тоненькую книжку и сказал: «Вот она!» Это была, разумеется, шутка. В книге Коломера о больших империях и малых нациях[1], действительно дана типология, включающая практически все ныне существующие государства и аналогичные им политии. Однако эта типология довольно груба. В ней всего три класса: империи, государства и нации. Главное же — она не претендует ни на охват всех когда-либо существовавших политий, ни на представление всех способных возникнуть или даже только теоретически возможных политических систем. В шутке Коломера, однако, была лишь доля шутки. Он действительно дал, вероятно, самую полную и проработанную систематизацию государств и аналогичных им образований.

В данной статье будет рассмотрен ряд существенных проблем, связанных с задачей построения достаточно полной типологии государств и государственности.

Первым шагом станет прояснение того, что же обозначается словом «государство». Будет показано, что за этим словом стоит целый ряд различных явлений и понятий, обладающих так называемым семейным сходством, позволяющим объединить их в общую зонтичную понятийную категорию.

Далее по принципу атласа будут предложены несколько карт или попыток классификации государств на разных основаниях. Некоторые из них будут иметь почти законченный характер. Другие станут лишь наметками возможных классификаций.

---

* *Ильин М.В.* Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука. 2008. № 4. С. 8–41.

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 07-03-00363а «Суверенитет в условиях глобализации».

В результате появится возможность сформулировать некоторые гипотезы, поставить промежуточные вопросы и предложить предварительные выводы, касающиеся возможности построения достаточно полной типологии государств и государственности.

Зонтичная понятийная категория

Первый тезис. За словами *государство* (*the state etc.*), а тем более *государственность* (*statehood*, *stateness etc.*) скрывается не одно ясно концептуализируемое явление или предмет изучения, а целый набор разнородных явлений и предметов. Фактически мы имеем дело не с понятиями, а с понятийными категориями, объединяющими множество значительно отличающихся друг от друга понятий.

Данный тезис может показаться спорным для множества коллег, политиков и граждан, с легкостью рассуждающих о государстве и государственности любых стран мира и подразумевающих под этим одно и то же для каждой из них. В этом случае, как я попытаюсь показать дальше, невольно совершается ошибка, о которой писали А. Макинтайр[2] и Дж. Сартори[3].

Первый саркастически описал компаративиста, который решил предпринять сравнительное исследование «дыр». Чтобы быть научным, он с самого начала отверг обыденное представление о том, что у каждой разновидности «дыр» своя природа. Главным его желанием было на практике выяснить, чем является «дыра» как таковая. Он скрупулезно собрал исходные данные, статистически обработал их и пришел к следующим выводам: подтвердилась прямая корреляция между совокупной «дыротворительной» способностью общества и уровнем его экономического развития; было установлено позитивное влияние войны на «дыротворение» и т.п.

Второй изложил ироническую историю о мистере Доу, который работает над диссертационным сочинением. Объектом своего исследования он избрал собакошек (*cat-dogs*), чтобы проверить гипотезу, не издают ли они звуки «гав-гав». Когда оказалось, что далеко не все, он предпринял еще одно исследование. Теперь проверялась гипотеза, что все собакошки мяукают. И эта гипотеза не подтвердилась. Пришлось Дельфийскому оракулу разъяснить, что собакошек не существует, а есть собаки, которые лают, и кошки, которые мяукают.

И герой рассказа Макинтайра, и мистер Доу по сути дела пытаются изучать нечто, объединяемое ими одним термином в один класс явлений, тогда как такого класса на деле не существует. Действительно, собакошек не существует, но существуют, например, домашние животные. «Дырой» можно признать и шахту, и колодец, и дверной проем, и прореху на куртке. Точно так же существуют признанные члены мирового сообщества, среди которых попадаются существа разных пород и видов, а то отрядов и семейств. Это гигантские державы (США, Россия, Китай, Индия и т.п.) и крохотные острова (Барбадос, Сингапур, Мальта и т.п.), демократические республики (Италия, Чили, Молдова и т.п.) и наследственные монархии (Бруней, Оман, Марокко и т.п.), старинное и всеми признаваемое Швейцарское клятвенное сотоварищество и полупризнанное, только возникающее Палестинское государство. Рискну утверждать, что использование применительно к ним слова *государство* напоминает обозначение словом *дыра* окопа, форточки,

туннеля и т.п. Что до выражения *государственное строительство*, оно требует строгого терминологического уточнения, а также ограниченного и точного использования, чтобы не превратиться в аналог придуманного Макинтайром *«дыротворения»*. Особый случай — русское слово *государственность*. Им можно обозначать ряд отдельных понятий, каждое из которых требует терминологической проработки. В данной статье будут различаться понятия «государственная статусность», по-английски передающееся словом *statehood*, и «государственная состоятельность», или *stateness*. Тем же самым словом *государственность* часто обозначают все те политические организации, обозначение которых словом *государство* кажется сомнительным, — племенная государственность и т.п. В данном случае это слово оказывается сродни *«дырковатости»* сыра или решета.

И государство, и государственность оказываются целым собранием разнородных явлений и понятий, т.е. так называемыми зонтичными понятийными категориями. История понятий и лексикография позволяют очертить их конфигурацию. Старинное латинское слово *статус* за два с лишним тысячелетия стало выражением все увеличивающегося ряда политических и социальных понятий. Как зафиксировала история понятий[4], в своем «Государе» (1513) Никколо Макиавелли впервые использовал его, чтобы обозначить новое явление европейской — и даже уже — итальянской политики: территориальные политии, создавшие прообраз международной системы, так называемую Итальянскую лигу (*Lega Italica*)[5] или, по выражению современного исследователя Гэррета Мэттингли, «итальянский концерт»[6]. Это сообщество политий было довольно разнородным. Самодержавная республика города-государства Венеция, подчинившая своей воле ряд городов «твердой земли» (*terra firma*) в Италии и обширную колониальную империю в Восточном Средиземноморье. Затем — Миланское герцогство — система прямого деспотизма Сфорца, созданная на руинах Амброзианской Республики. Это также Флорентийская Республика, получившая режим синьории и соединившая остатки полисной организации со слегка прикрытым деспотизмом Медичи. Вместе они образуют своего рода северо-итальянский треугольник трех центров силы в Северной Италии. С юга к геополитическому ядру непосредственно примыкает Папская область. Структурно она была «нелепым лоскутным одеялом феодальных господарств[7] (*feudal lordships*) и мелких тираний, номинально управляемых пожилыми избираемыми суверенами»[8]. Еще дальше к югу располагалось Неаполитанское королевство. Это была территориальная гегемония арагонской королевской династии. Ядро из пяти основных держав дополняет более дробная структура. Ее образуют средние державы — политии меньшей мощи и влияния. Они способны лишь подыгрывать солистам «итальянского концерта», но при этом сохраняют определенную долю самостоятельности. Это Республики Генуя[9], Сиена, Лука, герцогства Савойское, Мантуанское, Феррарское, герцогства Модены и Реджио. Далее следуют еще более мелкие политии, как правило, зависимые от основных участников системы. Это Падуя, Кремона, Пиза, Парма, Брешия, Болонья.

Как нетрудно увидеть, эти совершенно разные по типу политического устройства, размерам, мощи и степени самостоятельности политические образования оказались «уравнены» как партнеры по «итальянскому концерту» и в этом качестве

поименованы словом *состояние* (*lo stato*). При этом имплицитно предполагалось, что понятие «состояние» по смыслу эквиваленто понятию «политический порядок», т.е. государства-состояния есть не что иное, как политии.

В концептуальном «упаковывании» разных по природе и характеру политий в одну содержательную категорию были скрыты предпосылки «концептной натяжки»[10]. В результате «натягивания» первоначального понятия «состояние политического порядка на четко ограниченной территории», акцентирующего внутренний порядок, на значительно более широкую группу всех участников межполитийных отношений, контролирующих четко ограниченную территорию, но установивших там качественно различный порядок[11], еще в вестфальские времена возникла первая версия зонтичной категории. Она объединила «состояния» различной природы, масштаба и, что особенно важно, обладающие разными суверенными прерогативами. Весьма удачная уловка для примирения возникающих проблем была найдена в образе, а затем и понятии «полимофное существо» (*polymorphous beast*)[12]. Такое решение не снимает выдвинутый в данной статье тезис о том, что под рубрикой *государство* находятся существа разных видов. Большинство этих существ является полиморфными — только и всего.

На этом, однако, концептное растягивание исходного понятия не остановилось. Произошла еще большая деформация понятийной категории, связанная с «проблемой перемещаемости» (*traveling problem*)[13] не только в пространстве, но и во времени. В результате мы стали использовать слово *государство* (*the state*, *der Staat*; *l'etat etc.*) не только по отношению к суверенным участникам сменяющих друг друга международных систем, но и к политиям всех времен, обладающим более или менее выраженной самостоятельностью и способностью вступать в межполитийные отношения. Правда, при этом было введено вполне оправданное ограничение — наличие структурно дифференцированных органов обеспечения самостоятельности или правительства, что позволило не «натягивать» категорию государственности на племенные и прочие «догосударственные» структуры власти.

Концептуализация была существенно осложнена постепенным распространением последовательных поколений международных систем по всей поверхности планеты, что привело к необходимости усвоения европейского понятия «государство-состояние» в иных культурных и цивилизационных средах. Фактически слова многих языков послужили отправной точкой для радикально альтернативных концептуализаций того, что традиционно именуется *lo stato*, *the state*, *der Staat*, *l'etat etc*. Это подтверждают примеры китайского слова *гоцзя*[14], индийского *радж*, арабского *дауля*, русского *государство*[15], корейского *кукка*[16], финского *valtio*[17] и т.д.

Можно констатировать, что при всей разнообразности концептуализации форм государственности в разные времена и у разных народов[18] прослеживается общая тенденция постепенного усиления абстрактности и тем самым обобщающей силы новых поколений понятий. Эта тенденция предстает в виде перехода от единичных концептуализаций государственности с помощью имен собственных (*Русь*, *Roma* и т.п.) через весьма партикулярные концептуализации, которые можно распространить на ряд сходных явлений («утес» — полис, край, отечество

и т.п.), к более обобщенным типам политической организации (республика, империя, государство в смысле «владычество» и т.п.) и, наконец, к наиболее абстрактному представлению о состоянии территориальной политической организации (*lo stato*, *the state*, *der Staat*, *l'etat etc.*).

Данное историческое развитие было осложнено созданием далеко не адекватных соответствий новоевропейскому понятию государства-состояния в целом ряде культурно-политических традиций, включая русскую с ее словами *государство* и *государственность*, внутренняя форма и семантические коннотации которых прямо отсылают нас к идее господства и владычества, а не к идее политического порядка.

С учетом всех этих обстоятельств приходится признать, что сам зонтик нашей обобщающей категории получился многослойным и клочковатым. В складках этого зонтика без труда смогли уместиться качественно разные политии от демократий с разными прилагательными до тоталитарных систем (партия-государство, *Bewegungsstaat etc.*).

Семейное сходство

При всей уместности сарказма Макинтайра и иронии Сартори разнородность и пестрота зонтичных понятийных категорий отнюдь не делает их бессмысленными или нелепыми. Просто их предназначение и возможности существенно отличаются от предназначения и возможностей отдельного компактного понятия. Широкие и разнородные понятийные категории обретают смысл за счет концептуализации ими семейного сходства отдельных составляющих эти категории понятий. Разъясняя принцип семейного сходства, академик Ю.С. Степанов[19] признал, что само это название получило широкое распространение благодаря Людвигу Витгенштейну[20]. Он, однако, отметил, что Витгенштейн воспользовался открытием немецкого лингвиста Иоганнеса Шмидта[21].

Что же понимается под семейным сходством? Отнюдь не передача и наследование неких свойств и особенностей. Это было бы родством, которое дают матрешечные понятийные категории. В данном случае речь идет именно о подобии свойств разнородных явлений, т.е. не о родстве, а сродстве, породнении, свойстве. Одинаковые или аналогичные черты появляются у сосуществующих предметов — языков, культур, политий в результате их совместного существования. Это своего рода позитивное проявление гэлтоновского эффекта, связанного с диффузией.

Подобного рода сходства многие политологи и, шире, обществоведы характеризуют как *аффинность* (*affinity*), или сродство, заимствуя данное понятие из математики, хотя истоки его биологические. Весьма содержательный анализ некоторых сторон развития понятия «сродство» доступен русскому читателю благодаря переводу книги Патрика Серио о евразийцах[22]. Кстати, Н.С. Трубецкой разработал концепцию языкового союза, т.е. появления общих черт у ряда соседних языков на материале Балкан и Кавказа[23]. Подобным же образом присоединение к международной системе все новых участников способствует появлению у них некоторых общих или аналогичных черт политического устройства, идентификации и т.п.

В предыдущем разделе статьи было показано «семейное несходство» явлений, обозначаемых словами *the state*, *der Staat*, *государство* и т.п. Можно сказать, что внимание сконцентрировалось на оборотной или негативной стороне семейного сходства. Действительно, члены семьи при всей схожести одновременно и непохожи друг на друга. Теперь настала пора обратиться к позитивной стороне, высветить общие черты тех явлений, которые мы именуем государством.

Стоящее за словом *государство* позитивное семейное сходство объединяет территориальные политии, выступающие как ячейки координатной сетки мировой политики[24]. Без этой сетки и ее ячеек всемирные взаимодействия, да и вообще львиная доля повседневных контактов на разных уровнях были бы попросту невозможны. Чтобы эти контакты могли осуществляться и координироваться, любые место и время действия на нашей планете должны быть соотнесены с правовыми рамками той или иной ячейки. Сами же действия должны совершаться по соответствующим правилам (законам), их правомерность оспариваться или подтверждаться в судах и т.п. Конечно, отдельные ячейки сильно отличаются друг от друга. Нередко они качественно отличны. Порой историческое развитие усиливает своеобычность некоторых территориальных политий до удивительной степени. И вместе с тем они принадлежат к одной семье ячеек мировой координатной сетки. И в силу этого обладают семейным сходством.

Для обозначения содержательных, сущностных моментов семейного сходства государств удобно использовать слово *государственность*. То, что мы называем государственностью[25], по-английски передается двумя словами — *statehood* — издавна — и *stateness* — сравнительно недавно: мой компьютер все еще маркирует это как ошибку. За ними стоят два разных понятия, отражающих разные стороны государственности как безусловного свойства государства-состояния или обязательного условия его существования. Это их «статусность как принадлежность к сообществу государств-состояний» (*statehood*), а также их «состоятельность как соответствие своей собственной природе государства-состояния» (*stateness*)[26].

Различия между статусностью и состоятельностью можно объяснить двояко.

Во-первых, статусность акцентирует первичную функцию государств, а состоятельность — потенциал ее осуществления. В этом смысле яркая и, по сути, справедливая формула Фрэнсиса Фукуямы «“Государственная состоятельность” прежде всего» (*«Stateness» first*)[27] точно отражает практические приоритеты, но не каузально-генетическую зависимость. Следует признать, что высокая степень эффективности и консолидированности политии является одним из важнейших факторов обретения статусности в семье государств. В свою очередь, статусность позволяет развить состоятельность государства. Возможны, разумеется, исключения, например *de facto* существующие, но в полной степени не признанные государства (Северный Кипр, Карабах, Абхазия и т.п.), однако и они от противного, аномальностью своего положения подтверждают общее правило.

Во-вторых, статусность преимущественно, хотя и не исключительно, относится к месту политий в координатной сети, т.е. к их внешнеполитическим особенностям, а состоятельность — к собственным, в основном внутриполитическим возможностям. При этом нужно учитывать, что у статусности есть и внутренние аспекты, а у состоятельности — внешние. Грубо говоря, статусность можно соотнести с разными сторонами — внешними и внутренними — призна-

ния властного режима, а состоятельность с его возможностями — тоже внешними и внутренними.

Нет нужды доказывать, что координатная сеть неоднородна. Да она и не может быть иной. Различия между ее ячейками определяются отчасти их статусностью, но в гораздо большей степени — состоятельностью. Собственно, эти различия и позволяют ставить вопрос о полной классификации государств, о некоем аналоге «периодической системы Менделеева» для государств. Однако варьирование как статусности, так и состоятельности столь существенно, а количество параметров этого варьирования так велико и разнородно, что без углубленного и долгосрочного изучения статусности и состоятельности не обойтись. Пока что в качестве промежуточного решения можно использовать очень широкие, но расплывчатые параметры, например использованные Жозепом Коломером. Используемый им параметр является комплексным. Он учитывает прежде всего размеры, затем функциональное разделение ролей в координатной сети, а косвенно также некоторые общие черты политического устройства, отчасти зависящие от размера и роли страны, а отчасти — самостоятельные.

Созданная на такой основе классификация даст лишь одну достаточно приблизительную картинку. Дело в том, что в зависимости от того, какой аспект государства нам важен, такой облик приобретает сам наш предмет. На это обращал внимание еще Жан-Жак Руссо: «Эта общественная личность (*personne publique*), составленная путем соединения всех остальных личностей, называлась в прежние времена градом (*cite*), а теперь — республикой или политическим телом (*corps politique*), которое именуется своими членами Государством (*Etat*), когда оно недвижно, и сувереном (*souverain*), когда оно действует, в соотношении же с подобными ему — державою (*puissance*)»[28].

Можно предложить аналогию. Астрономы используют разные инструменты для изучения звездного неба. В привычном диапазоне спектра они видят одни созвездия, в инфракрасном диапазоне — другие, в рентгеновском — третьи. Звезды остаются звездами, но пред нами они предстают по-разному в зависимости от того, что мы хотим и что нам дано увидеть.

То же самое и с покрывшей всю Землю оболочкой координатной сетки государств. Посмотрим ли мы на них сквозь призму их статусности, или состоятельности, или их цивилизационной принадлежности, или моделей государственного строительства — каждый раз перед нами возникнет свой облик. Мы расположим государства относительно друг друга, получим их классификацию, своего рода карту сообщества государств. Ни одна из этих карт не будет совершенной, исчерпывающей. Чтобы составить достаточно полное и целостное представление, нам потребуется создать целый атлас карт. Собственно, этот принцип и был использован при работе над «Политическим атласом современности»[29].

Вполне естественно, что разные классификации будут получены при использовании двух аспектов государственности — статусности (*statehood*) и состоятельности (*stateness*). С учетом первого аспекта государственности будет предложена классификация государств на основании их размеров и функций в международных системах. Другие возможности классификации будут рассмотрены с учетом параметров состоятельности государств. Затем будут рассмотрены особые случаи и эффекты смешения.

Масштабность государств и их функции в международных системах

Самая простая и наиболее разработанная типология государств исходит из критериев статусности и основывается на параметрах масштабности государств и их функций в международных системах. Самый недавний образец подобной типологии предложен Жозепом Коломером. Уточним эту типологию за счет выделения не трех, а четырех классов: мега-, макро-, мини- и микрогосударств. В этом случае мегагосударства более или менее соответствуют его понятию империй (около десятка политий), макрогосударства — это в его понимании суверенные государства (еще больше трех десятков). Остальные три пятых признанных в настоящее время членов международного сообщества, по мнению Коломера, на деле являются «несуверенными малыми политическими образованиями». Он их сам делит на две группы: «...около семи десятков — это мини-государства с населением между одним и десятью миллионами человек, например Ботсвана, Эстония, Ирландия, Сингапур и Уругвай, а более четырех десятков[30] — это микрогосударства с населением менее миллиона человек, например Андорра, Барбадос, Коморы, Мальдивы и Вануату»[31]. Эти две группы заслуживают того, чтобы наряду с первыми двумя рассматривать их как особые классы.

Коломеровская же категория наций собирает слишком разные — и по размерам, и по статусу, и по функциям — политии, чтобы сохранить свою интегральность. Она вполне адекватно делится на две указанные группы, а также на класс сегментов-государств (*segment-state*), выделенный Рёдером[32]. К этому можно добавить специфическую и несколько разнородную группу *de facto* или непризнанных государств, а также некоторое количество промежуточных случаев, когда политии соединяют разные признаки или проявляют их весьма нечетко, смазанно.

Мегагосударства. Это большие многосоставные политии с относительно усиленными внешними аспектами суверенности и избыточной статусностью. У этих политий сильно выражен имперский синдром, что и дало Ж. Коломеру основания считать их империями. Большое население и территория, величина, точнее, масштаб — это главное, что определяет особое место мегагосударств в мировой политике. С этим трудно не согласиться. Три остальные качественные характеристики империй, по Коломеру: 1) отсутствие закрепленных или постоянных границ; 2) соединение разнообразных групп и территориальных единиц; 3) набор многоуровневых, часто взаимно пересекающихся юрисдикций, касаются не функций империй, а их устройства. Целесообразно, вероятно, обратиться к рассмотрению важнейших международных функций крупных государств.

Можно предположить, что важнейшей функцией мегагосударств является организация международной среды. Это традиционная роль так называемых великих держав (*the great powers, die Großmächte, les grandes puissances etc.*). Считается, что великие державы выступают в качестве центров силы и влияния. Это во многом устаревшее представление в целом верно, хотя точнее было бы охарактеризовать мегагосударства как своего рода концентраты ресурсов, которые используются для предоставления общественных благ (*public goods*)[33]. В нынешних условиях общественные блага понимаются как услуги, предоставляемые политическими институтами своим «клиентам», от граждан до политических, экономических и про-

чих структур самого разного масштаба. Такая трактовка понятия «общественные блага» была предложена Манкуром Олсоном еще в 1965 г.[34] Он писал: «Основные и самые элементарные блага и услуги, обеспечиваемые правительствами, например оборона, полицейская защита и система закона и порядка, в целом таковы, что они распространяются на каждого или практически каждого члена нации. <...> Общие или коллективные выгоды (*benefits*), обеспечиваемые правительствами, обычно именуются экономистами публичными благами... Государство — это, прежде всего, организация, которая обеспечивает своих членов, граждан общественными благами»[35].

Подобное расширение функций качественно отличает нынешние мегагосударства от великих держав прошлого. Они в лучшем случае пытались обеспечить военную защиту своим союзникам, клиентам и сателлитам (прообраз нынешнего общественного блага безопасности), но отнюдь не международную безопасность в ее нынешнем понимании[36] и тем более не блага финансово-экономических трансакций и социокультурных коммуникаций для всех, кто желает и может ими воспользоваться[37]. В этом отношении еще больше и разительней отличие мегагосударств от классических или, по терминологии Т. Парсонса, исторических империй. Те просто стремились к гегемонии и максимум, на что были способны с нынешней точки предоставления общественных благ, — это создавать обширные зоны замирения типа *Pax Romana*.

Может возникнуть вопрос: а действительно ли предоставление общественных благ является столь уж необходимым, чтобы предписывать осуществление этой задачи в масштабах мировой политики мегагосударствам? Да, если исходить из структурных требований мировой политики. Для подтверждения данной точки зрения приведу две цитаты из книги Жозепа Коломера, который рассматривает лишь один аспект — выигрыш малых наций от услуг больших империй: «Подобные Китаю традиционные империи или иные зоны сопоставимого размера также могли бы освободить малые нации, если бы стали достаточно эффективными в обеспечении широкомасштабных общественных благ и либерализовались бы сами. В остальном мире возникающие нации и неудавшиеся государства могли бы преуспеть, когда бы оказались способны создать обширные «имперского» размера сети (*vast «imperial-sized» networks*) для обеспечения общих интересов в сфере экономики, безопасности и коммуникаций» (с. X).

«Все эти сети имперского размера создают доныне неизведанные возможности для малых наций развивать новые формы самоуправления. Устремления к свободе и мягкие формы правления, технически организованные в электоральные демократии современной эпохи, видимо, коренятся в самых фундаментальных инстинктах выживания и самореализации. Теперь эти устремления могут быть в большей степени удовлетворены, чем в любой прежний период истории человечества, благодаря масштабным общественным благам и рынкам, обеспечиваемым имперскими сетями» (с. 31–32).

За последние полтора-два века все заметнее и масштабнее нарастают количество предоставляемых государствами общественных благ и их совокупный объем. Эта динамика затрудняет достаточно полное описание и ранжирование отдельных благ и функций их предоставления. В силу данного обстоятельства сосредоточим свое внимание вслед за Ж. Коломером на «трех фундаментальных сетях отноше-

ний: союзах по обеспечению обороны и безопасности, торговых и экономических соглашениях и зонах языка и общения»[38]. Данные сети непосредственно связаны с тремя функциями мегагосударств — обеспечением режимов международной безопасности, торгово-экономического сотрудничества, обмена людьми и идеями[39]. Действительно, создание, поддержание и развитие этих трех типов режимов немыслимо без инициативной роли мегагосударств, предполагающей сознательное и последовательное вложение в это накопленных ими ресурсов.

Теперь становится более ясной корреляция между масштабом политии — ее территорией, населением, природным и экономическим потенциалами — и ее функциями в международных системах. Наиболее масштабные политии «приговорены» к тому, чтобы становиться центрами этих систем, а амбиции стать центрами систем в состоянии осуществить только достаточно крупные политии.

Что касается конкретного состава группы мегагосударства, то предлагаемый Коломером перечень следует уточнить. Это позволяют сделать данные и результаты «Политического атласа современности».

Коломер выделяет ключевую пятерку — США, Китай, Европейский союз, Японию и Россию — в порядке, который, по его мнению, «отвечает их относительной мощи»[40]. Вынесем за скобки — пока — Европейский союз. Его государственная статусность вызывает серьезные вопросы. Данная проблема будет рассмотрена в специальном разделе статьи об особых случаях. Пока же будем исходить из формального критерия членства в ООН. Тогда в перечне мегагосударств место ЕС займут крупнейшие европейские страны. Проведенный в рамках «Политического атласа современности» на основе главных компонент кластерный анализ показал, что уверенно выделяется восемь держав: США, Россия, Китай, Япония, Германия, Великобритания, Франция и Италия. Этот кластер обладает ясной структурой: «В центре, безусловно, как ярчайшая “сверхзвезда” находятся США. Ближе всех к ним находится Россия, образуя в определенном масштабе своего рода “двойную звездную систему” большой и малой сверхдержав. Ближе всех к ним Китай. Вместе эта тройка образует “суперклуб” мирового влияния. Остальные пять держав восьмерки формируют своего рода периферию “ядра” мирового влияния. Эта периферия, однако, далеко не однородна. В наибольшей мере к лидерам тяготеет Япония и несколько меньше — Германия. Что же касается Великобритании, Италии и Франции, то они образуют самый удаленный, внешний слой “ядра”»[41].

Коломер относит к имперскому типу также Индонезию, Индию, Бразилию, Пакистан и Бангладеш. В этом списке, безусловно, следует согласиться с Индией и Бразилией. Хотя они не попадают в кластер восьми структурных центров мировой политики, Индия занимает 8-е место в рейтинге влияния (с баллом 2,28), обходя Италию (1,95). Бразилия занимает заметное 17-е место с баллом 1,01, однако у нее удачно совмещены большая площадь и население с экономическим и политическим весом. Далее на 18-м месте с 0,92 балла следует Пакистан, еще чуть-чуть отстает Индонезия (22-е место с 0,81 балла). Эти страны, таким образом, попадают в число лидеров «*регионального* и, если угодно, “*отраслевого*” (например, финансового, политического и/или идеологического) влияния — Саудовская Аравия, КНДР, Турция, Республика Корея, Бразилия, Пакистан, Иран, Мексика, Египет, Индонезия и др., с одной стороны, и Нидерланды, Бельгия, Швейцария и др. — с другой»[42].

Что касается Бангладеш, то она безнадежно отстает. Эта страна делит 56–57-е места со Шри-Ланкой (по 0,27 балла) — другой страной Индийского субконтинента — и пропускает вперед Сингапур, Чили и Португалию (по 2,28 балла). В кластерном анализе она попадает в группу проблемных государств, испытывающих серьезные вызовы и буквально борющихся за выживание, которые не предоставляют, а получают общественные блага. Так что в группу мегагосударств она явно не попадает.

Один из промежуточных выводов состоит в том, что сами по себе величина территории или огромное население не делают большую политию мегагосударством. Напротив, перенаселенность Бангладеш или значительная пустынная территория Гренландии или Мавритании отнюдь не поднимают их статусность, а скорее снижают из-за груза проблем.

Обобщая разные показатели, а главное, учитывая, до какой степени та или иная полития выступает в качестве особого центра влияния и предоставления общественных благ, можно предложить следующий список мегагосударств: США, Россия, Китай, Япония; с оговорками — Великобритания, Германия и Франция, а также в ограниченном смысле Индия, Бразилия и, может быть, Южная Африка, которая устойчиво образует общий кластер с Бразилией.

При всей своей ведущей роли мегагосударства не в состоянии обеспечить полноценное существование соответствующих сетей. Оно предполагает наличие и других участников — на то она и сеть. Отнести исключительно на их счет ответственность за международные режимы, сети и обеспечение соответствующих общественных благ было бы сильным отступлением и от истины, и от прагматики мирового политического процесса. Исключительной функцией, которую способны осуществлять мегагосударства, является создание глобальных полярностей и соответствующего потенциала. В этом смысле они обязательно аномальны, поскольку создают некий избыток потенциала. Их предназначение в создании контрапункта сотрудничества/соперничества с другими аномально избыточными политиями. Эти контрапункты становятся ориентирами для некоторых других государств, на долю которых достается прорисовывание конфигурации отношений между полюсами. Кто же оформляет силовые линии, связывающие мегагосударства? Эта роль в основном принадлежит макрогосударствам.

Макрогосударства. Это довольно крупные политии с относительно сбалансированными внешними аспектами суверенности и достаточной статусностью. Они обладают значительными населением, территорией и ресурсной базой.

Важнейшей функцией макрогосударств в мировой политике является, как уже отмечалось, оформление силовых линий между полюсами международной системы, которые создаются мегагосударствами. Что это означает практически? Между полюсами существует большой перепад потенциалов, связанных не только с мощью и ресурсами, но и с различными общественными благами. Непосредственный контакт, если бы он был возможен, привел бы к своего рода «короткому замыканию». Нужны изолирующие и посредующие возможности. В роли посредников как раз и выступают макрогосударства. Они не только используют и транслируют предоставляемые мегагосударствами ресурсы и общественные блага, но также вносят в эти потоки свои собственные ресурсы и общественные блага, усиливая тем самым силовые линии мировой системы.

Относительно крупные размеры и значительные ресурсные возможности важны не сами по себе, а как условие для успешного содействия циркуляции общественных благ. Один лишь масштаб без соответствующих ресурсов, возможностей и установок на обмен общественными благами не формирует статус макрогосударства. И наоборот, страны с относительно скромным населением и площадью могут *de facto* обрести статус макрогосударства. «Большие» Румыния и Польша или «маленькие» Австрия и Швейцария подтверждают это.

Важнейшей особенностью политий рассматриваемого класса является то, что в общей совокупности государств они — в терминах Аристотеля — наименее отклоняются от «середины» (*mesotes*). Иными словами, эти политии тяготеют к средним показателям и в этом отношении «типичны» для общей совокупности государств. Этим они отличаются от «крайних», а значит, аномальных мегагосударств, с одной стороны, и мини-, а тем более микрогосударств — с другой. Как известно с Античности, «серединой обладают между двумя [видами] порочности, один из которых — от избытка, а другой — от недостатка» (1107a2-3)[43].

Срединный характер благого предназначения макрогосударств, по Аристотелю, можно интерпретировать как сбалансированность присвоения и делегирования ими суверенных прерогатив. У мегагосударств в этом отношении наблюдается аномально избыточная концентрация (одна «прочность») суверенных прерогатив, а у мини- и макрогосударств не менее аномальный их дефицит (другая «порочность»). В условиях, когда, с одной стороны, интенсифицируется процесс передачи суверенных прерогатив и, шире, властных полномочий вверх на супранациональный уровень и вниз на субнациональный, а с другой — все более отчетливо проявляется сетевой характер мирового суверенитета[44], именно средний уровень координатной сети территориальных политий становится, как никогда прежде, важным регулятором стандартов мировой политики.

Специфические «семейные сходства» — функции, институты и практики — благодаря диффузии наиболее активно распространяются и закрепляются в «срединных» макрогосударствах, но отчасти проникают также, с одной стороны, в мегагосударства, а с другой — в мини- и микрогосударства. Среди них многие особенности государств, которые считаются чуть ли не нормативными, например монополизация принуждающего насилия, чеканка монеты, взимание налогов и сборов, наличие адекватных армий и пограничного режима и т.п. В этом смысле ядро макрогосударств может рассматриваться как группа, в которой легко найти примеры эмпирического приближения к нормативному идеалу «совершенных емкостей власти» (*complete power containers*)[45]. Данное обстоятельство способствует тому, что не слишком чувствительные к различению действительности и ее аналитических аспектов исследователи переносят аналитическое требование «совершенства емкости власти» на все генеральное сообщество разнотипных государств. В результате они сталкиваются с «эффектом бумеранга»[46] — деформированное понятие перестает подходить для исходного материала. Отсюда рассуждения о деградации суверенного государства, которым отдает дань даже Жозеп Коломер.

Фактически данные особенности присущи отнюдь не всей мировой совокупности государств. Более того, даже в совокупности макрогосударств они характерны скорее для ядра группы, чем для ее периферий. Те макрогосударства, которые

приближаются к типу мини-государств, могут демонстрировать ослабленные «семейные сходства».

Довольно сильный вариант отклонения связан с попытками использовать свой потенциал, чтобы занять достаточно самостоятельную позицию. Это может повлечь позиционирование страны вне силовых линий мировой системы, а при отягчающих обстоятельствах острой конфронтации с одним или нескольими лидерами международной системы привести к попаданию в класс государств-изгоев.

Мини-государства. Это небольшие политии с относительно очень умеренными внешними аспектами суверенности и ослабленной статусностью.

Мини-государства обладают небольшими населением и территорией. У них достаточно сильно выражен комплекс зависимости, хотя в некоторых аспектах они в состоянии обеспечивать вполне самостоятельное проведение внутренней и даже внешней политики. При этом повестка этих политий оказывается суженной, что позволяет экономить ресурсы путем либо уклонения от решения отдельных вопросов, либо использования при их решении внешней поддержки мега- и макрогосударств, а также международных организаций. Данные обстоятельства в значительной степени формируют «семейное сходство» мини-государств. Они, например, по большей части вынуждены выбирать между положением сателлита или нейтральной страны. Это, естественно, накладывает отпечаток на общий характер стилистики политического поведения, принятия решений и т.п.

Важнейшая функция мини-государств — насыщение силовых линий мировой политики разнообразным потенциалом. Благодаря этому насыщению силовые линии становятся богаче. Пунктирно намеченные макрогосударствами силовые линии благодаря подключению мини-государств обретают контуры и нюансировку. Располагаясь вдоль силовых линий, эти политии в то же время могут в той или иной степени отклоняться от них и создавать тем самым более или менее широкие «полосы», «дуги», «сгустки» на отдельных картах «Политического атласа современности»[47].

Заметно уклониться от силовых линий и занять самостоятельную позицию мини-государствам крайне сложно. Это может отчасти обеспечиваться статусом нейтральной страны, что до той или иной степени используется мини-государствами. Однако подобный подход имеет свои пределы. Если сильно переборщить с дистанцированием от мегагосударств, то возникает риск попасть в класс государств-изгоев.

Микрогосударства. Это совсем малые политии с существенно ослабленными внешними аспектами суверенности и низкой статусностью. Микрогосударства обладают весьма ограниченными населением и территорией. У них очень сильно выражен комплекс зависимости.

Важнейшей функцией микрогосударств является чисто инструментальная роль формального самоопределения территорий, которые по разным причинам не могут находиться под прямым контролем мега- или макрогосударств.

Класс микрогосударств отличается своим набором групповых «семейных сходств». К их числу относятся демонополизация принуждающего насилия, принятие иностранной валюты как внутренней денежной единицы, включение во внешние таможенные режимы, свертывание армий вплоть до полного отказа от них и т.п.

К сожалению, данный класс изучен совершенно недостаточно. Некоторые из немногочисленных исследований представлены в обзоре «Разнообразие политических систем островных микрогосударств». Вне всякого сомнения, микрогосударства представляют большой интерес для политической компаративистики и заслуживают усиленного изучения.

Сегменты-государства. Данный класс выделен Ф. Рёдером. Это формально входящие в состав государств территориальные единицы разного масштаба, однако чаще небольшого. Если пользоваться общими терминами, применявшимися для характеристики государств по их масштабу, то это политии с ограниченными и непрямыми внешними аспектами суверенности и с неполной и низкой статусностью в международной системе.

Сегменты-государства обладают достаточно широким спектром институциональных возможностей, которые определяются природой сегментированного государства (термин Ф. Рёдера), в который они входят. Масштаб сегментированного государства ничем не ограничен. Так, наряду с мега-и макрофедерациями существуют мини- и микрофедерации. Да и в самих сегментированных мегагосударствах масштабы сегментов-государств, как правило, существенно варьируются. Например, в США наряду с гигантскими штатами Калифорния, Техас и Нью-Йорк входят маленькие Вермонт, Род-Айленд и т.п.

Непризнанные (*unrecognized*) или самопровозглашенные (*self-proclaimed*) государства-состояния. Это разные по своему характеру политии с предельно проблематизованными внешними аспектами суверенности и совершенно неопределенной статусностью.

У этих политий сильно выражен конфликт между собственным стремлением занять подобающее место в координатной сетке мировой политики, стать ее ячейкой (самопровозглашение) и нежеланием достаточно влиятельных участников мирового сообщества согласиться с изменением конфигурации координатной сетки и соответствующими изменениями международных границ (непризнание).

Непризнанные и самопровозглашенные государства обладают самыми разными характеристиками. В настоящее время они в основном невелики по своему масштабу. Это объясняется скорее высокой степенью проработанности и интегрированности мировой координатной сетки. Всего полвека назад место крупнейшего мегагосударства КНР в ООН занимала Китайская Республика, которая ныне превратилась в непризнанное государство Тайвань.

Класс непризнанных и самопровозглашенных государств отличается своим набором групповых «семейных сходств». К их числу относятся гипертрофированная концентрация усилий на обеспечении безопасности, а также ограниченные возможности по включению в сети экономики, безопасности и коммуникаций, будь они имперского или меньшего размера.

Важнейшей функцией непризнанных и самопровозглашенных государств является диагностирование сбоев в функционировании координатной сетки. В случаях, когда соответствующие политии оказываются способны обеспечить минимально достаточный уровень политического и правового порядка, а также ресурсы его обеспечения, включая и высокий уровень его легитимации населением соответствующих территорий, процесс фактического признания начинает

давать результаты. Он заходит так далеко, как это позволяют, с одной стороны, необходимость включения соответствующей ячейки в мировую координатную сетку, а с другой — противодействие тех или иных акторов международной системы. Полития переходит в субгруппу *de facto* государств.

При этом не следует упускать из виду, что получивший дипломатическое и юридическое выражение отказ признавать *de facto* государство есть косвенное подтверждение вынужденного признания факта его существования и тем самым возможности его признать при изменении некоторых условий.

Можно выделить градации признания и варианты перехода от самопровозглашения к утверждению в качестве ячейки координатной сетки. Это следующие условные ступени:

- всеобщее, т.е. полное и всеобъемлющее признание всеми без исключения акторами международной системы;
- практическое признание (членство в ООН, признание рядом государств и отсутствие эксплицитного непризнания со стороны остальных);
- фактическое признание (установление формальных отношений с рядом государств, использование правовых ресурсов *de facto* государства в практических трансакциях);
- частичное признание (установление фактических отношений с рядом государств, неформальное использование политических ресурсов и общественных благ *de facto* государства в практических трансакциях);
- минимальное признание (получение поддержки хотя бы от одного или нескольких государств, которая препятствует ликвидации самопровозглашенного государства).

Важнейшим фактором не только признания, но и полномасштабного и полноценного обретения статусности, является развитие сначала самопровозглашенным, а затем и *de facto* государством своей состоятельности.

Государства-изгои. Более точное, дословно переводимое название этой группы — государства-злодеи (*rogue states*). Это дополнительный класс, в который могут входить разные по размерами и типу политии. С функциональной стороны государства-злодеи выступают в качестве символической альтернативы или даже угрозы хотя бы одной великой державе и ее союзникам. Такая символическая роль определяется неудовлетворенностью государства-злодея своим положением в международной системе, а нередко и политикой государств, принадлежащих к одному из ядер системы.

Состоятельность государств

Состоятельность как соответствие своей собственной природе государства-состояния (*stateness*) крайне слабо изучена в политической науке. Это и понятно. Сама категория состоятельности появилась в науке сравнительно недавно, да и то в крайне общем и приблизительном виде. Первым, вероятно, ввел в оборот этот неологизм Дж. Неттл еще в 1968 г.[48] Он дал предварительное определение государства как «привратника, регулирующего потоки действий внутри и вне соответствующей общности» (*the gatekeeper between intrasocietal and extrasocietal flowsofaction*),

а затем обратил внимание на «страны с низкой степенью “состоятельности” (*stateness*) в интрасоциетальной области»[49]. Далее Неттл рассмотрел в своей статье сравнительные аспекты использования разными государствами как статусности, так и состоятельности, не слишком отчетливо дифференцируя эти две стороны государственности.

Следующий шаг сделал Чарльз Тилли в знаменитом сборнике о формировании государств, который вышел под его редакцией в 1974 г. Во вводной теоретико-методологической главе он ссылается на статью Неттла и определяет состоятельность как «степень, в которой инструменты правления разделены (*differentiated*), централизованы, самостоятельны (*autonomous*) и формально скоординированы друг с другом»[50]. Далее Тилли выделяет специальный параграф о состоятельности, где показывает диалектику усиления состоятельности. «Предельная состоятельность не гарантирует политической стабильности», а «ближайшие исторические последствия роста состоятельности — это увеличение вооруженных сил, налогов и народных мятежей»[51].

В последующие годы исследователи лишь эпизодически обращались к данному понятию для решения тех или иных задач. Что касается самого слова «состоятельность» (*stateness*), то оно начало уверенно входить в политологический дискурс только в 1990-е годы[52]. Почти сразу же этому слову начинают придавать терминологический смысл, близкий к предлагаемому в данной статье[53]. Наиболее полная, пожалуй, на данный момент разработка понятия «состоятельность государства» принадлежит Стефано Бартолини[54]. Из самых недавних работ заслуживает упоминания книга Стэффана Линдберга[55].

Важным вкладом в изучение государственной состоятельности стала разработка Индекса государственности в рамках исследовательского проекта «Политический атлас современности», практически все параметры которого за исключением времени существования суверенной государственности относятся как раз к государственной состоятельности[56].

Приходится признать, что при всем значении первых опытов изучения состоятельности государств это явление остается слабо исследованным. В основном используется весьма расплывчатое метафорическое противопоставление «*Weak vs. Strong States*». В этом случае политии уподобляются сильным и слабым существам, вовлеченным в борьбу за выживание.

Изучены аспекты проблемы, связанные с дефицитом состоятельности отдельных групп государств. Существует литература о различных формах и ступенях ослабления государственной состоятельности вплоть до состояния краха государства (*state failure*). Хорошее представление о соответствующей литературе можно получить из специализированной библиографии[57], а также из обзора в «Политической науке»[58].

Совсем не исследована проблема определения достаточной состоятельности для разных видов государств. Обычно обладающие такой состоятельностью государства характеризуются как сильные (*strong*), эффективные (*effective*), самоподкрепляющиеся (*sustainable*) и т.д. Все это, как правило, далеко не термины и даже не понятия, а скорее метафоры.

Не поставлен даже в теоретическом плане вопрос о возможных эффектах избыточной состоятельности отдельного государства или их видов. Конечно, можно

возразить, что хорошего никогда слишком много не бывает. Однако это далеко не очевидно. Вполне вероятно, что избыток возможностей, которые на деле нельзя использовать, может обернуться проблемами. Что это за избытки? Какие проблемы они могут создать? Эти и подобные им вопросы, насколько мне известно, в научной литературе не рассматривались, хотя могли бы стать исходным моментом для развертывания целого научного направления в политической науке.

Вопрос о сбалансированной состоятельности государств также остается неизученным.

Что касается попыток выделения особых классов на основе критерия государственной состоятельности, то всерьез можно говорить о двух больших группах политий — квазигосударствах и несостоявшихся государствах, а также о некой метафорической лестнице ослабления государственной состоятельности.

Квазигосударства (*quasi-states*). Это политии с существенно ослабленной внутренней суверенностью и состоятельностью, но при этом с полноценным международным признанием.

Данный класс был впервые выделен Робертом Джексоном и Карлом Росбергом еще в 1982 г.[59] на основе изучения процессов деколонизации в Африке. Собственно, новые независимые страны Африки как раз и составили ядро группы государств, которые были включены в международную систему за счет их полного признания и поддержки их суверенных прерогатив международным сообществом, но при этом сами не смогли обеспечить адекватное функционирование собственных государственных институтов.

Название *квазигосударства* для данного класса политий было предложено Робертом Джексоном только через пять лет[60]; он использовал терминологическую новацию классиков «английской школы» Хедли Булла и Адама Уотсона[61]. Основой же для формирования целого направления по изучению квазигосударств стала книга самого Роберта Джексона «Квазигосударства: суверенитет, международные отношения и Третий мир»[62]. Впрочем, существуют и другие оценки. «Хотя эта книга стала очень влиятельной, — отмечает Пол Колстё, — ее ключевой терминологии не повезло, и она не утвердилась»[63]. Норвежский ученый признает, что термин *квазигосударства* «до сих пор используется в части специальной научной литературы», и, добавлю, хорошей литературы, связанной с изучением соответствующего класса политий, вполне корректным образом. Однако Колстё смущает, что «в журналистике и жаргоне политики другие слова используются для того, чтобы описать те же или почти те же явления, которые характеризуются Джексоном как квазигосударства».

Данные обстоятельства позволили Полу Колстё укрупнить класс квазигосударств, пользуясь общим критерием дефицита суверенитета. Одновременно он сознательно пошел на выделение двух типов квазигосударств: одного в джексоновском смысле (дефицит внутреннего суверенитета), а другого в собственном (дефицит внешнего суверенитета). Соответственно, в точном смысле интересующий его тип он назвал *непризнанные квазигосударства*.

Представляется целесообразным не отказываться от терминологии Роберта Джексона и отличать квазигосударства с дефицитом состоятельности, но очевидной статусностью от непризнанных *de facto* государств с дефицитом статусности,

но очевидной состоятельностю. При этом не только возможно, но и необходимо выделять группу политий с двойным дефицитом и статусности, и состоятельности. Именно для них будет вполне уместен предлагаемый Полом Колстё термин *непризнанные квазигосударства*[64].

Класс квазигосударств в точном джексоновском смысле отличается своим набором групповых «семейных сходств». К их числу относятся прежде всего симуляционный характер государственных институтов и практик. В данном случае под симуляцией понимается особый способ усвоения институтов и практик, а именно воспроизведения желательных результатов (продукт без *know how* его получения). Этот способ отличается от имитации — усвоения институтов и практик путем воспроизведения алгоритмов получения желательных результатов (*know how* получения продукта). Естественно, что воспроизведение внешней формы государственных институтов без проработки их содержания и, главное, логики обретения этих институтов ведет к нежелательным эффектам. Институты учреждаемого государства, с одной стороны, не способны адекватно осуществлять функции тех внешних институтов, которые заимствовались, а с другой стороны, они также не имеют достаточной связи с автохтонной почвой, чтобы трансформироваться и прижиться в новой среде.

Несостоявшиеся (неудавшиеся) государства (*failed states*). Это политии, где не просто отмечается наличие сбоев или ослабление государственной состоятельности, но относительно которых можно констатировать достижение качественного предела адекватного функционирования государственных институтов, когда на соответствующей территории не может поддерживаться минимальный порядок.

В целом представление о данной группе государств можно почерпнуть из уже упоминавшихся библиографии и обзора, а также из статьи А. Кустарева, где термин *failed states* переводится как «неудавшиеся государства»[65].

Метафорическая концептуальная лестница ослабления государственной состоятельности. С помощью метафоры слабости концептализуются политии, которые по разным причинам, от структурных (*structure causation*), например связанных с уже отмечавшимся сбоем в усвоении институтов современной государственности, до агентивных (*agency causation*), объясняющихся теми или иными решениями политического руководства или иными субъективными факторами, не обеспечены адекватными возможностями государственного регулирования протекающих в них политических процессов вообще и процессов развития в особенности. Наиболее широко используемое в языке политики и вслед за ним в политологии название *слабые государства* не дает хорошей основы для концептуализации вследствие своей расплывчатости. Для научного дискурса куда больше подошло бы выражение *дисфункциональные государства* (*dysfunctional states*). Хотя этот термин эпизодически используется, широкого хождения он не получил. Другие терминологические варианты включают следующие словесные выражения: необеспеченное (*insecure*), дезориентированное (*disoriented*), ослабляющееся (*faltering*), деградирующее (*decaying*), сдающее (*failing*) государство. Все это скорее метафоры, не слишком пригодные для терминологизации, — разве что в специфических контекстах. В этом смысле они не намного лучше наиболее распространенного выражения *слабые государства*.

Особые случаи и эффекты смешения

Существенные проблемы для систематической разработки классификаций различных видов и разновидностей государств возникают из-за обилия отклоняющихся казусов и противоречивых эффектов смешения при использовании различных параметров. Даже такой, казалось бы, легко операционализуемый параметр, как размеры политии, зачастую оказывается проблематичным. Во-первых, требуется интегрировать данные о площади территории и о численности населения страны. Ясно, что для каждой страны их соотношение специфично, однако нам требуется выработать стандартные процедуры, результаты которых дают большую или меньшую погрешность. Во-вторых, распределение стран по шкале размера относительно равномерно, а для нас важно сгруппировать страны в четыре класса: мега-, макро-, мини- и микрогосударства. Соответственно, выделенные группы оказываются не вполне однородными. Одни тяготеют к условному ядру, другие — к периферии. Кроме того, выделяются переходные или «серые» зоны, отражающие двойственность политий мега- — макро-, макро- — мини- и мини- — микро- — переходных масштабов.

Еще заметнее проявляются трудности концептуализации и в еще большей мере — операционализации государственной состоятельности. Здесь критерии пока еще остаются довольно размытыми. Потребуется, вероятно, проведение большого количества страновых и региональных исследований, накопление баз данных и проведение сравнительного анализа, чтобы прояснить критерии оценки.

Особой и очень серьезной проблемой является классификация аномальных по тем или иным параметрам политий, например сверхбольших или сверхмалых. Так, США настолько сильно выделяются по многим параметрам среди даже, казалось бы, очевидной группы великих держав, что во многих отношениях, как показало эмпирическое ранжирование в ходе реализации проекта «Политический атлас современности», фактически стоят особняком.

Неоднородность больших политий создает проблемы с оценкой их параметров и с классификацией. Так, значительные северные территории России и Канады скорее проблемный фактор, чем усилитель их влияния. Разумеется, изменение технологий природопользования и извлечения соответствующих ресурсов способно изменить ситуацию и уже, отчасти, меняет ее, но пока трудные территории остаются бременем. То же самое касается перенаселенности одних территорий Китая и наличия у этой страны значительных горных и пустынных территорий. Не вполне ясно, до какой степени эти обстоятельства влияют на государственную состоятельность Китая.

Крайне серьезной проблемой для создания классификаций государств является учет в ней Европейского союза и составляющих его политий. Если считать ЕС одной из ячеек координатной сетки мировой политики, которая состоит из других ячеек другого уровня, то это создает новую аналитическую перспективу. Впрочем, эта аналитическая перспектива не такая уж и новая. В свое время, в XVII–XVIII вв., весьма активно обсуждался вопрос о соотношении Священной Римской империи и составляющих ее политий. В нынешних же условиях можно, вероятно, поставить вопрос о многоуровневой типологии территориальных политий, построенной с учетом их взаимного включения.

Кроме того, при построении типологий необходимо учесть генетические и, шире, темпоральные аспекты консолидации отдельных государств, например их принадлежность к той или иной историко-эволюционной традиции, их институциональный и политико-культурный потенциал, накопленный к началу государственного строительства, обстоятельства и условия присоединения к семье государств, алгоритмы этого строительства и т.п.

Разумеется, весьма беглым перечислением отнюдь не исчерпывается даже самый приблизительный перечень типологий государств. Многие интересные предложения даже не упомянуты в данной статье. Однако даже этого материала достаточно, чтобы задуматься, как можно ответить на поставленный в заголовке статьи вопрос.

Ответы на вопрос, вынесенный в заголовок

Ответ зависит от того, как понимаются и изучаются явления, именуемые словом *государство*, какие установки привносит исследователь.

Идеографы и интерпретаторы скорее всего сочтут вопрос праздным.

Теоретики дали бы утвердительный ответ. Для них не составит труда выстроить классификацию на основании идеальных характеристик теоретически мыслимых государств.

Некоторые эмпирики, вероятно, ответят — нет. Особенно если это в терминах Дж. Сартори «сверхсознательные исследователи»[66]. Причины просты. Они носят в основном методологический характер. Слишком трудно найти действительно универсальные основания для классификации. а если они и найдутся, то результаты почти наверняка окажутся крайне бедными.

Прагматически ориентированный эмпирик дерзнет, пожалуй, приступить к решению задачи. Он, однако, будет ясно сознавать, что на этом пути придется сделать множество промежуточных и зачастую не слишком удачных попыток. Каждая попытка принесет что-то новое, а если результаты удастся сделать совместимыми, то получится синэргетический эффект накопления знаний. Таким путем мы, кстати, и пошли при разработке «Политического атласа современности». И он оправдал себя.

Вот и ответ. Возможны и необходимы серии универсальных сравнений и соответствующие серии классификаций. Этого вполне можно добиться при пошаговых универсальных сравнениях. При этом каждый новый шаг, особенно сделанный в традиции «насыщенных сравнений»[67], будет приближать нас к лучшему пониманию того, как складывается мировая система, какого рода «существа» ее образуют, в чем их особенности, возможности и ограничения.

Примечания

[1] *Colomer J.M.* Great empires, small nations: The uncertain future of the sovereign state. L.; N.Y.: Routledge, 2007.

[2] *MacIntyre A.* Is science of comparative politics possible? // Philosophy, politics, and society. Oxford: Blackwell, 1972.

[3] *Sartori J.* Compare why and how? Comparing, miscomparing and the comparative method // Comparing nations: concepts, strategies, substance. Oxford: Blackwell, 1994.

[4] *Skinner Q.* The State // Political innovation and conceptual change. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. Русский перевод: *Скиннер К.* The State // Понятие государства в четырех языках. СПб., М.: ЕУ СПб.: Летний сад, 2002.

[5] Создана в результате заключения 9 апреля 1454 г. мира, завершившего Ломбардские войны, и подписания 30 августа 1454 г. в Венеции соответствующего договора.

[6] *Mattingly G.* Renaissance Diplomacy. N.Y.: Dover, 1988. P. 78–86.

[7] В данном случае используется слово *господарство*, чтобы на русском языке отличить специфическую форму концентрации власти вплоть до ее фактической монополизации, точнее, приватизации государем, от более современных форм политической организации, традиционно именуемых словом *государство*. Внутренняя форма обоих русских слов эквивалентна внутренней форме слов *lordship* и *Herrschaft*.

[8] *Mattingly G.* Op. cit. P. 81.

[9] На то время Генуя была фактически подчинена Франции, но сохранила статус республики и контролировала остатки своей колониальной империи.

[10] *Sartori G.* Concept mis formationin comparative politics // American Political Sciencere View. LosAngeles, 1970. No. 4. Русский перевод: *Сартори Дж.* Искажение концептов в сравнительной политологии (I) // Полис. М., 2003. № 3. С. 67–71; *Сартори Дж.* Искажение концептов в сравнительной политологии (II) // Полис. М., 2003. № 4. С. 152–160; *Сартори Дж.* Искажение концептов в сравнительной политологии (III) // Полис. М., 2003. № 5. С. 65–75.

[11] Тут зачастую происходит *реперсонализация* «состояния», нашедшая выражение в формулах Людовика XIV «*L'etat, c'est mois*» и Наполеона «*Lachose publique, l'etat, c'est futmois*».

[12] *Weiss L.* Is the state being transformed by globalization? // States in the global economy. Bring democratic institutions back in. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 316.

[13] *Сартори Дж.*Искажение концептов в сравнительной политологии // Полис. М., 2003. № 5. С. 68–71.

[14] *Leonard Shihlien Hsu.* The Political Philosophy of Confucianism. N.Y.: Barnes and Noble, 1975. P. 26–27.

[15] *Золтан А.* Из истории русской лексики. Будапешт: Танкеньвкиадо, 1987; *Ingerflom C.* Oublierl'etat pour comprendrela Russie? // Revue des études slaves. P., 1993. Vol. 66. No. 1. P. 125–134; *Хархордин О.* Что такое «государство»? Русский термин в европейском контексте // Понятие государства в четырех языках. СПб., М.: ЕУ СПб.: Летний сад, 2002.

[16] *Kyung Moon Hwag.* Country or state? Reconceptualizing *Kukka* in the korean enlightenment period, 1896–1910 // Korean Studies. Honolulu, 2000. Vol. 24. P. 1–24.

[17] *Pulkkinen T. Valtio* — The Finnish conceptofthe state // The Finnish yearbook of political thought. Vol. 4. Jyväskyla: SoPhi, 2000. Русский перевод: *Пулккинен Т.* Valtio — история понятия «государство» в финском языке // Понятие государства в четырех языках. СПб., М.: ЕУ СПб., Летний сад, 2002.

[18] Подробнее см. кн.: Понятие государства в четырех языках / Под ред. О. Хархордина. СПб., М.: ЕУ СПб., Летний сад, 2002, а также раздел «Концептуализация эволюционных форм государственности» в кн.: *Ильин М.В.* Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: РОССПЭН, 1997.

[19] Беседа с Юрием Сергеевичем Степановым // Политическая наука. М.: ИНИОН, 2002. № 3.

[20] *Витгенштейн Л.* Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. С. 110, 111.

[21] *Schmidt J.* Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen. Weimar: Böhlau, 1872.

[22] *Серио П.* Структура и целостность: Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920–1930 гг. М.: Яз. слав. культуры, 2001.

[23] *Трубецкой Н.С.* Вавилонская башня и смешение языков // Евразийский временник. Т. 3. Б.: Обелиск, 1923.

[24] Традиционные попытки определить сущность государства «изнутри», например путем подчеркивания особого значения монополии на принуждающее насилие (М. Вебер), недостаточны, поскольку акцентируют пусть и важные, но специфические условия и возможности для осуществления основной функции — служить ячейкой координатной сетки сначала европейской, а потом и мировой политики. Эти определения хороши в качестве дополнительных, уточняющих.

[25] В отечественной научной традиции слово *государственность* используется также для расширительного обозначения всех достаточно обобщенных и опосредованных форм политической организации, оставляя вне этой широчайшей понятийной категории разве что структуры власти в первобытном роде и в некоторых более сложных структурах типа вождеств. Здесь также имеется широкая промежуточная зона так называемой «ранней государственности».

[26] Далее данные понятия будут обозначаться как «статусность» и «состоятельность» за исключением случаев, когда необходимо подчеркнуть более полное содержание соответствующих понятий. Любопытно, что по-русски компьютер маркирует как ошибку слово *статусность*, а слово *состоятельность* является для него правильным.

[27] *Fukuyama F.* «Stateness» first // Journal of Democracy. Baltimore, 2005. Vol. 16. No. 1. P. 84–88.

[28] *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре, или Принципы политического права. М.: Госсоцэкгиз, 1938. С. 13–14.

[29] *Мельвиль А.Ю.*, *Ильин М.В.*, *Мелешкина Е.Ю.* и др. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М.: МГИМО, 2007; См. также посвященный проекту специальный выпуск сборника научных трудов «Политическая наука» / ИНИОН РАН. М., 2007. № 3.

[30] Суммарно у Коломера получается 150–160 политий, тогда как в ООН входят сейчас 193 страны. Вероятно, недостающие 4–5 десятков стран с трудом можно отнести к той или иной группе вследствие их неопределенного положения, сочетания черт разных классов или высокой своеобычности.

[31] *Colomer J.M.* Great empires, small nations: The uncertain future of the sovereign state. L.; N.Y.: Routledge, 2007. P. 19.

[32] *Roeder Ph.G.* Where nation-states come from: Institutional change in the age of nationalism. Princeton: Princeton University Press, 2007.

[33] Под общественными благами понимаются те полезные результаты, которые, с одной стороны, соответствуют ожиданиям индивидов или групп людей, а с другой — обретаются благодаря управляющим и/или координирующим действиям центров власти или институциональным возможностям для инициативных действий самих реципиентов благ.

[34] *Olson M.* Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge: Harvard univ. press, 1965.

[35] Ibid P. 14–15.

[36] На это обращает внимание Коломер: «...мировое пространство (*worldscene*) более не принадлежит суверенным государствам, стремящимся поддержать баланс военной мощи. <...> Наиболее важные требования безопасности включают пресечение и предотвращение терроризма, а также формирование международных миссий по установлению и поддержанию мира» (с. 36–37).

[37] Международная функция мегагосударств заключается, по Коломеру, в предоставлении «широкомасштабных» общественных благ, т.е. выгод и услуг не только для граждан своей страны, но для людей, ассоциаций и целых стран, оказавшихся в сфере обеспечиваемых соответствующей мегастраной «обширных “имперского” размера сетей (*vast “imperial”-sizednetworks*)» экономики, безопасности и коммуникаций.

[38] *Colomer J.M.* Great Empires, Small Nations: The Uncertain Future of the Sovereign State. L.; N.Y.: Routledge, 2007. P. 31.

[39] Перечень соответствующих функций может быть расширен, например, за счет научно-технического сотрудничества, создания природоохранных и экологических режимов, развития продовольственных и демографических программ и т.п.

[40] *Colomer J.M.* Great Empires, Small Nations: The Uncertain Future of the Sovereign State. L.; N.Y.: Routledge, 2007. P. 5.

[41] *Полунин Ю.А.*, *Тимофеев И.Н.* Классификация стран мира с использованием методов многомерного статистического анализа // Политическая наука / ИНИОН РАН. М., 2007. № 3. С. 191. Там же см. анализ дендрограммы (постепенного разделения группы при увеличении масштаба кластеризации), а также данные о весе разных параметров, влияющих на кластеризацию, прежде всего главных компонент.

[42] Там же. С. 170.

[43] *Аристотель.* Никомахова этика. Книга вторая // Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 87.

[44] *Ильин М.В.* Суверенитет: Вызревание понятийной категории в условиях глобализации // Политическая наука / ИНИОН РАН. М., 2005. № 4; *Ильин М.В.* Суверенитет: Развитие понятийной категории // Суверенитет: Трансформация понятий и практик. М.: МГИМО, 2008.

[45] *Hall J.A.* Introduction: nation states in history // The nation state in question. Princeton: Princeton University Press, 2003. P. 15.

[46] *Сартори Дж.* Искажение концептов в сравнительной политологии // Полис. М., 2003. № 5.

[47] Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / А.Ю. Мельвиль, М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина и др. М.: МГИМО, 2007.

[48] *Nettl J.P.* The state as a conceptual variable // World Politics. Princeton, 1968. Vol. 20. No. 4. P. 559–592.

[49] Ibid. P. 564.

[50] The Formation of national states in Western Europe / Ed. by Ch. Tilly. Princeton: Princeton University Press, 1975. P. 32.

[51] Ibid. P. 35.

[52] Imperialism, the state, and the third world / Ed. by M. Twaddle. L., N.Y.: British Academic Press, 1992.

[53] *Hall J.A.* The state: Critical Concepts. Vol 1. L., N.Y.: Routledge, 1994.

[54] *Bartolini. S.* The Political Mobilization of the European Left, 1860–1980. N.Y.: Cambridge University Press, 2000. P. 313–320; *Bartolini. S.* Restructuring Europe. Centre Formation, System Building, and Political Structuring between the Nation State and the European Union. N.Y.: Oxford University Press, 2005. P. 69–71, 90–95.

[55] *Lindberg S.I.* Democracy and elections in Africa. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2006.

[56] Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / А.Ю. Мельвиль, М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина и др. М.: МГИМО, 2007.

[57] The state failure bibliography. URL: http://www.politik.uni-koeln.de/jaeger/downloads/stf-bib.pdf.

[58] Государства: Несостоявшиеся или другие? // Политическая наука / ИНИОН РАН. М., 2007. № 3. С. 85–107.

[59] *Jackson R.H.*, *Rosberg C.G.* Why Africa's weak states persist: The empirical and the juridical in statehood // World Politics. Princeton, 1982. Vol. 35. No. 1. P. 1–24.

[60] *Jackson R.H.* Quasi-states, dual regimes and neoclassical theory // International Organization. 1987. Vol. 41. No. 4. P. 519–549.

[61] *Bull H.*, *Watson A.* The expansion of international society. Oxford: Clarendon Press, 1984. P. 430

[62] *Jackson R.H.* Quasi-States: Sovereignty, International Relations and the Third World. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

[63] *Kolstø P.* The sustainability and future of unrecognized quasi-states // Journal of Peace Research. L., 2006. Vol. 43. No. 6. P. 725.

[64] Используемый для обозначения данной группы термин *псевдогосударства* (*pseudo-states*) (см., например: *Kolossov V.*, *O'Loughlin J.* Pseudo-states as harbingers of a new geopolitics: The example of the Transdniestr Moldovan Republic (TMR) // Boundaries, Territory and Postmodernity. L.: Frank Cass, 1999. P. 151–176) представляется излишне радикальным и не системным.

[65] *Кустарев А.* Неудавшиеся государства // Космополис. М., 2004. № 2 (8). С. 17–35.

[66] *Сартори Дж.* Искажение концептов в сравнительной политологии // Полис. М., 2003. № 5.

[67] *Mjoset L.* SteinRokkan'sthickcomparisons // Actasociologica. Gothenburg. 2000. Vol. 4. No. 4. P. 381–397.

1. Раскройте понятия «внутренний суверенитет» и «внешний суверенитет».
2. Может ли использоваться террористическая форма силового контроля государством (не повстанцами)?
3. Каковы главные причины формирования неконтролируемых территорий? Почему большая часть неконтролируемых территорий располагается вдоль цивилизационных или межконфессиональных разломов?

А.Б. Себенцов, В.А. Колосов

ФЕНОМЕН НЕКОНТРОЛИРУЕМЫХ ТЕРРИТОРИЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ*

Контроль над территорией во все времена был одним из символов реальной власти, а также ее источником. Территория, обладающая определенным природно-ресурсным потенциалом, в то же время является исчерпаемым и незаменимым ресурсом — вместилищем для жизни людей и размещения производств. Со времен Версальского мира главными акторами на мировой арене и владельцами этого уникального ресурса были суверенные государства, территориальность которых была и остается одним из главных их признаков. Вместе с тем, суверенитет и территориальность государств неоднократно подвергались сомнению, что приводило к их дроблению. В течение XX в. в результате распада империй и освобождения колоний число стран увеличилось с 55 до 190.

К концу XX в. стало очевидно, что наряду с массивом новых государств в географическом пространстве существует и иной род политико-территориальных образований. В середине 1990-х годов в центре внимания исследователей оказываются территории, официально находящиеся в составе какой-либо страны, но управляемые своими властями или же лидерами партизанских армий, полевыми командирами, наркобаронами, местными вождями [Колосов и др., 2001]. Интерес к этим регионам нестабильности усилился, когда было установлено, что они используются в качестве опорных баз для террористических и криминальных группировок.

Понятие «***неконтролируемая территория***» (НТ) в нашей стране впервые встречается в работах В.А. Колосова, который одним из первых обратил внимание на частое несовпадение официальной и фактической юрисдикций над той или иной территорией в ряде стран [Колосов, 2001]. Схожие по значению термины имеются

* *Себенцов А.Б., Колосов В.А.* Феномен неконтролируемых территорий в современном мире // Полис. Политические исследования. 2012. № 2. С. 31–46.

в работах А.И. Фурсова («серая зона») [1999], А.И. Неклессы (территории «транзитной государственности») и др. В зарубежной литературе наиболее распространен термин «неуправляемая территория» (*ungoverned territories, areas, spaces, zones*) [Rabasa, 2007; Lamb, 2008; Whelan, 2006; Menkhaus, 2007 и др.]. С. Макдональд [1993] и К. Рауфер [2000] употребляют примерно в том же значении термин «серая зона» (*grey area*).

Еще один пласт преимущественно зарубежных работ посвящен проблеме ослабления государственности и изучению феномена «несостоявшихся» (*failed state*) и «рухнувших» (*collapsed state*) государств, которые являются главным ресурсом для формирования НТ [Rotberg, 2003; Krasner, 2004]. Р. Ротберг полагает, что современные формы государственности представляют собой непрерывный ряд от сильного (*strong state*) до неудавшегося (*failed state*) или даже «рухнувшего» государства (*collapsed state*). Он указывает, что «степень несостоятельности государства может быть измерена исходя из доли своей территории, которое государство способно контролировать (особенно после наступления темноты)» [Rotberg, 2003, p. 5, 6]. К наиболее типичным несостоявшимся государствам (категория «*alert*») в рейтинге, публикуемом *Fund for Peace* и журналом *Foreign Policy*, отнесено 37 государств (в 2005 г. — 33), большая часть которых — развивающиеся страны Африки и Азии [Failed State..., 2010].

Изучение НТ частично пересекается с проблематикой сепаратизма в современном мире. Среди наиболее обстоятельных работ можно отметить работы Д.В. Зайца [1999] и Ф.А. Попова [2007; 2009], который предложил использовать термин «фактическая сецессия». Под ним понимается «вычленение территории из политического пространства суверенного государства и переход ее под контроль неправительственных групп [Попов, 2010, с. 24]. Впрочем, автор отмечает, что этот термин не бесспорный хотя бы потому, что не все движения, вызывающие потерю контроля над территорией, являются в полной мере политическими [там же].

В настоящей статье мы ставим перед собой три задачи: *во-первых*, предложить классификацию основных видов контроля над территорией; *во-вторых*, определить на этой основе понятие «неконтролируемая территория» и провести классификацию НТ в мире; *в-третьих*, оценить возможные направления их эволюции.

Контроль над территорией и его виды

Контроль над территорией — естественная потребность любого государства, поскольку позволяет ему получать ресурсы для существования, служит основой его суверенитета, отличает от других политических организаций. Кроме того, территория — «идеологический фундамент» государства [An Introduction..., p. 21]. В то же время государство создается жителями территории, а значит, обязано выполнять определенные функции по отношению к ним. Эти функции состоят главным образом в обеспечении граждан общественными благами. Выполнение обеими сторонами этого «общественного договора» обеспечивает стабильность государственной территории и делает ее контролируемой [Rotberg, 2003].

Таким образом, **контроль над территорией** — это возможность полноценно управлять территорией и ее элементами (природным, человеческим, производ-

ственным, инфраструктурным и финансовым капиталом), что позволяет ей проявлять себя в качестве единой территориально-политической системы (ТПС). Единство территориально-политической системы означает единство законов и подходов к управлению элементами территории.

Контроль над территорией не является монополией государства. В связи с этим в современной терминологии обычно используются понятия внешнего (де-юре, юридического, негативного) и внутреннего (де-факто, фактического, позитивного) суверенитета [Jackson, 1990; Ильин и др., 2010; Murphy, 2010].

Внешний суверенитет — это право государства осуществлять контроль над своей территорией. По сути, речь идет о его формально-правовом признании членами международного сообщества, что подразумевает невмешательство во внутренние дела суверенного государства. Внешний суверенитет — пропуск в сообщество других государств, система которых на сегодня является референтной основой мирового порядка. Кроме того, признание помогает обеспечить территориальную целостность и сотрудничество с другими государствами посредством дипломатии и участия в международных организациях.

Внутренний суверенитет — реальный контроль государства над его территорией, выражающийся в подчинении большинства граждан законам этого государства и осознания себя его частью. Готовность подчиняться государству позволяет ему получать ресурсы для своего существования.

Как видно, понятие внутреннего суверенитета близко к понятию контроля над территорией. Однако внутренний суверенитет не всегда означает фактический контроль над пространством. В ряде случае криминальные структуры, не имея широкой общественной поддержки, контролируют обширные районы, не стремясь к легитимации реального контроля над территорией.

Анализ различных типов НТ позволил в первом приближении выделить различные формы и виды контроля над территорией (табл. 1).

Таблица 1

Классификация видов контроля над территорией

Контроль над территорией	Класс	Подкласс
По видам	Силовой	Полицейский, военный, партизанский, террористический
	Политический	
	Идеологический	
	Экономический	Легальный (белый), криминальный (серый, черный)
По территориальному рисунку	Сплошной	
	Очаговый	
	Спорадический	
	Сетевой	
По времени	Постоянный	
	Временный	Сезонный, суточный

Силовой контроль над территорией реализуется посредством применения или демонстрации силы. Один из главных признаков устойчивого контроля территории со стороны государства — монополия на применение легитимного насилия. В стабильных странах он осуществляется в ***полицейской форме с*** целью гарантированной реализации других видов контроля. ***Военная форма*** контроля отдельных территорий страны применяется эпизодически при возникновении чрезвычайных ситуаций.

В нестабильных государствах военные формы силового контроля часто применяются в отдельных регионах или даже на всей территории. Может использоваться и ***террористическая форма*** силового контроля, которая проявляется в запугивании населения террором. Эта форма может применяться как повстанцами, так и государством (использование эскадронов смерти в Перу и на территории бывшей СФРЮ и др.).

Иногда попытка контролировать территорию силовым путем, не навлекая гнев международного сообщества, приводит к появлению поддерживаемых властью вооруженных формирований и ополчений, которые используют ***военные и партизанские формы контроля***. Так, не имея возможности устойчиво контролировать территории проживания народностей фур и загава в Западном Судане, правительство использует вооруженные отряды Джанджавид, состоящие из кочевых арабов. Эти группы преследуют и собственные интересы, связанные с грабежом оседлого населения, переделом земельных угодий в пользу пастбищного животноводства в условиях усилившегося опустынивания.

При всей своей значимости силовой контроль не является достаточным условием для установления полного и устойчивого контроля над территорией. Отсутствие лояльности местного населения ограничивает возможность использовать местные ресурсы.

Экономический контроль — это контроль над экономической деятельностью, который может выражаться в управлении и регулировании экономических процессов, а также непосредственном владении экономическими активами или в получении части прибыли от них. Государство обеспечивает формирование единой экономической системы страны на основе общих норм, единой денежной и налоговой системы. Социально-экономические диспропорции в развитии территории, экстерриториальность в поведении корпоративных структур иногда приводят к попыткам экономического и политического обособления некоторых регионов, чтобы самостоятельно контролировать местные факторы производства. Нормальный экономический контроль возможен только в случае полноценного выполнения государством его экономических функций, в том числе по созданию инфраструктуры, проведению долгосрочной кредитной и инвестиционной политики, обеспечению конкуренции и др.

На НТ экономический контроль может осуществляться также и негосударственными агентами и проявляться в форме ***«революционного налога»*** на действующие легальные предприятия или ***незаконной предпринимательской деятельности*** (наркотики, торговля оружием и др.). В случае непризнанных государств экономический контроль принимает более легитимные формы. Появление собственной налоговой системы, центрального банка, денежной единицы — признак возникновения новой политии, похожей на суверенное государство. Таким образом,

экономический контроль территории консолидирует ресурсы, необходимые для существования государства, является залогом его жизнеспособности.

Идеологический контроль включает меры, предпринимаемые для оправдания и принятия людьми центра власти, претендующего на контроль над территорией, а также обоснования размеров и конфигурации этой территории. Территориальный и общественный характер жизни людей требует отождествления себя с определенной группой и территорией. Для суверенных государств важная проблема — поддержание достаточного уровня идеологического контроля в условиях «сопротивления двум разнонаправленным векторам социокультурного развития — культурного глобализма и разложения гражданской солидарности под напором особых притязаний этнических, религиозных, языковых, субкультурных сообществ» [Семененко и др., 2010, с. 44].

Негосударственные акторы пытаются установить свой контроль, используя уже имеющуюся территориальную идентичность или развивая новую. Одна из главных задач повстанцев состоит в формировании у всего населения или его части особой «сецессионистской идентичности» [Попов, 2010].

Политический контроль — состояние согласия общества и управляющих им сил относительно организации системы власти и распределения политических благ, мер, принимаемых для решения текущих задач и дальнейшего развития страны (территории), а также подчинения существующей системе власти. Условие контроля над территорией — формирование политических институтов, которые могли бы легитимировать фактический контроль над ней. Важна готовность граждан подчиняться существующим на территории законам, т.е. степень принятия их в качестве реально действующих норм.

В случае контроля территории негосударственными акторами роль законов могут играть социальные, религиозные и морально-этические представления, кодексы чести, обычаи и др. Представления о справедливости могут значить куда больше любых нормативных актов.

По-видимому, установление полного политического контроля — необходимый и завершающий этап формирования единой территориально-политической системы. Внутренний политический контроль является также и важнейшим условием внешней легитимации.

Выделенные нами виды контроля территории тесно связаны с их **территориальными формами**. **Сплошной контроль** обычно осуществляют успешные государства или же зрелые институциализированные непризнанные государства. В этом случае он означает полное отсутствие контроля со стороны материнской страны. Такой контроль легче достижим на однородных по природным особенностям, этническому и конфессиональному составу населения территориях. Устойчивый сплошной контроль территории достигается при наличии политических, экономических и силовых (чаще полицейских) элементов контроля. Этот тип контроля характерен для таких государств де-факто, как Приднестровская Молдавская Республика, Абхазия, Тайвань и др.

Очаговый и спорадический контроль может наблюдаться как со стороны инсургентов, так и легитимной власти. Центральные власти чаще всего контролируют крупные города и их ближайшие окрестности (например, в Красном коридоре в Индии), либо районы проживания титульного этноса (сербские анклавы

в Косово до провозглашения независимости). Очаги, контролируемые повстанцами, могут быть приурочены к районам компактного проживания их этноса, сельским, удаленным или труднодоступным районам. Так, в Казамансе повстанцы устойчиво контролируют сельские районы и лесистые территории на границе с Гвинеей-Бисау.

Регионы с очаговым и спорадическим контролем могут быть отнесены к территориям оспариваемой государственности. Так, например, очаговый контроль в Дарфуре осуществляют повстанцы земледельческого народа фора, которые контролируют преимущественно деревни и прилегающие к ним сельскохозяйственные земли.

Сетевой вид контроля — новый вид контроля над территорией, который формируется в условиях глобализации. Все чаще можно слышать тезисы о «сетевых сообществах» и «обществе сетевых структур». Их становление происходит в разных сферах жизни общества — экономике (ТНК, глобальная финансовая сеть), политике (международные организации), средствах коммуникации и массовой информации (сотовая и спутниковая связь, мировые телеканалы, Интернет, социальные сети и др.) [Становление общества..., 1999]. Значительную роль Интернет и социальные сети сыграли в революционных событиях в Тунисе, Египте, Бахрейне, Ливии, Сирии.

Схожие тенденции наблюдаются и в сфере преступности, где идет становление глобальных преступных сообществ, развитие сетей по производству, доставке и продаже незаконных товаров [The Globalization of Crime..., 2010]. Да и террористические организации, создавая сети с полуавтономными структурами в различных странах и регионах, стали международными или даже глобальными. Каждый человек теперь может знакомиться с любыми идеями и взглядами, в том числе и радикальной направленности. Расширившиеся коммуникативные возможности размывают фундамент государственности и суверенитета, ставят вопрос о кризисе национальной идентичности и формировании особых новых глобальных идентичностей, «конструировании надцивилизационных интеграционных моделей» [Семененко и др., 2010, с. 42].

В слабых или несостоявшихся государствах криминальные и террористические сетевые структуры в последние годы контролируют ключевые для своего существования точечные и линейные элементы территориальных общественных систем — идеологические (мечети, медресе, иные общественно значимые объекты), экономические (точки сбыта наркотиков, каналы их поставки, места производства), политические (коррумпированные территориальные органы власти). Они могут подчинить себе отдельные сферы жизни (религия, определенные виды бизнеса и др.). Любое серьезное ослабление центральной власти в этих районах позволяет перейти к иным формам контроля над территорией — спорадическому или очаговому. Среди примеров — Кадарская зона в Буйнакском районе Дагестана, где становление сетевых структур нелегального ваххабитского подполья привело к середине 1998 г. к практически полной потере контроля над территорией.

Большое значение имеют также **временные характеристики контроля над территорией**. ***Постоянный контроль*** характерен для успешных государств и может ослабевать только в отдельных районах (например, в национальных кварталах крупных городов, что связано с суточным подъемом преступности). Постоянный контроль

над своей территорией способны осуществлять большинство квазигосударств, отдельные кланы и племена, лояльные центральной власти.

Временный контроль характерен для основной части территории неудавшихся или рухнувших государств, отдельных территорий других государств — обычно периферийных районов, где формируются особые формы множественной и переходной идентичности.

Естественные суточные и сезонные природные ритмы меняют критически важные для контроля характеристики в оспариваемых районах: освещенность, климатические показатели, доступность территории и пр. Так, в период первой и второй чеченских кампаний наблюдалась активизация сепаратистов в залесенных горах и предгорьях в летний период. В районе действия радикальной организации Армия сопротивления Господа, захватившей север Уганды и в последнее время распространившей свое влияние на юг Судана, ЦАР, восток Конго, наблюдаются своего рода маятниковые миграции людей из деревень в центры временного размещения и города (нападения совершаются преимущественно ночью в сельской местности) [Invisible Children...].

Неконтролируемые территории, их эволюция и многообразие

Понятие «НТ» пока не устоялось. Так, Р. Лэмб в узком значении включает в него территории, которые не управляются центральным правительством, а в широком — плохо управляемые им территории, что дает свободу действий различным незаконным группам, заполняющим вакуум власти [Lamb, p. 6]. Этот автор выделяет, во-первых, собственно неуправляемые территории, никак не контролируемые центральными властями, во-вторых, «оспариваемые территории» — зоны конфликтов и войн, где государство под нажимом сецессионистов отказалось от выполнения части или всех своих функций. К такому типу территорий можно отнести периферийные районы Саудовской Аравии, в которых местным племенам делегирована функция охраны государственных границ. Кроме того, автором выделены также «зоны эксплуатации» (*exploitable areas*), в которых государство выполняет большинство или все свои функции, но незаконные акторы используют социальные сети для получения убежища.

Сходные определения имеются и в других работах [Whelan, 2006]. Так, например, аналитический центр *RAND* определяет неуправляемые территории как «регионы, в которых государство не способно или не желает выполнять свои функции» [Rabasa A. et al., 2007, p. 15]. Неуправляемость авторы предлагают измерять четырьмя переменными — уровнем проникновения государства в общество, монополией на использование силы, степенью контроля государственной границы, подверженностью вмешательству других государств.

М.В. Ильин и др. [2010] делят НТ на самопровозглашенные, непризнанные государства, квазигосударства и государства де-факто. При этом последние, по их мнению, имеют наибольший шанс стать полноценными суверенными государствами.

По нашему мнению, **неконтролируемая территория** — *часть государственной территории страны, где центральные власти не способны или не хотят полноценно*

осуществлять силовой и иные виды контроля, а также участвовать в создании и распределении политических благ.

Отсутствие четких критериев и методов измерения управляемости не позволяет четко определить границу, за которой центральное правительство теряет управление в регионе и отнести его к определенному типу НТ. Иногда сложно идентифицировать тип НТ в регионах со спорным статусом. Так, в случае Западной Сахары главная проблема состоит в том, кто имеет право на контроль над территорией (внешний суверенитет). Сахарская Арабская Демократическая Республика (САДР) устойчиво контролирует только 20% заявленной территории («свободная зона»), а остальная часть находится под контролем Мавритании. Около 50 государств–членов ООН имеют дипломатические отношения с САДР и считают фронт ПОЛИСАРИО законным представителем интересов народа Западной Сахары. Мавритания полагает всю территорию Западной Сахары частью своей страны. В то же время ООН относит Западную Сахару к несамоуправляющимся территориям [см.: List of non-self governing territories].

Еще менее определенна ситуация с Палестинской национальной администрацией. Израиль контролирует значительные части ее территории (зона С в соответствии с соглашениями в Осло). Остальная часть палестинских территорий после кризиса 2007 г. была расколота на зоны, контролируемые ХАМАС (сектор Газа) и ФАТХ (Западный берег реки Иордан).

В таблице 1, на рис. 1 и 2 представлены НТ, существовавшие в 2005–2011 гг. Как видно из этих материалов, НТ возникают в государствах, успешность и дееспособность которых меняется в широких пределах — от успешных государств до территорий, где государство фактически перестало существовать.

Первую группу НТ составляют ***безгосударственные территории***. Часть из них (*«черные дыры»*) образовалась в результате криминальной и террористической деятельности, анархии («война всех против всех») и слабости центрального правительства. Другая часть представляет собой конгломерат контролируемых отдельными группировками (кланами, племенами) районов без четких границ и единого центра — *территории децентрализованного контроля.* Они сформировались в основном в странах, опыт государственности которых невелик, а степень проникновения государства в общество мала. На подобных территориях развито трайбалистское и клановое самосознание, а значение обычаев, кодексов чести и религиозного права важнее официальных нормативных актов. Наиболее типичная территория децентрализованного контроля — юг Сомали, состоящий из мозаики ареалов расселения клановых (*Darod, Rahanwein, Digil, Dil, Hawiya*) и субклановых групп и религиозных объединений [Somalia: the transitional government..., 2011]**.** Даже образовавшиеся в разное время надклановые группы наподобие Союза исламских судов (СИС) не спасли этот регион от постоянного передела зон влияния. Распад СИС, вызванный вторжением эфиопских войск в 2006 г., привел к новому витку противостояния между исламистскими группами, входившими в его состав. В 2008–2010 гг. некоторым группам удалось одержать ряд побед на юге Центрального Сомали (*Galguduug, Mudug* и др.). Прибрежные части южного Сомали частично контролируется различными пиратскими группами, часть из которых платят своего рода «революционный налог», идущий на финансирование исламистских групп [Somalia: the transitional government..., 2011].

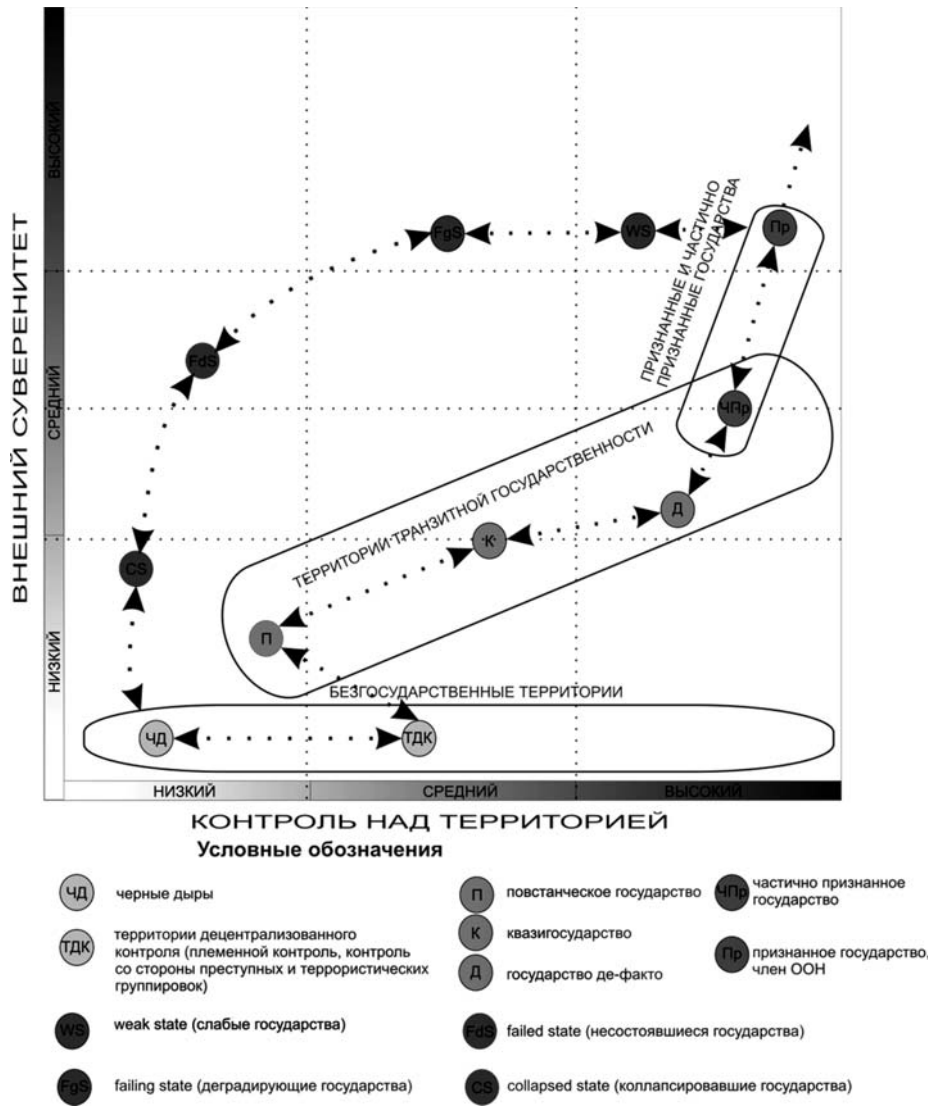
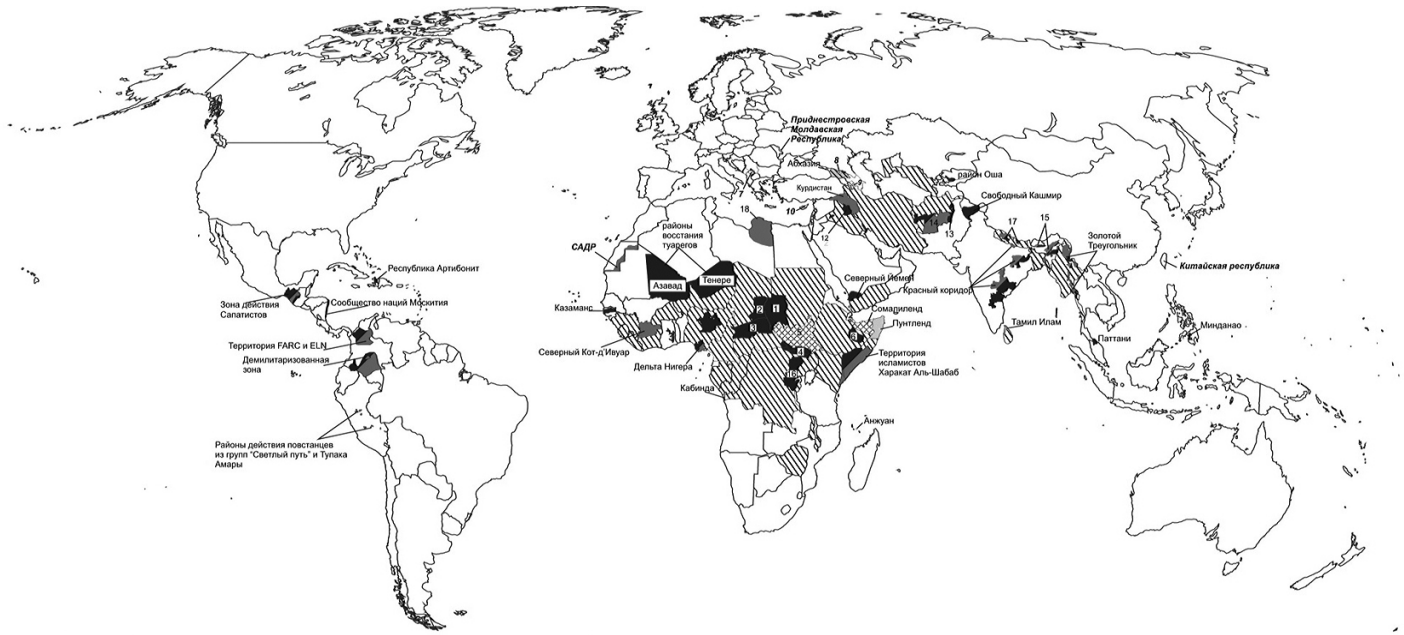


Рис. 1. Возможные направления эволюции неконтролируемых территорий

Для безгосударственных территорий свойственна сильная изменчивость, неустойчивость границ, низкий уровень и мозаичность зон контроля, хотя в некоторые периоды отдельные виды контроля (особенно силовой) могут быть достаточно хорошо выраженными. Безгосударственные территории часто не ставят задачи юридического оформления фактического выхода из состава государства, так как это не способствует достижению локальных целей лидеров (контроля над ресурсами, рентой и пр.), мешает незаконным операциям (торговле наркотиками, оружием, людьми) или же противоречит их идеологии (смена строя и захват власти во *всем* государстве и др.).



Годы образования неконтролируемых территории

- территории децентрализованного контроля и "черные дыры"
- повстанческие государства
- промежуточные типы
- квазигосударства
- государства де-факто
- коллапсировавшие и несостоявшиеся государства (Failed & Collapsed state)

Цифрами на карте обозначены

1. Дарфур
2. Повстанческие районы Чада
3. Повстанческие районы Центрально-Африканской республики
4. Районы, контролируемые Армией сопротивления Господа
5. Южный Судан
6. Огаден
7. ***Республика Косово, долина Пршево, Северное Косово, Северо-Западная Македония***
8. ***Южная Осетия***
9. ***Республика Арцах (Нагорный Карабах)***
10. ***Турецкая Республика Северного Кипра***
11. Южный Ливан
12. Треугольник Смерти и другие повстанческие районы Ирака
13. Исламское государство Вазиристан
14. Пуштуниленд (районы под влиянием Талибана)
15. Сепаратизм в штатах Семь сестер (Трипур, Манипур, Ассам и др.)
16. Конголезская безгосударственная зона (район II Конголезской войны- Запад ДРК, Руанда, Уганда)
17. Свободные зоны Непала (территории под контролем маоистов)
18. Территория под контролем Ливийской оппозиции

Рис. 2. Типы неконтролируемых территорий

Территории транзитной государственности охватывают те части НТ, которые образовались при попытке целевой сецессии или же для захвата власти во всем государстве. В первом случае новые власти ставят своей задачей формирование государственных органов власти создание нового суверенного государства либо вхождение в состав другого государства. Во втором случае неконтролируемая легитимными властями территория используется как опорная база для расширения собственного поля власти, получения необходимых экономических и военных ресурсов.

Повстанческое (самопровозглашенное) государство — пространство, которое объявлено повстанцами территорией (например, государство Ва в Мьянме) или же частью территории будущего государства («компактные революционные зоны», «освобожденные территории», «территории свободы» в отдельных районах Индии и Непала) и над которым осуществляется силовой контроль. При этом повстанцы не способны выполнять основные государственные функции. Политическая ткань повстанческого государства еще не вполне целостна. Наряду с ядрами, где повстанцы пользуются полной властью, имеются переходные зоны, где она неустойчива [McColl, 1969]. Кроме того, в пределах повстанческих государств и особенно на их периферии могут встречаться территории децентрализованного контроля.

Так, в пределах знаменитого индийского «Красного коридора» (см. рис. 2) многие сельские районы контролируются маоистами, а крупные города, полимагистрали и важные промышленные предприятия становятся объектами террористических атак [Repercussions of the Maoist insurgency...]. В последние годы маоисты входили в прямые столкновения с армией и полицией, а в труднодоступных районах (например, Дантеваду штата Чхаттисгарх) создали систему параллельных органов власти и ввели собственные налоги. Индийское правительство вынуждено было увеличить контингент действующих против них отрядов с 60 тыс. до 75 тыс. человек [Repercussions..., 2011]. В то же время основная часть «Красного коридора» не контролируется маоистами на постоянной основе и больше похожа на зону децентрализованного контроля.

Квазигосударство — территория, над которой осуществляется силовой контроль и где повстанческие власти выполняют часть государственных функций. Уровень контроля над территорией — средний. После некоторой стабилизации и закрепления своих позиций повстанческие движения стремятся приобрести легитимность в глазах населения и переходят к налаживанию мирной жизни. Если они ставят задачей захват власти во всем государстве, территория их квазигосударства является еще и элементом наглядной агитации для остальных частей страны. Установление мирной жизни позволяет также получить дополнительный доход от экономической деятельности. Вместе с тем, переход к мирной жизни порой входит в противоречие с получением средств от незаконной деятельности, которая часто приносит более существенные доходы, чем легальная экономика.

Так, в рамках существовавшего до 2009 г. квазигосударства Тамил Илам на севере Шри-Ланки были сформированы квазигосударственные органы власти — правительство, судебная система, полиция, система здравоохранения и образования. Прежняя боевая группировка «Тигры освобождения Тамил-Илама» была превращена в подобие армии, в которой появились даже военно-воздушные и во-

енно-морские силы. Однако качество жизни населения оставалось низким. Квазигосударство было вынуждено использовать рупию Шри-Ланки, почти полностью зависело от поставок продовольствия по контролируемому центральным правительством шоссе [Атлас..., 2010].

Похожие квазигосударственные структуры формируются и в сомалийском Пунтленде, где имеются правительство, президент, парламент и судебная власть. Относительное спокойствие, однако, держится на принадлежности основного числа жителей региона к клану Дарод, а реальные проблемы часто решаются без участия органов государственной власти. Судопроизводство осуществляется на основе народного сомалийского права (*xeer Soomaali*) и шариата. Для установления мира в провинции было решено, что за каждого убитого члена одного из кланов другой клан будет платить 25 тыс. долл. США [Somalia: Puntland Clan Elders Solve Feud...].

Государство де-факто — территория, над которой новыми властями установлен полный контроль. Они выполняют все государственные функции по созданию и распределению благ, но их суверенитет не признан большинством государств. Как правило, правительство таких политий имеет широкую поддержку населения и достаточно прочный экономический фундамент. Государства де-факто обладают стабильной территорией и существуют десятилетиями.

Часть государств де-факто признаны одним (Турецкая Республика Северного Кипра, ТРСК), несколькими (Абхазия и Южная Осетия) или даже многими (Китайская республика, Косово) странами, некоторые не имеют такого признания (Сомалиленд, Республика Арцах, Приднестровская Молдавская Республика и др.). Определенного алгоритма признания не существует, ибо для этого нет нормативных принципов и критериев [Ильин и др., 2010].

Большую роль в жизнеспособности государств де-факто играет внешний фактор — наличие внешнеполитического покровителя. Он, как правило, обеспечивает экономическую поддержку, которая может выражаться в прямой помощи, инвестициях, содействии в экспортно-импортных операциях, гарантированном спросе на продукцию, перепродаже товаров в другие страны и др. (табл. 2). Так, 99% бюджета Южной Осетии и подавляющая часть бюджета Абхазии обеспечивается перечислениями из российского бюджета и внебюджетных фондов [Южная Осетия..., 2010]. Россия — основной покупатель абхазских товаров (80% экспорта) и услуг в сфере рекреации.

ТРСК использует турецкую валюту, а также осуществляет основную часть экспортно-импортных операций через территорию Турции. Более того, Турция последние годы выделяла прямые субсидии органам государственной власти ТРСК. Эти средства в размере около 600 млн долл. (около 15% ее ВВП) шли преимущественно на зарплаты государственным служащим, пенсии, другие социальные расходы.

Китайской республике (Тайвань) значительную помощь, особенно на начальных этапах, оказали США и их союзники. Даже после признания Тайваня в 1979 г. частью КНР США продолжают развивать контакты с этим частично признанным государством. Он по-прежнему пользуется Экспортно-импортным банком финансирования, гарантиями Корпорации частных зарубежных инвестиций (OPIC), статусом нормальных торговых отношений (*NTR*) и прямым доступом на рынки США [Background Note: Taiwan]. Тайвань — член ВТО, АТЭС, Азиатского банка

Таблица 2

Государства де-факто и их особенности

Название государства де-факто	Внешне-политический союзник	Валюта официальная / фактическая	Важнейшие легальные источники бюджета	Международное признание/статус по Ильину, 2009
Китайская республика (Тайвань)	США	Новый тайваньский доллар/ —"—	Электроника, электротехника, информационные технологии	23 государства / фактическое признание
Турецкая республика Северного Кипра	Турция	Турецкая лира/ —"—	Туризм, легкая промышленность, помощь ТРК	1 страна / частичное признание
Республика Арцах (Нагорный Карабах)	Армения	Карабахский драм/ Армянский драм	Помощь Армении	Не признано / минимальное признание
Приднестровская Молдавская республика	Россия	Приднестровский рубль/—"—	Помощь России	Не признано / минимальное признание
Республика Южная Осетия	Россия	Российский рубль/—"—	Помощь России	4 страны / частичное признание
Республика Абхазия	Россия	Апсар / Российский рубль	Помощь России, туризм	4 страны / частичное признание
Республика Косово	США, Евросоюз	Евро	Перечисления гастарбайтеров	75 государств / фактическое признание
Сомалиленд	Эфиопия	Сомалийский шиллинг	Обслуживание эфиопского транзита через порт Бербера продажа скота на экспорт	Не признано / минимальное признание

развития, имеет торговые представительства в 100 странах мира. Главным его торговым партнером в последние годы стал Китай, обеспечивающий 28,9% общего объема торговли и обогнавший по этому показателю Японию и США. Тайвань — единственное непризнанное государство, которое смогло с помощью своих союзников добиться выдающихся успехов в экономике и социальной сфере.

Геополитические союзники часто оказывают также и прямую военную поддержку непризнанным государствам (Россия — Абхазии и Южной Осетии, Турция — ТРСК) или же являются гарантами их безопасности и посредниками в переговорном процессе (США и Евросоюз в Косово, Россия в Приднестровье и Нагорном Карабахе).

Сомалиленду, наиболее устойчивой части Сомали, которая может претендовать на статус государства де-факто, определенную поддержку оказывает Эфиопия, которая сама испытывает серьезные трудности по контролю ряда территорий севера и востока страны (Оромия и Огаден), а значит, остро заинтересована в стабильности северо-восточных и восточных рубежей. Невозможность контактировать с исламистами, которые поддерживают сепаратизм в Огадене, и неспособность переходного правительства Сомали управлять ситуацией в стране вынудили Эфиопию установить связи с относительно дееспособным правительством Сомалиленда. Эфиопия имеет представительство в Харгейсе, признает внутренние паспорта Сомалиленда, а в ноябре 2010 г. даже подписала с его правительством ряд торговых соглашений. Очевидна также заинтересованность Эфиопии в использовании порта Бербера. После признания Эритреи в 1993 г. и потери прямого выхода к морю Эфиопия стремилась к обретению новых возможностей для транзита и преодолению своей зависимости от Джибути. Транзит эфиопских грузов через Берберу стал важным источником валюты для Сомалиленда.

Другими иностранными государствами Сомалиленд рассматривается как важный противовес исламистам на юге Сомали. На сегодняшний день он имеет пять зарубежных представительств и политические контакты с Джибути, Ганой, Кенией, ЮАР и рядом европейских государств [The contacts ...].

Неконтролируемые территории на политической карте мира

НТ располагаются преимущественно в странах, которые сравнительно недавно обрели независимость. Колониальная система управления, построенная параллельно традиционным общественным институтам, трансформировалась в систему органов государственной власти, которая, однако, не смогла укорениться в обществе.

Население многих бывших колоний не имеет развитой национальной (государственной) идентичности, предпочитая иные формы групповой самоиндентификации (с племенем, кланом, уммой и пр.). В этих условиях государство часто становится легальным прикрытием интересов старых клановых институтов, инструментом для контакта с международным сообществом (например, получения гуманитарной помощи).

К другим причинам, способствующим возникновению НТ, следует отнести искусственный характер границ, также доставшийся новым государствам от колониального прошлого. В Африке около 40% государственных границ вообще не демаркированы, 44% проведены по параллелям и меридианам, 30% — по дугообразным и кривым линиям и только 26% — по естественным рубежам, отчасти совпадающим с этническими [Колосов, 2001]. Результатом стал сложный этнический и религиозный состав многих африканских стран. Поликонфессиональность и полиэтничность, развитый трайбализм подрывают возможности управления из единого центра, а при возникновении региональных конфликтов становятся факторами общественной мобилизации, приводящими к формированию новой идентичности. Существенным фактором образования НТ являются бедность, социальное неравенство, сильные межрегиональные различия, большая роль теневой экономики.

Очевидно, что значительная часть НТ располагается вдоль цивилизационных, межконфессиональных разломов. Наиболее остры конфликты на разломе между христианской и мусульманской цивилизациями. Так, в Африке, особенно к югу от Сахары вдоль него протягивается целый пояс НТ. Конфликтный потенциал усиливается появлением радикальных группировок фундаменталистской направленности или построенных на причудливом сочетании мировых религий с местными анимистическими традициями. Наиболее ярким примером здесь служит Армия сопротивления Господа, формальная цель которой — строительство «истинно христианского» государства. Религиозный фактор имеет немалое значение для образования НТ в дельте Нигера, на севере Кот-д'Ивуара, в отдельных районах Эфиопии (Огаден, Оромия, Афария), а также на Юге Судана, который 9 июля 2011 г. должен получить государственный суверенитет. Подобные НТ имеются также в Азии — это целый ряд слабо контролируемых районов в индийских штатах Семи Сестер, многие населенные мусульманами районы Кашмира. Имеются и внутриконфессиональные разломы, которые способствуют возникновению НТ — шиитский юг Ливана, шиитские и суннитские районы Ирака, шиитские районы Йемена и др.

В Южной Америке НТ в основном возникли в период холодной войны. Их образование было в значительной мере связано с противостоянием между социалистической и капиталистической системами. Такое происхождение имеют территории под контролем *FARC* и *ELN* в Колумбии и приграничных районах Венесуэлы, отдельные территории под контролем «Светлого пути» (*Sendero Luminoso*) в Перу.

В распределении различных типов НТ по регионам мира наблюдаются определенные закономерности. Основная часть НТ в Европе и СНГ относится к категории государств де-факто. В Африке и Азии разнообразие типов НТ куда больше. Большая их часть относится к безгосударственным территориям или повстанческим государствам (см. рис. 1 и 2).

* * *

Несовпадение между официальной политической картой мира и фактическим дроблением политического пространства требует дальнейших исследований. Понятия «контроль над территорией» и «НТ» позволяют изучать весь спектр регионов, которые формально находятся под суверенитетом одного из признанных государств, в реальности не контролирующих полностью свою территорию.

Контроль над территорией может осуществлять не только государство, но и племена, кланы, преступные группы, полевые отряды и др. Этот факт позволяет предложить классификации контроля над территорией по видам, территориальному рисунку, времени и другим признакам. НТ совсем не обязательно проходят все теоретически возможные стадии строительства государства. Чем больше опыт государственности и выше уровень легитимации государства в обществе, тем больше вероятность организации власти по государственному типу (практически все НТ в Европе и на постсоветском пространстве). Такие НТ часто образуются в прежних административных границах и образуют жизнеспособные государственные структуры.

Литература

Атлас Le Monde diplomatique 2010 / Греш А. [и др.]. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2010. 222 с.

Заяц Д.В. Территориальные конфликты на современной политической карте мира: Очаги и риски сепаратизма: Дис. ... канд. географ. наук: 11.00.02. М., 1999. 222 с.

Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Мельвиль А.Ю. Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации // Полис. 2010. № 3. С. 26–39.

Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2001. 479 с.

Попов Ф.А. География сецессионизма в современном мире: Дис. ... канд. географ. наук: 25.00.24. М., 2010. 166 с. + Прил. (172 с.)

Попов Ф.А. Политико-географический подход к исследованию сецессионизма // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2009. №1. С. 45–52.

Попов Ф.А. Современный сецессионизм в Африке и Америке // Меняющаяся география зарубежного мира / Под ред. А.С. Фетисова, И.С. Ивановой, И.М. Кузиной. Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 17. М.; Смоленск: Ойкумена, 2007. С. 77–97.

Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Идентичность в системе координат мирового развития // Полис. 2010. № 3. С. 40–59.

Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 494–505.

Фурсов А.И. Терроризм или всемирная война? // Русский исторический журнал. 1999. Т. II. № 2. С. 193–231.

Giddens A. The Nation State and Violence. Cambridge: Polity Press, 1985.

Jackson R.H. Quasi-states: Sovereighty, International Relations and the Third World. Cambridge, 1990.

Jones M., Jones R., Woods M. An introduction to political geography: space, place and politics. L.: Routledge, 2004. 202 p.

Krasner S.D. Sharing Sovereignty: New Institutions for Collapsed and Failing States // International Security. 2004. Vol. 29. No. 2. P. 85–120.

Lamb R.D. Ungoverned Areas and Threats from Safe Havens. Final Report of the Ungoverned Areas Project, prepared for the Office of the Under Secretary of Defense for Policy, 2008 // Center for International and Security Studies at Maryland. URL: http://www.cissm.umd.edu/papers/files/ugash_report_final.pdf.

MacDonald S.B. The New «Bad Guys»: Exploring the Parameters of the Violent New World Order. // Gray Area Phenomena: Confronting the New World Disorder / Ed. by M.G. Manwaring. Boulder: Westview Press, 1993. P. 33–60.

Mann M. The autonomous power of the state: its origins, mechanism and results // European Journal of Sociology. 2004. No. 25. P. 185–213.

McColl R.W. The Insurgent State: Territorial Bases of Revolution // Annals of the American Association of. Geographers. 1969. Vol. 59. No. 4. P. 613–631.

Menkhaus K.J. Constraints and Opportunities in Ungoverned Spaces: The Horn of Africa // Denial of Sanctuary: Understanding Terrorist Safe Havens. / Ed. by M.A. Innes. Westport, CT: Praeger Security International. 2007. P. 67–82.

Murphy A.B. Intersecting Geographies of Institutions and Sovereignty // The International Studies Encyclopedia. Vol. 7 / Robert A. Denemark (ed.). Chichester, West Sussex: Wiley-Blackwell, 2010. P. 4628–4645.

Rabasa A. et al. Ungoverned Territories: Understanding and Reducing Terrorism Risks. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2007. 364 p.

Raufer X. New World Disorder, New Terrorisms: New Threats for Europe and the Western World // The Future of Terrorism / Ed. by M. Taylor & J. Horgan. L.: Frank Cass Publishers, 2000. P. 30–51.

Rotberg R.I. Failed States, Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators // State Failure and State Weakness in a Time of Terror / Ed. by R.I. Rotberg. Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2003. P. 1–25.

Rotberg R.I. When state fail. Pringston: Pringston University Press, 2003. P. 49.

The Globalization of Crime: A transnational Organized Crime Threat Assessment / UNODC. Vienna: UNODC, 2010. P. 303.

Whelan T. Africa's Ungoverned Space. // Nação e Defesa: Instituto de Defesa Nacional. Verão 2006. № 114. 3ª Série. P. 61–73.

Background Note: Taiwan// Electronic Information and Publications of the US Department of State. URL: http://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/35855.htm.

Failed States Index Scores 2010 // Fund for Peace. URL: http://www.fundforpeace.org/web/index.php?option=com_content&task=view&id=452&Itemid=900.

Ibrahim M., Gettleman J. Helicopter Attacks Militant Meeting in Somalia // The New York Times. 2010. September 26. URL: http://www.nytimes.com/2010/09/27/world/africa/27somalia.html?_r=1.

Invisible Children Inc (Официальный сайт некоммерческой организации). URL: http://www.invisiblechildren.com.

List of Non-Self Governing Territories. URL: http://www.un.org/Depts/dpi/decolonization/trust3.htm.

Repercussions of the Maoist insurgency in India // The Citizen. 09.03.2011. URL: http://thecitizen.co.tz/editorial-analysis/20-analysis-opinions/8923-repercussions-of-the-maoist-insurgency-in-india.html.

Somalia: Puntland Clan Elders Solve Feud in Bari Region // AllAfrica.com. 06.12.2009. URL: http://allafrica.com/stories/200912070878.html.

Somalia: the transitional government on life support Crisis Group Africa Report N°170. 2011. February 21. URL: http://www.crisisgroup.org/en/regions/africa/horn-of-africa/somalia/170-somalia-the-transitional-government-on-life-support.aspx.

The contacts and addresses of the Somaliland representative offices around the World // Somaliland Official Website. URL: http://www.somalilandgov.com/contacts.htm.

The failed states index 2010 // Foreign Policy. URL: http://www.foreignpolicy.com/failedstates.

Официальный сайт администрации Пунтленда. URL: http://puntland-gov.net/.

Южная Осетия: бремя признания Доклад Крайсис Групп № 205 Европа. 2010. 7 июня. URL: http://www.crisisgroup.org/~/media/Files/europe/caucasus/georgia/205%20South%20Ossetia%20-%20the%20Burden%20of%20Recognition%20RUSSIAN.ashx.

1. Дайте определение терминам «анклав», «анклавное государство», «эксклав».
2. Поясните разницу между анклавами, полуанклавами и пенеанклавами. Приведите примеры.
3. Что такое парные анклавы? Приведите примеры. Какие еще типы анклавов Вам известны?

Е.Ю. Винокуров

АНКЛАВЫ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ И ПОЛИТИКЕ: ОПЫТ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ*

Определения и критерии

Понятие анклавов существует в истории человечества в течение тысячелетий. В Библии несколько раз упоминается об образовании анклавов (без употребления самого термина). Мадридский Договор 1526 г., возможно, является первым документом, содержащим термин «анклав». В английский язык термин «анклав» вошел достаточно поздно, в 1868 г., будучи заимствованным из французского — языка дипломатов — со смыслом, выведенным из позднелатинского *inclavatus*, означающего «закрытый, запертый» и *clavis* — «ключ». Слово «эксклав» является логическим расширением, созданным 30 лет спустя, соответствующим латинскому *exclavo*. В настоящее время эти слова можно найти в большинстве индоевропейских языков, например, в английском (*enclave, exclave*), немецком (*Enklave, Exklave*), французском, испанском и итальянском (*enclave, exclave*), шведском (*enclav, exclav*) и во многих других. В китайском языке нет особого термина, описывающего анклав, но используется выражение 被包圍領土 (bèi bāo wéi lǐng tǔ) или 被包圍的領土 (bèi bāo wéi dì lǐng tǔ), буквально означающее «окруженная территория».

Термин «анклав» используется достаточно широко. Обычно он употребляется для определения существования инородного фрагмента внутри определенной среды. Очень типично употребление термина в геологии для обозначения существования фрагмента породы. В действительности, просмотрев базы данных научных публикаций, можно обнаружить гораздо больше работ по анклавам в области геологии, нежели в сфере политики. В церковном праве термин традиционно определяет территории одной епархии, окруженные другой, что является далеко не редким случаем. В экономике данным термином называются отрасли промышленности с преобладанием иностранного капитала в рамках нацио-

* *Винокуров Е.Ю.* Анклавы в мировой экономике и политике: опыт последних десятилетий // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 9. С. 83–88.

нальной экономики (такие, как, например, сахарная промышленность в странах Африки и Южной Америки). Он также широко используется в социологии и других общественных науках, означая компактное поселение, значительно отличающееся от окружающей его территории по национальным, политическим, социокультурным или другим характеристикам. Часто можно услышать термины «этнические» или «религиозные» анклавы для описания компактных поселений отдельных этнических или религиозных групп. Эти поселения, от китайских кварталов до гетто, являются важным объектом изучения структуры городов. Термин используется также в военном деле, в сельском хозяйстве и в процессе межевания земель, в промышленности. Закончим тем, что слово «анклав» широко используется в художественной литературе и в бытовой речи для характеристики состояния изолированности предмета, группы или какого-либо явления от окружающего мира.

Территориальные анклавы, а также анклавность и эксклавность территории как в политическом, так и в экономическом смысле представляют собой главные объекты исследования данной монографии. Именно поэтому я предпочитаю отход от узкого определения, принятого в международном праве, рассматривающем анклавы как окруженные сушей территории, отделенные от основной части страны, так как данное определение включает в себя только так называемые «полные анклавы», не принимая во внимание широкий ряд случаев со сходными политическими и экономическими характеристиками. Например, в рамки исследования включены полуанклавы (регионы, имеющие доступ к морю). Данное исследование анклавов скорее фокусируется на людях и их жизни, нежели на чисто правовых нормах и географических конфигурациях. Хотя ряд правовых проблем, конечно, обсуждается, главный интерес для исследования преимущественно составляют сферы экономики и политики.

Переходя к определению термина «анклав», следует помнить о том, что существует много типов территорий, которые можно классифицировать как таковые. Не признавать этого — значит сражаться с ветряными мельницами. Большую пользу принесет выработка подробной внутренней градации. Начну с некоторых основных определений.

Анклав является частью территории государства, окруженной территорией другого государства. Части государства, *полностью* окруженные другой страной, называются «полными анклавами».

Понятие территории включает в себя как сухопутную территорию, так и территориальные воды. В том случае, когда анклавы находятся в территориальных водах, они называются морскими (если окружены территориальным морем) или озерными (если окружены озером). В настоящее время существуют три таких островных анклава: два малавийских, находящихся в территориальных водах Мозамбика в озере Ньяса, и аргентинский остров Мартин Гарсиа, находящийся в территориальных водах Уругвая в Рио де ла Плата. Французские острова Сен-Пьер и Микелон, отстоящие от Ньюфаундленда в 12-мильной зоне Канады, в 1992 г. получили доступ к открытому морю по решению Международного арбитражного суда.

Представлены два дополнительных понятия. *Материнское государство* — государство, частью которого является анклав. В литературе также используются термины «центральное государство» и «домашнее государство». *Окружающее государ-*

ство, как видно из формулировки, это государство, которое окружает анклав, но которому анклав не принадлежит. В литературе используются и другие термины: «государство-хозяин» и «соседнее государство».

Решающим критерием для отнесения к анклавам является суверенитет над определенной территорией. Именно поэтому территории, контролируемые международными организациями, не могут считаться анклавами. Данное явление, само по себе не новое, было широко распространено в 1990-х годах в рамках деятельности ООН, например, безопасные зоны в Боснии и Герцеговине (Бихач, Сребреница и Жепа), а также Косово. Хотя ООН управляло безопасными зонами временно, передачи суверенитета не происходило.

Если территория связана с остальной страной единственной точкой, она также будет считаться анклавом. Соединение в единственной точке не имеет никакого практического значения. Человек не может попасть в страну через эту единственную точку, также через нее невозможно транспортировать товары. Невозможно даже проложить там телефонную линию. Австрийский муниципалитет Юнгхольц, расположенный к юго-востоку от немецкого города Кемптена, является одним из примеров. Он почти полностью окружен немецкой территорией, за исключением единственной точки на вершине горы Зоргшрофенс, которой Юнгхольц связан с основной частью страны. Два других соединения такого рода существуют в Куч Бехаре. Кроме этого, один такой случай наблюдается в анклавных комплексах Баарле, где два анклава связаны друг с другом лишь единственной точкой. Они также будут рассматриваться как отдельные единицы.

Полуанклав — это часть государства, окруженная территорией другого государства на суше, но имеющая выход к морю. Анклавы такого типа также называют *прибрежными анклавами* для отличия их от полных анклавов.

Пенеанклавы — это территории, которые хотя и не отделены от основной территории государства, но практически достижимы только при пересечении окружающего государства. Префикс пене- происходит от латинского *paene*, означающего «почти». Пенеанклавы соединены с основной территорией практически непроходимой полосой. Большинство из них расположено в горах. В таких случаях попасть на территорию пенеанклава возможно только через территорию окружающего государства. Причиной для рассмотрения пенеанклавов, хотя они и не являются реальными анклавами, является схожесть их проблематики с другими типами анклавов. Соединение с материнским государством в принципе можно установить путем строительства горной дороги или туннеля, что может лишить территорию ее анклавности, как это произошло в Испании (Валь Д'Аран) и Швейцарии (Самнаун).

Возможен вопрос: нужен ли термин «эксклав» вообще, ведь уже есть более употребительный термин «анклав». Представляется, что этот термин необходим по нескольким причинам. Первое: существуют регионы, представляющие собой «чистые эксклавы». *Чистый эксклав* — это регион, который, будучи отделенным от основной территории, окружен более чем одним государством. Таким образом, чистый эксклав не является анклавом относительно других государств, но является эксклавом относительно основной территории страны. Специфичных для анклавов проблем, исходящих из окруженности одним государством, в таких случаях может быть меньше (хотя это и не обязательно), но проблемы эксклавов из-за изоляции от материнского государства остаются. В этом отношении особенно интере-

сна Калининградская область. Она технически подпадает под определение чистого эксклава, так как она граничит с двумя странами, Польшей и Литвой. С другой стороны, оба государства — члены ЕС, так что о Калининградской области можно говорить как о полуанклаве ЕС. Эта точка зрения подкрепляется тем фактом, что специфичные для анклава проблемы передвижения людей и товаров находятся в компетенции ЕС. В целом этот термин логически обоснован, если смотреть со стороны материнского государства.

В большинстве случаев (полные анклавы, прибрежные анклавы, пенеанклавы, за исключением чистых эксклавов) один и тот же регион представляет собой анклав относительно окружающего государства и эксклав относительно материнского государства. Употребление того или другого термина будет зависеть от того, какой аспект отношения анклава к внешнему миру рассматривается в данный момент. В случаях, когда такое разделение не является значительным, используется более употребительный термин «анклав».

Существует три типа эксклавов. Во-первых, большое количество эксклавов одновременно является анклавами по отношению к государству, окружающему их (тип 2-1 (см. типологию ниже), например, Бюзинген, Кампионе и тип 2-4, пенеанклавы). Во-вторых, существуют эксклавы, которые одновременно являются полуанклавами (тип 2-2, например, Гибралтар, Гонконг). И, в-третьих, это чистые эксклавы, т.е. территории, окруженные более чем одним иностранным государством и, следовательно, не являющиеся анклавами по отношению к ним (тип 2-3, например, Нахичевань, Кабинда). Чистые эксклавы могут иметь или не иметь доступа к морю. Решающим фактором в определении их статуса является отделенность от основной территории материнского государства на суше.

Нам также необходимо более глубоко рассмотреть взаимоотношения между материнским государством и эксклавом. Наличие таких отношений является очевидными в абсолютном большинстве случаев, так как определить, какая из двух частей является материнским государством, а какая — его эксклавом, не сложно. Однако есть несколько теоретических возможностей, которые делают ответ менее однозначным, чем он кажется на первый взгляд. Допустим, что часть, которую мы условно определяем как эксклав, может быть больше по территории или по численности населения, чем основная. Что тогда будет являться решающим критерием, чтобы определить, какая часть является материнским государством и какая — эксклавом? Существуют три теоретически возможных критерия: во-первых, расположение столицы, во-вторых, относительный размер территорий, и, в-третьих, относительная численность населения. Мы предпочитаем следовать конвенции международного права и определять ту часть, где расположена столица, в качестве материнского государства безотносительно к численности населения и протяженности территории. Основной причиной является концентрация государственной власти в столице. Как уже было отмечено, такие вызывающие сомнения случаи являются редкими. Однако они могут появляться. Например, Восточный Бенгал, где проживало более половины населения страны, являвшийся эксклавом Пакистана с момента создания государства в 1947 г. и до объявления его независимости в 1971 г. Так как столица государства была расположена в западной части и властные полномочия сосредотачивались

именно там, западная часть государства рассматривается как материнское государство по отношению к Восточному Бенгалу.

Анклавы, полуанклавы и эксклавы, о которых было написано выше, являются частью территории независимых государств. Также существуют независимые государства, окруженные другим независимым государством. Для того чтобы отличать такие государства от несуверенных анклавных регионов, они называются далее «анклавными государствами» и «государствами-полуанклавами». *Анклавное государство* — это государство, полностью окруженное территорией другого государства. В настоящее время насчитывается три таких государства: Лесото, Сан-Марино и Ватикан. Свободные порты с прямым доступом к международным водам не являются анклавами, потому что они не обладают характеристикой включенности. Образование свободных портов, однако, не влечет за собой передачи суверенитета, а только его частичное ограничение. Это также распространяется на экстерриториальную собственность, такую, как здания посольств. Дополнительная путаница является результатом того, что государства, не имеющие доступа к морю (*land-locked states*) иногда называют «анклавными странами». В настоящее время в мире существует 42 таких страны. Две из них, Узбекистан и Лихтенштейн, могут получить доступ к морю только при пересечении двух других государств в любом направлении.

Полуанклавное государство — это государство, окруженное сухопутной территорией другого государства, но имеющее морскую границу. В то время как ситуация относительно анклавного государства вполне ясна, статус полуанклавного государства может быть противоречивым. Мы начинаем с качественного представления о том, что анклавы характеризуются окруженностью иностранной территорией. Понятие анклавности является ключевым для определения анклава. Оно означает то, что включенность в территорию другого государства — его определяющая характеристика. Далее я применяю понятие *анклавности* для объяснения сугубо анклавной включенности. Такие случаи, как Лесото или Сан-Марино, являются очевидными примерами этого, так как эти анклавы полностью окружены другим государством. Однако ситуация становится менее ясной в отношении полуанклавов. Устраняет ли обладание выходом к морю анклавность этих государств? Формально Португалия, Дания и Канада также граничат только с одним иностранным государством, но они не являются окруженными в географическом, политическом или экономическом плане и имеют обширный доступ к международным водам. Можно ли утверждать, что Канада «окружена» США, а Дания «окружена» ФРГ? Очевидно, нет. В то же время существуют государства, которые, обладая выходом к морю, все же являются окруженными территориями иностранного государства. В качестве примера этому может выступать Гамбия. Хотя она имеет береговую линию, ее протяженность является минимальной по сравнению с сухопутной границей с Сенегалом: 80 и 740 км соответственно. Достаточно очевидно, что такое географическое положение будет иметь глубокие экономические и политические последствия для двусторонних отношений этих стран, так же как и для внутреннего развития Гамбии. Если мы будем узко интерпретировать понятие анклавности, то такие государства, как Гамбия или Монако, не являются анклавами в буквальном смысле слова. В действительности, однако, они все же являются анклавными, инкапсулированными и окруженными государствами. Мы

видим, что критерий окруженности инородной территорией является ключевым для определения анклава. Этот критерий — качественный. Как таковой, применять его сложно. Чтобы сделать его применение возможным, мы вводим количественный критерий: сухопутная граница должна быть протяженнее, чем береговая линия.

Количественный критерий для суверенных полуанклавов можно выразить в следующем соотношении:

$$L_с/L_м > 1,$$

где $L_с$ — длина сухопутной границы, а $L_м$ — длина морской границы.

Следовательно, государство классифицируется как суверенный полуанклав, если оно граничит только с одним государством, и его сухопутная граница является более протяженной, чем морская. Этот дополнительный критерий вполне соответствует интуитивному пониманию. В соответствии с этим принципом, Восточный Тимор, Ирландия, Португалия, Дания и Канада исключаются из перечня. С другой стороны, Монако, Бруней и Гамбия включены в него.

Никакого подобного количественного критерия не нужно для определения рамок несуверенных полуанклавов/эксклавов и чистых эксклавов. Для классификации будет достаточно только понятия эксклавности в буквальном смысле. Не касаясь отношения сухопутная граница/морская граница мы классифицируем территории как анклавы/эксклавы определенного типа. Например, сухопутная граница Дубровника (Хорватия) значительно короче, чем его морская граница. Тем не менее, Дубровник определяется как чистый эксклав. Достаточно того факта, что такие территории отделены от соответствующих материнских государств.

Дополнительные классификации

В мировой истории было четыре крупных волны создания анклавов. Первая волна вызвана особенностями довестфальского государственного построения в Европе. Государственность определялась не территорией, а феодалом. Это сделало возможным формирование «лоскутных государств» посредством покупки, наследования, ведения войн, пожертвований церкви и т.д. Существовали сотни и тысячи территориальных анклавов и эксклавов, основанных на владениях определенного феодала или правящей династии/фамилии. В Европе национальные государства начали возникать вследствие консолидации территории. Этот процесс устранил большинство довестфальских анклавов. Некоторые, однако, сохранились либо как несуверенные анклавы (Баарле, Бюзинген, Льивия и т.д.), либо как анклавные государства (Монако, Сан-Марино, Ватикан).

Вторая волна связана с формированием рядом европейских государств — Испанией, Португалией, Францией, Британией, Нидерландами, а позднее и Германией — колониальных империй. Формально большинство заморских колоний (те, которые не были расположены на острове или островах) с XVI по XX в. могут рассматриваться как эксклавы по отношению к своим *метрополиям*, центрам соответствующих империй. Большая часть второй волны анклавов исчезла с карты

мира вместе с падением колониальной системы. Некоторые сохранились: Сеута и Мелилья представляют собой примеры таких анклавов.

Третья волна напрямую порождена процессом распада колониальных империй Европы. Во-первых, к ней относятся эксклавы европейских государств, возникшие на руинах этих империй. Во-вторых, это независимые анклавные государства и несуверенные анклавы, которые появились в процессе установления границ между бывшими колониями. Суверенные Лесото, Бруней и Гамбия и несуверенные Куч Бехар и Тембуронг — классические примеры данного типа.

Распад постсоциалистических многонациональных государств, главным образом Советского Союза, послужил причиной возникновения четвертой волны образования анклавов. Около двадцати из них появились на карте в 1990–1991 гг. Абсолютное большинство возникло в 1991 г.; лишь Калининградская область стала эксклавом уже к 1990 г., так как Литва объявила о своей независимости. Распад другого постсоциалистического многонационального государства, Югославии, привел к появлению анклава Саставчи и эксклава Дубровник.

Анклавы третьей и четвертой волны, т.е. современного постколониального мира национальных государств, находятся в фокусе данного исследования. Проводится грань между колониальными и постколониальными анклавами. Некоторые постколониальные анклавы возникли, как только были построены колониальные империи Европы. Однако с течением времени они потеряли свой колониальный статус (или никогда полностью не являлись колониями). По этой причине они рассматриваются как составная часть соответствующего государства, а не как зависимая территория. Часть из них не считалась колониями с самого начала, так как они были населены нациями материнского государства. Например, население Сеуты и Мелильи всегда было преимущественно испанским, а не марокканским.

В мировой истории существуют сотни анклавов. Собрать информацию обо всех не представляется возможным. Тем не менее, исторический анализ является важным и необходимым. История дает нам возможность рассмотреть законченные случаи, т.е. изучить весь путь анклава от его возникновения до исчезновения. Это похоже на полную биографию человека, которая может быть написана только после его смерти (с тем отличием, что у анклавов есть «жизнь после смерти»: переставая быть анклавами, они продолжают существовать как обычные регионы). История предоставляет нам бесценный материал для анализа, который впоследствии мы можем применить к существующим анклавам. В каждой категории я разбираю несколько исторических случаев, которые либо являются типичными, либо имеют значительную историческую важность. Теория анклавов и эксклавов не может считаться полной без рассмотрения Гонконга, Макао, Западного Берлина или Восточной Пруссии.

Другим важным критерием классификации является то, включает ли теория только анклавы де-юре или также анклавы де-факто. В нескольких случаях анклав не был признан формально, хотя де-факто он существовал на протяжении долгого периода времени. В таких случаях большое значение имеет фактическая сторона вопроса, заключающаяся в том, действовала ли эта территория как анклав/эксклав в политической и экономической жизни. Вместо того чтобы придерживаться формальных правил международного права, фокусом данного исследования сделаны жители анклава. С этой точки зрения фактическая анклавность в плане политиче-

ских отношений с окружающим государством и основной частью страны является решающим фактором, ведущим к признанию региона анклавом. Это утверждение можно проиллюстрировать двумя следующими примерами. Макао никогда официально не признавался Китаем как территория Португалии, так как он был сдан ей в аренду. В последние десятилетия его существования Португалия также не настаивала на своей власти над анклавом. Однако де-факто Макао существовал как эксклав Португалии на побережье Китая более четырех столетий. Германская Демократическая Республика и Федеративная Республика Германия не признавались как государства до 1949 г. Даже после этого ФРГ не признавала ГДР до конца 1960-х годов и наоборот. Тем не менее, Западный Берлин являлся анклавом внутри советской оккупационной зоны с 1945 по 1949 г. После 1949 г. он был признан эксклавом ФРГ внутри ГДР, несмотря на отсутствие официального признания последнего ГДР.

Возможна и противоположная ситуация, когда анклав до сих пор признается де-юре, но перестал существовать де-факто. Таковым является случай с Нагорным Карабахом и несколькими небольшими анклавами Армении в Азербайджане и Азербайджана в Армении. Существование таких анклавов будет признано с той оговоркой, что эти анклавы практически не функционируют как таковые. Это является, по крайней мере, одной из дополнительных причин в добавление к официальному международному праву для включения таких анклавов в сферу рассмотрения. Их уязвимый статус также может стать причиной возвращения их реального анклавного статуса в будущем.

Основная типология территориальных анклавов

Следующая дихотомия анклавов и эксклавов объединяет в себе правовой критерий на первом уровне с географическим критерием на более низком уровне. Первый уровень дихотомизации является правовым: территории первично делятся на суверенные государства, международные анклавы и субнациональные анклавы. Потом мы переходим к более низкому уровню, рассматривая, в первую очередь, критерий практической (не)возможности доступа. Хотя книга посвящена несуверенным анклавам, в целях более полного освещения проблемы мы приводим данные по анклавным государствам.

Перечень анклавов по их типу

Сведения о территории и населении даны на 2003 г. Для исторических случаев в таблицах указаны последние годы существования анклава. Например, информация о Гонконге дана на 1996 г. и о Макао на 1998 г.

Перечень существующих анклавов практически исчерпывающий. Напротив, перечень бывших анклавов весьма обширен, но не является исчерпывающим. Более того, возможны различные точки зрения на спорные вопросы, особенно по тем анклавам, которые уже перестали существовать. В таблице и далее в тексте будут присутствовать следующие аббревиатуры (в скобках даны английские аббревиатуры в схемах и картах): а (*E*) — анклав и/или эксклав; АГ (*ES*) — анклавное государство; М (*M*) — материнское государство или основная территория страны; О (*S*) — окружающее государство.

Анклавные государства

Таблица 1

Анклавные государства (тип 1-1)

Анклавные государства	Год создания	Население, тыс. чел.	Территория, км²	Окружающее государство
Королевство Лесото	1 996	1 865	30 555	Южная Африка
Сан-Марино	301	28,5	61,2	Италия
Ватикан	1 929	0,92	0,44	Италия

Таблица 2

Государства-полуанклавы (тип 1-2)

Анклав	Год создания	Население, тыс. чел.	Территория, км²	Окружающее государство
Бруней	1 984	365,8	5 570	Малайзия
Гамбия	1 965	1 546,8	11 300	Сенегал
Монако*	1 419	32,3	1,96	Франция

* Монако стало суверенным полуанклавом после присоединения Савойи к Франции.

Полные анклавы

Тип 2-1: полные анклавы (несуверенные анклавы/эксклавы). Часть территории государства, полностью окруженная территорией другого государства.

Как уже было показано при описании анклава, если территория связана с остальной частью страны единственной точкой, эта часть будет рассматриваться как анклав. Кроме того, два анклава, соединенные друг с другом одной такой точкой, будут рассматриваться как отдельные объекты.

Таблица 3

Полные анклавы (несуверенные анклавы/эксклавы)

Анклав	Годы существования	Население, тыс. чел.	Территория, км²	М	О
Арцвашен	1991 — аннексия Азербайджаном	—	—	Армения	Азербайджан
5 азербайджанских анклавов в Армении (Бархударлы, Кьярки, два безымянных анклава к югу от Татлы*, Верхняя Аскипара)	1991 — аннексия Арменией	—	0,06–0,12	Азербайджан	Армения
Анклавный комплекс Баарле: 22 Баарле-Хертог, 8 Баарле-Нассау	1198	 2,2 0,13	 2,34 0,15	 Бельгия Нидерланды	 Нидерланды Бельгия

Продолжение табл. 3

Анклав	Годы существования	Население, тыс. чел.	Территория, км²	М	О
Барак	1991	0,6	—	Кыргызстан	Узбекистан
Бюзинген	1465–1771 Австрия (1661–1698 Швейцария), с 1771 Германия	1,5	7,6	Германия	Швейцария
Кампионе	1512 –	3	1,7	Италия	Швейцария
Острова Чисумулу и Ликома	1953 –	8,1	18	Малави	Мозамбик
Анклавный комплекс Куч Бехар: 106 индийских анклавов, 92 бангладешских анклава	1713 –	30 25	69,7 49,7	Индия Бангладеш	Бангладеш Индия
Электростанция Декелия (2 анклава), Ормидия, Ксилотимбу**	1960 –	две деревни	—		
Джангайл	1991	—	—	Узбекистан	Кыргызстан
о-в Мартин Гарсия	XIX в., соглашение 1973 г.	0,2	2	Аргентина	Уругвай
Юнгхольц	1368 (пограничное соглашение 1844 г.) (был присоединен к Германии в 1938–1945)	—	—	Австрия	Германия
Карагач	1991 –	—	1	Таджикистан	Кыргызстан
Лливия	1660 – (1797–1815 Франция)	1,2	12,84	Испания	Франция
Мадха	1969 –		75	Оман	ОАЭ
Нагорный Карабах	1991 – (де-факто независим)	200	4400	Армения	Азербайджан
Нахва	1971 –	1	Несколько км²	ОАЭ	Оман

Продолжение табл. 3

Анклав	Годы существования	Население, тыс. чел.	Территория, км²	М	О
Саньково-Медвежье	1991 –	0	4,5	Россия	Белоруссия
Сарваксой	1991 –	—	8	Таджикистан	Узбекистан
Саставчи***	1991 –	0,27	4	Босния и Герцеговина	Сербия
Шахимардан	1991 –	—	—	Узбекистан	Кыргызстан
Сох	1991 –	40	236	Узбекистан	Кыргызстан
Ворух	1991 –	23–29	97	Таджикистан	Кыргызстан
6, затем 5 анклавов анклавного комплекса Феннбан	1922 – (с 1956 только 5)	—	—	Германия	Бельгия
Бывшие					
Венессэн и Авиньон	1349–1791	–	–	Папский домен	Франция
Дархен и другие	1640–1959	1–10	—	Бутан	Тибет (Китай)
Добта и Чумби	?–1959	1	—	Сикким	Китай
Несколько анклавов Восточного Берлина в Западном Берлине	1945–1972, – 1988, – 1990			ГДР	ФРГ
Французские анклавы в Индии	–1949, 1950, 1954	526		Франция	Индия (до 1947 Британская империя)
Коулун	1842–1993	1,7 (1898) 50 (1980)	0,026	Китай	Великобритания (Гонконг)
Гора Скопус	1949–1967		1	Израиль	Иордания
5 португальских анклавов в Индии	Середина XVI в. — 1954 (1961)	40	480 (Дарда), 7,4 (Нагар Авели)	Португалия	Индия
Погири	1990–1996	0,003	1,69	Литва	Белоруссия
Сен-Пьер и Микелон	1763–1992	7	242	Франция	Канада
Сао Жоао Баптисто де Ахуда	1680–1960	маленький гарнизон	0,01	Португалия	Дагомея, (Франция), Дагомея (Бенин)

Окончание табл. 3

Анклав	Годы существования	Население, тыс. чел.	Территория, км²	М	О
6 анклавов Ширгисвальде	1635–1845	3 (деревня Ширгисвальде)	5 (деревня Ширгисвальде)	Австрия	Саксония
12 анклавов Западного Берлина в Восточном Берлине, в том числе Штайнштюкен	1945–1972, – 1988, – 1990	от 0 до 0,19		ФРГ	ГДР
Ференахоф	?–1967	0,01	0,3	Германия	Швейцария
Западный Берлин	1945–1990	2200	480	ФРГ	ГДР

Примечания:

* Эти безымянные анклавы расположены на расстоянии 750 м и 1500 м к юго-западу от азербайджанского города Татлы. Они расположены на западном берегу реки Акхумо и представляют собой участки земли примерно 300 x 400 и 300 x 200 м, отведененные под сельское хозяйство. Анклавы были аннексированы Арменией так же, как Бархударлы, Кьярки и Верхняя Аскипара (Whyte, 2002, 2nd print, addenda: 1).

** Ормидия и Ксилотимбу являются киприотскими деревнями, окруженными территорией британской суверенной базы Декелия. Киприотская электростанция Декелия разделена британской дорогой на две части. Северная часть является чистым анклавом, а южная лежит у моря, поэтому является полуанклавом. Однако южная часть выходит на море, представляющее собой территориальные воды британской суверенной базы.

*** Анклав Саставчи расположен на южном берегу реки Лим. В переговорах насчет границ между Сербией и Боснией и Герцоговиной в 2001–2002 гг. тема анклава была затронута. Босния предложила создать коридор к анклаву, а Сербия — передать ей под контроль всю территорию южного берега реки Лим.

Прибрежные анклавы (полуанклавы). Тип 2-2

Таблица 4

Полуанклавы (прибрежные анклавы) (тип 2-2)

Полуанклавы	Годы существования	Население, тыс. чел.	Территория, км²	М	О
Аляска	1867 –	643,8	1 056 393	США	Канада
Сеута	(1668) 1956	72	19,5	Испания	Марокко
Эренкой/Коккина	1974 –	1	—	Турция	Кипр
Гибралтар	1713 –	28	6,5	Великобритания	Испания
Мелилья	(1497) 1956	69	12,5	Испания	Марокко
полуостров Мусандам	1969 –	35	1 800	Оман	ОАЭ

Окончание табл.4

Полуанклавы	Годы существования	Население, тыс. чел.	Территория, км²	М	О
Окусси-Амбено	1999 –	50	17 000	Восточный Тимор	Индонезия
6 испанских микроанклавов	1508 – XIX век–	0 или незначительное	0,15, 0,04, 0,01, 0,06	Испания	Марокко
Тембуронг	1890 –	9	1306	Бруней	Малайзия
2 британские суверенные базы (также тип 2-3)	1960 –	7 киприотов + 7,8 британцев	250,9 (121,6 + 129,3)	Великобритания	Кипр
Бывшие					
Колон	1903–1950	—	—	Панама	США (зона Панамского канала)
Гвадар	1784–1958	—	795	Оман	Брит. Индия, с 1947 Пакистан
Гонконг	1841 (1860, 1898)–1997	6803,1	1102,2	Великобритания	Китай
Ифни	1859–1969	—	1502	Испания	Марокко
Кванг-Чоу-Ван	1898–1949	100	780	Франция	Китай
Квантунг	1895–1945	100	—	Россия, Япония	Китай
Макао	1557–1999	429,2	25,4	Португалия	Китай
Зона Панамского канала	1903–1999	44,2 (1989), включая 3 тыс. граждан США	1432	США	Панама
Чингдао	1897–1945	100	–	Германия, Япония	Китай
Уолвис Бэй	?1978–1994	46	1124	Ю. Африка	Намибия
Вейхайвей	1898–1930	100	740	Великобритания	Китай
Задар (Зара)	1920–1947 (1944)			Италия	Хорватия

Чистые анклавы

Тип 2-3. Чистый эксклав — это несуверенный регион, отделенный от основной территории страны и окруженный более чем одним государством (т.е. не являющийся анклавом).

Таблица 5

Чистые эксклавы (тип 2-3)*

Эксклавы	Время существования	Население, тыс. чел.	Территория, км²	М	О
Кабинда	1885 (с 1975 принадлежит Анголе)	300	7 283	Ангола	Заир и Конго
Дубровник**	1991–	122,9	1 782	Хорватия	Босния и Герцоговина, Сербия-Черногория
Калининград***	1990–	946	15 100	СССР, Россия	Польша, Литва
Нахичевань	1991–	310 (1990 г.); 200 (2000 г.)	5 500	Азербайджан	Иран, Армения, Турция
Стровилия	1974	0,018	—	Кипр	Турецкий Кипр, британская суверенная база
Бывшие					
Восточный Пакистан	1947–1971	67 400 (1970 г.)	144 000	Пакистан	Индия, Французский Индокитай
Восточная Пруссия	1919–1939	2300	40 000	Германия	Польша, Литва
Сирия	1958–1961	—	185 180	Объединенная Арабская Республика	Турция, Ирак, Ливан, Израиль, Иордания

Примечания:

* Сектор Газа, так же как анклавы в пределах Газы и Западного Берега, не рассматриваются в работе, так как Палестина официально не является государством. Когда Палестина станет государством де-юре, Газа станет самым населенным эксклавом в мире с населением более 1,3 млн человек.

** Информация о Дубровнике-Неретве в целом.

*** Формально Калининградская область является чистым эксклавом, соответствующим типу 2-3. По-существу, область с 2004 г. можно считать полуанклавом Европейского Союза (тип 2-2).

Пенеанклавы. Тип 2-4

Пенеанклавы, как правило, возникают в горах (Альпы, Пиренеи) или в других труднодоступных районах. Пенеанклавы сходны с другими анклавами по своим характеристикам и проблемам, по этой причине мы и рассматриваем их в настоящей работе. Несмотря на то, что эти субъекты не являются настоящими анклавами, так как не полностью отделены от основной территории страны, достичь их можно только через территорию окружающего государства. Вместе с тем, пенеанклавы могут перестать существовать как таковые, если будет построена горная железная дорога или туннель, что обычно связано с большими затратами, особенно если принять во внимание малый размер пенеанклавов. Известно несколько таких случаев, например, строительство горной дороги в Самнаун в 1908–1912 гг. и сооружение туннеля в Валь Д'Аран в 1947 г.

Таблица 6

Пенеанклавы

Пенеанклавы	Годы существования	Население, тыс. чел	Территория, км^2	М	О	Примечания
Кляйнвальзерталь	XIV в.	4,9	96	Австрия	Германия	Можно добраться только дорогой из Германии
Ливиньо	—	—	—	Италия	Швейцария	В течение зимы доступен только по дороге через территорию Швейцарии
Пойнт Робертс	1846–	1,2	10,5	США	Канада	Отделен морем
Ос де Сивис	—	—	—	Испания	Андорра	Гора Конфлент препятствует сообщению с материнским государством. Можно добраться только дорогой из Андорры
Бывшие						
Йештеттен				Германия	Швейцария	Соединен с Германией дорогой
Самнаун	–1912	0,3 (2003)	—	Швейцария	Австрия	Построена дорога
Валь Д'Аран	–1978	701 (1996)	620,5	Испания	Франция	Построен туннель
Канадский Юкон	–1940	—	—	Канада	США	Магистраль на Аляске

В Кляйневальзертале в 2003 г. насчитывалось 4947 жителей, живущих в горной долине площадью 96 км^2. В равнинную местность Австрийского Ворарльберга можно было добраться только дорогой из Оберхофа, Бавария. Отсутствие дорож-

ного сообщения с Австрией стало причиной того, что Кляйнвальзерталь перестал быть австрийской приграничной территорией в 1891 году. Позже Кляйнвальзерталь стал частью немецкой таможенной территории. Такой анклав экономически более зависим от окружающего государства (Германии), чем от материнского государства (Австрии). В австрийском Кляйнвальзертале до введения евро в 2002 г. использовались немецкие марки. Основным сектором экономики является туризм, вытеснивший сельское хозяйство.

Еще один пример существования пенеанклава в Альпах — Самнаун. В эту швейцарскую деревню можно было добраться только через территорию Австрии. В 1892 г. Самнаун был исключен из швейцарской таможенной территории. Исключение осталось в силе даже после строительства дороги в долину Энгадин в 1907–1912 гг. Оно действительно и по сей день, несмотря на то, что имеется прямая дорога до Швейцарии. Интересен тот факт, что жители Самнауна говорят не на швейцарском немецком, а на баварско-тирольском диалекте.

Испанский Валь Д'Аран был оторван от территории материнского государства в течение нескольких месяцев в году до тех пор, пока в 1948 г. не было завершено строительство горного туннеля. Валь Д'Аран является графством (комаркой) в Каталонии и представляет из себя горную долину территорией в 620,5 км^2 с населением более 7 тыс. человек. Изоляция Валь Д'Арана давала возможность испанским партизанам-республиканцам контролировать эту местность в конце Второй мировой войны в течение трех лет вплоть до открытия туннеля, позволившего перебросить войска.

Так же пенеанклавом является американский Пойнт Робертс, граничащий с Канадой. Пойнт Робертс — городок в штате Вашингтон — полуостров, отрезанный от основной территории США. Причина возникновения Пойнт Робертса как анклава состоит в том, что он лежит ниже 49-й параллели — широты, по которой проходит граница Канады и США. Эти пенеанклавы получили свой нынешний статус в 1846 г. Территориальные воды между материнской страной и Пойнт Робертсом находятся под суверенитетом США. Особенность расположения Пойнт Робертса в том, что он находится в непосредственной близости от Ванкувера, дорога от пенеанклава до центра города занимает всего полчаса на машине. Чтобы добраться до ближайшего американского города с развитой инфраструктурой, требуется около часа езды.

Совсем не обязательно, чтобы пенеанклав был отделен от основной территории государства горами или водоемами. Существует исторический пример того, что пенеанклав может образоваться из-за сурового климата и огромных расстояний. До того, как в 1940-х годах на Аляске построили магистраль, канадская часть Юкона была доступна только через территорию Аляски. Все доступные пути (пешком через Чилкутский перевал, на лодке по реке Юкон или железнодорожными путями по Белому перевалу) создавались на территории США. Из 775 мужчин и женщин с 4 тыс. лошадей, первыми прошедших эту дорогу во время Золотой лихорадки, только 160 человек добрались живыми до Клондайка.

Большинство пенеанклавов могут быть соединены с основной территорией государства дорогой или туннелем, вопрос лишь в соотношении очень высоких затрат на такие проекты с относительно малой численностью населения. Самнаун перестал быть пенеанклавом, когда в начале XX в. построили дорогу в долину Энгадин. Валь Д'Аран также перестал быть пенеанклавом в 1948 г., когда построили туннель, соединяющий долину и основную территорию Испании.

Список существующих в настоящее время пенеанклавов можно продолжать долго. Их достаточно много, например, область Драмалли, которая относится к Республике Ирландия, но до нее можно добраться только через Северную Ирландию. Другой пример — это территория северо-запада Конго, дорога к которой лежит через Буркина-Фасо. Отнесение той или иной территории к анклавам может быть спорным вопросом в зависимости от того, насколько она доступна с территории материнского государства.

Морские анклавы

Являются ли анклавы исключительно сухопутным явлением? Основываясь на критерии суверенитета, можно допустить, что существуют и морские анклавы. Они, конечно, менее значимы, чем сухопутные, так как вопрос доступа обычно менее проблематичен. Их анклавность может, тем не менее, вызвать определенные проблемы. В соответствии с международным правом (Морская Конвенция 1982 г.) государствам предоставляется право не только на 12-мильную суверенную зону, но также и на 200-мильную исключительную экономическую зону (ИЭЗ). Последняя во многих случаях более важна, чем первая, несмотря на тот факт, что ИЭЗ не подразумевает суверенитета.

Права на рыбную ловлю, на добычу нефти и газа на морском шельфе являются ключевыми. Рассмотрим французскую территорию Сен-Пьер и Микелон, находящуюся очень близко к побережью Канады. Она представляет собой два относительно небольших острова общей площадью 242 км^2. Общая численность населения обоих островов составляет 7 тыс. человек. МакДорман (McDorman, 1990, 157) цитирует высокопоставленного канадского политика Джона Кросби, выступавшего в национальном парламенте в 1982 г. со следующей речью: «Сен-Пьер и Микелон являются двумя очень маленькими островами. Площадь острова Сен-Пьер равна 10 квадратным милям, а острова Микелон — 83 квадратным милям... Вряд ли можно воспринимать всерьез то, что Франция потребует 22 тыс. квадратных мили или сделает что-либо подобное в соответствии с международным правом». По иронии судьбы, вскоре после этого Франция официально потребовала именно эту территорию на море, а Кросби стал министром канадского правительства, отвечающим за переговоры с Францией. Позиция Канады была такова, что Франции будет предоставлено право на 12-мильную зону, создающую французский анклав в канадских водах. Через несколько лет дело дошло до Международного Арбитражного Суда. В 1992 г. им был разрешен спор о морской границе. Франция сохранила 12-мильные территориальные воды, окружающие острова. Кроме того, ей дополнительно была предоставлена 12-мильная смежная зона, дезанклавирующая остров внутри территориальных вод Канады. Франции также предоставили 10,5-мильный широкий коридор, распространяющийся на 200 миль на юг и проходящий сквозь эксклюзивную экономическую зону Канады. Этот морской «коридор», составляющий 375 км в длину и 20 км в ширину, был прозван «морским Чили». Общая площадь присужденной территории составила 18% от той, которую Франция оспаривала в суде. Таким образом, присуждение этой территории дезанклавировало острова и предоставило Франции территорию ИЭЗ, более чем в 40 раз превышающую площадь островов Сен-Пьер и Микелон. Проблема «морского Чили» стала особенно важной в контексте разведки нефтяных месторождений на морском шельфе.

Такие острова, как Сен-Пьер и Микелон, не являются единственным типом морского анклава, к которому может быть применен термин «анклав». Б. Уайт упоминает три подтипа: анклавные острова, анклавы открытого моря и гибридный сухопутно-морской тип анклава. Согласно Уайту, анклавными островами являются острова, принадлежащие одному государству, но окруженные территориальными водами или ИЭЗ другого государства.

Кроме анклавов в море, существуют и озерные острова, окруженные территориальными водами другого государства. Таковы, например, малавийские острова Ликома и Чисумулу в водах Мозамбика в озере Малави. Эти два острова представляют собой единственный известный случай озерного анклава. Возможно, точнее будет назвать этот подтип «морскими и озерными» анклавами вместо «морских».

Во множестве случаев анклавирование применяется для установления морских границ там, где дело касается островов. Например, оно широко использовалось в договоре между Австралией и Папуа — Новой Гвинеей касательно морской границы для Торресова пролива. Согласно ему, крошечным австралийским островам, близко прилежащим к побережью Папуа — Новой Гвинеи, дали трехмильную зону. В результате острова стали полуанклавами (термин, использованный Мак-Дорманом), т.е. им было разрешено иметь зону на одной стороне границы, но запрещено изменять расположение главной границы.

Анклавами открытого моря называются такие анклавы, которые находятся внутри ИЭЗ другого государства. Хотя они не населены, на них распространяются экономические права на рыболовство, на защиту и использование ресурсов морского шельфа. Таких анклавов шестнадцать.

Если рассматривать проблему морских и озерных анклавов с точки зрения суверенитета, признание территорий, окруженных ИЭЗ, в качестве анклавов является спорным. Согласно положениям международного права, они не являются суверенной территорией, принадлежащей окружающему государству. ИЭЗ, согласно международному морскому праву, предусматривает только экономические права соответствующего государства над морской территорией. Права на пересечение данной территории не ограничиваются, что позволяет другому государству в полной мере получить доступ к ней вне зависимости от того, является ли она островом или зоной открытого моря. Только тогда, когда остров окружен территориальным морем другого государства, остров действительно является окруженным суверенной территорией другого государства. В этом случае может появиться ряд сугубо анклавных проблем, так как окружающее государство действительно может осложнить сообщение с основной частью страны.

Парные анклавы

Парные анклавы — это смежные государства или несуверенные территории, представляющие собой анклавы внутри одного и того же окружающего государства. В настоящее время таких примеров на международном уровне не существует. Венессэн и Оранж были парными анклавами внутри Франции до Великой французской революции. Они рассматриваются в сборнике статей под редакцией Дельсаля и Ферре, в особенности в статье Феррьера за 2000 г. Одним современным случаем на субнациональном уровне являются два швейцарских кантона Аппенцеля (Внутренний Род и Внешний Род), окруженные кантоном Сент-Галлена.

ГЛАВА 5

Свойства территории государства

Основы объектно-предметного изучения государственной территории

Геопространство, информация, мобильность и модернизация общества

«Фактор моря» в территориальной организации общества: исследовательские приоритеты в российской социально-экономической географии

1. Назовите основные характеристики территориально-политической организации общества. На каких уровнях они проявляются?
2. В чем заключается «географичность» государственной территории и двойственность географической сущности государства?
3. Перечислите типы возникновения и динамики государственных территорий. В чем заключается особенность каждого из них?
4. Почему потеря страной части своей территории может принести выгоду?

В.Г. Шведов

ОСНОВЫ ОБЪЕКТНО-ПРЕДМЕТНОГО ИЗУЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ*

Территориальная организация общества — сложное полисистемное образование, которое сочетает в своем составе множество взаимосвязанных функциональных систем (населенческой, этнокультурной, экономической, социальной и ряда других). Каждая из них соответствует определению А. Геттнера, некогда отметившего: «Географическими все явления становятся тогда, когда в связи с ними показывается, как они совмещаются и взаимодействуют на известном участке земной поверхности и как они в своей совокупности определяют ... основы человеческой жизни, ... как они различаются на разных участках Земли» [1]. Сказанное в полной мере относится и к территориально-политической организации общества. Ей, как и любой другой составляющей территориальную организацию общества в целом, присущи следующие характеристики:

- определенное положение на земной поверхности;
- проявление территориальной неравномерности в размещении и распространении всех производных от нее объектов и явлений;
- открытость относительно иных географических систем, которая выражается в многостороннем взаимодействии с каждой из них.

Приведенные характеристики проявляются на следующих уровнях: глобальном, макрорегиональном, страноведческом и локальном [2]. Любой из них обладает собственной значимостью. Но следует признать, что особая роль в данном иерархическом ряду принадлежит страноведческому уровню [3]. Это утверждение представляется справедливым так как:

* *Шведов В.Г.* Основы объектно-предметного изучения государственной территории // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2013. № 2. С. 83–93. (*В настоящем издании печатается в авторской редакции.*)

- стоящие «над ним» глобальный и макрорегиональный уровни территориально-политической мозаики складываются из особенностей состояния и взаимодействия отдельных стран;
- нижестоящий локальный уровень формируется внутри отдельной страны, каждая из которых обладает определенным набором своей территориально-политической проблематики. При этом очевидно, что какие-либо локальные явления вполне могут обретать трансграничный характер, распространяясь на те или иные части нескольких стран. Но внутри каждой из них таковые неизбежно обретают собственные «оттенки».

Иными словами, отдельно взятые страны или государства, в силу своей четко выраженной территориально-организационной сущности, играют роль основных конструкционных звеньев политической организации общества в любых ее проявлениях. Но в этой связи возникает вопрос — могут ли данные звенья считаться системообразующими в силу своей крайней разнородности?

На этот вопрос следует ответить положительно, поскольку, несмотря на все присущее различным странам разнообразие, имеется единая системная основа их формирования, та, без которой само их существование немыслимо по определению. Это — государственная территория.

Государственная территория по самой своей сущности географична. Это утверждение проистекает из ее характеристик: координатной идентификации; площадной размерности; конфигуративной параметричности; неразрывной связи со всеми вмещенными в ее пределы компонентами географической среды естественно-природного и общественного свойства.

Помимо того, «географичность» государственной территории проявляется в ее функциональном назначении, так как она является ни чем иным, как тем сектором геосреды, в пределах которого конкретный социум, организационно отделив себя от иных, схожим образом организованных, человеческих сообществ, по собственному усмотрению и руководствуясь своими интересами, проводит следующую территориальную деятельность:

- так или иначе использует любые находящиеся в его распоряжении виды ресурсов;
- занимается собственной внутренней системной самоорганизацией во всем многообразии ее проявлений;
- создает условия для защиты своей самостоятельности и безопасности, а также — распространения своего, в разных формах выраженного, влияния за собственным внешним рубежом.

Отсюда проистекает двойственность географической сущности государственной территории, которая представляет собой:

1) часть географической среды, организационно отграниченную от выделенных по схожему принципу иных таких же ее частей и являющуюся местом разнообразного самовыражения определенного социума в пространственно-временном измерении;
2) универсальный или «всеобщий» ресурс [4], предоставляющий для упомянутого ранее социума различные виды всех остальных, вмещенных в ее пределы, ресурсов.

Эти свойства отражены в международно-правовом определении, которое звучит следующим образом: «Государственная территория — часть Земного шара, которая принадлежит определенному государству, и в пределах которой оно осуществляет свое верховенство по отношению ко всем лицам, организациям, природной среде и ресурсам, находящимся на этой территории ... Государство владеет, пользуется и распоряжается своей территорией по своему усмотрению» [5]. Его составными частями являются: собственно территория (т.е. поверхность земной тверди), внутренние и внешние акватории, недра, воздушное пространство.

Следовательно, государственная территория, действительно, является географической системой, так как 1) образуется на «стыке» нескольких естественных составляющих геосреды, напрямую и комплексно включает их в свой состав; 2) обладает хорошо различимыми системными характеристиками: внутренними (размещение и «мозаика» природных условий и ресурсов, населения, хозяйства, административного устройства и т.д.) и внешними (характер географического и территориально-политического контакта с соседними государствами, размещение в региональной и глобальной системе территориально-политического размежевания, положение относительно различного рода межгосударственных группировок, важнейших центров мировой экономики и культуры, крупнейших международных коммуникаций, очагов военной и политической напряженности).

Из этих двух позиций вторая, в силу ее специфики, требует отдельного освещения. Ее особенность состоит в том, что значительный пласт знаний и представлений о государственной территории находится в ретроспективном измерении. Этим создается ситуация, при которой значительная часть информационного массива представляется принадлежащей иной познавательной сфере: истории. Представители этой науки, как правило, негативно реагируют на попытки рассмотрения ретроспективного аспекта любой (в том числе — территориально-политической) из сторон организации общества. Неконструктивность такого отношения очевидна. Но при его наличии мало кто из географов выказывает желание проводить исследования в той области, где существует перспектива быть обвиненными во вторжении на «чужое» познавательное поле.

Тем не менее, соприкосновение с ретроспективным срезом в изучении связанных с государственной территорией вопросов неизбежно. Это обусловлено следующими объективными причинами:

- значительное число существующих ныне государственных территорий имеет определенную историю развития, которая углубляется в прошлое на несколько столетий, а иногда — и тысячелетий;
- ряд существующих ныне государственных территорий образовался либо относительно, либо совсем недавно. Но с момента их появления начинается отсчет времени существования этих образований, который неизбежно углубляется в прошлое. Значит, даже самая «молодая» государственная территория неизменно обретает «индивидуальную» ретроспективу, которая с каждым днем лишь нарастает;
- немалая часть современных государственных территорий включает в свой состав более или менее обширные части тех земель, которые входили в со-

став исчезнувших к настоящему времени государств. И это историческое наследие практически всегда находит свое выражение в том или ином виде и в той или иной степени.

Таким образом, следует признать, что территория любого государства:

- представляет собой уникальное (т.е. абсолютно неповторимое в иных аналогичных случаях) пространственное образование, которое служит материальной основой для размещения, сочетания и трансформации в ее пределах столь же уникального сочетания различного рода географических данностей;
- при этом она проходит, опять-таки, уникальный, протекающий в пространстве и во времени путь развития.

Как представляется, данные позиции позволяют сделать два вывода.

Во-первых, представляя собой важное системообразующее звено в организации геосреды, государственная территория сама по себе может являться объектом изучения с позиций ее координатных, положенческих, площадных и конфигуративных параметров.

Во-вторых, очевидно, что государственные территории не являются статичными образованиями. У подавляющего большинства из них указанные объектные характеристики изменялись с той или иной периодичностью, а в тех редких случаях, когда подобные изменения не происходили в течение длительного времени, они априори имели место изначально — когда государство образовывалось, устанавливая и обозначая свои рубежи в географическом пространстве.

Следовательно, если государственная территория сама по себе может выступать в качестве объекта изучения, то означенные изменения, во всех их проявлениях, следует рассматривать как предметную сторону ее пространственно-временной эволюции.

В свою очередь, это означает, что при всем многообразии подходов, которые так или иначе связаны с исследованием государственной территории, правомерно выделять особую, объектно-предметную познавательную область, где территория государства, будучи пространственной данностью особого рода, выступает как объект изучения, а предметом изучения является ее координатная, положенческая, площадная и конфигуративная эволюция.

При поверхностном взгляде, предметная сторона данной познавательной области представляется узкой, поскольку эволюция государственной территории образуется, по сути, двумя процессами — формированием и последующей динамикой, которая состоит из процессов ее увеличения или уменьшения. Но согласиться с этим мнением нельзя в силу следующих причин:

1) эволюция любой государственной территории, также, уникальна в географическом отношении, так как все связанные с ней явления происходят в пределах вполне определенных координат, обладают собственными площадными, параметрическими и конфигуративными характеристиками, которые никогда и нигде более не имеют пространственных аналогов. Таким образом, они представляют собой колоссальное множество специфических географических явлений;

2) эволюция государственной территории никогда не представляет собой изолированное явление. Напротив, все ее проявления находятся в тесной и крайне сложной взаимосвязи с множеством иных, самых разных, объектов и явлений геосреды.

Кроме того, только предметная сторона изучения государственных территорий на любом организационном уровне (глобальном, региональном, страноведческом, локальном) содержит объяснение сути формирования практически всех современных межгосударственных территориальных споров и внутригосударственных территориально-политических проблем.

Вариативность конкретных проявлений эволюции государственной территории, как и любое другое явление, можно привести к определенным рамкам систематизации. В этом отношении пока можно говорить о выявлении предварительных контуров, которые обозначились на основе анализа наиболее обобщенных типов формирования и динамики государственной территории.

Под формированием государственной территории следует понимать процесс ее непосредственного образования на земной поверхности и политического отграничения от окружающего пространства. Применительно к нему можно выделить два типа: первичный и вторичный.

Первичный тип связан с возникновением государственной территории на основе догосударственных территориально-политических образований. В нем следует различать подтипы:

- *ювенальный* (лат. *juvenalis* — первородный), когда территория государства складывается на месте владений не имеющих опыта государственного строительства племен вследствие развития в их среде соответствующих социально-экономических процессов. Этот подтип проявился, к примеру, в так называемом «Поясе цивилизаций» Восточного полушария (конец IV–III тыс. до н.э.), который широтно простирался от долины Нила до долины Хуанхэ [6], а также — при формировании автохтонных государств Центральной и Южной Америки;
- *мимотический* (греко-лат. *mimos* — подражающий), при котором государственная территория тоже образуется на догосударственной основе, благодаря так или иначе выраженному подражанию (иногда — через целую систему посреднических звеньев) уже имеющимся образцам, но без политического подчинения их носителям. Этот подтип был широко распространен в Восточном полушарии начиная с Античного времени вплоть до раннего Средневековья, когда государственность территориально распространялась, «опираясь» на пространство древнего «Пояса цивилизаций».

Вторичный тип связан с теми случаями, когда государственная территории складывается на землях, которые, в той или иной форме, уже принадлежали какой-либо стране. В нем можно выделить подтипы:

- *прямой прозелитический* (лат. *proselytus* — воспринявший). Он связан с образованием новой государственной территории на месте территории другого, ранее существовавшего государства в том случае, когда страна-«преемник» позиционирует себя как непосредственного наследника страны-«предка» (Римская империя — Италия);

- *косвенный прозелитический*. Этот подтип проявляется в тех случаях, когда новое государство, образуясь на месте предшествующего, не считает себя его преемником. При этом обретенные земли рассматриваются в качестве не унаследованных, а завоеванных (эллинистическая Малая Азия — Турция);
- *сепаратистский*. Данный подтип характерен для ситуации, когда новая государственная территория образуется путем выхода из состава уже существующей страны. С некоторыми оговорками его разновидностью можно считать образование территорий новых государств путем провозглашения независимости колоний от метрополий (образование США и стран Латинской Америки, большинства стран Тропической Африки).

После формирования государственной территории ее последующая эволюция связана с динамикой, под которой следует понимать различные, происходящие с ней координатные, конфигуративные и площадные изменения. Среди таковых можно выделить следующий ряд типов [7]:

- *статичный*. Характеризуется неизменностью координат, площади и конфигурации государственной территории со времени ее формирования по настоящее время. Свойственен для небольшого числа мелких и карликовых государств (Исландия, Андорра, Лихтенштейн, Монако, Сан-Марино);
- *устойчивый положительный*, при котором государственная территория с момента ее образования только увеличивалась. Свойственен немногим относительно молодым странам Западного полушария (США, Бразилия, Аргентина, Чили);
- *устойчивый отрицательный*. При нем изначальная территория государства переживала только уменьшение. Также прослеживается в основном на примере стран, образовавшихся в XIX в. в Западном полушарии (Мексика, Эквадор, Боливия);
- *параболический*. Связан первоначально с устойчивым ростом, который затем сменяется не менее устойчивым сокращением (Турция, Швеция). Этот тип имеет разновидность, при которой уменьшение государственной территории переходит в ее полное исчезновение (Римская империя);
- *пульсирующий*. Самый распространенный и связанный с попеременным и разноразмерным увеличением-сокращением государственной территории (Франция, Германия, Россия). Также имеет разновидность, когда отрицательные фазы территориальной пульсации государства достигают крайней точки, приводя к его исчезновению. Но затем, в отличие от предыдущего типа, следует его возрождение (Польша, Чехия, Венгрия, Грузия). Причем иногда это явление может повторяться несколько раз (Болгария, Иран);
- *неопределенный*. Присущ тем государственным территориям, краткость времени существования которых не позволяет отнести их ни к одному из ранее перечисленных типов. Распространен среди большинства ставших независимыми после Второй мировой войны стран Африки, Карибского бассейна, Океании. Принадлежность к нему является временной, так как постепенно территории этих государств будут обозначать свою принадлежность к тому или иному более определенному типу.

При рассмотрении динамики государственной территории важное значение имеет анализ причин и результативности ее осуществления. Это априорная позиция, так как данный вид территориально-политической деятельности никогда не является самоцелью — «действием ради действия». Как правило, он связан со сложными дипломатическими и военными акциями — мероприятиями чрезвычайно затратными и по своему характеру рискованными.

Британским политико-географом Дж. Хаузом предложена модель, согласно которой любые изменения государственной территории следует рассматривать на двух организационных уровнях [8]:

1) «А — В», соответствующему межгосударственным отношениям;
2) «А — A^1», присущему внутригосударственным отношениям между центральным правительством и регионами.

Приняв данные уровни за основу, рассмотрим причины и результативность означенных перемен. Начать, по логике, следует с причин, которые предваряют результативность.

В этой связи заметим, что причины динамики государственной территории по сути своей достаточно «прозрачны» — на обоих уровнях их определяет четко очерченный круг интересов, перечень которых, несмотря на бесчисленное количество их конкретных проявлений, довольно ограничен.

На уровне «А — В» взаимодействие происходит между суверенными государствами, преследующими следующие интересы:

- *ресурсные*, при которых одна действующая сторона ставит перед собой задачу овладеть территорией с определенными видами ресурсов, а другая — удержать ее;
- *коммуникационные*, обусловленные стремлением к овладению (удержанию) важными транспортными путями или пунктами;
- *геостратегические*, когда усилия сторон нацелены на то, чтобы занять (отстоять) земли или пункты, способствующие усилению (сохранению) их обороноспособности и созданию (сохранению) перспективных условий для успешных наступательных действий с этих плацдармов в дальнейшем;
- *престижные*, направленные на то, чтобы вернуть некогда утраченные территории, либо овладеть каким-либо важным символическим объектом (религиозным центром, столицей и т.д.);
- *демонстрационные*, призванные наглядно показать дипломатические и (или) военные возможности страны.

Перечисленные интересы могут проявляться как одиночно, так и комбинированно.

Носителями интересов на уровне «А — A^1», с одной стороны, выступает суверенное государство (метрополия), которое преследует, в конечном итоге, одну цель — сохранить свою территориальную целостность (мотивация в данном случае, в общем, соответствует ряду, присущему уровню «А — В»); с другой — сепаратистские силы, действия которых направлены на обретение для «своей» территории независимости. Как правило, действия сепаратистов мотивируются необходимостью обретения суверенитета на основах:

- этнической;
- конфессиональной;
- экономической;
- регионально-обособленческой.

На этом уровне интересы также могут проявляться как в «чистом», так и в комбинированном виде.

Сложнее привести в систему результативность динамики государственной территории. Схожая проблематика рассмотрена П.Я. Баклановым применительно к экономическим районам [9]. В частности, им были выделены следующие варианты результатов площадно-конфигуративных перемен между этими территориальными единицами:

- положительную для района, присоединившего определенную территорию, и отрицательную — для утратившего ее;
- положительную для обоих районов;
- отрицательную для присоединившего и положительную для утратившего районов;
- вариант с отрицательной результативность для обоих районов, по мнению автора излагаемого построения, невозможен.

Под положительной результативностью понимается формирование такой долгосрочной ситуации, при которой происходит всесторонний, либо отраженный в каких-либо избранных показателях прирост положительных качеств района-реципиента; под отрицательной — ситуации с обратными характеристиками.

Этот подход, в целом, приемлем и для оценки результативности динамики государственной территории на обоих уровнях ее проявления.

На уровне «А — В» наиболее типичной является результативность, при которой страна, прирастившая свою территорию (в дальнейшем — страна-реципиент), реализует какой-либо свой интерес или сразу несколько интересов. Такой итог для нее оказывается, несомненно, положительным. Соответственно, страна, понесшая территориальную потерю (далее — страна-донор), оказывается ущемлена в своих интересах, что означает отрицательную результативность.

Но известно немало примеров, когда произошедшая между двумя государствами территориальная перемена оказывается, в конечном итоге, результативно положительной для обеих сторон. Со страной-реципиентом ситуация не требует пояснений. Для страны-донора позитив реализуется, когда она, понеся территориальную потерю, делает из этого соответствующий вывод, и ею в новых, неблагоприятных территориальных условиях осуществляется комплекс мероприятий, который включает в себя:

- интенсификацию и диверсификацию использования оставшихся в ее распоряжении ресурсов;
- повышение разными путями и методами эффективности своего хозяйства;
- оптимизацию всех этих мер в соответствии с новыми территориальными условиями;
- усиление и перестройку (в том числе — и территориальную) на этой основе оборонной инфраструктуры в самом широком ее понимании.

Примером данной ситуации может служить Германия после ее территориальных потерь, понесенных ею в результате Первой и Второй мировых войн.

На уровне «А — В» не исключен вариант, при котором страна-реципиент получает отрицательную результативность, а страна-донор — положительную.

Для страны, совершившей территориальное приобретение, эта ситуация может быть обусловлена следующими причинами:

- ее неумением распорядиться теми потенциальными возможностями и ресурсами, которыми располагают присоединенные земли;
- формированием на этих землях движения сопротивления, которое блокирует все возможности получения положительного результата от их присоединения;
- если страна-донор осуществляет те действия, которые были описаны применительно к предыдущему варианту межгосударственной территориальной динамики.

Такая ситуация имела место в XV–XVI вв., когда Турция, захватив Балканы, столкнулась здесь с мощным сопротивлением местного населения. В дальнейшем удержание этих земель потребовало от нее огромных затрат и усилий. Параллельно Россия, Австрия, Венеция и Черногория, потеряв в результате турецкого наступления часть своих территорий, успешно закрепились на новых «утратных» рубежах. Это позволило им затем перейти в контрнаступление.

Наконец, в отличие от экономических районов, в межгосударственной территориальной динамике возможен вариант, когда страна-реципиент, по изложенным уже причинам, не получает положительного результата. Но и потери страны-донора могут быть столь существенны, что она тоже не имеет шансов на позитивную результативность. Эта ситуация во многом была типична для Античности и Средневековья, когда разделы земель между территориально-политическими субъектами происходили часто, имея при этом беспорядочный, тотально опустошительный характер и приводя к взаимному истощению ресурсов конфликтующих сторон (Эпоха Чжанго в Китае, Столетняя и Тридцатилетняя войны).

Варианты результативности территориальной динамики на внутригосударственном уровне «А — A^1», в принципе, аналогичны рассмотренным. Их отличие состоит в том, что в качестве донора здесь выступает страна, понесшая территориальную утрату в результате действий сепаратистов. Соответственно, обособившиеся от нее земли выступают в роли реципиента.

Изложенные позиции имеют предварительный характер и требуют дальнейшей детализации. В частности, очередной задачей представляется формирование и обоснование применения терминологического аппарата и методологического инструментария по данной проблематике.

Литература

1. *Геттнер А.* География, ее сущность и методы. М.: Госиздат, 1930. — 257 с.

2. *Колосов В.А* Политическая география. Проблемы и методы. Л.: Наука, 1988. — 190 с.

3. *Каледин Н.В.* Политическая география: истоки, проблемы, принципы научной концепции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. — 164 с.

4. *Голубчик М.М.* Политическая география мира. Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. — 310 с.

5. *Клименко Б.М., Порк А.А.* Территория и границы СССР. М.: Международные отношения, 1985. — 302 с.

6. *Мечников Л.И.* Цивилизация и великие исторические реки. М.: Пангея, 1995. — 290 с.

7. *Шведов В.Г.* Историческая политическая география: обзор становления, теоретические основы, практика. Владивосток: Дальнаука, 2006. — 259 с.

8. *Колосов В.А., Мироненко Н.С.* Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2002. — 479 с.

9. *Бакланов П.Я.* Теорема об экономическом районировании / Материалы XIV совещания географов Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. П.Я. Бакланов. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 10–11.

1. В чем проявляется неравномерность коммуникационных сжатий?
2. В какой мере домыслы способствовали новым географическим открытиям?
3. Каково влияние СМИ на общество и географию?

А.И. Трейвиш

ГЕОПРОСТРАНСТВО, ИНФОРМАЦИЯ, МОБИЛЬНОСТЬ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА*

Коммуникации, мобильность и Ойкумена

Ойкумену создали люди, движения их самих и их достижений. Соизмерить потоки сложно (единицы счета разные), но ясно, что первичной была мобильность людей. Заселявшие Землю первобытные группы вряд ли знали, куда идут, и теряли связь со своими прародинами; иначе мир не раздробился бы настолько, что через тысячи лет его пришлось переоткрывать и воссоединять. С давних пор обжитые земли покрывает сеть ячеек «инфраэкономики» локальных полунатуральных производств и обменов по Ф. Броделю [1]. Средний слой классической рыночной мезоэкономики и верхний корпоративно-глобальный возникали позже в ходе интеграции местных хозяйств и культур. Это требовало более широких познаний и дальних связей.

Знания несли путники, их проверка и применение зависели от частоты циркуляции. Это задавало темпы обмена информацией, не обязательно черепашьи. По свидетельству Марко Поло, почтовую службу в Монгольской империи несли 300 тыс. лошадей на 10 тыс. станций-ямов, и гонцы, делая в сутки 200–300 км, пересекали Евразию недели за две [19]. Это предел для Средневековья и Древности, включая Рим времен расцвета с его мощеными дорогами.

Современная электронная связь почти мгновенна, но люди и грузы движутся куда медленнее, их доставка в разы дороже и зависит от инфраструктуры, реагирующей на природные и социальные свойства пространства. Это отражает карта исследовательского центра Еврокомиссии, составленная по регулярной полуградусной сетке для Всемирного банка. Поездка в ближайший из 8,5 тыс. средних и больших городов мира по дорогам и водным путям требует где минут, а где и многих дней (рис. 1; об авиатранспорте — дальше). Зоны неплохой доступности

---

* *Трейвиш А.И.* Геопространство, информация, мобильность и модернизация общества // Региональные исследования. 2015. № 2 (48). С. 37–49.
Статья подготовлена при поддержке проекта РНФ № 14-18-000-83 (Институт географии РАН).

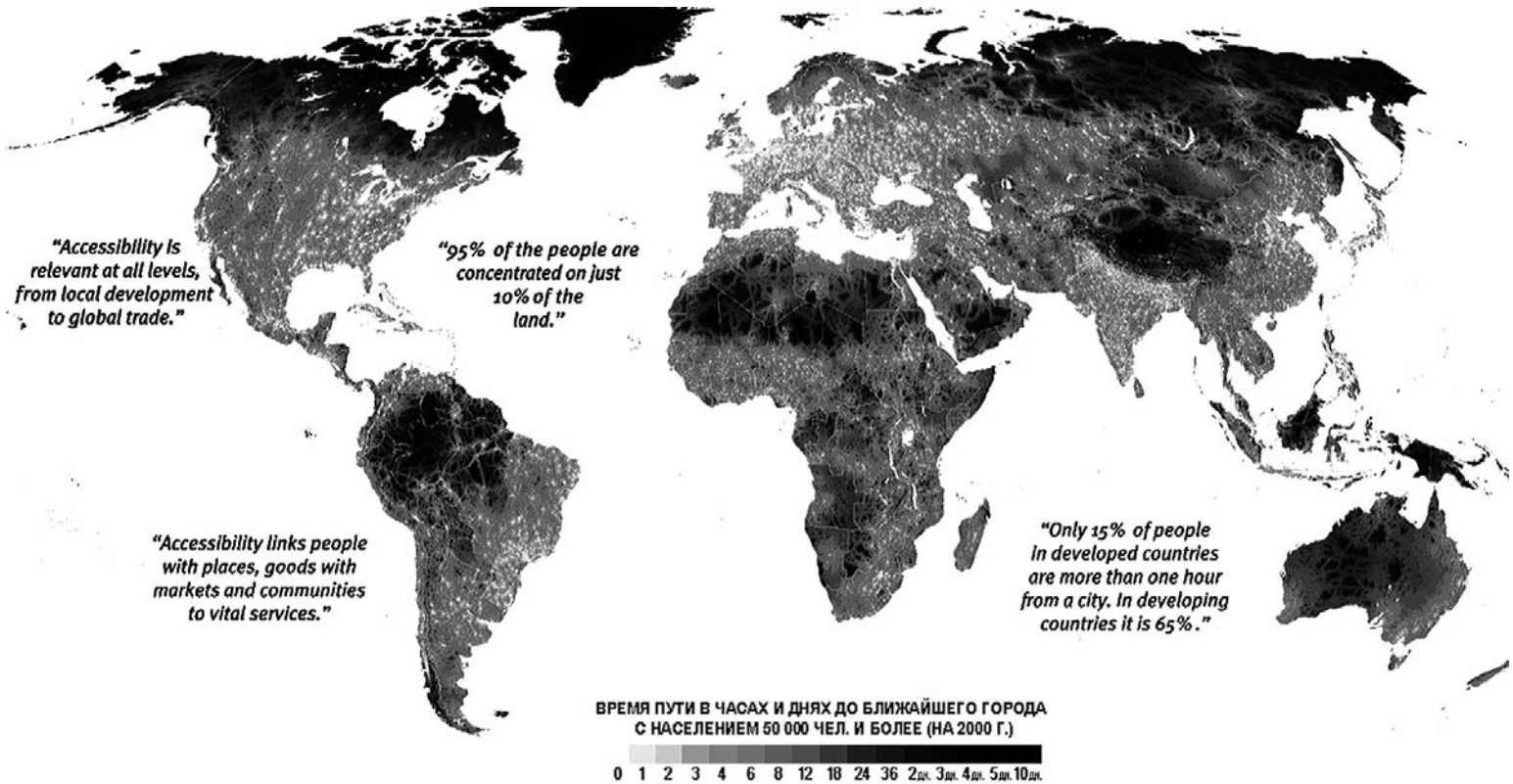


Рис. 1. Временная транспортная доступность городов мира размером от 50 тыс. жителей

Источник: [34].

велики, но редко покрывают территории стран-гигантов, не считая объединенной Европы. Один из комментариев к карте гласит, что в развитых странах менее чем в часе езды от города живут 85% граждан, в развивающихся — 35%, хотя, по другому комментарию, 95% землян скучены на 10% суши.

Коммуникационная доступность не сводится к технической. Доходы, демография, культура лимитируют мобильность даже тех, кто живет у линий дальних связей, но к ним безучастен, как Буранный Едигей из романа Чингиза Айтматова, не покидавший мирка своего полустанка сорок лет. «А поезда шли с востока на запад и с запада на восток...». Таких едигеев много не только в пустынных и бедных странах; по некоторым оценкам, на Земле их 2 млрд. Не так давно автор узнал от французского коллеги, что многие первокурсники университета Гавра из рабочих кварталов этого города в устье Сены не были в Париже, куда 2–3 часа езды, и даже на море, доступном пешим ходом. У студентов все еще впереди, но иммобильность семей разительна! Сказывается разрыв в доступности поездок и информации. Больным, пожилым или просто тяжелым на подъем людям легче странствовать виртуально, по Интернету и ТВ.

Все же пространственная мобильность растет, а гипермобильные люди постоянно, как оперный Фигаро, являются то тут, то там. Глобализация на руку такому *Homo mobilis*, неономаду, перекати-поле (*rolling stone*). Резвые топ-менеджеры живут не столько в своих странах, сколько в отелях и офисах мировых городов. Ответ на вопрос, где мы живем, вообще требует уточнения в терминах времени и хроногеографии, ведущей свою историю от К. Линча и Т. Хегерстранда в XXI век [32 и др.]. Один знакомый автору представитель среднего класса имеет жилье в двух странах и посещает не только их. Вот его «отчет» за 2011 г.: 41% времени он провел в Англии, 30% в России, по 3–6% в США, Дании, Италии, Польше, Казахстане, Китае, на Барбадосе. Плюс их районы, города и до 2% на переезды. По данным ЮНВТО, число международных туристических поездок с 2012 г. превысило 1 млрд. Мигрантов-переселенцев в другие страны раз в 5 меньше, зато турпоездок внутри стран, особенно крупных, бывает больше. Ими считают поездки на некое расстояние и время, и тогда сюда попадают визиты к родне, на дачу, на вахтовую работу и т.д. Их массу не в состоянии контролировать даже самая жесткая власть.

Возьмем феномен второго жилья, обычно рекреационного (англ. *summer*, *weekend, vacation* или *holiday house,* исп. *casa de campo*, нем. *Landsitz,* норв. *hytte,* фин. *mökki*, рус. дача). Он изучен слабовато, хотя давно известен[1]. В 1960-х годах в Европе все же возникла «дачная наука». Ф. Крибье заявила о буме вторых жилищ во Франции, когда их числилось 0,3 млн только за иностранцами, а всех было втрое больше (теперь уже на порядок). В книге «Великая летняя миграция горожан» [22] Крибье писала, что 20 млн французов покидали города в среднем на 27 дней (в августе Большой Париж терял 4 млн человек), и рассматривала их пристанища, в том числе на частных дачах.

В романских странах тема примыкает к туристической, в англоязычных — к анализу недвижимости. Помогают переписи жилья [24 и др.]. Так, у жителей Англии (без других частей Королевства) 650 тыс. дач, 2,9% всех жилищ, но 58% из них находятся вне страны. В США рекреационных, сезонно и непостоянно обитаемых домов — 5–7 млн (3–5%), во Франции — более 3 млн (10%) и еще

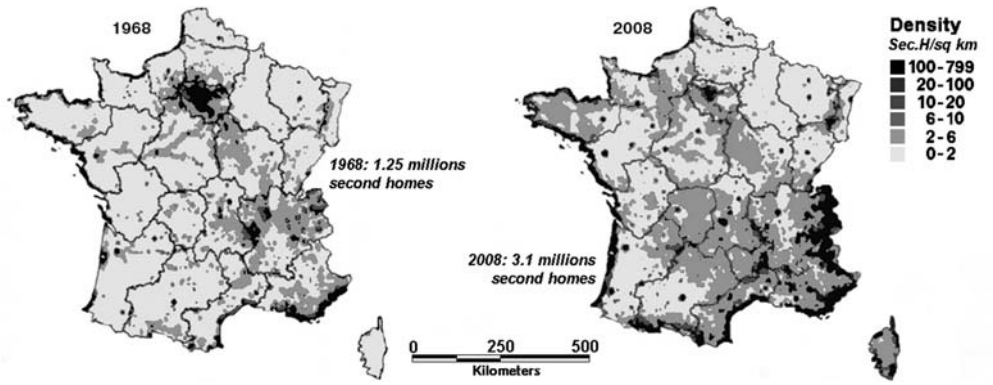


Рис. 2. Плотность вторых домов на 1 км² во Франции в 1968 и 2008 гг.

Источник: [30, p. 145].

больше в Скандинавии, Финляндии, местами на юге и в центре Европы (30% и более). Но чемпион мира — Россия, где одних только садоводств 14 млн, а с классическими дачами, виллами в пригородах и на курортах, унаследованными и купленными сельскими домами — как минимум, 18–20 млн. Кроме климата с его сезонами, значение наших дач повышает их полифункциональность и роль субститута западной контрурбанизации. Впрочем, на Западе есть страны вроде России с дачами разного класса, доступными различным слоям граждан, включая далекие, без удобств, важные как подсобно-огородные базы. И одно дело, если в городе много малоэтажного семейного жилья, другое — если это тесные квартиры, жильцам которых, особенно детям и старикам, нужен глоток воздуха и воли хотя бы коротким летом.

Места абсолютной и относительной концентрация дач разнотипны. *Периферийно-руральный тип* создает широкую географию дач, «огороженных расстоянием». Велика их доля в жилфонде, но не плотность. *Курортный тип* — конкурент туриндустрии на море, в горах, где высока и плотность, и доля вторых домов. Во Франции выделяются побережья, Альпы, с недавних пор Пиренеи (рис. 2). Представлен и периферийный тип (стало больше дач в Центральном Массиве), и *пригородный* с обилием вторых домов при их малой доле: в субурбиях много первого жилья, теснящего дачи, а скоростные дороги, авиакомпании-лоукостеры делают доступными дальние районы.

«Дачеведению» явно недостает сравнений. Наша наука могла бы стать его лидером, учитывая географичность и российский масштаб явления, а мы почти прозевали его, хотя оно росло на глазах, часто с нашим личным участием. Есть у него и негативные стороны, проблемы [15], но здесь на них уже не хватит места.

Мобильны не только люди, знания, товары. Мигрируют, смещаются, убывая тут и прибывая там, производства, институты, инновации. Общеизвестен трансферт отраслей и технологий из центров мирового хозяйства на периферию, хотя многие сферы третичной (сервисной) и четвертичной (информационной) экономик малоподвижны: их услуги или «неторгуемы», или их экспорт «невидим».

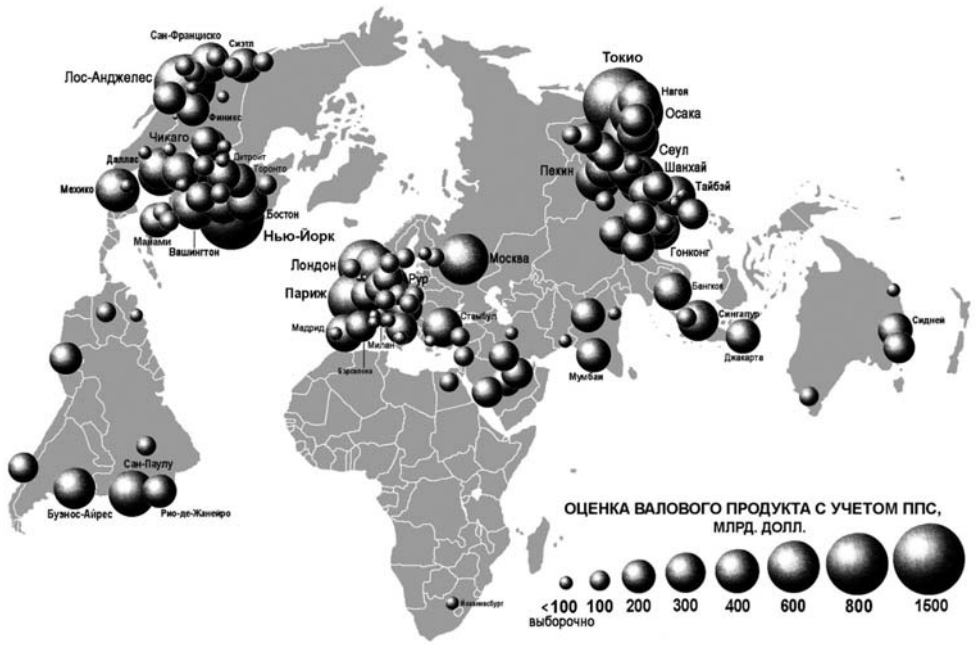


Рис. 3. Очаги мировой олигополии: крупнейшие городские агломерации мира по размерам валового продукта в 2012 г.

Составлено по оценкам Brookings Institution [20].

За ними едут, а ради услуг, привязанных к недвижимости, сидят дома; в общем, они иммобильнее клиентов. Доля услуг в ВВП мира достигает 70%, в торговле — 25–30%. Когда в экономике ведущих стран преобладала индустрия, а в обмене — продовольствие и сырье, подобный разрыв отмечал С. Кузнец, а Л.М. Синцеров отнес его к инерции МРТ вообще [11].

Инновациям, прежде чем распространяться, надо родиться, чаще всего от ученых, инженеров, менеджеров, для чего подходит не всякое место. Кодировать и транслировать легче так называемое эксплицитное знание, а неявное (*tacit knowledge*) передается при личных контактах. Р. Флорида выделил в мире 40 «мегарегионов», где 18% населения к началу XXI в. производили $^2/_3$ мирового ВВП, жили 88% известных ученых, было получено 86% всех патентов [25]. Эти регионы, похожие на мегалополисы, включают главные глобальные города — узлы опорного каркаса мировой экономики. Вот парадокс: информация так летуча, что мыслить и действовать можно без оглядки на границы и дистанции, но при этом информационно-деловые акторы тяготеют к глобальным суперцентрам. Их сеть сгущена в Северной Америке, Западной Европе и АТР во главе с Японией (рис. 3). По доле ученых лидирует Америка, а инноваций — АТР, вернее их центры, где селятся креативный класс и «креативная индустрия»[2]. В ее состав британцы включили в 2007 г. 157 тыс. фирм с 2 млн занятых (более 7%), внесших в ВВП страны 6,2% [21]. Она активно участвует в борьбе цивилизаций как инструмент мягкой силы и культурно-информационного прессинга.

«Пульсации» социального пространства

Речь идет о двух его свойствах. Во-первых, о размере, когда пульсация выглядит чередой растяжений и сжатий. Во-вторых, о единстве или разделенности, интеграции и дезинтеграции (фрагментации). Сближение и соединение, равно как отдаление и разобщение близки по смыслу, но не идентичны и сочетаются по-разному. Так, первичное освоение Ойкумены ее растягивало и, как уже сказано, членило на относительно автономные части. После ВГО они взаимно открылись, что для каждой означало расширение. Рассмотрим каждую пару по очереди.

Растяжение и сжатие в социальных науках не вполне строгие термины, скорее метафоры. У них есть синонимы, особенно у сжатия: усадка (*shrinkage*), имплозия, эрозия. Но главное — два разных понимания.

1. *Коммуникационное* сближение или удаление, рост или убыль проницаемости, доступности, известности пространства. Если «все знают» некое место как доступное (да туда всего часа три лёта) и что в нем ценно, то оно делается или кажется близким. Обычно такое сжатие оценивается позитивно, как прогресс, а растяжение — наоборот[3].

2. *Локационное* расширение или сокращение освоенного пространства вплоть до его поляризации и убыли. Пока ресурсов хватает для повсеместного роста, пускай даже разноскоростного, общество не видит в сжатии трагедию, но меняет отношение к нему, когда часть ойкумены теряется в ходе депопуляции и депрессии.

Коммуникационное растяжение может быть следствием простого удлинения трасс прежнего типа с ростом всех затрат, обычном при локационной экспансии новой отрасли или общности. Это может вызывать разрывы социального пространства, присущие скорее его локационному сжатию, вторичной (кризисной) «сдаче». А коммуникационное сжатие видно на примере путей в Америку: за 500 лет от каравелл Колумба до сверхзвуковых «Конкордов» время на них сократилось в 500 раз. Впрочем, достижение преувеличено. Колумб преодолел 6 тыс. км за 70 дней со средним темпом пешехода из-за стоянки на Канарах и вполне понятного страха, а мог плыть вчетверо быстрее. Рейсы «Конкорда» отменили после парижской катастрофы 2000 г. Значит, истинная экономия времени для трансатлантических пассажиров за пять веков на порядок меньше: примерно 50-кратная.

Англичанин П. Дикен показал ее как простое линейное сжатие мира (рис. 4*А*). Скорость цифровой передачи данных свела бы изображение к точке. И конец географии с историей, триумф глобализма, с которым такие иллюзии явно связаны? Вряд ли. Даже считая траекторию процесса восходящей, ее нельзя назвать линейной. Дикен игнорирует контрасты социального пространства. На деле сближение так неравномерно, что Земля скорее бугриста как «корнеплод» С. В. Рогачева. Тут и масса людей, замкнутых в своих гнездах, и гнезда заброшенные, выпавшие из развития (рис. 4*Б*). Можно добавить барьеры бездорожий, пробок, границ, военных действий. Хотя в такой модели нет ни динамики, ни строгой метрики, она выглядит реалистичнее.

Восторг по поводу смерти расстояний и пространства всегда сменялся более трезвыми оценками. Когда-то у географов были популярны анаморфозы новозеландца П. Форера, на которых его страну сжимал рост сети авиалиний и скорости полетов [26]. К островам «выехал» на виртуальном мысу и Сидней, главный узел их

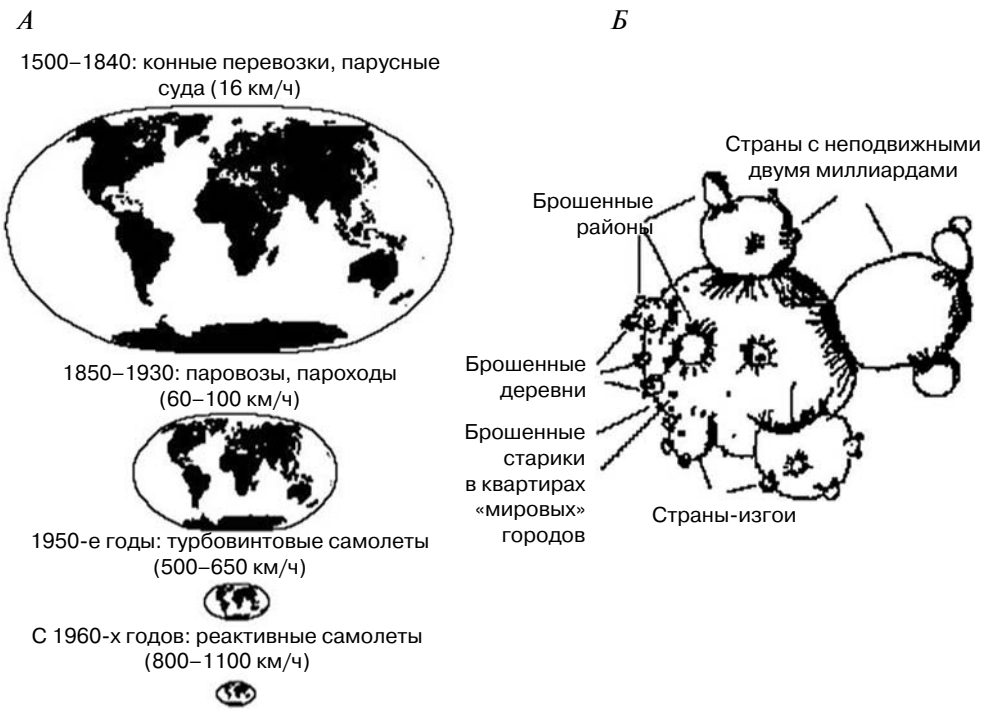


Рис. 4. *А* — сжатие-сближение мирового пространства по П. Дикену [23]. *Б* — «антидикен» по С. В. Рогачеву [2002]: деформация пространства его разнодоступностью

авиасообщения с Австралией. П. Хаггет привел эти изображения в своей книге [17, с. 383], но тут же отметил явление имплозии (буквально — внутреннего взрыва), когда сближаются крупные центры, а малые — удаляются от них и друг от друга. Следуя куда-то далеко, жителю района аэропорта часто нужно ехать обратно, чтобы часы спустя пролететь над своим домом по пути «туда».

Коммуникационные сжатия этого рода условны, ибо физических местоположений не меняют; их метрика изменчива и многовариантна, зависит от вида сообщения, маршрута и т.д. Наверное, поэтому изображения вроде тех, что делал Форер, редки.

Локационное растяжение и сжатие обладает более прямым физическим смыслом и метрикой, хотя и тут есть проблемы. Размеры суши давно измерены, но их уточняют, то относят к ним территориальные воды (юридически части государств), то нет. Оценить пригодные к заселению и освоению, фактически заселенные и освоенные ареалы еще сложнее. Э. Реклю считал «обитабельными» и агропригодными земли высотой до 2000 м над у.м., где среднегодовая температура не ниже −2°С. Сейчас примерно те же области называют комфортными, эффективными для жизни и деятельности. Обжитыми обычно числят зоны с постоянными селениями и плотностью жителей от 1 чел./км². Пустынные, тундровые, горные пастбища завышают размеры угодий, так что лучше сравнивать зоны земледельческие, включая культурные пастбища. Если вся территория России больше любой другой на целую Австралию, то удобная для заселения и освоения — лишь 4-я в мире,

а обжитая недавно была 3-й, но, вероятно, уже уступила Китаю: локационное сжатие у нас идет быстро. Кстати, в обеих странах заселены пространства, мало к тому пригодные [16, с. 134, 148, 161].

Локационное сжатие тоже вторично, ибо следует за расширением. Пространство пульсирует с разной частотой: от часов, дней, сезонов года внутри агломерации до сотен лет масштабных сдвигов. Периоды растяжения и сжатия могут отличаться по длине: плавный рост освоенных зон может обрываться резко, притом обратимо либо необратимо. Контратаковать или организовать отступление (а не паническое бегство) с безнадежных участков фронтира? Вопрос не праздный, каким он и стал в постсоветской России [2, 7].

До каких пределов мыслимо сжатие? Построить землян впритирку, уделив по 1 м² каждому, можно на датском о. Зеландия, а уложить на 2 м² — в Черногории. Одноэтажный дом для человечества при норме 20 м² на душу займет весь Непал с горами. Чтобы питать население с пашни по среднемировой норме 0,23 га/чел., нужно распахать всю Россию. Для тесноватого сельского ландшафта с лугами и т.п. по обеспеченности угодьями Китая (0,4 га) нужна почти вся Африка. Наши цифры скромнее. Так, пашни хватило бы на Юге России даже без его гор и полупустынь. Добавив центрально-черноземные регионы, мы уместимся кучно, но прокормимся. Хотя на простор вкусы разные (одни у китайца, другие у россиянина), сильнее всего локационное сжатие лимитируют землеемкий агросектор.

Таблица 1

Расчет площади для компактного помещения жителей Земли и России

Душевая норма, м²	**1**	**2**	**20**	**2 300**	**4 000**
Для населения	Площадь в км² и примеры территорий с близкими размерами				
Земли (7 млрд)	7 000 о. Зеландия	14 000 Черногория	140 000 Непал	16 100 000 Россия*	28 000 000 Африка*
России (145 млн)	144 Кострома	288 Владикавказ	2 880 Ингушетия	331 200 ЮФО	576 000 ЮФО и ЦЧР

Примечание: * Без внутренних вод.

Объединение и разъединение. Этот род пульсаций тоже присущ разным уровням социального пространства, начиная с глобального. И уж так устроен мир, что интеграции мирового масштаба, будь то *Pax Romana, Pax Arabica, Iberica, Britannica* или *Americana*, требовали экономического и силового патрона. Его затем сменял кто-то из конкурентов. Такие смены в борьбе за лидерство приводили к периодам распадов, дезинтеграций.

На заре XX в. некто А. Зигфрид совершил кругосветку, имея из документов одну клубную визитную карточку, что после 1914 г. стало чудом: описанное Ф. Броделем, оно приведено Л.М. Синцеровым как пример глобализации *Pax Britannica* [11]. Сегодня мир кажется единым, но может устроить вам западню, как герою фильма С. Спилберга «Терминал». Прибыв в Нью-Йорк, он узнал, что его паспорт утратил силу из-за событий на родине, и застрял во «фризоне» аэропорта как в доме-тюрьме. В подобных ловушках вечно сидит всякий люд, часто не столь невинный.

При всей глобализации в мире в 4 раза больше государств, чем сто лет назад. Они размножились делением на поделенной суше, так что их средняя площадь

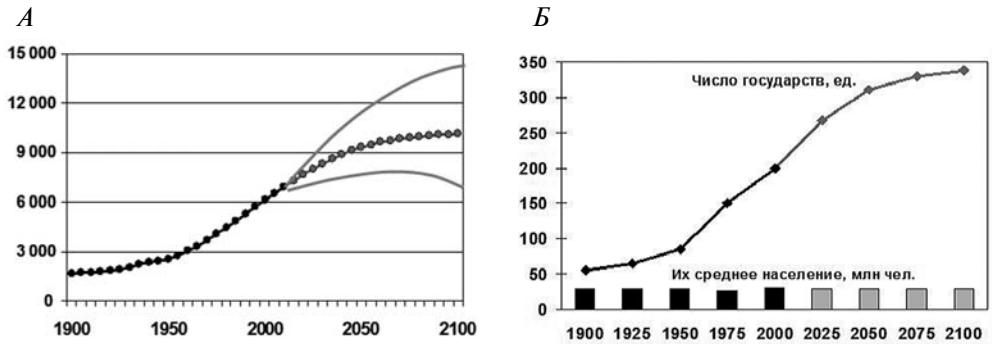


Рис. 5. Глобальная динамика населения, млн. чел., по [35] с вилкой вариантов (*А*) и числом государств по среднему прогнозу и людности 30 млн человек (*Б*)

уменьшилась в 4 раза, хотя среднее население осталось близким к 30 млн человек, ведь землян тоже стало вчетверо больше. Хочется объявить эти 30 млн константой, но на все времена она явно не годится. Если принять эту среднюю, то по демографическим прогнозам легко посчитать число стран: 260–270 в 2025 г., более 300 в 2050 г., около 350 в 2100 г. (рис. 5). Не так много, поскольку ожидается стабилизация мирового населения. Да и прогноз-максимум дает менее 500 государств, а при минимуме их будет не больше, чем сейчас. Правда, есть десятки непризнанных и «почти государств» (как Гренландия, очень автономное владение Дании, в отличие от нее вышедшее из Евросоюза).

Возможны иные сценарии. Так, если на Земле 5 тыс. этносов (цифра встречается, но условна), то реализация ими права на самоопределение увеличит число стран в 25 раз, снизив их среднюю площадь с 650 до 25 тыс. км², население — до 2 млн человек, чему будут противиться существующие державы. Разрешаются эти коллизии болезненно, чаще в пользу самоопределения. Нынешнему школяру и не представить, что политическая карта мира немногим более полувека тому назад была раскрашена «европейскими» цветами колониальных владений. Теперь она местами напоминает лоскутное одеяло из-за обилия малых стран. Их в мире более половины, но их доля в его населении и ВВП невелика. И рядом с ними сохранились «великаны».

Оценивать размер можно по-разному, поскольку страны многомерны как люди. Из сводных мер, по опыту проб, выбрана средняя доля (СД) страны в их общей площади, населении и ВВП (детали см. в прежних публикациях [14, 16]). Среди исторических держав, включая империи, по СД выделяются 5–7 явных гигантов. Китай, США, Россия (СССР) всегда были среди первых, в отличие от канувших в лету империй, Индии, продукта распада Британской, и ЕС, если его считать страной. Бразилия, Канада, Австралия, Япония, а раньше Германия, — скорее «субгиганты». Динамика СД нынешних государств с их неизменной площадью отражает «похудание» Европы (рис. 6). Зато «расправлялась» Африка. США и Россия имели максимальный размер в середине века, когда его теряли Индия и Китай. Моделирование прошлого и будущего в стабильных границах весьма условно: границы неизбежно меняются.

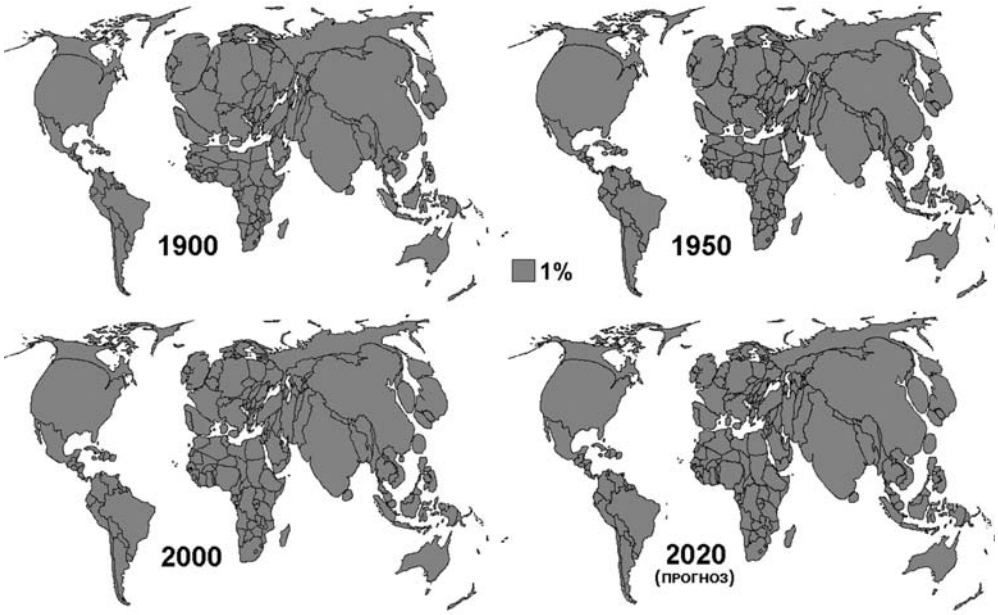


Рис. 6. Размеры стран состава 2010 г. по СД (средней доле в мире по трем признакам: см. в тексте), 1900–2020 гг. Анаморфозы составлены В.С. Тикуновым

У крупных государственных пространств в широком смысле, не сводимом только к площади, есть выгоды и издержки, кратко сведенные в табл. 2. Впрочем, гигант бывает чем-то мал, а карлик — чем-то велик. Первый склонен к мании величия, второй — к мании преследования, но порой страну обуревают обе. Для великанов типично этнокультурное разнообразие. Лидирует в этом отношении Индия. «Переселенческая пестрота» Бразилии и США не так опасна с точки зрения дезинтеграции, как «коренная» в России, Китае, Канаде, где у ряда меньшинств есть большие «титульные» районы.

Таблица 2

Основные плюсы и минусы больших государственных пространств

Плюсы (выгоды)	Минусы (издержки)
Вероятность природно-ресурсного изобилия	Освоенческий синдром и риск распыления средств
Масштабность хозяйства, емкость рынка	Громоздкость, инерционность, автаркичность
Широта «пространственного маневра»	Растяжение коммуникаций, «трение расстояний»
Преимущества большого социума и державности	Формализм информационной и официальной сфер
Весомость и влиятельность в мире	Привычка всех судить и мерить на свой аршин
Военная мощь при «укрытости» от внешнего мира	Риск распада при неудачах и срывах

К 2010 г. Интернет наводнили версии распада большинства гигантов: внешние, выдуманные за рубежом, и доморощенные, иронические или серьезные [14, с. 24–50]. В любом случае это игра с огнем. Затравить и убить мамонта проще, чем воссоздать его из останков. Травлю ведут соперники-гиганты и малые соседи, внутренние сепаратисты и борцы с режимом. Без великанов мир станет иным, не более безопасным и предсказуемым: падение колосса подобно взрыву, ощутимому везде. Игры, быть может, стимулирует смена лидера и всего мирового устройства. Но многополярный и дробный мир обещает еще меньше стабильности.

Восприятие информации: синкретизм, обманы, заблуждения и возбуждения

Признаком нашей эпохи считается бурный рост информационного потока, включающего «шумы», клише, подлоги. Но риски дезинформации и попытки защиты от нее далеко не новы. К ним прибегали племена, далекие от мира модерна. Один доколониальный обычай африканских бечуанов удивил Д. Ливингстона [4, Гл. VII]. Странник, вопрошаемый там о вестях, должен был начать с формулы: «Новостей нет, я слышал одну ложь». После этой подстраховки он мог затем спокойно говорить о том, что знал.

У подобных общин, при их слитности с местообитаниями, бытуют странноватые суждения о них. Почему туземец считает короткой тропой к озеру кружную? Оказывается, на прямой живет хищник (рис. 7). Побежишь от него — дорога и выйдет длинной, каковой опыт заложен в ментальную карту туземца. В этом любимом Л.В. Смирнягиным примере сквозит синкретизм восприятия времени и пространства.

Многое в истории Земли решали ошибки и заблуждения. Та же иллюзия Колумба породила ряд стойких имен: индейцы, Вест-Индия. Ложь и фальшь — источник разных занимательных фабул. Порой они приводили к весьма серьезным результатам со знаками плюс или минус.

Дурной исход имела афера с архипелагом Бисмарка, открытым в 1616 г., но еще «ничьим» в 1870 г., когда некий Ш. дю Брель стал «пиарить» в печати, на фальшивых фотографиях и т.п. г. Порт-Бретон и отменные земли на о. Новая Франция. Возбудив к ним интерес, мошенник нажил продажей виртуальных участков 30 млн. франков. В 1880 г. первые колонисты нашли на месте убогие хижины меланезийцев, малярийные болота и крутые горы. Кто погиб, кто бежал, в том числе домой в Европу, где дю Бреля осудили и посадили [13, с. 72–74]. Архипелаг достался Германии, после мировой войны Австралии и затем Папуа – Новой Гвинее. Там появились города, пальмовые плантации, но аграрным раем он не стал. И разве дю Брель хуже современных интернет-продавцов, предлагающих нам участки на Луне и Марсе?

Другой давний вымысел вылился ни много ни мало в освоение Сибири. В XVI в. южным путем к пряностям Востока владела Португалия, а другие страны искали свои пути. В 1525 г. П. Иовий (Паоло Джовио Новокомский) расспросил московского посла в Риме Д. Герасимова о северо-восточном проходе в Ост-Индию. Тот и приврал: мол, знаем и плаваем, о чем Иовий не преминул написать [6]. Это воодушевило европейских моряков. В 1553 г. Р. Ченслор вошел в устье Северной Двины, где через 30 лет заложили Архангельск. Дальше пошло скорее: Ермак с подачи Строгановых покорил Иртыш и Тобол, на р. Таз поставили пушную фак-

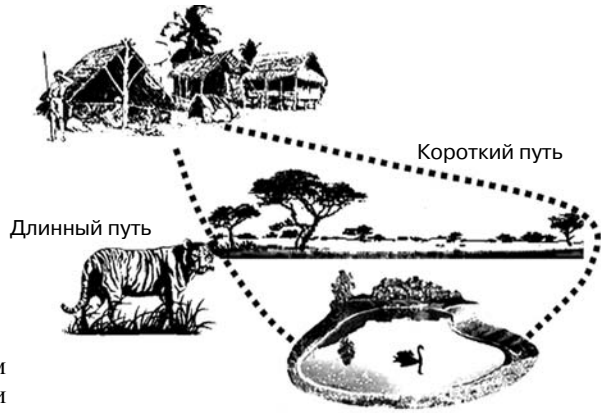


Рис. 7. Расстояния в первобытном восприятии

торию Мангазею, куда поморы ходили кочами. Через 30 лет землепроходцы основали Якутск, в 1640-х годах — Охотск, Анадырь. Еще 30 лет, и русские на Аляске. Тем временем французы и англичане в поисках северо-западного прохода нашли Гудзонов залив, р. Св. Лаврентия, Великие озера, но к середине XVIII в. одолели лишь $^2/_3$ пути между океанами[4]. Ту же дистанцию в похожих условиях, включая нехватку рек широтного течения, русские прошли в 3,5 раза быстрее. Им помог смежный с Сибирью плацдарм и опыт его освоения, например, новгородцами.

Две самых обширных страны мира создала погоня за «мягким золотом» по лесным дебрям. Искали южные пряности, а нашли северные меха (только русские шли за соболем, канадцы — за бобром), рынок которых тоже был мировым. Для их сбора охотой, обменом или данью с «народцев» нужны были колоссальные угодья. Восстановленная популяция соболя в Сибири — это пара особей на 1000 га тайги. Оттуда везли сотни тысяч шкурок, дававших казне $^1/_3$ дохода, пока истребление не подорвало промысел. В XVIII в. пушную славу России поддержала добыча морского зверя у Аляски. За пушной волной по Сибири пошли другие, связанные с внешним рынком: хлебная, золотая, углеводородная [9].

Восприятие наших просторов варьировало от эйфории до уныния. От слов М.В. Ломоносова о прирастании Сибирью и В.О. Ключевского об истории России как истории страны, которая колонизуется, но с оговоркой, что расширения государства были обратно пропорциональны внутренней свободе народа. До В.И. Ленина, по которому «развитие вширь замедляет развитие вглубь», и его оппонента Н.А. Бердяева, писавшего, что легко давались русскому народу его пространства, но не их государственная организация.

Обострение вопроса пришлось на первую половину XIX в. А.С. Пушкин в 1831 г. ответил европейцам, осудившим подавление польского восстания: «Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды, // От финских хладных скал до пламенной Колхиды, // От потрясённого Кремля // До стен недвижного Китая, // Стальной щетиною сверкая, // Не встанет русская земля?». Прочитав эти строки, друг Пушкина П.А. Вяземский записал в дневник: «...Мне так уж надоели эти географические фанфаронады наши: от Перми до Тавриды и проч. Что же тут хорошего, чем радоваться и чем хвастаться, что мы лежим врастяжку, что у нас от мысли до мысли пять тысяч верст...». Та же мысль есть у П.Я. Чаадаева: необъятность страны мешает ее развитию, география заслоняет историю. Заезжого маркиза де Кюстина,

Пушкина в иных его стихах, а то и самого царя (страну-то они знали) удручали расстояния и дороги.

Откуда такое возбуждение? В XVIII в. дистанции были те же, но даже идейные бунтари, как А.Н. Радищев, если и сетовали на муки езды, то мельком. Похоже, сказался коммуникационный разрыв: меньшие европейские дистанции сжимали железные дороги, а у нас их не было[5]. Но Россия догоняла и к 1914 г. вышла на 2-е место в мире после США по длине железных дорог. Место все то же, если не считать ЕС как целого (да и Китай настигает), а вот по плотности этих путей мы близки к Ирану. Длина автодорог меньше, чем у всех гигантов и даже чем у Японии, Франции. Был и период советской эйфории от великого эксперимента и рывка на фоне Великой депрессии Запада. Отсюда «Широка страна моя родная» В.И. Лебедева-Кумача и т.п. У СССР были мировые амбиции, и до поры без ощущения геополитической дизъюнкции. Наоборот: «...крутясь, пролетает обелиск “Азия — Европа”... Я требую его снять!.. Никогда больше не будем мы Азией. Никогда, никогда, никогда!.. Революция идет на Восток с тем, чтобы прийти на Запад». Это из романа В.П. Катаева «Время, вперед!» (1932).

Лихорадка ускорения вызвала впечатление сжатия, уплотнения пространства, хотя вообще-то чревата его растяжением из-за отрыва центров от периферии. Пространство со временем в родстве, и это не просто философия: их синкретичное восприятие может быть массовым. О самом же явлении интеллектуальной моды сказал в «Недоросле» еще Д. И. Фонвизин: «...на умы мода, на знании мода, как на пряжки, на пуговицы».

Модернизация, информация и контрасты пространства

Модернизация, или инновационное развитие, заметнее в одних общественных сферах, чем в других. Ее легко увидеть и оценить в технике, новшества которой заимствуются чаще других, хотя и это зависит от политики, культуры. Свои универсальные критерии у экономики, но для нее и политики характерно обилие версий, уклонений, имитаций. В социальной сфере уровень жизни измерить проще, чем его качество. Наконец, в языке, искусстве, религии признано равенство уникальных малых и больших, старых и новых культур. Не удивительно, что для одних слово «модернизация» звучит почтенно, а других раздражает.

С. Хантингтон в «Столкновении цивилизаций» [18, с. 102–112] техническую модернизацию отличал от культурно-политической вестернизации и выделял варианты ответов незападных обществ на вызовы Запада: предпочтение одной инновации, принятие либо отторжение обеих. Внедрение западной техники без вестернизации культуры он назвал реформизмом (японским, китайским, арабским). И поместил на своей схеме их вероятную смену в виде волны. Сначала модернизация и вестернизация синхронны, как в Турции Ататюрка, потом успехи первой и издержки второй провоцируют антизападное «возрождение». Таких волн было несколько в забытой Хантингтоном России, которая то копировала Запад, то враждовала с ним не менее 300 лет.

Посредником между модернизатором и обществом служит информация, особенно массовая, через СМИ. Ее влияние на инновационное поведение давно стало предметом западной науки (*mass communication research*). В ней видели рычаг «об-

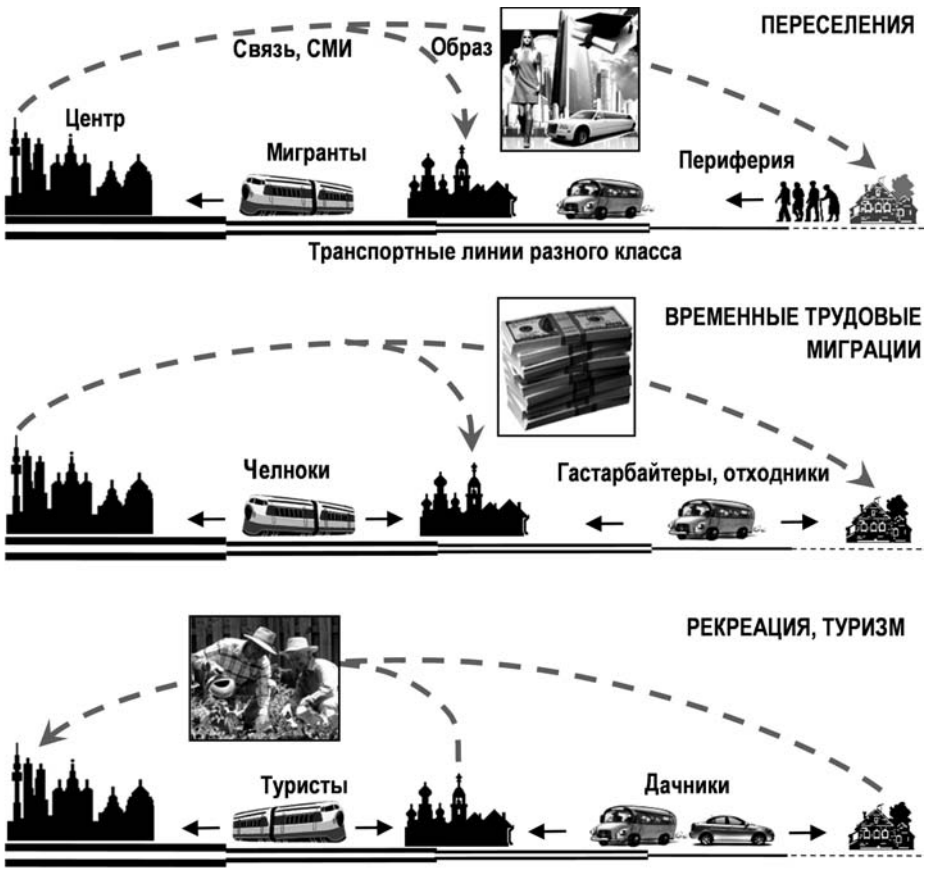


Рис. 8. Схемы встречных движений населения, информации, медийных образов центров и периферии

ращения» наций, хотя позже скептики сочли СМИ несостоятельными при когнитивном диссонансе, когда информации противостоят убеждения людей, и даже при покрытии спроса на развлечения [33]. Поэтому показатели охвата, проникновения и т.п. сами по себе мало что значат. Пропагандистских функций СМИ это не отменило, а в ряде работ их косвенный эффект был выявлен [29, 31]. Он усиливает «культурный империализм», подчинение периферии центрам, их цифровое неравенство. В 1980 г. наделал шума доклад ЮНЕСКО о многоголосом мире [28] с предложением устранить дисбаланс в потоках информации. США и Британия в знак протеста вышли на время из этой организации, оставаясь нетто-экспортерами информационных продуктов и, что важнее, их моделей, технологий. При внешней свободе контента, он все равно ведет к зависимости. Другой вопрос — вкус и выбор потребителя. Он ловит в потоке то, что ему ближе, а это среди прочего зависит от его местожительства в центре или на периферии.

СМИ влияют на мобильность населения (рис. 8, где это показано в российском варианте, хотя наблюдается и за рубежом). Так, гламурные образы мегапо-

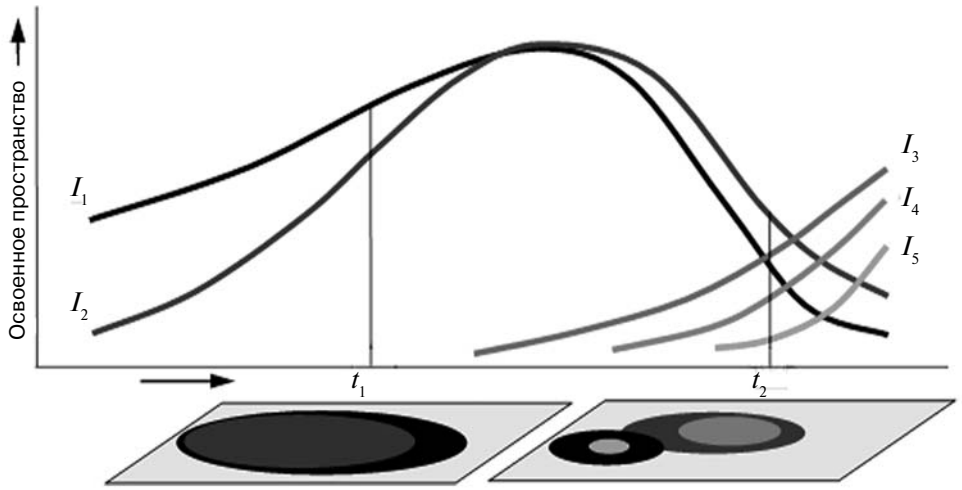


Рис. 9. Общая схема инновационного освоения пространства

лисов ускоряют безвозвратный отток с периферии молодежи. На заработки в режиме маятника и дальнего гастарбайтерства едут люди среднего возраста. Главный «пулл-фактор», деньги, лишает периферию работников, в том числе квалифицированных (утечка мозгов), но оставляет дома семьи, пока кормильцы не перевезут их на новое место. Это сохраняет жителей и поселения в местах выхода, что важно, если они подвержены депопуляции. Туристы и дачники, которых манят впечатления, экзотика, отдых и новые занятия на природе, дают доход не только урбанизированным курортам. В глубинке они покупают и строят дома, иногда участвуют в модернизации инфраструктуры.

Фазы экономических циклов (рост, спад) и, тем более, модернизация, качественное развитие хозяйства и общества, не всегда меняют их территориальные структуры, а если меняют, то не в одну сторону. Бум, как и кризис, может нивелировать условный рельеф, отражающий локальные вариации общего тренда, выравнивая его и «вверх», и «вниз», или же дифференцировать его [16]. Вот почему региональные наука и политика должны быть полимасштабными и учитывать разнонаправленность процессов на разных уровнях социального пространства. Факторов его пульсации много: наука, техника, экономика, демография, политика. Иначе говоря, это пульсация многовидовая, то есть многоволновая. Пример сочетания волн показан на схеме (рис. 9).

По мере выхода волны из ее очага охват пространства растет. В момент времени t_1 оба наличных нововведения переживают экспансию. Освоение ими территории выглядит (и часто прогнозируется по экстраполяции) как растяжение. В момент t_2 инновации I_1–I_2 сжимаются, а новые I_3–I_5 еще не успели разогнаться; диагноз и прогноз, видимо, будут пессимистическими, а повод для оптимизма есть. Ареалы всех инноваций скромнее, чем в момент t_1, но зато тенденция благоприятнее (прогнозы могут этого не уловить, имея дело с нелинейными процессами). Кроме того, инновационное пространство выглядит более сложным, диверсифицированным, что само по себе ценно и перспективно.

Заключение

Рассматривая взаимодействие модернизации с пространством теоретически, можно прибегать к двум гипотезам, соответствующим разным пониманием пространства:

1. *Модернизация в пространстве Эвклида — Ньютона:* среде процесса, носителе ресурсов, стимулов и пределов, ограничений. Тогда это внешняя, как бы независимая от развития общества переменная, что оправдано, если речь идет о геосфере, особенно ее природной части. В конце концов, та существовала до людей и может жить без них.

2. *Модернизация пространства Декарта — Лейбница — Эйнштейна*, *т.е.* такого, которое формируется самим процессом, его агентами, ходом, объектами, а раз сам термин «модернизация» (в отличие от «эволюции») применим к обществу, а не к природе, то это пространство — многомерное социальное.

Первая гипотеза привычнее и зачастую удобнее, а вторая заманчивее, как идея «собственного пространства» людей, их идей и практических достижений, инноваций. Оно отличается от физического своей метрикой и топологией. Проблема в том, что метрик и топологий много. У классиков (В. Кристаллера, А. Лёша, Ф. Перру, У. Айзарда, В. Бунге, В.П. Семенова-Тян-Шанского, Б.Б. Родомана) они всякий раз свои, особенные. Общей и сколь-либо строгой картографической основы здесь не создано. Быть может потому, что многосценарно само пространственное развитие.

Его концепции бывают дескриптивными и прескриптивными. Первые упирают или на «внешние» факторы, или на внутренние тренды, самоорганизацию общества. Их обычные изъяны состоят в недоучете синергетических эффектов, суждении о будущем по экстраполяции, незнании предельных параметров, таких как, например, социальное неравенство. На вторых базируются планы, стратегии, программы. Они нацелены на желаемые или оптимальные территориальные пропорции, но могут игнорировать научное знание, недооценивать барьеры и ограничения (средства для их преодоления), законы самоорганизации.

Да, наши знания о социальном пространстве, мягко говоря, недостаточны. Разве мы уже совсем не грешим так, как старые «геоинформационщики», которых язвительный Джонатан Свифт высмеял в своей «Рапсодии о поэзии» (1733)? Вот отрывок из нее в вольном переводе автора статьи:

Видал я глупых гончих псов,
Плутавших зря в глуши лесов,
Географов — из тех, что смело
На карте устранят пробелы.
Такой слоном прикрыть готов
Незнанье дальних городов.

Впрочем, вопреки знаменитому изречению Фрэнсиса Бэкона, и незнание — сила. Сила, двигавшая и продолжающая двигать людьми, гоняющая их от места к месту не хуже объективных знаний об этих местах и о Земле в целом. А могут быть такие перестроения мест и пространств, о которых мы еще не подозреваем. Развитие коммуникаций уже творит чудеса, снимая препятствия к общению людей, вчера казавшиеся чугунными.

Но вот что важно географам: любимых ими различий это не стирает. Если убывает роль расстояний и вообще отношений мест к внешним данностям, то есть географических положений, каковую мысль проводил у нас Л.В. Смирнягин [12], то нарастают специфика и ценность самих мест. Люди и субъекты экономики, во всяком случае в развитых странах, чаще выбирают их не по нужде, а по желанию. Этот выбор не стал менее ответственным делом. Например, города настолько разные, что их выбор для жизни не менее важен, чем выбор профессии и супруга [25].

Когда все уголки известны, доступны для посещения и поселения, то не это ли та модернизация пространства, о которой можно и нужно мечтать!? В таком пространстве люди станут гораздо более разборчивыми, взыскательными его потребителями, из чего тот же Л.В. Смирнягин вывел блестящее для нашей науки следствие. Из осторожности все же введем в него дозу сослагательности: география, *быть может*, только начинается.

Примечания

[1] На два дома, городской и загородный, жили дворяне Европы, а потом колонисты в жарких странах. Семьи плантаторов-южан США бежали от влажного зноя муссонного лета в лесистые Аппалачи. Летней столицей Британской Индии звали Шимлу: в отроги Гималаев уезжал весь официальный Дели. Декабристы строили в сибирских селах дома, а неподалеку — дачи, символы привычного уклада. Славу садам Сучжоу в 240 км от Нанкина создали отставные чиновники XV–XIX вв. (а вот в современном Китае дач мало).

[2] Другими словами, бизнес, основанный на производстве и эксплуатации знаний, информации, интеллектуальной собственности: искусство и дизайн, индустрия моды и развлечений, видео- и аудиотоваров, СМИ, *IT*-разработки, *R & D* (НИОКР) и др. [27]. По статистике многих стран выделить ее крайне трудно.

[3] Еще А. Гумбольдт и К. Риттер заметили, что знание пространства, путешествия, сообщения его сокращают [3, с. 13–15]. В XX в. эстафету продолжили западные, а затем и российские ученые [5, 7], в том числе в сборнике, где высказался автор этих строк [10].

[4] А. Маккензи вышел к Тихому океану по суше в 1792 г., тогда как И. Москвитин стоял на нем в 1639 г. С моря западный берег Канады Дж. Кук обследовал пораньше, в конце 1770-х годов. Но он и за ним Дж. Ванкувер пользовались русскими картами и знаниями русских промысловиков.

[5] Прямые ссылки на «железное бездорожье» России во времена Пушкина найти трудно. Тогда преобладал скептицизм в отношении рельсовой модернизации: ей тут не место, зимой паровозы и пути замерзнут и т.д. (консервативная реакция по типу «нет, и не надо»). Но он не заглушил горечи от сравнений с Западом и отставания, повлиявшего на исход Крымской войны в 1850-х годах.

Литература

1. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное / Пер. с фр. М.: Весь Мир, 2006. — 623 с.

2. *Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И.* Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991. — 168 с.

3. *Забелин И.М.* Очерки истории географической мысли в СССР (1917–1945 гг.). М.: Наука, 1989. — 256 с.

4. *Ливингстон Д.* Путешествия и исследования в Южной Африке с 1840 по 1855 г. / Сокр. пер. с англ. М.: Географгиз, 1955. URL: http://www.outdoors.ru/book/dl/dl7.php.

5. *Мироненко Н.С., Сорокин М.Ю.* Факторы сжатия географического пространства // География. 2001. № 48. URL: http://geo.1september.ru/2001/48/2.htm.

6. *Новокомский П.И.* Книга о московитском посольстве // Герберштейн С. Записки о Московитских делах. СПб.: Изд-во А.С. Суворина, 1908. С. 251–382.

7. *Пивоваров Ю.Л.* Альтернатива макрорегионального развития России: сжатие интенсивно используемого пространства // Географические основы типологии регионов для формирования региональной политики России. М.: Ин-т географии РАН, 1995. С. 17–23.

8. *Рогачев С.В.* Закон сохранения географического пространства, или быстро хорошо не бывает // География. 2002. № 10. URL: http://geo.1september.ru/2002/10/3.htm.

9. *Савченко А.Б., Трейвиш А.И.* Внешняя торговля, ресурсы Сибири и их роль в формировании российской государственной территории // Проблемы региональной экологии. 2014. № 4. С. 174–179.

10. Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования / С.С. Артоболевский, Л.М. Синцеров (ред.). М.: Эслан, 2010. — 428 с.

11. *Синцеров Л.М.* Ритмы глобальной интеграции // Экономическая география мирового развития. XX век. СПб.: Алетейя, 2003. С. 24–45.

12. *Смирнягин Л.В.* Место вместо местоположения? (О сдвигах в фундаментальных понятиях географии) / Географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза. М.: Новый хронограф, 2012. С. 421–456.

13. *Стингл М.* Приключения в Океании. М.: Правда, 1986. — 590 с.

14. Страны-гиганты: проблемы территориальной стабильности. М.: МГИМО-Университет, 2010. — 216 с.

15. *Трейвиш А.И.* «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России // Известия РАН. Сер. геогр. 2014. № 4. С. 22–32.

16. *Трейвиш А.И.* Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. — 372 с.

17. *Хаггет П.* География: синтез современных знаний. М.: Прогресс, 1979. — 684 с.

18. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. М.: АСТ, 2003. — 603 с.

19. *Хара-Даван Э.* Чингисхан как полководец и его наследие. Алма-Ата: КРАМДС–Ахмед Ясави, 1992. Ч. I. Гл. V. URL: http://gumilevica.kulichki.net/HD/index.html.

20. Global city GDP 2011–2012. URL: http://www.brookings.edu/research/reports (янв. 2013).

21. Creative Industries 2010. URL: http://www.culture.gov.uk/what_we_do/Creative _ industries/.

22. *Cribier F.* La grande migration d'été des citadins en France: essai d'une géographie de la recréation. Editions du C.N.R.S. Mémoires et Documents, No. hors série. 1969. — 403 p.

23. *Dicken P.* Global Shift: Industrial Change in a Turbulent World. L/: Harper & Row, 1986. — 456 p.

24. English Housing Survey. Household report 2008–09. L.: Department for Communities and Local Government Publications, 2010. — 99 p.

25. *Florida R.* Who's Your City?: How the Creative Economy Is Making Where You Live the Most Important Decision of Your Life. Philadelphia: Basic Books, 2008. — 384 p.

26. *Forer P.* A Place for Plastic Space? // Progress in Human Geography. 1978. No. 2. P. 230–267.

27. *Hawkins J.* The Creative Economy. How People Make Money From Ideas. L.: Penguin Books, 2002. — 288 p.

28. Many voices, one world: communication and society today and tomorrow: towards a new more just and more efficient world information and communication order / International Commission for the Study of Communication Problems. London: Kogan Page; N.Y.: Wiley Unipub; Paris: Unesco, 1980. — 312 p.

29. *McCombs M.* Setting the Agenda: The Mass Media and Public Opinion. N.Y.: Polity, 2004. — 184 p.

30. Second Home Tourism in Europe: Lifestyle Issues and Policy Responses / Z. Roca (ed.). Farnham (UK), Berlington (USA): Ashgate Publishing, 2013. — 331 p.

31. *Tarde G.* Les lois de l'imitation. Paris: Kimé Éditeur, 1993. — 428 p.

32. TimeSpace: Geographies of Temporality / J. May, N. Thrift (eds). N.Y.: Routledge, 2001. — 336 p.

33. The Uses of Mass Communications: Current Perspectives on Gratification Research / J.G. Blumler, E. Katz (eds). Beverly Hills: Sage, 1974. — 262 p.

34. World Development Report, 2009: Reshaping Economic Geography. Washington DC: The World Bank, 2009. — 369 p.

35. World Population Prospects: The 2010 Revision Population Database / UN Department of Economic and Social Affairs. URL http://esa.un.org/wpp/unpp/Panel_profiles.htm.

1. Назовите основные компоненты «фактора моря».
2. В чем проявляется зависимость России от «фактора моря»?
3. Какие факторы способствуют, а какие препятствует росту «мореориентированности» российского пространства?

А.Г. Дружинин

«ФАКТОР МОРЯ» В ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ В РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ*

Введение

Мировой океан (его ресурсы, экосистема, коммуникационный потенциал) — играет исключительную, все возрастающую роль в жизнедеятельности Человечества, в его пространственной организации. В существенной мере зависима от «фактора моря» и современная Россия [2], обладающая обширнейшим морским порубежьем (протяженность морских границ превышает 46 тыс. км, на морской шельф приходится свыше 4 млн км², а размеры исключительной экономической зоны составляют около 8,5 млн км² [1]) со сложившейся системой приморского расселения (74 приморских города, 14 городских агломераций, вмещающих 12,6% всего городского населения страны [3]) и развитой (динамично наращиваемой под воздействием геоэкономических интересов и геополитических обстоятельств) морехозяйственной активностью (67 морских портов, объединяющих 882 перегрузочных комплекса суммарной мощностью около 1003,6 млн т в год; морское рыболовство и аквакультура, обеспечиваемые 4056 специализированными предприятиями и организациями; морские газопроводы, чья пропускная способность к концу 2019 г. достигла в сумме 157,5 млрд м³ в год; поиск и извлечение энергоресурсов на морских шельфах и побережьях, осуществляемые компаниями «Газпром», «ЛУКОЙЛ», «Роснефть», «НОВАТЭК», а также их дочерними структурами и др.). В данном контексте исследование проблематики Мирового океана (уже с конца 1960-х годов [8] выступающее органичной, неотъемлемой составляющей отечест-

* *Дружинин А.Г.* «Фактор моря» в территориальной организации общества: исследовательские приоритеты в российской социально-экономической географии // Проблемы регионального развития в начале XXI века: Материалы международной научной конференции / Под ред. Г.М. Федорова, Л.А. Жиндарева, А.Г. Дружинина, Т. Пальмовского. Клининград, 2019. С. 27–36.
Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 18-05-00083 «Приморский фактор» конкурентного потенциала российского региона-эксклава: стратегии и механизмы реализации в условиях геополитической и геоэкономической турбулентности»).

венной социально-экономической географии) — актуализируется, обретает новые аспекты, грани, инициируя не только их инвентаризацию, но и формирование концептуального видения детерминант, форматов и следствий проекции «фактора моря» на территориальную организацию российского общества.

«Фактор моря» в территориальной организации общества: понятийно-категориальные основы исследования

Разработка «морской проблематики» в общественной географии сопряжена с формированием соответствующего понятийно-категориального аппарата, узловым элементом которого, выступают представления о «факторе моря» в социально-экономическом развитии территории, ее пространственном реструктурировании. Методологическим основанием для идентификации и концептуализации «фактора моря» в общественной географии способно выступать как ранее наработанное видение детерминант и проявлений «географического фактора» (в трудах философа Г.В. Плеханова, а также географа В.А. Анучина), так и перманентно нарабатываемое (начиная с работ А. Мэхэна, Л. Мечникова, Х. Маккиндера, В. Семёнова-Тян-Шанского и П. Савицкого) осмысление роли Мирового океана и морского ресурсопользования в геополитике, геоэкономике и в целом в геоистории. В фокусе общественно-географического анализа должны пребывать такие приоритетные аспекты, как:

- общественно-географические предпосылки (природно-экологические, экономико-ресурсные, геополитические и иные) воздействия фактора Мирового океана на пространственные структуры социума;
- использование «фактора моря» в общественной динамике (включая и пространственную организацию общества) и одновременно возникающее явление «мореориентированности» территориальных структур;
- пространственная архитектура (конфигурация) общества (хозяйство, расселение, инфраструктура) в аспекте ее «смещенности» к морю, побережьям, локализованным на них важнейшим социально-экономическим центрам (эффекты «талассоаттрактивности»).

Сам «фактор моря» вмещает, при этом, такие значимые свои компоненты, как:

- продуцируемый морской акваторией (ее транспортирующей способностью, предопределяемой также инфраструктурными и геополитическими обстоятельствами) фактор *акваториального полисоседства* (дистанцированного, «взаимозамещаемого», корреспондирующего со всей совокупностью общественно-географических, технико-технологических и политико-экономических обстоятельств);
- фактор *ресурсного потенциала Мирового океана* (рассредоточенного в акватории и, одновременно, в силу специфики морехозяйственной активности, тяготеющего к морским портам, портово-промышленным комплексам, приморским системам расселения);
- фактор *границ* (порубежных сред) в их природном, экономическом и политико-географическом проявлении, порождающий концентрацию, градиенты, взаимозависимости, трансграничные (трансакваториальные) пространственные феномены.

Оказавшись в фокусе общественно-географического анализа, «фактор моря» воплощается в таких все активнее разрабатываемых категориях, как «социально-экономическая география Мирового океана», «аквально-территориальная организация общества», «морское порубежье», «морское хозяйство», «аквально-территориальные системы (комплексы)», «приморская зона», «приморские регионы», «приморские муниципалитеты», «приморские поселения», «портово-промышленный комплекс», «приморский экономический кластер», «хинтерланды (зоны влияния) морских портов» и др.

«Мореориентированность» пространства современной России: важнейшая специфика

Современная России — в существенной мере «мореориентированная» страна [11] с наличием обширных внутриконтинентальных, географически (в том числе и в экономическом, и в транспортно-инфраструктурном смысле) удаленных от моря пространств (впрочем, также испытывающих опосредованное влияние «морского фактора».

Дальнейшему росту проявлений «мореориентированности» благоприятствуют:

- «открытость» экономики, ее преимущественно сырьевой профиль, интересы крупного бизнеса;
- превалирование у Российской Федерации морского порубежья (⅔ границ России — морские) и обширнейший массив приморских территорий (более 3 млн км^2 — приморские муниципалитеты), а также акваторий в российской юрисдикции (до 8 млн км^2);
- геоэкономическая и геополитическая турбулентность, включая нарастающие транзитные риски, требующие «гибких» партнерств и транспортно-логистических схем;
- осуществленные в последние два десятилетия масштабные инвестиции в морские порты страны (за 1992–2018 гг. грузооборот морских портов России вырос почти в 8 раз); развитие рынка сжиженного природного газа; необходимость сопряжения транспортно-логистических проектов России с интересами других глобальных и региональных «центров силы», включая китайскую инициативу «Один пояс — один путь» [4];
- обострение глобального и регионального геополитического соперничества (в том числе в Арктике), диктующее необходимость укрепления экономического и военно-морского контроля России над всеми сегментами ее порубежья;
- вхождение в состав РФ Крыма, эксклавность Калининградской области, «переток» населения в приморские агломерации на Балтике и в Причерноморье.

Препятствует росту «мореориентированности» российского пространства:

- исторически сложившийся «москвоцентризм», «инерция колеи» в локализации структур хозяйства и расселения — «внутриконтинентальность» (в России из 85 региональных «столиц» 54 находится на расстоянии свыше 500 км от моря; в них проживает около 73% населения региональных центров страны);
- сохраняющая свое действие депопуляция северных и северо-восточных (приморских) территорий России;

- геоэкономически (и геодемографически) мотивированный «сдвиг» интереса Российской Федерации к рынкам КНР, к государствам Центральной Азии, реализуемый в том числе и благодаря развитию сухопутных коммуникационных «коридоров»;
- дефицит финансовых ресурсов (как бюджетных, так и корпоративных) для реализации крупных, ориентированных на освоение ресурсного потенциала Мирового океана инвестиционных проектов.

Евразийские детерминанты и векторы трансформации морехозяйственной активности и приморского расселения в Российской Федерации

В меняющейся Евразии России фактически обречена и далее «разворачиваться к морю», развивая свой морехозяйственный комплекс и наращивая приморские системы расселения. Под воздействием геоэкономических изменений структурные «подвижки» захватывают все важнейшие составляющие морского хозяйства страны: портово-логистическая активность становится все более многовекторной, «смещаясь» из Балтики в Причерноморье, в Тихоокеанскую Россию и (в последние годы), отчасти, в Арктику. Формируются значимые ареалы экспортоориентированной добычи энергоресурсов на шельфе (Сахалин, Каспий, Арктическая зона России). В аквально-территориальных ареалах российских геостратегических интересов (Калининградская область, Крым, Курилы, Арктическая зона и др.) наблюдается развертывание военно-морской инфраструктуры. Компоненты «морской экономики», при этом, неизбежно интернационализируются, становясь составляющими транснациональных, трансграничных пространственных систем, сетей, воспроизводственных «цепочек» и циклов. На этом фоне сохраняют действие пролонгированные процессы концентрации социально-экономического потенциала в немногих ведущих приморских центрах (обретших функции трансграничных коммуникационных узлов и коридоров), включая Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Владивосток, Калининград и др., равно как и имеет место общий «переток» населения в приморские урбанизированные зоны запада (Балтика) и юго-запада (Краснодарский край, Крым) России. Развитие и «уплотнение» инкорпорированных в территориальную организации российского общества «мореориентированных» структур актуализирует проблематику социально-экономической географии Мирового океана, благоприятствует ее диверсификации.

Приоритетные направления исследования «морской тематики» в российской общественной географии

В постсоветской России в фокусе общественно-географического анализа оказались, прежде всего, геоэкономически значимые отрасли, включая транспорт (Н.А. Ермакова, К.Д. Шелест и др.), рыбодобычу (В.А. Мошков) и в целом «морское» природопользование (И.С. Арзамасцев, С.Л. Сычев, Д.Я. Фащук и др.). Было продолжено начатое в советский период теоретическое осмысление

пространственной организации морехозяйственной активности (А.П. Алхименко, Л.К. Бочарова, Н.С. Мироненко, В.М. Разумовский и др.), включая разработку представлений о «континентально-океанической дихотомии» (Л.А. Безруков), «морехозяйственном комплексе» (Г.Г. Гогоберидзе), «приморской зоне» (А.Г. Дружинин). Появились и новые исследовательские сюжеты: трансграничный кластерогенез в приморских зонах (А.Г. Дружинин, Г.М. Фёдоров, А.С. Михайлов и др.), инновационный потенциал приморских городов (А.С. Михайлов, С.С. Лачининский). Активизировалось внимание к регионализации морехозяйственной активности, включая развитие приморских регионов на Балтике (Н.М. Межевич, В.М. Разумовский, В.С. Корнеевец, Г.М. Фёдоров, С.С. Лачининский и др.), на Дальнем Востоке России (П.Я. Бакланов, М.Т. Романов, В.А. Мошков и др.), в Арктической зоне (А.П. Обедков, А.Н. Пилясов, В.И. Павленко и др.), а также в Причерноморье (А.Г. Дружинин). Сохраняет свое значение тематика приморского расселения (А.Г. Дружинин, В.М. Разумовский, Г.М. Фёдоров, Т.Ю. Кузнецова, А.А. Филобок и др.). Акцентирован вопрос о регулировании развития приморских зон (П.Я. Бакланов, Н.JI. Плинк). Существенный вклад в социально-экономическую географию Мирового океана вносит и культивируемая в Балтийском федеральном университете им. И. Канта Калининградская (Балтийская) научная школа общественной географии.

Калининградская (Балтийская) научная школа: теоретические достижения и прикладные заделы в области социально-экономической географии Мирового океана. Первые заделы в разработке «морской» тематике созданы калининградскими географами-обществоведами еще во второй половине 1980-х годов [6]. В дальнейшем, приоритетные усилия оказались сконцентрированы на следующих тематических направлениях:

- разработка геоконцепта «Балтийского региона», обоснование различных аспектов позиционирования в нем приморских регионов Северо-Запада России с акцентом на Калининградскую область (А.П. Клемешев, В.С. Корнеевец, Г.М. Фёдоров, И.С. Гуменюк, Л.Г. Гуменюк и др.);
- исследование предпосылок и особенностей развития компонент морского хозяйства в условиях постсоветской трансформации экономики Калининградской области как региона-эксклава, учет «фактора моря» в региональном социально-экономическом развитии (Г.М. Фёдоров, В.С. Корнеевец, К.Ю. Волошенко);
- анализ возможностей, приоритетов и барьеров функционирования «морских» видов деятельности в контексте геоэкономических и геополитических изменений, включая транспорт (И.С. Гуменюк), туризм (Е.Г. Кропинова), военно-силовые структуры (Ю.М. Зверев);
- выявление особенностей «приморского» расселения и оценка эффектов талассоаттрактивности населения (Г.М. Фёдоров, Т.Ю. Кузнецова, А.С. Михайлов).

В настоящее время Калининградская (Балтийская) научная школа, динамично развиваясь (что иллюстрирует целый ряд симптоматичных, получивших позитивный резонанс научных публикаций [5, 7, 9. 10 и др.]) и будучи плотно и эффективно инкорпорированной в сложившееся сетевое сотрудничество российских

географов, специализирующихся на морской тематике (локализованных также во Владивостоке, в Санкт-Петербурге, Москве, Ростове-на-Дону, Симферополе), выступает значимым (одним из ведущих в Российской Федерации) исследовательским центром в области социально-экономической географии Мирового океана.

Заключение

В меняющемся глобальном контексте территориальная организация общества все отчетливее морскую составляющую и причинность, трансформируясь в аквально-территориальную организацию; процесс этот в полной мере присущ и Российской Федерации, предопределяя исследовательские приоритеты для отечественной общественной географии.

Литература

1. *Алхименко А.П.* Морехозяйственный комплекс России: тенденции развития и проблемы // Морехозяйственный комплекс России. СПб., 2005. С. 5–23.

2. *Дружинин А.Г.* «Морская составляющая» российской общественной географии: традиции и новации // Известия РАН. Серия географическая. 2016. № 6. С. 7–16.

3. *Дружинин А.Г.* Талассоаттрактивность населения в современной России: общественно-географическая экспликация // Балтийский регион. 2017. Т. 9. № 2. С. 28–43.

4. *Дружинин А.Г., Дун Явень.* «Один пояс — один путь»: возможности для регионов западного порубежья России // Балтийский регион. 2018. Т. 10. № 2. С. 39–55.

5. *Клемешев А.П., Корнеевец В.С., Пальмовский Т., Студжиницки Т., Федоров Г.М.* Подходы к определению понятия «Балтийский регион» // Балтийский регион. 2017. Т. 9. № 4. С. 7–28.

6. *Покшишевский В.В., Фёдоров Г.М.* Основы географии населения и расселения в пределах Мирового океана // География океана: теория, практика, проблемы. Л.: Наука, 1988. С. 148–161.

7. Приморские зоны России на Балтике: факторы, особенности, перспективы и стратегии трансграничной кластеризации: Монография / Серия: Научная мысль Балтийского федерального университета. М.: ИНФРА-М, 2018. — 216 с.

8. *Сальников С.С.* Экономическая география океана — новое перспективное направление экономической и социальной географии // Советская география. Л.: Наука, 1984. С. 231–242.

9. *Фёдоров Г.М., Зверев Ю.М., Корнеевец В.С.* Россия на Балтике: 1990–2007 гг. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. — 219 с.

10. *Фёдоров Г.М., Кузнецова Т.Ю., Разумовский В.М.* Влияние близости моря на развитие экономики и расселения Калининградской области // Известия Русского географического общества. 2017. Т. 149. № 3. С. 15–31.

11. *Druzhinin A.* The sea factor in the spatial and socio-economic dynamics of today's Russia // Quaestiones Geographicae. 2019. No. 38 (2). Bodukі Wydawnictwo Naukowe, Poznań. P. 91–100.

ГЛАВА 6

Состав территории государства

Дробление политического пространства мира: основные формы и современные тенденции

Географические типы сепаратизма

1. Что входит в понятие «политические границы»? Почему оно не совпадает с термином «государственные границы»?
2. Что подразумевает собой фрагментация политического пространства? Какие формы его «дробления» существуют?
3. В чем разница между сецессионизмом и сепаратизмом? Поясните термины «автономизм», «индепендизм» и «ирредентизм».

Ф.А. Попов

ДРОБЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА МИРА: ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ*

Общие представления о дроблении политического пространства

Вряд ли имеет смысл пускаться здесь в сложные концептуальные рассуждения, стремясь дать наиболее точное определение понятию «*политическое пространство*». Этот вопрос не входит в число традиционных задач политической географии, можно даже сказать, что ему не уделяется должное внимание — частью из-за молодости дисциплины, частью из-за общей нехватки теоретических подходов к выделению категорий пространственного ряда[1]. Различные трактовки понятия встречаются у В.А. Колосова [5], Р.Ф. Туровского [13], Д.Н. Замятина [2], Н.В. Каледина [4], К.Э. Аксенова [1], В.С. Ягьи [14] и др., однако в редких случаях политическое (политико-географическое, геополитическое) пространство действительно возводится в ранг базовой категории политико-географического анализа политического процесса и важнейшего звена понятийного аппарата политической географии, как порой характеризуют его сами авторы.

Условимся использовать понятие в самом простом его значении — как пространство, формируемое элементами политического характера, политическими объектами и явлениями. Разнообразие таких элементов, их свойств и форм их взаимодействия определяет многомерность общего политического пространства, объединяющего множество частных пространств, накладывающихся друг на друга в пределах некоторой физической территории. Привычная политическая карта мира отражает только одно из них — возможно, наиболее рельефное, но не единственное.

* *Попов Ф.А.* Дробление политического пространства мира: основные формы и современные тенденции // Региональные исследования. 2015. № 2 (48). С. 64–73.

Всякое политическое пространство динамично, оно непрерывно видоизменяется и трансформируется под действием многих процессов. Остановимся на тех из них, что вызывают его *дробление*, точнее, его дезинтеграцию, фрагментацию, дискретизацию, повышение степени его «ячеистости», сопряженное с формированием новых политических границ.

Взгляд на политическое пространство как на систему политических границ облегчает восприятие его многоликости. Политические границы не сводятся к государственным: эта категория охватывает и границы единиц АТД всех порядков, а также границы избирательных округов, резерваций, исключительных экономических зон на море, зон фактического контроля, псевдогосударственных образований, линии фронта, рубежи зон освоенности и т.п. Североамериканский фронтир и засечная черта на юге Российского государства, границы бантустанов в ЮАР и границы зон оккупации Берлина, Зеленая линия на Кипре и Зеленая Стена вокруг Единого Государства[2] — все это тоже политические границы.

Этим объясняется и разнообразие процессов, интерпретируемых в категориях дробления политического пространства — границы могут множиться и в ходе проведения общих административно-территориальных преобразований в государстве, и при принятии конвенций, регулирующих правовой статус различных участков моря и суши, и в результате переделов сфер влияния государств и т.п. Ограничим область исследования теми процессами, что возникают под действием центробежных сил — процессами *политического обособления*[3].

В данной трактовке фрагментация политического пространства в основном сводится к утрате государством некоторых функций в пределах обозначенной территории и передаче их конкурирующим акторам изначально более низкого порядка[4]. В одних случаях факт передачи официально подтверждается властями государства, и тогда можно говорить о дроблении де-юре, зачастую же такое признание отсутствует, т.е. имеет место дробление де-факто. Подчеркнем также, что подобные процессы — что на юридическом, что на фактическом уровне — могут затрагивать как часть государственных функций, так и весь их спектр; последнее означает полный вывод территории из-под юрисдикции материнского государства. На основе этих критериев выделяются типовые разновидности соответствующих процессов.

Основные формы дробления политического пространства

Наиболее явной формой политического обособления представляется *сецессия* — выход части территории государства из его состава под действием внутренних импульсов[5]. Сецессия подразумевает юридически оформленную передачу всей государственной власти в полном объеме, но в определенных территориальных границах, некоему политическому актору, не обладающему статусом государственного[6]. Свобода распоряжения обретенной властью не всегда оборачивается созданием нового государства: сецессия может предварять присоединение территории к другому, уже существовавшему на момент отделения, государству (*ирредента*). Такие сценарии сравнительно редки и касаются преимущественно малых приграничных территорий, хотя известны и более масштабные случаи, к примеру,

аншлюс Германией Судетской области и Мемеля (Клайпеды) в 1938–1939 гг., осуществленный по инициативе местных пронацистских групп.

Сецессия есть форма дробления того самого политико-юридического пространства, что изображается на традиционных мировых или региональных политических картах. В ее результате образуются новые *государственные границы* — частью «вырастающие» из существующих административных границ, частью возникающие на основе природных или исторических рубежей. Если при развитии «индепендистского» сценария на политической карте мира образуется новая «ячейка», то по итогам ирреденты степень фрагментации политического пространства формально не возрастает, меняется лишь положение границ и конфигурация зон. Тем не менее, важным представляется само наличие некоторого — пусть даже де-факто и не выраженного — промежуточного периода абсолютной политической самостоятельности региона. Пространство дробится и тут же вновь консолидируется, что не отменяет самого факта дезинтеграции.

Ирредента часто сливается с прямой передачей участка территории одним государством другому — *цессией*[7]. Граница между процессами размыта: с одной стороны, присоединение отделившейся территории к другому государству невозможно без согласия последнего, с другой — практически любые межгосударственные территориальные обмены сопровождаются поддержкой хотя бы части населения передаваемого региона. Идентичны и внешние атрибуты — территория перемещается из-под одной юрисдикции под другую, «открывая» одни границы и «закрывая» другие, — однако при ее простой передаче упомянутый момент самостоятельности отсутствует в принципе. Политическими акторами здесь выступают сами государства, дезинтегрирующий импульс исходит извне меняющего суверена региона, а дезинтеграции подвергается теряющее территорию государство как изолированный объект, но не политическое пространство в целом.

Юридически оформленная фрагментация политического пространства государства может иметь и менее радикальный характер — когда центробежные процессы складываются в санкционированное территориально выраженное перераспределение власти *внутри государства*. Так происходит, если государство — в ответ на действия местных политических акторов — официально делегирует органам региональной власти (существующим или новообразованным) некоторую часть своих функций, оставляя за собой, помимо прочего, право представлять население территории на международном уровне, т.е. сохраняя над ней суверенитет.

Поскольку здесь решение в общем случае принимают центральные органы власти государства, такое дробление может выглядеть как инспирируемое сверху, хотя обычно инициатива скорее исходит снизу. Особенно это заметно при разовом введении или расширении самоуправления в пределах отдельных областей (к примеру, при создании кантона Юра на территории трех округов кантона Берн в Швейцарии в 1979 г.), однако и более общие дезинтеграционные изменения во всей системе административно-территориального устройства тоже зачастую имеют центробежную природу (трансформация Союзной Республики Югославия в конфедеративный Государственный Союз Сербии и Черногории в 2003 г.). В целом, данная категория охватывает любые подпитываемые снизу процессы повышения степени политической самостоятельности определенных территорий без их вывода из состава государства.

В отличие от сецессии, такая «мягкая дезинтеграция» не нарушает территориальную целостность государства, но снижает степень проницаемости его внутреннего политического пространства. На первый взгляд, различия состоят в масштабе рассмотрения: в одном случае перекраивается политическая карта мира, в другом — политическая карта отдельного государства. В реальности же ситуация сложнее.

Продуктами сецессии являются новые границы суверенных государств — и только. Процессы внутригосударственного юридического обособления приводят к образованию более широкого круга политических рубежей: границ единиц АТД разного уровня, избирательных округов, автономных и специальных регионов, резерваций, военных территорий, зон перемирия и т.д. Собрать их все на одной карте практически невозможно. Границы редко возникают «из ниоткуда» — обычно происходит изменение статуса уже существующих: новые автономии вырезаются по старым контурам, субрегионы «повышаются» до регионов или перемещаются в состав других регионов[8], расширяется самостоятельность ранее созданных образований и т.п. Иными словами, фрагментация здесь проявляется не столько через *создание*, сколько через *усиление* внутренних политических границ, причем степень усиления варьирует в широких пределах, поскольку масштабы делегирования функций заметно различаются от ситуации к ситуации.

В то же время, даже воображаемая всеобъемлющая карта не способна отразить все возможные процессы дезинтеграции. Это касается, в первую очередь, расширения существующей автономии — процесса, который никак не проявляется в территориальном разрезе, но при этом представляет собой едва ли не самую распространенную форму политического обособления. Положение границ автономии может не меняться, формально прежним может оставаться ее статус, но обретение ею новой степени самостоятельности уже само по себе способствует дроблению политического пространства. Границы автономного сообщества Каталония до и после принятия нового статута в 2006 г. — это разные, хотя и совпадающие, границы, а политическое пространство Испании до и после 2006 г. — это политическое пространство с разной степенью проницаемости.

Кроме того, политическое пространство составляют и территориально выраженные объединения государств, выход из которых также можно рассматривать как форму его дробления. Пространственный характер подобных дезинтеграционных процессов может быть подвергнут сомнению — если гипотетический выход из Европейского союза имеет значимую территориальную плоскость, то сказать то же самое в отношении, к примеру, НАТО нельзя. Тем не менее, отрицать существование политического пространства (хоть и слабо консолидированного) на надгосударственном уровне сложно.

Юридическое дробление политического пространства — процесс легитимный, подразумевающий согласие всех сторон по ключевым вопросам и устойчивость формируемых политико-территориальных образований. Дробление де-факто, напротив, аномально по определению, возникающие в результате такого обособления поля власти, по крайней мере, в теории рассматриваются как сугубо временные, отражающие сиюминутную политическую ситуацию в регионе (подробнее о таких процессах — [8]). Юридическое дробление состоит в условно-добровольной передаче государственных функций конкретным политическим акторам, при

дроблении де-факто власть попросту узурпируется и может неоднократно переходить от одного актора к другому, растворяться между ними. Юридическое дробление предполагает однозначность в определении границ, в которых осуществляется делегирование власти, при дроблении де-факто они нигде и никем не регистрируются и потому нечетки и изменчивы. При юридическом дроблении набор передаваемых функций строго фиксирован, при дроблении де-факто он зависит от текущей политической обстановки и зачастую едва ли выявляем.

Упорядоченность процессов юридической фрагментации политического пространства позволяет дифференцировать их по множеству признаков, в том числе четко отделять сецессию от более мягких форм политического обособления территории. В отношении фрагментации де-факто это затруднительно — можно лишь приблизительно оценивать степень самостоятельности тех или иных участков политического пространства. Для обозначения предельных форм такого рода центробежных процессов, протекающих на фактическом уровне, используется термин «*фактическая сецессия*», подчеркивающий их сходство с сецессией юридической.

Укажем на значительно большую амбивалентность данного понятия в сравнении с понятием (юридической) сецессии: под ним понимается совокупность процессов фактического обособления территории, ведущих к ее полному или преимущественному вычленению из политического пространства суверенного государства и переводу под контроль неправительственных групп. Жестких критериев, отсекающих фактическую сецессию от утраты государством отдельных функций на некоторой территории, не существует и разделять их в общем случае бессмысленно. Целесообразнее говорить о различной степени выраженности процессов фактической сецессии.

Основу концепта фактической сецессии составляет понятие *контроля над территорией*, отражающее в том числе возможность политического актора осуществлять в ее пределах государственные функции (подробнее о понятии — [9]). Подчеркнем, что речь идет именно о возможности, а не об осуществлении. Захват и удержание негосударственной группой контроля над регионом не обязательно влечет за собой перенимание соответствующих функций, но затрудняет их осуществление самим государством.

Продукты фактического обособления редко наносятся на неспециальные политические карты, оставаясь невидимыми формальному взгляду, но при этом неровным слоем покрывают солидную часть поверхности планеты. Их общее число не поддается оценке, а внешний вид варьирует от едва заметных разрывов в ткани государства до сложившихся политико-территориальных образований. Временное ослабление государственной власти на той или иной территории — явление настолько повсеместное, что вполне корректно говорить о нем как о естественной аномалии. Даже единичное правонарушение уже может быть рассмотрено как проявление точечной фрагментации политического пространства де-факто. Появление более отчетливых лакун также может носить спорадический характер, отражая общую социально-политическую нестабильность в регионе — порой контроль над территорией меняется в зависимости от сезона или даже времени суток. В других случаях пребывание регионов вне пределов государственной юрисдикции затягивается, их границы стабилизируются, а сами они становятся все больше похожи на типовые суверенные государства.

Для обозначения части государства, выводимой из-под его контроля в результате фактической сецессии, в политической географии используется понятие «*неконтролируемая территория*» (или «*безгосударственная территория*»)[9]. Внутри неконтролируемых территорий возникают неустойчивые области правового вакуума, «серые зоны» (глубинные территории Колумбии, периферийные районы Мьянмы, трущобные пригороды Лагоса или Сан-Паулу) или же создаются «*квазигосударства*» («*псевдогосударства*») — политические образования, перенимающие некоторые функции суверенных государств, но не обладающие международной правосубъектностью (Косово, Приднестровье, Северный Кипр, Северный Котд'Ивуар в 2002–2011 гг., Сомалиленд, Пунтленд и др.).

Природа неконтролируемых территорий различна. Часто фактическая сецессия является следствием стремления какой-либо группы к осуществлению юридической сецессии: самостоятельность де-факто рассматривается как паллиатив независимости де-юре, временное состояние, предшествующее его достижению. Обычно в подобных ситуациях внутри вычленяемых территорий формируются стабильные квазигосударства, стремящиеся к полному замещению государственной власти и легитимизации статуса. Наиболее развитую форму квазигосударства, образованного в ходе деятельности, направленной на юридическое отделение, и обладающего всеми основными признаками суверенного государства, кроме международного признания, именуют «*государством де-факто*». Традиционный набор современных государств де-факто включает в себя Косово, Абхазию, Южную Осетию, Приднестровье, Нагорный Карабах, Сомалиленд, Северный Кипр и некоторые другие образования. В русскоязычной литературе в схожем контексте встречается термин «*непризнанное государство*», не имеющий, однако, четкого семантического содержания.

В то же время, к фактической сецессии нередко приводят движения, преследующие иные цели, достижение которых предполагает нарушение поля государственной власти. Чаще других в этом качестве выступает захват власти во всем государстве или установление контроля над регионами добычи природных ресурсов. Такую форму фактической сецессии называют «*побочной фактической сецессией*». Ее результатом обычно является возникновение слабовыраженных неконтролируемых территорий (например, богатые алмазами юго-восточные районы Сьерра-Леоне в 1991–2002 гг. или внутренние области Колумбии, где произрастает кокаиновый куст), однако возможно и образование жизнеспособных квазигосударств, называемых тогда «*повстанческими государствами*»; наиболее ярким примером развитого повстанческого государства выступает Китайская республика на Тайване.

Отдельно скажем о выпадении из ткани государства частей крупных населенных пунктов. Подобное мелкомасштабное дробление политического пространства обычно имеет сугубо криминальные корни — власть здесь рассматривается как самоценный ресурс, прямой источник обогащения, инструмент реализации амбиций. В других случаях местные акторы оказываются вынуждены замещать государство в выполнении его базовых функций, когда оно по каким-то причинам оказывается не в состоянии делать это.

Движения, инициирующие процессы политического обособления. Представленные формы дробления политического пространства различаются не только по

механике обособления, но и по общей распространенности в современном мире. Юридически закрепленное повышение степени самостоятельности отдельного региона внутри государства — явление гораздо более распространенное, чем кажется на первый взгляд. Равным образом и фактическое ослабление государственного контроля в пределах некоторой территории сложно считать чем-то экстраординарным. В противовес этому, завершенная юридическая сецессия сейчас — событие исключительное.

Политическая карта мира, еще недавно походившая на моментальную фотографию подвижной расстановки сил на территории, сегодня существует как нечто принципиально устойчивое и в норме неизменное. Сложившийся рисунок государственных границ обрел самостоятельную ценность. В течение почти полутора десятков лет XXI в. зафиксировано только «два с половиной» случая юридической сецессии — в Южном Судане в 2011 г., в Черногории в 2006 г. и, с оговорками, в Восточном Тиморе в 2002 г. Всего четверть века назад сецессия играла значительно большую роль в формировании политической карты мира — не говоря уже о периоде лавинообразной деколонизации середины XX в. Тем не менее, делать вывод об уходе проблемы с мировой повестки дня не стоит.

Несмотря на номинальное окостенение политической карты мира, желающих исправить ее по-прежнему хватает. Логика здесь проста: то, что удалось Джону Гарангу и почти удалось Алексу Салмонду, может получиться и у другого борца за свободу. На каждый принцип неприкосновенности государственных границ находится свое право наций на самоопределение. Пусть шансы на успех минимальны — надежда есть всегда, благо прецедент с массовым признанием суверенитета Косова продемонстрировал иные пути достижения политической самостоятельности, в обход членства в ООН. Словом, хотя сецессия как таковая уже не является актуальным фактором преобразования политической карты, *движения*, нацеленные на ее перекройку, продолжают играть значимую роль на мировой арене. Их воздействие на настоящий момент в той или иной степени испытывают на себе более трети всех международно признанных государств мира. В современной литературе такие движения обозначают термином «*сецессионизм*».

Направленность на юридическую сецессию отличает сецессионизм от *сепаратизма* — политического движения, ставящего своей целью юридически оформленное обособление части территории государства, которое может быть выражено не только в форме сецессии, но и в форме повышения степени самостоятельности территории без деформации государственных границ. В русскоязычной литературе и бытовой лексике эти два понятия часто необоснованно смешиваются, что вызывает смысловую путаницу.

Сепаратизм существует в двух разновидностях, предполагающих нацеленность на осуществление двух форм юридического дробления политического пространства: «мягкой дезинтеграции» без выхода из состава государства и сецессии. Первую составляющую обозначают как «*автономизм*», вторую логично было бы обозначить как собственно сецессионизм, но здесь возникает затруднение. Успех сепаратистского движения предполагает формирование нового центра власти: центробежные процессы, инспирирующие обособление, сочетаются с центростремительными, обеспечивающими целостность сепаратистского политико-территориального образования. Однако в случае ирреденты новый центр власти не формируется (вер-

нее, формируется на временной основе), территория переподчиняется существующему альтернативному центру, расположенному вне границ подверженного сецессии государства.

Исходя из этого разграничения, для сепаратистской разновидности сецессионизма (она же сецессионистская разновидность сепаратизма) используют термин «*индепендизм*», а сецессионистские движения, добивающиеся ирреденты, обозначают как «*ирредентизм*». В современном мире ирредентизм встречается сравнительно нечасто: в общем случае ирредентисты предпочитают позиционировать себя сторонниками независимости, это упрощает завоевание сочувствия во внешней среде. Хотя при наличии мощной идеологической базы и поддержки со стороны государства-акцептора требование образования нового суверенного государства в ирредентистской программе может и отсутствовать (таков, к примеру, североирландский ирредентизм).

Отметим, что в современной литературе термины «ирредента» и «ирредентизм» часто используются для обозначения в принципе любого политического движения или политической практики, направленных на объединение под общей властью разделенной государственной границей территории/общности. Представленная узкая трактовка присуща политико-географам (см., к примеру, [1, 3, 12]).

Кроме того, в более широком значении ирредентизм включает также движения, нацеленные на присоединение всей территории государства к другому государству — т. н. *тотальный ирредентизм*, представленный, к примеру, отдельными движениями в Молдавии за объединение с Румынией. В этом случае ирредентизм уже не выступает разновидностью сецессионизма и ведет не к дроблению, а, напротив, к консолидации политического пространства.

Таким образом, сецессионизм и сепаратизм не тождественны друг другу, более того, ни один из них не является разновидностью другого — массивы сецессионистских и сепаратистских движений целесообразно представить как два частично перекрывающихся множества. Аналогичным образом соотносятся между собой сецессионизм и ирредентизм. Для облегчения восприятия изложенной понятийно-терминологической картины изобразим ее в виде схемы (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение основных понятий, используемых для обозначения разных типов политических движений дезинтеграционного характера

<table>
<tr><td colspan="2">Сепаратизм</td><td colspan="2">Ирредентизм</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Автономизм</td><td colspan="2">Сецессионизм</td><td rowspan="2">Тотальный ирредентизм</td></tr>
<tr><td>Индепендизм</td><td>Малый ирредентизм</td></tr>
</table>

Составлено автором.

Все эти понятия (кроме тотального ирредентизма) используются для обозначения движений, нацеленных на юридическое дробление политического пространства. На первый взгляд, естественным было бы разместить в этой же системе координат и те движения, что провоцируют фактическую сецессию, завершив тем самым картину соотношения соответствующих дезинтегрирующих сил. Однако попытка определить «сецессионизм де-факто» на основе заявляемых целей зара-

нее обречена на провал. Как уже подчеркивалось, нарушение поля государственной власти часто выступает побочным эффектом или инструментом решения иных задач, промежуточной целью на пути к достижению основной — и даже в таком сугубо служебном статусе эта установка редко озвучивается инсургентами. Критерий позиции движения, принятый для определения сецессионизма, ирредентизма или автономизма, здесь не работает, движения по своей природе не выстраиваются в единый ряд.

Разницу между категориями также подчеркивает то обстоятельство, что движение любого «целевого типа» может как сопровождаться фактическим дроблением политического пространства, так и протекать без него. Это относится и к автономизму: вооруженная борьба за предоставление тому или иному племени территориальной автономии — привычная картина для востока Индии, хотя в целом такие ситуации отражают скорее исключение, чем правило.

Предлагаемый подход к соотнесению данных типов дезинтегрирующих сил состоит в расширении области значения понятия сецессионизма и включении в нее также политических движений любой целевой направленности, деятельность которых приводит к осуществлению фактической сецессии. Хотя такое сближение категорий не выглядит бесспорным, оно позволяет единым взглядом охватить обе разновидности процессов глубокого дробления политического пространства. В этом случае юридическая и фактическая сецессия выступают не как два основания для формирования двух независимых типов сецессионистского движения, а как два самостоятельных признака, позволяющих выделить такие движения.

Сецессионизм сегодня и завтра[10]. Представления о сецессионизме как о «двуглавом» феномене делает его крайне разнородным и всепроникающим явлением. Бессчетное количество имен, событий и процессов несет на себе тот или иной его отпечаток. Американская революция и война Севера с Югом, убийство Франца Фердинанда и четырнадцать пунктов Вильсона, распад СССР и коллапс Афганистана, косовский прецедент и крымская ирредента, варлордизм и волны деколонизации, право наций на самоопределение и шотландский референдум, Джузеппе Мадзини и Махатма Ганди, Исламское государство и тайваньское квазигосударство, ИРА и ЭТА, сомалийские пираты и колумбийские наркобароны, датская Христиания и фавелы Рио-де-Жанейро — список можно продолжать сколь угодно долго.

Вызов, бросаемый сецессионизмом современной глобальной безопасности, сложно не замечать. Его след виден во множестве конфликтов, уносящих человеческие жизни, разрушающих экономическую и социальную ткань обществ. С сецессионизмом так или иначе связаны международный терроризм, наркобизнес, рост бандитизма, возрождение пиратства. Вооруженный сецессионизм сегодня распространен и в Европе (Ольстер, Страна Басков, Косово, Донбасс), и в Латинской Америке (внутренние районы Колумбии, Чьяпас в Мексике), совсем недавно он наблюдался в Океании (Новая Каледония, Бугенвиль), однако наибольшего развития он достиг в странах Африки и Азии. «Черный континент» пестрит десятками «горячих точек», имеющих в том числе и сецессионистский генезис: в XXI в. в их число входили Северный Кот-д‘Ивуар, Южный Судан, восток Ливии, вся территория Сомали, Казаманс в Сенегале, Кабинда в Анголе; ранее здесь же был бы упомянут юго-восток Сьерра-Леоне, Эритрея, Северный Чад, нигерийская Би-

афра, конголезские Катанга и Южное Касаи. В Азии сформировались три больших «котла» сецессионизма — восточноиндийский, мьянманский и афганский, а за их пределами оставались еще Курдистан, Кашмир, Тамил Илам, Южные Филиппины, Южный Кавказ. Даже те конфликты, которые принято относить к «погашенным», в действительности нередко остаются тлеющими и потенциально взрывоопасными очагами нестабильности.

Не стоит недооценивать угрозу, исходящую и от тех движений, что преследуют сецессионистские цели без обращения к оружию. Даже сугубо «виртуальное» движение в перспективе способно перейти к вооруженной борьбе — так, баскский сецессионизм еще в конце XIX в. существовал лишь в виде воззваний отдельных идеологов, а менее чем век спустя эволюционировал в агрессивное движение с террористической составляющей.

Юридически оформленная сецессия не только создает прецеденты, провоцирующие «подражательный» сецессионизм (сецессионизм косовской и чеченской автономий, индуцированный отделением «союзных республик»), но и порой способствует *атомизации* сецессионистских движений, как это было в населенных сербами районах Хорватии, Боснии и Герцеговины после одностороннего выхода последних из состава Югославии или в населенных меньшинствами районах новообразованных Грузии (Абхазия, Южная Осетия), Азербайджана (Нагорный Карабах), Молдавии (Приднестровье).

На настоящий момент сецессионизм переживает период триумфа, хотя его пик, возможно, уже преодолен. Оставив за рамками исследования вопрос определения момента зарождения феномена, обратимся к его смутному будущему. Вряд ли мир когда-либо достигнет того утопического состояния, при котором будет искоренено всякое стремление к власти и несанкционированное дробление политического пространства станет достоянием истории. В то же время, установить, какую форму оно обретет и какую роль будет играть в мировых политических процессах, крайне сложно.

Если существующая система международных отношений, содержащая отдельные механизмы «инвентаризации» суверенных государств и сдерживания неконтролируемой фрагментации политической карты, будет утрачена, это будет означать крушение современного миропорядка и расцвет сецессионизма — неважно, фактического или юридического. Вероятно, относительная стабильность будет вновь достигнута с иной формой мироустройства, предсказать которую (как и определить в ней место сецессионизма) не представляется возможным.

Если будет налажена устойчивая система международных отношений, базирующаяся на непреложности правовых норм, запрещающих неконституционную сецессию и ее поддержку соседними государствами, норм, которые бы ставились выше как частных интересов государств и прочих политических акторов, так и абстрактных требований справедливости, это даст повод говорить об определенной стабилизации миропорядка, хотя сецессионистские движения продолжат множиться и набирать силу, внешне оставаясь примерно такими же, какими они предстают сейчас.

Если в соответствующие правовые нормы будут инкорпорированы несецессионистские механизмы частичного удовлетворения интересов различных групп и акторов, которые могут служить действительными причинами сецессионистской де-

ятельности или использоваться для ее моральной легитимизации, то сецессионизм может существенно ослабнуть, переместиться в категорию маргинальных движений и, по-видимому, как-то видоизмениться, адаптироваться к новым условиям.

Но наиболее действенным способом снизить интенсивность сецессионистских процессов представляется воздействие не на условия их протекания, а на мотивацию самих сецессионистов и — главное — потенциально сочувствующего им населения планеты. Основная сила современных сепаратистов не в оружии, а в ореоле моральной легитимности, который они обрели благодаря повсеместному распространению принципа национализма, принимаемого массовым сознанием как естественный и безусловно справедливый. В эпоху глобализации и тотальной информатизации общества недооценивать значимость общественного мнения нельзя.

Сейчас подобные умонастроения в головах большинства населения планеты выглядят настолько привычно, что кажется странным, что еще триста лет назад картина была совсем иной и все многочисленные сецессионистские движения действовали под другими, гораздо менее красочными, флагами. Однако все, что имеет начало, имеет и конец, сецессионизм не должен составить исключение.

Примечания

[1] Л.В. Смирнягин пишет о сходных проблемах в отношении развития концепции социального пространства [10].

[2] Единое Государство — глобальное государство из романа-антиутопии Е.И. Замятина «Мы».

[3] В дальнейшем в целях облегчения восприятия текста указание на центробежный характер изучаемых процессов дробления и фрагментации политического пространства будет в общем случае опускаться.

[4] Исключение составляют редкие случаи развития дезинтеграционных процессов на территориях, формально не принадлежащих ни одному суверенному государству мира (к примеру, деятельность фронта Полисарио в Западной Сахаре), а также сравнительно слабо выраженные процессы дробления политического пространства на надгосударственном уровне.

[5] Определения основных понятий, используемых в статье, можно найти в словаре-справочнике под редакцией А.П. Горкина [11].

[6] Здесь и далее под государственным актором понимаются носители центральной государственной власти; представители региональной власти, к примеру, под эту категорию не подпадают.

[7] Примеры цессии — уступка Савойи и Ниццы Сардинским королевством Франции в 1860 г. или покупка Аляски правительством США у Российской империи в 1867 г.

[8] Межрегиональная ирредента — не редкость; вспомним, к примеру, перевод Сокольского района из Ивановской в Нижегородскую область в 1994 г.

[9] Подробнее о понятийно-терминологической стороне изучения феномена фактической сецессии — см. [7].

[10] Более подробно вопрос развития и распространения сецессионизма в современном мире рассмотрен в авторской монографии [6].

Литература

1. *Аксенов К.Э.* Пространство и политика. Концептуальные подходы к изучению особой предметной области: Препринт научного доклада. СПб.: Петрополис, 1993.

2. *Замятин Д.Н.* Пространство как образ и трансакция: к становлению геономики // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 129–142.

3. *Заяц Д.В.* Географические типы сепаратизма // Проблемы геоконфликтологии: В 2 т. / Под ред. Н.С. Мироненко. М.: Пресс-Соло, 2004. Т. 1. С. 36–58.

4. *Каледин Н.В.* Политическая география: истоки, проблемы, принципы научной концепции. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. — 164 с.

5. *Колосов В.А., Мироненко Н.С.* Геополитика и политическая география: Учебник. М.: Аспект Пресс, 2001. — 479 с.

6. *Попов Ф.А.* География сецессионизма в современном мире. М.: Новый Хронограф, 2012. — 672 с.

7. *Попов Ф.А.* От «безгосударственной территории» к «государству де-факто» // Международные процессы. 2011. Т. 9. № 2 (26). С. 16–28.

8. *Попов Ф.А.* Пространственные аспекты деградации и краха суверенного государства // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 7. С. 78–86.

9. *Себенцов А.Б., Колосов В.А.* Феномен неконтролируемых территорий в современном мире // Полис. 2012. № 2. С. 31–46.

10. *Смирнягин Л.В.* О региональной идентичности // Меняющаяся география зарубежного мира / Под ред. А.С. Фетисова, И.С. Ивановой, И.М. Кузиной // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 17. М.; Смоленск: Ойкумена, 2007. С. 21–49.

11. Социально-экономическая география: понятия и термины: Словарь-справочник / Отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. — 328 с.

12. *Туровский Р.Ф.* Политическая география: Учеб. пособие. М.; Смоленск: Изд-во СГУ, 1999. — 381 с.

13. *Туровский Р.Ф.* Политический ландшафт как категория политического анализа // Вестник Московского ун-та. Серия 12: Политические науки. 1995. № 3. С. 33–44.

14. *Ягья В.С.* Пространство в политической географии (постановка проблемы) // Экономическая и социальная география: проблемы и перспективы: Сб. ст. Л.: ГО СССР, 1984. С. 73–79.

1. Перечислите основные географические типы сепаратизма и дайте характеристику каждому из них.
2. В чем заключается феномен множественной идентичности западноевропейцев?
3. Чем объясняется низкий уровень распространения сепаратистских настроений в Западном полушарии?

Д.В. Заяц

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТИПЫ СЕПАРАТИЗМА*

Создание типологии — процесс сложный, трудоемкий, требующий обработки больших баз данных. К настоящему времени многими авторами предложены собственные типологии сепаратизма, которые сильно различаются по своим целям и критериям.

Многие западные авторы практически не выделяют специфических типов сепаратизма, а довольствуются классификацией национализма. П. Тэйлор выдвигает такие типы национализма, как протонационализм (большинство стран Западной Европы), унификационный национализм (Италия и Германия во второй половине XIX в.), сепаратистский национализм, освободительный национализм (США, Латинская Америка при Боливаре), возрождающий национализм (исламская революция в Иране). У. Коннор различает национализм для наций-государств (Исландия, Норвегия, Япония), многонациональных государств с одной (Малайзия, Шри-Ланка) и несколькими (Нигерия) этническими прародинами (*homeland*) или отсутствием таковых (Гайана, Суринам), а также для государств иммигрантов (США) и метисов (Латинская Америка).

Достаточно обширная классификация сепаратизма проведена А. Авраменко. В ней сепаратизм классифицируется по 9 критериям (цель, сущность, социальная база, методы проведения и др.), общее количество выделенных типов достигает двадцати четырех. Однако данная схема далеко не совершенна. В ней, например, отсутствуют попытки раскрытия исторических и региональных типов сепаратизма, а многие из выделенных типов могут рассматриваться только гипотетически, так как конкретные их примеры не приведены.

А. Крылов, исследовавший связанные с сепаратизмом конфликты в странах Востока, выделил три их типа: 1) этнические (Шри-Ланка, Мьянма, Эфиопия), 2) конфессиональные (Южные Филиппины), 3) полиэтнические и поликонфессиональные (Эритрея, Южный Судан).

Эта типология, построенная на объединении очагов конфликтов с общим генезисом, дополнена реальными примерами, но не подходит для использования

* *Заяц Д.В.* Географические типы сепаратизма // Проблемы геоконфликтологии. М., 2004. С. 36–58.

в настоящей работе из-за того, что была выработана применительно к небольшой группе государств.

Г. Мирский основал свою типологию на исторических предпосылках сепаратизма. Она изначально использовалась автором только для государств, образовавшихся на месте бывшего СССР, но заложенные в ней приемы оказались вполне применимыми и для характеристики сепаратизма в других регионах.

По Г. Мирскому, выделяются три группы конфликтов:

1) связанные с длительными антагонистическими взаимоотношениями этнических групп. Они наиболее сложны для урегулирования, так как налицо «наследие крови» через многие поколения людей. Примеры: Нагорный Карабах, Босния и Герцеговина, Курдистан, Сев. Ирландия;
2) конфликты, которым предшествовала длительная взаимная отчужденность, не доходившая, однако, ранее до уровня прямого силового противостояния. Примеры: Абхазия, Южная Осетия, Квебек, Бельгия, Шри-Ланка, Нигерия (Иболенд);
3) конфликты между этническими группами, отношения между которыми раньше были вполне нормальными. Примеры: конфликты между осетинами и ингушами, узбеками и киргизами.

Данная типология представляет интерес своим историческим подходом, но и она мало соответствует требованиям настоящего исследования, так как не позволяет представить проявления сепаратизма на пространственном уровне. Из всех рассматриваемых типологий наиболее географичной является предложенная И. Гладким и Ю. Гладким. Авторы выделили шесть пространственных уровней этнических конфликтов:

1) глобальный;
2) межконтинентальный;
3) субрегиональный (обычно: уровень семей народов);
4) региональный (обычно: уровень групп народов);
5) локальный межэтнический;
6) локальный внутриэтнический («клановый» и т.д.).

Пространственные уровни тесно связаны с формами проявления этнического кризиса, к числу которых авторы отнесли:

1) этнические войны;
2) эпизодические вооруженные конфликты;
3) погромы, уличные бои;
4) мирные забастовки, манифестации протеста;
5) ущемление демократических свобод этноса;
6) «бытовой национализм».

К достоинствам типологии Гладких следует отнести учет пространственной организации очагов этнических конфликтов, а также иерархию стадий их развития от низшей ступени («бытовой национализм») до высшей (этническая война), что позволяет определять интенсивность очага конфликта и сравнивать уровни рисков таких конфликтов между собой. С другой стороны, эта классификация опирается

только на этническую составляющую конфликтов, тогда как конфликты, связанные с прочими генетическими факторами, оказываются за ее пределами.

Для работы, создаваемой с позиций географии, а не политологии или теории международных отношений, необходима типология, более тесно связанная с пространством. Она призвана допускать выделение географических типов сепаратизма. Эти типы должны отчетливо отображаться на географической карте. Такую типологию можно создать только опираясь на географическую основу, т.е. учитывая пространственные закономерности размещения и развития очагов сепаратизма.

С учетом всего вышеизложенного, принимая во внимание все рассмотренные типологии, нами была разработана географическая типология современных очагов сепаратизма. Все наиболее крупные очаги сепаратизма сгруппированы в региональные блоки на основе следующих критериев:

1) географическая близость;
2) этнокультурная общность;
3) единый цивилизационно-культурный фундамент (например, христианский, исламский, буддистско-индуистский);
4) сходство исторического развития;
5) аналогии в действии факторов развития сепаратизма;
6) уровень политической стабильности;
7) интенсивность конфликтов.

При этом было выделено шесть региональных типов сепаратизма, охватывающих четыре континента. Частично они наследуют границы культурно-исторических регионов ООН (ЮНЕСКО). Результаты оценки географических типов сепаратизма по ряду параметров приведены в табл. 1, 2, 3.

Таблица 1

Географические типы сепаратизма

Географические типы сепаратизма	Число очагов конфликтов (на начало 1999 г.)		Период актуализации большинства конфликтов	Число погибших в 1995 г., чел.	Политическая стабильность	Интенсивность конфликтов
	Всего	из них вооруженных				
Западно-европейский	8	0	60–70-е гг.	< 100	+ +	+ +
Восточно-европейский	14	1	конец 80-х — 90-е гг.	≈ 43 000	+	+ + +
Исламский	6	2	70–90-е гг.	≈ 9 000	+	+ + +
Азиатский	15	11	40–70-е гг.	> 7 000	+	+ + +
Африканский	6	5	80–90-е гг.	≈ 2 000	±	+ +
Американский	4	1	60–90-е гг.	< 1 000	+ +	+
Всего	53	20		»		

Примечания: +++ выражено сильно, ++ выражено средне, + выражено слабо, ± выражено крайне слабо.

Таблица 2

Роль основных факторов в развитии очагов современного сепаратизма

Географические типы сепаратизма	Фактор						
	этно-конфессиональный	социально-экономический	природных границ	геополитический	общественной мобилизации	наличия потенциальной правящей элиты, организации и лидера	исторического опыта государственности
Западноевропейский	+ + +	+ + +	+	+	+ + +	+ + +	+ +
Восточноевропейский	+ + +	+ + +	+ +	+ + +	+ + +	+ + +	+ +
Исламский	+ + +	+	+ + +	+ +	+ + +	+ +	+
Азиатский	+ + +	+ +	+ + +	+ + +	+ + +	+ +	+
Африканский	+ + +	+ +	+ +	+ +	+ + +	+ +	+
Американский	+ + +	+ + +	+ +	+	+ + +	+ + +	+

Примечания: +++ выражено сильно, ++ выражено средне, + выражено слабо

Таблица 3

Основные требования сепаратистских движений

Географические типы сепаратизма	Государственная независимость	Присоединение к другому государству	Государственная независимость		Всего
			или присоединение к другому государству	или создание федерации (конфедерации)	
Западноевропейский	6	1	1	—	8
Восточноевропейский	3	3	4	4	14
Исламский	4	—	—	2	6
Азиатский	13	—	1	1	15
Африканский	5	—	1	—	6
Американский	4	—	—	—	4
Всего	35	4	7	7	53

По приведенным материалам прослеживается специфика каждой региональной группы очагов сепаратистских конфликтов, что позволяет считать все шесть региональных типов сепаратизма объективно существующими.

1. **Западноевропейский тип сепаратизма**, к которому мы отнесли очаги конфликтов в Северной Ирландии, Стране Басков, на Корсике и некоторые другие, характеризуется ведущей ролью этно-конфессионального и социально-экономического факторов. Здесь преобладает высокая общественная мобилизация населения, не выплескивающаяся (за исключением Северной Ирландии, Корсики

и Страны Басков) за пределы «цивилизованной» политической борьбы. Как правило, основными целями западноевропейских национальных и региональных движений (в том числе в Уэльсе, Галисии, Северной Италии, Сицилии) является не немедленное создание независимого государства, а достижение максимальной национально-культурной, экономической и политической автономии в рамках существующих ныне государственных границ. Это, в частности, приводит к тому, что до стадии сепаратизма «дозревает» ограниченное число этноареалов национальных меньшинств. Уровень внешнего вмешательства в конфликты незначителен (исключение — Северная Ирландия).

Националистические движения в Западной Европе действуют в условиях этнополитического плюрализма. Почти все они (за исключением крайне экстремистских — ЭТА в Стране Басков, ИРА в Северной Ирландии, ФНОК на Корсике) действуют легально, имея собственную атрибутику, а также печатные издания, теле- и радиостудии для пропаганды своих взглядов. В Западной Европе нет запрета на использование любых национальных языков в образовании, общественной жизни и местных органах управления. Открыто отмечаются национальные праздники. Интересы сепаратистских движений представляют национальные партии: каталонская партия Конвергенция и Союз, Баскская националистическая партия, североирландская Шинн Фейн и др. Лидеры этих партий, получившие образование в престижнейших европейских университетах, резко контрастируют с «полевыми командирами» из самопровозглашенных «государств» Кавказа, Среднего Востока и Балкан.

Основная часть населения как ныне существующих, так и потенциальных очагов сепаратизма, как правило, трезво, без эйфории, воспринимает расплывчатые перспективы самостоятельного существования. Прагматическая оценка трудностей перехода к собственной государственности превалирует над эмоциями. Осознание своей малой родины как части единой Европы выработало у западноевропейцев множественную идентичность. Так, у жителей Барселоны каталонская идентичность органично уживается с испанской и европейской.

2. **Восточноевропейский тип сепаратизма** (примеры: Косово, Чечня, Приднестровье, Абхазия, Нагорный Карабах, Татарстан и др.) охватывает пространства Центрально-Восточной Европы (бывшие страны СЭВ и Югославия), европейской части СНГ, а также Кавказский регион (Северный Кавказ и Закавказье) и остров Кипр. Сюда входят страны Европы и новые государства, образовавшиеся на территории бывшего СССР (за исключением Центральной Азии).

Данный тип отличается от западноевропейского недавней актуализацией очагов сепаратизма (конец 1980-х — 1990-е годы). Здесь уже существует целый ряд непризнанных государств, имеющих, тем не менее, все атрибуты государственности, которые в литературе получили названия «зон транзитной государственности» или «институализированных псевдогосударств»: Чечня, Абхазия, Нагорный Карабах, Южная Осетия, Приднестровская Молдавская Республика, Республика Сербская. Эти территориально-политические образования, имея централизованные вооруженные формирования, уверенно контролируют свою территорию. Здесь действуют самопровозглашенные конституции, существуют органы исполнительной и судебной власти, проводятся парламентские и президентские выборы.

В отличие от Западной Европы, восточноевропейские националисты отдают предпочтение требованиям политического характера, хотя экономическое развитие большинства стран этого региона оставляет желать лучшего. Трудности экономики не дают возможности сконцентрироваться на решении проблем повышения уровня жизни национальных меньшинств, что, естественно, приводит к протестным действиям последних.

В Восточной Европе уровень толерантности по отношению к этническим и конфессиональным меньшинствам ниже, чем на Западе. Развитие культуры меньшинств некоторыми слоями господствующего этноса воспринимается как вызов доминирующей нации. Это приводит к дополнительным напряжениям в общественно-политической жизни восточноевропейских государств.

Для восточноевропейских очагов конфликтов характерна повышенная ожесточенность, которая проявляется в большом количестве жертв как среди противостоящих вооруженных формирований, так и мирного населения (около 43 тыс. человек только в течение 1995 г.) (см. табл. 1). Особенно этим отличаются конфликты, локализованные на Кавказе и Балканах, один из которых — косовский — за короткие сроки сумел стать символом жесточайшей и бессмысленной конфронтации, уже приведшей к тысячам жертв, преимущественно среди мирного населения. С сожалением приходится констатировать, что в ближайшее годы существенно оздоровить политическую обстановку здесь вряд ли удастся, а следовательно, число погибших как с албанской, так и с сербской стороны будет увеличиваться.

В рамках восточноевропейского типа наиболее выражена роль этно-конфессионального, социально-экономического и геополитического факторов сепаратизма.

3. **Исламский тип** (примеры: Курдистан, Белуджистан, Южный Йемен и др.) господствует в исламских странах Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки, Центральной и Южной Азии. Для него характерна принадлежность любых противостоящих групп к одному религиозно-культурному фундаменту — исламскому, который, несмотря на порой значительные внутренние различия, в общепланетарном масштабе представляет собой достаточно целостную систему. На территории исламской цивилизации господствуют более или менее схожие традиционно-культурные установки, сильна роль религии и религиозного права — шариата, здесь нет такого большого разнообразия этносов, как в Тропической Африке или Индостане. При этом решающее значение начинает играть фактор этнического самосознания меньшинств, подавляемых в национальных государствах своих единоверцев. Вместе с тем следует признать, что в странах исламского пояса ряд внутренних и межгосударственных конфликтов обусловлен не только этническими, но и религиозными разногласиями. Такими примерами являются конфликты между шиитами и суннитами в Ираке, между пуштунами и хазарейцами в Афганистане, между исмаилитами Горного Бадахшана и равнинными таджиками.

«Температура» очагов сепаратизма исламского регионального типа, наибольший вклад в формирование которых внесли этно-конфессиональный и геополитический факторы, а также фактор природных границ, сравнительно высока. Например, в 1995 г., согласно нашим оценкам, проведенным на основе данных международных организаций, в локализованных здесь сепаратистских конфлик-

тах погибло около 9 тыс. человек. Одним из наиболее кровопролитных сепаратистских конфликтов во всем мире является курдский. Число его жертв с момента возникновения уже превысило 40 тыс. человек.

4. **Азиатский тип** (примеры: индийский штат Пенджаб, Кашмир, Северная Шри-Ланка, Южные Филиппины, Ириан-Джая, Тибет и др.) — его распространение ограничено Восточной, Юго-Восточной, Южной Азией (за исключением Пакистана, относящегося к исламскому типу), а также рядом островов южной части Тихого океана (Новая Гвинея, Бугенвиль). Конфликты имеют корни в доколониальном историческом периоде, но возродились после получения странами государственной независимости (1940–1950-е годы).

Во многих конфликтах азиатского типа сильна роль конфессионального самосознания. Этот элемент, наряду с этническим самосознанием, является ведущим в индийских штатах Джамму и Кашмир, Пенджаб, Нагаленд, в северных районах Шри-Ланки, на юге Филиппин, в восточной части острова Тимор, в Тибете. Не последнюю роль в возникновении конфессиональных, этнических, экономических, геополитических и прочих барьеров сыграли в этом регионе природные рубежи.

Очаги конфликтов этого типа отличает большое количество жертв (десятки тысяч!), в том числе и среди мирного населения. Например, по оценкам СИПРИ, с момента начала вооруженных столкновений в Кашмире и Пенджабе погибло более 37 тыс. человек, в Шри-Ланке — более 32 тыс., на юге Филиппин — от 21 до 25 тыс. человек. Из 17 сепаратистских вооруженных конфликтов, протекавших в 1995 г., 8 относятся к азиатскому типу (см. табл. 3). Эти конфликты нередко поддерживаются извне (кашмирский — из Пакистана, уйгурский — из исламских государств Передней и Центральной Азии, тибетский — из Индии, Европы и США).

Перед большинством государств региона стоят трудноразрешимые экономические проблемы. В странах с наименьшими душевыми доходами (Индия, Шри-Ланка, Мьянма) риск сецессии для национальных окраин максимален. В более благополучных в экономическом плане Малайзии и Филиппинах очаги сепаратизма медленно, но верно сокращаются в размерах и снижают свою активность .

5. **Африканский тип** (примеры: Южный Судан, Оромоленд в Эфиопии, Северное Сомали, Кабинда в Анголе, Коморские острова, Квазулу-Наталь в ЮАР) во многом близок предыдущему типу сепаратизма. Отличия заключаются в более поздних сроках получения странами региона государственной независимости (главным образом, 1960-е годы) и, соответственно, в более поздней актуализации очагов конфликтов: первая очередь — Иболенд (Биафра) в Нигерии и Шаба (Катанга) в ДР Конго — 1960-е годы (конфликты в целом урегулированы к середине 1970-х годов), вторая очередь — ныне существующие очаги сепаратизма — 1980–1990-е годы. Помимо этого, в Африке отмечается меньшая, чем в Азии, сформированность сепаратистских движений, сказывающаяся и на их активности. Этот факт объясняется тем, что большинство африканских этносов до сих пор находятся на племенной стадии, обычна межплеменная вражда, препятствующая созданию крупных этнических группировок, которые могли бы выдвинуть требования сецессии.

В регионе, наряду с фактором внешнего вмешательства, наиболее выражен этно-конфессиональный фактор сепаратизма.

Африка — континент древней государственности. Еще до прихода европейских колонизаторов к югу от Сахары существовали и развивались автохтонные государства — Гана, Мали, Сонгай, Борну, Бенин, Занзибар и др. Именно тогда начался процесс национального строительства у африканских этносов, возникли первые межэтнические конфликты. Вмешательство европейцев, к началу XX в. подчинивших почти весь африканский континент, затормозило этническую консолидацию. Ведущими стали процессы этнической фрагментации: различные племена противопоставлялись колониальными режимами друг другу.

Хотя во времена колониализма сепаратизм формально был сведен к нулю (выделение территории из существующей колонии в другую практически не могло изменить ее зависимый политический статус), именно тогда сложились условия, которые ныне угрожают территориальной целостности африканских государств. Главной опасностью является пестрый этнический состав большинства стран континента: в Нигерии и ДР Конго — около 200 этносов, в Танзании — свыше 120. Колониальная структура Африки создавалась в свое время без учета этнической, экономической и культурной общности ее районов. Границы также носят случайный характер, 42% их протяженности приходится на геометрические линии, проведенные по линейке (участки параллелей и меридианов, линии равных расстояний, дуги окружностей).

В странах африканского типа в подавляющем большинстве случаев носителями идей сепаратизма являются относительно небольшие нелегальные группировки, ведущие вооруженную борьбу с центральным правительством. Реализации политических методов решения этой проблемы мешает невысокий уровень парламентализма в странах региона, диктаторские режимы, давняя межплеменная рознь и боязнь расширения полномочий местных органов власти.

6. **Американский тип** (примеры: канадская провинция Квебек, мексиканский штат Чьяпас, самоуправляющаяся территория Дании Гренландия, остров Невис в составе Федерации Сент-Китс и Невис) определяется наименьшим, по сравнению с другими регионами, распространением сепаратизма (всего четыре ярко выраженных очага). Существует несколько причин этого феномена.

Во-первых, переселенческий характер государств Нового Света, приводящий к тому, что у крупнейших народов Америки нет своих национально-исторических очагов в пределах континента. По этой причине апеллировать к территориальной реабилитации могут только коренные народы — индейцы и эскимосы, но из-за своей малочисленности — и это во-вторых — они редко одерживают победу. Ситуации, когда коренные этнические группы выдвигают требования полной независимости, возникают еще реже. В последние десятилетия наиболее значительными конфликтами с выдвижением сепаратистских или автономистских требований имели место в Гренландии (движение эскимосов-инуитов за независимость от Дании), в Канаде (борьба тех же эскимосов за создание отдельной федеральной территории Нунавут) и в Чьяпасе (основное население этого мексиканского штата — индейские этносы в январе 1994 г. предприняли вооруженную попытку выхода из состава федерации).

В-третьих, доминирование только одной этнической группы переселенцев привело к довольно сильно выраженной моноэтничности большинства государств региона. Во многих латиноамериканских странах такой группой были испанцы,

в Бразилии — португальцы, в Северной Америке — британцы (англичане, шотландцы, ирландцы). Вывозившиеся из Африки негры-рабы в силу своего низкого социального статуса не могли составить конкуренции европейцам. Единственной страной, колонизируемой двумя равноправными нациями, была Канада. Результат — несколько столетий борьбы между англо- и франкоканадцами за доминирование в стране, породившей самый серьезный на сегодняшний день очаг сепаратизма в Новом Свете — Квебек.

На конфликты американского регионального типа сепаратизма наибольшее влияние оказали этно-конфессиональный и социально-экономический факторы. Здесь велико значение сепаратистских политических организаций, таких как Квебекская партия (Канада), Сапатистская армия национального освобождения (Чьяпас), партия Инуитатакватигиит (Гренландия).

ГЛАВА 7

Международные и зависимые территории

Международное соперничество за освоение общих пространств

Колонии и зависимые территории: приглашение к дискуссии

1. Назовите основные тенденции в развитии правового регулирования Мирового океана.
2. В чем на текущий момент состоят основные различия в подходах великих держав к арктическому и антарктическому вопросам?
3. Каков исторический контекст подписания Договора по открытому небу?
4. Назовите существующие подходы к определению космического пространства.
5. Назовите основные тенденции в регулировании информационного пространства. Можно ли говорить о создании национальных аналогов Интернета?

А.В. Фененко

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО ЗА ОСВОЕНИЕ ОБЩИХ ПРОСТРАНСТВ*

К началу 2020-х годов неотъемлемой частью международных отношений стала проблема взаимодействия в коммуникационных пространствах— океанического, воздушного, космического, информационного и приполярного[1]. Десять лет назад политологи предпочитали называть «общие пространства»[2]. Сегодня этот термин заменяется понятием «коммуникационные пространства». Эти пространства не являются местом жизни человека, но человечество научилось использовать их в своих экономических, политических и военно-стратегических интересах.

В умах дипломатов и политиков, похоже, закрепилось представление о том, что в пределах земной поверхности «все в основном поделено» и очередной тур территориального переустройства может быть связан только с военным конфликтом высокой степени интенсивности или иными чрезвычайными обстоятельствами общемирового масштаба. На таком политико-психологическом фоне в последние десять лет стремительно возрастал интерес в освоению коммуникационных пространсты[3]. Эти пространства воспринимаются ведущими государствами мира как «неразделенные», и в каком-то смысле их пока в самом деле можно считать таковыми.

1

Наиболее жесткому переделу подвергаются **океанические пространства.** После Первой мировой войны в основу международного морского публичного права был положен принцип свободы морей и мореплавания. После Второй мировой войны

* *Фененко А.В.* Международное соперничество за освоение общих пространств // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 1 (22). С. 14–30. (*В настоящем издании печатается в авторской редакции.*)

он получил свое подтверждение[4]. Женевские конвенции по морскому праву (1958) постулировали принципы свободы открытого моря, исключительной юрисдикции государства над судами своего флага, мирного использования мирового океана и суверенитета государства над внутренними морскими водами и территориальными морями. Генеральная Ассамблея ООН создала в 1970 г. режим «океанического соуправления» (*international ocean governance*), в рамках которого все государства имеют равные права на эксплуатацию открытого моря и несут одинаковую ответственность за судьбу его ресурсов. Эти положения были конкретизированы Конвенцией о Международных правилах предупреждения столкновения судов в море (1972) и Международной конвенцией по охране человеческой жизни на море (1974).

Режим правового регулирования Мирового океана был окончательно оформлен Конвенцией ООН по морскому праву (1982). (Вступила в силу 16 ноября 1994 г.). Государственный суверенитет распространялся на внутренние (*internal*), территориальные (*territorial*) и архипелажные (*archipelagic*) воды. Открытое море (океанические пространства) было объявлено нейтральным, на которое не распространяется суверенитет государств. Особый правовой режим получили:

- *закрытое море* (*inland sea*) — море, не используемое для транзитного прохода в другое море или океан;
- *прилегающая зона* (*contiguous zone*) — 12 морских миль от территориальных вод, на которые распространяется суверенитет государства в области экологии, налогообложения, таможенного контроля и миграции населении;
- *особая экономическая зона* (*exclusive economic zones*) — 200 морских миль от береговой линии, где государство имеет исключительные права на эксплуатацию всех природных ресурсов;
- *континентальный шельф* (*continental shelf*) — 350 морских миль от береговой линии, где прилегающие государства имеют исключительное право на эксплуатацию природных и биологических ресурсов.

Отдельный режим был создан для международного района морского дна. Конвенция ООН установила, что ни одно государство не может претендовать на суверенитет над морским дном далее своих территориальных вод. Дно морей и океанов было объявлено «общим наследием человечества», от имени которого стал действовать созданный при ООН Международный орган по морскому дну.

Для осуществления «океанического соуправления» были созданы Межправительственная океанографическая комиссия при ЮНЕСКО, Международный совет по изучению моря, Международное гидрографическое бюро, Международная ассоциация физических наук об океане и Специальный комитет по изучению моря при ООН. В 1994 г. для разрешения территориальных споров на море был сформирован Международный трибунал по морскому праву (МТМП). Великие державы согласились также частично ограничить военную деятельность в океанических пространствах[5].

Система «океанического соуправления» была усилена экологическими соглашениями[6]. В 1972 г. была принята Конвенция по предотвращению загрязнения морской среды путем сброса веществ с судов и летательных аппаратов. В 1980-х и 1990-х годах она была дополнена конвенциями о защите биоресурсов отдельных участков Мирового океана. В 1992 г. участники Конференции ООН по устойчиво-

му развитию в Рио-де-Жанейро заявили о важности совместной защиты экосистемы Мирового океана.

Постепенно в политике морских держав намечалась тенденция к пересмотру Конвенции ООН по морскому праву. Еще в 1983 г. СССР заявил, что не принимает процедур, влекущих за собой обязательные решения при рассмотрении находящихся в юрисдикции ООН споров. (Подобную оговорку сделала и Россия, для которой Конвенция ООН по морскому праву вступила в силу 11 апреля 1997 г.[7]). 3 августа 1984 г. страны «группы семи» приняли «Временные договоренности по вопросам глубоководных районов морского дна». В них фиксировалось необязательность решений Международного органа по морскому дну по отчуждению добытых природных ресурсов.

В 1990-х годах эта тенденция усилилась[8]. Ведущая океанская держава — США — не ратифицировала Конвенцию ООН по морскому праву. После серии переговоров Вашингтон и Подготовительный комитет ООН подписали в 1994 г. дополнительное соглашение к этому документу. Комитет пообещал дать Соединенным Штатам ряд привилегий: не ограничивать их экономическую деятельность на дне спорных участков шельфа и перейти к системе группового голосования в Совете Международного органа по морскому дну. В 2007 г. президент США Дж. Буш-младший вновь предложил Сенату ратифицировать этот документ, и Комитет Сената по иностранным делам согласился с этим предложением. Но Сенат США пока отказывается провести голосование по вопросу о ратификации. Не ясно также, ратифицирует ли Вашингтон Конвенцию ООН по морскому праву как отдельный документ или в пакете с соглашением 1994 г.[9]

На это обстоятельство накладывается неопределенность принципов раздела континентального шельфа[10]. В конце прошлого века Международный суд ООН урегулировал серию межгосударственных споров вокруг участков шельфа[11]. Но полномочия по разрешению этих споров постепенно переходят к МТМП. Возникает вопрос о правомочности трибунала выносить решения в отношении государств, не ратифицировавших Конвенцию по морскому праву. Не ясно, имеет ли МТМП право пересматривать решения Международного суда ООН или ранее принятые соглашения.

Дальнейшие дискуссии о пересмотре Конвенции ООН, по-видимому, будут связаны со спорами о правовом статусе отдельных морских пространств[12].

Прецеденты подобного раздела существуют. Страны Карибского бассейна учредили в 1990 г. для Карибского моря правовой режим «автономного соуправления». Это море стало территориальными водами прилегающих к нему стран. В будущем «Карибский прецедент» может быть распространен на ряд спорных морей — Северное море, Норвежское море, Баренцево море, Чукотское море и море Беллинсгаузена у побережья Антарктиды. Австралия и Новая Зеландия рассматривают вопрос о создании подобного режима для Тасманова моря. Большое количество окраинных морей существует в средиземноморском бассейне, причем правомерность выделения некоторых из них (например, Балеарского или Критского моря) признается не всеми государствами.

Территориальные моря (*territorial sea*) — окраинные моря, объявленные государствами под своей юрисдикцией. Советский Союз объявил в 1920–1924 гг. свои-

ми внутренними морями Белое море, Карское море, море Лаптевых и Восточно-Сибирское море. После присоединения в 1945 г. Южного Сахалина и Курильских островов СССР объявил Охотское море своим территориальным морем. В 1969 г. Австралия, несмотря на протесты Индонезии и Франции, объявила своей территорией Коралловое море. С 1 января 1985 г. Канада ввела в отношении приарктических проливов, образующих Северо-Западный проход, режим внутренних морских вод.

Внутренние моря (*Mediterranean sea*). Конвенция ООН 1982 г. определяет их как моря, глубоко вдающиеся в сушу и сообщающиеся с океаном одним или несколькими проливами. В зависимости от гидрологического режима (циркуляция ветра, течений и уровень солености) они подразделяются на внутриматериковые и межматериковые. При смене гидрологического режима эти моря и связанные с ними проливы могут менять географический, а следовательно, и правовой статус[13].

В международном праве существуют прецеденты создания режимов особого управления внутренними морями. В 1857 г. была принята Копенгагенская конвенция об открытом статусе Балтийского моря. В 1936 г. последовала Конвенция Монтрё об особом статусе проливов Босфор и Дарданеллы и находящимся между ними Мраморном море. Возможна активизация дискуссий о разработке особых международно-правовых режимов для Черного, Азовского, Эгейского, Адриатического морей. В Индийском океане могут быть созданы особые системы управления для Персидского залива и Красного моря. Большой интерес представляет также пространство между Индийским и Тихим океанами — море Банда, море Сулу, море Сулавеси и Яванское море. Австралийские и индонезийские географы часто обозначают этот комплекс термином «Австрало-Азиатское средиземное море» (*Australasian Mediterranean*)[14], что обосновывает претензии на введение особого правового статуса для этого бассейна.

Закрытые моря (Inland sea), не имеющие выхода в Мировой океан. Конвенция ООН по морскому праву не дает четкого определения их правового статуса, хотя и фиксирует наличие у неприбрежных стран права допуска к подобным пространствам в коммерческих или научных целях. С научной точки зрения не всегда можно понять критерии выделения водных пространств в закрытые моря, а не озерные пространства. Это создает правовые коллизии для дискуссий о пересмотре их правового статуса.

Больший интерес представляет прецедент Каспийского моря, связанный с определением его статуса. (Между Россией, Азербайджаном, Ираном, Туркменией и Казахстаном с 1991 г. продолжается спор о том, считать ли Каспий морем или озером и, следовательно, можно ли применить к нему базовые принципы Конвенции ООН по морскому праву.) Большую роль этот прецедент может сыграть для Аральского моря — бессточного соленого озера на границе Казахстана и Узбекистана[15].

Непризнанные моря. Эти интересные образования были самостоятельно созданы национальными государствами за счет объявления части Мирового океана определенным морем. Классическим примером может служить регион Средиземноморья. Например, Греция самостоятельно создала Критское море, Испания — Балеарское море, Франция — Корсиканское море, Италия — Лигурийское, Сар-

динское, Тирренское и Мальтийское моря. Международная географическая комиссия официально не признает факт выделения этих морей из состава Средиземного моря. Однако в отношении этих квазиморей работает эффект привыкания: они по факту обозначаются на многочисленных географических картах, атласах, туристических справочниках, Интернет-сайтах и т.д. Постепенно такая стратегия может привести к узакониваю факта существования этих морских пространств. После этого непризнанные моря могут быть переведены соответствующими государствами в разряд своих территориальных морей.

Прецедент Саргассова моря. Оно представляет собой район антициклонического круговорота вод в Атлантическом океане. От остальной части океана оно отделено не берегами, а серией течений. Это порождает два правовых вопроса. Первый — возможен ли пересмотр статуса Саргассова моря в случае колебания траектории движения течений. Второй — можно ли на этой основе объявлять части Мирового океана отдельными морскими пространствами. (Достаточно вспомнить дискуссии в США о возможности объявления Гудзонова залива или Персидского залива особыми морями.)

Новое значение приобретает экологический фактор. Еще в 1995 г. была принята Глобальная программа действий по защите морской среды от загрязнения в результате осуществляемой на суше деятельности. В 2002 г. участники Всемирного форума по устойчивому развитию в Йоханнесбурге (ЮАР) рекомендовали всем странам, во-первых, ввести к 2010 г. экосистемный подход к управлению прибрежными и океаническими районами и, во-вторых, помочь государствам «третьего мира» разработать морскую политику и механизмы комплексного управления прибрежными районами. Это открывает возможности для проведения каждым государством своей экологической политики в прибрежных районах.

Борьба с транснациональным терроризмом и пиратством усиливает милитаризацию морских пространств. Еще в 2002 г. в США был принят Закон о безопасности морского транспорта, ужесточающий систему береговой охраны. Международная морская организация приняла в 2002 г. более жесткий Кодекс охраны судов и портовых сооружений. В 2008 г. последовали резолюции Совета Безопасности № 1816 и 1846 об усилении мер по борьбе с пиратством. Для решения этих задач были созданы Малазийское агентство береговой охраны, «Инициатива четырех»[16], Инициатива безопасности портов Юго-Восточной Азии. На повестку дня выходит создание региональных «зон ответственности» государств — прежде всего, в ключевых с точки зрения транзита энергоносителей Ормузском, Малаккском и Сингапурском проливах[17].

Конвенция ООН по морскому праву была принята в 1982 г., когда у США существовал противовес в виде советского военно-морского флота[18]. В 2000-х годах Соединенные Штаты занимают преобладающие позиции в области военного и торгового флотов, но не присоединяются к нормативному документу о принципах использования Мирового океана. Другие морские державы (прежде всего — Россия и КНР) вынуждены наращивать морские вооружения или усиливать контроль над принадлежащими им морскими пространствами. Возникает тенденция к замене режима «океанического соуправления» менее кооперационной системой отношений в Мировом океане.

2

Неопределенность статуса океанических пространств обострила соперничество за раздел **приполярных территорий.** Подвижки в системе «океанического соуправления» поставили вопрос о разделе морских пространств, под определение которых попадают морские акватории около Северного и Южного полюса[19]. Появился пласт экспертной литературы о быстром таянии полярных льдов и возможности добычи больших (правда, достоверно не доказанных) залежей углеводородов на шельфе приполярных морей[20]. Свое значение сохраняет и стратегический аспект проблемы. В Арктике были развернуты компоненты российской и американской систем предупреждения о ракетном нападении, базы для атомных подводных лодок, стратегической авиации. Антарктида занимает важное место в строящейся Международной системе мониторинга за ядерными испытаниями.

Еще в начале XX века Франция, Британия, Австралия, Новая Зеландия, Чили, Аргентина и Норвегия заявили свои претензии на ряд антарктических территорий. Британия объявила в 1908 г. о создании Британской антарктической территории (20–80° западной долготы). Новая Зеландия провозгласила в 1923 г. суверенитет над Землей Росса (150° западной долготы — 160° восточной долготы) и Землей Эдуарда VII (77° южной широты — 155° западной долготы). Норвегия провозгласила в 1927–1929 гг. суверенитет над приантарктическим островом Петра I, островом Буве и прилегающими к нему территориями севернее 60° южной широты («сектор Буве»), а в 1939 г. — над антарктической Землей Королевы Мод (20° западной долготы — 44° восточной долготы). Австралия выдвинула в 1933 г. претензии на Землю Виктории (между 44° и 136° восточной долготы) и Землю Эндерби (142–160° восточной долготы). Франция объявила в 1924 г. о создании Земли Адели (136–142° восточной долготы) и учредила в 1955 г. новое образование — Французские Южные и Антарктические территории. Германия заявила в 1939 г. о создании Новой Швабии (10° западной долготы — 20° восточной долготы). Чили провозгласила в 1940 г. создание Чилийской Антарктики (53–90° западной долготы). Аргентина объявила в 1943 г. о создании Аргентинской Антарктикой (25–74° западной долготы).

Но 1 декабря 1959 г. был подписан Международный договор об Антарктиде, который запретил объявлять государственный суверенитет над любой частью антарктической территории и вести на ней военную деятельность, включая проведение ядерных испытаний и захоронение радиоактивных отходов. Государствам запрещалось также вести в Антарктике экономическую деятельность, т.е. добывать полезные ископаемые. Антарктику разрешалось использовать исключительно в научно-исследовательских целях. Под давлением СССР и США большинство держав-претендентов были вынуждены присоединиться к этому договору, т.е. снять открытые претензии на обладание антарктическими территориями. (Москва и Вашингтон сделали при этом оговорку, что в принципе могут выдвинуть свои территориальные претензии в Антарктике, хотя пока отказываются от этого.) 23 июня 1961 г. Договор об Антарктиде вступил в силу.

Параллельно с подписанием Международного договора об Антарктиде СССР и США договорились о нейтрализации антарктических морей. Еще в 1937 г. Международная географическая комиссия выделила Южный океан, границей ко-

торого стало Антарктическое циркумполярное течение, проходящее между 40° и 50° южной широты. В 1953 г. Международная географическая комиссия подтвердила факт выделения нового океана. (Хотя Международная географическая комиссия пока не принимала принцип обязательного разделения Мирового океана на пять океанических пространств.) Здесь, однако, сразу возникла правовая коллизия. Зона действия Договора об Антарктике ограничивается 60° южной широты, и не ясно, какие правовые нормы действуют между 40° и 60° — этого договора или международного морского права.

Претенденты на раздел Антарктики воспользовались открывшим окном возможностей. Соперничество между ними развернулось за пограничные территории между 40° и 60° южной широты (приантарктические территории)[21]. Претензии на них выдвинули Аргентина и Британия (Фолклендские острова, Южная Георгия и Южные Сандвичевы острова), Аргентина и Чили (острова архипелага Огненная Земля). Норвегия, несмотря на протесты СССР и США, сохранила в силе королевский указ 1927 г. о присоединении к себе «сектора Буве». К французским приантарктическим владениям относятся острова Крозье, остров Кергелен, острова Сен-Поль и Амстердамские острова. Австралия владеет островами Херд и Макдоналд, островом Маккоури; Новая Зеландия — островами Окленд и Кемпбелл; ЮАР — островами Принца Эдуарда. Британия относит к своим приантарктическим территориям находящиеся севернее 60° южной широты острова Тристан-да-Кунья и остров Гоф. Борьба вокруг этих остров и связанного с ними континентального шельфа поставила в вопрос о том, что считать ли границей Южного океана Антарктическое циркумполярное течение (район 40° южной широты) или зону действия Договора об Антарктике (район 60° южной широты).

Толчком к обострению антарктического вопроса стала британо-аргентинская война за Фолклендские острова 1982 г. Она создала прецедент вооруженной борьбы за пересмотр правового статуса приантарктических территорий. Одновременно был поставлен под сомнение безъядерный статус Антарктики. (В 2003 г. Британия подтвердила факт наличия ядерного оружия на борту своих судов в ходе Фолклендской войны.) Использование британской авиацией американской военной базы на острове Вознесения (центр Атлантического океана) поставило вопрос о возможности использования для военной деятельности в Антарктике территорий за пределами континента. Бразилия под влиянием итогов конфликта заявила в 1986 г. о наличии у нее зоны интересов в Антарктике между 28° и 53° западной долготы. Поэтому после окончания Фолклендской войны американские исследователи Джон Киган и Эндрю Виткрофт в работе «Зоны конфликтов: Атлас будущих войн» (1986) доказывали возможность новых конфликтов за ресурсы Антарктиды и Южного океана[22].

В таких условиях Москва и Вашингтон предприняли шаги по укреплению международного статуса Антарктиды. Еще в 1980 г. была подписана Конвенция по сохранению антарктических морских ресурсов, подтверждавшая статус этого континента как международного заповедника. В 1986 г. Антарктика была официально объявлена безъядерной зоной. В 1988 г. была открыта для подписания Конвенция о регулировании деятельности по использованию минеральных ресурсов Антарктики[23]. В 1991 г. состоялось подписание Мадридского протокола

об охране окружающей среды Антарктики, который вступил в силу в 1999 г. Протокол подтвердил положения Договора 1959 г. и ввел пятидесятилетний мораторий на добычу здесь полезных ископаемых[24]. В 1991 г. был подписан Мадридский протокол об охране ее окружающей среды (вступил в силу в 1999 г.), который подтвердил положения конвенции 1959 г. и ввел пятидесятилетний мораторий на добычу полезных ископаемых в Антарктике. Международная географическая комиссия в 2000 г. определила Южный океан как особое водное пространство ниже 60° южной широты.

17 февраля 2004 г. МИД РФ выпустил информационную ноту об Антарктике, в которой отмечалось, что Россия выступает за непризнание территориальных претензий и сохранение системы международного управления континентом. В документе подчеркивалось, что еще задолго до подписания Договора об Антарктике Советский Союз «неоднократно заявлял ... о сохранении за собой всех прав относительно государственной принадлежности земель (т.е. Антарктиды и ряда примыкающих островов), открытых и исследованных в 1820–1822 гг. экспедициями Ф. Беллинсгаузена и М. Лазарева. Россия, как государство-продолжатель СССР, придерживается в отношении “территориального вопроса” в Антарктике такой же позиции».

25 декабря 2009 г. министр иностранных дел России С. Лавров сделал специальное заявление о намерении России строго выполнять Договор об Антарктике и об отсутствии у нее территориальных претензий на Антарктическом континенте. Взаимодействие в антарктическом вопросе стало предметом обсуждения на встречах руководителей России и стран Латинской Америки. О возможности такого сотрудничества было объявлено в ходе визитов президента Чили М. Бачелет в Москву (3–4 апреля 2009 г.) и президента России Д. Медведева в Аргентину (14–15 апреля 2010 г.).

Теоретически раздел Антарктики мог бы быть выгоден России. Во-первых, это гармонизировало бы российскую позицию по Антарктике и Арктике; во-вторых, антарктические страны могли бы признать российские владения в Арктике в обмен на признание Россией их территорий в Антарктиде. Однако пока Россия пошла по пути усиления режима антарктического соуправления. 8 сентября 2012 г. между правительством Российской Федерации и правительством Соединенных Штатов был подписан Меморандум о взаимопонимании в Антарктике. Это означало частичный отказ России от консультаций со странами Латинской Америки по антарктическому вопросу.

Более жесткое соперничество развернулось за статус **Арктики**[25].Современная система деления Арктики сложилась в результате соперничества арктических стран на рубеже XIX–XX вв. В международном праве она получила название *секторальное деление*: подход, согласно которому Арктика поделена на сектора между циркумполярными странами по азимутам, исходящим от крайней западной и крайней восточной точки их северных границ и сходящимся у Северного полюса. В 1925 г. Канада объявила, что все земли и острова к северу от канадской континентальной части подпадают под ее суверенитет. В 1926 г. Президиум ЦИК СССР постановил, что «все земли и острова, как открытые, так и могущие быть открытыми в будущем, расположенные в данном секторе, составляют территорию Совет-

ского Союза». Дания в 1933 г. создала меньший по площади арктический сектор на основе своих владений в Гренландии. В 1934 г. ее примеру последовала Норвегия. Наименьший по площади сектор создали США в 1928 г. на основе Аляски. В этой связи Вашингтон традиционно не признавал систему секторального деления, хотя и на практике не оспаривал ее.

Особую роль играли три субарктических государства: Финляндия, Швеция и Исландия. Эти страны не получили арктических секторов, хотя в прошлом претендовали на владения в Арктике. Финляндия во Второй мировой войне в 1944 г. лишилась выхода к Северному Ледовитому океану через порт Петсамо (Печенга), который она получила от РСФСР по подписанному в 1920 г. Тартускому (Юрьевскому) договору. Швеция не получила статуса арктической державы, хотя оспаривает у России право на первенство в освоении Северного морского пути. (Стокгольм ссылается на тот факт, что этот путь был впервые пройден шведской экспедицией Нильса Адольфа Норденшельда в 1878 г.) Исландия не получила арктических владений из-за отсутствия территорий за Северным полярным кругом.

До настоящего времени остается спорным статус Северного полюса и вопрос о приоритете в его достижении. В 1948 г. советские транспортные самолеты Ли-2 высадили на Северный полюс экспедицию Павла Гордиенко и Александра Кузнецова. Американская сторона считала этот факт недоказанным. В 1952 г. транспортный самолет С-47 доставил к полюсу американскую экспедицию Джозефа Флетчера и Уильяма Бенедикта. С 1909 г. на полюс также претендовала Канада. Международный арбитражный суд в 1951 г. постановил, что через сто лет Северный полюс может отойти Канаде, если за этот период другая страна не докажет своих прав на обладание этой территорией.

В 1979 г. Верховный Совет СССР решил отодвинуть восточную границу Евразийского и Североамериканского континентов к западу до 168°58’ з.д. Это решение вызвало территориальный спор между Советским Союзом и США из-за шельфовых участков в Беринговом и Чукотском морях. 1 июня 1990 г. стороны подписали соглашение, по которому спорная территория площадью 50 тыс. км^2 была передана Соединенным Штатам. Морская граница СССР и США фактически вернулась к состоянию на 1 января 1979 г. Конгресс США ратифицировал это соглашение 18 сентября 1990 г. В СССР и Российской Федерации ратификация так и не состоялась. Вашингтон не признает российских претензий, а Россия не считает соглашение вступившим в силу.

Конфликт вокруг пограничного разграничения в Беринговом море создал прецедент соперничества СССР и США в приарктических территориях. Между странами не проведена четкая граница шельфовых зон в Беринговом проливе, не детализирована и государственная граница по Чукотскому морю. США признали в 1924 г. территориальные претензии СССР на остров Врангеля, но не признали факт выделения в 1935 г. Восточно-Сибирского моря как отдельного морского пространства и его статус территориального моря СССР. Теоретически это позволяет Соединенным Штатам ставить вопрос о праве захода судов в акваторию Восточно-Сибирского моря, включая остров Врангеля.

После вступления в силу Конвенции ООН по морскому праву границы арктических государств формально сократились до 12 морских миль от береговой черты.

Следующие 200 миль выступают особой экономической зоной, в котором государства имеют исключительные экономические правы, но не имеют права препятствовать судоходству. Реализация этих решений означала ликвидацию системы секторального деления. Арктическим державам пришлось вновь доказывать свои права на владения в Северном Ледовитом океане. Конвенция ООН по морскому праву допускала юрисдикцию государств над континентальным шельфом (до 350 миль от побережья), если они докажут, что шельф является продолжением их континентальной платформы.

В середине 1990-х годов позиции арктических держав разошлись[26]. Соединенные Штаты выступили за интернационализацию Северного Ледовитого океана. Позицию Вашингтона разделяли субарктические страны — Исландия, Швеция и Финляндия, которые видели в интернационализации Северного Ледовитого океана возможность для возвращения в Арктику. Россия и Канада, напротив, выступали за подтверждение системы арктических секторов. В сложном положении оказались Дания и Норвегии. Обе эти страны имели арктические сектора большие, чем США, и формально были заинтересованы в сохранении секторальной системы. Вместе с тем, они имели территориальные споры с Россией (Норвегия) и Канадой (Дания).

Наиболее негативную позицию к проекту «арктического соуправления» заняла Россия. После распада СССР в 1991 г. Россия лишилась большей части побережья Балтийского и Черного морей. Под воздействием этих причин секретарь Совета безопасности РФ А.А. Кокошин сформулировал в 1998 г. концепцию «Северного стратегического бастиона», согласно которой Северный флот РФ становился основой морского компонента российских Стратегических ядерных сил. Это обстоятельство было обусловлено двумя факторами: 1) высокой стратегической защищенностью акватории Северного Ледовитого океана (по сравнению, например, с тихоокеанским побережьем России) и 2) максимальной приближенностью баллистических ракет подводных лодок Северного флота к территории США. Другие арктические державы, являющиеся одновременно членами НАТО, попытались дипломатическим путем сократить акваторию действия российского Северного флота.

Другой проблемой для России стал Северный морской путь. В 1965 г. Верховный Совет СССР ввел режим эксклюзивного права советского правительства на открытие или закрытие портов Северного морского пути. Это решение не признали другие арктические страны, причем наиболее жесткую позицию заняли США и Швеция. В 1998 г. был принят Федеральный закон РФ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации», подтвердивший эти положения. Другие арктические державы также не признали российских законодательных актов.

Для сохранения диалога арктические страны создали консультативный механизм. Еще в 1993 г. в Рейкьявике (Исландия) состоялась первая парламентская конференция по проблемам арктического сотрудничества. Ее участниками были пять арктических (Россия, Канада, Норвегия, Дания и США) и три субарктические (Исландия, Швеция, Финляндия) государства. В 1994 г. начал работать постоянный комитет парламентариев арктической области. В 1996 г. по инициативе

Финляндии на его основе был создан Арктический совет. Формальной его целью провозглашалась разработка мер для защиты уникальной природы северной полярной зоны. Фактически он стал диалоговой площадкой для принятия согласованных решений по проблемам Арктики. В совет вошли все пять арктических и три субарктических государства. Странами-наблюдателями стали Британия, Германия, Испания, Италия, КНР, Республика Корея, Нидерланды, Польша, Франция, Япония, Индия, Сингапур.

Арктические державы по-разному оценивали перспективы «антарктического прецедента» для Арктики. За механическое применение принципов Конвенции ООН по международному праву выступили только США. Другие арктические державы настаивали на учете специфики Северного Ледовитого океана, покрытого круглый год вечной мерзлотой. На саммите в Инари (Финляндия) 9–10 октября 2002 г. другие арктические державы заблокировали попытку введения системы «арктического соуправления». Только 14 мая 2011 г. на саммите Арктического совета, который состоялся в городе Нууке (Гренландия), все восемь стран, входящих в совет, подписали Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасении. Идея «арктического соуправления» не состоялась.

Неудача «арктического соуправления» побудила арктические страны активизировать борьбу за раздел шельфа Северного Ледовитого океана. 20 декабря 2001 г. Россия подала заявку в Комиссию ООН по границам континентального шельфа на 1,2 млн км^2 арктического шельфа. На рубеже 2001–2002 гг. в российских СМИ широко обсуждались проекты создания коалиции России и Канады по отстаиванию системы секторального деления Арктики. По неофициальным данным, Оттава предлагала Москве признать за ней права на советский арктический сектор. В ответ Россия должна была бы признать за Канадой права на Северный полюс. Однако Москва и Оттава подобной сделки не заключили. 28 июня 2002 г. Комиссия ООН рекомендовала России доработать обоснование заявки из-за отсутствия карт подводных хребтов Ломоносова и Менделеева.

Гонка за передел арктического шельфа усилилась. 13 апреля 2004 г. Дания заявила о своих правах на обладание Северным полюсом. Копенгаген обосновал это связью полюса с подводным Хребтом Ломоносова, соединенным с Гренландией. Этот шаг был болезненно воспринят в Москве: между Россией и Данией появлялось спорное пространство в районе шельфовых зон Северного полюса. Норвегия подала 27 ноября 2006 г. заявку в Комиссию ООН по континентальному шельфу на 250 тыс. км^2 арктического шельфа. 15 апреля 2009 г. Комиссия ООН признала суверенитет Норвегии на 235 тыс. км^2 из заявки, что резко контрастировало с отношением той же Комиссии к российской заявке.

В таких условиях Россия попыталась жестче заявить о своих интересах. Летом 2007 г. состоялась полярная экспедиция «Арктика-2007» под руководством депутата Государственной Думы РФ Артура Чилингарова. Формально ее причиной был сбор доказательств о взаимосвязи подводных хребтов Ломоносова и Менделеева с Сибирской континентальной платформой. 2 августа 2007 г. ее участники установили российский флаг на дне океана под Северным полюсом. Этот шаг вызвал негативную реакцию США и Канады. Российскую экспедицию облетели самолеты ВВС стран НАТО. Представители США, Канады, Дании и Норвегии выступи-

ли с рядом осуждающих заявлений по поводу установки российского флага под Северным полюсом. («Это ведь не пятнадцатый век. Вы не можете разъезжать по свету, устанавливать флаги и говорить “мы заявляем свои права на эту территорию”», — заявил министр иностранных дел Канады Питер Маквей). 16 июля 2008 г. в Конгрессе США состоялись слушания по вопросам строительства ледокольного флота в Арктике.

Москва пошла на ответные жесткие меры. 17 августа 2007 г. Россия заявила о возобновлении регулярных полетов стратегической авиации. 20 сентября 2007 г. Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации сделало заявление, согласно которому предварительные результаты анализа модели земной коры по профилю «Арктика-2007» также доказывают, что Хребет Ломоносова является частью прилегающего континентального шельфа. 14 июля 2008 г. возобновилось боевое дежурство кораблей Северного флота РФ в Северном Ледовитом океане.

В таких условиях Россия предприняла шаги к сближению с Норвегией — страной, также выступавшей за сохранение секторального деления Арктики. 15 сентября 2010 г. Д.А. Медведев и Й. Столтенберг подписали Договор о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане. Спорный район континентального шельфа (175 тыс. км^2) был разделен поровну: около 88 тыс. км^2 для каждой из сторон. Россия и Норвегия обязалась не претендовать на суверенные права друг друга за пределами этой линии и признали эксклюзивные права друг друга на рыболовство в пределах своего сектора. Стороны подтвердили права созданной в 1976 г. Российско-норвежской комиссии по рыболовству. Россия при этом отказалась от значительного территориального сектора в Баренцевом море. Не были упомянуты ни «Шпицбергенский трактат» (1920 г.), ни резолюция Норвежского стортинга 1947 г. По их условиям Осло гарантировал демилитаризованный статус Шпицбергена, право на ведение хозяйственной деятельности СССР и его особые экономические права в архипелаге. Отсутствие ссылки на эти соглашения позволяло Норвегии поставить вопрос о пересмотре статуса Шпицбергена, включая ликвидацию российских поселений.

Однако на II Арктическом форуме в Архангельске 22–23 сентября 2011 г. норвежская сторона не признала прав России на СМП. Последовавшая серия инцидентов в Баренцевом море доказала, что норвежская сторона выдавливает российских рыбаков из Шпицбергена. Перспективность российско-норвежского партнерства стала вызывать сомнения. Большее внимание российская дипломатия стала уделять Дании, которая 15 декабря 2014 г. подала заявку на 350 тыс. км^2 арктического шельфа. В арктической политике возник новый фактор: российско-датские противоречия вокруг спорных подводных хребтов в районе Северного полюса.

В августе 2015 г. Россия подала в ООН «Частичное пересмотренное представление Российской Федерации в отношении континентального шельфа Российской Федерации в Северном Ледовитом океане» с целью отнесения к расширенному континентальному шельфу РФ морского дна и его недр в центральной части океана, являющихся естественным продолжением российской сухопутной террито-

рии. Россия настаивает на том, что подводный «хребет Ломоносова», проходящий от Новосибирских островов через Северный полюс в сторону Канады и Гренландии, а также расположенное восточнее «поднятие Менделеева» являются продолжением евразийского материка и, следовательно, не подпадают под 350-мильный лимит. Рассматриваемый район площадью около 1 млн км^2 был включен в первую Заявку Российской Федерации 2001 г., которая была отклонена на 11-й сессии Комиссии по границам континентального шельфа в июне 2002 г. с указанием на недостаточную детализацию сопровождавших заявку карт рельефа морского дна и обоснованность континентальной природы хребта Ломоносова и его связи с материком. Новая заявка 2015 г. была подкреплена результатами проводившихся в течение 10 лет комплексных геолого-геофизических исследований.

Во второй половине 2010-х гг. в арктической политике возник новый фактор: географические открытия. Еще в 2008 г. экспедиция атомного ледокола «Ямал» обнаружила островок в юго-западной части архипелага Земля Франца-Иосифа. Его назвали островом Кучиева в память о капитане Ю.С. Кучиеве, под командованием которого в 1977 г. ледокол «Арктика» достиг Северного полюса. В 2013 г. экипажи российских вертолетов Ми-26 открыли остров Яя в архипелаге Новосибирских островов, недалеко от островов Столбового и Бельковского. В 2016 г. российская экспедиция на гидрографическом судне «Визер» обнаружила пропажу острова Перламутровый в районе Земли Франца-Иосифа, который был описан исследователями 1950-х годов. По официальным данным, за период 2015–2019 гг. в районе архипелагов Земля Франца-Иосифа и Новая Земля было обнаружено и зарегистрировано около 40 новых островов, мысов и бухт.

Открытие новых островов происходит примерно в тех районах, где исследователи прошлого фиксировали наличие загадочных земель. (Открытие острова Яя произошло на Васильевском мелководье: в том самом секторе моря Лаптевых, где прежде фиксировались несуществующие острова Фигурина, Меркурия и Диомида.) Эти земли получили статус «островов призраков». Географы XX в. объявили их несуществующими. Последние географические открытия позволяют вернуться к обсуждению их статуса. Исследователи предлагают два объяснения этому феномену. Первый: происходящие в Арктике термокарстовые процессы, т.е. вытаивание подземного льда. Второе объяснение: слабое знание арктического рельефа. Оригинальную гипотезу выдвинул советский, а затем американский, исследователь В.А. Литинский[27], предложивший скорректировать координаты, указанные полярниками XIX в., с учетом изменения магнитного склонения. Возможно, что из-за несовершенства приборов и исторической рецессии магнитных колебаний указанные ими координаты нуждаются в пересмотре.

Шансы на открытие мелких островков в «глубинной Арктике» также остаются, особенно если продолжится тенденция к частичному таянию арктических льдов. Во-первых, здесь могут происходить термокарстовые процессы, особенно в случае расширения границ Великой Сибирской полыньи. Во-вторых, возможно появление островков, если оттают части ледового покрытия вершин подводных хребтов Ломоносова и Менделеева. Пока это, разумеется, гипотезы. Но как бы то ни было, новейшие открытия ставят вопрос о том, хорошо ли мы представляем себе реальную карту Арктики?

За минувшие 20 лет возник целый пласт во многом спекулятивной литературы о грядущем «прорыве» Китая, а то и Японии в Арктику. При этом как-то упускается из виду, что единственный вариант их проникновения в этот регион опирается на коммуникацию через Берингов пролив, т.е. целиком зависим от позиции США. Ни у Китая, ни тем более у Японии нет ни одной базы в Северном Ледовитом океане. Не существует и возможности договориться с Россией о снабжении такой базы ввиду отсутствия у нашей страны меридиальных шоссейных или железных дорог, ведущих от границ КНР до Северного Ледовитого океана (пока не закончено строительство железной дороги до Якутска, запланированное еще в 1985 г.). Зато «китайская проблема» практически вытеснила реальные противоречия между арктическими странами. До настоящего времени остается неразрешенным вопрос раздела Арктического шельфа, и провести точные границы в Северном Ледовитом океане сложно. Открытие новых островков (если оно произойдет) может придать этой проблеме дополнительные трудности.

Во-первых, возможные открытия островов за пределами «особых экономических зон» поставят вопрос об их принадлежности. Это, в свою очередь, поставит вопрос о приоритете в их присоединении к той или иной арктической державе.

Во-вторых, появление новых островков поставит вопрос о границах «особых экономических зон». Их приращение может привести к возникновению конфликтов за раздел спорных водных пространств ввиду увеличения секторов, находящихся под контролем арктических государств.

В-третьих, в контексте уже идущей милитаризации Арктики новые островки вполне могут стать опорой военной инфраструктуры, пусть даже и незначительной внешне. Вот здесь между арктическими державами может начаться гонка за установление контроля над еще пока бесхозными арктическими островками. Срок жизни подобных лессовых или термокарстовых островов пока неизвестен. Но в любом случае их значимость будет возрастать по мере нарастания споров за раздел арктических территорий.

До недавнего времени арктические державы соперничали между собой за раздел океанского и шельфового пространства. Прямых территориальных противоречий из-за спорных островов между ними не было. В будущем ситуация может измениться, и в Арктике появятся объекты для территориальной борьбы.

3

Не менее жесткое соперничество разворачивается в **воздушном пространстве**. В первой половине XX в. государства провозгласили суверенитет над принадлежащими им слоями атмосферы. Но на Женевском саммите ООН 1955 г. США предложили принцип «открытого неба», согласно которому авиация всех стран могла совершать беспрепятственные инспекционные полеты над территорией других государств. СССР опасался, что в условиях превосходства Вашингтона в стратегической авиации реализация этого принципа приведет к бесконтрольному наблюдению за советскими военными объектами. Поэтому, хотя Соединенные Штаты и страны Западной Европы приняли идею «открытого неба», она не была оформлена в правовой режим.

При М.С. Горбачеве СССР согласился пойти на компромисс. На Парижской сессии СБСЕ (19–21 ноября 1990 г.) доработанный текст договора одобрили европейские страны НАТО и Варшавского договора как механизм верификации соглашений по контролю над вооружениями. 24 марта 1992 г. на саммите СБСЕ в Хельсинки был открыт для подписания Договор по открытому небу (ДОН — *Treaty on Open Skies*). Документ зафиксировал (а) принцип государственного суверенитета над воздушным пространством, (б) возможность государств договора совершать инспекционные полеты над территориями друг друга, (в) право на равное количество наблюдательных полетов и (г) детальное описание процедур проверок самолетов наблюдения. Участники ДОН создали в Вене Консультативную комиссию по открытому небу, которая принимает решения на основе консенсуса. При комиссии был создан банк данных, куда поставляется информация, поступившая от инспекционных полетов. Договор вступил в силу 1 января 2002 г.

Но в конце 2000-х наметились дискуссии о пересмотре ряда принципов ДОН. Документ был подписан в условиях, когда Россия фактически отказалась от регулярных полетов своей стратегической авиации. Ситуация изменилась в 2007 г., когда Россия возобновила регулярные полеты своей стратегической авиации. (8–9 марта 2007 г. российская авиация совершила, в частности, инспекционные полеты над Канадой.) Американские аналитики заговорили о несовместимости ряда положений ДОН с интересами национальной безопасности США. Похожие голоса зазвучали и в Канаде, где возобновление регулярных полетов стратегической авиации РФ увязали с дипломатическим конфликтом вокруг российской экспедиции «Арктика-2007».

Эти дискуссии могут получить юридическое обоснование. ДОН был подписан в формате саммита СБСЕ и в этом отношении уязвим для критики. Политики говорят о нарастающем кризисе ОБСЕ и необходимости ее реформы. Большинство крупных азиатских и латиноамериканских стран чувствуют себя ущемленными при разработке этого режима. Это создает правовой задел для пересмотра базовых принципов ДОН. Особую роль в пересмотре принципа «открытого неба» может сыграть политика ЕС[28]. Еще в 1987 г. началось создание «Единого европейского неба». В 2006 г. Совет министров транспорта стран ЕС потребовал переводить двусторонние соглашения государств ЕС с другими странами в горизонтальные соглашения с Евросоюзом. Параллельно Европейская комиссия начала составлять «черный список» авиакомпаний, нарушающих экологические стандарты или ценовую политику. Но Европейский Союз получил институт правосубъектности только после вступления в силу Лиссабонского договора 1 декабря 2009 г. — когда список был уже сформирован. Возникают предпосылки конфликта между Евросоюзом и другими странами (Россией, КНР, отчасти Индией), рассматривающими его действия как нарушение ДОН.

Постепенно в выполнении Договора нарастали трудности. 6 апреля 2012 г. Грузия заявила о прекращении своих обязательств перед Россией в рамках Договора по открытому небу. Это создало прецедент отказа страны от своих обязательств по ДОН. Следующий подобный прецедент произошел в ходе российско-турецкого кризиса рубежа 2015–2016 гг. Турция 3 февраля 2016 г. не разрешила российским инспекторам провести очередной наблюдательный полет[29]. В США посте-

пенно также нарастали голоса за выход из ДОН. В апреле 2014 г. американская газета *Weekly Standard* опубликовала письмо четырех членов сенатского комитета по разведке, в котором заявлялось, что Россия вводит новые самолеты, которые «поддерживают оборудование для цифровой фотосъемки, РЛС бокового обзора с синтезированной апертурой и инфракрасное оборудование». 14 и 15 апреля США не воспользовались очередной возможностью инспекционного полета над Россией, выполнив его 21 апреля 2014 г. США 18 апреля 2014 г. запретили России инспекционный полет.

21 мая 2020 г. администрация США заявила о намерении выйти из Договора по открытому небу через шесть месяцев. Помощник президента США по национальной безопасности Роберт О'Брайен заявил, что Россия в рамках Договора по открытому небу следила за президентом США Дональдом Трампом. По его словам, представители страны летали над Белым домом, а также над гольф-клубом Трампа.

Реакция на выход США из ДОН была вялой. Высокий представитель Евросоюза по иностранным делам Жозеп Боррель выразил сожаление в связи с выходом США из Договора по открытому небу. Он призвал США пересмотреть это решение, а Россию — немедленно вернуться к полному выполнению договора. 23 мая 2020 г. группа стран ЕС заявила, что они сожалеют о решении президента США Дональда Трампа выйти из ДОН. Министерства иностранных дел Германии, Франции, Италии, Испании, Нидерландов, Бельгии, Португалии, Чехии, Люксембурга, Швеции и Финляндии выступили по этому поводу с совместным заявлением. «Договор по открытому небу является важнейшим элементом системы укрепления доверия, которая была создана в последние десятилетия в целях повышения прозрачности и безопасности в евро-атлантическом регионе», — говорится в этом совместном заявлении европейских стран[30]. К этому заявлению не присоединились Великобритания, Норвегия и Польша. МИД РФ заявил, что Россия будет придерживаться и дальше соглашения[31]. Следовательно, опасения европейских стран, что они лишатся возможности наблюдательных полетов из-за краха ДОН, оказываются несостоятельны.

Похожие проблемы существуют и в отношении **космического пространства**. Нормы космического права закреплены в Договоре о принципах исследования и использования космического пространства («Договоре о Луне») 1967 г. Основными принципами космической политики[32] стали исследование и использование космоса в интересах всего человечества, равенство всех стран при проведении космических исследований, ведение космической деятельности в соответствии с международным правом и запрет на присвоение космического пространства государствами. Особую роль играли статьи об использовании небесных тел исключительно в мирных целях и запрещение вывода в космос ОМП. Однако внутри договора существуют серьезные правовые лакуны[33], которые в условиях начавшейся с 2003 г. «второй космической гонки»[34] могут привести к распаду режима «космического соуправления».

В международном праве *отсутствует определение космического пространства*. Большинство государств, вслед за Международной федерацией аэронавтики, считают, что граница между воздушным и космическим пространством проходит на высоте 100 км над уровнем моря. США придерживаются иного — функциональ-

ного — подхода. В соответствии с ним нет необходимости устанавливать четкую границу между двумя пространствами. Лучше различать авиационную и космическую деятельность в зависимости от типа используемого аппарата. Это открывает возможности для провозглашения государствами суверенитета над пограничными слоями космоса и атмосферы.

Сложный комплекс проблем порождает *коммерциализация космической деятельности*. Основные проекты изучения космоса традиционно реализовывали государства. С развитием телекоммуникационных технологий и коммерческих запусков орбитальных аппаратов все более весомую роль приобретает космический бизнес. Коммерческие компании выводят свои спутники или покупают у государства услуги, предоставляемые его орбитальной группировкой. Новый ракурс эта проблема получила в связи с появлением проектов космического туризма на основе частных суборбитальных аппаратов и космодромов. Международных правил ведения коммерческой деятельности в космосе нет. Применимы ли нормы «Договора о Луне» к транснациональным компаниям, если они не являются его участниками?

Особую проблему представляет растущее *соперничество государств за первенство в освоении небесных тел*[35]. Среди космических держав наблюдается возвратный интерес к организации пилотируемых полетов на Луну. США, Россия, страны ЕС и Япония выдвигают конкурентные проекты изучения планет Солнечной системы. В ближнем космосе Россия и страны ЕС пытаются развернуть альтернативные американской GPS системы навигации и связи. Соперничество усиливается на рынке космической метеорологии, где Япония, Европейское космическое агентство и отчасти Россия пытаются потеснить НАСА. «Договор о Луне» 1967 г. запрещает государствам провозглашать суверенитет над небесными телами. Но юридические коллизии вокруг «Соглашения о Луне» 1979 г. создают задел для пересмотра в будущем этого положения[36].

Особую опасность представляют *попытки милитаризации космического пространства*. Во второй половине XX в. сформировалось понятие «военно-космическая деятельность», включающее в себя использование спутников в интересах разведки, связи, наблюдения, целеуказания, навигации и раннего предупреждения о ракетном нападении. Дважды (в 1960-х и 1980-х годах) в США и СССР наблюдался подъем интереса к проектам «космического оружия» в виде серии автономных космических перехватчиков и противоспутниковых систем[37]. В 1990-х годах Пентагон разработал системы ПРО «заатмосферного перехвата» *THAAD* (*Theater High Altitude Area Defense*). Они обладают способностью действовать за пределами нижней границы космического пространства, но по американской классификации относились к ПРО ТВД. Вопрос о размещении подобных систем в Японии и на Тайване во многом привел к Тайванскому ракетному кризису 1996 года. Возникла опасность вывода в космос ударных боевых систем в космическое пространство без нарушения базового договора 1967 г.[38]

В начале XXI в. тенденция к милитаризации космоса усилилась. С 2001 г. Соединенные Штаты постоянно повышают роль космического компонента своей создающейся системы ПРО. В России, судя по заявлениям руководства РВСН и Военно-космических сил, разрабатываются новые перспективные проекты в области развития средств преодоления космического эшелона ПРО. В 2007–2008 гг. прошли испытания китайского и американского противоспутникового оружия.

Эти тенденции повышают опасность столкновения космических объектов. Показательным стало столкновение 11 февраля 2009 г. американского телекоммуникационного спутника «*Iridium 33*» с выведенным из строя российским военным спутником «Космос-2251».

Отдельного внимания заслуживает проблема вывода в космос ударных боевых платформ. «Договор о Луне» запрещал выводить в космос все виды оружия массового поражения (ОМП). Но в документе не говорилось о запрете на размещение в космосе обычных вооружений или оружия на новых физических принципах. В соответствии с функциональным подходом к определению космоса, боевые платформы можно выводить в ближний космос, выдавая их за системы «высоковоздушного» («заатмосферного») перехвата. В 2007 г. Россия и КНР разработали проект Договора о запрещении вывода в космос ударных боевых систем. Но на Женевской конференции ООН 12 февраля 2008 г. США заблокировали проект этого документа. Москва и Пекин, напротив, подписали 23 мая 2008 г. совместную декларацию, в которой обязались содействовать продвижению этого договора.

В краткосрочной перспективе центром дискуссий станет, по-видимому, вопрос о верхних слоях атмосферы и пограничных слоях «ближнего» космоса. Формально государственный суверенитет распространяется на все атмосферное пространство до высоты в 100 км. Фактически используемым было только пространство до высоты в 45 км — верхней границы полета реактивных самолетов. Разработка новых систем вооружений меняет ситуацию. Мезосфера и термосфера попадают в непосредственную сферу государственных интересов. Возникает опасность пересмотра «Договора о Луне» или даже распада этого документа, как это произошло с Договором по ПРО 1972 г.

4

Новой сферой международных отношений стала борьба за раздел **информационного пространства**. До создания глобальной информационной сети понятие «информационная борьба» обозначало исключительно ведение пропаганды через СМИ. Ситуация изменилась с появлением Интернета (*Interconnected Networks*) — глобальной телекоммуникационной сети информационных и вычислительных ресурсов[39]. Эта система возникла в результате слияния трех сетей:

- американская экспериментальная сеть *ARPANET* (*Advanced Research Projects Agency Network*);
- сеть Научного исследовательского фонда США (*NSF*) «*National Science Foundation Network*» (*NSFNet*);
- система «всемирной паутины», разработанная Европейским советом по ядерным исследованиям.

Технологический фундамент для функционирования этой сети был заложен в 1970-х годах. В то время был открыт принцип электронных протоколов, на основе которого возникли первые электронные услуги — электронная почта и списки рассылки информации. В 1991 г. появилась основная услуга сети — «Всемирная паутина» (*World Wide Web*). Она упростила поиск информации и позволила обслуживать графические, видео- и аудиофайлы. В 1993 г. ведущие мировые СМИ на-

чали использовать электронную сеть для размещения электронных версий своих изданий. На этой основе к 1997 г. окончательно сформировалось понятие «Интернет», включающее в себя «всемирную паутину», услуги электронной почты, списки рассылки и услуг.

Это событие сделало технически реализуемым проблему управления информационным пространством. Управление Интернетом означает установление контроля над ключевыми ресурсами (доменные имена, *IP*-адреса, Интернет-протоколы, система корневых серверов), контентом, регистрационными операциями и системой присвоения доменов и адресов. В начале 1990-х годов возникли международное сообщество *IETF* (*Internet Engineering Task Force*) и международная профессиональная организация *ISOC* (*Internet Society)*. В 1998 г. ведущие функции перешли к международной некоммерческой организации *ICANN* (*Internet Corporationfor Assigned Namesand Numbers*). Формально она независима от государственных структур, хотя в ее создании участвовал Департамент торговли Соединенных Штатов.

В конце 1990-х годов компания *ICANN* подверглась реорганизации. Возникла дочерняя от нее организация *IANA* (*Internet Assigned Numbers Authority*), которая занимается управлением пространствами *IP*-адресов, доменов верхнего уровня, типами данных *MIME* и параметрами протоколов Интернета. *IANA* делегирует свои полномочия по распределению *IP*-адресов региональным регистраторам. Появилась серия Интернет-организаций *RIR* (*Regional Internet Registry*), которые занимаются вопросами адресации и маршрутизации в Интернете и получают свой статус от *ICANN*.

Такая система управления Интернетом привела к разногласиям между великими державами. Страны ЕС и США выступают за сохранение лидирующих позиций *ICANN* как автономной компании. КНР, страны Азиатско-Тихоокеанского региона и Африки требуют передать *ICANN* под контроль Международного союза электросвязи. Более гибкую позицию занимает Россия, которая сумела создать свой домен Интернета — Рунет.

Дискуссии о создании международно-правового режима управления Интернетом начались во второй половине 1990-х годов[40]. В 1998–2001 гг. была принята серия резолюций ГА ООН, которые постулировали необходимость начать разработку понятия «информационная безопасность» и учредить международные стандарты обеспечения безопасности глобальных информационных систем. Часть этих положений была зафиксирована в принятой на саммите «Группы восьми» на Окинаве (2000) хартии «Глобального информационного общества». 22 ноября 2002 г. последовала программная резолюция ГА ООН № 57/53, которая указала на недопустимость использования информационно-телекоммуникационных технологий и средств для оказания негативного воздействия на инфраструктуру государств. В то время она была воспринята как косвенное осуждение политики США по подготовке военной операции в Ираке.

В начале XXI в. на смену спорам о принципах осуществления информационной безопасности пришел вопрос о непосредственном управлении Интернетом[41]. Дискуссии начались на Международном саммите 2003 г. по проблемам информационного общества в Женеве. Генеральному секретарю ООН было поручено организовать Рабочую группу по проблемам информационного общества для выработки определения термина «управление Интернетом» и подготовки отчета

к Тунисскому саммиту 2005 г. 8 декабря 2003 г. последовала резолюция ГА ООН № 58/32 «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности». В соответствии с ней в 2004 г. была создана Группа правительственных экспертов для изучения комплекса вопросов информационной безопасности.

Доклад Рабочей группы (июнь 2005) определил «управление Интернетом» как «разработку и применение правительствами, частным сектором и гражданским обществом, при выполнении ими своей соответствующей роли, общих принципов, норм, правил, процедур принятия решений и программ, регулирующих эволюцию и применение Интернета». Это определение подвергалось критике за неясность формулировок. Достичь конкретных результатов на Международном саммите по информационному обществу в Тунисе (ноябрь 2005) не удалось.

В 2006–2009 гг. крупных подвижек в сфере управления Интернетом не было. Но в этот период возникла серия прецедентов по усилению государственного контроля над этой системой. В 2006 г. США приняли «Стратегию национальной безопасности в киберпространстве», в которой было объявлено об усилении роли спутникового Интернета как наименее уязвимого для нападения террористов. Весной 2007 г. серверы Эстонии подверглись массированным хакерским атакам, в которых страны НАТО обвинили Россию. В 2008 г. в Швеции был принят закон об усилении контроля над поступающим из РФ интернет-трафиком. В том же 2008 г. КНР подтвердила свои требования убрать из Интернета расширение Тайваня «*tw*» и заявила о возможности перехода на национальные *IDN*-домены. Эти события показали, что государства рассматривают возможность усиления национального регулирования Интернета.

Особый интерес заслуживает концепция проведения возможных военных операций в киберпространстве. В Соединенных Штатах в 2006 г. была принята «Национальная стратегия борьбы с кибертерроризмом». 19 сентября 2007 г. было объявлено о создании в составе ВВС США Киберкомандования (*Air Force Cyber Command — AFCYBER*), специального отдела министерства обороны, отвечающего за обеспечение военных действий в виртуальном пространстве и безопасности военных информационных систем. 23 июня 2009 г. приказ о его формировании был подписан министром обороны США Робертом Гейтсом. Повышение роли операций в киберпространстве предусмотрено также изданным 1 февраля 2010 г. «Четырехлетним обзором оборонной политики США». Закрепление этой тенденции подрывает единство мировой информационной сферы[42].

Особый интерес заслуживает концепция проведения возможных военных операций в киберпространстве. Новое понимание этой концепции задал кризис в российско-эстонских отношениях весной 2007 г. Пик кризиса пришелся на 29–30 апреля 2007 г., когда эстонское правительство заявило о массированной атаке хакеров на правительственные и банковские сайты. 1 мая 2007 г. министр иностранных дел Эстонии Урмас Паэт заявил, что его страна, а следовательно, и весь Европейский союз оказались объектом нападения со стороны России. По его словам, речь идет о нападении на европейское сообщество, в ходе которого проводятся кибератаки, пикетирование посольств, провоцируется гражданское неповиновение во входящей в ЕС стране. В тот же день министр обороны Эстонии Я. Аавиксоо обвинил российское правительство в организации хакерских

атак и предложил экспертам НАТО приравнять кибератаки на серверы участников НАТО к военной агрессии.

Североатлантический альянс не стал комментировать заявления эстонской стороны относительно нападения России. В 2008 г. именно в Таллине решением министров обороны стран НАТО был размещен информационно-аналитический Центр кибербезопасности альянса. Однако кризис вокруг «Бронзового солдата» стал первой в истории ситуацией, когда страна НАТО обвинила Россию в агрессии (пусть и в форме кибератак) и поставила вопрос о возможности ввода в действие 5-й статьи Вашингтонского договора. Возник прецедент, когда атака на информационные системы неизвестными хакерами была расценена одной страной как акт агрессии со стороны другой.

Новый виток борьбы в информационном пространстве начался с конца 2016 г., когда в США развернулась беспрецедентная кампания о «российском вмешательстве» в американские выборы. В Конгрессе регулярно слышны призывы «наказать Россию» с помощью санкций за угрозу американской демократии[43]. В американском обществе возникла беспрецедентная с середины 1950-х годов атмосфера уязвимости перед лицом внешнего противника. В сентябре 2018 г. в США была опубликована «Национальная стратегия кибербезопасности». Документ предполагает сдвиг к более активной и даже наступательной позиции. Согласно документу, правоохранительные органы, связанные с Министерством обороны, получают право совершать наступательные действия в киберпространстве (например, хакерские атаки в ответ на действия других государств).

В годы холодной войны американцы любили подчеркивать, что СССР душит их «радиоголоса» — «Голос Америки» и радио «Свобода». Это, как утверждали американские эксперты, доказывало неэффективность советской системы, если граждане СССР хотели слушать западные СМИ. Сегодня похожий аргумент можно выдвинуть в отношении самих США. Если американцам «опасно слушать» российские СМИ, это значит, что американцы не слишком уверены в своей стране и своей системе. Как утверждал американский дипломат Джордж Кеннан, проигрывает тот, кто ограничивает информацию; побеждает тот, кто ее активно распространяет. Ответом на «действия России» становится некая форма мобилизации американского общества: закрытие информационного пространства для оппонента, ограничение прав российских граждан на территории США, а заодно — ограничение права своих граждан на получение информации извне.

Достичь соглашения об урегулировании конфликта в кибер-пространстве России и США не удалось. 22 апреля 2018 г. МИД РФ заявил, что не будет предоставлять Вашингтону каких-либо односторонних гарантий кибербезопасности и невмешательства во внутренние процессы и выборы в частности. 26 июля 2018 г. МИД РФ заявил, что ждет от США ответных действий на предложенные инициативы (в том числе в рамках ООН).

В таких условиях в России возобладала тенденция к защите собственной информационной сферы. Летом 2018 г. в России в полную силу вступил Федеральный Закон № 374 от 6 июля 2016 г. о внесении изменений в ФЗ «О противодействии терроризму» и другие законодательные акты Российской Федерации, связанные с борьбой с терроризмом (более известный как «закон Яровой»). Согласно Статье 15, организаторы распространения информации в Интернете обязаны хранить

данные о фактах передачи текстовой, аудио- и видеоинформации, а также данные о пользователях в течение одного года с момента их осуществления. Содержание же сообщений должно храниться до 6 месяцев с момента их передачи. Имея эту информацию в своем распоряжении, операторы обязаны предоставлять ее уполномоченным органам по их запросу. В октябре 2018 г. правительство одобрило правила проверки пользователей мессенджеров: отныне мессенджеры обязаны проверять регистрацию номера у мобильных операторов, чтобы идентифицировать пользователей[44].

Эти тенденции означают, что информационное пространство может, подобно другим, стать предметом раздела между великими державами. Нечто подобное произошло в начале XX в., когда великие державы ограничили права друг друга на распространение на своей территории иностранной прессы и телеграфных линий. Глобальная информационная среда XIX в. распалась на национальные информационные пространства. Скорость раздела современной информационной среды будет, видимо, зависеть от возможности создания национальных аналогов Интернета.

* * *

В либеральной публицистике 1990-х годов освоение «новых пространств» считалось фактором объединения государств перед лицом «новых вызовов». Тенденции конца 2010-х годов доказывают обратное. Увеличение числа пространств порождает новые формы межгосударственных или даже транснациональных конфликтов. В этом смысле переход к «сферической» модели международных отношений возрождает теории «жесткой силы» и геополитического соперничества. Борьба за коммуникационные пространства ведет к накоплению количества причин и сценариев возможных межгосударственных столкновений. Прежде любая война могла начинать со столкновения на суше или на море; теперь помимо этих пространств столкновение может также произойти в приполярном, воздушном, космическом и информационном пространствах. Это само по себе повышает конфликтный потенциал в межгосударственном взаимодействии.

Примечания

[1] *Dale Walton*. Geopolitics and the Great Powers in the 21st Century: Multipolarity and the Revolution in Strategic Perspective. L.: Routledge, 2009; *Everett C. Dolman*. Astropolitik: Classical Geopolitics In The Space Age. L.: Frank Cass, 2002; *Косолапов Н.А.* Пространственно-организационный подход к анализу международных реалий // Международные процессы. 2007. Сентябрь–декабрь. Т. 5. № 3 (15). С. 57–65.

[2] Международные отношения России в новых политических пространствах. Космос. Приполярные зоны. Воздушные и морские пространства. Глобальная информационная сфера / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: ЛЕНАНД, 2011.

[3] *Dale Walton*. Geopolitics and the Great Powers in the 21st Century: Multipolarity and the Revolution in Strategic Perspective. L.: Routledge, 2009; Everett C. Dolman. Astropolitik: Classical Geopolitics In The Space Age. L.: Frank Cass, 2002; Косолапов Н.А. Пространственно-организационный подход к анализу международных реалий // Международные процессы. 2007. Сентябрь–декабрь. Т. 5. № 3 (15). С. 57–65.

[4] Анализ этой проблемы см. в не устаревшей и сегодня монографии: *Барсегов Ю.Г.* Мировой океан: политика, право, дипломатия. М: Международные отношения, 1983.

[5] Эти ограничения были зафиксированы в Московском договоре о запрещении ядерных испытаний в трех сферах (1963) и Договоре о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов ОМП (1971). СССР и США дополнили их Соглашением о предотвращении инцидентов в открытом море и воздушном пространстве над ними (1972) и Соглашением об уведомлении о пусках МБР и БРПЛ (1988).

[6] См.: *Писарев В.Д.* Дипломатия океанического соуправления // Международные процессы. 2007. Май–август. Т. 5. № 2 (14). С. 4–16.

[7] См.: *Корзун В.А.* Россия в Мировом океане: новые геополитические условия. М.: Наука, 2003.

[8] Мировой океан и стратегическая стабильность / Под ред. В.Г. Барановского. М.: ИМЭМО РАН, 2002.

[9] Подробный анализ этой проблемы см: *Писарев В.Д.* Управление прибрежными зонами Мирового океана: подход США и международные отношения // США–Канада: экономика, политика, идеология 2002. № 7.

[10] *MichaelWard*. New Geopolitics. L.: Routledge, 1992.

[11] Международный суд ООН рассматривал в 1969–1993 гг. споры Германии с Данией и Нидерландами, Ливии с Тунисом и Мальтой, США и Канады, Дании и Норвегии. В 1992 г. Международный суд ООН урегулировал спор о морских границах между Сальвадором и Гондурасом. В 2009 г. Международный суд ООН урегулировал конфликт между Украиной и Румынией относительно спорных шельфовых пространств вокруг острова Змеиный в Черном море. В ближайшее время можно прогнозировать обострение проблемы раздела континентального шельфа. 13 мая 2009 г. истек срок подачи заявок в Комиссию ООН по континентальному шельфу, и государства подали 46 индивидуальных и коллективных заявок на освоение шельфовых территорий в разных уголках Мирового океана.

[12] Интересные наблюдения см.: *Dennis Rumley*. The Geopolitics of Australia's Regional Relations. Springer, 2007.

[13] См.: *Matthias T.J., Stuart G.* Regional Oceanography: An Introduction. N.Y.: Pergamon, 1994.

[14] Ibid. P. 215.

[15] В 1989 г. Аральское море распалось на Северное (Малое) и Южное (Большое) Аральское море. В 2001 г. Южное Аральское море разделилось на западную и восточную части, и остров Возрождения стал полуостровом. В 2009 г. произошло резкое снижение воды в Южном Аральском море. Выделение новых водных пространств может поставить вопрос о пересмотре казахско-узбекской границы, усилив конфликтный потенциал в отношениях между этими государствами.

[16] «Инициатива четырех» — действующая с 2007 г. система координации военно-морской деятельности США, Австралии, Японии и Индии.

[17] *Kaplan R.* Center Stage for Twenty-first Century // Foreign Affairs. 2009. March/April. Vol. 88. No. 2. URL: http://www.foreignaffairs.com.

[18] Этот вопрос был подробно проработан еще в советской литературе. См.: Международная безопасность и Мировой океан / Отв. ред. Л.А. Иванащенко, Ю.М. Колосов. М.: Наука, 1982; Мировой океан / Под ред. Е.М. Примакова. М.: Мысль, 1986. Из новейших работ см.: *Steinberg Ph. E.* The Social Construction of the Ocean. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

[19] *Kliot N.* Geopolitics at the End of the Twentieth Century: The Changing World Political Map. L.: Routledge, 2007: *Barry Scott Zellen.* Breaking the Ice: From Land Claims to Tribal Sovereignty in the Arctic. Lanham: Lexington Books, 2008.

[20] См.: Energy and Security: Toward a New Foreign Policy Strategy / Jan H. Kalicki and David L. Goldwyn (eds). Washington; Baltimore: Woodrow Wilson Center Press, Johns Hopkins University Press, 2005.

[21] *Dodds K.* Geopolitics in Antarctica :views from the Southern Oceanic Rim. Chichester; N.Y.: Published in association with Scott Polar Research Institute, University of Cambridge by J. Wiley, 1997.

[22] *Keegan J., Wheatcroft A.* Zones of Conflict: An Atlas of Future Wars. N.Y.: Simon and Schuster, 1986.

[23] Convention on the Regulation of Antarctic Mineral Resource Activities. Done at Wellington June 1988. URL: https://sedac.ciesin.columbia.edu/entri/texts/acrc/cramra.txt.html.

[24] В октябре 2007 г. в британских СМИ появились сообщения, что Лондон планирует заявить о своих суверенных правах на часть континентального шельфа в районе Фолклендских островов. 19 октября 2007 г. министр иностранных дел Аргентины Хорхе Тайана заявил, что его страна предъявит права на Аргентинскую Антарктику, а также на экономическую зону вокруг нескольких приантарктических островов, включая Фолклендские. Аргентина (22 апреля 2009 г.) и Британия (11 мая 2009 г.) подали заявки в Комиссию ООН по континентальному шельфу. В декабре 2009 г. Аргентина законодательно объявила Фолкленды своей территорией. На региональном саммите государств Латинской Америки и Карибского бассейна в Канкуне (Мексика) 24 февраля 2010 г. ее поддержали все латиноамериканские государства. В феврале 2010 г. Британия начала бурение экспериментальных скважин на шельфе Фолклендских островов.

[25] Сравнительный анализ см.: *Chaturvedi S.* The Polar Regions: A Political Geography. Chichester: John Wiley and Sons, 1996.

[26] *Zellen B.S.* Arctic Doom, Arctic Boom**:** The Geopolitics of Climate Change in the Arctic. Praeger, 2009.

[27] *Литинский В.А.* Обнаружение остатков американской дрейфующей станции «Чарли» в районе к северу от о. Врангеля // Проблемы Арктики и Антарктики. 1968. Т. 28. С. 140–145.

[28] *Florent Banfi.* The EU-US open sky agreement: a decisive first step. An analysis of the agreement. URL: http://www.thenewfederalist.eu.

[29] Турция закрыла небо российским военным инспекторам // Интерфакс. 2016. 3 февраля. URL: https://www.interfax.ru/world/493060.

[30] Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. Communiqué des ministères des Affaires étrangères de la France, de l'Allemagne, de la Belgique, de l'Espagne, de la Finlande, de la Grèce, de l'Italie, du Luxembourg, des Pays-Bas, du Portugal, de la République Tchèque et de la Suède (22.05.20) // France Diplomatie — Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/.

[31] Россия не будет выходить из Договора по открытому небу // РИА Новости. 2020. 22 мая. URL: https://ria.ru/20200522/1571818609.html.

[32] См.*: Moltz J.C.* The Politics of Space Security. Strategic Restraint and the Pursuit of National Interests. Stanford: Stanford University Press, 2008; *Temple P.* Shades Of Gray: National Security And The Evolution Of Space Reconnaissance. Washington: American Institute of Aeronautics, 2004.

[33] Civil Space Programs and Global Utilities. Key Trends and 2004 Developments // Space security 2004. URL: http://www.spacesecurity.org.

[34] *Samson V.* Could U.S. Missile Defense Policy Restrict Access to ISS? October 1, 2008 // CDI Center for Defense Information. URL: http://www.cdi.org. См. также нашу статью: *Фененко А.В.* Конкуренция в космосе и международная безопасность // Международные процессы. 2008. Сентябрь–декабрь. Т. 6. № 3 (18).

[35] *Krepton M., Clary C.* Space Assurance or Space Dominance? The Case Against Weaponisation of State. Washington: Henry L. Stimson Center, 2003; *Detlev W.* Common Security in Outer Space and International Law. Geneva: United Nations Publications. 2006.

[36] Подписанное в 1979 г. международное соглашение о статусе Луны определяло это небесное тело как «Общее достояние человечества». С таким подходом не согласились США,

увидев в нем противоречие с «Договором о Луне» 1967 года. (Договор фиксировал запрет на присвоение государствами небесных тел, но не прописывал возможность объявления их чьей-либо собственностью.) Поэтому в 1984 г. соглашение не вступило в силу ни для одного из постоянных членов Совета Безопасности ООН.

[37] См.: Космическое оружие — дилемма безопасности / Под. ред. Е.П. Велихова, Р.З. Сагдеева, А.А. Кокошина. М.: Мир, 1986; *Ознобищев С.К., Потапов В.Я., Скоков В.В.* Как готовился «асимметричный» ответ на «Стратегическую оборонуую инициативу» Р. Рейгана. М.: ЛЕНАНД, 2008.

[38] *Freeze J.J.* Space as a Strategic Asset. N.Y.: ColumbiaUniversity Press, 2007; *Bruce M. De Blois, Richard L. Garvin, Richard Scott Kemp, Jermy C. Marwell.* Space Weapons: Crossing the U.S. Rubicon // International Security. Fall 2004. Vol. 29. No. 2. P. 50–84.

[39] *Mathiason J.* Internet Governance. The new frontier of global institutions. L.; N.Y.: Routledge, 2009. Рец. на эту работу см: Международные процессы. 2009. Январь–апрель. Т. 7. № 1 (19).

[40] См.: *Почепцов Г.Г.* Информационные войны. М.: Рефл бук, 2000; *Расторгуев С.П.* Философия информационной войны. М.: Вузовская книга, 2001.

[41] См.: *Натсак О.Д.* «Технополитика» Интернета // Международные процессы. 2008. Январь–апрель. Т. 6. № 1 (16). С. 71–75.

[42] Quadrennial Defense Review Report. 2010. February 1. URL: www.defense.gov.

[43] *Смекалова М.В.* Зажмуриться и действовать: киберитоги 2018 года // Глобальный прогноз РСМД 2019–2024: Сборник. М.: НП РСМД, 2019. С. 247–251.

[44] Постановление Правительства Российской Федерации от 27.10.2018 № 1279 «Об утверждении Правил идентификации пользователей информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” организатором сервиса обмена мгновенными сообщениями». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201811060001.

1. Какова этимология термина «колония»? В чем заключается сложность оценки колониализма как явления?
2. Назовите страны «переселенческого колониализма».
3. Как изменились социально-экономические показатели в бывших колониальных странах после обретения независимости во второй половине XX в.?
4. В чем состоят особенности российского колониального опыта?

В.Л. Иноземцев

КОЛОНИИ И ЗАВИСИМЫЕ ТЕРРИТОРИИ: ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ*

Посвящается светлой памяти
Василия Ивановича Кузищина (1930–2013),
выдающегося русского историка

Прошло более полувека с того времени, как европейские державы покинули территории, которые они контролировали на разных континентах на протяжении нескольких предшествующих столетий. Более двадцати лет назад распался Советский Союз, который также порой называли наследником Российской империи. Сложно однозначно сказать, принес ли успех освободительной борьбы больше мира и благополучия новым независимым государствам, чем их народы могли достигнуть, если бы сохранили прежние отношения с метрополиями. История не знает сослагательного наклонения и спекуляции на эту тему неуместны — в то же время, однако, именно сейчас крайне важно попытаться понять, что представляла собой ушедшая в прошлое эпоха, правильно ли мы понимали ее суть и закономерности, и, наконец, какие уроки следует вынести современным политикам из событий относительно недавнего прошлого.

Клубок проблем, связанных с тематикой европейской экспансии, вестернизации и колонизации, столь велик, что к нему нужно подходить с какой-то одной стороны и начинать «распутывать» с одной ниточки. Я предложил бы начать с того, чтобы определиться в фундаментальных понятиях, так как это, на мой взгляд, может сразу же поставить новые вопросы, сформулировать кажущиеся на первый взгляд парадоксальными идеи и привести к неожиданным политическим выводам. Мне кажется, что это как раз тот случай, когда выглядящий чисто теоретическим вопрос может, если только он будет корректно сформулирован, объяснить важные тренды современного глобального развития.

* *Иноземцев В.Л.* Колонии и зависимые территории: приглашение к дискуссии // Полис. Политические исследования. 2013. № 4. С. 6–19.

Слово «колония» (от лат. *coloniae* — поселение) восходит к античности, когда колонизация была, пожалуй, наиболее совершенным методом освоения новых территорий, не предполагавшим их завоевания, равно как и жесткого противостояния колонистов и местного населения. Колонии той эпохи представляли собой не столько форпосты для военной экспансии, сколько «торговые представительства» наиболее передовых народов, среди которых не было равных финикийцам и грекам. По разным оценкам, выходцы из Финикии в X–VI вв. до н.э. основали в Средиземноморье и на атлантическом побережье нынешних Испании и Марокко более 200 поселений с общей численностью до 450 тыс. жителей. Среди них стоит отметить Карфаген, государство, пережившее саму Финикию и несколько столетий угрожавшее Римской республике; колонии на Мальте, Ибице, Сардинии и Сицилии и юге Испании; финикийцы не только создавали собственные города, но и селились в существовавших торговых центрах, формируя сеть своих торговых путей[1]. Греки за период с IX по V в. до н.э. создали около 1500 подобных колоний, населенных более чем полутора миллионами их соотечественников — в этом случае на отдаленных территориях формировались новые полисы, порой вступавшие в партнерские отношения с местными жителями, но иногда стремившиеся и к их закабалению[2]. Все эти города были средоточием культурных, социальных и политических традиций создавших их народов и поддерживали с ними тесные связи.

В отличие от колонизации, во все времена существовала также практика завоевания новых территорий и принуждения их жителей к повиновению. Однако уже история древнего мира показывает, что империи редко могли похвастать долголетием: даже в условиях крайне медленного «течения» исторического времени ни одна империя древности, оккупировавшая территорию, заметно большую исконной, не существовала в виде единого государства более трехсот лет. Единственным исключением был Рим — но как раз в этом случае мы видим причудливое сочетание колонизации и завоевания; более того, процесс расширения границ *orbis Romanum* был очень медленным, что позволяло населению провинций успешно романизироваться. В общем и целом можно утверждать, что колонизация создавала куда более устойчивые социальные и политические общности, чем присоединение территорий исключительно военной силой.

Традиционный смысл слова «колония» сохранился вплоть до начала Нового времени — испанцы называли колониями отдельные города, основанные ими в Америке, британцы — территории, с которых удалось вытеснить аборигенные племена, и т.д. Как отмечал С. Хантингтон, «термином “колония” обозначается поселение, созданное людьми, покинувшими свою родину и перебравшимися в иное место с целью основания нового общества на отдаленных землях»; при этом колонисты отличаются от иммигрантов, которые, «напротив, не создают нового общества,.. но только перемещаются из одного общества в другое»[3]. И лишь позднее колониями стали именовать любые территории, контролируемые великими державами за пределами метрополии, а «колониализм» стал трактоваться как специфическая черта эпохи, названной «империалистической». Это, в свою очередь, вызвало значительную путаницу. Так, социологи Э. Каванаг и Л. Верачини, претендующие на определение такого феномена, как «переселенческий колониализм» (*settler colonialism*), сначала говорят о нем как о «глобальном и транснациональном явлении, равно свойственном прошлому и настоящему», а через несколько строк

заявляют, что «переселенческий колониализм вообще не является колониализмом»; что «колониализм и переселенческий колониализм... остаются раздельными и определяющими друг друга [феноменами]»[4]. На наш взгляд, наиболее последовательным шагом было бы называть как раз переселенческий колониализм колониализмом, в то время как иные формы экспансии — завоеванием или установлением политического контроля над чуждыми метрополиям территориями.

Фундаментальная проблема в данном случае заключается в том, что возможности классической колонизации объективно ограничены масштабом населения стран–поставщиков эмигрантов, в то время как военное овладение территориями долгое время выглядело намного более простым методом — особенно если принимать во внимание серьезные технологические или тактические преимущества, имевшиеся в арсенале передовых держав. Поэтому не будет преувеличением сказать, что успешные цивилизации при наличии возможностей первоначально использовали стратегию колонизации, а на более поздних этапах — стратегию оккупации.

С таких позиций крайне интересно оценить историю европейских наций в период, стартовавший с эпохи Великих географических открытий. С достижением европейцами Америк — малонаселенных территорий, жители которых серьезно отставали в технологическом развитии — начался процесс, в котором причудливо сочетались черты покорения и колонизации, но главное слово оставалось все же за последней. В южной части континента, которая контролировалась испанцами и португальцами, акцент делался на военную силу и подавление местных народов; на севере британцы и французы предпочитали оттеснять жителей от кромки океана и создавать на новых пространствах классические поселенческие колонии. Однако, как бы ни отличались эти процессы, европейские заморские экзерсисы XVI–XVII столетий характеризовались массированным переселением людей за океан: к середине XVIII в. в Латинской Америке жило более 1,3 млн этнических европейцев, в Северной — более 3,7 млн; доля европейцев в населении территорий, ныне относящихся к США и Канаде, выросло с 10 до 80% населения между 1650 и 1825 гг.[5] Политическое сознание местных элит было вполне европеизированным — если тут и возникало возмущение метрополиями, то не из-за неприятия «европейского пути», а из-за ощущения того, что по нему можно идти более быстро и эффективно (и, следует признать, что во многом им это удалось: достаточно сравнить поток мигрантов из Европы в освободившиеся колонии — США, Аргентину, Канаду — с тем «вниманием», которое оказывают мигранты из развитых стран освободившимся странам Африки или Азии). Конечно, можно говорить об американской Войне за независимость 1770-х годов или Освободительных войнах 1820-х годов в Латинской Америке как об «антирежимных», но стоит иметь в виду, что, мечтая о политической самостоятельности, повстанцы не собирались искать пути, отличного от европейского. Желая построить свой «город на холме» на основе европейских идеалов, Т. Джефферсон и Ф. де Миранда, Б. Франклин и С. Боливар, А. Гамильтон и Х. де Сан-Мартин были по своему духу куда большими «европейцами», чем сторонники сохранения абсолютистских традиций в самой Европе.

События 1770-х–1820-х годов на американском континенте ознаменовали собой не менее важный переломный пункт в европейской истории, чем тот, который имел место в истории Средиземноморья в IV–III вв. до н.э. В обоих случаях от-

носительно медленная, основанная на интересах свободных граждан и движимая преимущественно коммерческими мотивами колонизация сменилась захватнической политикой, опиравшейся на военные методы и предполагавшей обращение в зависимость новых, ранее находившихся вне прямого контроля, территорий. «Просвещенная» Европа по прошествии двух тысяч лет вступила на скользкую дорожку Александра Македонского и Октавиана Августа.

В результате масштабной военной экспансии европейские державы создали империи, которые было бы ошибочно называть колониальными. Как и во времена Александра в Персии или в эпоху римского владычества в Британии, присутствие представителей метрополии на покоренных территориях было символическим (по статистике 1921 г. в Индии на 306 млн местных жителей приходилось не более 157 тыс. британцев, из которых около 60 тыс. составляли военнослужащие[6]; в Кении к 1960 г. жило 68 тыс. выходцев из метрополии и 8,2 млн местных жителей; французское гражданское население в Индокитае накануне Второй мировой войны не превышало 34 тыс. человек «на фоне» 23 млн аборигенов[7]). Конечно, завоеватели пытались создавать в новообретенных владениях свои хозяйственные и организационные практики. Те же британцы в 1849–1929 гг. построили в Индии 66 тыс. км железных дорог — в разы больше, чем в самой Англии[8], и эти дороги действуют сегодня так же, как и дороги, вымощенные римлянами, используются на Балканах. За период с 1946 по 1958 г. 70% всех инвестиций в инфраструктуру во французских колониях в Африке и 30% текущих трат на поддержание этих объектов обеспечивалось напрямую бюджетом Французской республики[9]. Однако очевидно, что повторить в этих новых владениях то, что было достигнуто в Северной Америке или Австралии, европейцы не могли. Власти метрополий, часто эффективно и умело управляя завоеванными территориями, не стремились построить тут копию собственной цивилизации, рассматривая эти регионы в качестве выгодного и порой естественного «дополнение» своих стран, но не их «продолжение».

Таким образом, у европейских государств в контексте их экспансионистских устремлений прослеживаются две эпохи — колонизаторская и захватническая.

Продуктом первой явились общества, которые известный британский исследователь А. Мэддисон назвал *Western offshoots*[10] — и которые одни только и были европейскими колониями. Большая часть их населения была наследниками европейцев, а сами колонии — своего рода *extended Europe*, и остаются таковыми и сегодня. Все эти территории, ставшие Соединенными Штатами, Канадой, Австралией, Аргентиной, Бразилией, Новой Зеландией и т.д., отличались доминированием пришлого населения (не менее 30–40%, но чаще всего более 60%); резким сокращением числа исконных обитателей территории (более чем в 2–3 раза за первые сто лет активного «освоения»); созданием социально-экономической системы, копирующей существующую в метрополии (с возможными коррекциями, разумеется) и общими с метрополией «цивилизационными кодами». Отделение колоний от метрополий не нарушало исторической преемственности, в результате чего сейчас понятие «Запад» — относительно искусственно обозначающее европейскую цивилизацию — объединяет и европейские страны, и их бывшие поселенческие колонии.

Напротив, территории, находившиеся под военно-политическим доминированием, не были населены европейцами в существенной мере, не усваивали ев-

ропейских практик и стремились сбросить власть чужаков не потому, что считали себя способнее и сильнее метрополии, а потому, что хотели остаться собой и (не) развиваться по собственному усмотрению. Это было несложно, так как структура присутствия представителей метрополии подчинялась довольно простым задачам администрирования, вместо управления эпохи модернити часто существовала система вассалитетов (в разных местах в разной степени развитая), а главной задачей выступала эксплуатация природных богатств завоеванных территорий. При этом доля пришельцев не превышала 1–3% населения, а сокращение числа местных жителей в ходе подавления их сопротивления оставалось в пределах статистической погрешности (жертвами подавления восстания сипаев в Индии стали около 300 тыс. человек при населении 282 млн[11]). Наиболее заметными примерами территорий, находившихся под такого рода доминированием, могут быть Юго-Восточная Азия под французским управлением, Ближний Восток и большая часть Африки под английским владычеством, и вообще вся Африка после 1880-х годов. Переходными формами можно считать латиноамериканские страны с большим присутствием коренного населения и их потомков (Перу, Боливию, Колумбию). Уход завоевателей в большинстве случаев предполагает в этой ситуации быстрый отказ от европейских элементов управления, восстановление системы персоналистской власти, начало междуусобных конфликтов и многочисленные (как правило, неудачные) эксперименты в экономике. Полная зависимость от метрополий, характерная для данных обществ, порождает «капкан для развития» и после ее прекращения новые независимые страны зачастую деградируют, образуя своего рода «неразвивающийся мир»[12].

Все эти замечания — вполне поверхностные, следует заметить — являются, на мой взгляд, достаточными для того, чтобы по меньшей мере задуматься, какие социальные и политические формы стоит называть колониями и можно ли говорить о «деколонизации» и «постколониализме» как чертах второй половины XX в.

«Постколониализм» и постзависимость

Понятие «постколониализм» — одно из знаковых словечек XX столетия. Введенное в оборот Э. Сезером в 1950 г.[13], оно распространилось в научной и публицистической литературе усилиями Ф. Фанона, А. Мемми, Э. Саида[14] и десятков их последователей необычайно быстро и стало, если так можно выразиться, культовым среди сторонников «особого» пути развития и противников империализма. Сегодня сторонники данной концепции предлагают рассматривать его в очень широком контексте, утверждая, что «термин “постколониализм” часто ошибочно воспринимается как преходящий концепт, применяемый к описанию времени, наступающего после прекращения колониального состояния, после момента политического провозглашения независимости... на самом же деле постколониализм отражает борьбу с колониальными дискурсами, властными структурами и социальными иерархиями, постоянное оспаривание их прав на существование»[15]. «Постколониализм», таким образом, стал теорией противостояния нежелательной зависимости — зависимости от прежних доктрин, от европейской (как предполагается, далекой от идеала) модели развития, от созданных в сознании людей образов.

Между тем, если исходить из предложенной выше логики, такой термин вообще не имеет права на существование — причем как минимум по двум причинам. С одной стороны, колонии (в отличие от зависимых территорий) практически никогда не расходились в путях развития с прежними метрополиями и порой обогащали дискурсы, ведшиеся в Европе, а не пытались их развенчать. С другой стороны, при принятии отмеченных ранее смыслов сама по себе «деколонизация» представляется процессом крайне редким, так как обретение колониями независимости вовсе не предполагает исхода колонистов, за эту независимость и борющихся. Концепции же, сторонники которых ныне называют их «постколониальными», осуждают прежде всего практику подавления представителями бывших метрополий местных народов — и, исходя из исключительно негативной оценки эпохи «внешнего управления», призывают скорее к отторжению европейского пути, чем к его творческому использованию. Я прекрасно понимаю, что отношение к бывшим завоевателям и поработителям вряд ли может быть позитивным, однако объективности ради стоит заметить, что отторжение достаточно проверенного типа прогресса отнюдь не всегда приводит к обнаружению более многообещающего.

Я готов категорично утверждать: никакого «постколониального синдрома» не существует в природе. Общества, развивавшиеся как колонии, на этапе, когда ущербность их положения начинает тяготить большую часть населения, предпринимают попытку освободиться от доминирования внешних сил — но прежде всего лишь для того, чтобы самостоятельно развиваться в указанном прежними «колонизаторами» направлении. Колонии, начиная самостоятельное развитие, в общем и целом стремятся копировать метрополию; здесь находят свое подтверждение слова К. Маркса о том, что «страна более развитая показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»[16], и не более того. В ряде случаев такие колонии становятся равными бывшим метрополиям, или даже более успешными, чем они. Примеры США и Великобритании, Аргентины и Испании, Бразилии и Португалии говорят сами за себя. Колонизация определенной территории представителями более развитых на момент начала этого процесса народов может привести к масштабным человеческим трагедиям, но никогда не выступает причиной замедления исторического прогресса — напротив, чаще всего создает условия для его локального ускорения.

Зато существует проблема бывших подконтрольных территорий. Их освобождение вряд ли стоит называть «деколонизацией» — прежде всего потому, что «колонизация» в данном случае выглядела условной. Так, уходя из Вест-Индии, голландцы вывезли на родину... 18 тыс. соотечественников — и при этом взяли с собой более 30 тыс. местных коллаборационистов, которые могли подвергнуться репрессиям за сотрудничество с иностранной администрацией. Из Анголы и Мозамбика после объявления этими территориями независимости в Португалию вернулись 12 тыс. человек, а из французского Индокитая, в борьбе за удержание которого отдали свои жизни 75,5 тыс. французских солдат — 40 тыс. живших там до начала освободительного движения французов (можно при этом вспомнить, что французы называли Индокитай не поселенческой колонией [*colonie de peuplement*], а колонией, подвергавшейся чисто хозяйственному использованию [*colonie d'exploitation économique*])[17]. Даже самый тяжелый случай — война, приведшая к «освобожде-

нию» Алжира, до 1962 г. бывшего даже не доминионом, а департаментом Франции — вернула домой 800 тыс. французов, что составляло на тот момент 7,5% населения этой провинции[18] (а десятки лет спустя потомки алжирских борцов за свободу крайне сожалеют, что родились после даты провозглашения независимости страны и не могут вернуть себе французское гражданство).

Уход европейцев из этих территорий, часто очень болезненный, был вполне предопределен и экономическими, и политическими причинами.

Экономически колонии стали просто ненужными: если в 1913 г. на британские и французские колонии приходилось около 58% совокупной внешней торговли этих стран[19], то в 2011 г. доля Индии во внешней торговле Соединенного Королевства составляла 1,7%, а доля всей Африки во французской — около 2%[20]. Сегодня товары, поставляемые бывшими зависимыми территориями, гораздо проще купить, чем бороться за политический контроль над регионами, где они производятся.

Политически именно в ходе борьбы за независимость этих территорий были применены и затем распространились самые жестокие методы современных периферийных войн, включая террористические акты и этнические чистки. Многие историки и классики политической теории специально отмечали, что характер войн радикально изменился именно со второй половины XX века, когда сопротивление стало принимать формы неодолимого бунта, ведущегося с использованием порой немыслимых средств[21]. Может быть, кому-то будет любопытно узнать, что они по сути легитимизированы... Организацией Объединенных наций, которая в Резолюции Генеральной Ассамблеи № 2908 от 2 ноября 1972 г. («О применении Декларации о предоставлении независимости странам и народам, находившимся под колониальным владычеством», п. 6) подтвердила «легитимность использования народами колоний, равно как и народами, находящимися под иностранным владычеством, *любых имеющихся в их распоряжении методов* борьбы за самоопределение и независимость» (курсив мой. — *В.И.*).

В таких условиях европейцы не могли не уйти из своих заморских владений — но они ушли, а проблемы остались. Новые независимые государства обнаружили себя в глобальном мире, в котором они не имели опыта выживания. Их новый статус сопровождался целым «букетом» проблем: завоеватели не заботились о создании здесь зачатков местного самоуправления и основ гражданского общества; границы между протекторатами проводились не исходя из истории местных сообществ, а в силу произвольного раздела территории других континентов европейскими «грандами»; экономика была полностью подчинена внешним потребностям и не могла развиваться без рынка метрополии и без содействия с ее стороны. Общества, которые на протяжении долгого времени контролировались извне, но при этом не перенимали культуру «колонизаторов», а население которых не перемешивалось с ними, были по сути обречены оставаться на периферии глобального развития. Последствия обретенной свободы очевидны: сегодня наибольшее число самых бедных стран мира составляют государства, добившиеся независимости в 1960-х годах; с 1960 по 1996 г. в войнах и вооруженных конфликтах в Африке погибло около 8 млн человек — немногим меньше, чем на всех фронтах Первой мировой войны. Более двух третей населения освободившихся от колониальной зависимости в 1957–1963 гг. стран живут сегодня менее чем на 1 долл. в день; при

этом, однако, средние расходы на оборону здесь достигают 6,6% валового продукта. Среди 25 государств с самым низким показателем продолжительности жизни — 24 африканских страны; для 27 стран, получивших независимость на волне освободительного движения 1960-х, рекордный уровень ВВП на душу населения фиксировался в середине или второй половине 1970-х (!) годов[22], хотя, например, на момент обретения независимости Кенией ее подушевой ВВП был выше, чем... в Южной Корее. При этом стоит заметить, что «скромное обаяние “постколониализма”» понемногу рассеивается: согласно опросам общественного мнения, в 2005 г. более 49% граждан стран «черной» Африки полагали, что ответственность за экономические и социальные проблемы их государств несут собственные правительства и лишь 16% склонны были винить в них бывшие метрополии[23].

Я не пытаюсь снять с европейских правителей ответственность за то, что произошло и происходит сейчас в их бывших заморских владениях. Но я хочу подчеркнуть, что не нужно называть это постколониализмом, а период господства европейцев в Африке или Азии — эпохой колонизации. Просто потому, что неправильное использование понятий может порождать совершенно неверное представление о реальности и провоцировать совершенно ошибочные политические шаги. И тут мы подходим к самому интересному: к, пожалуй, наиболее атипичному примеру имперской и постимперской политики, представленному... Россией.

Уникальная страна и ее будущее

Касаясь «колониальной» тематики, в Советском Союзе и России традиционно стремились говорить, что она не имеет к нашей стране никакого отношения. Это где-то за морями территории завоевывали, а у нас их осваивали, где-то «там» малочисленные народы порабощали, а у нас их вытаскивали из проклятого прошлого и открывали им путь в современный мир. Между тем, на мой взгляд, не стоит жить в мире иллюзий — и как раз предложенная классификация открывает путь к переосмыслению и нашей истории, и нашего будущего.

Прежде всего следует заметить, что Россия в своем отношении к внешнему миру оказывается невероятно похожей на Европу. Можно лишь удивляться, насколько хронологически схожи были волны европейского и российского колонизаторства. В то время, когда испанцы уже установили свое доминирование в Южной Америке, а англичане и французы осваивали Северную, русские двинулись на Восток — и с 1581 по 1697 г. полностью покорили всю территорию до берегов Тихого океана, после чего переправились через Берингов пролив и распространились до сегодняшнего Орегона и северной Калифорнии. При этом сибирские города основывались в те же годы, что и наиболее известные города в Новой Англии[24], а в период максимальной экспансии российские территории, располагавшиеся к востоку от Урала (включая Аляску) превышали по площади испанские владения в Новом Свете от Мексики до Огненной Земли. Согласно подсчетам западных авторов, масштабы этой экспансии и продолжительность контроля над приобретенными пространствами делают Россию самой большой «империей» за всю историю человечества[25].

Эти огромные территории осваивались теми же методами, что и Северная Америка. Они стали огромной поселенческой колонией русских, действовавших

по классическим канонам европейских народов. Характерно, что на это указывали даже современники тех событий: еще во второй половине XVII в. Ю. Крижанич, находясь в тобольской ссылке, сравнивал освоение Сибири с римской и испанской практикой переселений, называя ее «высылкой народа на посады»[26]. Позднее в своей классической работе «Сибирь, как колония», вышедшей в 1882 г. Н. Ядринцев исходит из тезиса о том, что «Сибирь по происхождению есть продукт самостоятельного народного движения и творчества; результат порыва русского народа к эмиграции, к переселениям и стремлению создать новую жизнь в новой стране... — поэтому мы вправе считать Сибирь по преимуществу продуктом вольнонародной колонизации, которую впоследствие государство утилизировало и регламентировало»[27]. В начале XX в. В. Ключевский писал, что «история России есть история страны, которая колонизируется; область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией — то падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней»[28]. Опять-таки современники оставили массу свидетельств жестокостей завоевателей на покоряемых территориях: так, по воспоминаниям епископа Камчатского Иннокентия, уничтожение до половины населения мятежных племен было обычным для русских первопроходцев[29], а многие современные западные авторы подчеркивают, что уровень истребления местных жителей был близок к североамериканским масштабам и ничего подобного представить себе, например, в Индии при британском владычестве было невозможно[30]. По сути, Россия в сфере колонизации не только соперничала с европейскими державами, но часто и превосходила их — хотя, по словам Р. Пайпса, «русские [в отличие от европейцев] не уезжали за границу; они вместо этого предпочитали колонизировать собственную страну»[31].

Но сходства на этом не заканчиваются. Приблизительно через двести лет после начала колонизации Сибири Россия, как и европейские державы, начала не столько колонизаторские, сколько военные эксперименты — присоединяя части плотно населенных территорий или аннексируя отдельные государства или их владения. В конце XVIII — начале XIX в. были присоедины Крым и Молдавия, Польша и Финляндия, Грузия и Азербайджан, в середине XIX в. началась война за Северный Кавказ, а через пару десятилетий — оккупация Средней Азии. Практически включив в свои границы такие вассальные государства, как Бухарский эмират и Хивинский каганат, Россия распространила свою власть до пределов британской зоны влияния в Афганистане и Гиндукуше. В тот же период, когда европейские державы завершили раздел Африки и Юго-Восточной Азии, Россия достигла естественных пределов. Здесь сходства заканчиваются, и начинаются отличия.

Уникальность Российской империи образца начала XX в. обусловливалась, на мой взгляд, несколькими моментами. Во-первых, Сибирь — ее гигантская колония — была формально включена в состав единого государства (эта территория перестала управляться Посольским приказом еще в 1596 г.), и не обнаруживала никаких признаков сецессионизма к тому моменту, когда империя начала новый виток расширения. Во-вторых, в отличие от европейских стран и их поселенческих колоний, Россия относилась к Сибири скорее как к зависимой территории, не столько развивая ее, сколько максимально эксплуатируя ее богатства; местные элиты здесь практически отсутствовали, а первый университет (основанный в Томске в 1878 г.) появился на на 327 лет позже, чем в Лиме, на 242 года позже, чем

в Бостоне, и на 16 лет позже, чем в Карачи[32]. И, в-третьих, Россия начала намного более активно осваивать свои зависимые территории в Закавказье и Средней Азии, чем решилась на это любая из западноевропейских держав. Особенно удивляет то, что вся эта «несовместимая с [нормальной] жизнью» конструкция пережила крах имперского режима в метрополии и после короткого периода хаоса просуществовала еще почти семьдесят лет.

Однако в конце 1980-х годов очередное ослабление центра привело к нарастанию сепаратистских тенденций и распаду страны — распаду, который только на первый взгляд мог показаться «беспроблемным» и который пока не следует считать окончательно завершенным.

Россия, как в свое время и Британия, без сопротивления «отпустила» свои зависимые территории, понимая, что контроль над ними обходится все дороже. Однако российские руководители «забыли», что часть этих территорий, не являвшихся классическими колониями, были к тому времени серьезно колонизированными. В 1989 г. доля русского, украинского и белорусского населения в Казахской ССР составляла 44,4% (а казахского — 39,0%), в Киргизской ССР — почти 24,3%, в Узбекской ССР — 9,3%, в Таджикской ССР — 8,5%, в Азербайджанской ССР — 6,1%, в Чечено-Ингушской АССР — 24,3%[33]. Лишь в нежданно обретших независимость республиках Средней Азии жило не менее 11,0 млн русских, белорусов и украинцев[34] — в 20 с лишним раз больше, чем англичан в африканских и азиатских владениях Британии в 1947 г. и в 30 раз больше, чем французов в таких же владениях Франции в 1952-м. И то, что началось после распада Советского Союза, вполне можно назвать единственной в истории деколонизацией в собственном смысле этого слова: к середине 2000-х годов из стремительно архаизирующихся новых государств было разными способами выдавлено около 4 млн уроженцев бывшей метрополии. К концу 2010-х годов доля славянского населения в Казахстане упала до 26,2%, в Киргизии — до 6,9%, в Узбекистане — до 4,1%, в Таджикистане — до 1,1%[35], а в формально оставшихся в составе России Чечне и Ингушетии — до 1,9 и 0,8% соответственно[36]. Причем произошло все это при полном молчании официальных российских властей, иезуитски обосновывавших необходимость «дружбы» с новыми режимами абстрактными геополитическими соображениями.

Происшедшее в бывших республиках Советского Союза еще раз доказывает то, что давно можно было понять на основе изучения истории «реальных» колоний: освоенные европейскими державами территории следуют в русле европейского цивилизационного выбора лишь в случае, если они населены в подавляющем большинстве представителями европейских народов. Зависимые территории в большинстве своем не могут выстроить позитивной идентичности — и потому не способны избежать всплеска национализма, который выступает единственным известным им инструментом строительства новой нации. И если попытаться вынести из случившегося уроки, то они будут просты и понятны: во-первых, пытаться препятствовать продолжающейся архаизации этих государств бессмысленно; во-вторых, искать с ними союза, учитывая это обстоятельство, по меньшей мере непродуктивно; в-третьих, для бывшей метрополии создавать интеграционные объединения со странами, инициировавшими и продолжающими политику «деколонизации», порочно и аморально. Апология Евразийского союза не более убедительна, чем идеи о воссоздании квазигосударственных форм ассоциации Бри-

тании с Зимбабве или Франции с Сенегалом, а выгоды от образования на этой территории зон свободной торговли не более очевидны, чем от введения беспошлинного ввоза в Европу товаров из тропической Африки. Попытки России восстановить единство со своими прежде зависимыми территориями — попытка, не знающая равных в истории по своей иррациональности.

Не менее странной выглядит и другая особенность страны. Набиваясь в партнеры бывшим вассалам, метрополия не замечает меняющегося баланса потенциалов центра и колонии в составе России. На закате советской эпохи на Сибирь приходилось 13% экономического потенциала СССР и чуть менее 10% его населения (конечно, зауральские земли составляли 57,1% территории, но большая часть их была необжитой, и этот дисбаланс никого не волновал). Но Советский Союз рухнул — и теперь на Сибирь приходится 74,8% территории России и 20,3% ее жителей. Более того, по итогам 2012 г. от 68 до 75% всего экспорта страны составили товары, добытые или первично переработанные в Сибири, а всего два платежа — налог на добычу полезных ископаемых и экспортная пошлина на нефть и природный газ (оба по преимуществу «сибирские») — обеспечили 50,7% доходов федерального бюджета[37]. Лишись Россия сибирского экспорта — она немедленно скатится с 9-й на 30-ю позицию в рейтинге глобальных экспортеров, расположившись вслед за Австрией; лишись бюджет сибирских доходов — достижения всего путинского десятилетия в социальной политике будут перечеркнуты. Похоже, что сегодня не Сибирь — восточная окраина России, а Москва — город к западу от Сибири.

Никогда и нигде колония не была настолько экономически значимее метрополии, оставаясь политически столь бесправной. Сужение пределов страны, индустриальная деградация России и превращение ее в сырьевой придаток Европы качественно меняют степень ее устойчивости в «колониальной» системе координат. Поэтому сейчас исключительно важно обеспечить большее влияние восточной части России на принятие основных решений в государстве, модернизировать федеративные отношения, дать Сибири голос в принятии внешнеполитических решений, по-новому осмыслить стратегии развития нашей пока еще единой страны.

Россия — уникальная историческая общность. По сути, она пользуется такими преимуществами, которыми могли бы похвастаться Англомерика или Портобраз, если бы 13 колоний не отложились от британской монархии в 1776 г., а южноамериканская вотчина Португалии не объявила себя независимой империей в 1822-м. Эти преимущества и возможности нужно ценить. Надо изучать историю и помнить, что великие европейские нации начали свой упадок не тогда, когда обезумевшие от жажды свободы племена вышибли их уставшие армии из Заира или Мозамбика, а тогда, когда раздвинувшие их границы пассионарии сочли, что смогут быстрее и эффективнее развиваться без опеки их прежней столицы. Потеря колоний несравнимо опаснее утраты зависимых территорий. Удерживать последние бессмысленно, испытывать связи с первыми на прочность безрассудно. Именно к этому выводу можно прийти, осознав различие между колониями и зависимыми территориями, которым пренебрегает современная политическая наука — не в последнюю очередь потому, что находится в плену традиционной терминологии. Действуя же, исходя из привычных представлений, легко принять ошибочные решения.

* * *

Эта статья — в первую очередь призыв задуматься. Время колониальных и имперских экспериментов, которые веками ставили европейцы, подходит к концу. Оглядываясь назад, можно намного лучше и тоньше понять историю европейской колонизации и европейского владычества. Сегодня практически очевидно, что мир глобализуется, а не вестернизируется, что сама идея центра и периферии понемногу исчезает. Но не менее ясной становится и разница между колониальной экспансией, собственно и создавшей современный развитый мир в его относительном единстве, и временным контролем над чуждыми территориями, приведшим в итоге лишь к реакции и регрессу. Европа ошиблась в том, что не остановилась на тех пределах, на освоение которых у нее хватало людских ресурсов, и положилась на технологии, не способные заменить культурные коды. Колонизация была величайшим проявлением европейской пассионарности, попытка контроля за отдаленной периферией — величайшей ошибкой Европы.

Относительно недавно Россия оказалась лицом к лицу с теми же процессами, с которыми европейцы столкнулись полвека тому назад. И нам нужно не пытаться забыть о том, что происходило и происходит в мире в последние пятьдесят лет, а проанализировать данный опыт, вырвавшись из плена терминологических и идеологических штампов. Нам нужно еще раз переосмыслить различия между колониями и зависимыми территориями; вестернизацией и глобализацией; постколониальным развитием и постзависимостью; наконец, между попытками восстановления империй и равноправной межгосударственной интеграцией. Ко всем этим вопросам я попытался подойти исключительно с теоретической, и даже терминологической стороны, и, возможно, не учел многих важных обстоятельств. Поэтому предлагаемая статья и воспринимается мной не как ответ на актуальные вопросы нашего времени, а прежде всего как приглашение к их широкому — и по возможности неполитизированному — обсуждению. Мне кажется, что такая дискуссия сегодня может оказаться весьма полезной.

Примечания

[1] Подробнее см.: *Culican W.* Phoenicia and Phoenician Colonization // The Cambridge Ancient History. Vol. III. Part 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 485–546.

[2] Подробнее см.: *Graham A.J.* The Colonial Expansion of Greece // The Cambridge Ancient History. Vol. III. Part 3. 1991. P. 83–159.

[3] *Huntington Samuel P.* Who Are We? The Challenges to America's National Identity. N.Y.: Simon & Schuster, 2004. P. 40, 41.

[4] *Cavanagh Edward, Veracini Lorenzo.* Definition (на сайте, посвященном исследованиям переселенческого колониализма, см.: URL: http://settlercolonialstudies.org/about-this-blog/ (дата обращения: 19.01.2013).

[5] См.: *Ferguson Niall.* Civilization. The West and the Rest. L.: Allen Lane, 2011. P. 134.

[6] См.: *Brown Judith M.* India // The Oxford History of the British Empire. Vol. IV. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 423, 427.

[7] См.: *Roger Louis W.M.* The Dissolution of the British Empire // The Oxford History of the British Empire. 2004. Vol. IV. P. 352.

[8] См.: *Ferguson Niall.* Empire. How Britain Made the Modern World. L.: Allen Lane, 2003. P. 171; подробнее см. также: *Sandes E.W.S.* The Military Engineer in India. L.: Chatham, 1935. Vol. 2. P. 64–68.

[9] См.: *Meredith Martin*. The State of Africa. A History of Fifty Years of Independence. L.; N.Y.: The Free Press, 2005. P. 65–66.

[10] См.: *Maddison Angus*. The World Economy: A Millennial Perspective. Paris: OECD Publications Service, 2000. P. 6–9.

[11] О количестве жертв см.: *Ramesh Randeep*. India's Secret History // The Guardian. 2007. August 24; численность населения приведена по сайту. URL: www.populstat.info/ Asia/indiac.htm (дата обращения: 08.05.2013).

[12] Подробнее определение этого понятия и пояснение причин «не-развития» см.: *Rivero Oswaldo de*. The Myth of Development. The Non-Viable Economies of the 21st Century. L.; N.Y.: Zed Books, 2001. P. 69–70.

[13] См.: *Césaire Aimé*. Discourse sur la colonialisme. Paris, Dakar: Editions Presence Africaine, 1955.

[14] См.: *Fanon Frantz*. The Wretched of the Earth. L.; N.Y.: Penguin, 2001; *Said Edward W*. Orientalism. Western Conceptions of the Orient. L.; N.Y.: Penguin, 1995; *Said Edward W*. Culture and Imperialism. N.Y.: Vintage Books, 1994, и др.

[15] *Gilbert Helen, Tompkins Joanne*. Post-Colonial Drama: Theory, Practice, Politics. L.; N.Y.: Routledge, 1996. P. 6.

[16] *Маркс К*. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. С. 2.

[17] Подробнее см.: URL: www.en.wikipedia.org/wiki/First_Indochina_War, сайт посещен 8 мая 2013 г.

[18] Подробнее см.: URL: www.en.wikipedia.org/wiki/Pied-Noir, сайт посещен 8 мая 2013 г.

[19] См.: *Иноземцев В*. Терроризм как «освободительная» борьба: новая встреча со старым феноменом // Свободная мысль – XXI. 2005. № 9. С. 29.

[20] По Великобритании: UK-India Trade Statistics, UK House of Commons, 23 Oct 2012, p. 3 (материал загружен с сайта. URL: www.parliament.uk/briefing-papers/SN06191 (08.05.2013); по Франции: данные с сайта. URL: www.csmonitor.com/World/Africa/2010/ 0601/President-Sarkozy-urges-revamped-trade-ties-at-Africa-France-Summit, сайт посещен 8 мая 2013 г.

[21] См.: *Хобсбаум Эрик*. Масштаб посткоммунистической катастрофы не понят за пределами России // Свободная мысль – XXI. 2004. № 9. С. 5–7.

[22] См.: Иноземцев В. Терроризм как «освободительная» борьба. С. 25–26.

[23] См.: Our Common Interest: An Argument [The Commission for Africa Report]. L.: Penguin Books, 2005. P. 41.

[24] См.: *Иноземцев В., Пономарев И., Рыжков* В. Континент Сибирь // Россия в глобальной политике. 2012. Ноябрь–декабрь. Т. 10. № 6. С. 83–84.

[25] Оригинальный расчет, подтверждающий данный факт, предложен в: *Taagepera Rein*. An Overview of the Growth of the Russian Empire // Michael Rywkin (ed.). Russian Colonial Expansion to 1917. L.: Mansell, 1988. P. 1–8.

[26] Цит. по: *Мирзоев В*. Историография Сибири. М., 1970. С. 44.

[27] См.: *Ядринцев Н.М*. Сибирь, как колония в географическом, этнологическом и историческом отношениях. 2-е изд., доп. и перераб. СПб.: Издание И.М. Сибирякова, 1892. С. 190.

[28] *Ключевский В*. Курс русской истории // Сочинения: В 9 т. М., 1987. Т. 1. С. 50.

[29] См.: *Вениаминов И*. Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб., 1840. С. 188–190.

[30] См.: *Curtin Philipp*. Cross-Cultural Trade in World History. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 208.

[31] *Pipes Richard*. The Russian Revolution. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1990. P. 103–104.

[32] По данным о датах учреждения соответствующих университетов с сайта интернет-энциклопедии «Wikipedia». URL: www.wikipedia.org (сайт посещен 16 января 2013 г.).

[33] Рассчитано по: Национальный состав населения СССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). М.: Финансы и статистика, 1991. URL: www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=6e (сайт посещен 12 апреля 2013 г.).

[34] Там же.

[35] Рассчитано по данным национальных статистических служб соответствующих государств за 2006–2009 гг.

[36] Рассчитано по: Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г.). URL: www.demoscope. ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php (сайт посещен 12 апреля 2013 г.).

[37] Согласно Отчету Счетной палаты РФ о предварительном исполнении федерального бюджета за 2012 г.

ГЛАВА 8

Столицы и центры

Столицы

Социология столичности: смыслы и стратегии

Переносы столиц на повестке дня современных государств

1. В чем заключается феномен многостоличности?
2. Чем можно объяснить занятие столицей страны сравнительно более низкого ранга в иерархии городов?
3. Назовите возможные причины гипо- и гипертрофированности столицы.

С.А. Тархов

СТОЛИЦЫ*

Столицы играют важную роль в жизни стран, выполняя как политические (государственное управление), так и экономические, социальные, культурные, научные, военно-стратегические функции.

Географы интересуются столицами с середины XIX в. Первым их в своей работе «Географическое положение столиц Европы» (1874 г.) изучил немецкий географ И. Коль. Он дал оценку географического положения всех европейских столиц, анализируя уровень концентрации городов и поселений вдоль различных радиальных транспортных магистралей, исходящих из столиц.

Т. Раимов на примере Ташкента и других столиц республик Средней Азии изучил особенности феномена столичности, столичных функций. Типологию физико-географического положения европейских и неевропейских столиц разработал в 80-х годах XX в. М. Янишевский.

Здесь предложена типология столиц по разным географическим признакам: разделенности или сосредоточенности столичных функций, размеру и иерархическому рангу города, соотношению между людностью страны и столицы, географическому положению, степени устойчивости и мобильности.

В столице могут сочетаться функции столичные (политические) и нестоличные (экономические, культурные, административные и др.). Главным отличием политической столицы от любого крупного экономического и/или культурного центра является выполнение столичных функций — управление территорией государства и его населением. В столицах, как правило, размещаются институты трех главных ветвей государственной власти — законодательной, исполнительной и судебной. Таким образом, столица является главным центром государственного управления страной. Столицей может быть любой город, обладающий выдающимся политико-географическим или экономико-географическим положением: небольшой город с центральным или серединным положением, крупнейший экономический центр, большой город, главный культурный и интеллектуальный центр страны, исторический город — символ нации или город, заново построен-

* *Тархов С.А.* Столицы // География. 2007. № 3.

ный специально как столица. Есть страны, где столиц нет вообще (на острове Науру, в Токелау и Ниуэ).

Кроме политических столиц, во многих странах мира есть неформальные столицы, являющиеся главными экономическими или культурными центрами стран (их иногда называют «экономическими» или «культурными» столицами). Таковы, например, Нью-Йорк, Шанхай, Калькутта и Бомбей, Стамбул, Милан, Франкфурт-на-Майне, Торонто, Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро, Йоханнесбург.

Многостоличность

В некоторых странах столичные функции сосредоточены не в одном городе, а распределены между несколькими городами. Поэтому де-факто в таких государствах сосуществуют два, а иногда и три столичных города. Таким образом, все страны можно разделить по этому признаку на одностоличные (все столичные функции сосредоточены в одном городе; таких столиц подавляющее большинство) и многостоличные (столичные функции выполняют 2–3 города; их немного).

Двойными столицами де-факто являются Амстердам (национальная, конституционная) и Гаага (здесь находятся резиденции правительства, парламента, верховного суда и королевы) в Нидерландах; Иерусалим (резиденция парламента и правительства) и Тель-Авив (здесь расположены иностранные посольства и несколько министерств) в Израиле; Газа и Рамаллах в Палестине (на Западном берегу Иордана и в секторе Газа собственные столицы); Додома (официальная) и Дар-эс-Салам (административная) в Танзании; Ямусукро (резиденция парламента и правительства) и Абиджан (здесь расположены посольства и некоторые министерства) в Кот-д'Ивуаре; Шри-Джаяварденепура-Котте (законодательная) и Коломбо (административная) в Шри-Ланке; административная столица Паттраджая и законодательная Куала-Лумпур в Малайзии; официальная столица Мбабане, королевская и законодательная Лобамба в Свазиленде; конституционная и судебная столица Сукре и административная и законодательная столица Ла-Пас в Боливии; официальная столица Сантьяго и законодательная Вальпараисо (здесь заседает Национальный конгресс) в Чили; официальной столицей в Бенине является Порто-Ново, а де-факто — Котону; в Бутане официальной столицей является Тхимпху, фактической — старая столица Пунакха. Сезонной раздвоенностью функций отличались столицы тропических стран в колониальный период: в Британской Индии летняя столица в 1912–1947 гг. находилась не в Дели, а в Шимле; на Филиппинах в 1910–1975 гг. столица на летний период перемещалась из Манилы (а затем из Кесон-Сити) в Багио. В 1951–1969 гг. в Ливии сосуществовали две столицы — Триполи (административная) и Бенгази (резиденция короля).

Тройные столицы существуют в Германии и ЮАР. Официальной административной столицей ЮАР является Претория (Тшване), законодательной власти — Кейптаун, а судебной — Блумфонтейн. В Германии политическая столица — Берлин, судебная — Карлсруэ, а многие министерства и посольства до сих пор расположены в Бонне, прежней столице ФРГ (есть и четвертая, финансовая столица Германии — Франкфурт-на-Майне).

Типы столиц по размеру города и городской агломерации

Большинство столичных городов являются крупнейшими экономическими, административными, культурными центрами страны. **Больших столиц**, в городской черте которых проживают более 2 млн человек, в мире в 2006 г. насчитывалось 42. Среди них крупнейшими (с людностью в официальной городской черте более 5 млн человек) являются Буэнос-Айрес (12 млн человек), Дели (11), Манила (11), Москва (10), Сеул (10). К **средним столицам** относятся города с населением от 500 тыс. до 2 млн человек; их в мире насчитывается 79. Примеры средних столиц: Пномпень, Дамаск, Вена, Кампала, Браззавиль. **Небольших столиц** (с людностью от 100 до 500 тыс. человек) в мире 39, например, Братислава, Нассау, Сува, Веллингтон, Подгорица. **Малые столицы** имеют население от 30 до 100 тыс. жителей; их в мире 23. Они чаще всего расположены в островных странах, а также небольших странах Африки. Примеры малых столиц: Мале, Люксембург, Тхимпху, Бандар-Сери-Бегаван, Кайенна, Хониара, Апиа, Банжул. **Микростолицы** (от 1 до 30 тыс. человек) характерны для небольших островных и архипелаговых стран Океании (например, Нукуалофа, Папеэте, Аваруа, Корор, Паликир, Фунафути, Сусупе), Вест-Индии (например, Розо, Кастри, Бастер, Сент-Джорджес, Валли), Африки (Виктория), а также карликовых государств Европы (Андорра-ла-Велья, Валетта, Сан-Марино, Вадуц, Монако). Таких микростолиц насчитывается 32, и самыми мелкими среди них являются Сент-Джорджес (Гренада, 4 тыс. человек), Сусупе (Северные Марианские острова, 2), Валли (Ангилья, 1), Гамильтон (Бермудские острова, 800 человек), Монако (800 человек).

Многие столичные города сформировали вокруг себя обширные по площади и крупные по людности столичные городские агломерации, которые физически настолько срослись со столицей, что являются де-факто единым городским телом. Поэтому многие крупнейшие столицы де-юре по своей людности невелики, но де-факто вместе со своей агломерацией являются главнейшими экономическими и культурными ядрами своих стран. Крупнейшие в мире столичные городские агломерации сложились вокруг Токио (37 млн человек), Мехико (22), Сеула (22), Джакарты (18), Москвы (15).

Типы столиц по рангу иерархии

Столиц, являющихся крупнейшим городом страны (занимают 1-й ранг иерархии в системе расселения), в мире насчитывается 180. Примеры таких столиц — Лондон, Париж, Вена, Будапешт, Копенгаген. Столиц, занимающих 2-й ранг иерархии в системе городов страны, насчитывается всего 21. К ним относятся, например, Хартум, Ла-Пас, Кито, Абу-Даби, Дамаск. Столиц, занимающих 3-й и более низкие ранги в иерархии городов (по правилу Зипфа[1]), всего 18. К ним относятся, например, Вашингтон, Оттава, Канберра, Претория.

Венгерский географ И. Бенце в 1974 г. выделил три типа диспропорций размеров столицы и крупных городов других иерархических уровней:

- население столицы в несколько раз превышает людность второго города, т.е. в системе расселения отсутствуют города 2-го и даже 3-го уровней

иерархии (Венгрия, Дания, Австрия, Ирландия, Парагвай, Уругвай, Гватемала, Аргентина, Камбоджа);

- людность столицы меньше людности крупнейших городов страны (США, Австралия, Канада, Новая Зеландия), и поэтому столицы занимают 2-й, 3-й и последующие уровни иерархии;
- столица по своему рангу иерархии почти равна второму или третьему по величине городу страны, т.е. они почти равновелики (например, Рим и Милан в Италии; Амстердам, Роттердам и Гаага в Нидерландах; Тель-Авив и Иерусалим в Израиле; Лиссабон и Порту в Португалии). Все эти отклонения и нарушения правила Зипфа И. Бенце объясняет федерализмом отдельных государств (США, Бразилия, Швейцария, Австралия, Канада), политико-стратегическими соображениями (Китай, Турция), полицентризмом территориальной структуры расселения (Нидерланды, Германия, Бельгия), вытянутой конфигурацией страны (Норвегия, Италия).

Соотношение между людностью столиц и людностью крупнейших городов страны

Некоторые столицы не являются крупнейшими городами и экономическими центрами страны: либо это вторые или третьи по величине города, либо вновь построенные столицы, либо небольшие города, выбранные в качестве столицы в результате географического компромисса между ее разными политически конкурирующими частями. Людность таких столиц может быть в несколько раз меньше, чем людность самого большого города страны: Ямусукро в 40 раз меньше Абиджана, Вашингтон почти в 15 раз меньше Нью-Йорка, Канберра в 13 раз меньше Сиднея.

Соотношение между людностью столиц и населением страны, гипертрофия и гипотрофия столиц

Так как оценить степень гипертрофии (чрезмерно большого размера) и гипотрофии (слишком малого размера) столиц, используя экономические показатели, почти невозможно, приходится довольствоваться простым показателем доли населения страны, проживающего в столице в пределах официальной городской черты, а также в пределах городской агломерации. Эти доли зависят от величины территории страны и численности ее населения.

По доле населения страны, проживающего в столичной агломерации или столице, все столичные города были разделены на 5 типов. Названия некоторых типов условны, поскольку термины, адекватные сути этих типов городов, в географии городов еще не предложены.

Столицы-государства, в которых живет все население страны (Сингапур, Гибралтар, Ватикан), были выделены в особый, 1-й тип.

К **сверхгипертрофированным столицам** (в них или их агломерациях проживает от 35 до 99% населения страны) относятся Валетта (Мальта), Рейкьявик (Исландия), Ереван (Армения), Парамарибо (Суринам), Сеул (Южная Корея), Бейрут (Ливан),

Копенгаген (Дания), Рига (Латвия). Сверхгипертрофированные столицы расположены, как правило, в малых континентальных и полуконтинентальных странах, а также в мелкоостровных странах — например, в Уругвае, Парагвае, Гайане, на Барбадосе, Ямайке.

К **гипертрофированным столицам** (в столице или столичной агломерации проживает от 23 до 35% населения страны) относятся, например, Улан-Батор (Монголия), Афины (Греция), Таллин (Эстония), Багдад (Ирак), Токио (Япония).

К **слабогипертрофированным столицам** (в столице или столичной агломерации проживает 14–23% населения страны) относятся Гавана (Куба), Мехико (Мексика), Лондон (Великобритания), Манила (Филиппины), Париж (Франция).

К **стандартным столицам**, людность которых относительно пропорциональна численности населения страны (в таких столицах или столичных агломерациях живет от 7 до 14% ее населения), относятся Киншаса, Мадрид, Дамаск, Амстердам, Пхеньян, Ташкент, Кабул, Найроби, Бухарест, Москва, Сана, Дакка, Джакарта.

К **гипотрофированным столицам** (обладают слабым влиянием или влияют неравномерно на разные части государственной территории; в них проживает менее 7% населения страны) относятся Киев, Рим, Варшава, Катманду, Берлин, Анкара, Претория, Аддис-Абеба, Оттава, Ханой, Вашингтон, Астана, Берн, Дели, Канберра, Бразилиа, Пекин, Додома, Исламабад, Абуджа.

К последней группе относятся две категории столиц: вновь построенные (в них не развиваются стандартные экономические функции; их не так много: Абуджа, Бельмопан, Бразилиа, Канберра, Исламабад, Вашингтон), а также столицы, занимающие 3–4-й ранги в иерархии городов либо с территориально разделенными политическими функциями. Крайне низка доля столиц в населении тех стран, которые перенаселены: Китай (Пекин), Индия (Дели), Индонезия (Джакарта). Не столь большое влияние имеют столицы в странах с явно выраженным полицентризмом территориальной структуры (Германия, Нидерланды, Швейцария, те же Индия и Китай).

А вот гипертрофия столиц характерна для бывших столиц исчезнувших больших империй, которые потеряли значительную часть своих владений, и прежняя столица, которая была относительно пропорциональна людности всей страны, в новых, уменьшенных границах стала слишком велика для нее. Такие столицы расположены в малых странах Европы: Вена в Австрии, Копенгаген в Дании.

Таким образом, большинство столиц мира (64%) гипертрофированно развиты, 20%, наоборот, недоразвиты (гипотрофированы) и только 15% имеют гармоничную пропорцию по отношению к общей численности населения страны.

Примечание

[1] По правилу Зипфа (Ципфа), оптимальным распределением людн ости городов в стране считается такое, при котором численность населения второго по людности города составляет половину численности населения самого большого, третьего — треть и т.д., т.е. $P_n = P_1/n$, где P_n — численность населения города n-го ранга, P_1 — численность населения самого большого города, n — ранг города.

1. Почему Москву можно назвать «естественной» столицей России?
2. Как столичность раскрывается через социокультурные свойства городов?
3. В какой мере к городам применимы технологии брэндинга?

А.А. Овсянников

СОЦИОЛОГИЯ СТОЛИЧНОСТИ: СМЫСЛЫ И СТРАТЕГИИ*

В отечественной социологии есть немало работ, отразивших различные стороны городской жизни[1]. Во всем мире «социология города»[2], как отрасль исследований городских укладов жизни в силу синтетического характера предмета социологического изучения, вынужденно переплетается с географией, историей, культурой, политологией, экономикой, городским планированием. Однако, переплетаясь, не исчезает, сохраняя самобытность предмета исследования особенностей городских поселений.

В России весьма рельефно проявляется и сохраняется разделение национальной жизни на «столичную» и «провинциальную». По сути, в стране сосуществуют две социокультурные цивилизации: одна базируется в Москве и Петербурге, другая — во всей остальной России. Как едко заметил один высокопоставленный столоначальник в беседе с автором статьи: «У Москвы есть только одна проблема — она граничит с Россией!» Между столицей и провинцией сложились напряженные и конфликтные отношения, вызванные неравноправными обменами материальных и социальных ресурсов в отношениях «Центр — провинция». Известный российский социолог Олег Яницкий так комментирует эти отношения: «Во-первых, во всех средствах массовой информации идет употребление слова провинция, формирующее у молодежи негативное отношение к региону, в котором он проживает. Во-вторых, наряду с унизительным словом провинция усиленно демонстрируется преимущество условий жизни в Москве и Санкт-Петербурге, все СМИ наглядно показывают, как счастливо и благополучно обстоят дела не только у жителей столиц, но и прорвавшихся из регионов. Все сказанное создает неблагоприятную ситуацию для того, чтобы лучшие представители молодежи оставались в регионах, и наоборот, стимулирует их отправляться делать карьеру в центральные районы нашей страны»[3].

Для социологов в этом поле конфликтных позиций важным является постижение смыслов провинциальности и столичности, особенно сегодня, в глобализирующемся мире, в котором содержание понятий провинциализма и столичности

* *Овсянников А.А.* Социология столичности: смыслы и стратегии // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 5 (8). С. 110–115.

динамически меняется. Тренд этих перемен связан не только с социально-экономическим расслоением, обусловленным столичностью, но и виртуализацией столичности как социальной ценности, формируемой в общественном сознании.

Столичность как атрибут городов имеет как минимум два смысла.

1. Столичность как центр государств

Столичность, будучи геополитическим атрибутом городов, определяется *формальным* признаком пребывания в городе Главы государства, Правительства, Законодательных собраний и центральных Судейских органов. Формальность этого признака очевидна, что позволяет любому городскому поселению претендовать на столичность. Эти претензии иногда оправдываются. Так, провинциальный Бонн стал столицей ФРГ. Ненадолго. Как только Германия объединилась, то Бонн вновь стал провинциальным городишком, уступив столичность Берлину. Берлин просто обладал неформальными правами на столичность в Германии, давно став столичностной доминантой в общественном мнении немцев. То же мы видим, к примеру, и в Казахстане, где помпезная Алма-Ата в одночасье стала провинциальным городом, уступив столичность в пользу доселе неизвестной Астаны.

Столичность в формальном смысле, как правило, является результатом исторического процесса конкурентной борьбы элит за власть в формируемых феодальных государствах. Так, Москва стала столичным городом в изнурительном противостоянии с Владимиром, а потом и с Тверью. Такое понимание столичности исторически естественно. Москва, в этом смысле, является исторически естественной столицей России. Неестественность столичности определяется формальностью становления столицами любых городов, ставших столицами вне исторического контекста их жесткой конкурентной борьбы за централизацию государств. Неестественной столичностью в России обладает, как это не печально заявлять, Санкт-Петербург, ставшим столицей Российской Империи в результате формального акта, выражающего волю амбициозного Государя России — Петра, снискавшему впоследствии славу Великого, но никак не в силу конкуренции элит или достижении конкурентных преимуществ перед Москвой.

Нет никаких оснований утверждать, что формальная борьба за столичность ушла в прошлое. В России этот вопрос актуализируется предложениями о перераспределении столичных функций в пользу Санкт-Петербурга. Естественно, в ущерб московской монополии на столичность. Эти предложения с формальной точки зрения просты. Достаточно принять решение Президентом ли, Думой ли, Правительством ли, и тот или иной Государственный орган федерального управления переместится в Санкт-Петербург или в любое другое указанное место. Кроме Санкт-Петербурга, перераспределители столичности говорят о Ярославле, Владимире, Нижнем Новгороде или Великом Новгороде. Есть и другие предложения.

Однако за этой кажущейся простотой раздачи колоды столичных карт стоят мощные, латентные интересы правящих и конкурирующих элит. Вот уже насторожились в Москве по факту уже свершившегося переселения Конституционного и Арбитражного судов в Санкт-Петербург. Московская элита уже видит здесь ущемление своих прав, зафиксированных и в Конституции. Можно только ожи-

дать усиления противостояния внутри политических и экономических элит при реализации планов о перераспределении столичных функций. Между тем, раскол политического класса, по нашему мнению, всегда опасен. Особенно в России.

В социологии организаций вообще есть императивное утверждение о том, что внутренние, структурно функциональные проблемы организации всегда несут в себе угрозы существованию организации[4]. История свидетельствует, что раскол правящей политической элиты сопровождался ослаблением Федеральной власти и государства. Преодолеть этот раскол можно только силой: Петр I (когда назначил Санкт-Петербург столицей) и Ленин (когда переносил столицу обратно из тогдашнего Петрограда в Москву) этой силой обладали. И не только обладали, но и бесцеремонно ею пользовались. Сегодня Федеральная власть сильна, но вот сможет ли она применить свою силу против московской элиты, откровенно опасающейся ослабления своего столичного гегемонизма? Вопросом являются и реальные приобретения Федеральной власти от переноса столичных функций в Санкт-Петербург.

Очень много в России претендентов на столичность... Казань к примеру. Новосибирск. Екатеринбург как столица Уральской республики до сих пор воспринимается в Москве как страшный сон неспокойных 1990-х годов. Вот, к примеру, президент России В.В. Путин с немецким канцлером г-жой А. Меркель побывали в Томске. Понравилось. Тут же на Томских сайтах появились предложения сделать Томск резиденцией Министерства науки и образования. Правда, министр А.А. Фурсенко об этом ничего не заявлял.

Простому обывателю, конечно же, глубоко безразлично противостояние борющихся за столичность элит относительно возможности «порулить» ресурсами столичности (вспомним ожидания столицы: «...все флаги в гости будут к нам»). Социологические опросы только фиксируют их безразличие. Но вот что не безразлично россиянам, так это возможное ослабление государственности с таким трудом вновь приобретенной после неспокойных 1990-х годов, что связано с попытками перераспределения столичных функций. Москва от такого перераспределения становится не совсем столица, а Санкт-Петербург — еще не столица. Во всяком случае, и Москва, и Петербург — не столицы.

Особый восторг у перераспределителей столичных функций вызывает предложения о тотальной диверсификации столичности. Мол, давайте перераспределим столичные функции по городам и весям необъятной России. От Калининграда до Владивостока. Перераспределение столичных функций сопровождается рисками противоборства среди элит, регионального противостояния, возможной политической напряженности.

Особо опасны эти риски в России. До сих пор им удавалось противодействовать, не позволяя даже на региональном уровне употреблять понятие столица, применительно, например, к Казани (это не столица, а центр Татарии), к Нижнему Новгороду (как ни лоббировал С.В. Кириенко присвоение ему звания столицы Волговятского округа, Нижний — это центр Волговятки и ничего больше). Новосибирск является столицей Сибири только по мнению эпатажных журналистов и самих новосибирцев. Для многих в Сибири столичность Новосибирска сомнительна.

2. Социокультурный смысл столичности

Такое понимание столичности основывается на признании в культуре, в науке, в религии или в политике каких-либо исключительных и уникальных качеств города. Об этом, в частности, говорила Юлия Огаркова, выпускающий редактор информационного агентства «ИФ-Регион», во время дискуссии о столичности Нижнего Новгорода: «Вот только сам вопрос “столичности” города можно воспринимать по-разному. Не скажу ничего нового, если напомню, что “столичность” определяется не внешним видом города, а *сознанием его жителей*. Это и здоровый снобизм, вызванный гордостью за “малую родину”, и желание сделать свой город лучше. Вот только такое самосознание воспитывается в поколениях, поэтому “жаль только, жить в эту пору прекрасную...”»[5].

Конечно, эти исключительные и уникальные социокультурные свойства городов и поселений *могут быть естественными их чертами*. Так, город Сочи в России является носителем особой уникальности (море и солнце, горы и тепло), и, естественно, воспринимается в сознании миллионов россиян Столицей отдыха и здоровья. Такие всегда мифологизированные представления уникальных свойств городов и регионов, формируемые в сознании населения как потребителей определенных благ, коллекционеров впечатлений, в социологии и маркетинге принято называть *брендами*. Бренды — это особые виртуальные ресурсы, символические капиталы, обладающие способностью формировать и менять общественное мнение. Бренды возникают посредством самоорганизации и самовоспроизводства, но могут и создаваться искусственно через каналы средств массовой информации. Естественная уникальность, конечно, создает для поселения перспективы завоевания социокультурной столичности как рекреационного, исторического, художественного или религиозного центров. Грядущая зимняя Олимпиада 2014 года уж точно позволит Сочи стать зимней спортивной *столицей* России. Такими столичными образованиями уже сегодня, без всяких формальных актов, являются и Сергиев Посад, и Оптина Пустынь, и Бородино, и Константиновка, и Болдино, и Овстуг и многие города и села России. Вот и Томск в этом смысле является столичным городом, «Сибирскими Афинами», как уникальный культурный и университетский город. Такие представления, сложившиеся в общественном мнении, являются естественными брендами, связанными или с геоклиматическими атрибутами городов, или с социокультурными особенностями их населения.

Однако *черты исключительности и уникальности могут быть и приобретенными,* связанными с пребыванием и проживанием в этих городах и поселениях Великих людей российских. Эти люди просто творили непреходящую культуру, вершили историческую политику фактом своей жизнедеятельности в этих поселениях, делая их уникальными и, следовательно, столичными. Пребывание Сергия Радонежского в монастыре св. Троицы превратило монастырское подворье, по существу, в политическую столицу России, мобилизирующую силы для решающего сражения с Ордой. Проживание Виктора Петровича Астафьева в деревне Овсянка Красноярского края фактически означало, что литературная столица России переместилась в эту деревню. Во время своего президентства России В.В. Путин посчитал вполне достойным для себя посетить эту российскую столицу и попить чайку с великим русским писателем.

Следует особо отметить, что атрибуты уникальности, особенности, исключительности как черты столичности могут создаваться спонтанно как представления обывателей о тех или иных характеристиках городов. В маркетинге этот процесс называют самопозиционированием. В этом смысле Санкт-Петербургу в общественном сознании определенных социальных групп уготована сегодня печальная участь «бандитского Петербурга» как криминальной столицы России. Крайне опасными для столичности Санкт-Петербурга являются процессы ксенофобии, проявляющиеся в молодежных контркультурах[6]. Одновременно с этим отметим, что и претензии Москвы на столичность никогда не были бесспорными. В общественном мнении образ Москвы и москвичей был не только позитивным, но и негативным. Знаток русского народа М. Забылин в книге «Русский народ» приводит пословицы о Москве и москвичах, бытовавших в те далекие годы. Приведем некоторые из них: *«Московский час — подожди». «В Москве толсто звонят, да тонко едят». «Москва стоит на болоте, хлеба в ней не молотят, а больше деревенского едят»*[7].

Спустя более столетия ситуация мало изменилась. Формальное могущество московской столичности далеко не всегда подкреплено неформальным признанием ее авторитета в общественном мнении. Москве завидуют, не все ее любят. Москвой восхищаются, но холодна и помпезна ее красота. Москва улыбается, но это уже не улыбка добродушной фамусовской Москвы, а скорее дерзкая улыбка, с проблеском воровской «фиксы», просматриваемая, к примеру, в имперском высокомерном оскале офиса Сбербанка на улице Вавилова или новостроек Сити. Вот фрагмент одного из неформализованных интервью с крупным предпринимателем из Нижнего Новгорода, полученного автором в 2006 г. в исследовании «Власть и народ: основания для социального диалога»: «Москву давно уже не любили. Ту Москву, пылесосом втягивавшую в себя все соки, все ресурсы, материальные и человеческие, а потом нехотя раздававшую по малости тем, кто доберется, извернется, сумеет ухватить. Да и другую Москву, интеллектуально-диссидентскую, тоже не больно жаловали на местах: слишком много знает и понимает, слишком свысока смотрит на остальных, слишком опасна к ней близость. Москва всегда стыдилась своей русскости».

Социологическое и маркетинговое агентство «Проконтакт» так оценивает восприятие россиянами своей столицы (табл. 1). В опросе москвичи не принимали участия.

Доминантным представлением о Москве является образ шумного, угрюмого, помпезного города, пугающего российского обывателя. Но она, одновременно, и красавица! Ею восхищаются не только российские обыватели. Привлекательность Москвы, выявленная серией неформализованных интервью, состоит в ее богатстве и возможностях достижения успеха. Москва всегда была одним из значимых социальных «лифтов», способствующих завоеванию вершин социальной жизни. В Москву, «на ловлю счастья и чинов...», летели и летят, как мотыльки на огонь свечи, молодые люди с желаниями побед и успехов...

Вот и другие факты подтверждают слабости общественного признания столичности Москвы. Консалтинговая компания *Mercer Management Consulting* (*MMC*) опубликовала ежегодный рейтинг городов мира, определяющий качество жизни в них. Приведены рейтинги 225 городов мира. Москва в этом списке занимает лишь 172-е место, рядом с Бомбеем и Абиджаном[8]. Собственно, вот эта ущер-

бность столичности Москвы в общественном мнении и является питательной базой энтузиазма для формального перераспределения столичных функций.

Таблица 1

Образ Москвы в сознании российского обывателя
(опросы населения России, без москвичей)*

Привлекательные черты (шкала измерения привлекательности от 0 до +5)	Оценка свойств города		Непривлекательные черты (шкала измерения непривлекательности от 0 до –5)
	1997 г.	2007 г.	
Добрая	–3,2	–1,6	Злая
Тихая	–2,3	–3,4	Шумная
Приветливая	+1,6	–1,4	Неприветливая
Улыбчивая	+1,7	–2,0	Угрюмая
Честная	–2,8	–1,6	Лживая
Чистая	+3,5	+4,3	Грязная
Красивая	+4,4	+4,8	Безобразная
Трудолюбивая	+3,6	+2,3	Ленивая
Простая	–2,6	–3,7	Помпезная
Русскость	–1,2	–2,3	Нерусскость
Дешевая	+2,4	–1,8	Дорогая

* Опросы проведены под руководством автора статьи.

Однако столичность можно создавать по особым технологиям брендинга. Эти технологии связаны с формированием позитивных и исключительных образов городов. Они основываются на производстве социальных мифов, обеспечивают их запечатление в общественном мнении. Такие представления являются *брендами столичности*. Конечно же, технологии проектирования таких брендов и их продвижение стоят дорого. Но еще дороже приобретаемые черты столичной уникальности, привлекательности (в том числе и инвестиционной), уважения и поклонения. Примером применения такого подхода является совместный проект Великого Углича и Костромы по созданию столицы Деда Мороза и Снегурочки. Этот проект явно выигрышен для этих городов. Он формирует мифологизированный образ этих городов, делая их уникальными и привлекательными.

Следует отметить, что бренды являются особыми товарами и имеют цену. В коммерческом маркетинге это уже давно стало обыденностью. Но вот и в региональном маркетинге произошло событие: опубликован рейтинг брендов стран мира и даны оценки этих брендов (в долларах США). Компания *Global Market Insite* (*GMI*), занимающаяся обработкой маркетинговых исследований, выпускает рейтинг национальных брендов. Компания в последнем своем бренд-листинге решила составить не только рейтинг имиджа самых известных стран, но и рассчитать, хотя бы приблизительно, стоимость 32 национальных брендов. И если имидж рассчитывался на основе опроса, то стоимость бренда определялась по специальной технологии опроса экспертов. В компании *Brand Finance*, которую *GMI* привлекла для помощи в проекте, предположили, что бренд составляет

определенную долю в ВВП страны (для каждой страны свою). После этого Brand Finance взяла сумму этих долей за последние пять лет и опубликовала данные. Выяснилось, что стоимость бренда «Россия» составляет 663 млрд долл. Для определения имиджа страны исследователям пришлось опросить почти 26 тыс. человек. Их просили оценить каждую страну по шести пунктам — туристической привлекательности, человеческому капиталу, качеству экспортируемых товаров, управлению со стороны правительства, привлекательности культуры и спорта, а также инвестиционной привлекательности и удобству страны для постоянного проживания. Бренд «Россия» оказался на 20-м месте среди 35 стран, заняв место между Китаем и Венгрией. США получили только 10-е место, а на верхних строчках расположились Великобритания, Швейцария и Канада. Замыкают рейтинг *GMI* бренды «Эстония», «Индонезия» и «Турция». Самыми сильными составляющими бренда «Россия» стали ее научность, спортивность и культурность. Именно эти атрибуты России самым позитивным образом воспринимаются в мире.

По стоимости бренда Россия заняла 13-е место среди 32 стран, уступив Китаю, но обогнав Швейцарию. Восемь брендов в мире оказались дороже триллиона долларов — США, Япония, Германия, Великобритания, Франция, Италия, Испания и Канада. При этом только бренд «США» составил 17,89 трлн долл. По расчетам *GMI* получилось, что марка «Россия» в 27 раз дешевле бренда «США»[9].

В современных обществах социальная реальность создается средствами массового информирования людей. Ж. Бодрийяр откровенно пишет об этом: «Мы живем, таким образом, под покровом знаков и в отказе от действительности. Чудесная безопасность: когда мы смотрим на образы мира, кто отличит это краткое вторжение действительности от глубокого удовольствия не быть в ней? Образ, знак, послание — ...это наше душевное спокойствие, подкрепленное дистанцией от мира...»[10]. Далее он объясняет эту новую реальность: «В массовых коммуникациях подобная процедура получает силу реальности: последняя уничтожена, рассеяна в пользу этой неореальности..., материализованной самим медиумом»[11].

Люди охотно верят тому, что смотрят по телевизору, читают в газетах, узнают из слухов и сплетен. Это плотное информационное поле создает и сокрушает Героев, Звезд. Оно может формировать новые системы ценностей и уничтожать старые. Общественное мнение в этом поле переменчево, ситуативно и мозаично (по Абрахаму Молю)[12]. Вот и сказочный Куршавель как столица мировой богемы после скандала, героем которого стал один из российских олигархов и шумно представленного в прессе, стал нарицательной столицей разгула.

Можно сказать, что наиболее перспективным и выгодным для России полем конкуренции за столичность является поле борьбы за свою уникальность, исключительность, привлекательность. Это поле маркетинговой конкуренции за привлечение туристов, паломников, студентов, отдыхающих. Это поле привлечения инвестиций. Это также поле формирования культуры гордости, самобытности и национальной особенности как русского человека, как россиянина вообще, и жителя многочисленных уникальных городов и поселений, вполне столичных по своим особенностям, в частности.

Столичность, особо отметим, это и великая ответственность, плохо осознаваемая у нас, взросших на великой сказке Пушкина «Золотой петушок» с нему-

дреным правилом столичности: «Царствуй, лежа на боку...». Столица находится в постоянных обменах со своими периферийями. Это и обмен социальными и культурными капиталами, когда российская столица просто «высасывает» самых ценных и образованных людей из провинции, не предлагая адекватной платы в замен. Сегодня это проявляется в штурме столичных высот выходцами из провинции. И не безуспешном штурме. Но есть еще более важные ресурсы, в создании которых особая роль отводится Столице. Речь идет о производстве и продвижении в обществе идеологий как систем справедливого мирообустройства, национальной и культурной идентичности, притягательных смыслов и исторической перспективы. Вот в этом и беда наша: власти много, вертикаль административная выстроена, а Столицы как притягательного идеологического и национального центра пока нет...

А как же быть с претензиями Санкт-Петербурга на столичность?

Здесь вопрос действительно не простой. Он не укладывается в модель, предложенную выше по той причине, что Санкт-Петербург не взрастал как столица (Москва, Париж, Лондон и огромное число городов, возникших как столицы в процессе централизации власти в государствах). Он был построен как столица. И не просто столица, а столица великой Империи. В Санкт-Петербурге все кричит об Империи и столичности (кроме, конечно, советских микрорайонов). Санкт-Петербургу нечего доказывать свою столичность. Он всегда был и остается столичным городом. Но не столицей.

Санкт-Петербург имеет огромные ресурсы как уникальная культурная, научная, театральная, историческая столица России. Правильны устремления в привлечении бизнес-элиты в Санкт-Петербург и размещении ими в Северной Пальмире своих офисов. Правильно добиваться размещения в Санкт-Петербурге офисов и представительств европейских и международных организаций. А как насчет ЮНЕСЕФ? А ЮНЕСКО?

Столичность — это ведь желание посетить и посмотреть уникальный и великий город. От этого такой город становится своим и родным. Вы в столице своей страны просто не можете быть чужаком, а чувствуете здесь историческую предназначенность свою и своего народа. Столичность — это когда хочется жить в этом городе. Формальная же столичность важна для бюрократического восторга местного столоначальника, но является подлинным бедствием для населения: сколько мигалок, сколько кортежей, сколько перекрытых дорог, сколько закрытых для посещения мест. Не приведи господь жить в формальной столице, и как бы поселиться в столице по призванию. В русском Китеже...Или в Урюпинске, куда в Советском Союзе мечтал уехать из Москвы русский интеллигент...

Примечания

[1] См., например: *Яницкий О.Н.* Социология города // Социология России. М., 1998; *Богатырев В.Р.* Развитие города: проблемы, пути решения. Н.-Новгород, 1990; *Дмитриевская Н.Ф.* Образ города как социальный феномен. СПб., 1999.

[2] См.: *Вебер М.* Город // М. Вебер. История хозяйства. Город. М., 2001; *Park R.* The City: Suggestions for the Study of Human Nature in the Urban Environment. Univercity of Chicago Press, 1984.

[3] *Яницкий. О.Н.* К вопросу о роли социологии в обществе. URL: www.isras.ru/phpBB2/viewtopic.php?p=252&sid=e4b5db1b9d0f5a327c64bc1eb37ad2cd.

[4] См.: *Пригожин А.И.* Современная социология организаций. М., 1999; *Он же.* Методы развития организаций. М., 2003.

[5] URL: http://www.nn.ru.

[6] См.: *Зубо Ю.А.* Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. М.: Мысль, 2007.

[7] *Забылин М.* Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М.: Изд. М. Березина, 1880.

[8] *Зубков К.* Цюрих — на первом, Москва — на сто семьдесят втором // Газета. 2006. 4 ноября. № 62.

[9] URL: http://www.gipp.ru/opennews.php?id=11553.

[10] *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. М.: Республика, 2006. С. 15.

[11] Там же. С. 164.

[12] *Моль А.* Социодинамика культуры. М.: Изд-во ЛКИ, 2005.

1. Дайте определение феномену «урбанистического диморфизма». Чем продиктовано его появление и для каких стран он характерен?
2. В чем преимущества и недостатки доминирования одного города? Насколько высок уровень доминирования столичных городов в федеративных странах?
2. Каков политический и символический смысл переноса столицы?

В.И. Россман

ПЕРЕНОСЫ СТОЛИЦ НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ*

Переносы столиц — одни из самых грандиозных инженерных проектов в истории человечества, коренным образом и многоаспектно преобразующие политическую и социальную жизнь государств. Наибольший резонанс в XX в. был вызван переносом столиц Турции, Австралии, Индии, Пакистана, Бразилии, Германии, Малайзии и Казахстана. Подобные проекты были осуществлены также во многих странах Африки, в том числе в Нигерии, Танзании, Малави, Ботсване и Ливии. Новые столичные города возводятся сегодня в Афганистане и Объединенных Арабских Эмиратах. Интересные эксперименты и проекты в этой области проводились в Бирме, Шри-Ланке и Чили.

В настоящее время дискуссии о возможности и желательности переноса столицы ведутся — часто на самом высоком парламентском уровне — в более чем 30 странах мира. Среди них Япония, Индонезия, Южная Корея, Иран, Таиланд, Китай, Тайвань, Монголия, Непал, Бангладеш, Аргентина, Венесуэла, Боливия, Египет. Идеи переноса столицы сегодня обсуждаются в некоторых странах Черной Африки — Уганде, Экваториальной Гвинее, Либерии, Сомали, Кении и других. Планы переноса столицы возникали и обсуждались также в нескольких постсоветских государствах: на Украине, в Таджикистане, Киргизии, Азербайджане, Грузии и Армении.

В некоторых странах, где столица была перенесена сравнительно недавно, этот вопрос вновь сегодня выносится на повестку дня. Так, например, в Университете Западной Австралии не так давно прошли инициированные двумя австралийскими историками дебаты о возможных преимуществах перемещения столицы из Канберры в Перт. С их точки зрения, к этому подталкивают основные тенденции развития страны, а центр экономической жизни постепенно смещается с Тихого океана в Индийский.

* *Россман В.И.* Переносы столиц на повестке дня современных государств // Логос. 2013. № 4 (94). С. 1–14.

С начала 90-х годов прошлого века полемика по поводу возможного перемещения столицы (чаще всего — на восток) периодически вспыхивала и в российском публичном пространстве. Дебаты по этому вопросу заметно интенсифицировались за последние годы, и в результате были выдвинуты несколько претендентов на статус новой столицы. Эти идеи, во многом стимулируемые острыми проблемами перенаселенности и пробок в Москве, а также недостатками ее инфраструктуры, включали в себя как концепции нового административного города, так и гораздо более масштабные планы и задачи тотальной реконструкции страны. С переносом столицы связываются надежды на политическую и экономическую переориентацию государства, его новое географическое и геополитическое позиционирование, а также проведение широкомасштабных реформ, направленных на развитие урбанистической системы, децентрализацию, федеративную реорганизацию, создание новых полюсов экономического роста, а также «размосковление» России. Несмотря на сравнительную популярность идей и прецедентов переноса столицы, природа и рациональность подобного рода политических проектов остаются недостаточно хорошо и систематически изученными. Лежит ли в основе всех подобных экспериментов единый комплекс мотивов? Позволяет ли их реализация решить те задачи, которые ставят перед собой правительства или руководители тех государств, которые берутся за осуществление проектов такого рода? Насколько они успешны с точки зрения достижения поставленных целей и задач и каковы долгосрочные последствия таких проектов для экономики и политической жизни своих стран? Насколько существующие предложения и проекты отражают собственно политические и экономические соображения по стратегической реорганизации различных стран и насколько велик в них удельный вес спекуляций футурологов и тактических маневров политиков?

В урбанистической и политической литературе не сложилось консенсуса по поводу этих вопросов.

Для некоторых экономистов и политических обозревателей характерно негативное или чрезвычайно скептическое отношение к подобным проектам. Этот скептицизм связан прежде всего с тем, что переносы столиц только в редких случаях действительно способствовали разрешению поставленных задач — задач сбалансированного развития регионов, разрешения противоречий между различными этническими группами и создания новых точек роста в стране. В некоторых случаях такого рода прецеденты описывались как чрезвычайно дорогие ошибки или эксцессы авторитарных и тщеславных правителей. В этом же духе в свое время русский историк Карамзин назвал перенос столицы из Москвы в Петербург «блестящей ошибкой» Петра. Многим переносам столицы также приписывается скрытая повестка дня, связанная с достижением краткосрочных политических целей и утверждением политического господства за счет создания альтернативной базы лояльности в регионах с сильной политической поддержкой существующего режима или нейтрализацией оппозиции, которая часто сосредоточена в самых крупных городах страны.

Кроме того, страны, которые предприняли или предпринимают подобного рода проекты, находятся в различных регионах мира, имеют различные политические режимы, и существует значительный разброс в географических координатах новых столиц и в кандидатурах на эту роль, что приводит некоторых ученых и обо-

зревателей к выводу о тщетности поиска каких-то единых закономерностей, которые управляют этими переносами. На этом фоне возникло представление о том, что эти решения чаще связаны с произволом авторитарных правителей, чем с какими-то реальными закономерностями, которые в них отражаются.

Хотя подозрения скептиков, безусловно, имеют под собой реальные основания, тему переноса столиц вряд ли можно рассматривать исключительно с точки зрения экономической рациональности или сводить к конспирологическим замыслам авторитарных правителей. Более внимательный анализ переносов столиц или планов такого рода указывает на некоторые общие тенденции. Ряд исследователей предложили более сбалансированные подходы к этому вопросу, обращаясь к сравнительной перспективе анализа, что позволяет выявить некоторые общие закономерности формирования наций и траектории развития национальных государств, а также некоторые общие мировые тенденции. Исследования этого рода пытаются извлечь конкретные уроки из мирового опыта переносов столиц, указывая на общее и особенное в этом опыте и избегая односторонних гиперкритических оценок и вердиктов. При этом эти исследования акцентируют вопросы, связанные с необходимостью тщательного планирования подобных проектов, сценариев и стратегий будущего развития. Критически важным представляется не то, приветствуются ли подобные проекты или осуждаются, а то, как принимаются и осуществляются эти решения, каковы механизмы достижения консенсуса по этому вопросу, как в этих решениях соотносятся элементы экспертной оценки и демократические механизмы принятия решения, каков интегративный потенциал новой столицы.

В этой связи интересно указать, например, на исследование канадского политолога Эдварда Шаца, которое публикуется в номере «Логоса» (2013. №4 (94)). Его интересуют переносы столиц не столько с точки зрения их желательности или нежелательности, сколько с точки зрения системы мотиваций и тех вызовов, на которые они пытаются ответить в контексте национального развития. Шац анализирует проект переноса столицы Казахстана в сравнительном ключе, выявляя некоторые общие закономерности формирования наций в различных географических и политических условиях. При этом обсуждение вопроса выводится за рамки парадигмы «рационально-технических аргументов» и осуществляется в категориях понимания — нужд национального строительства и динамики развития национального государства и национального самосознания.

Другие исследователи этого вопроса также учитывали в своем анализе не только недавний опыт в этой области, но и историю развития мировых цивилизаций с точки зрения расположения и перемещения столиц. Они указывали на общие закономерности географического расположения столиц, характерные для многих транснациональных регионов мира, на различные фазы развития и зрелости урбанистических сетей в государствах с различными политическими режимами и находящихся на разных стадиях экономического развития.

Тем не менее большинство авторов обращались к примерам конкретных стран или к различным регионам мира, не пытаясь вывести каких-то общих глобальных закономерностей. Кроме того, исследователи столичной проблематики часто обсуждают тему с точки зрения конкретной дисциплинарной позиции и используют или подразумевают только один из методологических подходов в ее осмыслении, часто упуская из виду другие аспекты проблемы. Различные аспекты этой про-

блематики привлекали внимание историков, политологов, географов, экономистов, урбанологов, специалистов в области градостроительного проектирования, социологов, архитекторов и архитектурных критиков, специалистов в области систем транспорта и коммуникации и других областей знания. Некоторые из этих подходов опирались на перспективы пространственной экономики, геополитики, мир-системного анализа, центрографии, системно-динамического подхода, теории полюсов роста, концепции «умных городов», реляционную теорию и другие теоретические парадигмы. Такое многообразие методологических и дисциплинарных позиций при отсутствии единой теории создает некоторые сложности для понимания и анализа переносов столиц как особого класса политических событий. С этой междисциплинарной чересполосицей во многом связано и отсутствие серьезных и достойных монографических исследований этого вопроса. В этой связи в последние годы высказывались пожелания создания единой науки о столицах, где эти методологии и дисциплины могли бы интегрироваться. Такая единая наука могла бы послужить основой для более всестороннего учета различных аспектов и параметров, сопряженных с переносом столицы, и стать основой для конструктивного анализа возможностей и рисков подобных проектов. Новая наука о столицах и столичности могла бы способствовать лучшему пониманию нормативного содержания и критериев эффективности столиц. В свою очередь, анализ переноса столиц в истории мог бы способствовать лучшему пониманию тех императивов, которые включает в себя понятие «столица» с точки зрения конкретных государств.

В рамках вводной статьи будет уместно лишь кратко остановиться на нескольких наиболее фундаментальных аспектах этой проблемы, связанных с мотивацией данных проектов и отражающих глобальные тренды мирового развития.

Многие государства ставят одной из своих важных задач разделение политического и экономического центров государства. Совмещение в рамках одного города политической власти и экономического центра страны — особенно в условиях крупных по площади государств — может создавать множество конфликтов и часто ведет к сверхцентрализации страны. Практика переноса столиц во многих случаях была сопряжена с отказом от концепции «тотальной столицы» или города, доминирующего во всех сферах общественной жизнедеятельности, и созданию особой административной или политической столицы.

Хотя переносы столиц были важной частью государственного строительства на протяжении всей человеческой истории, в эпоху Нового времени возникает система, несколько отличающаяся от предшествующих структур такого рода и построенная на иных принципах организации урбанистической сети. Впервые эта система появляется в США: ее возникновение было связано прежде всего с задачами национального строительства и балансом интересов южных и северных штатов. Эта система получила воплощение в различных формах и в других англосаксонских странах (Австралии, Новой Зеландии, Южной Африке, Канаде). В этих постколониальных государствах столица была вынесена за пределы экономически доминирующего города страны — часто в специально построенные для административных функций города. Политический центр балансируется экономическим центром. Примеры такого рода пар дают Вашингтон и Нью-Йорк, Оттава и Торонто, Сидней и Канберра, Веллингтон и Окленд, Йоханнесбург и Претория.

Важными элементами этой системы служили, по-видимому, идея балансов и противовесов, попытка разделения и уравновешивания экономической и политической власти и — в некоторых случаях — особая концепция административного города. Мотивом переноса здесь служила также необходимость заключения компромисса между частями страны (франкофонами и англосаксами в Канаде, Мельбурном и Сиднеем в Австралии, Южным и Северным островами в Новой Зеландии, бурами и англосаксами в Южной Африке, северными и южными штатами в США). В силу ряда обстоятельств, связанных с особенностями исторического развития, подобная же децентрализованная система сложилась в таких странах, как Швейцария, Германия и отчасти Италия.

Интересно отметить, что описанная система урбанистического диморфизма стала характерной для наиболее преуспевающих экономически стран. Хотя она вряд ли является обязательным условием экономического процветания. В таких чрезвычайно успешных государствах, как Великобритания, Франция и Япония, столицы сохраняются в приматных городах, доминирующих в большинстве сфер жизни. Экономическая успешность большинства этих стран, возможно, указывает на определенные преимущества разделения политического и экономического центров для национальной экономики и социального развития: она как будто создает условия и предпосылки для более сбалансированного развития, результаты которого не сосредоточиваются в одной точке. Публичные дебаты в Великобритании, Франции и Японии также указывают на заметное недовольство граждан этих стран доминированием одного города. Хотя эта структурная характеристика урбанистической сети может быть не только причиной, но и следствием других элементов институциональной структуры государств, она, по-видимому, дает им определенные экономические преимущества.

Другим косвенным свидетельством преимуществ разделения экономических и политических центров может служить тот факт, что в наименее развитых странах развитие, как правило, сосредоточено в одном большом городе, который полностью доминирует во всех сферах жизни. Поэтому система разделения экономических и политических функций оказалась привлекательной для многих государств и стала моделью для подражания — прямо или косвенно — для многих модернизирующихся государств, которые переносят сегодня свои столицы. Хотя разделение политических и экономических столиц, конечно, не может предотвратить процессов коррупции, оно, вероятно, создает определенные структурные условия для ее минимизации, о чем свидетельствует среди прочего и высокий уровень корреляции между уровнем коррупции и уровнем доминирования главного города страны.

Второй важный фактор, стимулирующий эти проекты, связан с тем, что во многих государствах мира продолжают идти процессы национального строительства и интеграции. Многие страны, которые достаточно давно освободились от колониального господства, ищут новых путей национальной и социальной интеграции. Новые столицы служат в них катализаторами процессов национального строительства, а также удачными или неудачными формами балансирования интересов и идентичностей входящих в состав этих государств религиозных, этнических и лингвистических групп. Иконография и символизм новых столиц, часто связанные также с их географической локализацией, часто служат здесь конструированию новой национальной идентичности и репрезентации идентичностей, со-

ставляющих государство этносов или других групп или частей. Третий фундаментальный аспект этой темы связан с проблематикой пространственной экономики и анализом роли доминирующих городов в различных странах. В большинстве из существующих сегодня стран доминирующие города являются одновременно и столичными городами. Агломерационные эффекты создают значительные экономические преимущества для таких городов, и это связано прежде всего с более высокой производительностью труда и сокращением издержек. Тем не менее существование крупных мегаполисов, особенно если они одновременно выполняют функции столицы, сопряжено также со значительными издержками как для самих этих городов, так и для национальных экономик в целом. Во многих случаях — в большей мере это относится к развивающимся странам — доминирующие города растут и развиваются в ущерб развитию и экономическому росту всего государства. Помимо чисто экономических проблем, доминирующие города в стране могут становиться причиной не только экономических преимуществ, но и социальных издержек. Исследованию вопроса об оптимальной величине доминирующих городов, условиях, при которых такие города могут создавать преимущества или служить тормозом для развития национальных экономик, а также о способах оптимизации урбанистической системы посвящены сотни работ в области экономики городов или пространственной экономики. Эти работы имеют важные импликации для проблемы переносов столицы, которые далеко не всегда проговариваются. Современные тенденции безудержного роста доминирующих городов в десятках развивающихся стран, которые редко идут на пользу их национальным экономикам и создают новые социальные напряжения и разделения, говорят о том, что вопрос о смене столицы в скором времени может встать на повестку дня множества других государств, где этот вопрос в настоящее время не обсуждается.

Четвертый фундаментальный аспект связан с взаимозависимостью между политической конституцией различных государств, в частности их унитарным или федеративным устройством, и устройством и характером их столиц. Федеративное устройство государств обычно предполагает компактный столичный город, который не перегружен другими функциями. Такой город лучше отвечает форме политической жизни и характеру отношений между составляющими государство частями федерации, ни одна из которых не должна иметь преимуществ в столичном городе. Роль и объем функций столиц оказывают непосредственное влияние на уровень централизации в различных типах федераций. Федеративность создавала особый контекст и дискурс столичности во многих состоявшихся или распавшихся федерациях — Соединенных провинциях Центральной Америки, Югославии, Объединенном королевстве Ливия, Колумбийской федерации и других.

Наконец, следует упомянуть о важной роли столиц в процессах политических реформ. Во многих государствах радикальные политические реформы и трансформации сопровождались переносом столиц. Новые столицы становились инкубаторами новых элит, становились городами, где новое воображение создавало новую иконографию, новые символы и новый монументализм для легитимации нового политического режима. В этом смысле смена столицы находится в той же базисной системе культурно-государственных основоположений, как календарь, хронология и система письменности или правописания. Революции и глубокие реформы на Западе и Востоке часто сопровождались сменой одного или несколь-

ких из этих основоположений. Новые политические режимы пытались изменить счет времени, язык или точку отсчета в пространстве, т.е. столицу, реконструируя существующую политическую реальность. Так, французская революция вводит новый календарь и превращает Париж в новый центр монументальной национальной идентичности. Со сменой столицы были сопряжены русская и турецкая революции, Синьхайская революция в Китае и революция Мейдзи в Японии (в Китае перенос столицы в Нанкин был несколько отсрочен приходом к власти милитаристов, которые на короткое время заморозили столицу в Пекине). Махдийская революция в Судане сопровождалась переносом столицы из Хартума в Омдурман в 1895 г., а окончание революции — возвращением столицы в Хартум в 1898-м.

Тексты, представленные в данном номере журнала «Логос», дают представление далеко не обо всех из перечисленных методологических подходов и парадигм анализа. Однако эти тексты вполне репрезентативны.

В них представлена, с одной стороны, достаточно разнообразная география переносов столиц в различных регионах мира — от Германии и Казахстана до Южной Кореи и африканских государств. С другой стороны, они представляют несколько дисциплинарных и методологических перспектив анализа феномена столичности и проблематики переносов столиц. Таким образом, предлагаемая вниманию читателя подборка в какой-то степени дает представление о многообразии подходов и теоретических парадигм исследования этой темы. Написанные авторитетными зарубежными географами, урбанистами, политологами, социологами и историками, они указывают на широкий диапазон ведущихся на эту тему дискуссий. Выбранные тексты также представляют различные трактовки и оценки эффективности и перспектив переносов столицы — от однозначно негативных оценок и умеренного скептицизма до достаточно сбалансированных и сдержанно-оптимистических. Эти различные оценки отражают как неоднородные методологические подходы к теме, так и различные предпосылки относительно роли, функций и задач столицы. Наиболее проницательные авторы, которые исследовали эту тему, попытались учесть в своих оценках и положительные, и отрицательные уроки опыта осуществленных переносов, отказываясь от однозначно позитивных или однозначно негативных их оценок.

В то время как опыты переноса столиц в таких странах, как Турция, Пакистан, Бразилия, Австралия и Германия, достаточно хорошо известны (все они считаются относительно успешными), в данном номере мы постарались отразить менее известные, удачные и неудачные примеры переносов столиц или планов такого рода в таких странах, как Нигерия, Малави, Южная Корея и Аргентина. Эти страны дают примеры как осуществленных переносов столиц, так и случаи отложенных или нереализованных проектов такого рода.

Номер открывается двумя общими статьями о роли и функциях столицы, которая рассматривается в них в историко-географическом ключе. В своей статье классик географии Жан Готтман, французский социолог русско-еврейского происхождения, размышляет о функциях и природе столичной функции на примерах истории развития европейских столиц и роли столиц в мировой истории в целом. Этой же теме, с особым акцентом на историческом опыте Германии, посвящена статья американского географа Скотта Кэмпбелла, где речь идет, кроме того, и о взаимоотношении глобальности и столичности в рамках одного города и в рам-

ках национального государства, а также влиянии глобальных экономических процессов на жизнь столичных городов.

Шведский социолог Горан Терборн и сингапурский социолог Кон Чон Хо рассуждают о роли столиц, сосредоточиваясь главным образом на опыте государств Юго-Восточной Азии.

В работах политолога Эдварда Шаца, географа Деборы Поттс и урбаниста Алана Гилберта предпринимаются попытки осмыслить опыт переноса столиц в Казахстане, Малави, а также так и не осуществившиеся планы переноса столицы в Аргентине. Все три автора обращаются к сравнительной парадигме анализа, привлекая внимание к региональным закономерностям расположения, мотивации и логики перемещения столиц. Так, в работе о Малави проводится множество интересных параллелей между переносами столиц в разных частях африканского континента. Статья Шаца примечательна прежде всего тем, что он акцентирует проблему переноса столиц в контексте национального строительства, рассматривая этот шаг как важный компонент национального строительства в государствах, где процессы строительства нации еще не завершены.

В статье американского географа Кеннета Кори речь идет о переносах столиц и необходимости формирования особых стратегий и программ для успешного воплощения и имплементации этих проектов. Он обобщает опыт переноса столиц в разных странах, говорит о существующих подходах и методах анализа, но особенно пристальное внимание уделяет примеру дискуссий в современной Южной Корее.

В статье известного американского урбаниста Блэра Рубла речь идет о проблемах управления в московской агломерации и существующих подходах к этой проблеме в других странах. Статья Рубла важна для нашей подборки прежде всего потому, что она указывает на серьезные проблемы управления и администрирования крупных городских агломераций. Вне зависимости от того, останется Москва столицей или нет, перед планетой Москва стоят серьезные и нетривиальные проблемы управления, справиться с которыми может помочь учет международного опыта в этой области.

Хотя статья известного российского урбаниста Елены Трубиной не затрагивает проблем переноса столицы непосредственно, ее анализ отношений между центром и периферией в России указывает на специфические особенности этого отношения в российском контексте, остроту сегодняшнего их противостояния и на высокую цену, которую приходится платить за существующую поляризацию. Столичные дебаты в России во многом направлены на то, чтобы реорганизовать отношения между центром и периферией. Интересно отметить, что этот вертикальный конфликт переживается в России гораздо более остро, в то время как региональные расколы — между Севером и Югом или Востоком и Западом — выражены здесь гораздо слабее, чем в других странах.

Хотя приведенные в этом номере работы представляют только некоторые возможности теоретической рефлексии и методологии анализа вопроса о столицах и возможности их переноса, они дают представление о характере сегодняшних дискуссий и позволяют лучше понять положение дел в складывающейся «науке о столицах».

Анализ столичной ситуации в России и поиски разрешения стоящих проблем, безусловно, потребуют новых теоретических и аналитических подходов к этой

теме. Тем не менее представленные здесь разработки западных и российских ученых, посвященные этой теме, будут, безусловно, интересны и востребованы как российскими теоретиками городов, так и будущими реформаторами и позволят более критически и многосторонне оценить стратегические установки и предложения, которые уже были высказаны в российских дискуссиях по этому вопросу.

Литература

Daum A., Mauch Ch. (eds). Berlin–Washington, 1800–2000: Capital Cities, Cultural Representations, and National Identities. N.Y.: Cambridge University Press, 2009.

Girouard M. Cities and People. New Haven: Yale University Press, 1985.

Henderson V. The Urbanization Process and Economic Growth: The So-What Question // Journal of Economic Growth. March 2003. Vol. 8. Iss. 1. P. 47–71.

Henderson V. Urban Primacy, External Costs and Quality of Life // Resource and Energy Economics. 2005. Vol. 24. Iss. 1–2. P. 95–106.

Kenneth C. Planning and Implementing Capital Cities — Lessons from the Past and Prospects for Intelligent Development in the Future // The Case of Korea. Engineering Earth. The Impacts of Megaengineering Projects / Ed. by S. Brunn. Dordrecht, Kluwer, Springer, 2011.

Murphey R. New Capitals of Asia // Economic Development and Cultural Change. April 1957. Vol. 5. No. 3. P. 216–243.

Orr A. Move over eastern states — Perth could be moving on up // WAtoday, 2012. October 26. URL: http://www.watoday.com.au/wa-news/move-over-eastern-states—perth-could-be-moving-on-up-20121025–287z6.html.

Overman H. G., Venables A. Cities in the Developing World / CEP Discussion Papers, 2000. URL: http://www.lse.ac.uk/geographyAndEnvironment/re-search/Researchpapers/102%20overman.pdf.

Rossman V. In Search of the Fourth Rome: Visions of a New Russian Capital City // Slavic Review. 2013. Vol. 72. No. 3.

Rossman V. Stolicy gosudarstv: ih mnogoobrazie, zakonomernosti razvitija i peremeshhenija [The Varieties of Capital Cities and the Patterns of Their Development and Relocation]. M.: Gaidar Institute Press, 2013.

Rossman V. V poiskakh Chetvertogo Rima: rossiiskie debaty o perenose stolitsy [In search of the Fourth Rome: Russian debates on capital relocation]. M.: HSE Publishing House, 2014.

Schatz E. What Capital Cities Say About State and Nation Building // Nationalism and Ethnic Politics. 2003. Vol. 9. Iss. 4. P. 111–140.

Therborn G. Monumental Europe: The National Years. On the Iconography of European Capital Cities // Housing, Theory and Society. 2002. Vol. 19. Iss. 1. P. 26–47.

Zimmerman H. Do Different Types of capital cities make a difference for economic dynamism? Environment and Planning C // Government and Policy. 2010. Vol. 28. P. 761–767.

ГЛАВА 9

Границы и размежевания

Исследования политических границ с начала XX века до наших дней

Граница и фронтир как фактор развития региона и/или страны

Структурные особенности и потенциал развития приграничных и трансграничных районов: теоретические аспекты

Трансграничные регионы в иерархической системе регионов: системный подход

1. Охарактеризуйте основные традиционные и современные подходы к изучению границ. Что миросистемная теория может предложить для их анализа?
2. В чем состоит символическое значение границы? Как она влияет на идентичность населения?
3. Как глобализация влияет на локальную идентичность? Насколько ее роль повлияла на формирование взглядов постмодернистов?

В.А. Колосов

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ГРАНИЦ С НАЧАЛА XX ВЕКА ДО НАШИХ ДНЕЙ*

Введение

Общепризнано, что границы представляют собой сложное общественное явление, связанное с фундаментальными основами территориальной организации общества и человеческой психологии. Исследования границ, или лимология, превратились в междисциплинарную область знания, развиваемую политологами, социологами, этнологами, психологами, антропологами, юристами, экономистами, физико-географами и даже специалистами по техническим наукам. Усиливающаяся специализация исследований границ породила представление о том, что общую теорию границ, которая позволила бы преодолеть барьеры между дисциплинами, обобщить знания о мировой системе политических и административных границ и объяснить ее эволюцию, создать уже невозможно [15]. Все же нельзя исключить появления новых подходов, разрушающих перегородки между науками.

Географы начали изучать государственные границы одними из первых. Проблема границ и их делимитация — одна из фундаментальных проблем географии. Цель настоящей статьи — обзор теоретических подходов к географическому изучению границ, особенно новых, «постмодернистских» концепций, появившихся за последние 10–15 лет.

История человечества — это история войн, а большинство войн ставило своей конечной целью изменение границ. «География нужна прежде всего, чтобы воевать» — заглавие известной книги французского географа и публициста Ива Лакоста звучит символично [34]. Правительства и политические деятели нуждались в обосновании территориальных претензий и аннексий, а перекройка границ порождала необходимость в прикладных исследованиях для их делимитации и демаркации. В решении этих задач географы были почти незаменимы. И в настоя-

* *Колосов В.А.* Исследования политических границ с начала XX века до наших дней // Известия РАН. Серия географичкская. 2008. № 5. С. 8–20.

щее время международные организации и правительственные органы приглашают выдающихся географов как экспертов в вопросах делимитации границ.

В так называемой новой политической географии, возникшей в середине 70-х годов прошлого века [26] в результате обновления теоретической базы, применения более строгих научных подходов и укрепления связей с другими общественными науками, исследованиям границ уделяется много внимания. Немало работ посвящено, в частности, влиянию границ на международные отношения и политическую стабильность, мирному разрешению территориальных конфликтов.

Богатые традиции и предпосылки для появления новых подходов

Выделяются несколько последовательно возникших теоретических подходов в изучении границ, которые можно условно назвать традиционными и постмодернистскими. Новые подходы применялись не *вместо*, а *вместе* со старыми, которые постоянно совершенствовались и вовсе не потеряли своего значения. К числу традиционных подходов принадлежат историко-картографический, классификационный, функциональный и географо-политологический [2, 3, 32].

Историко-картографический подход, основанный на последовательном картографировании изменений границ, их морфологических особенностей, и социально-географическом изучении приграничных районов, возник на основе обобщений многочисленных конкретных исследований и прикладных работ, связанных с выделением, делимитацией и демаркацией границ после Второй мировой войны. Его главное достижение состоит, во-первых, в комплексном исследовании изменений границ в пространстве и времени; особое внимание уделялось формированию и стабильности пограничной линии. Во-вторых, глубоко анализировалась взаимосвязь между функциями границ, политическим режимом и внешней политикой соседних государств [49]. Стало ясно, что исследования границ носят междисциплинарный характер. В-третьих, было доказано, что существует глубокая связь между режимом, функциями и иногда даже морфологией границ, с одной стороны, и экономической, политической и военной мощью соседних государств — с другой. Более сильное государство нередко навязывало линию и функции границы более слабому соседу. В-четвертых, была опровергнута теория «естественных» политических границ, согласно которой оптимальные для государства границы должны совпадать с естественными рубежами или этническими границами. В-пятых, географы показали возможные политические последствия и пользу тщательных исследований и картографирования приграничных районов.

У бесчисленных *типологий* политических границ такая же длинная история, как и у их картографирования. Географы различали многочисленные типы границ по морфологии, природным особенностям, происхождению, функциям, «возрасту», историческим обстоятельствам установления (например, послевоенные, колониальные и т.д.). Были предложены и синтетические типологии, основанные на сочетании различных признаков. Все это помогло лучшему пониманию, с одной стороны, влияния физико-географических и социальных особенностей региона, истории и политики соседних государств на делимитацию границ, а с другой — воздействия самих границ на жизнь общества и культурный ландшафт.

Функциональный подход разработан несколькими поколениями исследователей, главным образом после Второй мировой войны. В центре их внимания были политические и территориальные факторы, определяющие функции границ. Этот подход был доведен до совершенства в работах Джона Хауза, предложившего эффективную модель изучения трансграничных потоков [29]. Обычно граница принимается как неизменная данность, и основой упор делается на изучении ее прозрачности для различных видов деятельности и влияния на общество. Функциональный подход и ныне широко применяется в управлении социальными процессами в приграничных районах и трансграничным сотрудничеством.

Политический подход к исследованию границ разработан главным образом политологами [25, 53], изучавшими взаимоотношения между главными парадигмами международных отношений и функциями государственных границ. В «реалистической» парадигме государства воспринимаются как важнейшие субъекты международной деятельности, а границы между ними интерпретируются как жесткие разделительные линии, защищающие государственный суверенитет и национальную безопасность. Согласно «либеральным» взглядам, государства — не единственные, а иногда даже и не главные политические акторы, и главная функция государственных границ состоит в том, чтобы обеспечивать контакты между соседними странами и способствовать их взаимодействию. Отсюда вытекает необходимость скорейшего разрешения пограничных конфликтов и всемерного развития трансграничной инфраструктуры. Наконец, в *глобальной* парадигме особое внимание обращено на сеть взаимодействий, связывающую различные субъекты международной деятельности — как государственные, так и негосударственные. Благодаря развитию этих сетей, государственные границы постепенно трансформируются в виртуальные линии и замещаются экономическими, культурными и другими разделительными линиями.

Несмотря на накопление обильной информации и важные теоретические публикации (например, [39, 50]), исследования границ до последнего времени страдали от недостатка теоретического осмысления. Традиционные подходы объясняли феномен государственных границ прежде всего политическими факторами, трактуя их как зеркало военной, экономической и политической мощи соседних государств. При этом сущность и политика государств, равно как и иерархические отношения между ними редко принимались во внимание. Сами государства выступали как неизменные данности, «естественные» регионы, действующие как единое целое. Такой взгляд на пространство типичен для традиционных позитивистских подходов. Практически никогда политико-административные границы и культурные рубежи не рассматривались как единая система, что соответствовало жесткому разделению исследований по внешней и внутренней политике.

Со временем стало ясно, что границы нельзя изучать только на уровне отдельных стран. С одной стороны, все более заметную роль в мире играют наднациональные организации, а с другой, интернационализация хозяйства и унификация культуры пробуждает региональное самосознание, что способствует развитию сепаратистских или ирредентистских движений, подрывающих существующую систему политических границ.

Несмотря на богатый опыт, традиционные подходы оказались не способны объяснить, почему во многих случаях даже небольшие изменения границ вызы-

вают в обществе глубокую эмоциональную реакцию, в то время как в других случаях новые границы воспринимаются общественным мнением как оправданные. В существовавших работах не было ответа, почему некоторые приграничные территории, казавшиеся в течение долгого времени мирными, вдруг превращаются в арену кровопролитного конфликта и почему правительственные круги и общественное мнение болезненно чувствительны ко всем вопросам, затрагивающим государственные границы.

Постепенно накапливались предпосылки новой, постмодернистской парадигмы развития, развивающейся с конца 1980-х годов. Она основывается на многих концепциях, предложенных политологами, философами, социологами и социальными психологами. Как и на политическую географию в целом, на исследования границ значительное влияние оказала, во-первых, теория миров-систем, особенно идея о взаимозависимости и роли процессов, происходящих на разных пространственных уровнях. Во-вторых, большое значение приобрела теория структурализма в интерпретации А. Гидденса, выдвинувшего представление об определенной свободе действий субъектов экономической и политической деятельности и общественных институтов на разных территориальных уровнях. В-третьих, исследования границ ныне широко используют представления о политическом дискурсе и его роли в конструировании пространства, разработанные французским философом М. Фуко и его последователями.

Постмодернистское течение в лимологии можно условно подразделить на несколько подходов. Часто элементы разных подходов используются одновременно, и дело только в акцентах.

Мировые системы, идентичность и границы

Наиболее заметным достижением в изучении политических границ в 1990-е годы стал синтез теорий мировых систем (*world-system theory*) и территориальных идентичностей. Суть его заключается, во-первых, в сопряженном изучении места конкретной границы во всей системе мировых границ на разных пространственных уровнях — от глобального до локального [8, 9, 32, 41]. Последователи И. Валлерстайна, П. Тейлора и других теоретиков роста глобальной взаимозависимости фокусируют внимание на *объективных экономических факторах* — углублении международного разделения труда, совершенствовании коммуникаций и средств связи. Эти процессы интерпретируются как формирование глобальных сетей, основанных на иерархических отношениях, в которых господствуют отношения господства и подчинения и укрепляются структуры «центр — периферия» [55]. Сторонники интеграционных теорий, напротив, подчеркивают ведущую роль в этом процессе *субъективных факторов — политической воли и политических институтов* [11, 38].

Интернационализация хозяйственной жизни и стремительный рост трансграничных потоков людей, информации, товаров, капиталов, энергии, загрязнителей связано с ростом влияния трансграничных субъектов в разных сферах деятельности (этнических и социальных движений, неправительственных организаций). В результате государственные границы теряют часть своих барьерных функций. Передача государством своих функций региональным и международным организациям рассматривается как проявление общего кризиса вестфальской системы националь-

ных государств [10, 14, 16, 43]. Ни одна страна ныне не может быть абсолютно изолирована от соседей. Даже если двусторонние отношения очень холодны, соседние страны обычно заинтересованы в транзите, развитии коммуникаций, совместном использовании природных ресурсов и международных речных бассейнов, предупреждении неблагоприятных и опасных природных и техногенных явлений и т.п.

Другим исходным пунктом современных исследований границ стало изучение *возникновения и эволюции территориальных идентичностей*. Значение границы в жизни людей нельзя понять без анализа ее роли в общественном сознании, самоидентификации человека с территориями разного ранга (страной, регионом, местностью). Этот подход опирался на достижения смежных общественных наук, особенно работы Ф.Барта в области культурной антропологии и этнологии. Большой вклад в развитие этого подхода внесли работы финского географа А. Пааси (1996), посвященные границе между Россией (СССР) и Финляндией [46]. Он исходил из гипотезы о том, что национализм, по удачному выражению Д. Харви — одна из главных форм территориальной идеологии и основа государственного строительства. Национализм всегда предполагает борьбу за территорию или защиту прав на нее. Пааси показал, как общественные представления о «коренном населении» и его культуре, безопасности государства, предполагаемых или реальных внешних угрозах, исторические мифы и стереотипы влияли на отношение людей и политической элиты к конкретной границе.

Согласно этому взгляду, начертание и функции границ в конечном счете определяются лояльностью граждан своему государству по обе стороны границы. Для легитимации границ многонациональных государств, составляющих большинство в современном мире, необходимо формирование политической нации, объединяющей всех граждан, независимо от их принадлежности, на основе общих символов и ценностей. Общая политическая идентичность, как правило, формируется самим государством и националистически настроенными элитами. Границы — один из главных ее элементов. Из этого вытекает простая политическая формула: если *нет стабильной политической идентичности, нет и устойчивых границ, стабильного государства*. Таким образом, проблемы границ неразрывно связаны с анализом функций и деятельности государства, определяемого как «политико-территориальная единица с четкими и признанными международным сообществом границами, в пределах которых население обладает определенной политической идентичностью».

Например, большинство новых независимых государств, возникших в результате распада СССР — полиэтнические. Более того, во многих из них значительную роль играют региональные идентичности, сильно отличающиеся от региона к региону. Поэтому новые независимые государства должны одновременно решать две задачи — во-первых, сплочение титульной группы на основе единой этнической идентичности и, во-вторых, укрепление новой, общей для всех граждан политической идентичности. Многим странам СНГ еще не удалось решить эту проблему. Значительные по численности этнические, культурные и региональные группы до сих пор не разделяют официально провозглашаемые ценности, представления о происхождении государства, его исторической миссии, границах и месте в мире, «естественных» врагах и угрозах национальной безопасности и т.д.

Резкие различия в идентичности — одна из главных причин распада многих государств. Непризнанные государства и неконтролируемые центральным правительством территории (Турецкая Республика Северного Кипра, Абхазия и Южная

Осетия, части территорий Афганистана, Колумбии и др.) и стали неотъемлемым элементом мирового геополитического порядка [33]. Режим их границ не соответствует официальному статусу. Следовательно, границы сначала создаются в социальных представлениях, а затем уже их делимитируют на карте.

Теория мировых систем основана на классической трехчленной схеме «центр — полупериферия — периферия». В приложении к лимологии это означает, во-первых, исследование границ на трех территориальных уровнях — глобальном, национальном и локальном. Во-вторых, понятия центра и периферии относительны.

Позже эти уровни были дополнены еще двумя — макрорегиональным и региональным [32, 44]. Пример целенаправленно формируемой макрорегиональной (наднациональной) идентичности — деятельность ЕС по усилению общеевропейской политической идентичности, пока еще довольно слабой.

Усиление макрорегиональной идентичности может способствовать ослаблению национальной идентичности и барьерных функций границ между государствами, входящими в интеграционную группировку. Однако государственная идентичность подвергается эрозии не столько «*сверху*» (с уровня макрорегионов), сколько «*снизу*», изнутри [18, 22, 31, 45, 47, 56].

Достижением миросистемного подхода в лимологии стало более глубокое понимание роли *локального уровня*. Местные территориальные общности — вовсе не пассивные субъекты воздействия центральных властей, но активно влияют на формирование идентичности, характер и восприятие границы в соседних странах. В местных сообществах нередко складывается специфическая приграничная идентичность, основанная на общих интересах и культуре. Такая идентичность может быть трансграничной, особенно если жители прилегающих к границе районов близки по языку и культуре [51].

Очевидно, однако, что мир без границ едва ли возможен. Дискурс по поводу мира без границ касается только «интеграционных», открытых границ, главным образом, в Европе и Северной Америке. Они составляют не более 5% сухопутных государственных границ [23]. Кроме того, государственная граница остается существенным барьером даже в тех районах, где процессы интеграции продвинулись наиболее далеко. Так, несмотря на высокую степень зависимости канадской экономики от Соединенных Штатов, общий объем торговли «средней» канадской провинции с другими канадскими регионами, взвешенный по числу жителей и ВВП на душу населения, в 12 раз больше, чем с соседними американскими штатами, а обмен услугами больше в 40 раз. Миграции между канадскими провинциями в 100 раз более интенсивны, чем трансграничный миграционный обмен с американскими штатами [28]. Такую же картину можно наблюдать и в ЕС [17].

Геополитические подходы

Воздействие процессов глобализации и интеграции на политические границы. Постмодернистские концепции позволили преодолеть пропасть в изучении внешней и внутренней политики, границ между государствами и остальных границ. В самом деле, и государственная граница, и граница муниципалитета призваны очертить пространство, контролируемое членами какой-либо социально-территориальной общности, ограничив права на эту территорию тех, кто к этой группе не принадлежит. Перефразируя выражение Б. Андерсона, можно сказать, что

любая политико-административная граница нацелена внутрь, чтобы объединить социальную группу, и вовне, чтобы отделить ее от соседей. Суть — в *перераспределении функций между границами разного уровня и типа* под влиянием процессов глобализации и интеграции.

Все больше людей ассоциируют себя сразу с двумя или несколькими этнокультурными группами. Усиливаются культурно-языковые, религиозные, социально-профессиональные идентичности, которые не всегда четко связаны с конкретной территорией. Это ведет к ослаблению национальной идентичности, так как не только элита, но теперь и средний класс стремится отождествлять себя с конкретным местом жительства — населенным пунктом, муниципалитетом, районом, чтобы отгородиться жесткими административными барьерами от «чужих» (мигрантов, бедных, людей иной веры, иной национальности и т.п.).

В этом же направлении действует растущий индивидуализм. Люди хотят жить в изолированных, социально однородных и строго контролируемых ими общинах (*gated communities*). Стать членом престижной общности, отгороженной границей небольшой коммуны в пригороде, нередко труднее, чем приобрести гражданство западноевропейской страны или США. Такая граница представляет собой крайне трудно преодолимый социальный барьер. Идентичность социальных групп, живущих по разные стороны подобных границ, основывается на противопоставлении друг другу и контроле над «своей» территорией [42].

Ощущение внешней опасности рождает в обыденном сознании стремление свести к минимуму или вообще прекратить контакты с нежелательным или опасным соседом. Если от него нельзя избавиться, невозможно его подчинить, контролировать или куда-либо переселить, нужно отгородиться. Такой стратегии придерживались целые государства, воздвигавшие «великие стены» — китайскую, стену Адриана, отделявшую Англию от Шотландии, берлинскую и уже в наши дни — ближневосточную, с помощью которой израильское правительство хотело оградить своих граждан от палестинцев. Проведенный в Ставропольском крае в 2000 г. опрос показал, что население пограничных с Чечней его восточных районов видело решение чеченской проблемы примерно так же: оградите «нас» от «них» [1]. Беда в том, что пограничные стены только усугубляют конфликты. Изоляция рождает незнание, незнание — страх и недоверие, а такое восприятие соседа — сильнейшая помеха для примирения и действительного решения проблемы.

Таким образом, политические, административные и культурные границы составляют единую, целостную и иерархически организованную социальную систему [32]. Разграничение различных социальных и политических сообществ разного иерархического уровня должно быть осознано как единый процесс [46]. Элементы этой системы весьма устойчивы, несмотря на частую перекройку границ. Французский философ О. Маркар назвал политические границы «шрамами истории». Действительно, существовавшие в далеком прошлом границы обычно хорошо выражены в культурном и политическом ландшафте, а иногда даже визуально вполне различимы на местности.

Естественно, культурные границы, в пределах которых распространена определенная идентичность, далеко не всегда совпадают с формальными (*де-юре*) рубежами. Культурные границы, или границы *де-факто* выполняют прежде всего внешние функции контакта между культурами, тогда как границы *де-юре* — глав-

ным образом, внутренние, обеспечивают суверенитет и территориальную целостность государства, социальную и этнокультурную интеграцию его населения. Бывшие государственные границы становятся административными или культурными рубежами, и наоборот. Новые политические границы на всех иерархических уровнях почти никогда не возникают на «чистом месте» и крайне редко «секут» старые. Чаще всего культурные границы преобразуются в границы *де-юре*. В свою очередь, «разжалованные» формальные границы при определенных обстоятельствах могут вернуть свой официальный статус полностью или частично, вновь стать границами государства или провинции [2].

Подход к границам с точки зрения безопасности. Самоидентификация людей с определенной территорией наделяет ее разные части высоким символическим значением. Они становятся частью национальной или этнической идентичности. Такими территориями-символами являлись Севастополь в России, Косово в Сербии, столицы многих стран. Поскольку границы призваны быть барьером, ограждающим жителей данной территории от «чужаков», массовые представления о них отличаются контрастностью («или — или») [5].

Соответственно, представления о границах неразрывно связаны с понятием национальной безопасности и использованием для ее обеспечения государственного аппарата насилия. Безопасность — многоаспектное понятие: различают безопасность военную, экономическую, экологическую и т.д. В самом общем виде безопасность понимается как надежность системы жизнеобеспечения и отсутствие угроз для жизни людей и их деятельности. С точки зрения лимологии важно, *кто* обеспечивает безопасность и *что* является ее субъектом — макрорегион, государство или его часть. На пограничных территориях дислоцируются пограничная, таможенная и другие государственные службы, часто наблюдается повышенная концентрация войсковых частей, особенно на угрожаемых, с точки зрения общественного мнения, направлениях.

Восприятие безопасности конкретной границы зависит от ее символической роли, исторических традиций, имиджа, современного дискурса. Например, в Финляндии, несмотря на прошлые конфликты, глубоко различны социальные представления о считающейся безопасной границе с Швецией и о границе с Россией — источнике незаконных мигрантов, преступности, загрязнителей среды и прочих угроз [35]. Другой пример — общественные представления о безопасности, которые могут быть препятствием для трансграничного сотрудничества между Россией и Казахстаном. В России существует тенденция считать границу с Казахстаном источником таких важных угроз национальной и региональной безопасности, как торговля наркотиками, исламский фундаментализм и терроризм, нелегальная иммиграция и т.д. В то же время в Казахстане часть политической элиты и титульного населения опасается поддержки со стороны России возможного ирредентизма в приграничных регионах севера страны с высокой долей русских [6].

Традиционное понимание роли государственной границы в обеспечении безопасности основано, во-первых, на *предотвращении военной угрозы*. Соответственно, приграничные районы становятся зоной особого режима, в которой главный приоритет — боеготовность соединений и специальных служб, готовых отразить нападение.

Во-вторых, при традиционном подходе к обеспечению безопасности в пограничной зоне одна из главных задач — возможно более полный *контроль любых*

трансграничных потоков. Крупный американский политолог Карл Дейч ввел понятие безопасности территориальных сообществ (*security communities*). Он считал плотность трансграничных взаимодействий индикатором интенсивности процессов интеграции, которые могут быть местным сообществом как угроза его идентичности [19]. С этой точки зрения граница понимается как передовая, на которой нужно остановить проникновение вглубь страны нежелательных лиц, товаров, информации и т.д. Контролировать трансграничные потоки тем легче, чем меньше жителей в пограничных зонах, чем ниже там хозяйственная активность. Поэтому эти зоны превращаются в территории экономического застоя — не только из-за периферийного положения в своих странах и вызванных этим структурных диспропорций, но также и из-за попыток подчинить общественную жизнь потребностям обеспечения безопасности.

В-третьих, этот подход основан на обеспечении безопасности *государства*, и эта задача решается *только государством*. Предполагается, что интересы безопасности приграничных регионов полностью тождественны общегосударственным. Геоэкономика подчиняется геополитике. Политические лидеры в своем дискурсе могут трансформировать экономическую проблему, характерную для приграничной территории, в «геополитическую»: так, иностранные капиталовложения в приграничную территорию могут интерпретироваться как попытка стимулировать сепаратистские движения или колонизовать новые земли за рубежом.

В *постмодернистских исследованиях* функции границ видятся иначе. Подчеркивается, что в интенсивные внешнеэкономические связи обычно вовлечена вся государственная территория, а приграничные районы превращаются в локомотивы экономического роста. Формируются трансграничные пространственные системы — городские агломерации, кооперированные производства и т.п. Демографическая и социальная ситуация ведет к росту числа смешанных браков, изменению этнического состава населения и его идентичности. Растет взаимное доверие, исчезают негативные вековые стереотипы в восприятии соседней страны. В этих условиях считают целесообразным упростить или отменить пограничный контроль, а там, где он сохраняется — совершенствовать дистанционные средства охраны границы. Цель состоит в том, чтобы найти тонкий баланс между безопасностью границы и развитием трансграничного сотрудничества, интересами центрального правительства и приграничных территорий.

Меняется и понимание угроз национальной и региональной безопасности. Оно основывается, во-первых, на том, что с новыми угрозами *нельзя справиться военной силой*. Даже самые мощные армии не могут противостоять нелегальной миграции, международному терроризму, незаконному обороту наркотиков и оружия, риску эпидемий и пандемий, трансграничному переносу загрязнителей и глобальным экологическим бедствиям и т.д.

Во-вторых, растет убеждение, что попытки *удержать контроль* над многократно увеличившимися потоками через государственные границы *прежними методами*, усиливая их барьерные функции, не только малоэффективны, но и вредны для экономики и общества. Напротив, результативно тесное сотрудничество, а для этого нужны взаимное доверие, демилитаризация приграничной зоны и открытые границы (*de-securitisation*).

В-третьих, согласно постмодернистскому подходу к безопасности границ, государство призвано способствовать развитию *трансграничного сотрудничества на уровне региональных и местных властей*. Центральные власти не должны игнорировать специфические интересы приграничных районов и препятствовать их прямому сотрудничеству. Таким образом, понятие безопасности приобретает весьма существенное *региональное измерение* [35].

В-четвертых, разрабатывается общесистемный подход к защите границ. Имеется в виду, что безопасность страны надо обеспечивать *на всей территории, а не только на ее рубежах*. Борьба с нелегальной миграцией или незаконным оборотом наркотиков не может быть сведена к заградительным мерам на границе. Как показывает мировой опыт, на границе может быть перехвачено в лучшем случае 5–10% ввоза наркотиков. При этом почти весь поток проходит через официальные пункты пропуска [6]. Поэтому совместно с соседями нужно бороться с *источниками* этого потока — международными преступными организациями, для чего опять-таки необходима открытость — прозрачность информации о трансграничных потоках, возможность их международного аудита и удаленного контроля с помощью современных технологий.

Следовательно, понятие «пограничное пространство» охватывает теперь не только зону, прилегающую к границе, но и внутренние районы. Развитие транспорта, международной торговли и средств связи порождает появление границ далеко в глубине государственной территории — например, вокруг международных аэропортов, специальных таможенных и свободных экономических зон.

Современные границы все более становятся «дифференцированными»: они далеко не в одинаковой степени проницаемы для разных потоков, видов и субъектов деятельности. Государство устанавливает для них разные границы, часто проходящие по разным рубежам. В результате разные социальные группы и виды деятельности получили «свои» границы и приграничные зоны. Для экономической элиты или членов международных преступных и террористических группировок самые строгие визовые режимы едва ли представляют серьезное препятствие. Для крупных предприятий, особенно транснациональных компаний, таможенные сборы и пограничные формальности не играют заметной роли, тогда как для малых или средних предприятий, расположенных в приграничной зоне, они стали фактором, заставляющим их ориентировать свою деятельность на внутренний или местный рынки.

В итоге система границ эволюционирует от единственных рубежных линий — к множеству, от линий — к зонам, от физических границ — к культурным, от непроницаемых барьеров — к линиям взаимодействия.

В-пятых, безопасность границ теперь *обеспечивает вовсе не только государство*. Оно вынуждено считаться и с местными, и с международными институтами и организациями.

Разумеется, на практике сложно следовать новым концепциям пограничной безопасности. Этому препятствуют инерция традиционных представлений, особенности геополитической культуры [7, 54], императивы национального и государственного строительства, нуждающегося в укреплении символической роли границ, характер пограничного пространства и другие факторы.

Границы как социальные представления

Функции границ, а нередко и сама их линия определяются дискурсом и формированием массовых представлений, составивших в последние годы предмет самостоятельного направления в лимологии [45]. Учет дискурсивной природы границ особенно важен, если какие-либо их участки — спорные и вызывают международный конфликт.

Дискурс по поводу границ имеет несколько никогда полностью не совпадающих слоев. В соответствии с теорией критической геополитики, разработанной Дж. Тоалом [54] и другими авторами, различают «высокую» и «низкую» геополитику. «Высокая» — сфера деятельности политических деятелей и экспертов, разрабатывающих концепции, призванные обосновать и оправдать действия страны на международной арене. «Высокая» геополитика подразделяется на теоретическую и практическую и занимается прежде всего исследованием стратегических, общеструктурных вопросов (мировой порядок, структура международных отношений и т.п.). Ее дискурс касается места страны в мире, всей системы мировых границ и особенно границ фронтальных. Для легитимизации действий государства важно, насколько «высокая» геополитика соответствует «низкой».

«Низкая» геополитика — набор геополитических представлений, символов и образов, содержащихся в СМИ, рекламе, кино, карикатурах и др. Он формируется системой образования, массовой культурой, но в первую очередь — СМИ. На «низкой» геополитике основывается геополитическое видение мира — необходимый элемент этнической и политической идентичности, инструмент государственного строительства.

Под геополитическим видением мира понимается набор представлений о соотношении между различными элементами политического пространства, национальной безопасности и угрозах ей, выгодах и недостатках определенной внешнеполитической стратегии и т.д. Геополитическое видение мира включает также представления о территории этнической группы или политической нации, ее границах, предпочтительных моделях государственного устройства, исторической миссии и силах, препятствующих ее осуществлению [7, 12, 20, 21, 22, 27, 40]. Роль границ по-разному интерпретируется разными социальными группами.

Анализ геополитического дискурса помогает определить границы так называемых неформальных регионов в представлении политических лидеров и общественном мнении (например, Северной или Центральной Европы, мусульманского мира и т.д.) [6, 20]. Так, лидерам государств Центральной и Восточной Европы в 1990-х годах было важно представить границы своих стран в глобальном масштабе как границы Европы, рубеж между Западом и Востоком, на макрорегиональном — как «исторические, исконные» границы своих народов, а на локальном уровне — наоборот, как результат мудрых, хотя и болезненных уступок во имя международной стабильности [13].

«ПВП-подход» («политика — восприятие — практика»)

Этот подход появился недавно и представляет собой попытку синтеза теоретических достижений последних лет с традиционными подходами, не потерявшими актуальности — в частности, *функциональным*. В соответствии с «ПВП-подхо-

дом», граница — не только международно-правовой институт, обеспечивающий неприкосновенность и целостность государственной территории, суверенитет населения, но и продукт деятельности (или общественной практики в терминах А. Лефевра) жителей приграничных районов, результат длительного исторического и геополитического развития, важный символический маркер этнической и политической идентичности.

Суть подхода [30, 52] заключается в сопряженном анализе на разных пространственных уровнях, во-первых, *практики приграничной деятельности*, связанной с трансграничными потоками и протекающей под влиянием близости границы. Большое значение придается наличию неформальных сетей взаимодействующих предприятий, местных органов власти и т.п. (*networking*). Размах, форма и цели этой деятельности зависят от понимания государством, наднациональными и региональными субъектами политической деятельности национальной безопасности и роли границы в ее обеспечении. Пограничная деятельность определяется режимом границы, но и сама на него влияет.

Во-вторых, также на разных уровнях рассматривается пограничная *политика*, под которой в широком смысле понимается государственная и международная институциональная и правовая инфраструктура, обеспечивающая трансграничные потоки и определяющая соотношение между барьерными и контактными функциями границы. Эта инфраструктура отражает приоритетные цели государства, приграничных регионов и местных властей, включает стимулы и ограничения приграничной деятельности, регулирует процессы внутренней и внешней (трансграничной) территориальной интеграции.

В-третьих, исследуется *восприятие границы,* т.е. характер, эволюция и каналы влияния на социальные представления о границе, приграничных районах, отношениях соседних государств и районов, приграничном сотрудничестве, включая соответствующий дискурс на уровнях «высокой» и «низкой» геополитики [51]. Пограничная деятельность, восприятие границы и институционально-правовая инфраструктура взаимозависимы: вопрос о «первичности» или главенстве какого-либо из этих трех элементов анализа — вопрос о курице и яйце.

К «ПВП-подходу» близка теория поведения людей в приграничной зоне [36, 37], также связанная как с функциональной теорией Дж. Хауза, так и с постмодернистскими подходами. Согласно этой теории, близость границы сковывает свободу поведения граждан, изменяя мотивы и затрудняя условия перемещений. В результате меняется жизненная сфера человека в целом. В идеальном случае она имеет форму концентрических окружностей, отражающих падение интенсивности контактов человека по мере удаления от места его жительства и в зависимости от пола, возраста, образования, социальной принадлежности, транспортных, политико-правовых и иных факторов. Под воздействием барьерных функций границы эта форма сильно деформируется, причем влияние государственного рубежа особенно заметно зависит от уровня образования. Так, «интеллектуалы» (учителя, журналисты, чиновники) теснее связаны со своим государством и больше от него зависят. Весь их жизненный цикл меняется сильнее под влиянием политической границы, чем у менее образованных людей.

К *внешним факторам* относятся социально-экономические условия (уровень развития, степень регулирования и цены на рынке товаров, услуг, труда и капиталов, обеспеченность транспортом и коммуникациями, распространение СМИ

и др.), а также административные и правовые ограничения. К *внутренним факторам* можно отнести пространственные предпочтения, «ментальную карту», существующую в сознании человека, систему ценностей, характеризующую как каждую личность, так и социальные группы в целом. Важнейшее место принадлежит этнической и политической идентичности.

Экополитический подход

Как известно, природные процессы не знают границ. Многие единые горные массивы, речные бассейны, ареалы обитания животных, птиц и рыб, памятники природы, внутренние моря и другие природные ареалы разделены политическими и административными границами. Нередко месторождения полезных ископаемых, в том числе нефти и газа, также разделены границами. В то же время единые в природном отношении ареалы составляют пути распространения загрязнителей воздушной и водной природных сред. Осознание остроты региональных и глобальных экологических проблем — сильный стимул международного, в том числе приграничного сотрудничества [24, 57]. В лимологии сформировалась мощная междисциплинарная отрасль, изучающая трансграничные эколого-политические проблемы, развиваемая главным образом политологами, специалистами по международному праву и географами-природоведами. Разбор их работ выходит далеко за рамки настоящей статьи.

Укажем лишь на одно направление — бассейновый подход, позволяющий связать воедино естественно- и общественно-географические исследования и, в частности, способствовать решению многих международных конфликтов, разработать новые принципы управления качеством окружающей среды и территорией. Речные бассейны обладают высокой степенью единства природно-антропогенных процессов, но и составляют основу развития систем расселения и транспорта и нередко определяют границы между исторически сложившимися территориальными и культурными общностями людей [4]. В то же время проблемы использования их водных, энергетических и биологических ресурсов, сокращение загрязнения, судоходство и транзит — «классические» причины международных и пограничных конфликтов.

Заключение

Исследования границ ныне представляет собой быстро развивающуюся междисциплинарную область. Перед ней стоят важные задачи. Во-первых, число пар и протяженность международных границ относительно недавно значительно возросло в связи с распадом Советского Союза, Югославии, Чехословакии и разделом части акватории Мирового океана. Сняты идеологические и геополитические препятствия для вовлечения обширных регионов в мировое хозяйство и процессы глобализации. Десятки территориальных (пограничных) конфликтов продолжают отравлять международные отношения, даже если они не проявляются на официальном уровне и существуют в латентной форме.

Во-вторых, под влиянием глобализации и международной интеграции функции границ и приграничных зон быстро меняются, что требует тщательного на-

учного анализа. Воздействие этих факторов на границы столь сложно и многообразно, что последствия происходящих сдвигов еще далеко не ясны. Глобализация и либерализация экономики, развитие новых технологий и средств коммуникации постепенно превращают государственные границы из барьеров отчуждения в линии интеграции социальных систем. Такое направление эволюции объясняется также растущим осознанием международным сообществом глобальных экологических, энергетических и других проблем. Эти тенденции укрепляют предпосылки разрешения пограничных конфликтов на основе международного права. Многие противоречия могут быть преодолены в результате разделения экономических и идеологических функций границ.

Совершенствование международного транспорта, а также качества и плотности сети телекоммуникаций модифицирует экономическое пространство, усиливая важность таких его ключевых элементов, как мировые города, крупные порты и логистические центры. С одной стороны, этот процесс нередко углубляет территориальные контрасты внутри стран, вызывает рост барьерных функций внутренних границ и стирает различия между политическими и административными разделяющими линиями. Однако, с другой стороны, он способствует трансграничному сотрудничеству, которое одновременно является и результатом, и причиной роста прозрачности политических границ.

Новые подходы, предусматривающие изучение границ и трансграничных взаимодействий на разных территориальных уровнях как единой системы, могут успешно дополнить традиционные методы изучения границ. Более того, недавние публикации показывают, что масштаб анализа не является изначально заданным, а представляет собой социальный конструкт, который может быть использован для определения объекта и предмета конфликта [47]. Новые подходы позволяют понять, насколько и каким образом политический дискурс влияет на место и роль определенных границ и приграничных территорий во внешней и внутренней политике и таким образом способствуют критическому осмыслению политических решений.

Однако эволюция мировой системы границ носит далеко не линейный характер и никак не упрощает их типы. Напротив, перераспределение функций между политико-административными границами разного уровня резко увеличивает многообразие географических ситуаций и, следовательно, создает бесчисленные новые типы границ. Разумеется, глобализация не гарантирует мирного разрешения территориальных споров, особенно в Африке, Азии и Латинской Америке. Например, в Африке 42% сухопутных границ проведено бывшими колониальными державами по параллелям, меридианам и равноудаленным линиям, что предопределяет высокий потенциал конфликтов.

Предложенные в последние годы подходы выявляют новые «измерения» глобализации. Их применение помогает анализировать соотношение между глобализацией экономических обменов, международных миграций, с одной стороны, и трансформацией территориальных идентичностей, восприятием границ, приграничных территорий и национальной безопасности — с другой. Новые методы продемонстрировали, что одни и те же процессы по-разному рассматриваются в разных странах и регионах, и особенности восприятия могут играть решающую роль в принятии экономических и политических решений, касающихся границ

и пограничных территорий. Глобализация часто вызывает защитную реакцию и усиливает этнические, национальные или региональные идентичности, которые, в свою очередь, способствуют усилению режима границ.

Одной из главных методологических задач остается разделение влияния на границы *общих* проблем от *специфически* пограничных. В самом деле, являются ли функции и режим определенной государственной границы всего лишь отражением национальных или геополитических проблем — таких как борьба этнической группы за самоопределение или соперничество между мировыми и региональными державами? По-видимому, это не так, поскольку пространство модифицирует влияние общеполитических процессов на границы и приграничные территории. Однако механизм этого влияния еще не совсем понятен.

Литература

1. *Колосов В.А., Галкина Т.А., Криндач А.Д.* Территориальная идентичность и межэтнические отношения (на примере восточных районов Ставропольского края) // Полис. 2001. № 2. С. 61–78.
2. *Колосов В.А., Мироненко Н.С.* Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2001. — 479 с.
3. *Колосов В.А., Туровский Р.Ф.* Современные государственные границы: новые функции в условиях интеграции и приграничное сотрудничество // Известия РАН. Серия географическая. 1998. № 1.
4. *Корытный Л.М.* Бассейновая концепция природопользования. Иркутск: Ин-т географии Сибири СО РАН, 2001. — 175 с.
5. Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика / Под ред. В.А. Колосова. М.: Ин-т ФОМ, 2003. — 318 с.
6. Прозрачные границы. Безопасность и сотрудничество в поясе новых границ России / Под ред. Л. Б. Вардомского и С.В. Голунова. М.: НОФМО, 2002. — 574 с.
7. *Aalto P.* A European Geopolitical Subject in the Making? EU, Russia and the Kaliningrad Question // Geopolitics. 2002. Vol. 7. No. 3. P. 143–174.
8. *Ackleson J.* Metaphors and community on the US-Mexican border: Identity, exclusion, inclusion and “Operation Hold the Line” // Geopolitics. 1999. Vol. 4. No. 2. P. 155–179.
9. *Agnew J.* Bordering Europe and bounding states: the «civilizational» roots of European national boundaries // D. Kaplan and J. Hakli (eds). Borderlands and Place. N.Y.: Rowman and Allenheld, 2001.
10. *Albert M.* On boundaries, territory and postmodernity // Geopolitics. 1998. Vol. 3. No. 1. P. 53–68.
11. *Anderson M.* Territory and State Formation in the Modern World. Cambridge: Polity Press, 1996.
12. *Berg E., Oras S.* Writing Post-Soviet Estonia on to the World Map // Political Geography. 2000. Vol. 19. No. 12. P. 601–625.
13. *Berg E., van Houtum H.* (eds). Routing Borders Between Territories, Discourseand Ptactice. Aldershot: Ashgate, 2003.
14. *Blake G.H.* Borderlands under stress: some global perspectives // M. Pratt and J. Brown (eds). Borderlands Under Stress. L.: Kluwer, 2000. P. 1–16.
15. *Brunet-Jailly E.* Toward of Model of Border Studies // Journal of Borderland Studies. Special Number. The Canadian Border: A Transparent Border? 2004. Vol.19. No. 1. P. 1–18.
16. *Brunn S.* A treaty of Silicon for the Treaty of Westphalia? New territorial dimensions of modern statehood // Geopolitics. 1998. Vol. 3. No. 1. P. 106–131.
17. *Cattan N.* Effets de barrière en Europe: le cas des échanges aériens et ferroviaires. — Communcations, géographie polirique et changement global. Paris: CNRS, 1993. P. 24–40.

18. *Delamaide D.* The New Superregions of Europe. Harmoondsworth, Middlesex: Penguin Books, 1994.

19. *Deutsch K.W.* Political Community of the International Level: Problems of Definition and Measurement. Princeton: Princeton Univefrsity Press, 1970.

20. *Dijkink G.* National Identity and Geopolitical Visions: Maps of Pride and Pain. L.: Routledge, 1996.

21. *Eskelinen H., Liikanen I., Oksa J.* Curtains of Iron and Gold. Reconstructing Borders and Scales of Interaction. Aldesrhot: Ashgate, 1999.

22. *Eskilinen H.* Cooperation across the Line of Exclusion: the 1990s Experience at the Finnish-Russian Border // European Research in Regional Science. 2000. No. 10. P. 137–150.

23. *Foucher M.* Fronts et Frontières: Un tour du monde géopolitique. Paris: Fayard, 1991.

24. *Ganster P.* (ed.). Cooperation, Environment, and Sustainability in Border Regions. San Diego: San Diego University Press, 2001.

25. *Goertz G.*, *Diehl P.F.* Territorial Changes and Internatinal Conflicts. N.Y.: Routledge, 1992.

26. *Flint C.* Changing Times, Changing Scales: World Politics and Political Geography Since 1890 // G. Demko and W.B. Wood (eds). Reordering the World. Boulder: Westview Press, 2001.

27. *Harle V.* The Enemy with a Thousand Faces. The Tradition of the Other in Western Political Thought and History. Westport: Praeger, 2000.

28. *Helliwell J.* How much do National Borders Matter? N.Y.: Brookings Institution Press, 1998.

29. *House J.W.* Frontier on the Rio Grande: A Political Geogrpahy of Development and Social Deprivation. Oxford: Clarendon Press, 1982.

30. *Houtum H. van* Internationalisation and Mental Borders // Tijdschrift voor Econimische en Sociale Geografie. 1999. Vol. 90. No. 3. P. 329–335.

31. *Knippenberg H.*, *Markuse J.* Nationalising and Denationalising European Border Regions, 1800–2000: Views from Geography and History. Boston: Kluwer, 1999.

32. *Kolossov V., O'Loughlin J.* New borders for new world orders. Territorialities at the fin-de-siecle // GeoJournal. 1998. Vol. 44. No. 3. P. 259–273.

33. *Kolossov V.*, *O'Loughlin J.* Pseudo-States as Harbingers of New Geopolitics: the Example of the Trans-Dniestr Moldovan Republic // D. Newman (ed.). Boundaries, Territories and Post-Modernity. L.: Frank Cass, 1998. P. 151–176.

34. *Lacoste Y.* La géographie, ça sert d'abord à faire la guerre. Paris: Maspéro, 1976.

35. *Laitinen K.* The Northern Dimension in the context of the security border. Paper submitted to the V Conference on Border Regions in Transition, Tartu, July 2001.

36. *Lunden T.* The Domain of Time Geography. A Focus on Political Geography? // M. Antonsich, V. Kolossov, M.-P. Pagnini (eds). Europe Between Political Geography and Geopolitcs. Vol. 1. Roma: Società Geografica Italiana, 2001. P. 269–278.

37. *Lunden T., Zalamans D.* Boundary Towns. Studies of Communication and Boundaries in Estonia and Its Neighbours. Stockholm: Stockholm University, 2000.

38. *Macmillan J., Linklater A.* (eds). Boundaries in Question: New Directions in International Relations. L. and N.Y.: Frances Pinter, 1995.

39. *Minghi J.* Boundary studies in political geography // Annals of the Association of American Geographers. 1963. Vol. 53. No. 6. P. 407–428.

40. *Moisio S.* EU Eligibility, Central Europe, and the Invention of Applicant State Narrative // Geopolitics. 2002. Vol. 7. No. 3. P. 89–116.

41. *Newma D.* Into the millenium: the study of international boundaries in an era of global and technological change // Boundary and Security Bulletin. 1999. Vol. 7. No. 4. P. 63–71.

42. *Newman D.* Boundaries, territory and postmodernity: towards shared or separate spaces? // M. Pratt, J. Brown (eds). Borderlands Under Stress. L.: Kluwer, 2001. P. 17–34.

43. *Newman D.* The lines that separate: boundaries and borders in political geography // J. Agnew and G. Toal (eds). A Companion to Political Geography. Oxford: Blackwell, 2002.

44. *Newman D., Paasi A.* Fences and neighbours in the post-modern world: boundary narratives in political geography // Progress in Human Geography. 1998. Vol. 22. No. 2. P. 186–207.

45. *Ohmae K.* The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies. N.Y.: Free Press, 1995.

46. *Paasi A.* Territories, Boundaries and Consciousness: The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border. N.Y.: John Wiley, 1996.

47. *Perkmann M., Slum N.L.* Globalization, Regionalization and Cross-Border Regions. L.: Macmillan, 2002.

48. *Pratt M., Brown J.* (eds). Borderlands Under Stress. L.: Kluwer Law Academic, 2000.

49. *Prescott J.* Borders in a borderless world: Review Essay. Geopolitics. 1999. Vol. 4. No. 2.

50. *Rumley D., Minghi J.* (eds). The Geography of Border Landscapes. L.: Routledge, 1991.

51. *Sahlins P.* Boundaries: The Making of France and Spain in the Pyrenees. Berkeley, CA.: University of California Press, 1989.

52. *Scott J.W.* Euroregions, Governance and Transborder Co-operation within the EU // European Research in Regional Science. 2000. No. 10. P. 104–115.

53. *Starr H., Most B.* Inquiry, Logic, and International Politics. Columbia: University of Carolina Press, 1989.

54. *O'Toal G.* Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1996.

55. *Taylor P.J., Flint C.* Political Geography, World-economy, nation-state and locality. 4th ed. Harlow: Prentice Hall (Longman), 2000.

56. *Wu Chung-Tong.* Cross-border development in Europe and Asia // GeoJournal. 1998. Vol. 44. No. 3. P. 189–201.

57. *Young, O.D.* (ed.). Global Governance. Drawing Insights from the Environmental Experience. Cambridge (Mass.) and L.: MIT Press, 1997.

1. В чем состоит концептуальное отличие фронтира от границы?
2. Почему при анализе фронтира можно говорить о формировании на нем новой общности?
3. Какой термин в русском языке в наибольшей степени соответствует понятию «фронтир»?

Д.С. Панарина

ГРАНИЦА И ФРОНТИР КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РЕГИОНА И/ИЛИ СТРАНЫ*

В современном мире, где все территории земного пространства давно открыты, нанесены на карту и практически освоены, тем не менее, как и во времена, когда люди еще верили, что земля плоская (и значительно позже, в эпоху Великих географических открытий), большое значение имеет территориальное деление всех открытых и освоенных земель, а значит, не теряет своей актуальности и феномен понятия границы.

Граница неизменно присутствует в жизни как человечества в целом, в глобальном смысле, так и в жизни отдельно взятых частных лиц. Граница бывает физическая и вполне реальная, или же воображаемая, даже метафорическая. Концепция границы пронизывает все наше общество. Мы ежедневно очерчиваем или, наоборот, пересекаем границы общественных норм, наших собственных внутренних барьеров, проводим грани отношений и восприятия. И менее метафорически, но от этого не менее символически мы переходим границы, которые можем назвать реально существующими на физическом уровне, например, путешествуя из одной страны в другую, пересекая границы районов и областей, переходя горные хребты или речные потоки во время летних походов. Граница есть универсальное явление, пронизывающее всю нашу жизнь на всех ее уровнях. Но граница — это не только условная линия, проведенная на карте или существующая в нашем сознании. Граница — это также условия жизни, постоянных изменений, взаимодействия и узнавания нового, того, что лежит *по ту сторону границы, за ее пределами*. На границах привычные явления видоизменяются, старое смешивается с новым, образуются новые сущности и культуры, новые традиции и обычаи, утверждаются знаковые архетипы, которые сохраняются сквозь века и сказываются в новом контексте современности. Влияние границы может быть незаметным на первый взгляд, не ощущаться в каждодневной жизни, однако если рассматривать границы в исторической ретроспективе, то становится ясно, какое огромное влияние они оказывают на развитие регионов, наций, а порой и целых стран.

* *Панарина Д.С.* Граница и фронтир как фактор развития региона и/или страны // История и современность. 2015. № 1 (21). С. 15–41.

Общая концепция границы

Изучение границ было актуальным во все времена, и понятие границы берет свое начало еще в древности. Оно существовало со времен Геродота (Дюно, Ариньон, 1982: 64), но на протяжении очень долгого времени граница воспринималась исключительно как цепь военных укреплений или как предел распространения власти того или иного государства. В этом понимании она являлась политической единицей и представляла собой *линию*. Однако линейная, будь то территориальная или социальная, граница в реальности являлась значительно менее непроницаемой, нежели в теории, и помимо политического обладала и обладает еще и символическим значением. Ибо, как не раз было отмечено (Barth, 1969), уже сам процесс демаркации приводит к закреплению по ту сторону реально существующей или воображаемой линии образа «другого», который отличен, непонятен и соответственно воспринимается как потенциальная угроза целостности общности по эту («нашу») сторону границы.

Концепция границы разрасталась со временем, что привело к определенной путанице в терминах, отражающих понятие границы. Так, в английском языке границе соответствуют по меньше мере четыре широко использующихся термина, имеющих несколько различную, а в чем-то, наоборот, схожую коннотацию. Можно говорить:

1) о границе как *border*, которая приравнивается к крайней точке или внешней линии, окружающей, отграничивающей страну, регион или определенное земельное пространство. Это традиционно географическое и в то же время политическое понимание границы как линии, отделяющей друг от друга, демаркирующей личные земельные владения или обозначающей пределы суверенной власти того или иного государства. При этом *border* также может быть выражена физически как реально существующая пограничная линия с военными постами и четкими демаркационными знаками;
2) о границе как *boundary*, т.е. знаковом ограничителе, представленном либо опять же демаркационной линией, либо *пограничной зоной*. Главным отличием *boundary* от *border* является тот факт, что *boundary* может принимать любые, не обязательно физические формы. Это граница в значении грани между двумя или более объектами, материальными или абстрактными;
3) о границе как *borderland,* которая схожа по значению с последним термином, описывающим границу в европейской традиции, *фронтиром*. *Borderland* представляет собой пограничную зону, непосредственно то пространство, которое составляет границы двух территорий. Фронтир, в свою очередь, также зачастую является именно зоной, сталкивающей и объединяющей задействованные на данной территории разнообразные общности.

В отличие от *разделяющей* линейной границы, фронтир понимается в первую очередь как *соединяющая* переходная зона взаимодействия двух или более культур и/или политических структур (Рибер, 2004: 199). В то же время фронтир подобен границе в том отношении, что тоже имеет долгую историю: представление о нем зарождается еще в древних китайских хрониках (Yang, 1968: 21). У великого китайского историка Сыма Цяня можно найти представление о том, что Китай окружен варварской периферией, которую он как цивилизованный мир должен «окультурить» или как минимум отодвинуть, поскольку на севере и северо-западе она

выступала в то время прямую угрозу Китаю. С нашей точки зрения, это и следует считать зарождением представления о фронтире как о подвижной границе между варварством и цивилизацией (Цянь, 2002: гл. 110). Уже тогда фронтир обретает и некое символическое значение. Другое дело, что *теория* «фронтира-мифа» появляется значительно позднее, представляя собой относительно недавнее достижение исторической мысли.

Этимология и историческая концептуализация понятия «фронтир»

Для лучшего понимания термина «фронтир» целесообразно рассмотреть историческую эволюцию его значений. Этимологически термин «фронтир» восходит к средневековому латинскому *fronteria* и средневековому французскому *frontiere* (Mood, 1948; цит. по: Chandler, 1988). Латинское *fronteria,* в свою очередь, происходит от слов *frons*, *frontis* (лоб, бровь, передняя часть чего-либо).

В английском языке слово *frontier* впервые появляется в 1623 г. и определяется в словаре как «границы или отграничения страны (*bounds or limits of the country*) (Cockeram, 1623; цит. по: Chandler, 1988). Таким образом, и в европейском, и в английском понимании фронтир представлял собой границу, противопоставляющую и разделяющую две социальные, политические или культурные протяженности (Chandler, 1988).

Американское восприятие фронтира первоначально совпадало с европейским, но в ходе опыта освоения североамериканского континента понимание термина изменилось. Так, уже в 1806 г. Ной Вебстер (Noah Webster) определял фронтир как «пограничную линию, границу с другой страной, дальнейшими поселениями» (Chandler, 1988). С акцентом на «дальнейшие поселения» впервые появляется значение фронтира как границы с новоосваиваемыми территориями, в дальнейшем серьезно развитое и ставшее характерным для американский исторической науки.

Можно сказать, что, начиная с XIV и вплоть до XVI в. понятие «фронтир» использовалось в основном для обозначения либо преграды нападению, либо линии боевого порядка во время сражения (Рибер, 2004: 200; Тихонов, 2010). После Великих географических открытий начинается проведение тех или иных физико-географических и/или политических границ на карте мира, в связи с чем постепенно меняется само содержание понятия границы. По-видимому, именно в этот период понятие «граница» приобретает более широкое, территориально-ориентированное значение, подразумевая не просто отграничительную линию, а область взаимодействия и взаимовлияния народов, ее населяющих. Показательно, что в европейской историографии «фронтир» со средневековых времен и до наших дней сохранил значение «границы между двумя государствами»[1]. И наконец, на протяжении XIX и XX вв. проводится относительно четкое разделение терминов «фронтир» и «граница» (Parker, 2006: 77–100). Последняя теперь рассматривается исследователями и как место, четко фиксируемое географически, в пространстве, и как процесс, протяженный во времени, обретающий в нем собственную мифологию и символизм. Такое видение стало возможным в результате интеграции новых дисциплин, антропологии и культурологии, с географией и историей. Именно в этот период появляется и первая монументальная теория фронтира как мифа и как феномена, формирующего характерные особенности той или иной на-

ции, ее идентичность и политические институты. Автором ее стал американский ученый Фредерик Джексон Тёрнер; в 1893 году он опубликовал статью «Значение фронтира в американской истории», породившую «тернерианство» — целую ветвь приверженцев, равно как и противников Тёрнера.

Концепция Тёрнера, главным тезисом которой является утверждение о связи между феноменом фронтира и американским национальным характером, до сих пор служит основным отправным пунктом для сравнительных исследований по истории разных государств. Естественно, особое развитие эта тема в последнее столетие получила в США, поскольку именно здесь она была впервые концептуализирована и здесь же многие ученые продолжают ею заниматься.

На данном этапе можно говорить о своего рода триединстве тёрнеровской концепции с двумя другими, ей не идентичными, но очень близкими по самому предмету концептуализации и потому как бы примыкающими к ней с разных сторон. Так, существует самостоятельная концепция *границы как пространства*, выработанная и развитая историками школы «Анналов» на основе французского исторического опыта. Один их основателей этой школы, Люсьен Февр, утверждал, что изучение границы возможно посредством исследования ее связи с природой государства, которой и определяется политическое и военное значение этого термина (Febvre, 1973: 208–218). По другую сторону располагается еще одна часть триединства, представленная *символической (или ментальной) географией*, которая подразумевает изучение процесса построения ментальных границ на основе отношения к «чужому» (Рибер, 2004: 201). Делается это каждый раз с конкретной целью, скажем, для того, чтобы проследить и объяснить зафиксированный еще в античности феномен дуального деления мира. Ведь с самых ранних времен в сознании народов возникали разделительные линии, становившиеся границей противопоставления двух миров, «своего» и «чужого», формировавшие модели мировосприятия по типу модели «Запад–Восток». На научной основе большинство таких моделей было создано в Западной Европе и США — и там же были впоследствии подвергнуты серьезной, подчас пристрастной критике[2].

Сама концепция Тернера как центральный элемент этого своеобразного «триптиха» обозначает фронтир «не местом, но состоянием общества» (Turner, 1921), представляет его в качестве динамичной передвижной границы-*линии*, постоянно смещающейся все дальше вглубь осваиваемой территории, и в то же время — в качестве не чисто географического или политического, но и социального явления, *зоны* освоения. Правда, сразу же следует отметить, что применительно к конкретным случаям далеко не всегда можно явно разделить линейную и зональную характеристики границы в одном и том же месте. Как пишет А. Рибер, «линейность и зональность границы четко соотносятся друг с другом, а разделительные линии (границы в обычном понимании этого термина) могут исторически вытекать из характеристик территории, которая определяется как пограничная зона» (Рибер, 2004: 203). Другими словами, политические и административно-территориальные разделители не всегда совпадают с культурно-этническими и символическими элементами, присущими непосредственно *зональности* границы. Для большей четкости можно разделить понятие границы как:

- линии, обозначающей пределы военного завоевания;
- линии, показывающей географические контуры определенной территории;

- линии, ограничивающей политические пределы суверенного государства;
- линии взаимодействия и символического (в том числе ментального) противопоставления антиподов, как, например, «варварство–цивилизация», «свой–чужой/другой»;
- зоны с постоянно меняющимися условиями существования и развития общества, охватывающей сразу несколько перечисленных выше пунктов.

Для более полного понимания различий между обозначенными типами границы — границей как линией и границей как зоной — приведем несколько исторических примеров.

До появления термина «фронтир» границы понимались преимущественно как «военные объекты или стены, означавшие пределы распространения государственного суверенитета» (Рибер, 2004: 204), а также как линии, четко очерчивающие территорию частной собственности. Но уже Римская империи, с одной стороны, и Китайская, с другой, наделяли границу символическим значением барьера, отделяющего мир цивилизации от мира варваров по другую сторону границы. При этом, несмотря на антагонизм римлян и ханьцев по отношению к образу «другого», на их страх перед «неразвитой культурой», в пограничной зоне наблюдалось постоянное взаимодействие людей и идей, происходило смешение культур, как минимум, ощущалось их взаимовлияние. И не всегда оно было к выгоде «цивилизованной» нации. Так, все более утверждается точка зрения, что падение Западной Римской империи — следствие процесса обоюдного приспособления римлян и варварских племен друг к другу, и, следовательно, взаимного разрушения целостности их общностей (Whittaker, 1994).

В только что приведенном примере налицо совмещение на одной и той же территории границ двух типов: 1) государственной политической и 2) символической. Другой пример относится к XIX в.; с ним мы переносимся на территорию Западной Европы, во Францию. Французская государственная граница проходила по контуру естественной (природной) и национальной (культурной) границы, включая в себя и элементы, присущие зональным фронтирам. В ходе и в результате Великой революции она обрела вид действительно четко фиксированной линии, отражающей идеологическую, языковую и экономическую однородность очерчиваемой ею территории. В этом французском (точнее, якобинском) инварианте границы уникальным для своего времени стало фактически заданное политическим сознанием жесткое наложение государственного суверенитета на определенную территорию, вписывание еще не до конца сложившейся нации в заранее очерченные пространственные рамки национального государства (Burguiere, Revel, 1989; цит. по: Рибер, 2004: 209).

И наконец, третий тип границы, выделенный как раз Дж. Фр. Тернером, — тип границы динамической, подвижной, т.е. собственно фронтир в современном его понимании. Можно дать несколько логически выведенных определений такой границы. С *политико-географической точки зрения* это будет постоянно смещающаяся, передвигающаяся вперед полоса (линия) поселений, жители которых осваивают и цивилизуют на первичном уровне дикие земли, другие новооткрываемые природные ресурсы. С *социально-антропологической точки зрения* — это зона смешения и взаимодействия двух или более народностей, одна из которых может быть представлена менее развитым (варварским) аборигенным населением. Наконец,

с *социокультурной точки зрения* — это территория, на которой формируется новая общность (и соответственно, новое общество). Происходит это на основе адаптации друг к другу представителей всех наличествующих на фронтире наций и народностей (с последующей ассимиляцией части из них) — с их индивидуальными культурами и под влиянием всевозможных внешних факторов: природно-климатических, политических, экономических, религиозно-идеологических.

При выраженном историческом подходе к изучению феномена фронтира можно встретить схожие определения, выстроенные в хронологическом порядке и соотнесенные с конкретной эпохой и/или конкретными исследователями (Furniss, 2005: 30).

Российское понимание границы: сходства и отличия

В российской исторической традиции со своей стороны сложились понятия рубежа и порубежья, где первое является скорее линией, а второе — зоной, по аналогии с западноевропейской историографией и различением *border* и *boundary/frontier*. Рубеж в самом широком ненаучном понимании представляется в качестве границы, отделяющей друг от друга два мира — мир старого, знакомого, понятного и привычного и мир нового, неизведанного, пугающего. Так, очень символичен рубеж между двумя частями страны, проходящий по Уралу. Здесь, с момента освоения Сибири и придания ей статуса «российской тюрьмы», каторги, пролегала граница между волей, домом, родиной и неволей, чужбиной и одиночеством. Идущие по этапу осужденные прощались здесь с привычным укладом жизни, целовали «камень»[3] и брали частичку родной земли на чужбину, что очень символично описывает ритуал перехода границы, не физической и не официально обозначенной, но воображаемой, созданной коллективным сознанием народа.

Поэтому можно говорить о том, что рубеж разделял, разъединял, маркировал знаковое отличие одного пространства от другого.

В словаре В. Даля термин «рубеж» имеет несколько значений:

«**Рубеж** м. зарубка, насека, рубец, знак от тяпка или нарезки; а как встарь все грани-межи означались затесями и метками на пнях и деревьях, то и ‖ самая грань, развод, межа, граница, предел, общий стык двух земель, областей или владений, *рубеж*. **Рубежный**, граничный. **Рубежник, -ница**, житель рубежа. **Рубежчик**, стар. кто самовольно прокладывает рубежи» (Даль, 1882: 108).

Таким образом, уже у Даля рубеж четко определяется как нечто, разделяющее два объекта, отмежевывающее, как граница между земельными угодьями. Это полностью физическое, но не символическое значение данного понятия. При этом позднее, у С.И. Ожегова, это значение дополняется другим:

«**Рубеж**, -а, м. 1. То же, что граница (в 1 знач.) *Естественный р. За рубежом* (за границей). *Уехать за р.* (за границу). *Зорко охранять рубежи Родины. На рубеже двух эпох* (перен.). 2. Участок или полоса местности, удобные или оборудованные для ведения боевых действий. *Оборонительный р. На укрепленных рубежах. Выйти на новые рубежи*» (Ожегов, Шведова, 1999: 685). При этом синонимичное рубежу понятие границы в первом значении определяется у Ожегова как «линия раздела между территориями» (Ожегов, Шведова, 1999: 143).

Сравнивая два словаря, можно отметить, что во втором случае ярко выражено военное значение. Это также проявляется в других статьях словаря, описывающих

однокоренные термины, такие как «пограничье» и «пограничный». Стоит также сказать, что понятие порубежье у Ожегова отсутствует, в отличие от Даля, который определяет его следующим образом:

«**Порубежный**, пограничный, погранный, сопредельный, сумежный, помежный, обмежный, смежный; лежащий по рубежу. *Порубежная речка. Порубежные города и жители.* **Порубежник, -ница**, порубежный житель, межа об межу. *Мы с ним порубежники*, плотные соседи. **Порубежье**ср. порубежные места, полоса, пограничье, помежье. **Порубежничать**, грабить, наездничать по рубежу» (Даль, 1882: 333).

Военного значения у Даля не находим, акцент сделан непосредственно на размежевании, отделении, но не путем завоевания, отвоевания и охраны уже существующих границ и рубежей военными силами. Можно предположить, что коннотация словаря Даля лучше отвечает восприятию народа и выражает понимание простым людом того, что такое граница и рубеж.

Однако если сравнивать значение русских терминов «рубеж» и «порубежье» с американским фронтиром, то ни одно из предложенных понятий не имеет того же контекстуального наполнения — ни рубеж, ни порубежье изначально не определяются как зоны столкновения и взаимодействия народов и культур. И тем более рубеж не описывается как территория формирования новых общностей, наций или государств, как это присуще американскому фронтиру, но понятия «рубеж» недостаточно для его описания (Hall, 2009: 25–26). Это не означает, что в российской действительности невозможно возникновение фронтира в американском понимании с его специфическим влиянием. Можно привести несколько ярких примеров фронтира в России, одни из самых очевидных, на Кавказе (Барретт, 2000) и в Сибири (Агеев, 2005).

Классификация границ. Взаимодополняемость, пересечение и непересечение разных типов границ

Здесь же нас интересует более детальная классификация границ, в рамках уже рассмотренных понятий и синонимов. Попробуем взглянуть на существующие варианты границы. Очевидно, можно говорить о:

- географической границе (естественной или искусственной);
- государственной границе;
- административной границе;
- национальной границе;
- этнической границе;
- воображаемой или ментальной границе;
- символической границе;
- культурной границе.

Энциклопедия по географии так определяет географические границы: «Границы географические — линии или переходные полосы, разделяющие смежные географические объекты, различающиеся хотя бы одним существенным признаком. Конкретное содержание различающего признака определяет наименование границы – оледенения, речных бассейнов, ландшафтов, политико-адм. единиц, экономических р-нов, зон тяготения и т.п. По форме географические границы могут быть резкими (например, государственные границы после их демаркации) или

нерезкими — в виде переходных полос (при выделении ландшафтных или экономических таксонов). По степени наблюдаемости они бывают четко обозначенные на местности и зрительно наблюдаемые либо расчетные, в том числе статистические, интерполируемые по данным наблюдений в операционных территориальных единицах, которые используются при различных видах районирования территории. По степени влияния на разделяемые объекты географические границы могут выполнять контактные или барьерные функции. Контактность географической границы может усиливаться со временем, например, в ходе интеграционных процессов в национальном и международном экономическом пространстве. Барьерные функции связаны с естественными преградами, прежде всего с рельефом, что требует повышения удельных затрат на преодоление географических границ, а также с политическими и экономическими факторами (визы, пошлины и т.п.). Кроме того, географические границы используются как поверхности раздела между основными сферами географической оболочки Земли — литосферой, гидросферой и атмосферой» (Современная..., 2006: 154). Таким образом, географическая или физическая граница может разделять или, наоборот, объединять любые географические (при этом не обязательно административные, политические или экономические) объекты, в чем-то отличные один от другого. В зону, описанную географической границей, может попасть экономическая область, пределы национального ареала расселения одной народности, административный объект (район, провинция, префектура...) или даже политически единый объект в виде государства. Однако географические границы не обязательно и не всегда совпадают со всеми или некоторыми из перечисленных здесь типов границ. Границы могут видоизменяться, «перерисовываться» на карте мира, становиться более плотными, непроницаемыми, закрытыми, или же наоборот, более прозрачными, открытыми.

Государственная граница также может обладать перечисленными свойствами открытости или закрытости, равно как ее пересечение может осложняться физической природной преградой в виде горных хребтов, пустынь, рек и так далее, если речь идет о естественной, а не искусственно созданной границе. Государственная граница представляет собой линию (и проходящую по этой линии вертикальную поверхность), определяющую пределы территории государства (суши, вод, недр и воздушного пространства) и соответственно пределы действия государственного суверенитета (Граница..., 2002). Понятие «государственной границы» появилось в ходе исторического развития с возникновением института государства как такового. В границы государства попадали владения государя, обложенные налогом/данью, и защищаемые, и постепенно расширяемые за счет новых военных завоеваний. Поэтому феодальная государственная граница, в отличие от современной, не являлась четкой и определенной, не будучи установленной и подтвержденной в рамках международного права (Граница..., 2002).

Но и государственная граница может «выглядеть» по-разному и обладать отличными качествами, тем не менее соответствуя общему определению, приведенному выше. Государственная граница одной и той же страны в различных ее частях будет с вероятностью обладать не одинаковыми, но иногда и противоположными характеристиками. В качестве примера сравним западную (европейскую) и восточную (азиатскую) границы России. Если кратко, то отличие восточной границы России от западной хорошо может быть выражено в словах В.О. Ключевского: «Русские границы на востоке не отличались резкой определенностью или замкнутостью: во

многих местах они были открыты; притом за этими границами не лежали плотные политические общества, которые бы своей плотностью сдержали дальнейшее распространение русской территории» (Ключевский, 2014: 557). Что касается запада, то здесь картина была совершенно иная, поскольку выход России на Запад постоянно сталкивался с сильным, плотным сопротивлением европейских соседей. И хотя «история России, это история страны, которая колонизуется» (Ключевский, 2004: 38), колонизация земель к западу от центральной, столичной части России не представлялась возможной, поскольку запад уже был в более чем достаточной степени освоен европейцами; с другой же стороны от Москвы, за Камнем, лежали обширные, бескрайние, необжитые земли, занятые исключительно кочевниками и аборигенными народами, не представлявшими серьезного барьера для продвижения русского народа на восток. И если европейская граница представляла собой четкую, структурированную и непроницаемую линию, охраняемую интересами власти многих государств *за* этой линией, то на востоке граница была и до сих пор остается зональной, расплывчатой и проницаемой, несмотря на свою буферность, связанную с постоянной «желтой угрозой» со стороны Китая, которую с XVIII в. привыкли видеть в данной границе как политические деятели страны, так, позднее и образованные обыватели. На самом ли деле азиатская граница настолько ненадежна и опасна, судить объективно сложно, особенно будучи уроженцем и постоянно пребывая в центральной части России и соответственно будучи ближе к границе европейской. Однако эффект «обазиатчивания» русских территорий на востоке нельзя оставлять без внимания, как нам представляется. Такое «разрыхление» границы в первую очередь связано со «своеобразным *раздвоением* российской границы в Центрально-Азиатском регионе. Наряду с укрепленной государственной границей, оставшейся на рубежах бывшего СССР (переставшей формально быть границей России, но, тем не менее, охраняемой пограничниками), появилась весьма условные и проницаемые границы России со странами СНГ. Граница в военно-техническом смысле выступает здесь не как ограничитель пространства власти, а как своеобразный анклав власти, поскольку севернее этих пограничных рубежей находится не российская территория, а иначе организованное и конкурирующее с российским властное пространство, контролируемое возникшими после распада СССР авторитарными режимами (Таджикистан, Казахстан, Киргизия и т.д.).

Близка сегодня к азиатскому типу границы (и в то же время весьма специфична) и протяженная граница России с Китаем. Здесь приграничные районы стали, по сути, сферой жесткого экономического и демографического давления на Россию, более того, — зоной скрытой колонизации, несомненно поощряемой и дирижируемой властью нашего великого южного соседа. И это, конечно, нечто иное, чем российско-казахстанская граница.

Только новая «азиатская граница» формируется не направлениями набегов кочевников, как прежняя, традиционная, а в первую очередь направлениями легальной, полулегальной и нелегальной миграции и векторами транзита наркотиков (Королев, 2002).

Мы не вполне согласны с автором статьи в процитированном отрывке, поскольку, как и раньше, на наш взгляд, опасность колонизации Дальнего Востока и Сибири Китаем сильно преувеличена. Тем не менее мы не отрицаем, а на личном опыте путешествий в данный регион можем подтвердить, что в силу близости к азиатским странам дальневосточный регион сильно отличается от центрально-

европейских территорий нашей родины. Безусловно, наличие в составе населения региона мигрантов из Китая, Японии, Кореи накладывает свой отпечаток в неменьшей степени, нежели своеобразный природный ландшафт (вулканический, если говорить, например, о Камчатке) и климат региона.

Вне всякого сомнения, можно много сказать о государственной границе, о ее внешних и «виртуальных» обозначениях, правилах ее проведения по различным ландшафтам, будь то суша, водное, подземное или воздушное пространство, однако об этом написано немало, и мы не ставили перед собой задачу повторяться в уже сказанном. Также не будем рассматривать административную границу, скажем только, что она представляет собой подобие государственной, всегда четко определена лидерами данной страны и выполняет структурирующие, разграничивающие, разделяющие функции. При этом административная граница далеко не всегда и даже чаще всего не совпадает с этническими границами, что зачастую приводит к абсурдным ситуациям, когда представители одного этноса оказываются по разные стороны границы, отделяющей друг от друга два административных округа, области, а иногда и государства.

В свою очередь, этнические границы также неоднократно изучались, поэтому нам представляется нецелесообразным подробно рассматривать их в рамках данной статьи. Значительно больший интерес для нас представляют символическая или воображаемая граница, а также граница культурная, равно как и понятие фронтира и его значение для развития территории, очерченной приграничьем.

Значимость границы и фронтира для формирования стереотипов, образов и мифов в сознании нации

Границы являются принципиальным фактором в формировании сообществ; организация и оформление границы, правила ее пересечения, представления о ней отражают внутренние характеристики обществ, которые эта граница «обрамляет». Китайская стена или «железный занавес» как материализованные и метафорические преграды есть порождение своих эпох и своих культур (Бредникова, 2002). Это фактически значит, что восприятие границы, отношение к ней и видение мира *по ту сторону* полностью формируются внутри страны искусственными методами, равно как и под воздействием внешнего фактора в лице *той стороны*, ее агрессии или мирных намерений, ее взаимодействия с *нашей стороной*. Человек издревле боялся неизведанного, непонятного, непривычного, другого, и это отношение распространялось не только на животный и природный мир, но и на мир подобных же *Homo sapience*. Незнание мира с другой стороны границы порождает предрассудки, стереотипы, абсурдные суждения, не имеющие ничего общего с реальностью или хотя бы логикой, как, например, поверье, бытующее среди американцев, что в Москве по Красной площади бродят белые медведи. Такие представления накапливаются и формируют ментальную, воображаемую границу между народами, границу, которая существует только в сознании подавляющего большинства нации.

Стереотипы и устойчивая вера в определенные образы *других*, тех, кто *за границей,* могут успешно формироваться изнутри, силами агитации, идеологии, средствами массовой информации и политического манипулирования. Поэтому в за-

висимости от образа заграничного мира, порожденного внутри общества, граница будет выглядеть как Зло или Добро, желанный и достижимый или опасный плод, будет разделять или, наоборот, больше объединять. Так, «государственная граница в СССР играла чрезвычайно важную роль в конструировании советского общества. Она не только определяла «свою» территорию, отгораживая «чужих» и обозначая конфронтацию политических систем на глобальном уровне, но и выполняла «универсальную функцию, обладала всей полнотой смыслов — от политических до метафизических». Она стала некой мерой, ориентирующей всю организацию жизни. Можно говорить о тотальности метафоры границы в Советском Союзе. В подтверждение можно вспомнить слова популярной в 1930-е годы песни: «*Эй, вратарь, готовься к бою! / **Часовым** ты поставлен у ворот. / Ты представь, что за тобою / **Полоса приграничная идет**».*»(Бредникова, 2002).

Граница, подобная советской по отношению к Западу с его «буржуазными пороками», отгораживала Советский Союз не только и не столько от ближайших соседей, с которыми существовала непосредственно физическая географическая граница, но от всего капиталистического мира. Таким образом советская Россия оказывалась как бы отрезанной, островом на карте мира, самодостаточным и не признающим отношений с другими странами, иных кроме соперничества и военного конфликта.

Таким образом, значение границы для создания образов других государств и выстраивания политики (в высших эшелонах власти) и простого человеческого взаимодействия (между гражданами стран) нельзя недооценивать. Остается открытым другой вопрос — чем значение и влияние фронтира отличается от значения и влияния границы на нацию и национальное самосознание и развитие? И за отправную гипотезу возьмем утверждение о том, что фронтир может и зачастую формирует очень сильный миф вокруг себя. Самым ярким примером такого «мифа о фронтире и мифа на фронтире» до сих служит история зарождения американской идеи и «американской мечты», идеологии и мировосприятия, сохранившихся и в наши дни. Для наглядности опишем именно этот случай фронтира.

Для рассмотрения феномена «мифа» о фронтире требуется сначала ввести понятие мифа в более широком смысле, а также в его культурологическом значении. Это приводит нас к проблеме дефиниции. Сразу же заметим, что понятие «миф» по сути своей является не менее многозначным и расплывчатым, нежели понятие «культура».

Мифу и мифологии посвящены многочисленные работы, а попытки дать хоть сколько-нибудь четкое и всеобъемлющее определение мифа начались еще в античности и продолжаются до сих пор. Однако, в силу объемности и широты понятия, маловероятно, что исчерпывающее и общеприемлемое определение мифа могло бы быть сформулировано. Здесь мы не будем пытаться вывести собственное определение мифа, а приведем несколько уже существующих и, как представляется, наиболее подходящих для наших целей.

Этимологически слово «миф» восходит к греческому «mythos», которое означало буквально «слово», «речь», и только позднее приобрело значение «сказка, легенда» (Doyle, 1997). Отсюда вытекает и самое общее значение мифа как предания, сказания о богах, духах, обожествленных или связанных с богами героях, первопредках; сказание, объясняющее все первоначальные явления, процесс созда-

ния мира и его элементов — как природных, так и культурных (Общее понятие..., 1992). При этом мифы, являясь «традиционными сказаниями, в тех обществах, где они пересказываются, воспринимаются как правдивое описание событий, произошедших в далеком прошлом» (*Brunvand*). Это *мифологическое* значение мифа противостоит его *мифическому* значению, описание которого находим в любом современном словаре: миф — вымысел (Ващенко, 2008: 6, Словарь..., 1984: 317), миф — недостоверный рассказ, выдумка (Ожегов, 1999: 359).

В большинстве случаев мифы видятся как «примитивные, нелитературные сказки, передающиеся из уст в уста в культурах, не дошедших в своем развитии до письменной литературы, и рассказываемые анонимными (народными) сказителями. Мифы — это не авторские сказки» (Kirk, 1984: 56). Важен также тот факт, что миф как сказание, чтобы действительно считаться мифом, должен пройти длинный путь и передаваться в обществе на протяжении многих поколений. При этом миф может подвергаться со временем определенным изменениям в деталях его изложения, но суть его всегда остается неизменной, постоянной, таковой, какой она была «с начала времен» (Kirk, 1984: 57-58).

Существует великое множество подходов к изучению мифа и столько же его интерпретаций. Современные объяснения того, что представляет собой миф, сводятся к 12 различным теориям, из которых нас больше всего интересует определение мифа как зеркала социальной структуры, но в первую очередь — культуры. Миф, фактически, отражает определенные пласты культуры, хотя и не буквально (Honko, 1984: 47).

Важно упомянуть, что миф пронизывает все сферы нашего существования, нашей жизни. Он входит в структуру подсознания, соединяет прошлое, настоящее и будущее, диктует основы нравственности и морали (Ващенко, 2008: 3–9). Миф, таким образом, можно сказать, является основой всех устоев мира и человеческой жизни. Поэтому в корне неверно относить миф исключительно к прошлому, считать, что он не участвует в нашей жизни сегодня, не играет никакой роли и является лишь «преданьем старины глубокой».

Формирование мифа о фронтире на примере Американского Запада

В рамках нашей статьи как раз на примере мифа о фронтире мы имеем возможность наглядно показать, какое значимое место занимает миф в наше время.

Миф об американском фронтире жив до сих пор, несмотря на закрытие самого фронтира столетие назад. Как термин «фронтир», так и многочисленные изображения и вербальные формулы, отображающие понятия, с ним связанные, активно используются американцами во всех сферах жизни, в частности, в политике для описания целевых установок и идеологической направленности американского общества в его внутренних законах и во взаимоотношениях США с внешним миром. Вкратце миф о фронтире в Соединенных Штатах можно описать как явление, которое сформировало и поныне определяет «политическую риторику прогресса пионеров, миссии США в мире и вечную борьбу с силами тьмы и варварства (Slotkin, 1985: 12). Миф о фронтире проступает во всем его многообразии в самых обыденных предметах и объектах: в небоскребах, казино, магистралях, скорост-

ных автодорогах; в рекламных плакатах и глянцевых журналах; в фильмах и СМИ; в Интернет-блогах и порталах в самом языке (Slotkin, 1985: 12).

Чтобы обозначить ядро темы о мифе, сконцентрируемся на его содержании и на роли мифа о фронтире в американской истории, значимости его для американской нации. Миф о фронтире создавался в колониальном обществе в эпоху «творения» нового государства и новой нации, поэтому в первую очередь это миф о первоначале, с тем лишь исключением, что «творцами мира» в этом мифе выступают не боги, духи или другие сверхъестественные существа, а люди — пуритане, пионеры, трапперы, позднее ковбои, золотодобытчики и предприниматели. Они-то и становятся героями фронтира, теми, чьи образы с течением времени вновь и вновь актуализируются и ритуализируется в биографической литературе, в так называемых бульварных романах, в вестернах, даже в быту. Следует сказать, что сами пионеры, первооткрыватели фронтира всех категорий на протяжении всего его освоения не ставили перед собой цели создать миф и вряд ли осознавали этот процесс.

Миф о фронтире зиждется на идее, которую привезли с собой отцы-пилигримы, идее о том, что они и все последующие поколения американцев — избранная Богом нация, призванная создать «рай на земле», которую Господь даровал им как землю обетованную, т.е. на американском континенте. Идея об американской исключительности со временем нашла воплощение в *Manifest Destiny* — доктрине о явном предначертании США нести плоды цивилизации, зерно Добра, истинной веры и демократии не только варварам-индейцам, но и всему миру в целом.

Создание «рая на земле» подразумевало «завоевание и освоение», а наличие на протяжении нескольких веков обширного, казавшегося неограниченным пространства, с точки зрения американцев, незанятого, только усугубляло стремление к освоению, движению фронтира вглубь континента.

Пуританская идея о том, что богатство, нажитое честным и упорным трудом, — от Бога и не является грехом; целеустремленность и мобильность первых поселенцев, передавшаяся и последующим поколениям; изобилие «даровых» земельных, минеральных, биологических ресурсов для освоения — все это вместе взятое в условиях капиталистической конкуренции способствовало утверждению в качестве социальной нормы принципа «выживает сильнейший». В соединении с искренней верой в свою миссию привнесения «цивилизации» в мир дикости и с тем парадоксальным фактом, что по многим объективным условиям своего существования поселенцы на фронтире поначалу сами в большей или меньшей степени опускались на уровень «варварских племен», этот принцип социального дарвинизма освобождал от каких-либо ограничений в войне против индейцев, в покорении новых территорий, в тех методах, которыми пользовались американцы в течение всей эпохи освоения США (Slotkin, 1985: 12). На этой почве в обществе, основанном людьми, впитавшими на бывшей родине идеи правового устройства, но подвергшимися в Новом Свете «опрощению» в нецивилизованной среде, и родился самый главный и наиболее известный социальный образ фронтира — американского героя, *a self-made man*, человека независимого, индивидуалиста, а главное, воина (Tirman, 2009).

Как и любой другой, миф о фронтире многократно воспроизводился, в чем-то при этом изменяясь. Так или иначе, в своем развитии он прошел все стадии: от исторического опыта, сохраненного в устных рассказах и через постоянную актуализацию доведенного до уровня традиции, до создания упрощенных, но чет-

ко очерченных образов, в которых фактическая историческая основа приобретает форму клише. В случае с мифом о фронтире такими клише-образами стали «высадка пилигримов на берега Америки», «последний рубеж»[4], «Аламо»[5], «Перл-Харбор». В конечном счете, миф стал частью языка, приобрел вид метафор, в которых выражаются основные элементы американского мировоззрения, традиции и «воспитующие» исторические факты. Ярким примером всплывания в сознании таких метафор может быть военная кампания США во Вьетнаме, воспринимавшаяся рядовыми американскими солдатами и американской общественностью как «поход против индейцев (варваров)», как новый тур игры в «ковбоев и индейцев» (Slotkin, 1985: 16). И, подобно тому, как в дни освоения американцы бились с индейцами за воцарение цивилизации и за свою американскую нацию, они вели себя во Вьетнаме; в этой ассоциации с историческим прошлым, в этой аналогии нет логики, нет намеренного проведения параллелей, есть только сильное влияние самой идеи, прочно вошедшей в сознание американцев.

Так, через миф, который превращает одноразовый исторический акт в обобщенное явление, вписываемое в законы морали, законы самой реальности, в правила восприятия и поведения в конкретных ситуациях, — через все это и рождается основа идеологии, впоследствии формирующей общественное и политическое сознание нации.

В свое время Талькотт Парсонс определял идеологию как оценочную интеграцию коллектива. В современной антропологии и социальной истории термин «идеология» используется в том же ключе, но более широко — номинации совокупности веры, ценностей и отношений, интегрирующих культуру и/или общество в некую целостность (Slotkin, 1985: 22). Форма выражения, язык, которым пользуется «классическая идеология», предполагает строгую последовательность и логичность. «Идеология», порожденная мифом, не обладает этими качествами, а наоборот, характеризуется символичностью и метафоричностью, присущими мифу. Она воспроизводит и другое изначальное качество мифа — повторяемость прошлого в настоящем, стирание временных границ (в отличие от истории), неразличение прошлого от настоящего, приравнивание их друг к другу.

Образы «фронтира», «ковбоев», «индейцев», равно как и слова, их обозначающие, превращаются из исторических фактов в метафоры, говорящие не столько об исторических событиях, сколько об их значимости в настоящем. Современные американцы «проживают» события прошлого не в буквальном, а в переносном смысле, посредством языка фронтира, с помощью устоявшихся литературных и историографических традиций, и сам миф о фронтире приобретает для них гораздо большее значение, нежели имел непосредственно фронтир для его современников в эпоху освоения.

В этом и заключается главное противоречие между идеологией мифа и изложением истории. Стирая границы между прошлым и настоящим, миф искажает реальные исторические события; они приобретают налет романтизма, субъективности взглядов, что изначально не присуще сухим историческим фактам, выстраивающимся в по видимости бесстрастный и беспристрастный нарратив — рационально организованный рассказ о прошлом. Можно, пожалуй, сказать, что через миф историческое прошлое *идеализируется*, четко окрашивается в темные или светлые тона, в нем не остается места множественности точек зрения касательно

одних и тех же событий. Постоянный перенос этого идеализированного прошлого в рамки настоящего (каким бы «другим» то ни было) и составляет силу идеологии, созданной на фронтире, — силу, позволяющую образам фронтира прочно держаться в американском обществе, в сознании американцев вплоть до наших дней.

«Фронтир» — это не просто эпоха в истории США. Это мечта о лучшей жизни, это идеал, к которому необходимо стремиться, независимо от наличия или отсутствия «географического» фронтира. Сегодня, в эпоху глобализации, фронтир обнаруживается, с одной стороны, в стремлении осваивать все клочки неосвоенной (или, по мнению американцев, «нецивилизованной», принадлежащей варварским правительствам и народам) территории на планете Земля, с другой — в целенаправленном стремлении решать внутренние проблемы своего общества: изживать необразованность своих граждан, расовую дискриминацию, избегать по возможности неравенства и классового расслоения общества, т.е. вновь и вновь пытаться достичь идеала (Frost, 2011). И в этом смысле миф о фронтире неожиданным образом сближается с двойным толкованием джихада в исламе, в котором война с «неверными» и их обращение в истинную веру понимаются как «малый джихад», тогда как внутреннее совершенствование в соответствии с моральными нормами, заповеданными Аллахом человеку, — как более трудный и важный «большой джихад» (Ислам..., 1988: 68–69).

Фронтир — это и единый миф, и множество разнообразных отдельных мифов, рождавшихся в процессе освоения американского Запада и в ходе развития США: миф об американской исключительности, миф о неограниченных свободных землях, миф о природном богатстве западных территорий, миф об американском индивидуализме, миф об американской демократии и миф о прогрессе. Но, это также мифы о людях или, скорее, *типизированные мифологизированные образы*[6] пионера, траппера, виджиланта, ковбоя, существующие и по отдельности, и слитно — в цельном образе американского героя как такового, кем бы он ни был по происхождению и роду деятельности. Американские аборигены и их взаимоотношения с белыми колонистами также вплетены в структуру мифа. Все эти множественные мифы, которые, в свою очередь, породили не менее многочисленные образы, являются составляющими элементами единого мифа о фронтире.

Примечания

[1] Etymology and Terminology. Central Asian Borders. URL: WWW.URL: http://borderscа.wordpress.com/2008/01/28/etymology-and-terminology (последнее посещение: 12.11.2014).

[2] Пожалуй, наиболее яркий образец такой критики — известная работа Эдварда Саида. См.: *Said E.W.* Orientalism. L. and Henley: Routledge & Kegan Paul, 1978. Есть русский перевод (*Саид Э. В.* Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский Мір, 2006), но плохого качества. О нем см.: *Бобровников Вл.* Почему мы маргиналы? (Заметки на полях русского перевода «Ориентализма» Эдварда Саида) // AbImperio. 2008. № 2.

[3] Камнем называли пограничный столб на Сибирском тракте, отделявший Европейскую часть России от Сибирской. Здесь ссыльным традиционно давали проститься с родиной, оплакать свою судьбу, попрощаться со всем, что было им дорого. Подробнее об этом феномене см.: Тепышева Т.Н. Из России в Сибирь // Сибирская православная газета. 2005. № 1. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ihtus.ru/012005/hi1.shtml (последнее посещение: 12.11.2014).

[4] Термин «последний рубеж» (*The Last Stand or Custer's Last Stand*) применительно к истории США описывает битву у реки Литтл-Бигхорн в ходе так называемой Великой войны сиу 1876 г., в которой столкнулись силы американского батальона, насчитывавшего 700 человек под предводительством Джорджа Армстронга Кастера и силы объединенных племен индейцев. Американцам в этом сражении было нанесено поражение, но доблесть Кастера и его людей, погибших при Литтл-Бигхорне, прославила как их, так и само событие, сделав его одним из знаковых в истории США.

[5] «Аламо» является еще одним знаковым военным событием из истории США, произошедшим в ходе Мексиканской войны в 1836 г. Осада Аламо закончилась для американцев поражением, однако так же, как и в случае с последним рубежом Кастера, увековечило имя еще одного американского героя — Дэви Крокетта, который, проявив отвагу и выдержку в ходе осады, доблестно погиб в последний ее день.

[6] Типизация образов свойственна, видимо, любой идеологии. В доказательство можно сослаться на две работы: В первой из них (*Пюимеж Жерар де.* Шовен, солдат-землепашец. Эпизод из истории национализма. М.: Языки русской культуры, 1999) исследован процесс типизации образа вымышленного героя в ходе разработки идеологии национализма во Франции XIX в., во второй (*Липатова Н., Голотин А.* Типизация как инструмент социальной инженерии: власть и общество в 1917–1925 гг. // Власть. 2011. № 5. С. 92–94) показано использование типизации образов реальных политических деятелей и целых социальных групп во время утверждения идеологии большевизма в СССР.

Литература

Barth Fr. (ed.). Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Differences. Boston: Little, Brown & Company, 1969.

Brunvand J. Myth. Myths and myth-making in the contemporary world. URL: http://isites.harvard.edu/fs/docs/icb.topic213433.files/21_Myth.pdf.

Burguiere Andre et Revel, Jacque (Dir.). L'espace francais. Paris: Éditions du Seuil, 1989.

Chandler A. Comparing Frontiers: A Scout Report // Magazine. 1988. URL: http://www.arthurchandler.com/comparing-frontiers.

Cockeram H. The English Dictionrie or An Interpreter of Hard Words. L., 1623.

Doyle B. Mythology // Encyclopedia Mythica. 1997. URL: http://www.pantheon.org/articles/m/mythology.html.

Etymology and Terminology. Central Asian Borders. URL: http://bordersca.wordpress.com/2008/01/28/etymology-and-terminology/.

Febvre L. Frontier: The Word and the Concept // Peter Burke (ed.). A New Kind of History from the Writings of Lucien Febvre. L.: Routledge and Kegan Paul, 1973. P. 208–218.

Frost A.Y. Kennedy, and the Frontier Myth // Capital Commentary. The Centre for Public Justice. February, 2011. URL: http://www.capitalcommentary.org/robert-frost/frost-kennedy-and-frontier-myth.

Furniss E. Imagining the frontier: comparative perspectives from Canada and Australia // D.B. Rose., R. Davis (eds). Dislocating the Frontier: Essaying the mystique of the Outback. Canberra: ANUE Press. 2005. P. 30.

Hall D. Thomas. Puzzles in the comparative study of frontiers: Problems, some solutions, and methodological implications // American Sociological Assocation. 2009. Vol. XV. No. 1.

Honko L. The problem of defining myth // Sacred Narratives: Readings in the Theory of Myth / Ed. by Alan Dundes. Berkley and Los Angeles: University of California Press, 1984.

Kirk G.S. On defining myths // Sacred narratives. Readings in the theory of myth / Ed. by A. Dundes. L., Berkley and Los Angeles: University of California Press, 1984.

Lien-ShengYang. Historical Notes on the Chinese World Order // John K. Fairbank (ed.). The Chinese World Order. Cambridge: Cambridge University Press, 1968.

Mood F. Notes on the History of the Word Frontier // Agricultural History. April 1948.

Parker B.J. Toward an Understanding of Boderland Process // American Antiquity. 2006. No. 7 (1).

Said E.W. Orientalism. L. and Henley: Routledge & Kegan Paul, 1978.

Slotkin R. The fatal environment: The myth of the frontier in the age of industrialization, 1800–1890. N.Y.: Atheneum, 1985.

Tirman J. The Future of the American Frontier // The American Scholar. Essays. Winter 2009. URL: http://theamericanscholar.org/the-future-of-the-american-frontier/.

Turner F.J. The Significance of Sections in American History. N.Y.: Holt. 1921. URL: http://xroads.virginia.edu/~Hyper/TURNER/.

Whittaker C.R. Frontiers of the Roman Empire. A Social and Economic Study. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1994.

Агеев А.Д. Сибирь и Американский Запад: движение фронтиров. М.: Аспект Пресс, 2005.

Барретт М. Томас. Линии неопределенности: Северокавказский «фронтир» России. Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000.

Бредникова О. Последний рубеж? // Отечественные записки. 2002. № 6 (7). URL: http://www.strana-oz.ru/2002/6/posledniy-rubezh.

Ващенко А.В. Суд Париса: Сравнительная мифология в культуре и цивилизации. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2008.

Граница: понятия и термины // Отечественные записки. 2002. № 6 (7). URL: http://www.strana-oz.ru/2002/6/granica-ponyatie-i-terminy.

Даль В. Толковый словарь живаго великорускаго языка / Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа. Т. 4. СПб.; М., 1882.

Дюно Ж.-Ф., Ариньон Ж.-П. Понятие «граница у Прокопия Кесарийского и Константина Багрянородного // Византийский временник. 1982. Т. 43. С. 64. URL: http://www.hist.msu.ru/Byzantine/BB%2043%20%281982%29/BB%2043%20%281982%29%2064.pdf.

Ислам. Словарь атеиста / Под. ред. М.Б. Пиотровского и С.М. Прозорова. М.: Политиздат, 1988.

Ключевский В.О. Курс Русской истории. Т. 5. Directmedia, 2014.

Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. ОЛМА Медиа Групп, 2004.

Королев С. Края пространства // Отечественные записки. 2002. № 6 (7). URL: http://www.strana-oz.ru/2002/6/kraya-prostranstva.

Липатова Н., Голотин А. Типизация как инструмент социальной инженерии: власть и общество в 1917–1925 гг. // Власть. 2011. № 5.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / РАН Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 1999.

Общее понятие мифа и мифологии // Мифологический словарь / Под. ред. Е.М. Мелетинского. М.: БРЭ, ЛАДА-МАКОМ, 1992. URL: http://www.countries.ru/library/mif/mifgen.htm.

Пюимеж Жерар де. Шовен, солдат-землепашец. Эпизод из истории национализма. М.: Языки русской культуры, 1999.

Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронтира: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей / Под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского и др. Казань: Центр исследований Национализма и Империи, 2004.

Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1984.

Современная иллюстрированная энциклопедия. География / Гл. ред. А.П. Горкин. Росмэн, 2006.

Сыма Цянь. Исторические записки. М.: Восточная литература, 2002. Т. VIII.

Тепышева Т.Н. Из России в Сибирь // Сибирская православная газета. 2005. № 1. URL: http://www.ihtus.ru/012005/hi1.shtml.

Тихонов А.А. Фронтир Сибирский и Американский: точки зрения // Журнал «Самиздат». 2010. URL: http://zhurnal.lib.ru/t/tihonov_za_graniy/frontirsibirskijiamerikanskijtochkizrenija.shtml.

1. Чем продиктован интерес к изучению трансграничных территорий?
2. Из чего складывается специфический потенциал приграничья?
3. С какими негативными факторами развития может сталкиваться приграничная территория?

П.Я. Бакланов

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ И ТРАНСГРАНИЧНЫХ РАЙОНОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ*

Введение

Радикальные политические и экономические реформы 1990-х годов и ориентация России на открытую рыночную экономику способствовали заметному росту внешнеэкономических связей, вовлечению страны и ее регионов в международные интеграционные процессы. Более активное развитие внешнеэкономических связей и включение в разнообразные интеграционные процессы стали получать приграничные территории и районы, в том числе и дальневосточные. Ранее на приграничных территориях СССР, особенно в пограничных зонах, в течение длительного времени, с одной стороны, действовали значительные ограничения на прирост населения и отдельные виды хозяйственной деятельности, с другой — вводились некоторые социально-экономические преференции для жителей, проживающих на этих территориях. В новых условиях факторы географического и геополитического положения приграничных территорий из негативных трансформировались в положительные. Одновременно в приграничных районах начали проявляться новые предпосылки и проблемы регионального развития.

В связи с этим усилилось внимание к научным исследованиям и даже к разработке специальных, в том числе совместных международных программ развития территорий, находящихся в непосредственной близости к государственной границе [1; 5; 6; 8; 9; 13; 18; 19]. Вместе с тем, стало ясно, что изучение приграничных территорий одной страны обособленно от изучения приграничных территорий сопредельных стран не дает полного представления о путях развития и оптимизации хозяйственных структур и природопользования, решения проблем устойчивого развития таких территорий. Это обстоятельство привело к появлению нового направления в научных исследованиях — изучению трансграничных территорий,

* *Бакланов П.Я.* Структурные особенности и потенциал развития приграничных и трансграничных районов: теоретические аспекты // Региональные исследования. 2018. № 3 (61). С. 19–24.
Статья подготовлена при поддержке Гранта РГО-РФФИ № 17-05-41-044.

образуемых тесными взаимосвязями двух и более приграничных территорий соседних стран. Это направление является междисциплинарным, где ключевую роль играют комплексные географические, экономические и политические исследования, что определяется как сложным объектом, так и целями исследований [3; 4; 8; 11; 14; 17; 18].

Постановка проблемы

В литературе все шире стали использоваться понятия *приграничная территория, район, трансграничная территория, регион* [13; 16; 18; 20]. Разные специалисты зачастую вкладывают в них далеко не одинаковый смысл. Связано это с нечетким определением их структурного содержания, свойств, функций и типов. Данный вопрос имеет не только научное, но и большое практическое значение, поскольку влияет на определенные экономические и геополитические оценки, институциональные элементы и на управленческие решения государств и региональных властей. Для таких территорий определяются специфические приоритеты и ограничения в социально-экономической и экологической политике. Основные направления геополитических интересов государств также формируются с учетом не только выгод всего государства, но и развития территорий, прилегающих к тем или иным участкам государственной границы. Поэтому при изучении приграничных и трансграничных территорий выделяются и анализируются, как правило, функции и свойства разных типов государственных границ [10; 11; 12]. Последние, в целом, являются одним из наиболее важных и сложных видов географических границ. Государственные границы с их свойствами и функциями служат центральными звеньями в трансграничных географических структурах.

В основу выделения и понятия трансграничных структур закладываются реальные либо потенциальные формы связанности, общности, целостности территорий, их природных, природно-ресурсных, социально-экономических компонентов, расположенных по обе стороны от границы. Например, река или дорога, месторождения полезных ископаемых, ареалы однородных ландшафтов, пересекаемые государственной границей, могут рассматриваться как трансграничные географические структуры.

Внимание к научным исследованиям приграничных и трансграничных территорий также усилилось на рубеже веков [1; 3; 4; 6; 7; 8; 9; 10; 13; 18; 19; 20]. Тем не менее, подходы и критерии выделения приграничных и трансграничных территорий, оценка их структурных особенностей и специфического потенциала остаются недостаточно строгими, недостаточно изученными.

Обзор ранее выполненных исследований

К настоящему времени сложились достаточно обоснованные представления о приграничных и трансграничных территориях [1; 4; 5; 8; 13; 18], в пределах которых в целом возрастают устойчивые контакты населения соседних стран, прежде всего, — приграничных районов. При наличии добрососедских отношений между странами создаются благоприятные условия для развития экономического и гуманитарного сотрудничества в пределах приграничных территорий [1; 5; 6; 10].

Трансграничность оказывает (и может оказывать) существенное влияние на региональное природопользование. Особенно сильно это влияние в трансграничных бассейнах рек, озер, морей. В этих случаях неэффективное природопользование, негативные изменения природно-ресурсной среды, либо просто — техногенное воздействие в одной части трансграничного региона одной страны может распространяться на другие части трансграничной территории другой страны [4; 6; 7; 9; 13; 15; 18; 19]. В ряде работ изложены представления о целесообразности разработки специальных международных программ природопользования для трансграничных регионов [6; 7; 14; 15]. В таких программах предлагается исходить из унифицированных оценок и индикаторов использования однородных природных ресурсов, а также подчеркивается целесообразность — организации последующего международного мониторинга. В ряде работ изложены важные представления о роли и функции государственных границ, в том числе в функционировании трансграничных регионов [3; 10; 11; 12; 16].

Международными коллективами ученых и специалистов выполнены комплексные оценки состояния и экологических проблем окружающей среды в некоторых трансграничных регионах, например — для бассейнов озера Ханка [19] и реки Туманная [15; 20]. Такие оценки выполнены в форме диагностического эколого-ресурсного анализа, и все они представляют интерес для последующих разработок. В некоторых работах рассматривались и структурные особенности отдельных трансграничных районов [4; 5; 13; 18 и др.].

Полученные результаты и их обсуждение

Приграничная территория в целом может быть выделена как территория, прилегающая к государственной границе, с наличием свойств реального или потенциального взаимодействия и взаимовлияния с территорией соседних государств. Такие свойства проявляются на разных территориальных уровнях. Непосредственно вблизи государственной границы и с той, и с другой стороны, как правило, формируются структуры (пограничные, таможенные, транспортные), реализующие соответствующие функции охраны границы, ее разделяющие функции и функции обеспечения межгосударственных связей. Сочетание всех этих звеньев именуют приграничной инфраструктурой. Часто в нее включаются различные организации сервиса (банковские, валютные, информационные, туристические, торговые и др.).

В пределах территории, удаленной от государственной границы на десятки километров, размещаются (могут размещаться) различные структуры внешнеэкономического сотрудничества: совместные предприятия, торговые центры, туристические фирмы, ориентированные, прежде всего, на взаимодействие с приграничными районами соседней страны. Наконец, определенные свойства взаимовлияния и взаимодействия формируются в пределах административных территорий, непосредственно прилегающих к государственной границе. К ним относят, во-первых, так называемые низовые, или муниципальные, районы, в Китае, например, уезды. Во-вторых, приграничные субъекты в Российской Федерации: республики, края, области и т.п., в КНР — провинции. Если некоторая административная территория выходит к государственной границе, то в ее управленче-

ской структуре, как правило, появляются функции и органы регулирования приграничного сотрудничества, которые будут стремиться увеличить положительные результаты приграничного положения, распространить их на всю подведомственную территорию, а в отдельных случаях — защитить ее от негативных воздействий соседней страны. Приграничные субъекты и низовые районы часто устанавливают определенные договорные отношения сотрудничества с приграничными районами соседних стран.

В более строгом смысле приграничные территории — это территории, непосредственно прилегающие к государственной границе, испытывающие на себе наибольшее влияние границы и территории (акватории) соседней страны и обладающие особым, дополнительным потенциалом развития и международного сотрудничества, другими словами — специфическим потенциалом приграничных территорий.

Специфический потенциал приграничья в целом, как показывают наши исследования, складывается из следующих составляющих (факторов):

1. Географическое положение приграничной территории, ее близость к государственной границе — примерно до 100 км при 1,0–1,5-часовой доступности к границе самой ее удаленной части. В этой связи любая территория с любым типом ландшафта и освоенности, непосредственно прилегающая к государственной границе, является приграничной. При этом большее значение имеет не удаленность какого-то ее участка от границы, а его близость к транспортному переходу через границу. С учетом этого приграничная территория может рассматриваться в виде приграничного пояса с расширяющимися участками, вытянутыми вдоль транспортных подходов к границе.

2. В приграничных территориях соседних стран (в целом — в международной трансграничной территории) часто происходит сопряжение транспортных сетей и систем соседних стран. Непосредственно вблизи государственной границы формируется специфическая инфраструктура приграничья: наличие транспортных переходов через государственную границу, причем часто — для различных видов транспорта; наличие энергетических переходов, инфраструктуры пограничного и таможенного контроля, связи, объектов сервиса и др. В этой связи приграничная территория зачастую обладает значительным транзитным потенциалом, так как через нее и ее транспортные коммуникации перевозятся различные экспортно-импортные грузы из других территорий и районов.

3. Возможность широкого использования ресурсов и потенциала приграничья соседней страны, в том числе разнообразных природных ресурсов: земельных, лесных, водных, минеральных, рекреационных и др.

4. Возможность привлечения к различным формам сотрудничества и социально-экономического развития населения из приграничья одной страны в приграничье другой.

5. Возможность вовлечения в различные формы международного сотрудничества, в том числе во внешнеэкономическую деятельность, значительной доли населения приграничья (до 50% занятого населения).

6. Широкое использование рынков двух стран в пределах территорий, прилегающих к границе. В ряде случаев эти рынки могут формироваться как трансграничные рынки — для однородных товаров и услуг по обе стороны границы.

Потенциальное рыночное пространство при этом существенно расширяется для приграничной территории обоих стран.

7. Возможность развития в приграничье целого сочетания видов деятельности на основе взаимовыгодного международного сотрудничества: в сфере торговли, экспортно-ориентированных производств, в том числе небольших и малых предприятий, компаний, производств по переработке импортного сырья, полуфабрикатов, т.е. основанных на импорте; туристических компаний и объектов международного туризма; развитие совместных культурно-образовательных видов деятельности и др. При этом эффективно могут использоваться как исторически сложившиеся традиционные, так и новые технологии, имеющиеся в соседних странах.

8. Для отдельных приграничных территорий или их частей могут вводиться специфические институциональные нормы и ограничения, например, зоны свободной беспошлинной торговли, безвизового обмена, зоны специального упрощенного контроля и т.п.

Следует отметить, что у приграничных территорий могут появляться и негативные факторы развития. Например, неполнота информации о соседней территории зарубежной страны, важная для принятия каких-то управленческих решений; возможности вредных экологических воздействий с территории соседней страны при трансграничных водных и атмосферных переносах; возможность включения некоторых приграничных территорий в зону особых геополитических интересов соседней страны и связанный с этим рост напряженности в двухсторонних отношениях и др. Существенным негативным фактором может стать и рост конкуренции на отдельные виды товаров и услуг в одной приграничной территории при их массовых поставках — с другой. Например, подобное произошло в 1990-е годы, при массовых поставках дешевой китайской овощной продукции в приграничные районы российского Дальнего Востока.

Выделив и оценив все составляющие потенциала развития приграничных территорий, а также формы и зоны возможных негативных воздействий, можно достаточно строго определить и внешние рубежи приграничной территории. Последние будут выделять территорию с максимально высоким или существенным дополнительным потенциалом приграничья, включая все его составляющие. Например, с известной степенью условности к приграничной территории можно отнести все муниципальные районы юга Дальнего Востока, прилегающие непосредственно к государственной границе с Китаем.

Таким образом, в пределах приграничной территории одной страны реализуется (может реализоваться) значительное влияние приграничной территории другой страны. В процессе многостороннего взаимовлияния и взаимодействия приграничных территорий двух соседних стран происходит формирование особой достаточно целостной двухзвенной территории — международной трансграничной территории [4; 8; 10; 18; 19].

Центральным компонентом последней, общим для обеих ее приграничных территорий, является государственная граница. Последняя в виде ее определенного участка, обозначенного на местности, вместе с ее соответствующим инженерным и инфраструктурным обустройством представляет собой специфическую географическую границу.

В строгом смысле географические границы — это географические структуры, в пределах которых сконцентрированы максимальные различия определенных природных, природно-ресурсных, социально-экономических и геополитических характеристик. При пространственном обобщении, генерализации такие географические структуры чаще всего сводятся к линейному типу [2; 3]. Именно они закреплены на географических картах в межгосударственных договорах о границах.

В целом выделяются два типа географических границ — природные и установленные человеком. К природным географическим границам относят, например, границы между сушей и морем (полоса в пределах суточных приливов), между равнинными территориями и горными (также некоторые зоны предгорий), между отдельными природными зонами, ландшафтами и др. Во всех случаях в реальной действительности существуют не какие-то разделительные линии, а некоторые переходные зоны, пояса, полосы, которые даже не всегда удается однозначно выделить на местности.

Из географических границ, установленных человеком, выделяются, прежде всего, государственные границы между отдельными странами. К таким же границам относятся административные (между районами, поселениями и т.п.), экономические, национально-культурные, нормативные и др.

Географические границы, как специфические географические структуры, всегда выполняют и функции разделения, и функции связи соседних различающихся друг от друга природных, природно-ресурсных и социально-экономических образований, территорий. В этой связи географические структуры, как природные, так и пространственные, социально-экономические, прилегающие с обеих сторон к одной и той же географической границе, выделяются нами как контактные географические структуры [2]. Чаще всего они в той или иной мере пересекаются между собой в зоне географической границы, в ее переходной структуре. Именно в зоне контактных структур происходит взаимодействие и взаимовлияние различающихся между собой приграничных географических структур, их своего рода взаимопроникновение, интерференция.

В качестве специфических контактных географических структур можно рассматривать и территории, прилегающие к государственной границе, в том числе трансграничные. Чем больше происходит различных взаимодействий между приграничными территориями, тем больше эти территории выполняют контактных функций. При этом государственная граница со всеми ее функциональными органами и инструментами играет центральную связующую и регулирующую роль во взаимодействии отдельных звеньев контактных приграничных структур. Именно границы с их определенными свойствами и функциями формируют и определяют характер взаимоотношений приграничных звеньев различных контактных структур, содержание и формы их взаимодействий.

Целостность международных трансграничных территорий усиливается, если в их основе лежат целостные природные и природно-ресурсные системы, например, бассейны рек, озер, пересекаемые государственной границей. Например, для юга Дальнего Востока России — это бассейны рек Амура, Уссури, Раздольной, Туманной, бассейн озера Ханка. Крупными трансграничными регионами являются бассейны морей: Балтийского, Баренцева, Черного и Каспийского, Чукотского, Берингова, Охотского, Японского, Желтого и других. В их основе лежат бассей-

новые геосистемы (экосистемы), включая соответствующие морские акватории и прилегающие к ним территории ряда стран, через которые проходят сухопутные и морские государственные границы. В общем случае такие аква-территориальные трансграничные регионы могут включать в себя и национальные сегменты, в том числе 200-мильные морские экономические зоны, входящие в соседние страны, и международные, являющиеся зонами Мирового океана [13; 16; 17; 18].

Как показывают проведенные исследования [8; 13; 14; 15; 18], для достижения устойчивого природопользования и развития таких территорий и регионов в целом необходима разработка совместных международных программ. В основе последних должны быть совместные комплексные исследования и унифицированные оценки природно-ресурсного потенциала соответствующих территории и акватории [4; 7; 14; 19; 20].

Важными количественными оценками сходства и различий приграничных территорий соседних стран могут быть предложенные нами трансграничные градиенты [4; 16]. Последние в абсолютной (в виде разности) или в относительной (в виде отношения) форме отражают соотношения однородных показателей в приграничных территориях соседних стран. Например, характеристики добычи и использования однородных природных ресурсов, плотности населения, уровня социального обеспечения, экологического состояния окружающей среды и т.п. Полученные нами оценки трансграничных градиентов ряда подобных показателей для юга российского Дальнего Востока и соседних китайских провинций показывают более низкие их значения в социально-экономической сфере и более высокие в экологической.

Две приграничные территории соседних стран соединяют в международную трансграничную территорию особые трансграничные структуры, формирующиеся на основе использования их специфического потенциала, а именно:

- трансграничные транспортные переходы — для разных видов транспорта;
- инфраструктура, формирующаяся при трансграничных транспортных переходах (службы пограничного и таможенного контроля, объекты связи, торговли, сервиса, некоторая рыночная инфраструктура);
- энергетические переходы (например, в Амурской области имеются трансграничные энергомосты, передающие электроэнергию в Китай);
- взаимодействующие в различных видах экономической деятельности компании, группы населения, управляющие органы и др.

Хорошим примером этого являются, например, формирующиеся многофункциональные двухзвенные трансграничные комплексы Пограничный—Суйфэньхэ, Краскино—Хуньчунь, Полтавка—Дунин, Благовещенск—Хэйхэ и др. Каждый из них состоит из пары поселений (а в случае: Благовещенск—Хэйхэ — это крупные города), устойчиво связанных между собой трансграничными транспортными звеньями и выполняющих разнообразные внешнеэкономические функции. В перспективе они могут стать многоотраслевыми трансграничными социально-экономическими системами с особым режимом функционирования и регулирования. Важное место в управлении такими системами должны занимать специальные межправительственные долгосрочные договоры, соглашения, а также международные координационные комиссии из представителей бизнеса и регионального управления.

В отдельных случаях международную трансграничную территорию образуют трансграничные территории трех соседних стран. Уникальным примером этого является международная трансграничная территория в устьевой части р. Туманная, формируемая приграничными территориями России, КНР и КНДР. Именно с этой уникальной территорией, выходящей к Японскому морю, связан известный международный проект регионального развития «Туманган» [15; 20]. Подобная международная трансграничная территория выделяется для зоны стыка государственных границ России (Забайкальский край), КНР и Монголии [5; 13].

Особые связующие, контактные свойства таким международным трансграничным территориям придает наличие транспортных переходов: железнодорожных, автодорожных, а в перспективе — трубопроводов, энергосетей. Здесь резко увеличиваются зоны экономического тяготения, вытягиваясь вдоль транспортных подходов к границе. Трансграничные территории в этом случае начинает выполнять и значительные транзитные функции для всех трех соседних стран.

Необходимо отметить, что приграничная территория, как правило, не является целостной географической системой, так как одна из ее границ, совпадающая с государственной, проведена искусственно и не отражает закономерного изменения структуры и типа функционирования природной и природно-ресурсной среды. Более того, изменение и динамика приграничной территории, как правило, определяются рядом факторов, расположенных по другую сторону границы. Поэтому полный, комплексный анализ приграничной территории возможен лишь с учетом процессов, происходящих на соседней приграничной территории в пределах соседнего государства.

Заключение

Можно выделить ряд подходов к изучению приграничных и трансграничных территорий, районов и потенциалов их развития.

1. Исторический, в рамках которого могут изучаться история формирования государственной границы и этапы развития приграничья какой-либо страны и его потенциала в течение длительного времени.

2. Экономический: оцениваются различные составляющие экономического потенциала (в том числе природного и человеческого капитала) приграничных территорий и их внешнеэкономических связей, предпосылки и проблемы создания в приграничье специальных экономических зон, инстуциональных инструментов, проблемы и перспективы регионального социально-экономического развития и т.п.

3. Географический подход, развивающийся главным образом в рамках социально-экономической и политической географии. Географические исследования направлены на выделение приграничных и трансграничных территорий и регионов, их пространственное структурирование, на оценку их природно-ресурсного потенциала, выделение территориальных социально-экономических структур, на оценку природно-ресурсных, эколого-географических факторов и экономико-географических факторов их долгосрочного устойчивого развития.

4. Геополитический подход: изучаются и оцениваются роль геополитического положения трансграничных территорий в региональном развитии, формирование

и взаимодействие геополитических интересов и геополитических потенциалов соседних стран в их приграничных зонах. Особым предметом исследований могут стать геополитические проблемы, или конфликтные ситуации, существующие или потенциально возможные в тех или иных зонах приграничья.

На основе сочетания этих подходов целесообразен комплексный, междисциплинарный анализ потенциала приграничных территорий и вариантов его более эффективного использования в региональном развитии.

Приграничные территории, образующие трансграничную, рекомендуется рассматривать как специфические парные приграничные территории, а международную трансграничную территорию — как двухзвенную. В общем случае международную трансграничную территорию могут образовывать не две, а три приграничных территории соседних стран, объединенные по основе крупной целостной геосистемы региональной размерности, пересекаемой государственной границей.

При реализации значительных интеграционных предпосылок крупная международная трансграничная территория может рассматриваться в виде трансграничного региона. Последний может включать в себя не только территорию, но и морские акватории. Как показывает исторический опыт освоения подобных трансграничных геосистем — уже сама трансграничность создает объективные предпосылки международного сотрудничества. Это связано с тем, что важнейшим условием эффективного устойчивого развития международной трансграничной территории региона являются стабильные добрососедские отношения между государствами, их стремление к развитию экономических связей, к взаимовыгодному использованию всех составляющих дополнительного потенциала соседних приграничных территорий и акваторий. Все это должно базироваться на долгосрочных международных договорах и соглашениях. Следует подчеркнуть, что чем выше уровень доверия и взаимопонимания между соседними странами, тем эффективнее и устойчивее может быть развитие приграничных территорий и трансграничных регионов.

Литература

1. *Баденков Ю.П.* Трансграничные горные территории в условиях глобализации: Алтайский синдром // Известия РАН. Серия географическая. 2002. №3. С. 21–28.

2. *Бакланов П.Я.* Контактные географические структуры и их функции в северо-восточной Азии // Известия РАН. Серия географическая. 2000. № 1. С. 31–39.

3. *Бакланов П.Я.* Географические границы и трансграничные географические структуры // Проблемы устойчивого использования трансграничных территорий: Материалы междунар. конф. Владивосток, 2006. С. 4–5.

4. *Бакланов П.Я., Ганзей С.С.* Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования. Владивосток: Дальнаука, 2008. — 216 с.

5. *Бакланов, П.Я., Новиков А.Н., Птицын А.Б.* Структурно-географический анализ трансграничных трехзвенных территорий // Доклады Академии наук. 2016. Т. 486. № 1. С. 97–99.

6. *Винокуров Ю.И., Красноярова Б.А.* Региональные программы устойчивого природопользования в контексте международного сотрудничества // Материалы Международной конференции «Проблемы устойчивого использования трансграничных территорий». Владивосток, 2006. С. 4–5.

7. *Ганзей С.С.* Географический анализ трансграничных территорий при разработке программ устойчивого природопользования международных речных бассейнов (на примере бассейна реки Амур) // Вестник ДВО РАН. 2003. № 5. С. 120–130.

8. *Ганзей С.С.* Международные трансграничные территории — как объект географических исследований // География и природные ресурсы. 2004. № 2. С. 11–18.

9. *Колосов В.А., Бибанов К.И.* Международные речные бассейны: географические аспекты взаимозависимости // География и природные ресурсы. 1991. № 1. С. 17–29.

10. *Колосов В.А., Туровский Р.Ф.* Современные государственные границы: новые функции в условиях интеграции и приграничное сотрудничество // Изв. РАН. Сер.: География. 1997. № 5. С. 106–113.

11. *Колосов В.А., Мироненко Н.С.* Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2001. — 479 с.

12. *Колосов В.А., Зотова М.В., Себенцов А.Б.* Барьерная функция российских границ // Известия РАН. Серия географическая. 2016. № 5. С. 8–20.

13. Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран / Отв. ред. акад. П.Я. Бакланов, чл.-корр. РАН А.К. Тулохонов. Новосибирск: СО РАН, 2010. — 610 с.

14. Программа устойчивого землепользования и рационального распределения земель в бассейне реки Уссури и сопредельных территориях (Северо-Восточный Китай и российский Дальний Восток). Б.м., 1996. — 98 с. Парал. рус. кит., англ. яз.

15. Трансграничный диагностический анализ: RAS/98/G31 — Программа развития ООН / Фонд Global Environment Facility — Стратегическая программа действий для р. Туманной / ред. П.Я. Бакланов, С.С. Ганзей, А.Н. Качур. Владивосток: Дальнаука, 2002. — 253 с.

16. Трансграничный регион. Понятие, сущность, форма / Под. ред. П.Я. Бакланова, М.Ю. Шинковского. Владивосток: Дальнаука, 2010. — 276 с.

17. Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего. Владивосток: Дальнаука, 2012. — 406 с.

18. *Федоров Г.М., Корнеевец В.С.* Трансграничные регионы в иерархической системе регионов: системный подход // Балтийский регион. 2009. № 2. С. 32–41.

19. *Kachur A.N., Jin X., Baklanov P.Ya, Ganzei S.S.* et al. Diagnostic analysis of the Lake Khanka Basin (Peoples republic of China and Russian Federation) // UNEP/CRAES/PGI FEBRAS. Kenya: Nairobi, 2001. — 136 p.

20. Transboundary Diagnostic Analysis. Tumen River Strategic Action Program / Ed. by P.Ya Baklanov, S.S. Ganzey, A.N. Kachur. Vladivostok: Dalnauka, 2002. — 231 p.

1. Назовите основные этапы системного исследования региона? В чем заключается «системность» подхода?
2. Какими признаками обладает международный регион?
3. В какой степени Калининград вовлечен в трансграничный Балтийский регион?

Г.М. Федоров, В.С. Корнеевец

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ РЕГИОНЫ В ИЕРАРХИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РЕГИОНОВ: СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД*

Понятие «регион» используется во многих науках, в разных контекстах и имеет столь различное содержание, что при желании практически любая компактная территория может быть названа регионом. Комплексное изучение территории включает огромное количество объектов и явлений, многообразных связей и отношений. Изучаться могут разные аспекты взаимозависимостей с использованием различных методов. Если исходить из позиций системного подхода, регион не может быть ничем иным, как территориальной системой.

Территориальные системы — одно из важнейших понятий географии. Они часто рассматриваются в виде объектов географического исследования. Наиболее общая, комплексная из территориальных систем — геосистема. Согласно Э.Б. Алаеву, впервые термин «геосистема» появился в русском языке, и ввел его в научный оборот применительно к физической географии Б. Сочава (в 1963 г.), а В.С. Преображенский, А.И. Уемов и Г.И. Швебс в 1977 г. предложили рассматривать это понятие как общегеографическое.

В экономгеографии широко используется понятие «территориальная социально-экономическая система» (ТСЭС). Иногда с целью подчеркнуть полный охват всех пространственных проявлений общественной жизни применяется словосочетание «территориальная общественная система». Для наиболее широкой по содержанию ТСЭС в советское время употреблялся термин «район» (экономический район, социально-экономический район). С 1990-х годов его вытеснил термин «регион», который можно рассматривать как часть глобального пространства, обладающую свойствами системности, позволяющими рассматривать регион как единое целое.

К числу теоретически наиболее разработанных в отечественной региональной науке относится понятие территориально-производственного комплекса (ТПК) — долгое время оно было важнейшим понятием советской экономической географии[1]. Его аналогом, но применительно к рыночной экономике, в западной науке служило понятие индустриального дистрикта, который, на наш взгляд, есть не что

* *Федоров Г.М., Корнеевец В.С.* Трансграничные регионы в иерархической системе регионов: системный подход // Балтийский регион. 2009. № 2 (2). С. 32–42.

иное, как территориально определенный кластер. К числу территориальных систем можно отнести также сети (предпринимательские, торговые, транспортные и др.), если они рассматриваются в пространственном аспекте. В отечественной социально-экономической географии традиционно различается зонирование территории (выделение однородных зон) и ее районирование (выявление внутренне целостных районов). Зарубежные исследователи различают однородные (гомогенные) и связные (когерентные) регионы. При выделении гомогенных регионов речь идет о территориях, сходных по какому-либо признаку (этнический состав населения, уровень жизни, сходство демографических процессов и т.д.). Для когерентных регионов главное — внутренние связи, объединяющие регион в единое целое. Использование системного подхода особенно актуально в тех случаях, когда речь идет о когерентных регионах.

Когерентные регионы обладают функциональной структурой, т.е. внутри них можно выделить подсистемы: производственную, социальную, экистическую (расселенческую), демографическую и др. В то же время в качестве самостоятельных ТСЭС выделяются территориально-производственная, территориально-социальная, система расселения, геодемографическая система и др. Пространственно функциональная подсистема региона может не совпадать с соответствующей территориальной системой.

Каждую из ТСЭС, начиная с глобального уровня, можно представить в виде совокупности более частных подсистем — до тех пор, пока не доходим до локального уровня (табл.).

Таблица

Иерархия регионов

Иерархический уровень	**Функциональный тип региона**		
	Политический	**Экономический**	**Социально-культурный**
Глобальный уровень	Мировая политическая система	Мировая экономическая система	Общечеловеческая цивилизация
Мегарегион	Страны НАТО, ЕС, СНГ, ОАГ, Африканский союз, Лига арабских государств и др.	ЕС, СНГ, НАФТА, АСЕАН, ЛАЭС и др.	Восемь мировых цивилизаций С. Хантингтона
Международный макрорегион	Союзное государство России и Беларуси, Бенилюкс, страны Балтии и др.	Балтийский регион, регион Альп и т.п., треугольники роста	Скандинавский, Восточнославянский и др. регионы
Страна	Суверенное государство		
Внутригосударственный макрорегион	Федеральные округа	Крупные экономические районы	Этнические и этнографические общности
Мезорегион	Административно-территориальные образования	Административно-территориальные образования	Социально-территориальные общности
Микрорегион	Муниципалитеты	Внутриобластные районы	Социумы
Локальный уровень	Населенные пункты	Хозяйствующие субъекты	Локальные социумы

При рассмотрении ТСЭС следует учитывать наиболее существенные признаки системы:

- целостность составляющих ее элементов (что ставит задачу пространственного разграничения системы и среды) и существующих внутренних связей (что предполагает обязательное изучение структуры данной системы);
- территориальная близость составляющих систему элементов (компактность системы);
- относительная самостоятельность системы и ее элементов, основывающаяся на принципе неделимости элементов и (на определенном структурном уровне) системы;
- однородность составляющих систему элементов.

В региональных исследованиях элементы могут быть разнородными, но взаимосвязанными. Например, геосистемы включают самые разнообразные природные, экономические, социальные элементы, для которых общим с функциональной точки зрения является только их территориальное местоположение; тем не менее объединяющие их системообразующие связи могут быть не только существенными, но и закономерными. Особенностям климата соответствуют строго определенные виды растительности и животного мира, специфика элементов рельефа определяет возможности размещения хозяйственных объектов, наличие полезных ископаемых — размещение добывающей промышленности и т.д. Научные исследования регионов прошли путь от рассмотрения отдельных сторон явления до обоснования и выделения систем разных уровней общности: от неорганизованной совокупности через выявление неорганических систем с наличием тех или иных связей между их элементами к наиболее завершенным органическим системам с существенными внутренними связями.

Неорганические системы не всегда имеют четко очерченные границы, пограничные территории могут входить одновременно в состав двух или нескольких регионов. Иначе говоря, некоторые элементы одной системы могут входить в состав другой системы того же иерархического уровня. А органические системы отличаются более строгой иерархией и четко очерченными границами. Таковой является, например, иерархическая система политических регионов России (федеральный округ) — субъект Федерации — муниципальные образования второго и, далее, первого уровня).

Системные исследования, предполагающие выделение когерентных регионов, включают ряд последовательных этапов:

1) выделение элементов системы (на основе их однородности, общих свойств и пр.);
2) выявление связей между элементами системы (существенных, в том числе системообразующих, и несущественных связей, их соподчиненности);
3) определение границ системы (на основе общности элементов, компактности их расположения, существенности системообразующих связей);
4) выявление отношений с другими системами того же иерархического уровня (входов и выходов системы);
5) определение места в системе более высокого ранга;
6) установление внутренней структуры системы (выявление функциональной структуры и подсистем более низкого ранга).

Не менее важным, чем рассмотрение объекта исследования как системы, является упорядочение совокупности изучаемых показателей, применение научно обоснованных методов анализа социально-экономических явлений. Последовательное применение системного подхода предполагает, что в качестве системы выступает не только объект, но и предмет исследования. При таком подходе в методике учитываются теоретически обоснованные структурно-функциональные составляющие объекта, принимаются во внимание субординация внутренних и внешних системообразующих связей, иерархия как характеризующих систему показателей, так и воздействующих на нее факторов.

Углубление системных исследований заключается в изучении большего количества разнообразных связей — как внутренних, так и внешних, а также в переходе от территориальных систем низших рангов со сравнительно небольшим числом элементов к сложным системам высших рангов, включающим целый ряд подсистем более низкого уровня.

Относительно регионов, выделяемых в рамках отдельно взятой страны, национальных регионов, имеется довольно много исследований как в нашей стране, так и за рубежом, особенно в ряде стран зарубежной Европы. Но о регионах, охватывающих территории разных стран, — международных (транснациональных и трансграничных) регионах — работ гораздо меньше, и теория регионообразования для регионов, включающих разные страны или отдельные части разных стран, неразработана. Правда, имеются более подробные исследования, касающиеся некоторых видов регионов (еврорегионов, треугольников роста, «больших регионов»), но и их теория находится в зачаточном состоянии.

Следует различать два вида международных регионов — транснациональные и трансграничные. Транснациональные регионы образуются взаимодействием государств (политические и экономические регионы) либо объединяют сходные в каком-то существенном отношении государства (социально-культурные регионы). Трансграничные регионы создаются в ходе сотрудничества административно-территориальных и муниципальных образований соседних государств или, в случае социально-культурных регионов, включают близкие по важным параметрам приграничные регионы стран-соседей.

Признаки международного региона:

- непрерывность территории (включая акваторию), т.е. возможность прямого транспортного сообщения, без пересечения границ региона;
- наличие органов управления (в различных формах и с разными функциями — от совещательных, чьи решения не обязательны к исполнению, до директивных, решения которых оформляются в виде международных договоров, имеющих приоритет перед национальным законодательством);
- относительно тесные экономические (торговля, инвестиции) связи входящих в регион субъектов.

На мега- и макроуровне связи между входящими в трансграничный регион странами являются более тесными по сравнению со связями этих стран с государствами, не входящими в состав региона. Но на мезо- и микроуровнях данная закономерность не прослеживается. Здесь связи между входящими в трансграничный регион субъектами разных стран чаще всего не являются более тесными по сравнению со связями каждого из субъектов региона с другими аналогичными субъектами

соответствующей страны. То есть, например, приграничный муниципалитет обычно имеет более тесные связи с другими соседними муниципалитетами собственной страны по сравнению со связями с муниципалитетами, расположенными по другую сторону границы. Однако они более тесные по сравнению со связями между теми муниципалитетами разных стран, которые не входят в состав трансграничного региона. Иначе говоря, при рассмотрении системообразующих связей принимаются во внимание только трансграничные связи, но не связи входящих в трансграничный регион субъектов с аналогичными субъектами собственной страны.

- Достаточно тесные социальные связи (в сферах культуры, спорта, образования, науки).
- Часто — наличие общей или скоординированной инфраструктуры (транспортной, энергетической).
- Часто — наличие общепринятого наименования региона (Балтийский регион, Средиземноморский регион, регион Альп, Балканы).
- Иногда — этническое сходство.
- Иногда — наличие общего исторического прошлого.

Элементами международных регионов являются разные субъекты — в зависимости от того, о каких регионах идет речь: политических, экономических, социально-культурных.

Социально-культурные регионы образуются на низших уровнях как социумы, социально-территориальные общности; далее речь может идти об этнографических или этнических регионах, затем — о субцивилизационных и цивилизационных территориальных образованиях. Международные социально-культурные (и транснациональные, и трансграничные) регионы образуются там, где соседствуют страны со сходным этническим и (или) религиозным составом населения, зачастую они имеют общее историческое прошлое (нахождение в составе одного государства, выделение в ходе этнической дифференциации из одного этноса и пр.). Это гомогенные регионы, выделяемые по принципу однородности признаков культуры.

Международные *экономические* регионы часто образуются на транснациональном уровне (в ходе экономической интеграции государств на основе международных договоров), включая в свой состав две или несколько стран. Однако не меньшее значение имеют и связи между хозяйствующими субъектами, особенно связи внутри транснациональных корпораций. В таких случаях формируются трансграничные территориальные системы (например, «треугольники роста»).

Субъектами, формирующими *политические* транснациональные регионы, являются государства. Но административно-территориальные и муниципальные образования также наделены определенными полномочиями по реализации международных отношений. В их компетенцию, определенную на национальном уровне, обычно входит право осуществлять приграничное сотрудничество, заключая соглашения с соответствующими субъектами соседних стран, образуя с ними ассоциации и др. Следовательно, их также можно рассматривать в качестве элементов территориальных систем, трансграничных регионов.

Транснациональные политические регионы часто формируются на основе общих политических интересов, институализированных международными договора-

ми (прежде всего, для обеспечения военной безопасности — НАТО, в прошлом — Варшавский договор и т.д.; для согласования и декларации общности политических позиций в международных отношениях — Северные страны, Лига арабских стран, Организация африканского единства). Пример Европейского союза показывает эффективность создания транснациональных регионов на основе формирования единого экономического пространства, что усиливает политическое единство ЕС и способствует появлению элементов социально-культурной общности.

Трансграничные регионы относятся (по большей части) к когерентным регионам, поскольку в основе их формирования лежат именно связи между территориями разных стран, а не близость по какому-либо признаку. Хотя можно привести достаточно примеров соседних приграничных территорий разных стран, некоторые (иногда весьма существенные) признаки которых достаточно схожи между собой. Речь может идти об одинаковом этническом составе населения, близкой хозяйственной специализации или сходстве историко-культурного ландшафта (особенно если территории разных стран прежде относились к одному государству).

Транснациональные регионы состоят из приграничных регионов разных стран. Для приграничных регионов, помимо внутренних социально-экономических и политических связей, характерны четыре типа внешних связей:

1) между приграничными и центральными регионами (как правило, наиболее интенсивные для приграничных регионов, но меньшие по интенсивности по сравнению со связями между центральными регионами);
2) между самими приграничными регионами (практически всегда довольно слабые);
3) транзитные — проходящие через приграничные регионы связи между центральными регионами разных стран;
4) трансграничные связи самих приграничных регионов.

Обычно меньшая интенсивность связей типов 3 и 4 по сравнению с аналогичными связями между внутренними регионами страны предопределяет частый депрессивный характер приграничных регионов.

В то же время приграничные районы уже в силу своего географического положения становятся «зоной контакта» России с внешним миром. Использование этого контактного потенциала, развитие приграничного сотрудничества с регионами соседних стран может и должно стать базой для вывода приграничных регионов России из нынешнего депрессивного состояния.

Вместе с тем взаимодействие любых соседних регионов может оценено неоднозначно. С одной стороны, они часто выступают взаимными конкурентами, поскольку сходные ресурсы и условия их развития обусловливают производство единообразных товаров и услуг на внешний рынок. Так, порты Прибалтики, Северо-Запада России и Калининградской области выступают конкурентами в обслуживании российских внешнеэкономических связей. Российский Калининград и литовская Клайпеда конкурируют в обработке белорусских грузов. Характерна конкуренция туристических макро- и микрорегионов многих соседних стран (от давнего соперничества французской и итальянской Ривьеры до возникновения нового туристического региона во французской Каталонии, который вскоре может стать серьезным конкурентом для испанских побережий Коста-Браво и Коста-

Дорадо). Такими же конкурентами выступают польское, литовское и российское побережья Юго-Восточной Балтики. Однако трансграничные регионы обладают и значительным потенциалом сотрудничества, которое, с одной стороны, может включить в действие мультипликативный эффект концентрации туристических услуг на компактной территории, а с другой — активно использовать имеющиеся различия природных, культурно-исторических и экономических условий для диверсификации производства услуг.

Рассмотрим специфику международных регионов на примере **Балтийского региона**.

Балтийский регион — специфическая международная территориальная система. Специфика состоит в том, что ее элементы — и страны (образующие транснациональные системы), и административно-территориальные образования стран — являются регионами (которые обычно образуют трансграничные системы). Другими словами, речь идет о своеобразной транснационально-трансграничной системе. Уровень ее управления — транснациональный (Совет государств Балтийского моря — СГБМ). Но реализуются управленческие решения, как правило, на региональном уровне — в административно-территориальных образованиях стран региона.

Балтийский регион является транснациональным регионом, поскольку здесь сотрудничают все государства, имеющие выход к Балтийскому морю, а также Норвегия и (в ряде случаев) Беларусь. Сотрудничество координируется СГБМ, где представлены министры иностранных дел стран макрорегиона[2]. Принимаются решения, касающиеся экологии, развития экономических и культурных связей. Поэтому территорию вокруг Балтийского моря можно рассматривать как политический, экономический и социально-культурный макрорегион, хотя и недостаточно интегрированный.

Усиление единства региона достигается также путем сотрудничества административно-территориальных и муниципальных образований, т.е. в ходе трансграничного сотрудничества. В Балтийском регионе такое сотрудничество очень развито, что способствует его формированию как органичной системы с тесными внутренними связями.

Транснациональный Балтийский макрорегион имеет внутреннюю иерархию — здесь выделяется два уровня трансграничных регионов: мезо- и микроуровень.

Мезорегион включает две или более частей стран — их административно-территориальных единиц (например, Юго-Восточная Балтика). В отдельных случаях элементами мезорегиона могут быть малые страны (например, страны Прибалтики).

Микрорегион формируется на основе кооперации муниципальных образований: еврорегионы «Лына — Лава», «Сауле», «Неман» и т.д.

Процесс регионообразования достаточно сложен, и границы регионов одного уровня могут пересекаться, т.е. одна и та же страна иногда может входить в несколько мега- и макрорегионов, как и административно-территориальные и муниципальные образования — в несколько макро-, мезо- или микрорегионов.

Международные регионы, являясь территориальными системами, обладают такими свойствами, как вход и выход системы. Вход может представлять собой общий ресурс (например, Балтийское море для Балтийского региона, туристские ресурсы, трудовые ресурсы и др.). Выход заключается в общей цели: рациональное

использование общих природных, туристских и других ресурсов (например, иногда — трудовых); формирование единой производственной системы, повышение конкурентоспособности сотрудничающих сторон и региона в целом в международной конкуренции, рост уровня и качества жизни населения.

В качестве характерного примера можно привести формирование по инициативе латвийской стороны еврорегиона «Сауле» для содействия реализации проекта строительства автомагистрали Виа Ганзеатика. Эта магистраль должна стать общим ресурсом для латвийской, литовской, российской и польской сторон.

Международные, в том числе трансграничные регионы, как и все другие, обладают различной степенью зрелости: выделяются потенциальные, зарождающиеся, формирующиеся, сформированные и интегрированные регионы (а иногда могут быть дезинтегрирующиеся). Балтийский регион, на наш взгляд, может быть отнесен к формирующимся регионам, поскольку его зарождение началось в Средние века, а для того чтобы стать сформированным регионом, связи между его частями должны быть более интенсивными.

Российские регионы на Балтике хотя и участвуют в различных формах трансграничного сотрудничества, в том числе в таких пространственных формах, как еврорегионы, однако это участие недостаточно активно. Особенно актуально приграничное сотрудничество со странами ЕС для Калининградской области РФ. Область и ее муниципальные образования участвуют в разнообразных формах трансграничного сотрудничества, включая пять еврорегионов. На уровне Балтийского региона выполняются многочисленные проекты программы «Interreg» «Балтийское море» и Программа соседства «Литва — Польша — Калининградская область». На муниципальном уровне в рамках Балтийского региона Калининград входит в Союз городов Балтийского моря. Развиваются связи и на уровне хозяйствующих субъектов, в том числе университетов — Союз ректоров балтийских университетов.

Многочисленные связи, появляющиеся и развивающиеся в ходе реализации международных проектов, касаются преимущественно сотрудничества в социальной сфере (образование, здравоохранение, культура, связи общественных, особенно молодежных, организаций, миграционная политика) и в охране окружающей среды, в развитии общей транспортной инфраструктуры и инфраструктуры туризма, расширении контактов в сфере научных исследований. Однако они косвенно содействуют и экономическим связям — развитию приграничной торговли и международного туризма, формируют общую благоприятную обстановку для создания совместных предприятий, кооперации хозяйствующих субъектов регионов соседних стран в производстве товаров. В Калининградской области развиваются совместные российско-польские и российско-литовские предприятия, российский капитал инвестируется в приграничные регионы Польши и Литвы. Сырье и полуфабрикаты из Польши в значительных объемах поступают на предприятия по производству готовой продукции (мебели, продуктов питания и др.) в Калининградскую область. Калининградский янтарь служит сырьем для производства ювелирных изделий в Польше и Литве (по некоторым оценкам, на его обработке в этих странах занято до 100 тыс. человек). Благодаря развитию разнообразных взаимных связей формируется трансграничный мезорегион Юго-Восточной Балтики, включающий Калининградскую область России, Поморское и Варминьско-Мазурское воеводство Польши, Клайпедский уезд Литвы.

В различных формах трансграничного сотрудничества на Балтике участвуют и другие российские регионы — Санкт-Петербург и Ленинградская область, Псковская область, Республика Карелия.

Для обоснования целей и перспективных форм сотрудничества необходимо разрабатывать теорию трансграничных регионов, обращая внимание на новые пространственные формы международной экономической интеграции, нацеленные на совершенствование региональной политики и внедрение перспективных форм международной экономической интеграции. Теория должна основываться на достижениях отечественной и зарубежной региональной науки, учитывать стратегии Российской Федерации и Европейского союза в отношении друг друга, принимать во внимание интеграционный потенциал российских регионов, отвечать интересам России, обеспечивая развитие экономически выгодной стране международной кооперации и интеграции. Необходимо определить пути повышения активной роли российских регионов, которые должны стать не только партнерами, но инициаторами налаживания взаимовыгодных связей. Приграничные регионы благодаря развивающемуся сотрудничеству могут компенсировать недостатки периферийного положения в своей стране и, используя взаимное дополнение различающихся экономик регионов, расположенных по обе стороны границы, стать полюсами роста экономики стран, участвующих в кооперации.

Примечания

[1] Объектами различных отраслей социально-экономической географии являются также система расселения, транспортная система, рекреационная система и т.д.

[2] В СГБМ представлены 9 стран, имеющих выход на Балтику, а также Норвегия и Исландия.

ГЛАВА 10

Электоральная география

Теория электоральной географии. Географические закономерности голосований

Пространственный электоральный анализ: характеристика метода, возможности кросснациональных сравнительных исследований

1. Какие существуют взгляды на место электоральной географии в политической географии?
2. Каковы эффекты электоральной географии?
3. Какие географические факторы используются для более детального объяснения закономерностей голосования?
4. Что такое джерримендеринг и какое влияние он оказывает на электоральные процессы?

Р.Ф. Туровский

ТЕОРИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ГОЛОСОВАНИЙ*

Электоральная география — одно из традиционных направлений политической географии. Это направление является родственным по отношению к политической регионалистике и региональной политологии, поскольку изучает внутренние политико-географические особенности государства в одном из аспектов — с точки зрения электорального поведения избирателей. Но электоральную географию можно выделить из политической регионалистики, учитывая особый предмет исследования и особые методы. Эта наука развивается независимо от других политико-географических дисциплин. В ее основе лежит *исследование политико-географической дифференциации территории через анализ различий в политических ориентациях населения*. Определить эти различия можно с помощью *сравнительного анализа результатов голосований в территориальном разрезе*, который и является *основным методом* электоральной географии. Таким путем можно исследовать процессы районообразования, формирования региональных политических культур и их границ.

Одной из проблем электоральной географии как науки оказалось определение ее места в рамках политической географии. Есть исследователи, которые считают электоральную географию ядром политической географии, учитывая наличие разработанной теории, интерес как географов, так и политологов к исследованиям электоральных процессов и непосредственное прикладное значение электоральной географии. Однако существует и другая тенденция — считать электоральную географию неорганичной частью политической географии, своего рода исключением. Сторонники таких взглядов говорят о существенных отличиях электоральной географии от традиционных направлений — геополитики, лимологии, географического государствоведения и др. Отмечают, что электоральная география остается достаточно «сырой» наукой в силу своей описательности, разрозненности (из-за привязки каждого исследования к конкретной стране или региону), недо-

* *Туровский Р.Ф.* Политическая география. Смоленск: Изд-во СГУ, 1999. С. 287–300.

статка обобщений и теоретических моделей. Критики электорально-географического подхода полагают, что электоральная география смогла показать и в меньшей степени объяснить территориальные различия в политических ориентациях избирателей западных стран и не более того.

Однако отрицать, что электоральная география как наука давно встала на ноги, уже невозможно. Постепенно накапливается ее теоретический багаж, не говоря уже о многообразии исследований в различных регионах. Электоральную географию можно считать особой ветвью политической регионалистики, которая, подобно региональной политологии, постепенно превратилась в отдельную политико-географическую дисциплину.

1. Теория электоральной географии. Географические закономерности голосований

Нельзя сказать, что в электоральной географии отсутствует своя теория. Дело в другом: многие исследователи территориальных особенностей электоральных процессов не принимают эту теорию во внимание, сосредоточиваясь на описании результатов выборов в конкретных регионах и построении авторских моделей. В то же время на Западе электоральная география давно уже развивается не только как описательное направление, но и как объясняющая наука, имеющая свою структуру. Вслед за новозеландским географом А. Макфэйлом в рамках электоральной географии можно выделить три основных направления:

1) география голосований;
2) исследование географических факторов, влияющих на голосования;
3) география представительства.

География голосований представляет собой наиболее простое и развитое направление электоральной географии. Она сводится к простейшим сравнениям результатов голосований в различных регионах, построению карт, их описанию и элементарному статистическому анализу. Именно с этого направления начиналась электоральная география, и во многом она к нему сводится до сих пор, хотя нельзя не заметить, как усложняются современные электорально-географические исследования. Одним из первых авторов в электоральной географии был французский географ *Андрэ Зигфрид*, выпустивший в 1913 г. работу по географии выборов во Франции. Подход А.Зигфрида называют *экологическим*.

Углубленная интерпретация географии голосования была предложена П. Тэйлором и Р. Джонстоном на основе работ С. Роккана. Эти авторы представляют исследование выборов как аналитическую операцию, имеющую несколько стадий. Во-первых, проводится исследование базовых социально-политических конфликтов в изучаемом обществе. Во-вторых, сложившаяся в данном государстве партийная система анализируется как отражение этих конфликтов. Наконец, в-третьих, авторы изучают социокультурные и территориальные расколы, которые проявляются в процессе голосования и имеют непосредственное географическое выражение. Эту модель электорально-географического исследования называют *моделью расколов*, поскольку она построена на поиске противостоящих друг другу территориальных групп с противоположными типами электорального поведения. Очевидно, что электорально-географический анализ такого типа не может быть

сведен к простым описаниям голосований и их ситуативным объяснениям: автор должен обладать глубокими знаниями политолога.

Приведем в качестве примера цепочку рассуждений С. Роккана, которая может считаться эталонной для электорально-географического исследования. Этот автор выделяет два фундаментальных процесса модернизации в Европе — национальную революцию, которая началась во Франции, и промышленную революцию, которая началась в Великобритании. Эти революции, по его мнению, спровоцировали четыре базовых конфликта — субъекта модернизации с доминирующей традиционной культурой, церкви с государством, промышленности с сельским хозяйством, капитала с рабочей силой. Результатом стало формирование традиционных для Европы партийных систем.

Исходя из своего политологического анализа, С. Роккан выделяет в Норвегии восемь электоральных расколов, каждый из которых имеет географическое выражение. Один раскол отделяет северную периферию страны, которая голосует преимущественно за Норвежскую рабочую партию социал-демократического толка (НРП), от юго-восточного ядра, где наибольшими симпатиями избирателей пользуется консервативная партия Хейре. Второй раскол противопоставляет юго-западную периферию страны (где голосуют за либеральную партию Венстре и Христианскую народную партию) и юго-восточное ядро (сторонники Хейре). Остальные расколы носят скорее социокультурный характер, но все они неплохо выражены на территории. Третий раскол проходит между городом (сторонники Хейре) и селом (аграрная Партия центра). Четвертый раскол разделяет носителей диалекта буксмол (Венстре) и носителей диалекта нюноршк (Хейре). Существовало исторически сложившееся противостояние сторонников сухого закона (Христианская народная партия) и его противников (Хейре). Имеется также раскол между сторонниками традиционной национальной церкви (Хейре) и «раскольниками» (Христианская народная партия). Седьмой раскол связан с конфликтом землевладельцев (Партия центра) с сельскими наемными рабочими (НРП). Аналогичный раскол имеет место в городе: городские рабочие голосуют за НРП, а промышленники за Хейре.

Аналогичная система расколов существует в любом государстве. С ее помощью возможна интерпретация географии голосований. Действительно, зная, на какие социокультурные группы опирается та или иная партия, можно легко объяснить результаты голосования в определенном районе, зная о преобладании там определенной группы, или дать прогноз. Или, наоборот, выявление районов преимущественного голосования за определенную партию позволяет предположить социокультурные характеристики населения этих районов.

Второе направление электоральной географии посвящено выявлению *географических факторов, влияющих на голосования*. Далеко не все можно объяснить с помощью факторов историко-культурного, социально-демографического и экономического характера, которые определяются при анализе расколов. Существуют особые местные условия, которые не вписываются в систему расколов. Поэтому при более глубоком анализе акцентируются местные условия голосований, которые можно описать с помощью географических факторов.

В западной литературе выделяют четыре базовых географических фактора голосований:

1. *Эффект друзей и соседей* (или *голосование за кандидата*). Подразумевается, что кандидат получает дополнительные голоса на своей родине (эффект *малой родины*) или в районах, с которыми так или иначе связан его жизненный путь. Среди избирателей распространено стремление голосовать за земляка, часто вне зависимости от его политических взглядов. Аналогично голосование за партию может объясняться географическим происхождением ее лидеров. Разумеется, связь политика со «своей» территорией должна быть положительной, т.е. подразумевается, что он пользуется авторитетом и оставил о себе хорошую память.

2. *Проблемное голосование.* В каждом районе существует свой рейтинг проблем, которые беспокоят избирателей. Это могут быть проблемы безработицы, мигрантов из других стран, экологии и т.д. Выстраивая стратегию своей избирательной кампании и составляя свою предвыборную платформу, каждый кандидат (или партия) делает акцент на определенном наборе ключевых проблем. В итоге избиратели данного района принимают решение голосовать за ту политическую силу, которая обещает решить их самые наболевшие вопросы. *Фактор проблемного голосования означает, что кандидат (или партия) получает дополнительные голоса в тех районах, где поднятые им проблемы особенно актуальны.* На Западе развит феномен политических сил, поднимающих только одну, но крайне важную проблему (например, Национальный фронт во Франции муссирует проблему нежелательных мигрантов). Таких кандидатов называют *one issue candidate.* Они добиваются большого успеха там, где эта проблема считается местными избирателями жизненно важной.

3. *Эффект избирательной кампании.* Ни одна партия, ни один кандидат не способны вести свою кампанию с одинаковой интенсивностью на всей территории. Кроме того, в этом нет необходимости. Поэтому на результат выборов оказывают влияние наличие территориальной сети организаций данной партии, география предвыборных поездок лидеров и пр. Кампания имеет свою территориальную организацию, которая может быть разработана специалистами или сложиться спонтанно. Это значит, что кандидат (или партия) определенным образом распределяет свои ресурсы по территории, выделяет ключевые регионы, которым уделяется наибольшее внимание, в некоторых регионах у него отсутствует или слаба организационная база, блокирован доступ к СМИ и т.п. *Территориальные различия в интенсивности и эффективности ведения кампании имеют свой электорально-географический результат.* В тех районах, где кандидат сумел «засветиться», он получает дополнительные голоса. Там, где кампания не велась, результат, соответственно, оказывается обратным.

4. *Эффект соседства.* В районах традиционной поддержки той или иной партии часто наблюдается усиление голосования по сравнению с ожидаемым результатом. Наличие явного лидера имеет кумулятивный эффект (или эффект мультипликатора): электоральное «болото» обычно принимает решение голосовать за ту политическую силу, которая пользуется особой популярностью. Можно даже говорить о принятии избирателями коллективного решения, за кого голосовать. Такие коллективные решения характерны для небольших компактных сообществ, называемых соседскими общинами (*neighbourhood*). *Популярность определенной политической силы может усиливаться за счет эффекта мультипликатора в компактных сообществах и распространяться по территории от одного сообщества к дру-*

гому (по схеме диффузии инноваций). Эти особенности географии голосований описываются как эффект соседства.

Указанные факторы характерны для голосования в любой стране мира, поскольку они вскрывают основу электорального процесса. Разумеется, *в каждой стране есть свои местные факторы*. Часть из них определяется с помощью метода расколов. Другие зависят от национальной специфики электорального процесса и могут рассматриваться наряду с базовыми факторами. Например, это может быть существующий в России фактор административного давления, вынуждающего избирателей голосовать за определенную политическую силу (география голосований показывает наличие этого давления и его эффективность).

Третье направление электоральной географии — *география представительства*. В ее рамках исследуется представленность территорий в органах управления, достигнутая с помощью выборов. География представительства напоминает географию власти (и может считаться ее частью), но речь здесь идет только об электоральном процессе и его результатах: какие территории и в каких масштабах представлены в парламенте, какую территорию представляет избранный глава государства.

Введение понятия «география представительства» позволило связать электоральную географию с теорией систем (Р. Джонстон). Теория политических систем была предложена Дэвидом Истоном и применена в электоральной географии Р. Джонстоном и П. Тэйлором. Согласно Д. Истону, политическая система функционирует по линейной схеме «вход — конверсия — выход». По мнению политико-географов, география голосований и исследование географических факторов голосований находятся на входе в электоральную систему. Конверсия связывается с географией представительства.

Наконец, на выходе оказывается *географический эффект выборов*. Под этим эффектом подразумеваются последствия деятельности выборной власти для территорий, т.е. процессы регионального лоббирования, помощи конкретным территориям, усиления их политических амбиций в результате увеличения представительства во власти и т.п. В электоральной системе существует и *обратная связь,* которая позволяет представить модель в виде цикла. Дело в том, что избранному властному органу предстоит переизбрание со своей географией голосований и своими географическими факторами. Поэтому его деятельность строится с учетом данной перспективы, что подразумевает определенную стратегию работы депутатов парламента или президента с территориями во время исполнения полномочий (можно вспомнить политику «бочки солонины»).

Учитывая особенности избирательных систем, в рамках электоральной географии можно выделить два крупных направления, каждое из которых имеет свою методику. Во-первых, это *исследование выборов по пропорциональной системе*, когда избиратели голосуют за партийные списки в рамках одного округа, совпадающего с территорией страны (распределение мест в парламенте производится в соответствии с процентами голосов, поданных за партийные списки). Здесь исследуются территориальные различия в результатах голосования за тот или иной партийный список в регионах страны. Широко применяются построение карт, их описание, объяснение результатов голосований с помощью экологического подхода, метода расколов, анализа географических факторов голосований.

Особым направлением является *исследование выборов по мажоритарной системе*, которое пользуется своей методикой. Во многих странах выборы в парламент проводятся по мажоритарной системе: страна делится на избирательные округа, в каждом из которых большинством голосов избирается депутат — представитель определенной партии или «независимый» (возможны однотуровая и двухтуровая системы). Существует также смешанная система: часть депутатов избирается по мажоритарной системе, часть по пропорциональной.

В рамках исследований выборов в мажоритарных округах существуют две основные темы — *исследование нарезки мажоритарных округов* и *исследование результатов выборов в округах*. Нарезка округов, т.е. определение их границ имеет принципиальное значение для итогов выборов. Ясно, что различные варианты нарезки приводят к различным результатам. Поэтому *в электоральной географии большое внимание уделяется изучению манипуляций границами округов*. Проводятся даже специальные исследования нарезки округов, которые начал известный американский специалист *Ричард Моррил*.

Выделяются две основные разновидности манипуляций границами избирательных округов — *непропорциональное распределение* (*malapportionment*) и *джерримендеринг* (*gerrymandering*). Первое означает *существенное неравенство округов по числу избирателей, что влечет за собой преимущества одной из политических сил на выборах*. Например, границы избирательнных округов могут совпадать с границами административных единиц, которые сильно отличаются друг от друга по числу избирателей. Распространена ситуация, когда городские округа больше по числу избирателей, нежели сельские. В результате политические партии, пользующиеся популярностью на селе, получают дополнительные места в парламенте, в то время как город оказывается недопредставленным. Непропорциональное распределение использовалось националистическими силами в странах Балтии для того, чтобы увеличить представительство коренного населения (составляющего большинство на селе) и, соответственно, понизить представительство русских.

Во многих странах закон ограничивает возможности такой манипуляции, требуя, чтобы округа были примерно равными по числу избирателей (допускаются отклонения не более 10–15%). В США с непропорциональным распределением покончили в 1960-х годах, когда суды настояли на нарезке равных по числу избирателей округов. В современной России на выборах в Государственную думу сохраняются элементы непропорционального распределения, поскольку при нарезке округов используются два противоречащих друг другу принципа. С одной стороны, признается необходимость равенства округов по числу избирателей. Но с другой стороны, считается обязательным, чтобы каждый субъект федерации располагал хотя бы одним округом, а значит, нарезка привязывается к АТД. В результате завышенным оказывается представительство национальных автономий, многие из которых по числу избирателей не «тянут» на полноценный округ (все автономные округа, многие республики).

Джерримендеринг означает сознательное проведение границ избирательных округов в пользу одной партии. Название манипуляции происходит от фамилии губернатора американского штата Массачусетс Элбриджа Джерри, который в 1812 г. санкционировал нарезку округов по выборам в местную легислатуру в пользу республиканцев и в ущерб федералистам. В результате на свет появился округ стран-

ной формы, охватывающий полукольцом пригороды Бостона, который стал первым примером джеррименденинга. Стратегия оказалась успешной: федералисты получили на выборах численное большинство голосов, но эти голоса оказались распылены между округами, и в 29 округах из 40 победу одержали их противники. В знаменитом «странном» округе в окрестностях Бостона были объединены территории с наибольшей поддержкой федералистов. Технология джеррименденинга широко использовалась в штате Миссисипи, который отличается высокой долей негритянского населения. Здесь говорят о расовом джеррименденинге: округа нарезались таким образом, чтобы в каждом из них белые имели относительное преимущество. В результате возможности избрания негров в парламент были минимизированы.

Различают две основные стратегии джеррименденинга — *упаковку* и *распыление*. В первом случае речь идет о выделении небольшой группы округов, объединяющих территории с наибольшим преимуществом партии противника. В этих округах противник побеждает с огромным перевесом. Зато на остальной территории преимущество имеет партия, сторонники которой манипулируют границами округов. Так, голоса федералистов были «упакованы» в округе, с которого началась история джеррименденинга. Стратегия распыления предполагает нарезку округов таким образом, чтобы во всех или почти во всех округах партия, в чью пользу проводится нарезка, имела хотя бы небольшое преимущество. В качестве примера можно привести расовый джеррименденинг в штате Миссисипи. Обычно применяются обе стратегии одновременно. *Идея джеррименденинга состоит в том, чтобы сделать голоса своих сторонников максимально эффективными, приводящими к избранию своего кандидата, и, наоборот, выхолостить голоса противников, чтобы их в каждом округе оказывалось недостаточно для победы*.

В сущности любая нарезка округов дает преимущества той или иной политической силе. Анализ результатов прошлых голосований позволяет говорить об округах, более благоприятных для одной или другой партии, и уйти от этого никак нельзя, как нельзя определить, случайность это или целенаправленная операция. Изменение нарезки округов всегда можно интерпретировать с точки зрения усиления или ослабления той или иной партии, зная, какие районы включены в округ, какие из него выведены. Поэтому говорят о «невинном» джеррименденинге. В США, чтобы снять вопрос о джеррименденинге, даже проводили консультации двух основных партий по поводу границ округов. Однако в результате заговорили о «двухпартийном» джеррименденинге и договорных округах, заведомо отдаваемых той или другой партии. Поэтому тема манипуляций границами округов является «вечной». Определить «невинность» джеррименденинга сложно. Хорошим индикатором манипуляций границами округов может быть отсутствие у округа компактности или территориальной целостности. Округа «странной» формы, тем более разорванные действительно проводятся в чьих-то интересах.

Важнейшим результатом электорально-географического исследования является *электоральное районирование территории*. Одно из ключевых понятий электоральной географии — *электоральная структура*, которой располагает всякая страна, всякая территория. *Под электоральной структурой понимается деление территории на районы преимущественной поддержки различных политических партий и движений*. Разумеется, не все районы ярко выражены: существуют терри-

тории, на которых определенная партия имеет очень относительное, небольшое преимущество, и есть районы, в которых хорошо выражено влияние двух и более партий, ни одна из которых не имеет видимого перевеса. Все это учитывается при анализе электоральной структуры территории. *Простейшая электоральная структура складывается из группы районов преимущественной поддержки различных партий и переходных зон* (если таковые можно выделить). Каждая партия располагает своим *электорально-географическим ядром* — территориями с наиболее высокой и гарантированной поддержкой.

Теория политического районирования предполагает выделение не только «простых», или формальных, районов, определяемых по одному признаку (район преимущественного голосования за определенную партию или группу партий — левых, либеральных, националистических и т.п.), но и синтетических районов, каждый из которых выделяется по комплексу признаков и уникален. В случае с электоральной географией под синтетическими районами подразумеваются *региональные политические (электоральные) культуры*. Выделение таких культур — наиболее сложная операция в рамках электоральной географии, которая требует точного объяснения причин голосований, всех возможных факторов голосований, знания истории и культуры территорий. Каждая региональная политическая культура уникальна, она характеризуется неповторимым набором электоральных характеристик и факторов голосований. *Важнейшая исследовательская операция, «венец» электорально-географического исследования — деление территории на региональные политические культуры, определение их границ.*

В западных странах с демократическими традициями электоральные структуры давно определились, и результаты выборов в различных районах легко предсказуемы (что не исключает изменчивости электоральных структур). Здесь существуют региональные политические культуры, которые имеют свою историю, свои традиции. География выборов во многом зависит от историко-культурных особенностей территории (речь, таким образом, идет о *группе историко-культурных расколов* — между национальными, конфессиональными и др. группами). Например, в Германии начала века география голосования за национал-социалистов очень хорошо коррелировала с долей протестантов в населении, тогда как католические районы голосовали за Партию центра. Всегда выделяются районы проживания национальных меньшинств. Эти районы часто голосуют за свои национальные партии. Так, в Каталонии голосуют за блок «Конвергенция и союз», в Стране Басков — за националистов из Баскской националистической партии и движения «Эрри Батасуна». В Шотландии популярностью пользуется Шотландская народная партия, в Северной Ирландии — Шинн Фейн (политическое крыло Ирландской республиканской армии).

Кроме того, на географию голосований в западных странах влияют социальные различия между территориями (*группа социально-экономических расколов*). Характерна ситуация, когда промышленные районы с высокой долей «синих воротничков» голосуют за социалистические и социал-демократические партии. Например, в Великобритании высокая поддержка лейбористов традиционно характерна для восточных районов Лондона (Ист-Энд), южных районов Уэльса (угольный бассейн) и промышленного района Глазго. Тем временем сельские районы, особенно периферийные, отдают предпочтение консервативным правым партиям, выступа-

ющим с традиционалистских позиций. Во Франции «красным поясом» с высокой популярностью социалистов и коммунистов считаются индустриальные окраины Парижа, в то время как правые партии добиваются успеха в малых городах и селах, отдаленных провинциальных районах. Устойчивым консерватизмом отличается Бретань.

Существуют и другие типы электоральных структур, появление которых объясняется особенностями формирования партийных систем. В частности в Испании оплотом социалистов стала Андалусия — южная часть страны, в которой слабее развита промышленность, очень велика безработица. Электоральная структура на Западе часто зависит от доходов населения. Например, в богатых пригородах Амстердама поддержкой пользуется Народная партия за свободу и демократию, ориентированная на классическую либеральную программу. Националисты добиваются успеха в конфликтных зонах, приграничных районах, на территориях с высокой долей мигрантов, к которым негативно относится коренное население. Ярким примером служит успех Национального фронта во Франции в городах Прованса, в которых оседает поток мигрантов из Африки.

Стабильность электоральной структуры в западных странах весьма условна. Меняется состав населения в районах поддержки той или иной партии, да и сами партии меняют свои программы и адресные группы. Даже в таких странах, как США, региональные культуры могут изменить свою политическую ориентацию. Например, американский Юг, считавшийся оплотом демократов, в конце XX в. постепенно перешел на сторону республиканцев.

Электоральные структуры и региональные политические культуры постепенно формируются и в посткоммунистических странах. Здесь центрами модернизации, поддерживающими праволиберальные партии, становятся крупные города. Тем временем консервативное село, периферия отдает преимущество левым партиям, наследникам прежних коммунистов. Такая ситуация особенно характерна для стран с православной культурой (Сербия, Болгария, Румыния). В то же время в посткоммунистических странах с западно-христианской культурой, в которых социализм не пустил глубокие корни и представления о консервативных и модернизационных партиях не смещены (т.е. консерватизм безусловно ассоциируется с правыми партиями, а не с левыми), электоральная структура быстрее приближается к западной. Например, в Словении село голосует за христианских демократов, промышленные центры за социалистов, а крупнейшие города за либерал-демократов. Похожие электоральные структуры формируются в Чехии и Польше.

Свои географические результаты имеют и демократические выборы в постсоветских странах. И здесь многое зависит как от культурных традиций, так и от социально-экономической ситуации в регионах. Например, для Украины важнейшим является раскол между западом и востоком. Для западных районов характерны высокая популярность националистических сил, европейская ориентация. Ядром западно-украинской политической культуры служит Галичина (Львовская, Ивано-Франковская и Тернопольская области) с ее греко-католическими традициями и минимальным опытом пребывания в составе России, к тому же отягощенным сталинскими репрессиями. Во Львове находятся штаб-квартиры радикально-националистических организаций. За независимость Украины на референдуме в 1991 г. здесь проголосовали 97–99% избирателей, за трех кандидатов-национа-

листов на первых президентских выборах (В. Чорновил, И. Юхновский и Л. Лукьяненко) от 80 до 85% (для сравнения: в следующей за тремя областями Галичины Черновицкой области этот показатель составил всего лишь 49%), на вторых президентских выборах Л. Кравчук во втором туре получил 94–95% голосов. Очевидно, что в Галичине сложилась своя региональная политическая культура, которая отличается даже от политических культур соседних регионов Западной Украины — Волыни, Подолии, Буковины и Закарпатья с их существенно меньшим национализмом. С другой стороны, для восточных районов Украины (Донбасс) и Крыма характерна высокая популярность левых сил и сторонников интеграции с Россией. Можно говорить о крымской политической культуре (учитывая, что в Крыму абсолютно преобладает русское население), донбасской политической культуре и др. Внимание привлекает западно-восточный электоральный градиент, поскольку популярность националистов с запада на восток постепенно падает, в то время как постепенно возрастает влияние левых сил.

1. Каков эвристический потенциал пространственного рассмотрения электоральных процессов?
2. В чем различия натурфилософской и субстанциональной традиции восприятия пространства?
3. Как теория социальных размежеваний описывает электоральное поведение?
4. Назовите институциональные факторы формирования электорального пространства.

А.С. Ахременко

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ: ХАРАКТЕРИСТИКА МЕТОДА, ВОЗМОЖНОСТИ КРОССНАЦИОНАЛЬНЫХ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

Понятие «электоральное пространство» еще только ищет свое место в категориальном аппарате современной политической науки. Пока что по-прежнему господствует его употребление скорее как некоторой метафоры, нежели как научной категории: электоральное пространство мыслится как нечто (якобы) интуитивно понятное и при этом не вполне определенное. В данной работе я сосредоточусь на конкретизации эвристического потенциала электорального пространства применительно к исследованиям выборов в целом и к электоральной компаративистике в частности. Следует отметить особо, что автор рассматривает электоральное пространство именно как методологию, как некий взгляд на электоральную сферу, способный продуцировать новое знание, а не как на «феномен», некий аналог реального пространства. Ценность же любой новой методологии определяется тем, какие научные проблемы могут эффективно решаться с ее помощью. Поэтому остановлюсь на проблемах, которые представляются автору важными на современном этапе развития сравнительных исследований избирательных процессов.

Во-первых, существует проблема чрезвычайного многообразия электоральных процессов в различных странах и регионах мира. В каждом случае исследователь сталкивается с качественно разным набором электоральных альтернатив, предлагаемых избирателям. Они формируются в условиях различных институциональных ограничений, основаны на различных социальных, социокультурных, ценностных размежеваниях, свойственных отдельным сообществам, обусловлены различными взаимодействиями и стратегиями политических элит. Проблема учета такого многообразия возникает уже на уровне научного описания электоральной сферы.

* *Ахременко А.С.* Пространственный электоральный анализ: характеристика метода, возможности кросснациональных сравнительных исследований // Политическая наука. 2009. № 1. С. 32–59.

По существу, отсутствует как методология целостного (и, что крайне желательно, компактного и наглядного) представления электоральных данных для отдельных стран и регионов, так и методология их сопоставления.

Во-вторых, имеет место общая для всей политической науки проблема выбора парадигмы рассмотрения изучаемых процессов. Несмотря на большое многообразие подходов к объяснению электорального поведения (в рамках теории рационального выбора, социологического подхода, теории социальных сетей, партийноидентификационной модели, теории диффузии инноваций, коммуникационных и когнитивных концепций и т.д.), большинство построенных моделей либо демонстрируют слабую согласованность с наблюдаемыми данными, либо обладают очень низкой универсальностью, будучи адекватными лишь для отдельно взятых стран или регионов.

Представляется, что наличие данных проблем обусловлено преимущественно следующими факторами. Каждый из отдельно взятых подходов удовлетворительно объясняет лишь некоторые характеристики электоральных процессов. Последние столь сложны, зависимы от такого большого набора факторов, что их объяснение и предсказание под каким-то одним, жестко заданным теоретическим углом зрения вряд ли представляется возможным. Таким образом, имеется острая потребность в комплексных, интегрирующих подходах, способных соединить в единое целое сильные стороны отдельных теорий электорального поведения и электоральных институтов.

Важной является и проблема перехода от теорий к эмпирическим моделям, проблема операционализации и измерения в электоральной сфере. В избирательном процессе исследователь имеет дело с наборами качественно различных альтернатив, предлагаемых избирателю, с множествами нечисловой природы — классами политических предпочтений. Не существует изначально заданного, «правильного» способа количественно упорядочить эти классы по той причине, что они не являются категориями какого-то признака, обладающего интенсивностью. Если бы на выборах боролись, к примеру, «партия резкого снижения налогов» и «партия плавного снижения налогов», такой признак существовал бы и мог быть основой для установления количественного отношения между классами на порядковом уровне измерения. В еще более фантастической ситуации конкуренции между «партией снижения налогов на 1%», «партией снижения налогов на 2%» и т.д. появилась бы возможность установить строгое количественное (интервальное) отношение между классами предпочтений. Однако в действительности ничего подобного не происходит, и очень высоки риски введения произвольной, недостаточно обоснованной, не вытекающей из природы изучаемой реальности системы измерений.

С точки зрения автора, одно из перспективных направлений в решении обозначенных выше проблем лежит в русле разработки методологии пространственной интерпретации электоральных процессов. Прежде всего, пространство по сути своей есть некая целостность; рассмотрение определенного фрагмента реальности как некоторого пространства изначально предполагает возможность (и необходимость) соотнесения положений находящихся в нем объектов, установления определенных отношений между ними. Применительно к электоральной сфере в качестве таких объектов могут выступать политические партии, кандидаты, избиратели; для них могут быть определены расстояния (скалярная характеристика) или направления (векторная характеристика). Рассматривая множество объектов

и их отношений как электоральное пространство, мы обеспечиваем целостное восприятие изучаемого сегмента политической реальности.

Концентрация внимания на отношениях между объектами позволяет выявлять структурные характеристики электоральных процессов. Представление электоральной конкуренции в виде единой структуры пространственных отношений предоставляет принципиально новые возможности ее компактного и наглядного научного описания. Здесь следует отметить, что именно пространственное представление способно обеспечить максимальный уровень наглядности (по крайней мере, это справедливо для пространств размерности от одного до трех). Это связано с тем, что для человеческого сознания пространственное восприятие является наиболее «естественным», — именно так мы с рождения видим окружающий мир.

Кроме того, применительно именно к электоральному процессу пространственное рассмотрение обладает особым эвристическим потенциалом, так как оно отражает ряд его сущностных черт. Особенно характерно в этом смысле понятие «позиционирование», отражающее одну из ключевых составляющих электоральной конкуренции. Оно является «пространственным» по своей сути: позиционирование предполагает определение места политической партии по отношению к конкурентам, близости или удаленности по отношению к ним, «дистанцию» по отношению к власти, а также позиции партии в системе идеологических, ценностных размежеваний, по вопросам текущей политической повестки дня.

Принципиально важно, что пространство «есть объединение мест в некотором однотипном отношении»[1], что обусловливает сопоставимость различных пространств и структур пространственных отношений между собой. Это имеет особое значение с точки зрения проблем электоральной компаративистики: пространственная методология способна обеспечить некоторое однотипное, интерпретируемое в единой системе понятий представление электоральных процессов в совершенно разных сообществах. Речь идет, разумеется, не об идентичности электоральных пространств, а об их сопоставимости через структурные характеристики.

«Пространственный» подход необходимо предполагает фиксацию положений объектов с помощью некоторой системы координат. При этом содержательная политологическая интерпретация координатных осей электорального пространства может быть различной для разных государств и регионов. Таким образом, прирост научного знания может быть получен как путем сопоставления электоральных структур (пространственных отношений объектов), так и посредством сопоставления фиксирующих эти структуры координатных систем.

Рассмотрение электоральных процессов в пространственных понятиях сразу концентрирует внимание исследователя на проблеме измерения, введения метрических отношений. В этом смысле концепт «электоральное пространство» обладает некоторой «стартовой операциональностью». Количественная фиксация положения объектов относительно определенной системы координат обеспечивает целый ряд исследовательских возможностей в области построения формализованных моделей.

Представляется, что на сегодняшний день весь этот потенциал концепта «электоральное пространство» реализован явно в недостаточной степени. Наиболее активно данное направление развивалось в рамках американской политической науки под названием «*spatial elections*». Данная традиция, развивающаяся

в русле теории рационального выбора, рассматривает электоральное пространство через соотнесение политических позиций партий / кандидатов с политическими позициями избирателей, причем оба типа позиций представляются как объекты в некотором *n*-мерном пространстве. Измерения последнего представляют собой вопросы политической повестки дня и/или общие идеологии (левые — правые, консерваторы — либералы и т.д.), либо шкалы интенсивности поддержки общих идеологий и/или конкретных политических курсов.

Достижения исследователей, работавших в этом направлении, бесспорно, значительны[2]. Однако особенности «материнской» для него теории рационального выбора породили также целый ряд теоретико-методологических и практических проблем. Так, чрезмерная тяга к универсальности, игнорирование политико-культурного многообразия привели к «засилью» одномерного лево-правого континуума, до которого редуцируется все качественное многообразие электоральных альтернатив. Присущий теории рационального выбора дедуктивный метод научного мышления стал причиной слабой опоры на эмпирические данные, на стремление «сконструировать» электоральное пространство исходя из самых общих соображений. Слабо учтена оказалась и институциональная специфика различных электоральных систем. Наконец, теория рационального выбора полностью игнорирует социальные и социокультурные основы структурирования электорального пространства, индивидуальные для разных сообществ. В результате вместо центральной для компаративистики проблемы — выявления различий — на первый план вышла обратная по своей сути задача — «свертка» разнообразия до единой шаблонной схемы.

Немногочисленные работы отечественных авторов на эту тему сосредоточены на попытках концептуализации самого понятия «электоральное пространство» и практически не рассматривают проблемы его инструментализации и операционализации[3]. Поэтому содержащиеся в этих работах идеи, которые представляют несомненный интерес, пока что практически не протестированы на реальных данных электоральных процессов.

Далее будут изложены авторское понимание сути пространственного рассмотрения электоральных процессов, характеристика методологии и конкретного методологического инструментария анализа электоральных пространств различных стран и регионов.

Прежде всего, я считаю единственно возможным рассмотрение электорального пространства как некоторой совокупности отношений между объектами. Такой взгляд восходит к так называемой релятивистской натурфилософской традиции (Аристотель, Лейбниц, Эйнштейн и др.), противостоящей традиции субстанциональной (Демокрит, Ньютон), приписывающей пространству самодостаточность, независимость от тел и их взаимодействия. Представление о пространстве как «вмещающей пустоте» не несет в себе никакой информации, к тому же отрицает и возможность существования разных типов пространства[4]. Реляционный же подход с его пониманием пространства как определенной упорядоченности объектов уже содержит в себе важнейшую идею структурности пространства. В рамках социальных наук она очень четко сформулирована П. Бурдье, который определяет социально-политическое пространство как «ансамбль невидимых связей»[5]. Принципиально важно, что основой структурирования такого пространства являются различные дифференциации, — по сути, поляризации (характерно в этом смы-

сле широкое использование П. Бурдье понятия «бинарная оппозиция»). Таким образом, дифференциации и поляризации определяют геометрию пространства, и здесь Бурдье употребляет физический термин «поле» (а поле есть не что иное, как геометрия пространства, его векторная структура). Социально-политическое пространство представляется П. Бурдье как некоторая «принуждающая» структура, где векторы отдельных действий акторов не произвольны, но направлены вдоль неких «силовых линий», создаваемых «напряжением» между полюсами социальных и ресурсных дифференциаций (как в элементарной физике поле, создаваемое полюсами магнита, определяет расположение металлических стружек). В то же время агенты способны играть и активную роль, воспроизводя и преобразовывая «силовые поля» социально-политического пространства, — эта идея также очень важна.

В целом релятивистский подход тяготеет к представлению о пространстве (поле) как некоторой структуре, упорядоченности отношений между объектами. Более конкретным и в наибольшей мере «пространственным» видом отношений между объектами является расстояние, дистанция. Представление о расстоянии вытекает из базовой «пространственной интуиции» различения мест, протяженности. Здесь имплицитно заложено представление о первостепенной важности различий в пространственном положении объектов. В то же время понятие расстояния естественным образом приводит к понятию измерения — некоторой «оси», «вектора», по отношению к которому расстояние может быть зафиксировано. Совокупность измерений образует систему координат, дающую возможность количественно определить пространственное положение объектов.

Понимание социального и политического пространства как структуры теснейшим образом перекликается с представлениями о пространстве, выработанными современной математикой. Выдающийся российский математик А.Д. Александров определял пространство как логически мыслимую форму или структуру, в которой фиксируются отношения[6]. Практически тождественно определение пространства как множества с заданной структурой, понимаемой, прежде всего, как упорядоченность отношений между парами объектов. Так, математической структурой является таблица умножения, где каждой (теоретически) паре натуральных чисел сопоставлено их произведение. В общем случае ввести на множестве структуру (т.е. превратить его в пространство) означает определить способ указать для каждой пары элементов некоторое отношение, в общем случае количественное. Это может быть сделано посредством некоторого закона (функции) или посредством матрицы парных сравнений вида:

$$A = \begin{pmatrix} a_{11} \dots a_{1n} \\ a_{21} \dots a_{2n} \\ \dots \dots \dots \\ a_{n1} \dots a_{nn} \end{pmatrix},$$

где элемент a_{ij} определяет результат сопоставления объектов O_i и O_j в смысле некоторого заданного отношения (для пространства это, прежде всего, расстояние) между ними. Такое представление кажется достаточно абстрактным, однако по сути своей оно очень простое; оно фиксирует сущностные аспекты «пространственного» как такового и намечает практический путь операционализации понятия «электоральное пространство».

Таким образом, на самом общем уровне мы определяем электоральное пространство как множество электоральных объектов (в общем случае — политических партий и кандидатов) с заданной на нем структурой, понимаемой как количественная упорядоченность пространственных отношений между такими объектами. Пока что данное определение звучит достаточно абстрактно, однако уже сейчас можно говорить о том, что введение такого определения ставит две основные задачи.

1. Определение структуры на исходном электоральном множестве нечисловой природы, что предполагает обоснованный выбор системы координат (векторного базиса).

2. Разработка политологической интерпретации полученных структур, для чего необходим комплекс релевантных политологических теорий, с опорой на которые мог бы быть определен набор факторов, влияющих на структуру электорального пространства.

С моей точки зрения, решение данных проблем в значительной мере лежит в понимании специфики электорального процесса как протекающего на пересечении социальной (социокультурной) и собственно политической сфер. Электоральные процессы в значительной мере уникальны, и эта уникальность связана прежде всего с массовостью политического участия граждан. При голосовании большинство обычных граждан становятся субъектами принятия политического решения. В повседневности (за исключением ситуаций массовых политических кризисов, революций и т.д.) граждане в очень слабой мере «принадлежат» сфере политики, — во всяком случае, подавляющее большинство не играет в ней активной роли. Во время выборов эта ситуация существенным образом меняется: возникает феномен массового политического участия. Однако, входя на выборах в сферу политики, избиратель не утрачивает своих социальных характеристик. Фактически электоральное пространство возникает «на стыке» социальной и политической сфер; в процессе голосования они как бы взаимно «проецируются» друг на друга. Таким образом, возникает вопрос о поиске социальной и социокультурной основ определения системы координат и структурирования электорального пространства.

Другая идея состоит в том, что центральную роль во внутренней организации электорального пространства играют различия. Политический выбор, как и выбор вообще, строится на отличении одного объекта от некоторого другого. Более того, огромную роль в политической жизни вообще и в электоральном процессе в частности играет прямое противопоставление социальных групп, политических ценностей, идеологий, представляющих их политических акторов. Сама идея политического и электорального позиционирования предполагает четкое указание отличий данного кандидата или партии от оппонентов, которые обеспечивают избирателю возможность легко обнаружить «своего» кандидата или партию, не прибегая к высокоточным измерениям политических дистанций.

Таким образом, для концептуализации понятия «электоральное пространство» требуется политическая теория, которая: 1) учитывает сопряженность социальной и политической сфер в электоральном процессе; 2) оперирует дифференциацией и поляризацией как ключевыми концептами понимания политики. Вполне логичным выглядит выбор в качестве таковой теории социальных размежеваний С. Липсета и С. Роккана[7]. Она достаточно хорошо освещена в научной литературе[8], поэтому ограничимся перечислением ключевых идей с некоторыми дополнениями (выделены курсивом), которые, как нам представляется, придают ей большую гибкость:

- социальное размежевание есть структурный конфликт между социальными группами; при этом один и тот же индивид не «привязан» к какой-то одной группе, а существует сразу в нескольких расколах. Основой социального размежевания могут выступать как объективная социальная характеристика, так и ценностные ориентации. В последнем случае речь идет о социальных размежеваниях, исторически зафиксировавшихся на уровне менталитета как политически значимые. В этом случае корректно говорить о социокультурных размежеваниях;
- ключевые социальные размежевания складывались исторически на протяжении десятков и сотен лет. В современных, особенно переходных обществах появляются новые размежевания, обладающие значительно большим динамизмом. При этом «классические» расколы в большинстве случаев не утрачивают своего значения[9];
- социальные размежевания «транслируются» в политическую систему посредством партий, которые позиционируются «на полюсах» таких размежеваний; программы и электоральные стратегии партий в значительной мере заданы их ролью «артикуляторов» социальных размежеваний. В то же время сами партии (элиты) способны влиять на структуру расколов, артикулируя те или иные позиции в рамках своих стратегий как рациональных акторов. Возможна ситуация возникновения «непредвиденных эффектов», когда актуализация социального раскола не вытекает напрямую из рациональной стратегии партии (элиты).

Итак, устойчивые различия между социальными группами (как в плане объективных характеристик, так и в плане ценностей) выступают одним из основных факторов, влияющих на структурирование электорального пространства. Социальные и социокультурные дифференциации формируют два «базовых уровня» нашей теоретической модели. «Глубже» всего залегают собственно социальные различия; социокультурные размежевания являются производными от социальных в том смысле, что последние составляют основу первых. Однако далеко не все социальные различия приобретают социокультурный характер. Так, в любой стране или регионе каждый индивид обладает множеством социальных характеристик, отличающих его от одних индивидов и сближающих с другими. Однако — в силу особенностей исторического развития, включая традиции взаимоотношений между группами по поводу власти, — часть социальных характеристик «актуализируется», приобретает ценностно-политическую составляющую. Поэтому социокультурные размежевания можно отнести уже к группе социально-политических факторов.

Сказанное выше не означает социальной детерминированности электоральных структур; связь между размежеваниями социального и электорального уровней носит сложный характер, между ними не устанавливается взаимнооднозначного соответствия. В разных условиях — институциональных, конкретно-политических — одному и тому же социальному размежеванию могут соответствовать содержательно различные конфигурации электоральных альтернатив. Следовательно, необходимо принять во внимание действие собственно политических факторов на структуру электорального пространства.

Важными собственно политическими факторами структурирования электорального пространства являются институциональные ограничения и стратегии политических элит. Можно рассматривать их во взаимосвязи, так как в политике

роль институтов двояка. С одной стороны, они выступают в качестве ограничителей для действующих политических акторов, вводя их активность в определенные, как правило, достаточно жесткие рамки. Одновременно институты являются инструментами влияния элит на политический процесс: преимущество получает тот актор, который способен управлять институциональным дизайном.

Ключевыми институциональными факторами формирования электорального пространства являются:

1) характер ограничений, формально и неформально накладываемых на процесс создания и деятельности политических партий (законодательно оформленные или неофициально предписываемые властной элитой запреты на трансляцию в публичное политическое поле тех или иных размежеваний). Так, в России действует законодательный запрет на создание партий на этнической или конфессиональной основах;

2) дизайн избирательной системы. С одной стороны, он влияет на партийную фрагментацию. Пропорциональная электоральная формула, низкий уровень заградительного барьера, большая величина округа способствуют политической актуализации большего числа социальных различий и, соответственно, более высокой размерности электорального пространства. С другой стороны, дизайн избирательной системы влияет на доминирующие типы стратегии электоральной конкуренции, другими словами — на содержательные характеристики тех социальных различий, которые транслируются в политическую систему. Например, пропорциональная формула увеличивает число партий со «связывающей» (*bonding*) стратегией[10], основанной на установлении тесной связи между партией и ее электоратом, представленным конкретными, достаточно четко очерченными социальными группами. Такие партии наиболее четко актуализируют социальные размежевания (Венгерская гражданская партия в Словакии, Аграрная партия России и т.п.).

Стратегии политических элит определяются как институциональными факторами, так и их внутренней конфигурацией, особенностями текущей политической ситуации, ресурсными возможностями; это наиболее «подвижная» составляющая модели структурирования электорального пространства.

Все эти факторы электорального пространства могут быть логичным образом структурированы в виде «пирамиды»[11]. Ее базовый уровень составляют социальные размежевания; их множество, и далеко не все из них актуализуются в электорально-политическом плане. Поэтому их влияние на структуру электорального пространства является опосредованным. Второй уровень формируют социокультурные размежевания, которых существенно меньше и которые уже более непосредственным образом влияют на электоральное пространство. Факторы первого и второго уровней «пирамиды» носят долгосрочный (и даже сверхдолгосрочный) характер: они определяют устойчивые структурные характеристики электорального пространства. Третий уровень образуют институциональные ограничения, которые обладают уже менее долгосрочным характером действия. Наконец, последний уровень составляют стратегии политических элит — наиболее изменчивая группа факторов, вносящая наибольший вклад в структурную динамику, изменение электоральных структур во времени (рис. 1).

Региональная и страновая специфика, связанная с различиями в социальных расколах, институциональном дизайне, стратегиях элит, с различными сочетания-

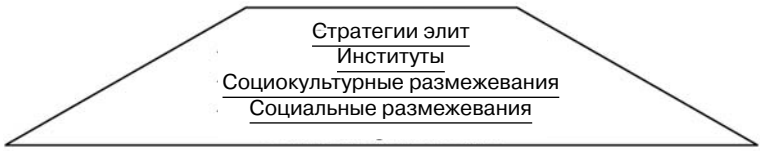


Рис. 1.

ми этих факторов, может порождать и во многих случаях порождает принципиальные различия в структурах электорального пространства. Это обеспечивает широкие возможности для пространственной методологии изучения электорального процесса как методологии сравнительных исследований.

Далее перейдем к задаче обнаружения и формального описания структур электорального пространства. В противовес теории рационального выбора мы предлагаем путь, основанный не на дедуктивной, а на индуктивной логике. Он заключается в «извлечении» координатной системы электорального пространства из эмпирических данных, а не в произвольном привнесении ее извне.

Еще до всякого эмпирического исследования интуитивно ясно, что пространственные представления электорального процесса будут различными для разных политических общностей и во многих случаях для одних и тех же политических общностей в разных электоральных циклах. Сторонники традиционного дедуктивного подхода могут усмотреть в этом недостаток: якобы исчезает некая единая структура, на основе которой можно сопоставлять электоральное поведение различных стран и регионов. Однако на самом деле индуктивно-эмпирический подход, базируясь не на универсалистской, а на «социокультурно-индивидуализированной» парадигме, является гораздо более мощным инструментом сравнительного анализа. Он не предполагает попытки непременно «привести к общему знаменателю» качественное разнообразие электоральных процессов, но позволяет увидеть по-настоящему принципиальные различия между ними.

Как было отмечено выше, чтобы обнаружить упорядоченные структуры в электоральном пространстве, нужно найти соответствующие им структуры в обществе. То есть требуется некий способ проецирования социальных различий на объекты электорального выбора. Первым шагом в данном направлении является разбиение множества избирателей на соответствующие социальным группам подмножества, которое дополняет уже имеющееся деление на классы электоральных предпочтений[12]. В наших исходных эмпирических данных можно перейти от табл. 1 (матрицы) к табл. 2:

В каждой ячейке таблицы дано произведение (пересечение — $\cap$) подмножеств поддержки той или иной партии и подмножеств принадлежности к социальной группе. Проще говоря, указано, сколько избирателей принадлежит одновременно к электорату определенной партии и к определенной социальной группе (например, подмножество $S = M \cap C$ может обозначать избирателей, голосующих за КПРФ и одновременно проживающих в сельской местности, или группу голосующих за Демократическую партию и одновременно принадлежащую к испаноговорящим американцам). Такие таблицы получили в математике и статистике название матриц сопряженностей. В результате их использования мы получаем

возможность рассматривать качественные классы «голосующие за партию *N*» как переменные, принимающие различные значения в случаях, соответствующих различным социальным группам. При этом требуется, чтобы разбиение на социальные группы осуществлялось таким образом, чтобы соблюдалось следующее ключевое правило: колебания уровня электоральной поддержки от одной социальной группы к другой должно быть вызвано по преимуществу не случайными факторами, а объективными различиями между социальными группами, влияющими на электоральное поведение.

Таблица 1

Множество партий (кандидатов) $Y=A+B+C+...+N$				
Партия *A*	Партия *B*	Партия *C*	Партия …	Партия *N*
подмножество из *a* избирателей (число голосов)	.. из *b* избирателей	.. из *c* избирателей	.. из … избирателей	.. из I*n* избирателей
множество избирателей $X = a + b + c + ... + n$				

Таблица 2

	Партия *A*	Партия *B*	Партия *C*	Партия …	Партия *N*
Группа *D*	$A \cap D$	$A \cap B$	$A \cap C$	...	$A \cap N$
Группа *E*	$E \cap A$	$E \cap B$	$E \cap C$	...	$E \cap N$
Группа ...	…	...	...	...	...
Группа *M*	$M \cap A$	$M \cap B$	$M \cap C$	...	$M \cap N$

В каждом конкретном исследовании может быть выбрана индивидуальная система признаков сегментации множества избирателей для анализа электорального пространства в зависимости от объекта и предмета исследования. Однако существует один признак, который можно считать до определенной степени (но лишь до определенной степени) универсальным. Это признак территориально-политический, связанный с разделением множества избирателей согласно их принадлежности к составляющим государство территориальным единицам, регионам. Прежде всего это обусловлено тем, что в странах, где выборы носят хотя бы квазидемократический характер, почти всегда наблюдаются — как правило, весьма существенные и устойчивые — различия в электоральной поддержке партий и кандидатов по территориям.

Важной особенностью использования территориально-политической группировки является также сам характер эмпирических данных — электоральной статистики. Последняя представляет собой суммарные, агрегированные данные, полученные «сплошным» (в противовес выборочному, применяемому в социологических исследованиях) способом. Электоральная статистика — обобщение волеизъявления всех избирателей, принявших участие в выборах (как правило, многих миллионов). Любая иная группировка может строиться только на основании количественных социологических исследований, максимальная выборка в которых не превышает нескольких тысяч респондентов. Даже с учетом отдельных фальси-

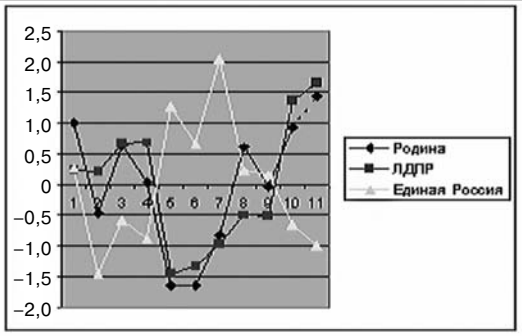
фикаций результатов голосования, вносящих погрешности в данные электоральной статистики, по охвату избирателей она имеет колоссальное преимущество перед данными социологических опросов.

Ключевой недостаток построения электорального пространства на основе электоральной статистики вполне очевиден. Он заключается в том, что территориальная принадлежность избирателя в большинстве случаев не является самостоятельным «эксплицированным» фактором электорального поведения. Как правило, принадлежность к определенной территориальной или территориально-политической общности отражает комплекс скрытых, латентных факторов, которые еще предстоит обнаружить. Политико-географические сообщества сами представляют собой объекты в многомерном социально-географическом пространстве и характеризуются множеством признаков. Влияние каких из этих признаков является решающим, необходимо уточнять с помощью дополнительных исследований. Такой проблемы не возникает при анализе социологических данных, где сегментирующие признаки вполне конкретны, «эксплицированы» (если исследователь видит, что признак «возраст» хорошо структурирует электоральные предпочтения, ему, как правило, не нужно искать какой-то другой признак, «стоящий за» возрастом).

Однако данная проблема несет в себе и огромное преимущество электорально-статистических данных, взятых в территориальном разрезе: здесь мы имеем некоторое естественное разделение индивидов на группы, порожденное естественной общностью условий их существования. Территориальная общность (во всяком случае, формальная) имеет как минимум «собственную» власть, что уже является очень сильным фактором восприятия политики в целом. Территориальные группы зачастую связаны общими культурными стандартами и коллективными идентичностями, структурой коммуникационных потоков, характером социальных сетей, родом деятельности и т.д.

Итак, дополнив партийно-политическую сегментацию избирателей их сегментацией на территориальные сообщества, есть возможность рассматривать поддержку каждой партии или кандидата как отдельную переменную, каждая из которых пробегает идентичный набор случаев (регионов). Аналогичным образом можно рассматривать каждый объект электорального выбора как вектор с набором компонент или точку с набором координат (и компоненты, и координаты определяются значениями, которые поддержка партии приобретает в каждой из анализируемых групп — регионов). Теперь есть все основания для нахождения структуры электорального пространства через поиск парных отношений между объектами электорального выбора. Так, если рассматривать объекты электорального выбора как точки, следует искать расстояния между ними в многомерном пространстве. Если рассматривать их как векторы, логичной является характеристика их взаимной направленности. В современной математике и статистике существует целый ряд различных функций (как метрических, так и неметрических), позволяющих решить эту задачу. Не имея места в данной работе для подробной характеристики математического дизайна, укажем, что наиболее перспективными автору представляются метрика Хи-квадрат (χ^2) и корреляционные отношения[13].

«Физический» (точнее, политологический) смысл нахождения матрицы парных отношений вида (1) кратко проиллюстрируем на примере корреляций. На графике ниже (рис. 2) представлены центрированно-нормированные вариации трех



	«Родина»	ЛДПР	«Единая Россия»
«Родина»	1	0,849	-0,566
ЛДПР	0,849	1	-0,789
«Единая Россия»	-0,566	-0,789	1

Рис. 2

переменных, соответствующих электоральной поддержке «Единой России», «Родины» и ЛДПР (по ряду регионов России на федеральных выборах 2003 г.), а также корреляции между ними (рис. 3).

Так, можно видеть, что переменные, соответствующие поддержке «Родины» и ЛДПР, на данном массиве варьируют сходным образом: возрастанию значений одной переменной как правило соответствует возрастание значений другой, равно как понижению значений одной — понижение другой. В данном случае наблюдается высокий положительный коэффициент корреляции. Совершенно иная ситуация с поддержкой «Единой России», направление вариации которой в основном противоположно и «Родине», и ЛДПР (отрицательная корреляция). Логично предположить, что если вариации переменных однонаправлены, то:

1) они «регистрируют» одни и те же социальные различия (межрегиональные дифференциации одного и того же социального признака или похожего комплекса признаков);

2) дифференциация по данному социальному признаку (комплексу признаков) сходным образом (с одним и тем же «знаком») влияет на поддержку обеих партий.

Другими словами, вариация данного признака будет положительно связана с вариациями поддержки обеих партий. В результате мы можем с высокой вероятностью констатировать: а) пребывание их в одном и том же измерении электорального пространства; б) близость партий в данном измерении. Если вариации переменных «противоположны», то:

1) как и в предыдущем случае, они «регистрируют» одни и те же социальные различия (межрегиональные дифференциации одного и того же социального признака или похожего комплекса признаков);

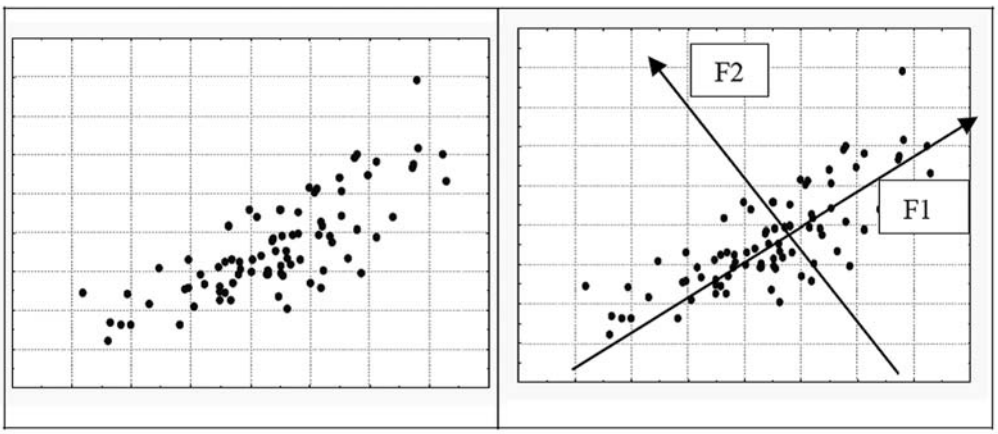


Рис. 3

2) дифференциация по данному социальному признаку (комплексу признаков) противоположным образом (с разными знаками) влияет на поддержку обеих партий.

На этом основании мы предполагаем: а) пребывание партий в одном и том же измерении электорального пространства; б) их удаленность в этом измерении. В примере выше близки друг к другу «Родина» и ЛДПР, и обе эти партии далеки от «Единой России».

В случае отсутствия сколько-нибудь выраженной связи вариаций поддержки двух партий мы считаем их принадлежащими разным измерениям электорального пространства. Соответствующие им векторы перпендикулярны, и коэффициент корреляции близок к нулю (заметим, что коэффициент корреляции представляет собой не что иное, как косинус угла между многомерными векторами; $\cos 90^{\circ} = 0$).

Матрица парных отношений между объектами электорального выбора фиксирует их пространственную структуру, однако она не обладает свойством наглядности. Продемонстрировать ключевые структурные характеристики электорального пространства в «концентрированном» виде позволяют методы снижения размерности данных. Автор в своих исследованиях использует преимущественно методы главных компонент (*principal components*) и анализа соответствий (*correspondence analysis*)[14]. Принципиальную идею метода главных компонент проиллюстрируем на простейшем схематичном примере.

Рассмотрим случай двух переменных, т.е. двухмерное пространство (плоскость). Если мы геометрически представим множество объектов в таком пространстве в виде точек (рис. 3), то сможем построить вектор, направленный вдоль вытянутости эллипсоида, характеризующего геометрическую тенденцию связи переменных. Такой вектор будет «объяснять» основную долю дисперсии (изменчивости) исходных признаков. Проекция точек на этот вектор даст новую переменную, которая будет обладать максимальной изменчивостью. Она определяется как первая главная компонента (или фактор) и становится осью *OX* в новой системе координат. Далее перпендикулярно первой главной компонен-

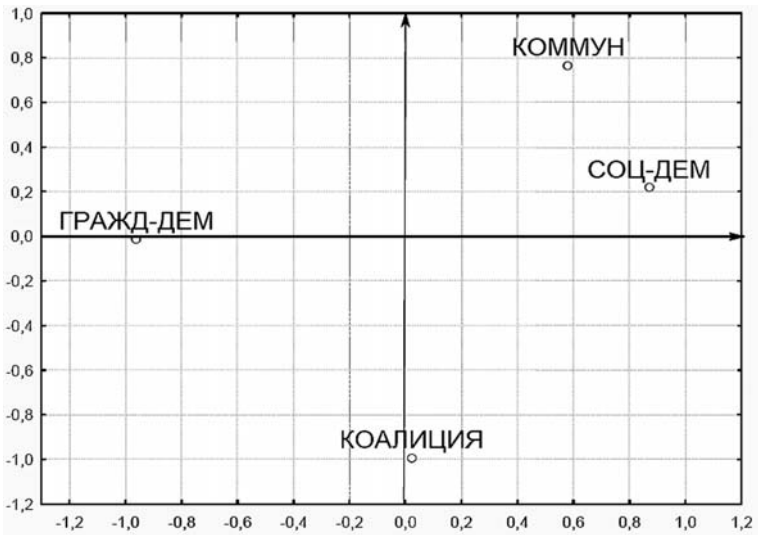


Рис. 4

те строится вторая главная компонента — вектор, максимизирующий остаточную дисперсию, не объясненную первой главной компонентой. Вторая главная компонента становится осью *OY* новой системы координат и т.д. По сути, метод главных компонент можно охарактеризовать как инструмент поиска такой новой системы координат (векторного базиса), в которой основные различия «выстраивались» бы «вдоль» координатных осей. На рисунке 3 первая главная компонента, соответствующая новой оси *OX*, обозначена *F*1, вторая главная компонента (*OY*) — *F*2.

Объяснительная сила идет по убывающей от первой главной компоненты к последней, и в многомерной системе данных наступает момент, когда общее качество модели оказывается достаточно хорошим при ограниченном числе факторов. К примеру, результаты выборов с участием 10 партий (исходная размерность — 10, по числу переменных) могут быть хорошо описаны с помощью всего 2–3 главных компонент.

Интерпретация результатов пространственного представления результатов выборов предполагает как содержательный, так и количественный анализ полученных измерений (главных компонент). Мы сделаем акцент на анализе структурных оппозиций — партий и кандидатов, занимающих полярные позиции в измерениях электорального пространства, по сути — формирующих эти измерения. Например, в Чехии (выборы в Палату депутатов 2002 г.) в первом измерении (*OX*) мы наблюдаем структурную оппозицию Гражданской демократической партии, с одной стороны, и Коммунистической партии Чехии и Моравии плюс Чешской социал-демократической партии — с другой. Они представляют правую и левую политические альтернативы соответственно, и данная структурная оппозиция может быть охарактеризована как «классический» лево-правый раскол (рис. 4).

Сходный раскол обнаруживается в Новой Зеландии (выборы в Палату представителей 2002 г.): в первом измерении наблюдается структурная оппозиция

Рис. 5

Лейбористской и Национальной партий. Лейбористская партия выступает за государственное регулирование экономики, гарантирующее адекватные стандарты жизни для каждой личности, способной и желающей работать. Национальная партия — правоцентристская, поддерживает частный капитал и конкурентный бизнес, выступает за минимизацию государственного регулирования экономики и максимальную свободу личности (рис. 5).

На Украине (выборы в Верховную раду 2007 г.) лево-правый раскол в первом измерении дополняется ключевым для этой страны идеологическим размежеванием, определяемым как «российский» или «европейский» вектор развития. Он отражен в структурной оппозиции между Блоком Юлии Тимошенко и НУ-НС, с одной стороны, и Партией регионов — с другой (на этом же поле представлены Прогрессивная социалистическая партия и Коммунистическая партия Украины, чтои позволяет говорить о присутствии в этом расколе лево-правой составляющей). Географически данная структурная оппозиция формируется дифференциацией «Восток–Запад».

В современной Турции ключевой идеологический раскол формируется по линии «исламский — светский путь развития». Данный раскол окончательно оформился на парламентских выборах 1995 г., победу на которых одержала происламская Партия благоденствия. В первом измерении она структурно противостоит кемалистским партиям, занимавшим лидирующие позиции после воссоздания многопартийной системы в 1983 г.: Партии верного пути и Демократической левой партии (рис.7).

Кстати, в России существует субъект Федерации, в котором «исламский» раскол играет существенную, хотя и не определяющую роль, — Республика Дагестан. На диаграмме видна структурная оппозиция (по второй главной компоненте) происламских партий ИПР (формально называлась «Истинные патриоты России», в реальности же под данной аббревиатурой следовало понимать Исламскую пар-

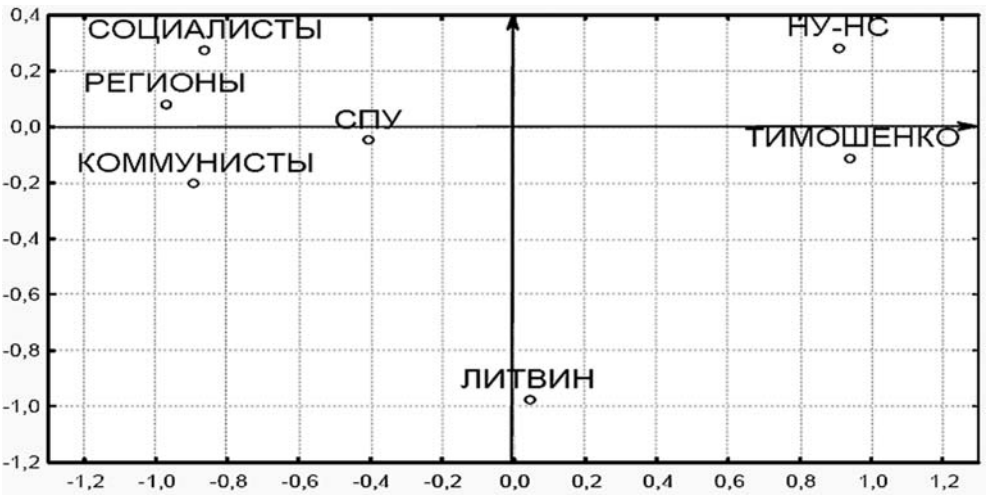


Рис. 6

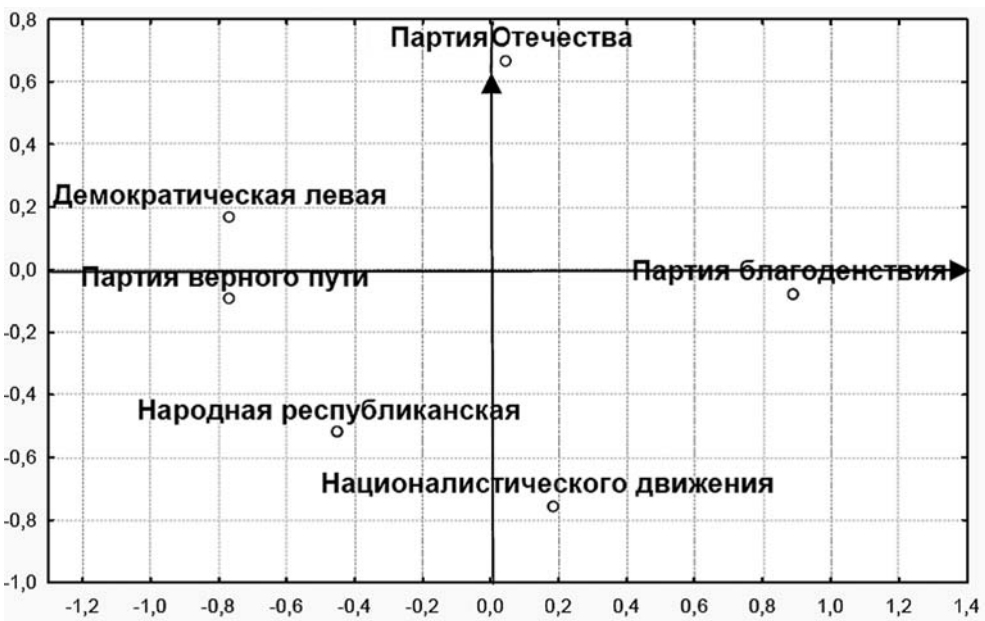


Рис. 7

тию России) и «Великая Россия — Евразийский союз» всем остальным партиям (выборы 2003 г.).

Структурную оппозицию, формируемую этническим размежеванием, можно наблюдать, к примеру, в Шри-Ланке и ЮАР. В первом случае ключевой раскол формируют Тамильский национальный альянс и остальные партии сингальского большинства (выборы 2004 г., рис. 9).

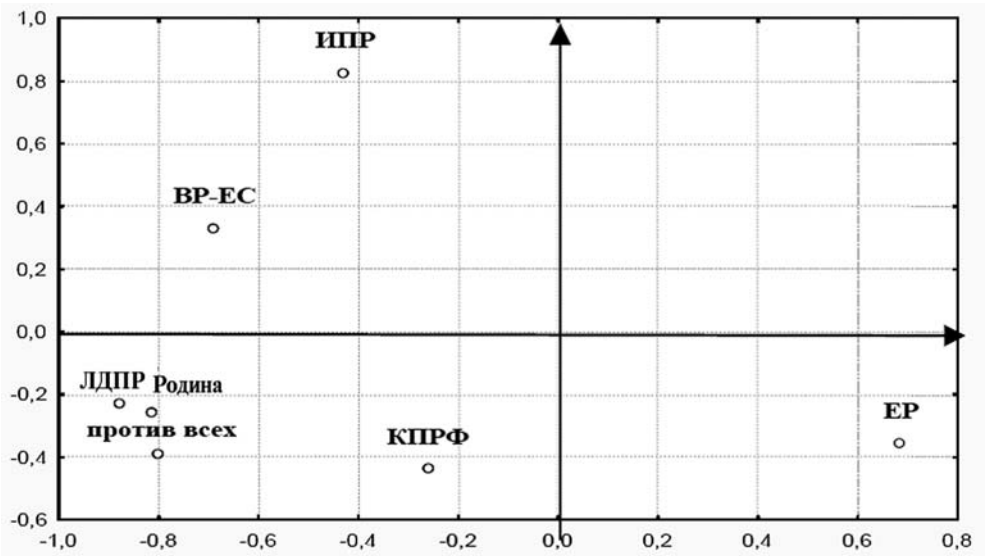


Рис. 8

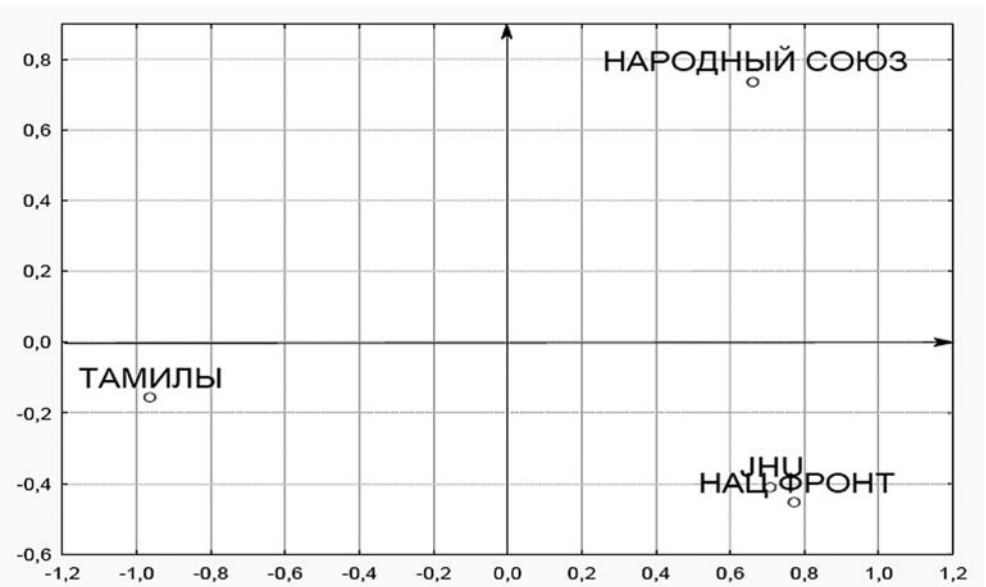


Рис. 9

В ЮАР (выборы 1999 г., рис. 10) во втором измерении структурную оппозицию формирует Партия свободы Инката, опорой которой является значительная часть народа зулу.

Россия с начала 1990-х годов пережила в своем развитии две основные «структурные эпохи». Первая из них, охватывающая период с 1991 по 1999 г., характери-

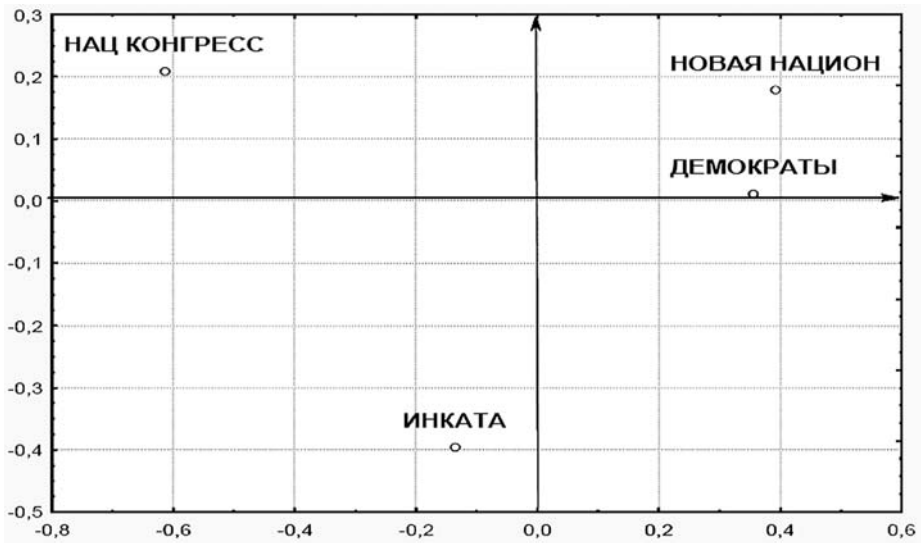


Рис. 10

зуется доминированием лево-правого раскола: структурную оппозицию в первом измерении формируют КПРФ и партии либеральной ориентации — «Яблоко», ДВР и т.д. Следующий период отличает все большее доминирование раскола по отношению к партиям и кандидатам власти, при этом к последним парламентским выборам (рис. 11) лево-правый раскол не фиксируется даже во втором измерении.

Важной структурной характеристикой пространственного расположения партий является асимметрия: «Единая Россия» противостоит в электоральном пространстве всем без исключения партиям. Такое расположение можно назвать структурным доминированием, и оно характерно для довольно ограниченного числа стран мира. Автору удалось «в чистом виде» обнаружить его лишь в Казахстане, где «партия власти» «Нур Отан» находится в «чистой» позиции структурного доминирования (парламентские выборы 2007 г., рис. 12).

Думается, приведенных примеров достаточно для того, чтобы показать, что предлагаемый метод способен улавливать важные содержательные различия (и сходства) в электоральных процессах различных стран. Фактически структурные оппозиции в наиболее значимых измерениях отражают актуальные для различных государств базовые политические альтернативы. Следует особо подчеркнуть, что удалось эмпирически показать «несводимость» электоральных пространств к лево-правому континууму, являющемуся господствующим методологическим инструментом изучения выборов в западной политической науке.

Представляется перспективным количественный анализ векторов, формирующих базовые измерения электоральных пространств. Они могут быть подвергнуты регрессионному анализу с целью выявления факторов, определяющих структуру базового политического выбора. В качестве независимых признаков могут выступать социальные (например, уровень урбанизации, уровень этнолингвистической фрагментации, плотность социальных сетей), институциональные (параметры,

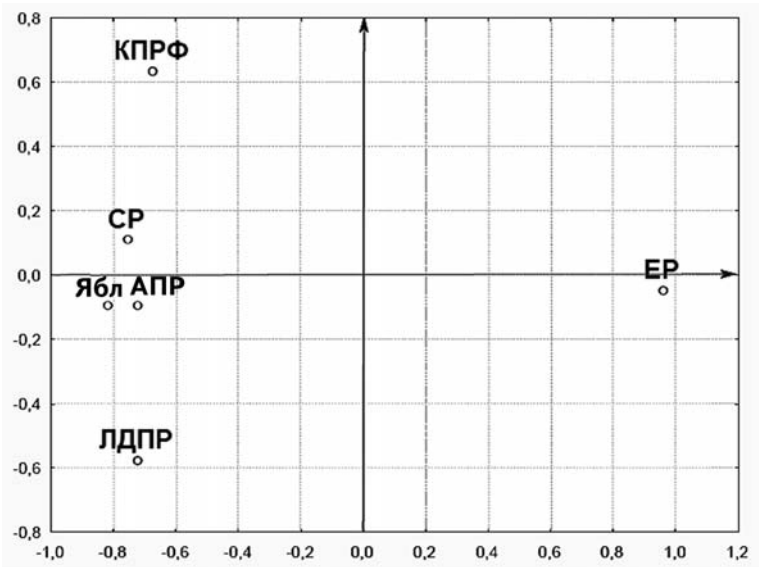

КПРФ
СР
Ябл
АПР
ЕР
ЛДПР
0,8
0,6
0,4
0,2
0,0
-0,2
-0,4
-0,6
-0,8
-1,0
-0,8
-0,6
-0,4
-0,2
0,0
0,2
0,4
0,6
0,8
1,0
1,2

Рис. 11

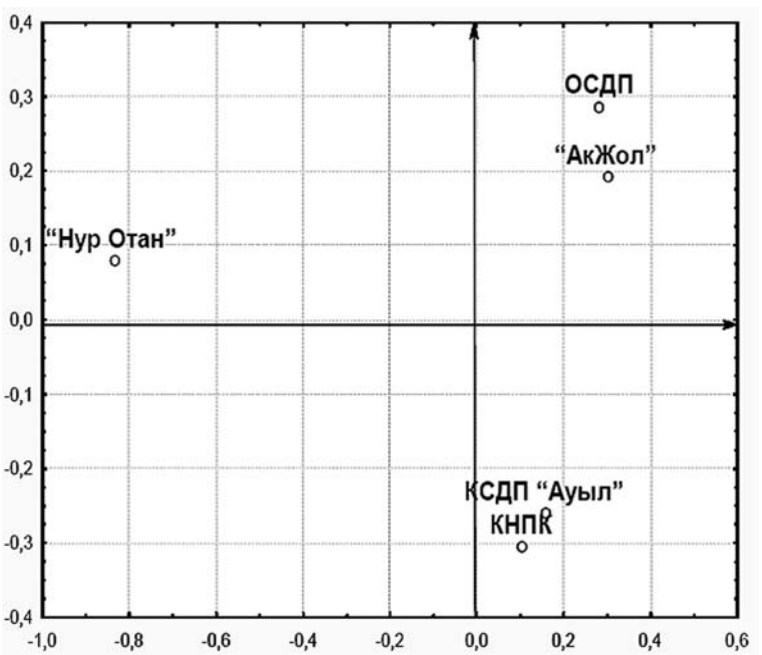

ОСДП
“АкЖол”
“Нур Отан”
КСДП “Ауыл”
КНПК
0,4
0,3
0,2
0,1
0,0
-0,1
-0,2
-0,3
-0,4
-1,0
-0,8
-0,6
-0,4
-0,2
0,0
0,2
0,4
0,6

Рис. 12

отражающие характеристики избирательной системы), экономические (параметры экономического развития территорий), конкретно-политические (степень интеграции политической элиты) факторы. Это позволяет строить комплексные модели, интегрирующие различные теоретико-методологические парадигмы рассмотрения избирательного процесса. Подобная работа применительно к регионам России уже частично проделана[15].

Может быть легко получена также картина взаиморасположения регионов в пространстве поддержки политических партий, что позволяет более тщательно изучить структуры политикогеографических размежеваний. Кроме того, сопоставление электоральных пространств государств на разных выборах позволяет сравнивать их политическую эволюцию.

Разумеется, как и всякая методика, предложенная модель анализа электорального пространства имеет свои ограничения. Так, трудности возникают в условиях двухпартийной системы, где попросту недостаточно элементов для получения пространственной картины. Требует дополнительной разработки анализ влияния наиболее динамичной составляющей — стратегий политических элит. Бесспорно, следует дополнять географическую сегментацию электората иными основаниями его разбиения на классы (включая комбинированные группировки). Отдельный интерес для сравнительных исследований может представлять следующая проблема: какие типы сегментации избирателей обеспечивают наилучшее структурирование электорального пространства в различных сообществах и в силу каких причин? Это лишь часть тех проблем, которые ждут своего решения.

Примечания

[1] *Чусов А.В.* Структура моделей пространства и времени: Дис. ... канд. философ. наук; Философские науки: 09.00.08. М., 1993. С. 36.

[2] Подробный обзор данного направления см.: *Ахременко А.С.* Пространственное моделирование электорального выбора: развитие, современные проблемы и перспективы // Полис. 2007. № 1–2.

[3] В этом смысле весьма характерны материалы «круглого стола»: Структура и динамика российского электорального пространства // Полис. 2000. № 2.

[4] На это справедливо указывает социолог Г. Заболотная. *Заболотная Г.М.* Социально-политическое пространство региона: социологический анализ: Дис. ... д-ра соц. наук; Социологические науки: 22.00.04. Саратов, 2004. С. 22.

[5] *Бурдье П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 299.

[6] См.: *Александров А.Д.* Пространство // Большая советская энциклопедия. URL: http://www.bse.info-spravka.ru/bse/id_63781.

[7] *Lipset S.M., Rokkan S.* Cleavage structures, party systems, and voter alignments // Ed. by P. Mair. The West European Party System. Oxford: Oxford University Press, 1990.

[8] В частности, ей полностью посвящен выпуск журнала «Политическая наука». М., 2004. № 4.

[9] Известную и наиболее активно критикуемую гипотезу «замораживания» мы сняли, так как она явно не выдерживает проверки временем.

[10] Подробнее см.: *Norris P.* Electoral engineering. Voting rules and political behavior. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

[11] Детальную характеристику данной модели см.: *Ахременко А.С.* Структуры электорального пространства. М.: Социально-политическая мысль, 2007.

[12] В математических терминах на выборах происходит отображение множества голосующих избирателей на множество объектов электорального выбора, порождающее разбиение избирателей на непересекающиеся классы электоральных предпочтений.

[13] Подробнее см.: *Ахременко А.С.* Количественный анализ результатов выборов: современные методы и проблемы. М.: Изд-во МГУ, 2008.

[14] Подробнее см.: Прикладная статистика. Классификация и снижение размерности / Айвазян С.А., Бухштабер В.М., Енюков И.С., Мешалкин Л.Д. М.: Финансы и статистика, 1989; *Ахременко А.С.* Количественный анализ результатов выборов: современные методы и проблемы. М.: Изд-во МГУ, 2008.

[15] См.: *Ахременко А.С.* Социальные размежевания и структуры электорального пространства России // Общественные науки и современность. М., 2007. № 4.

ГЛАВА 11

Регионы и муниципалитеты

Определение категории «регион» в современном научном дискурсе

Основные направления географического изучения административно-территориального деления

Социология власти: теория городских политических режимов

Структурные преобразования муниципального пространства. Обоснование целесообразности и оценка эффективности

1. Каково понятие «регион» в разных науках? Как соотносятся между собой категории «регион» и «территория»?
2. Назовите основные признаки регионообразования с точки зрения экономики.
3. Каковы особенности отечественного и западного регионализма?

Н.М. Межевич

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ «РЕГИОН» В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ*

Парадигма регионализации научного знания

Эволюция политического и экономического положения в России подчиняется некоторым общим закономерностям. В настоящее время значение территориального фактора в развитии российского общества становится общепризнанным. Региональные факторы привносят через свою «территориальность» новое качество в, казалось бы, известные процессы общественного развития. Формально одинаковые в планетарном масштабе явления экономической и политической жизни в российских условиях приобретают новые качества. Развивается и наукотворчество. На сегодняшний день достаточно очевидна попытка создания «новых» теоретических конструкций, при случайном или демонстративном игнорировании существующего научного потенциала. «До последних десятилетий понятия «регион» и «регионализм» в нашей стране практически не применялись... Интерес отечественной академической науки к проблемам регионализма проявился во второй половине 1980-х годов в связи с попытками обоснования новых подходов, альтернативных формационному, к исследованию общественно-исторического процесса»[1]. Подобные мнения, увы, не редкость на страницах серьезных научных изданий. Один бесспорно положительный эффект такой «регионализации» можно отметить сразу — она дает шанс многим отечественным политологам и социологам. Результаты исследований, ориентированных на конкретные территории, пользуются все более широким спросом. «События двух прошедших десятилетий сделали из «регионализма» и «этнонационализма» в исследованиях западных индустриальных обществ некое подобие политической и академической моды»[2].

При этом следует отметить то, что введение в научный оборот новых, прежде всего западных теоретических концепций не должно приводить к нигилизму по отношению к традиционным научным концепциям. Серьезные сомнения вызывают подходы, провозглашающие то, что «в наше время не существует никаких

* *Межевич Н.М.* Определение категории «регион» в современном научном дискурсе // Псковский регионологический журнал. 2006. № 2. С. 3–21.

других теорий, кроме западных», а следовательно, «наиболее эффективный способ формирования пространства для теоретической работы — использование существующих западных концептов»[3]. Советская научная школа, прежде всего в региональной экономике и экономической географии, а также хозяйственная практика, связанная с планированием — уникальный по значению потенциал российского регионоведения, унаследованный из советской эпохи, который также востребован. Политологи указывают на возникновение еще одной дисциплины — «географии общенациональной политики». Поставлен вопрос и о «политическом регионоведении». Следует предположить то, что перед нами политическая география, достаточно давно развиваемая, в том числе и отечественными географами.

В связи с вышеизложенным необходимо более подробно уточнить определение самого понятия «регион» и его трактовку с точки зрения общенаучной методологии вообще и экономической науки в частности.

Понятие регион проникло в русский язык сравнительно давно, в конце XIX в. С этого периода понятие включается в словари и определяется как «страна, область, пространство воздуха...»[4]. В дальнейшем понятие перешло как бы в «резервный фонд» общественных наук. Второе рождение данного понятия связано с развитием интереса к территориальным проблемам в рамках географии и экономики. В 1960–1970-е годы под влиянием идей У. Изарда в СССР возникла так называемая региональная наука, связанная с именем экономиста академика Н.Н. Некрасова[5].

Развитие общественных наук привело к тому, что возникла целая система понятий регионального плана. Такие термины, как регионализация, регионализм, регионалистика, региональная стратегия, региональная политика, стали неотъемлемым элементом не только экономики и географии, но и постепенно проникали в другие общественные науки — историю и политологию. Большой юридический словарь определяет регион следующим образом. Регион — (от франц. *region*): 1) во Франции самая крупная административно-территориальная единица; 2) в Бельгии с 1993 г. один из двух типов субъектов федерации[6].

Еще в большей степени «внешний» характер термина регион предлагается в Большом толковом словаре иностранных слов. Регион — это область, район, часть страны, мира, определяемая некоторой экономической, географической, культурной, национальной, политической общностью: Тихоокеанский регион, Дальневосточный регион и т.д. В этом определении обращает на себя внимание то, что понятие регион отнесено как к частям одного государства, так и к совокупности государств[7]. Аналогичный подход используется и в оксфордском словаре, трактующим регион как район мира, образованный соседними странами, которые, с международной точки зрения, рассматриваются социально, экономически или политически взаимозависимыми[8].

В словаре современной экономики известного издательского концерна «Мак-Гроу-Хилл» в статье «регион» указывается: «Этот термин употребляется применительно к какой-либо площади, которая может быть самого разного размера, от небольшого района в крупном городе до огромных частей внутри континентов. В США, например, собираются региональные или субнациональные данные по районам переписи (*census tracts*), территориям-метрополитенам (*metropolitan areas*), графствам, штатам и группам штатов внутри основных регионов, таких как Новая Англия и Среднеатлантические штаты»[9]. Регион в общенаучном плане является обособленной частью более широкой социально-территориальной общно-

сти. Регион образует подсистему хозяйства, народонаселения, культуры, политики и прочих сторон жизни общества.

Регион не является только экономической или географической категорией, т.е. нельзя отождествлять понятия «регион» и «территория». Территориальная составляющая является существенной для любого региона, поскольку является базисом как его формирования, так и его существования. Любой регион представляет собой территорию, но одного территориального компонента недостаточно для того, чтобы назвать территорию регионом. Необходимой предпосылкой формирования региона на определенной территории является наличие специфики экономического, этнографического, конфессионального, социально-культурного состава, особого характера политической организации общества и властных элит.

Для того чтобы территория или совокупность государств, представляющая собой некую общность, стала «регионом», необходимо наличие всех или части следующих признаков:

- общность исторических судеб;
- наличие свойственных только этой группе особенностей культуры (материальной и духовной);
- географическое единство территории;
- сходный тип экономики;
- совместная работа в региональных международных организациях.

Понятие «регион» относится к универсальным категориям общественных наук. Интегративные возможности данного термина позволяют не только отнести его к ряду наук, но и связывать эти науки, трансформируя их компоненты в единую систему региональных исследований. Ситуацию, сложившуюся с трактовкой данного понятия, очень точно охарактеризовал американский исследователь Д. Пучала. Он сравнил теоретические подходы к регионализму с эпизодом в сказке о слоне и нескольких слепых. Каждый дотрагивался до определенной части тела животного, пытаясь описать его целиком. Естественно, верного варианта дать не смог ни один из них, хотя каждый был уверен в правильности собственных выводов[10].

Термин регион употребляется довольно многозначно:

- «как синоним термина район;
- для обозначения сопоставляемых таксонов, принадлежащих к различным системам таксонирования или к различным порядкам одной и той же системы таксонирования;
- для обозначения любых территорий, по своим признакам не “подходящих” к принятой системе территориального членения и не позволяющих обозначить их другими терминами»[11].

В самом общем виде регион можно определить следующим образом: регион — это геотория (территория, акватория или совокупность последних), отвечающая следующим признакам:

1) наличие внутренней целостности, единства или генетической взаимосвязи между ее частями;
2) присутствие признаков отсутствующих в других целостностях;

3) специфическая роль в структуре международных отношений и признание этой роли всеми (или почти всеми) основными участниками внешнеполитического процесса.

Как отмечает профессор А.А. Сергунин, в современном регионоведении популярна точка зрения Л. Рэмкельда, считающего «регион» супертермином, включающим ряд основополагающих признаков, в числе которых население, территория, общность истории, природные условия, характер решаемых проблем и т.п. Выбор того или иного значения термина зависит от характера задач, стоящих перед исследователем. В принципе, рассматриваемое понятие допускает различное содержание, а также комплексное использование критериев при выделении того или иного «региона»[12].

Сегодня регион — это фактически признанный элемент системы международных отношений, которая складывается в крупных политико-географических зонах.

Следует иметь в виду, что любое деление пространства (территории) на регионы носит довольно условный характер. Необходимость разделения крупных территориальных единиц на части обусловлена очень большой дифференциацией пространства по многим признакам. В основе выделения региона лежит принцип целесообразной целостности, определяемый группой регионообразующих факторов. Различают, с одной стороны, внутреннюю целостность региона — формирование его хозяйственного комплекса, проведение единой политики, создание единых органов власти, управления и т.п., а также внешнюю целостность региона — его обособленность по отношению к другим таким же регионам, к целой территории, к другим территориям и их составным частям.

Географические границы региона, как правило, не являются константой и носят сугубо подчиненный характер. При этом географический фактор не только не является единственным при определении границ региона. В основе этого процесса лежат особые экономические, политические, этноконфессиональные отношения, складывающиеся между входящими в данный регион государствами и общепризнанными «центрами силы».

В результате, свойства и контуры региона могут меняться в зависимости от динамики этих отношений или под влиянием иных факторов, например, столкновения интересов региона и интересов внешних субъектов. Внутри региона выделяются субрегионы — локальные группы государств с более тесными и имеющими свою специфику по отношению ко всему региону в целом взаимоотношениями.

Регион не является только географической категорией, т.е. нельзя отождествлять понятия «регион» и «территория». Территориальная составляющая является существенной для любого региона, поскольку является базисом как его формирования, так и его существования. Любой регион представляет собой территорию, но одного территориального компонента недостаточно для того, чтобы назвать территорию регионом. Необходимой предпосылкой формирования региона на определенной территории является наличие специфики политического, экономического, этнографического, конфессионального и социально-культурного состава.

Рассмотрим основные компоненты понятийно-терминологического блока регионоведения. Существует большое количество научных подходов. Так, в эн-

циклопедическом словаре «Федерализм» регионалистика обозначена как «взаимосвязанная система наук, отражающая влияние регионализации на все стороны жизни общества — экономику, культуру, политику и, тем не менее, не представляющая единой дисциплины»[13]. Возможно и следующее расширительное определение: «Регионалистика... рассматривается как комплексная синтезирующая гуманитарная дисциплина, изучающая процессы деятельности и существования человека (человеческих коллективов) и создаваемой им культуры во взаимодействии с окружающей средой в рамках компактного географического пространства, “региона”»[14].

Существует еще один аспект проблемы. Регионоведение стало не только научной концепцией, но и учебной дисциплиной. В последние годы вышел целый ряд учебников и учебных пособий по этому вопросу[15]. Мы рассматриваем регионализм как важнейшую экономическую и политическую характеристику развития практически любого общества. Однако при этом российский регионализм и его западная версия (верно и обратное) имеют разный генезис, пространственные и экономические характеристики проявления, политико-экономические последствия.

Любая научная концепция, особенно возникающая на стыке различных дисциплин, является результатом предшествующего развития научного знания. Региональные исследования развивались в рамках различных наук. Пространственные различия в обеспеченности ресурсами и уровне экономического развития, качестве жизни населения характерны практически для всех государств, объективный характер территориальных различий, необходимость воздействия на них с целью достижения общественно значимых целей достаточно давно изучаются экономико-географами, экономистами, политологами и этнографами.

Понятие «регион» в экономической науке

Исследования экономического регионализма в советское время проводились как экономистами, так и экономико-географами. Как правило, данные теоретические представления разрабатывались научными школами, ориентированными на изучение характера территориально-экономического развития за рубежом. Речь идет, прежде всего, об исследователях из Москвы (МГУ, комплекс институтов АН СССР), Новосибирска (СО АН СССР) и Ленинграда (ЛГУ, ЛФЭИ, ИСЭП АН СССР).

Однако детальное исследование данного понятийно-терминологического блока, сделанное ранее, не соответствует реалиям новых хозяйственных условий. Более того, сказывается то, что исследования региональной экономической политики не то что бы были запрещены, но их разработка сталкивалась с проблемами, ответить на которые в рамках плановой экономики было трудно. К примеру:

— Могут ли интересы региона, т.е. части страны, противоречить интересам всей страны?

— Всегда ли экономическое развитие региона, осуществляемое в интересах страны, совпадает с экономическими интересами региона?

— Почему декларируемая политика сближения уровней социально-экономического развития крупных регионов и союзных республик привела к удивительно скромным результатам?

Существует ряд экономических подходов к пониманию региона. В советской экономике (как науке) главной базой для формирования представлений о регионе послужила в конце 1960-х годов региональная экономика, определяемая в то время ее основоположником академиком Н.Н. Некрасовым как новое направление в экономической науке, задачей которого является постановка и разработка новых теоретических проблем, необходимых для практического решения современных задач планирования и территориальной организации хозяйства страны. Тогда же Н.Н. Некрасов подробно сформулировал представление о региональной экономике в экономической науке. Региональная экономика, по мнению Н.Н. Некрасова, «изучает совокупность экономических и социальных факторов и явлений, обусловливающих плановое формирование и развитие производительных сил и социальных процессов в каждом регионе страны»[16].

Междисциплинарный характер региональной экономики, а точнее, характер ее связей с другими науками, подчеркивал А.Е. Пробст, писавший о том, что «в региональные исследования последних лет вовлекались широкие круги не только экономистов и экономико-географов, но и физико-географов, геологов, почвоведов, технологов, социологов и представителей ряда других общественных и природоведческих наук». По его мнению, «предметом региональной экономики должна являться территориальная организация общественного производства района (региона), если понимать под общественным производством не только материальное производство, но и всю сферу обслуживания населения, как основную производительную силу и систему его расселения» и «предметом региональной экономики является изучение закономерностей, определяющих наиболее рациональную структуру территориально-производственных комплексов разного ранга и типа (профиля) в зависимости от конкретных условий района»[17].

Как наука, региональная экономика определяется и Э.Б. Алаевым: «региональная экономика есть географическое (региональное) направление в экономике, научная дисциплина, изучающая в интересах народнохозяйственного планирования особенности и закономерности размещения производительных сил и развития регионов»[18].

При исследовании территориальных связей регион можно рассматривать, по крайней мере, с двух сторон: во-первых, как часть единого народно-хозяйственного комплекса страны; во-вторых, как самостоятельное целостное образование, имеющее свои целевые установки развития, свой ресурсный потенциал, свои способы соединения производственных ресурсов — факторов производства. Каждая из этих сторон имеет свои особенности, что накладывает отпечаток на процесс управления ходом регионального развития[19].

Существует и несколько иная точка зрения, отраженная в Экономической энциклопедии: «региональная экономика — отрасль экономической науки, изучающая закономерности территориальной организации общественного производства и механизм их действия. Исследует экономические явления и процессы, связанные с развитием хозяйства отдельных регионов и территориально-производственных комплексов»[20]. Подобные определения можно рассматривать и оценивать достаточно критически. К примеру, можно спорить, является ли региональная экономика частью географической или экономической науки. Рассматривался и вопрос о правомерности считать региональную экономику синонимом региональной на-

уки. Подобные споры велись достаточно интенсивно в 1970–1980-е годы. Можно также обсуждать идеологический характер региональной науки. Подобная дискуссия также имела место. Однако для нас принципиально важно другое — региональная наука и региональная экономика могут рассматриваться, прежде всего, как базисные научные концепции конца XX в.

Таким образом, большинство экономистов считает регион не только подсистемой социально-экономического комплекса, но и относительно самостоятельной его частью с законченным циклом воспроизводства, особыми формами проявления стадий воспроизводства и спецификой протекания социальных и экономических процессов. Регионализм опирается на объективную дифференциацию природных и экономических условий, однако формируется лишь в том случае, если он «оформлен» экономическими интересами тех или иных групп, как в центре, так и на местах. Коллектив авторов во главе с П.Г. Щедровицким и В.Н. Княгининым предлагает использовать понятие «*административный регион»,* т.е. сообщества, которые формируются в границах юрисдикции административных органов (органов управления) субъектов федерации[21]. Основными характеристиками административно-интегрированных сообществ стало создание экономической системы, обычно именуемой «*бюджетной экономикой»,* когда именно бюджет рассматривается в качестве главного источника для финансирования социально-экономического развития, а все подпадающие под юрисдикцию субъекты выступают в качестве доноров бюджета либо реципиентов бюджетных средств. Наиболее выраженными чертами «бюджетной экономики» являются следующие:

- возможность органов власти субъектов федерации оказывать формальное или неформальное влияние на деятельность предприятий, расположенных в пространстве их юрисдикции;
- строгая иерархия организации экономической жизни;
- «экономика для своих». Становясь «своими» для административных структур, хозяйствующие субъекты получают разного рода преференции за счет государственных (бюджетных) средств: кредиты, поручительства, лицензии, бюджетные заказы и пр.; возможность создавать «стратегические альянсы» административных органов и хозяйствующих субъектов на базе не экономических, а административно-политических или лично-клановых соображений; включение в систему обращения ресурсов только внутри круга аффилированных лиц;
- своеобразный «административный налог» — обязательная и безвозвратная передача хозяйствующими субъектами финансовых и иных имущественных ресурсов в распоряжение органов власти субъектов федерации;
- территориально замкнутый баланс прибылей и обременений в административно-интегрированном сообществе. В этом балансе сумма прибылей принципиально сопоставима с объемом обременении;
- «зонтичная экономика». Особенностью «зонтичной» структуры является то, что она как бы «накрывает протекционистским зонтиком» всех находящихся на административно контролируемой ею территории субъектов, распределяя между ними прибыли и обременения.

Итак, «экономика региона, будучи подсистемой социально-экономического комплекса страны, обладает многими чертами системы, но при этом проблемы региона не являются унифицированным зеркальным отражением проблем общей системы. Отсюда необходимость исследования закономерностей региональных воспроизводственных процессов и разработки механизма управления ими»[22]. Схожее определение дает и А.И. Добрынин: «Под регионом... следует понимать территориально специализированную часть народного хозяйства страны, характеризующуюся единством и целостностью воспроизводственного процесса»[23].

У сторонников воспроизводственного подхода немало критиков, с их точки зрения даже системы национальных счетов в принципе ориентированы на понятие «граница региона» как точку отсчета и наделяют территории (как некие единые структуры) определенными показателями хозяйственной деятельности — подобно показателю веса у слона. Керстен Херрманна-Пиллат — директор Института культурологических сравнительных исследований Университета Виттен/Хердекке, ФРГ, пишет: «Платежный баланс позволяет различать в системах национальных счетов показатели внутриэкономической и внешнеэкономической деятельности, но и они по существу не дают представления об экономических характеристиках внутренней экономики. Нет систем счетов для областей, провинций или федеральных земель, хотя с экономической точки зрения понятие политической границы является, собственно говоря, абсолютно произвольным. Так, для благосостояния Баварии ее экономические связи с землей Северный Рейн-Вестфалия столь же важны, что и с Францией»[24]. Регион трактуется и как «социально-производственная инфраструктура, которая создается разнообразной деятельностью регионального социума и охватывает некоторую территорию...»[25]

Регионализм возможен на территории, претендующей на определенную экономическую самостоятельность. Формирование регионального воспроизводственного процесса, географическое «замыкание» экономики является для экономистов признаком регионообразования. Регион как хозяйственная система представляет собой часть территории, на которой развивается система связей и зависимостей между предприятиями и организациями, т.е. система управления. Для экономистов основным объектом хозяйственного управления выступает субъект федерации. После распада Советского Союза в России слово «регион» все чаще используется в качестве удобного синонима словосочетания «субъект Федерации». Именно это звено, часто не обладая остальными критериями региона, опирается на возможности управленческого воздействия и может перекраивать пространство «под себя», занимаясь регионостроительством.

Такой подход активно применяется в ЕС. Как известно, основной классификацией региона, используемой с 1988 г. для различных целей институтами ЕС, является Номенклатура территориальных единиц для статистики (*the Nomenclature of territorial units for statistics — NUTS*), которая установлена статистическим управлением Европейской комиссии. Эта номенклатура, с одной стороны, обеспечивает единый, универсальный подход к организации региональной статистики в Сообществе в целом, а с другой — учитывает административное деление, закрепленное

в законодательстве стран—членов ЕС. Поэтому основу *NUTS* составляют так называемые нормативные регионы, т.е. территориальные единицы, имеющие строго очерченные национальными органами административные границы. Так, в соответствии с номенклатурой, действовавшей в рамках ЕС-15, территория ЕС делилась на 78 регионов первого уровня (*NUTS 1*), 211 — второго (*NUTS 2*), 1093 — третьего уровня (*NUTS 3*), 1029 — четвертого уровня (*NUTS 4*) и 98 544 региона пятого уровня (*NUTS 5*).

Понятие «регион» в экономической и социальной географии

Социально-экономическая география оказалась наиболее питательным субстратом для развития нового и весьма значительного научного направления. Это связано и с тем, что внутренняя структура географической науки является более гибкой, более диверсифицированной и отражающей как знания о природе, так и знания об обществе.

Географами были исследованы представления о влиянии пространственных различий в природной среде на пространственные различия в производственном направлении хозяйства. Этот вопрос был выделен Н.Н. Баранским как «корневой», относительно которого экономико-географ может сказать «если не мы, то кто же»[26].

В географии, изучающей территориальную дифференциацию организации природной и общественной среды, практически каждое научное направление в конце концов выходило на проблемы региональной организации общества.

В 1947 г. один из основоположников социальной географии Р.М. Кабо сформулировал представление об общественно-территориальном комплексе. Заслуга Р.М. Кабо в том, что концепцию общественно-территориального комплекса он сформулировал в системе «общество-природа» и ввел понятие «образ жизни» применительно к общественно-территориальному комплексу как объекту, изучаемому географией. Р.М. Кабо писал: «Одинаковые условия жизни вырабатывают одинаковые ее формы, которые типично повторяются на определенных пространствах, очерчивая те или иные географические ареалы»[27]. В начале 1970-х годов интерес к территориальным общностям, лежащим в основе регионообразования, стал более активно проявляться в рамках географии, что было закономерно связано с общим развитием «социального крыла» тогда еще формально экономической, а не социально-экономической географии. Важный вклад в изучение данного вопроса внес авторский коллектив под руководством А.А. Долинина, давшего следующее определение социально-территориальной общности (СТО) людей, как «группы людей, живущих на какой-то определенной территории и объединенных отношениями и интересами, обусловленными фактом проживания и работы на данной территории»[28]. А.А. Долининым, В.Г. Асеевым, Г.В. Еремичевой выделены признаки, определяющие границы СТО:

1) историческое прошлое и связанные с ним навыки трудовой деятельности, особенности быта;
2) уровень социального развития;

3) социально-экономические условия среды жизнедеятельности;
4) природные условия;
5) административно-территориальное деление[29].

Понятие «регион» в социологии

Развитие социологической науки также осуществлялось в направлениях, объективно выводящих на проблематику регионализма. Появление региона связано с идейной и практической самоидентификацией определенной территориальной общности. По определению П. Бурдье, социальное пространство — это «ансамбль невидимых связей, тех самых, что формируют пространство позиций, внешних по отношению друг к другу, определенных одни через другие, по их близости, соседству или по дистанции между ними, а также по относительной позиции: сверху, снизу или между, посредине»[30]. По словам Бурдье, существует «пространство отношений, которое столь же реально, как географическое пространство»[31]. В советской, а затем российской социологии движение к проблематике исследования региона связано с социологией города и региональной социологией. По мнению А.И. Сухарева, «региональная социология — это научное направление, изучающее закономерности территориальной организации социальной жизни и планомерного изменения социального облика регионов»[32].

Развитие региональной социологии в СССР в 1970–1980-е годы, прежде всего, было связано с деятельностью секции социологии городов и регионов Советской социологической Ассоциации. Именно в рамках социологии города были сформулированы представления о территориальной общности людей. По мнению М.Н. Межевича, «ключевым понятием, «схватывающим» объективную связь территориального и социального срезов общественной организации, является, с нашей точки зрения, понятие территориальной общности людей как специфического социального образования». При этом территориальная общность — это «совокупность людей, между которыми возникает определенная связь в силу однородности объективных условий их жизнедеятельности и которые оказываются носителями определенных общественных отношений»[33]. Польский социолог Ян Щепаньский еще в 1960-е годы в работе «Элементарные понятия социологии» отмечает, что наряду с существованием социологии города и социологии деревни существует специфический раздел этой науки, изучающей «географические — экономико-социальные ценности». По мнению Щепаньского, эти целостности образуют «села, малые и большие города, области, находящиеся под влиянием либо больших городов, либо особой концентрации промышленных, культурных институтов или институтов обслуживания»[34]. Таким образом, Ян Щепаньский фактически выходит на понятие региона. Развитие региональной социологии, изучающей социальные явления в территориальном плане, представляется весьма важной частью изучения региона. Очевидно то, что социология одна не может охватить весь спектр этих объективных причин. Очевидно, что основным партнером социологии должна быть в данном случае география, причем не только социальная, но и физическая, экономическая, а также собственно экономика. В этом случае изучение социально-территориальных различий превращается в комплексный анализ территории.

Политологические подходы к регионализму и диалектика внутригосударственного и международного регионализма

Политологические аспекты понятия «регион» достаточно распространены в современном обществознании. Известный исследователь региональной политики в ЕС А. Ландбассо, пишет: «Если первый этап развития регионалистики характеризовался феноменологией, а второй — рационализмом и плюрализмом, то нынешний... в своей основе идеократический, плюс к этому — он пронизан антропоцентризмом и одновременным отходом от так называемых общенациональных идей и доктрин... властно-правовой контекст, в который вписан данный регион, настолько важен, что может перевешивать даже материальные детерминанты»[35]. С политологической точки зрения регионализм может быть определен как тенденция развития социума, предполагающая ослабление власти централизованного государства и усиление властных полномочий юридически оформленных (или не оформленных) территориальных общностей различного типа.

Регионализм можно трактовать как совокупность процессов реформы власти по линии «центр — периферия». По определению В.В. Алексеева, «регионализм — это политико-экономическое движение за самостоятельность территориальных сообществ в области социально-экономических и этнокультурных прав»[36]. Представляется, что в данном случае автор использует узкодисциплинарное понимание понятия и применяет его для универсальной научной категории.

Регионализация — процесс повышения роли регионов в социально-экономической и политической жизни общества. При этом регионализм — независимое социокультурное и политическое движение, возникшее в Европе и выступающее против унификации и необоснованных централистических тенденций. Именно в Европе регионализм состоялся как поиск и отстаивание решений, позволяющих сохранять социокультурное разнообразие территории. Регионализм указывает на необходимость усиления роли периферии в политической и социальной жизни общества, на органическую связь структур местной власти с имеющимися культурными и историческими традициями тех или иных регионов.

Финский политолог Пирьо Юкарайнен полагает, что под термином «регионализм» могут скрываться такие разнородные процессы, как движение за этнические права, сепаратизм, децентрализация государственного устройства, транснациональное сотрудничество соседних административно-территориальных образований, региональная сетевая интеграция, и т.д.[37] Как правило, именно этот подход присутствует и в зарубежной литературе. Эндрю Хюрелл указывает, что «регион это — естественный, органический принцип территориальной организации социальных, политических, экономических и культурных аспектов жизнедеятельности человеческих сообществ. В этом контексте регионализм анализируется в таких категориях, как:

- социальная сплоченность этнических, расовых и языковых групп, проживающих совместно;
- экономическая взаимодополняемость тех хозяйственных и промышленных единиц, которые работают в рамках данной территории;

- совместимость общих ценностей, связанных с культурой, религией, историческими традициями; политическая солидарность[38]. Политологические определения региона дают нам достаточно важное понимание того факта, что в основе регионообразования лежат не только объективные экономические факторы, но и субъективные, политические.

Региональное измерение политического процесса становится особо значимым предметом научных исследований. Однако в контексте заявленной темы для нас более значима диалектика внутригосударственного и международного регионализма.

Сегодня регион — признанный элемент системы международных экономических отношений, которая складывается в крупных политико-географических зонах. Подобное понимание региона политологами и специалистами по мировой политики в современной научной литературе становится все более употребимым[39]. Интересную модель характеристики региона в контексте мировой политики предлагает М. Мунтян. Он выделяет три группы факторов и соответственно три уровня становления и развития международных регионов[40]. Первая группа — факторы предпосылочного характера — географический, социально-психологический, культурологический и т.п. Вторая группа — факторы, составляющие основу, сердцевину региона, — экономические. Третья группа — факторы, обладающие при любой конфигурации регионального строения субъективно-волевым характером, — политические. Отсутствие первой группы факторов, утверждают автор, существенно ослабляет систему региональных отношений, а отсутствие второй или третьей группы факторов приводит к ее разрушению.

С политологической точки зрения идеальным условием идентификации региона является появление лидера, лоббирующей группы и юридически оформленного представительства в уже существующих органах власти. (В определенных случаях возможно создание нового политического представительства.) Таким образом, образование региона представляет собой абсолютное преобладание процессов автономизации и дезинтеграции социально-территориальных общностей различного уровня. Под субъектом понимается минимальная единица организованной социальной общности, существующую на определенной территории. Как правило, размеры, степень и характер самоидентификации такой общности не позволяют ей стать самодостаточной структурой, поэтому внешние связи для нее более существенны, чем внутренние. Примером территориальных субъектов, существующих в современном мире, могут быть муниципальные образования, субъекты федерации, административно-территориальные единицы, образованные в результате политических трансформаций на месте исторических провинций.

Территориальные субъекты обособляются от уже сложившихся структур взаимоотношения, которые по тем или иным причинам перестают удовлетворять их интересам. В определенной степени происходит переориентация с внешних связей на внутренние. В современных условиях, когда основной формой территориальной организации общества является государство, можно говорить о процессе обособления субъектов от сложившихся государственных структур, выражающееся в децентрализации власти внутри государства.

Одновременно происходит процесс интеграции с другими или теми же субъектами на новой основе и создание новых структур «негосударственного образца». Объединение субъектов в регионы происходит по принципу «взаимного притяжения». Факторами, обусловливающими притяжение региональных субъектов, являются:

- экономические выгоды, получаемые от взаимного сотрудничества;
- необходимость политического объединения для достижения поставленных задач;
- идентичность, которая может выражаться в объединении по национальному признаку;
- общая история или ее ключевые элементы;
- географический фактор, на основе которого происходит объединение территориальных субъектов в регион.

Автор исходит из того, что именно теория транснационализма является наиболее адекватной для объяснения резкого повышения роли межрегиональных взаимодействий в современном мире. Программный тезис классиков транснационализма Р. Кеохейна и Дж. Ная о том, что все больший спектр взаимодействий между обществами не поддается государственному регулированию, напрямую касается трансграничных и приграничных связей как устойчивой характеристике западного регионализма и все более значимым фактором развитии России. При этом, как справедливо подчеркивают классики транснационализма, негосударственные (субгосударственные) акторы международных отношений стремятся к экспансии своей деятельности на все новые сферы и новые территории[41]. Это положение применимо к практике деятельности еврорегионов. Акторы трансграничных отношений вынуждены одновременно строить свои отношения и с иностранными партнерами, и с внутренними «агентами» (которые могут быть союзниками или конкурентами). Таким образом, происходит сочетание «внутренних переговоров» и «внешней дипломатии»[42]. Это положение принципиально важно для оценки как российского, так и западного регионализма.

Транснационализм объясняет кризис внутригосударственных границ как внутри ЕС, так и в других интеграционных объединениях. Граница как барьер приводит к тому, что этот институт искажает логику экономических и политических решений в государстве, вследствие чего транснационалисты считают, что с точки зрения рациональности принимаемых решений государства проигрывают негосударственным акторам[43].

Международные отношения в этом случае — это «...все виды взаимодействий между базирующимися в пределах государства субъектами, осуществляемые с пересечением государственных границ» (*all interactions between state-based actors across state boundaries*)[44]. Это определение предполагает, что «международное» для его авторов и сторонников тождественно или синонимично «трансграничному».

Как уже было отмечено, представления о регионализме переживают в современной научной практике второе рождение. Причем одним из наиболее значимых факторов, объясняющих данное явление, является жесткая взаимосвязь между глобализацией и регионализацией.

В характеристиках процессов глобализации можно проследить наличие взаимосвязей между глобализацией и регионализмом. Поскольку государства совре-

менного мира различаются по масштабам и уровню социально-экономического развития, можно предположить, что результаты воздействия глобализации на отдельные страны и группы стран не одинаковы. Более того, в крупных странах тенденция глобализации вызывает неодинаковые последствия в различных регионах.

В настоящее время весьма распространенной стала следующая позиция: «регионализация мировой экономики была отчасти продиктована противодействием государств разрушительным последствиям глобализации»[45]. Эта позиция разделяется и рядом российских экспертов, рассматривающих регионализацию как своего рода глобализацию в ограниченных масштабах[46]. Такая трактовка парадигмы «глобализма-регионализма» встречается и в России и на западе. При этом, очевидно, что экономическая модель региона, как части мирового хозяйства, получает права на жизнь даже в условиях Российской Федерации. С нашей точки зрения, глобализация и регионализм — понятия взаимосвязанные. Одновременное существование тенденций регионализма и глобализации в современном мире и их взаимозависимость приводит к ослаблению роли государства. Эффект децентрализации при этом может рассматриваться и как последствие глобализации, и как последствие регионализации. Возможен и иной подход, разделяемый большинством экономистов: «Представляется ошибочной трактовка регионализации как антипода интеграции. Более правильно рассматривать ее в сопоставлении с понятием «ассоциирование». В отличие от регионализации, означающей определенное увеличение полномочий регионов, ассоциирование (то или иное объединение) предполагает добровольное ограничение полномочий тех или иных административно-территориальных образований (включая государства) для создания более широких общностей в интересах всех составляющих их частей».

Эти взаимосвязи в большей степени видны при рассмотрении отличий регионализма, присущего международным отношениям самого конца XX и начала XXI в., от регионализма, существовавшего ранее. Новый регионализм развивается как современная версия многополярности как признака системы международных отношений в целом. Новый регионализм трансграничен и совместим с экономической взаимозависимостью. Одновременно он более многомерен, поскольку включает в себя торгово-финансовое, экологическое, социально-политическое и иные формы сотрудничества, наконец, он предполагает многоаспектное участие негосударственных и субнациональных акторов.

В настоящее время современные международные экономические отношения детерминируется регионализмом, они все более основываются не на традиционной геополитической совокупности истории, культуры и традиций и классическом понимании суверенитета, а на субъективном осознании элитами своих базовых интересов, в конечном счете, определяемыми экономикой. В результате правящие элиты готовы пожертвовать «масштабом управления», соглашаясь на управляющие проекты негосударственного масштаба. Этот масштаб может быть транснациональным, а может и не достигать этого уровня. Иными словами, по нашему мнению, наиболее сильным фактором регионализма, прорывающего государственные границы, является экономический. Именно территориальное разделение труда, формирование экономических рынков, торговля всех уровней и типов, свободное движение капитала, трудовых ресурсов и товаров, интересы хозяйствующих субъектов могут обеспечить экономическую заинтересованность

территориальных элит в развитии регионализма. Однако трактовка регионализма «....как процесса формирования экономических сообществ близко расположенных государств посредством торговых соглашений преференционного типа»[47] представляется неполной, трактующей лишь одну форму регионализма.

Преодолеть достаточно сильное влияние фактора государственной принадлежности территории и имеющееся административно-территориальное деление можно лишь на основе четко сформулированного экономического интереса. Впрочем, и в условиях глобализации формирование экономических рынков, торговые и инвестиционные потоки и интересы компаний могут не совпадать с государственной территорией и имеющимся административно-территориальным делением. Таким образом, складываются предпосылки для регионализма на основе общих для группы территориальных субъектов экономических интересов. Экономический фактор не единственный при определении границ трансграничного региона, но, вероятно, главный. В его основе лежат особые экономические отношения, складывающиеся между входящими в данный трансграничный регион территориями национальных государств. «...В формировании целостности, относительной независимости экономики региона определяющую роль играют интенсивное и существенное взаимосвязей ее составных частей, превосходящие по этим параметрам связи между хозяйством региона и окружающей его социально-экономической и природно общественной средой. По сути дела, речь идет о том, что в экономике региона должны постоянно действовать силы сцепления, способные преодолевать и внутрисистемные центробежные силы...»[48]. Это положение полностью относится к трансграничным регионам, их формированию и развитию. Существует и определение региона в аспекте международных связей. В этом контексте регион понимается как структурная часть или подсистема международных экономических отношений, где процесс интернационализации имеет региональную основу, реализуемую порой вне существующих политических и административно-территориальных границ[49].

Таким образом, **можно выделить две взаимосвязанные формы регионализма: внутригосударственный и международный регионализм.** В первом случае имеет место процесс формирования внутригосударственных регионов, когда происходит объединение субъектов внутри государственной территории. Во втором случае мы сталкиваемся с важной тенденцией мирового развития. Рассмотрим генезис указанных тенденций.

Реализация регионами своих внешнеэкономических интересов осуществляется посредством влияния на центральную власть изнутри, в рамках системы государственной власти. Международная деятельность регионов осуществляется в таких сферах, как:

- усложнение территориальной системы управления;
- трансграничное сотрудничество;
- невоенные аспекты безопасности (экологическая, культурная безопасность);
- привлечение международных ресурсов для региональных программ;
- различные формы экономического и гуманитарного сотрудничества.

Выход территориальных субъектов и регионов на международный уровень обусловил появление формы международного регионализма. Межгосударст-

венный регионализм рассматривают с различных точек зрения. Как правило, его расценивают как элемент модернизации и прогресса. При этом регионализм часто признается угрозой государству, несущей опасность фрагментации, сепаратизма. Фактически регионализм отличается по характеру, также как по силе, и невозможно создать единственную модель (или теорию), объясняющую все варианты. Существующие в современном мире транснациональные регионы формируются прежде всего на экономической основе. Как правило, это своеобразные индустриальные, торговые и финансовые коридоры, системы осуществления транзакций, связывающие ведущие индустриальные центры. Каркасом формирования транснационального региона является некая система экономических взаимосвязей, выгодных участникам региона. Итак, регионы получили признание в качестве соответствующих политических единиц. Сначала их признание ограничивалось особой сферой политики, а именно, структурной политикой ЕС. Но сегодня представительство территориальных коллективных лиц в отдельных государствах-членах стало общим принципом и получило институционализацию в Комитете регионов. Отметим, что «структурная политика ЕС» — это как раз и есть движение финансовых потоков между регионами и отраслями стран Евросоюза.

Постепенное преодоление барьеров между государствами в политической, экономической, социальной и даже валютной сферах приводит к сравнительному ослаблению структуры государства как способа организации политического пространства. Происходит коренное изменение понятий «суверенитет» и «территориальность». В результате усиливаются позиции регионов относительно государств, возрастает стремление занять достойное место уже не в рамках одной страны, а более широкой общности. Теоретический анализ регионализма как явления и процесса стал частью научного исследования процессов глобализации. В этом контексте **возможен и подход, предполагающий, что существует «регионализм» как усиление внутригосударственных регионов и «регионализация», представляемая только как укрепление межгосударственных регионов в глобальном контексте**[50].

В Европе о возросшей самостоятельности регионов говорит, например, тенденция учреждения своих представительств непосредственно в Брюсселе, что предоставляет возможность их выхода сразу на наднациональный уровень, минуя государственный уровень. (Аналогичные примеры существуют и в России — загранпредставительства республики Татарстан и т.д.) Имеются прецеденты юридического закрепления свободы действий микрорегионов в отношениях с их заграничными партнерами. С другой стороны, организационно-управленческие подходы, кристаллизующиеся на уровне крупных корпораций, как бы воспроизводятся на уровне мирового хозяйства. «Успеху трансграничного сотрудничества европейских регионов в немалой степени способствовало и то обстоятельство, что национальные государства, а вслед за ними и наднациональные структуры, больше не видят в регионах политических конкурентов, перераспределяющих в свою пользу властные полномочия, а стали воспринимать их инициативы как политику, направленную на поиск дополнительных источников роста европейской экономики, а сами регионы — как более или менее эффективно функционирующие производственные системы, создающие новые площадки роста и повышающие конкурентные преимущества своих государств на мировом рынке»[51].

Усиление роли регионов в современном мире дает основания говорить о возможности появления в их лице новых политико-территориальных образований и становления их как субъектов региональной экономической политики и международных отношений. Особенностью формирования регионов является их трансграничная сущность или, по крайней мере, необязательность принадлежности к территории одного государства. Но все это не отрицает сохраняющегося влияния административно-территориального (территориально-политического) деления конкретного государства. Регион может обладать свойством пограничности, но не быть включенным в процессы формирования трансграничной общности. При этом самопровозглашение автономий вызывает конкуренцию центров силы мировых регионов по поводу включения новой единицы в зону своего влияния и, в перспективе, навязывания ей определенной функции в общерегиональной структуре. Региональные органы власти в своей внешнеэкономической деятельности руководствуются объективными экономическими соображениями. По словам американской исследовательницы Э. Вишник, пока федеральные власти в России занимались философскими дискуссиями о евразийстве, региональные власти вынуждены были решать реальные проблемы жизнеобеспечения, найдя один из ресурсов в экономической интеграции с зарубежными партнерами[52].

Очевидно и то, что границы регионов-государств могут не совпадать с государственными границами и не являются для них угрозой. Это естественные экономические зоны: на территории ЕС в качестве примеров «регионов-государств» можно назвать север Италии, регионы Каталонию, Эльзас-Лотарингию. К. Омае выделяет основные критерии «регионов-государств», а именно:

- связь с глобальной экономикой, а не с национальным государством; связи поверх религиозных, этнических или расовых различий;
- население от 5 до 20 млн человек, т.е. «регион-государство» должен быть достаточно мал для того, чтобы его жители разделяли общие экономические и потребительские интересы, но достаточно велик для создания транспортной инфраструктуры и инфраструктуры деловых услуг высокого качества[53].

Данный подход опирается на понимание того, что «с экономической точки зрения понятие политической границы является, собственно говоря, абсолютно произвольным. Так, для благосостояния Баварии ее экономические связи с землей Северный Рейн-Вестфалия столь же важны, что и с Францией»[54]. Очевидно то, что такие контакты государств могут быть не только благом. Торговля приграничных российских регионов с соседними государствами может развиваться в ущерб развитию внутрироссийским хозяйственным связям. В этом случае возникает экономическая основа для сепаратизма этих регионов и включения их в другие экономические системы, а не в единый народнохозяйственный комплекс России.

В результате свойства и контуры региона могут меняться в зависимости от динамики внутрирегиональных и внешних связей или под влиянием иных факторов (например, столкновения интересов нескольких стран). Внутри региона в этом случае могут выделяться субрегионы — локальные группы государств — с более тесными и имеющими свою специфику по отношению ко всему региону в целом взаимоотношениями.

Российский и западный регионализм: общее и особенное

Регионализм как тенденция мирового экономического и политического развития имеет две ипостаси. Изначально следует учитывать некоторые различия, специфику регионализма в России, проявляющиеся в условиях переходной экономики и территориальных масштабов нашей страны. Далеко не все признаки регионализма проявляются в России, с другой стороны, наша страна объективно влияет на регионализм, вообще вкладывая в это понятие особое содержание.

Западный регионализм как теоретическая концепция и хозяйственная практика развивался в иных условиях, имеет иную природу и ведет к последствиям, не характерным для проявлений регионализма в России. Эволюция статуса государств как международных акторов — процесс постепенный и имеющий значимое историческое измерение. При этом если в течении длительного довестфальского периода шла медленная кристаллизация политико-правового статуса государств, то период с 1648 г. до конца XX в. мы можем определить как «золотой век государств». Национальное государство — такая политическая единица возникла за долгие века европейской экспансии. Произошло это главным образом из-за войн. Франция объединилась, потому что боялась Англии, Испания — потому что боялась исламской экспансии, Великобритании — Испании, а Германия — Франции. Во времена агрессивных войн государство проявило себя крупнейшей единицей, которая не распадались и при наличии региональных интересов.

«В Европе периода Нового времени оказалась неспособной к самостабилизации старая форма империи, объединяющей множество народов, — империи, продолжавшей существовать в виде старой Римской империи германской нации или Российской и Османской империй. Среднеевропейский пояс городов дал вторую, федеративную структуру формирования государств. Прежде всего, в Швейцарии возникла такая федерация, которая оказалась достаточно сильной для того, чтобы снять этнические напряжения мультикультурного гражданского союза. Но лишь третья форма — централизованное территориальное государство — для европейской системы государств надолго приобрела структурирующую силу»[55].

Движение к объединению Европы связано с реализацией массы экономических преимуществ. Но при этом провинции все более активно требуют автономии. Ибо политические единицы, меньшие, чем государство (Эльзас, Бавария, Нормандия, Уэльс, Шотландия), так или иначе принесли в жертву идее прочного государства свои национальные, в том числе экономические интересы. В порядке компенсации они получили часть экономических привилегий общегосударственного масштаба. В начале XXI в. многонациональному государству почти нечего предложить своим провинциям. Экономические блага и политические свободы перераспределяются на уровень региона с наднационального уровня — ЕС.

В конце XX и начале XXI в. европейский регионализм стал, прежде всего, инструментом экономического сотрудничества, позволяющим обеспечивать развитие приграничных районов — «глухих углов» запутанной сети европейских границ. Такой регионализм лежит в основе всей европейской интеграции. При этом органы экономического управления в ЕС критически относятся к регионализму как идеологии политического сепаратизма и экономической обособленности. (Оце-

нивая западный регионализм, мы исходим из того, что российский регионализм имеет другую природу).

Проявлением регионализма в этой форме является и образование транснациональных регионов — еврорегионов.

В настоящее время европейский регионализм стал, прежде всего, политическим проектом, а лишь затем инструментом экономического сотрудничества и основанием для преодоления межтерриториальных диспропорций.

Европейский экономический регионализм — это объективный процесс реализации государственного, административного и международного потенциала субъектов различных европейских государств, формирования и развития экономических связей и контактов между ними в рамках и границах юридических полномочий. В экономическом плане в основе европейского регионализма лежит объективная практика формирования территориального разделения труда как социального, а не пространственного процесса, хотя он и имеет четкие территориальные последствия.

Говоря о специфике западноевропейского регионализма, следует учитывать его исторический и политический контекст. В период блокового противостояния проблемы национальных меньшинств, языков, межконфессиональных отношений, экономического сепаратизма в Европе были отодвинуты на второй план, но не решены. Отдельные эксцессы — Северная Ирландия, проблема басков, не меняли общего впечатления. Для Западной Европы в целом оправдывалось предположение Э. Геленера, который утверждал, что «в эпоху позднего индустриализма, — благодаря росту благосостояния, уменьшению дистанций между культурами, появлению всемирного рынка и стандартизации образа жизни, — накал националистических страстей постепенно снижается»[56].

В 1990-е годы существовавшее понимание политической необходимости взаимной сплоченности начало утрачиваться. События ноября 2005 г. заставляют нас пересмотреть данный прогноз. Дезинтеграционные процессы, захлестнувшие страны Восточной Европы, стимулировали лидеров Западной Европы начать в 1992 г. новый этап европейской интеграции. Неравномерность экономического развития отдельных регионов западноевропейских стран в определенной степени служит благодатной почвой для возникновения региональных противоречий.

Существовали как минимум три параллельных процесса изменений, которые оказывали влияние на региональное развитие Западной Европы с 1945 г. Во-первых, имел место процесс интернационализации территориальных экономик и неуклонное размывание межгосударственных границ в ходе распространения сообщений, идеологий и стилей организации. Во-вторых, спрос на ресурсы и ожидания удовлетворения этого спроса, а также производительная сила механизированного производства в каждом государстве возросли: давление, вынуждающее к распространению благосостояния и услуг в сфере образования, а также к увеличению помощи менее продуктивным секторам и регионам экономики увеличили стоимость затрат инфраструктуры. В-третьих, наблюдался рост усилий по мобилизации периферии, регионов и даже районов, направленной против национальных центров, и утверждение (или подтверждение) меньшинствами требований культурной автономии и полномочий в принятии решений, касающихся данной территории.

Обращает на себя внимание и тенденция к переходу унитарных государств к федеративному и квази-федеративному устройству (Бельгия, Великобритания, Испания). Эта тенденция сочетается с ростом общественного интереса к местной истории, изучению региональных диалектов, культуре провинций и регионов. При этом, как уже было отмечено, европейский регионализм не предполагает деструкцию единого экономического пространства, ухудшения качества жизни, роста региональных различий.

Переходя к рассмотрению российского регионализма, следует подчеркнуть то, что **российский регионализм имеет как другую природу, так и другие экономические и политические последствия**.

Российский регионализм понимается как теоретико-методологический подход, предусматривающий существование региона как территории, наделенной соответствующим статусом для целей административного и экономического управления, занимающей при этом промежуточное место между центральным правительством и местным самоуправлением. Очевидно, что в данном случае можно выделить и узко экономическую трактовку, в рамках которой экономический регионализм рассматривается как совокупность процессов воспроизводства, базирующихся на специфике территориальной структуры экономики, природных и трудовых ресурсов.

Российский регионализм получил иную природу, чем в Европе. Он опирается на феноменальную по отношению к Европе дифференциацию природных и экономических условий и «оформлен» экономическими интересами не только органов власти, но и олигархических групп, как в центре, так и на местах. Тридцатикратные различия по душевому уровню ВРП в масштабе регионов сопоставимых, а то и больших, чем любая европейская страна. Российский регионализм проистекает из деструкции экономического (и политического) пространства в 1990-е годы. Именно поэтому он выражается в попытках формирования особых моделей развития и замыкания товарных рынков. Теоретико-методологическое обоснование этих проектов восходит к идеям регионального хозрасчета и свободных экономических зон. Регионализация в России (СССР) исторически предопределена процессами модернизации. Индустриализация, начавшаяся в конце XIX в., приобрела очаговый характер, создавая центры передовой для того времени индустрии. Она проявлялась как реализация политики «выравнивания» уровней социально-экономического развития республик Советского Союза, затем — реализация потребностей военной экономики, далее — как борьба интересов отдельных властвующих групп и субъектов экономической деятельности.

Российский регионализм имеет неустойчивый характер. Его характеризуют опора на исторически сложившуюся пространственную дифференциацию уровней экономического развития и постоянная эволюция форм территориального управления и механизмов регионального развития. Постсоветский регионализм выступает как процесс экономической и политической дезинтеграции с формальным сохранением общего государства и границы.

Регионализм в России имеет двойственную природу. С одной стороны, он существует в рамках действия базовых тенденций мирового развития, с другой — существует российская специфика, связанная со следующими факторами:

- возникшими новыми задачами, связанными с функционированием межрегионального рыночного и информационного пространства;
- величиной территории России и дифференциацией природных условий, пространственным рассредоточением элементов производительных сил на обширной территории России;
- необходимостью проведения согласованной межрегиональной структурной, инвестиционной, социальной, внешнеэкономической, финансово-кредитной, экологической и научно-технической политики.

В контексте российского регионализма наибольшее распространение получили три парадигмы региона:

1. **Регион — квазигосударство**, относительно обособленная подсистема национальной экономики. В России 1992–1999 гг. регионы аккумулируют все больше функций и финансовых ресурсов, ранее принадлежавших «центру». Одна из главных функций региональной власти — взаимодействие общегосударственных и региональных властей, а также стимулирование разных форм межрегиональных экономических отношений, что обеспечивают функционирование региональных экономик в системе национальной экономики. Такой подход полностью адекватен сути российского регионализма первой половины 1990-х годов. Символом его является сначала «карточка покупателя» и затем «псевдотаможенные» заслоны на границах субъектов федерации.

2. **Регион — как квазикорпорация**, территория фактически скуплена крупным собственником (региональной и муниципальной) экономической деятельности. В этом качестве регионы как форма властного оформления амбиций корпораций становятся участниками конкурентной борьбы на рынках товаров, услуг и капитала. Классический пример: деятельность «Сургутнефтегаза» или «Норильского никеля» в соответствующих регионах во второй половине XX в. Регионы — квазикорпорации, в отличие от регионов первого типа уже начинают активное взаимодействие с транснациональными корпорациями, что оказывает сильное влияние на экономическое положение регионов.

3. **Регион — как конкурентный рынок**, имеет определенную специализацию и интенсивные внешнеэкономические связи, но прежде всего акцентирует внимание на общих условиях экономической деятельности, которыми и пытается управлять в борьбе за инвестиционную привлекательность. В российских условиях начала XXI в. позиционирует себя как «точка, или полюс роста».

Тенденция, преобладавшая в современной России вплоть до 2000–2001 гг. — автономизации экономических и социальных процессов, связанная с радикальной перестройкой единого народнохозяйственного комплекса, как в территориальном, так и в отраслевом плане. Накопленные в предыдущий период структурные деформации в сочетании с трудностями перехода к рыночным основам хозяйствования требуют поиска новой модели экономического развития. При этом в каждом субъекте федерации, обладающем определенными ресурсами, сформировалась своя модель хозяйствования.

В России в конце 1990-х годов развернулось строительство новых «культурно-экономических» регионов. Последние формируются как сообщества, основанные на пространственной локализации определенных видов экономической деятель-

ности, центром которой является управление финансами и собственностью, разработка новых технологий и продуктов, а также создание необходимой для этого информационно-коммуникационной инфраструктуры и сферы социально-культурных услуг[57]. Эти сообщества были ориентированы на переход к постиндустриальной экономике и культурной интеграции.

Политико-правовая унификация 2000–2005 гг. не смогла полностью устранить специфику региональных политических режимов и экономических подходов на субъектном уровне. При этом российское государство, в лице Президента декларируя определенную самостоятельность своих территориальных единиц, первостепенной задачей признало ответственность за территориальную целостность страны, недопущение политических, экологических, экономических, этнических и иных региональных проблем. Возникает закономерный вопрос, а разве региональное развитие, регионализация в Европе не детерминируется, в конечном счете, теми же естественными ограничителями?

При этом «...принятие новых членов не только географически продвинуло ЕС на Восток, но и сблизило уровень экономического развития интеграционного объединения ЕС с интеграционным объединением ЕЭП СНГ»[58]. Новые приграничные регионы России по отношению к расширившемуся ЕС по показателям ВРП на душу населения не радикально отличаются от соседствующих территорий: Псковская область — Латгалия; Ленинградская область — Ида-Вирумаа Эстонии. Это обстоятельство несколько сближает современную практику российского и западного регионализма в приграничных районах.

Региональная интеграция (т.е. интеграция между несколькими странами, обычно находящимися в одном географическом регионе) представляет собой нечто иное, чем уменьшенная копия интеграции в мировой экономики. Она имеет ряд отличий. Региональная интеграция может способствовать повышению конкурентоспособности стран-участников не только друг относительно друга, но и относительно третьих стран. Региональная интеграция может стать для компаний и их территорий своего рода «учебным полигоном» перед тем, как им придется действовать в условиях более широкой международной конкуренции[59]. Это положение означает возникновение региональной конкуренции как фактора формирования региональной политики, механизма экономического и политического развития территории. Профессор Энтони Куклинский так говорит о новом качестве региональной политики: «...ее необходимость выражается фразой “Регионы, глобализация и “интеллектуальная” экономика”. Регион должен быть эффективным актором на мировой арене. Поэтому глобально ориентированная региональная политика — единственно верная в XXI веке»[60].

Однако определения региональной конкуренции, устраивающего всех, не существует. После заявления Пола Кругмана о том, что применительно к странам мира концепция конкурентоспособности лишена смысла, начались поиски новых моделей анализа конкуренции[61]. При разработке этих моделей базовой предпосылкой является то, что национальное хозяйственное управление стало более трудным вследствие увеличения мобильности капитала и возникновения транснациональных корпораций. Спекулятивные потоки капитала ограничивают свободу правительств в макроэкономической политике, зачастую вынуждая их поддерживать более высокую ставку процента, чем того требует внутреннее положение. Спо-

собность транснациональных компаний совершать капиталовложения усиливает конкуренцию за их привлечение, хотя государства не решаются оказывать фирмам поддержку в развитии регионов, так как затем они могли бы предпочесть попросту покинуть страну. Финансовое давление ограничило масштабы региональных расходов, а усилившаяся международная конкуренция привела правительство к поддержке своих наиболее конкурентоспособных секторов и регионов, а не наиболее нуждающихся[62].

Подводя итоги, следует отметить, что современный западный регионализм не только трансграничен, но и конкурентен. Сегодня регионы в определенной мере обеспечивают структурную конкурентоспособность страны. Управление при этом выстраивается по линии: «регион — мировая хозяйственная система». Такой подход, безусловно, соответствует западной трактовке регионализма. Императив развития российского регионализма существенно сложнее. На его формирование влияет специфика исторического развития нашей страны, характер нашего непростого взаимодействия с Европой. Вместе с тем, очевидно движение в сторону интеграции теоретико-методологических основ российского и западного регионализма.

Примечания

[1] *Распопов Н.П.* Социально-политическая стабильность региона — субъекта РФ // Полис. 1999. № 3. С. 89.

[2] *Роккан С., Урвин Д.* Политика территориальной идентичности. Исследования по европейскому регионализму // ЛОГОС. 2003. № 6 (40). С. 117–118.

[3] *Радаев В.В.* Есть ли шанс создать российскую национальную теорию в социальных науках? // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 3. С. 207–208.

[4] *Миськевич Г.И., Хаустова Ю.Ф.* Терминология и культура. М., 1981. С. 542.

[5] *Некрасов Н.Н.* Региональная экономика. 2-е изд. Экономика, 1978; *Дмитриева О.Г.* Региональная экономическая диагностика. СПб., 1992; *Изард У.* Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. М.: Мысль, 1966; Категории региональной экономики / Препринт Института социально-экономических проблем АН СССР. Л., 1985; *Хорев Б.С.* Региональная политика в СССР. М., 1989; *Шнипер Р.И.* Регион: экономические методы управления. Новосибирск, 1991; Основания регионалистики. СПб., 1999.

[6] Большой юридический словарь. М., 1998. С. 585–586.

[7] Большой толковый словарь иностранных слов. Т. 3. Ростов-на-Дону, 1997. С. 173.

[8] Oxford English Dictionary. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press. T. XIII. P. 510–511.

[9] The McGraw-Hill Dictionary of Modern Economics: A Handbook of Terms and Organizations. N.Y. etc.: McGraw-Hill Inc, 1965. P. 431.

[10] *Puchala D.J.* Of Blind Men, Elephants and International Integration // Journal of Common Market Studies. 1972. No. 10. P. 47.

[11] *Алаев Э.Б.* Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М., 1983. С. 69.

[12] См.: *Сергунин А.А.* Проблемы и возможности регионалистики // Полис. 1994. № 5. С. 149–150.

[13] Федерализм. Энциклопедический словарь. М., 1997. С. 199.

[14] Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон. СПб., 1999. С. 9.

[15] *Маршалов А.С., Новоселов А.С.* Основы теории регионального воспроизводства. М., 1998; *Ларина Н.И., Кисельников А.А.* Региональная политика в странах рыночной экономики. М., 1998; *Сигов И.И.* Региональная политика и управление. Чебоксары, 1997.

[16] *Некрасов Н.Н.* Региональная экономика. М., 1975. С. 14.

[17] *Пробст А.Е.* Региональная экономика и экономическая география // Теоретические аспекты экономической географии. Л., 1975. С. 81.

[18] *Алаев Э.Б.* Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М., 1983. С. 44.

[19] *Фетисов Г.Г., Орешин В.П.* Региональная экономика и управление. М., 2006. С. 36.

[20] Экономическая энциклопедия. Т. 3. М., 1985. С. 477.

[21] На пороге новой регионализации России. Н. Новгород, 2001. С. 10–12.

[22] Системный анализ экономики региона. Ижевск, 1999. С. 13.

[23] *Добрынин А.И.* Региональные пропорции воспроизводства. Л., 1977. С. 9.

[24] *Херрманн-Пиллат К.* Предисловие главного редактора к журналу Politekonom № 11 // URL: www.politekonom.ru/ec_pol/ antology/arch_antol/1023142359.rtf 29.04.2005.

[25] *Балдецкая О.Р.* Особенности пограничного региона и их влияния на этнонациональную идентичность // Регион: проблемы и перспективы. 1997. № 3. С. 54.

[26] *Баранский Н.Н.* Избранные труды. Становление советской экономической географии. М., 1980. С. 73.

[27] *Кабо Р.М.* Природа и человек в их взаимных отношениях как предмет социально-экономической географии // Вопросы географии. 1947. № 1. С. 28.

[28] *Долинин А.А.* Социальная география особая ветвь географии населения // Теоретические аспекты экономической географии. Л., 1975. С. 57.

[29] *Долинин А.А., Бугаев В.К., Шипунова З.И.* Проблемы методики и методологии исследования территориальных общностей в системе социального районирования // Социальная география СССР. Л., 1984. С. 101.

[30] *Бурдье П.* Начала. М., 1994. С. 185.

[31] *Бурдье П.* Социология политики. М., 1993. С. 60.

[32] *Сухарев А.И.* Научное управление развитием социальной структуры социалистического общества. Саранск, 1978. С. 29.

[33] *Межевич М.Н.* Территориальная общность людей и социальное развитие в условиях социализма // Социологические исследования. 1978. № 3. С. 31.

[34] *Щепанський Я.* Элементарные понятия социологии. М., 1969. С. 167.

[35] *Ландабасо А.* К вопросу о теории регионального развития // Федерализм. 1998. № 1. С. 42.

[36] *Алексеев В.В.* Регион-этнос-культура // Россия в XX веке. Проблемы межнациональных отношений. М., 1999. С. 90.

[37] *Jukarainen P.* Any Space for the Postmodern Identity? // International Conference: «Border Regions in Transition». 1997. June14–18. P. 5.

[38] *Hurrell A.* Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // Review of International Studies. October 1995. Vol. 21. P. 333.

[39] *Силин Е.* Россия в Евроатлантическом регионе // Власть. 1998. № 12; *Малыгин А.* Средиземноморское измерение европейской безопасности // Власть. 1999. № 7; *Сергунин А.А.* Регионализация России: роль международных факторов // Полис. 1999. № 3; *Макарычев А.* Регионостроительство: концептуальные контексты (постановка проблемы на примере Приволжского федерального округа) // Материалы конференции «Федеративные отношения, региональное развитие и федеральные округа». Казань, 28–29 ноября 2002 г. URL: http:// kazanfed.ru/actions/konfer3/doklad8/ (11.11.2005).

[40] *Мунтян М.А.* Интернационализация, интеграция и регионализация мира (постановка проблемы) // Проблемы глобальных и региональных процессов. М., 1996. С. 125.

[41] *Keohane R.O., Nye J.S. (Jr.).* Transnational Relations and World Politics. Cambridge: Harvard University Press, 1972.

[42] *Czaga P.* Domestic Structures Approaches in International Relations // The Globalization of Eastern Europe. Teaching International Relations Without Borders / Ed. by Klaus Segbers and Kerstin Imbusch. Munster. Hamburg; L.: Lit Verlag, 2000. P. 122.

[43] *Андерсон М.* Границы Европейского Союза. Доклад на конференции «40 лет римским договорам: европейская интеграция и Россия» / Центр европейской документации ФМО СПбГУ, СПб. URL: http://www.edc.spb.ru/activities/conferences/ 40years/anderson.html (10.11.2005).

[44] *Evans G., Newnham J.* Dictionary of International Relations. L., 1998. P. 274.

[45] *Fawcett L.* Regionalism in Historical Perspective // Regionalism in World Politics / Ed. by L. Fawcett and A. Hurell. Oxford University Press, 1995. P. 26.

[46] *Долгов С.И.* Глобализация экономики. Новое слово или новое явление. М., 1998. С. 13.

[47] Восток / Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М., 2002. С. 8.

[48] Государственное и муниципальное управление: регионально-экономические детерминанты // Ред. Р.А. Исляев. СПб., 2002. С. 38.

[49] *Вертинская Т.С.* Понятие регионов в системе МЭО. Гуманітарныя і сацыяльныя навукі на зыходзе XX стагоддзя (Зб. навук. арт.). Мн., 1998. С. 315–321.

[50] *Барабанов О.Н.* Тенденции регионализации в Европе и интересы России // Мировая политика и международные отношения на пороге третьего тысячелетия / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: МОНФ, 2000. URL: http:// www.auditorium.ru/books/126/intrelation-barabanov.htm (30.01.2005).

[51] *Александров О.Б.* Особенности участия российских регионов в процессе формирования расширенной Европы // Европейские страны СНГ. Место в «Большой Европе». М., 2005. С. 253–254.

[52] *Wishnick E.* Russia in Asia and Asians in Russia. — SAIS Review // A Journal of International Affairs. Winter–Spring, 2000. No. 1. P. 92.

[53] *Ohmae K.* Managing in a Borderless World // B. de Witt, R. Meyer (ed.). Strategy. Process, Content, Context. An International Perspective. Minneapolis, St. Paul, N.Y., Los Angeles, San Francisco, 1994. P. 489–495.

[54] *Херрманн-Пиллат К.* Предисловие главного редактора к журналу Politekonom № 11 // URL: www.politekonom.ru/ec_pol/ antology/arch_antol/1023142359.rtf (149 КБ) (29.04.2005).

[55] *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С. 211.

[56] *Гелленер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Путь. Международный философский журнал. 1992. № 1. С. 42.

[57] На пороге новой регионализации России. Н. Новгород, 2001. С. 8.

[58] *Сафонов И.А.* Россия в общеевропейском процессе интеграции. М., 2005. С. 48.

[59] *Бенаройа Ф.* Европейская интеграция и конкурентоспособность их значение для России // Российско-Европейский центр экономической политики. М., 2005. С. 13.

[60] *Kuklinski Antoni.* Towards a new model of regional policy presentation in the framework of the last panel of the Ostuni Conference — Rethinking Regional Development Policies. The role of social capital in promoting competitiveness in less favoured regions. Ostuni, Italy. July 2–5 2003.

[61] *Krugman P.* Competitiveness — A Dangerous Obsession // Foreign Affairs. 1994. March/ April. Vol. 73. No. 2.

[62] *Китинг М.* Новый регионализм в Западной Европе // ЛОГОС. 2003. № 6 (40). С. 81.

1. В чем отличие территориально-политического деления от административно-территориального?
2. На чем основывается эффективное управление единицами АТД?
3. Назовите основные количественные и пространственные параметры системы АТД.

С.А. Тархов

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ*

Введение и постановка проблемы

Административно-территориальное деление (АТД) — разделение территории унитарного или квазифедеративного государства (страны, региона) на части, называемые административно-территориальными единицами (АТЕ), управление которыми осуществляется из административных центров и столицы государства. Это разделение охватывает всю территорию страны (региона) без остатка. Административно-территориальные единицы имеют законодательно зафиксированные границы.

Более сложная и смешанная система АТД существует в федерациях и конфедерациях. В государствах с полным федерализмом их части имеют особый статус и обладают определенной самостоятельностью. Части такой федерации (самостоятельные и самоуправляющиеся государства и регионы) не являются административно-территориальными единицами в обычном смысле и называются территориально-политическими единицами (например, земли Германии, штаты США, штаты Австралии, провинции и территории Канады). Территориально-политическое деление отличается от АТД тем, что отражает сложившееся исторически распределение по территории культурно-политических институтов, традиций, пространственные группировки политических элит. В каждой территориально-политической единице может существовать свое собственное внутреннее АТД, которое отличается от АТД соседней территориально-политической единицы одного и того же государства.

---

* *Тархов С.А.* Основные направления географического изучения административно-территориального деления // Региональные исследования. 2019. № 1. С. 6–15.

Исследование выполнено в рамках бюджетной темы Института географии РАН «Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях его неравномерности и глобальной нестабильности» № 0148-2019-0008 и Программы Президиума РАН № 53.

Территориальные единицы 1-го уровня в квазифедерациях (например, штаты Мексики, Венесуэлы и Бразилии, штаты и области Мьянмы) не обладают таким уровнем самостоятельности, а потому являются обычными элементами традиционного АТД унитарного государства. Квазифедерации состоят из неравноправных членов (например, штаты и союзные территории Индии, эмираты Абу-Даби и Дубай имеют больше полномочий, чем остальные эмираты ОАЭ, в Венесуэле есть штаты и федеральные территории).

Таким образом, АТД есть во всех типах государств, но оно различается в каждом из них своей пространственной организацией.

Основными принципами устройства АТД являются иерархичность, нормативность, оптимальность, убиквитетность, унитарность в сочетании с исключительностью, управляемость, коммуникативное единство.

Управляемость и надежность управления единицами АТД опираются на строго построенную иерархию АТЕ: каждая единица самого низшего уровня АТД подчиняется единицам всех более высоких уровней иерархии. Чем выше уровень иерархии АТЕ, тем число таких единиц меньше.

Система АТД по своей сути нормативна, так как предписывается заранее и установлена юридически (как правило, законодательно).

Сама система АТД и сетка АТЕ должны быть наиболее оптимальными, чтобы достигать своей главной цели — всеохватно управлять людьми на территории, на которой они проживают. В этой системе должно быть оптимально управляемое число АТЕ на каждом уровне иерархии. Если оно слишком велико, то управлять таким большим числом АТЕ невозможно. Поэтому для более эффективного управления бóльшего числа АТЕ их либо объединяют в более крупные ячейки (например, федеральные округа в России), либо укрупняют низовые ячейки, чтобы повысить уровень их управляемости.

Система АТД убиквитетна (повсюдна), т.е. охватывает всю территорию и одинаково устроена на всех ее участках, т.е. она преимущественно унифицированная. Однако бывают исключения, поскольку при всей унитарности этой системы существуют особые АТЕ с иным юридическим статусом, чем все остальные АТЕ. Эти исключительные АТЕ всегда нарушают жесткую пространственную логику унитарности системы АТД.

Например, федеральные столичные округа в США, Мексике, Бразилии, России; автономные районы в КНР; территории с особым статусом и т.д.

Главный принцип системы АТД — управляемость людьми на территории из административного центра более высокого ранга. Она может достигаться только при наличии развитой системы коммуникаций (транспорта, связи) и оптимальных размеров самих АТЕ и их числа. Территория управляема только в условиях надежной системы коммуникационных возможностей, т.е. при наличии прямых железных и автомобильных дорог, водных путей, прямого авиасообщения из центра управления в управляемые подцентры; надежных телекоммуникаций между ними — сети Интернета, мобильной и стационарной связи, магистральных оптоволоконных кабелей.

Кроме традиционного АТД территория страны (региона) может делиться на:

- специальные государственные управленческие территориальные единицы (военные округа, железные дороги, лесные администрации и управления, почтовые районы и т.д.);

- негосударственные институциональные территориальные единицы (например, конфессиональные — диоцезы, митрополии, епархии, приходы).

Функциональную структуру АТД изучает политология, а ее пространственную организацию — социально-экономическая география, в которой, в рамках политической географии, сложилось особое направление — география административно-территориального деления.

В предлагаемой читателям статье дается краткий обзор возможных направлений географического изучения систем АТД, методов количественного измерения последних и анализ их изменения во времени.

Обзор ранее выполненных исследований

Вопросами изучения географии АТД занимались всегда и во многих странах. Перечислить основные работы всех авторов по этой тематике в статье невозможно из-за их обилия. Отметим здесь лишь наиболее интересные отечественные публикации и исследования последних десятилетий.

Прежде всего, это фундаментальная книга В.А. Колосова [6], в которой проанализированы существующие системы АТД разных стран, их проблемы, пути их решения, результаты реформ АТД в ряде стран. В более сжатом виде эти идеи изложены в учебниках [7, 18]. Об особенностях систем АТД России, изменении кратности числа АТЕ 2-го и 3-го уровней, оптимальном числе и размерах АТЕ писал А.И. Трейвиш в монографии [17]. Анализу принципов АТД России в историко-географическом плане посвящены работы А.Н. Жигло [5], Н.Т. Агафонова и соавторов [1].

Устойчивость границ и самих низовых ячеек АТД изучили Ю.С. Никульников, В.П. Мосунов и А.А. Сысоев на примере Канско-Ачинского бассейна [12], А.Г. Манаков [11] на примере Северо-Запада. М.П. Крылов в своей работе показал, что более половины границ областей Центральной России повторяют дореволюционные [8].

О необходимости проведения реформ систем АТД на низовом уровне в России писали Э.Л. Файбусович и В.В. Плеечанова [19], против их проведения выступали М.П. Крылов [9] и А.Г. Манаков [10].

Этапы эволюции системы АТД России за 300-летний период (1708–2002 гг.) эмпирическим путем выявлены автором настоящей статьи [13–15]. В этих работах им обнаружены сменяющие друг друга волны укрупнения и разукрупнения АТЕ России 1-го уровня. Изучением изменения структуры АТД России занималась также П.М. Шульгин и О.В. Шульгина [20, 21]. Эволюцию системы АТД Молдавии подробно изучил А.А. Герцен [4].

В работах А.П. Васильева [2, 3] тщательным образом проанализированы статические пространственные структуры АТД Франции и Германии, процессы их изменения за длительный (более чем 200-летний) период. Он использовал в работе анализ пространственных параметров национальных систем АТД, а также применил пространственно-временной подход при исследовании колебательного процесса устойчивости и изменчивости пространственной организации АТД этих стран.

В упомянутых выше работах в значительной степени раскрыты многие вопросы географии АТД.

Материалы и методика исследования

Основными *направлениями исследований* географии АТД являются изучение иерархии его единиц, конфигурации сети АТД, ее топологии, особенностей распределения числа соседей и размера единиц АТД, пространственной логики районирования территории на административно-территориальные единицы, процессов изменения сети АТД, факторов формирования сети АТД, устойчивости и изменчивости сети единиц АТД и сети административных центров, эволюции пространственной структуры АТД.

Одним из важнейших для географов направлением изучения пространственной организации систем АТД является анализ их пространственных и количественных параметров.

Одной из задач географии АТД являются подбор и поиск оптимального размера единиц АТД определенного иерархического уровня для конкретной страны (региона) в конкретных социально-экономических, культурно-исторических и геополитических условиях.

Сетка АТЕ повседневно используется географами, так как любой анализ территориальных различий опирается на статистику, собираемую государственными информационными органами по ячейкам АТД (низовым, среднего или высокого уровня). Единицы АТД используются для сбора региональной статистики. Чем территориально дробнее представлены статистические данные, тем детальнее можно изучать территорию, жизнедеятельность людей на ней. Сеть низовых ячеек АТД является одним из главных инструментов эконом-географа изучения реальности.

При пространственном анализе распределения какого-либо изучаемого экономико-географом явления с помощью статистических данных по низовым ячейкам АТД сначала составляются карты, а затем из этих мелких ячеек группируются (выделяются) ареалы распространения явления. АТЕ — объект, через который можно видеть территорию и изучать реальные социально-экономические, политические и иные процессы того или иного региона. Имея дробную территориальную статистику, можно генерализовать эти данные и выделить настоящие ареалы распространения изучаемых явлений.

Полученные результаты исследования

Количественные и пространственные параметры системы АТД. К количественным параметрам систем АТД относятся число *уровней иерархии* (1–2–3–4–5), *число АТЕ каждого уровня иерархии, территориальные размеры АТЕ* (площадь, км^2), *соотношение числа АТЕ к площади* (средним размером ячейки АТЕ) и к *людности* (численности населения) АТЕ. Пространственными параметрами АТД являются *число соседей* (или коэффициент соседства), *уровень транспортной проницаемости* (барьерности) *границ АТЕ, форма* (конфигурация) *АТЕ, максимальный диаметр ячейки АТЕ.* Наиболее сложным пространственным параметром системы АТД является ее *топологическая структура*. Последняя количественно измеряется числом топологических ярусов [16], значениями топологического диаметра, топологического радиуса, степенью топологической центральности и эксцентриситета административного центра АТЕ.

В данной статье мы коснемся лишь *количественных параметров системы АТД.*

Система АТД имеет *несколько уровней* подчинения и пространственной *иерархии* (от 1 до 5): единицы 1-го, 2-го, 3-го и т.д. ранга иерархии. Это означает, что единица 1-го порядка состоит из нескольких единиц 2-го порядка, а единица 2-го порядка состоит из еще большего числа единиц АТД 3-го порядка и т.д. Число уровней иерархии зависит от размера страны и единиц АТД, а также их населенности.

Если рассмотреть в качестве объекта системы АТД государств, то в мире в целом встречаются следующие типы стран по числу уровней иерархии АТЕ:

- 1-уровневые, или однозвенные; как правило, это — небольшие страны (например, Лихтенштейн с 11 общинами и Андорра с 7 приходами);
- 2-уровневые, или двухзвенные (например, Нидерланды: 12 провинций и 504 общины);
- 3-уровневые (например, Швейцария: 23 кантона и 3 полукантона, 178 округов и районов, 2495 коммун);
- 4-уровневые (например, Боливия: 9 департаментов, 112 провинций, 324 муниципалитета, 1408 кантонов);
- 5-уровневые (например, материковая Франция: 12 регионов, 96 департаментов, 326 округов, 3827 кантонов, 36 538 коммун). Система АТД Китая — самая сложная среди всех национальных систем АТД. 1-й провинциальный уровень включает в себя 22 провинции, 5 автономных районов (провинции со значительной численностью национальных меньшинств), 4 города центрального подчинения, 2 специальных административных района (Гонконг, Макау); 2-й окружной уровень — около 350 округов (283 городских округа, 30 автономных округов, 17 округов (префектур), 15 городов субпровинциального значения, 3 аймака, 1 автономный округ субпровинциального значения); 3-й уездный уровень — округа делятся на 1464 уезда, 117 автономных уездов, 374 городских уезда, 852 района городского подчинения, 49 хошунов, 3 автономных хошуна, 2 специальных района, 1 лесной район; 4-й волостной уровень — уезды делятся на 14 677 волостей, 1092 национальные волости, 19 522 поселка, 181 сомон, 1 национальный сомон, 6152 уличных комитета; 5-й деревенский уровень — волости делятся на 80 717 городских селений (общинные комитеты, общины) и 623 669 деревенских селений (деревенские комитеты, деревенские группы, административные деревни, естественные деревни).

Как правило, в странах преобладают системы АТД с 3 уровнями иерархии.

Чаще всего встречаются четыре типа соотношений числа единиц АТД 1-го и 2-го уровней иерархии: от 1:3 до 1:6; от 1:10 до 1:13; от 1:19 до 1:23; от 1:90 до 1:100. Остальные пропорции крайне редки. Эти соотношения детерминируются пространственными размерами страны, особенностями истории формирования системы ее АТД.

Число и размер единиц АТД первого звена во многом определяется размерами самого пространства страны (или региона). Оно не должно быть очень большим, иначе центр не сможет эффективно управлять таким большим количеством АТЕ. В федеративных государствах оно составляет 23–36, в унитарных, как правило,

не превышает 50–55 (естественный порог управляемости; хотя есть исключения — США и Россия).

Проведенные нами расчеты числа АТЕ 1-го уровня иерархии в античных, средневековых империях и государствах (табл. 1) показывают, что оно варьирует в вышеуказанных пределах.

Из таблицы 1 видно, что при быстрой территориальной экспансии Римской империи число АТЕ 1-го уровня иерархии постоянно увеличивалось до тех пор, пока оно не достигло предельных значений, после чего империя стала неуправляемой и слабой и быстро распалась.

Таблица 1

Число АТЕ 1-го уровня в исторических государствах

Государство	Дата	Число АТЕ 1-го уровня иерархии
Персидское царство	485 г. до н.э.	30 сатрапий
Античная Греция	443 г. до н.э.	47 провинций
Римская империя	25 г. до н.э.	19 провинций
Римская империя	20 г. н.э.	28 провинций
Римская империя	47 г. н.э.	35 провинций
Римская империя	107 г. н.э.	43 провинции
Римская империя	166 г. н.э.	46 провинций
Римская империя	395 г. н.э.	120 провинций
Византийская империя	520 г.	64 провинции
Византийская империя	670 г.	3 фемы
Византийская империя	850 г.	17 фем
Византийская империя	927 г.	30 фем
Византийская империя	1045 г.	45 фем
Арабский халифат	786–809 гг.	32 вилайи
Османская империя	1596 г.	21 эялет
Османская империя	1905 г.	29 вилайетов
Священная Римская империя	1033 г.	28
Священная Римская империя	1648 г.	51
Речь Посполитая	1582 г.	34 воеводства
Речь Посполитая	1660 г.	33 воеводства
Речь Посполитая	1768 г.	33 воеводства

Источник: Составлена автором.

Сами системы АТД в отдельных странах устроены по-разному, так как на ее структуру оказывают воздействие одновременно сочетание разных факторов: экономических, политических, геополитических, социальных, исторических, культурных, этнических, военных, природных и др. В этом отношении каждая страна более уникальна, чем типична. Прямой зависимости размера площади АТЕ от размера и населенности страны нет (табл. 2).

Таблица 2

Средний территориальный размер АТЕ 1-го уровня (площадь, км²) и их людность в крупноплощадных странах

Страна	Средняя площадь АТЕ 1-го уровня, тыс. км²	Средняя людность, тыс. чел.
Австралия	1,107	2,482
Канада	768	2,575
Россия	210	1,721
США	188	6,054
Бразилия	328	7,065
КНР	311	40,598
Индия	94	34,558

Источник: Расчеты автора.

Размер ячейки АТД тесно связан с плотностью населения в ней, уровнем социально-экономической освоенности территории. Чем меньше населенность и освоенность территории, тем больше размеры ячейки АТД. Например, в центре Европейской России они мельче, на севере Европейской России и в Азиатской России — значительно больше, а в Китае на востоке мельче, на севере и западе — крупнее. В сетке графств США ячейки меньше и плотнее на северо-востоке и востоке, крупнее — на Великих равнинах, в Скалистых горах и на западе.

Изменчивость систем АТД. Система АТД не всегда постоянна. Ее пространственная и функциональная структура медленно, а иногда неожиданно быстро может трансформироваться вместе с изменениями в пространственной организации общества, в системе управления людьми и территорией.

Эти изменения могут быть вызваны экономическими (экономическим ростом или спадом, деградацией) причинами, изменениями в социальных и политических отношениях; сменой технологий транспортных перемещений и телекоммуникаций, а также технологий управления людьми и территориями; политическими и военными событиями, а также геополитическими изменениями. Часто причиной частичной или полной перекройки сети АТД является несоответствие старой сетки новым потребностям общества в принципах пространственного управлении территорией. Социально-экономические и политические потребности заставляют местные и государственные власти создавать отдельные новые АТЕ разного ранга иерархии или изменять (повышать, понижать) статус АТЕ.

Кардинальные и иные изменения в жизни общества и экономики страны заставляют государство изменять сложившуюся систему АТД, т.е. осуществлять реформу сети АТД, чтобы более эффективнее и удобнее управлять территорией. В этих случаях сетка АТД пересматривается полностью или частично. Обычно изменения системы АТД осуществляются с помощью правовых (юридических) актов (законов, указов и т.д.).

В ходе такого изменения размеры единиц АТД могут увеличиваться или уменьшаться. Любые изменения системы АТД преследуют цель улучшения системы управления территорией и населением. Таким образом, они приводят в равно-

весие систему АТД. Поэтому система АТД относительно устойчива, инерционна и весьма консервативна.

Под устойчивостью системы АТД автор понимает длительную (продолжительную) неизменность ее пространственной структуры, под инерционностью — замедленную относительно внешних факторов (экстерналий) скорость трансформации последней, не соответствующую скорости самих социально-экономических изменений, вызывающих потребность в пересмотре системы АТД. Консервативность системы АТД — квазиестественное свойство (стремление) пространственной структуры АТД не меняться даже в условиях быстрых изменений внешних по отношению к ней факторов.

Основными процессами изменения сети АТД являются увеличение или уменьшение числа административных единиц, укрупнение (объединение мелких единиц в более крупные) или разукрупнение самих единиц. Эти два процесса — укрупнение и разукрупнение — могут сменять друг друга в условиях неустойчивости системы АТД, вызванной быстрыми изменения воздействующих на нее внешними факторами. Такая их череда называется цикличностью. Цикличность этих процессов обычно наблюдается в очень сложных по структуре и размеру системах АТД, подверженных резким политическим или геополитическим изменениям.

В античности и средние века АТЕ, как правило, привязывались к естественным формам рельефа (им соответствовали долины рек, горные котловины, изолированные природными барьерами части страны, акватории архипелагов, морские побережья), а их границы проводились вдоль природных рубежей и барьеров (по водоразделам, горным хребтам, вдоль больших рек и озер). Конфигурации АТЕ тогда были более компактными, чем позже.

Появление гужевых трактов, а позже железных дорог и других путей сообщения привели к изменению механизма пространственной организации сетки АТД: АТЕ стали меньше зависеть от природных рубежей и барьеров, а больше от конфигурации транспортной сети, которая стала сильнее диктовать проведение административных границ. Конфигурации АТЕ стали в результате более вытянутыми и неправильной формы, т.е. менее компактными. При проведении границ АТЕ стали больше руководствоваться этническими, историческими (границы старых княжеств и герцогств) и конфессиональными (линии религиозных разломов) принципами.

В XIX–XXI вв. формы новых АТЕ стали более правильными (регулярными): в виде прямоугольников, трапеций (например, штаты США и Австралии; границы некоторых АТЕ в Канаде, Аргентине и Африке; в пустынных и степных частях Казахстана, Узбекистана, Туркмении, стран Сахары и Аравийского полуострова; западная граница Папуа — Новой Гвинеи). Границы АТЕ стали проводиться часто по прямым линиям без учета природных, исторических и этнических принципов, поскольку это были в основном неосвоенные и малоосвоенные территории.

Эволюция систем АТД России. Системы АТД в течение длительного периода времени медленно изменяются в определенном ритме. Нами ранее было проведено изучение этого процесса на примере изменения АТЕ 1-го уровня иерархии России — СССР за 300 лет и отдельных ее регионов [13, 14]. Оно позволило выявить определенные закономерности всей системы АТД в ходе этой эволюции.

В Российской империи, СССР и современной России система АТД подвергалась трансформациям несколько раз. В течение последних 300 лет для нее были характерны ***попеременные волны укрупнения и разукрупнения единиц АТД*** первого ранга иерархии: волна укрупнения сменилась волной разукрупнения. Этот феномен пульсации подтвердил при изучении процесса эволюции АТД Франции и Германии А.П. Васильев [2, 3].

Резкие изменения в существующей структуре АТД происходили либо в связи с изменениями политического режима государства, либо со сменой принципов региональной политики, политики хозяйственного освоения и принципов управления территорией и регионами.

Этапы укрупнения и разукрупнения (размельчения), как правило, разделяются длительными фазами *устойчивого равновесия*. Большинство единиц первого звена АТД (42) оказались в ходе реформ достаточно устойчивыми и в той или иной форме сохранились, с меньшим или большим размером территории. Это были в основном губернии Европейской части России (например, Владимирская, Воронежская, Вятская и т.д.), а также некоторые губернии и области Азиатской части (Енисейская в форме Красноярского края, Иркутская, Якутская область в форме АССР, Дагестанская область в форме АССР, Забайкальская и Амурская области).

В 1917–1921 гг. возникло еще 6 новых единиц, которые существуют и поныне (Алтайская, Брянская, Екатеринбургская, Мурманская, Омская, Челябинская губернии). В более позднее время к ним добавились новые области (Новосибирская, Калининградская, Кемеровская, Курганская, Липецкая, Магаданская), которые сохранились до сих пор.

На всех этапах модернизации системы АТД появлялись и исчезали неустойчивые единицы (как губернии, так и советские области, выделявшиеся географически неудачно), которые автор назвал АТЕ-эфемерами (недолговечными). До революции ими были Белгородская и Выборгская губернии. Очень недолго (3–8 лет) просуществовали советские губернии 1920-х годов — Рыбинская, Северо-Двинская, Череповецкая. Такими же АТЕ-эфемерами стали большие области госплановского типа, которые были слишком велики по своим размерам (имели до 130–150 районов), а потому плохо управляемыми. Из-за этого они были очень быстро разукрупнены, просуществовав 6–11 лет.

В 1930–1950-е годы в пределах СССР возникали и затем исчезли внутренние области Дальневосточного края (Приморская, Уссурийская, Хабаровская, Нижне-Амурская), в послевоенное время — Южно-Сахалинская, Арзамасская, Балашовская, Великолукская, Грозненская, Каменская области, а также внутренние области Башкирской (Стерлитамакская, Уфимская) и Татарской АССР (Бугульминская, Казанская, Чистопольская), области в Прибалтике и Закавказье. Их большинство просуществовало не более 1–4 года, а Великолукская и Грозненская — 13 лет, и только Нижне-Амурская — 22 года.

Тем не менее, число неустойчивых АТЕ 1-го уровня иерархии (АТЕ-эфемеров) было меньше, чем число устойчивых АТЕ. Большинство единиц АТД в ходе реформ оказались относительно устойчивыми. Из табл. 3 очевидно, что число АТЕ 1-го уровня иерархии в 1987 г. (55 без учета национальных автономий) было почти таким же, как и в 1917 г. (56).

Таким образом, несмотря на многочисленные реформы системы АТД число АТЕ 1-го уровня иерархии стремилось к прежнему. Об этом свидетельствуют и данные табл. 1 для Речи Посполитой, которая территориально в XVII–XVIII вв. не расширялась.

Выводы

Основными направлениями исследований географии АТД являются изучение иерархии его единиц, конфигурации сети АТД, ее топологии, особенностей распределения числа соседей и размера АТЕ, пространственной логики районирования территории на административно-территориальные единицы, процессов изменения сети АТД, факторов формирования сети АТД, устойчивости и изменчивости сети АТЕ и сети административных центров, эволюции пространственной структуры АТД.

Таблица 3

Изменение числа АТЕ 1-го уровня в РСФСР в 1917–1987 гг.

Даты	Губернии и области	Советские области и края	АССР	АО	Национальные (автономные) округа
1917	56	—	—	—	—
01.01.1922	72	—	7	8	—
01.01.1923	63	—	11	14	—
01.01.1924	61	1	12	12	—
01.01.1925	51	2	9	15	—
01.01.1926	40	3	11	12	1
01.01.1927	38	4	11	12	1
01.01.1928	33	5	11	12	1
01.01.1929	16	8	11	13	1
01.01.1930	—	13	11	13	2
01.01.1931	—	14	11	14	10
01.10.1931	—	14	11	15	10
01.06.1933	—	24	12	14	10
15.07.1934	—	34	12	14	11
01.03.1937	—	32	17	6	9
01.10.1938	—	41	17	6	11
01.05.1940	—	41	16	6	10
01.07.1945	—	54	12	6	9
01.01.1947	—	56	12	6	10
01.05.1949	—	56	12	6	10
01.10.1950	—	56	12	6	10
01.01.1951	—	56	12	6	10
01.03.1954	—	61	12	6	10

Окончание табл. 3

Даты	Губернии и области	Советские области и края	АССР	АО	Национальные (автономные) округа
01.01.1955	—	61	12	6	10
01.01.1958	—	55	14	7	10
01.01.1959	—	55	15	6	10
01.07.1960	—	55	15	6	10
01.01.1962	—	55	16	5	10
01.04.1963	—	55	16	5	10
01.01.1965	—	55	16	5	10
01.07.1967	—	55	16	5	10
01.07.1971	—	55	16	5	10
01.01.1980	—	55	16	5	10
01.01.1983	—	55	16	5	10
01.01.1987	—	55	16	5	10

Источник: Составлено автором.

В ходе формировании сети административно-территориального деления поочередно сменяются два противоположных процесса — разукрупнение единиц АТД и их укрупнение. Для системы АТД в целом характерна устойчивость, а периоды неустойчивости скоротечны.

Всякое радикальное нарушение устойчивости этой системы приводит, в конце концов, к ее разрушению и переустройству сетки единиц АТД, заканчивающемуся достижением нового устойчивого равновесия, близкого к исходному. По прошествии некоторого времени после проведения очередной реформы АТД его система стремится вернуться в исходное состояние оптимального размера.

Для систем АТД в целом характерна все же большая устойчивость, нежели изменчивость и неустойчивость.

Литература

Агафонов Н.Т., Демьяненко А.Н., Жигло А.Н., Межевич М.Н. Методологические основы реформ административно-территориального устройства РСФСР в 20-х годах. Препринт научного доклада. СПб., 1992. — 44 с.

Васильев А.П. Закономерности эволюции систем коммун Франции и общин Германии // Региональные исследования. 2018. № 1. С. 135–143.

Васильев А.П. Пространственные закономерности эволюции административно-территориального деления Германии // Известия РАН. Сер. геогр. 2018. № 3. С. 26–36.

Герцен А.А. Эволюция административно-территориального деления Молдавии: Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук / Ин-т географии РАН. М., 2010. — 31 с.

Жигло А.Н. Реформы административно-территориального устройства России в XX веке: историко-географический анализ. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук / СПбГУ. СПб., 1992. — 17 с.

Колосов В.А. Политическая география: Проблемы и методы / Отв. ред. С.Б. Лавров. Л.: Наука, 1988. — 190 с.

Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география: Учебник. М.: Аспект Пресс, 2001. — 479 с.

Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010. — 240 с.

Крылов М.П. О социальном значении некоторых мер по реформированию регионального устройства // Известия РАН. Серия географическая. 2013. № 3. С. 103–109.

Манаков А.Г. Наиболее вероятные последствия оптимизации административно-территориального деления региона // Псковский регионологический журнал. 2012. № 14. С. 179–186.

Манаков А.Г. Изменение административно-территориального деления Северо-Запада России в советскую эпоху // Псковский регионологический журнал. 2015. № 24. С. 72–87.

Никульников Ю.С., Мосунов В.П., Сысоев А.А. Территориальные структуры районов нового освоения. Новосибирск: Наука, 1990. — 153 с.

Тархов С.А. Изменение административно-территориального деления России за последние 300 лет // География. 2001. № 15. С. 1–32; № 21. С. 1–32; № 28. С. 4–37.

Тархов С.А. Этапы модернизации сети административно-территориального деления России за 300 лет // Институциональная модернизация российской экономики: территориальный аспект / Отв. ред. А.Г. Дружинин, В.Е. Шувалов. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 2004. С. 188–209.

Тархов С.А. Административно-территориальное деление постсоветского пространства // Взаимодействие городских и сельских местностей в региональном развитии / Отв. ред. Ю.Г. Липец. М.: Ин-т геогр. РАН, 2005. С. 57–70.

Тархов С.А. Эволюционная морфология транспортных сетей. Смоленск; М.: Универсум, 2005. — 384 с.

Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. — 372 с.

Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика: Учеб. пособие. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. — 780 с.

Файбусович Э.Л., Плеечанова В.В. О возможных изменениях в административно-территориальном делении Российской Федерации // Известия РАН. Серия географическая. 2013. № 2. С. 121–129.

Шульгин П.М., Шульгина О.В. Противоречивость тенденций изменения административно-территориального деления России в XX в. // Вопросы географии: Сб. 136: Историческая география / Отв. ред. В.М. Котляков, В.Н. Стрелецкий. М.: Изд. дом «Кодекс», 2013. С. 278–297.

Шульгина О.В. Особенности, этапы и факторы формирования административно-территориального деления России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2009. Вып. 5. С. 38–48.

1. Каковы объективные предпосылки зарождения идеи коалиционной природы власти в городах?
2. Какие факторы способствуют формированию политических режимов?
3. На какие ресурсы опирается политический режим города?
4. В чем отличие европейской городской политики от американской?

В.Г. Ледяев

СОЦИОЛОГИЯ ВЛАСТИ: ТЕОРИЯ ГОРОДСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ*

Начиная с 1990-х годов теория городских политических режимов (*urban regime theory*) получила широкое признание и распространение в США и (в меньшей степени) Западной Европе, вытеснив более ранние модели исследования и объяснения, как распределяются власти в городских и территориальных общностях [1]. Хотя термин «режим» использовался для объяснения структуры власти на уровне города еще в 1960-е годы (см., например, [2]), начало формирования теории[1] городских политических режимов обычно связывается с появлением книги Кларенса Стоуна «Режимная политика: правление в Атланте, 1946–1988 гг.» [4][2], в которой сформулирована концепция городского политического режима и обстоятельно рассмотрена эволюция политического режима в Атланте на основе данных, полученных в ходе эмпирического исследования.

Появление теории было обусловлено необходимостью преодолеть недостатки, присущие исследованиям 1950–1970 годов (отсутствие четкости в понимании общности и ее пределов в контексте распределения политической власти; ограниченность методов исследования; недооценка структурных факторов и др.) [6, p. 70–73]. Вместе с теорией «машин роста»[3] она стала альтернативой как ранним элитистским и плюралистическим моделям исследования власти, так и неомарксистским подходам, которые в силу кризиса последних получили широкое распространение в 1970-е годы (Дж. О'Коннор, М. Кастеллс, П. Саундерс, И. Хэйес, Дж. Лоджкин, К. Кокберн) [8].

Теория политических режимов заметно изменила ракурс изучения власти в территориальных общностях, что было обусловлено как новациями в понимании природы и форм власти, так и смещением акцентов в ее исследовании. Стоун и его последователи расширили пространство политической власти в городе, фокусируя внимание не столько на «социальном контроле» («власти над»), сколько

* *Ледяев В.Г.* Социология власти: теория городских политических режимов // Социологический журнал. 2006. № 3–4. С. 46–68.

на «социальном производстве» («власти для»). В отличие от дебатов между элитистами и плюралистами, которых интересовал ответ на вопрос «Кто правит?» и чье внимание сосредоточивалось на изучении влияния тех или иных групп на городскую политику, теория городских политических режимов фокусируется на способности акторов добиваться поставленных целей. Наряду с «социальным производством» и «социальным контролем» Стоун выделяет «системную власть», заложенную в институциональных и структурных преимуществах отдельных групп, прежде всего крупного бизнеса, и «коалиционную власть», проявляющуюся в умении договариваться и создавать прочные коалиции. В соответствии с расширением пространства власти меняется и ракурс ее изучения в городских общностях. Его предметом становится кооперация акторов и возможности, которые она им предоставляет; при этом речь идет не о любой кооперации, а только о той, что возникает между акторами из различных общественных сфер и обеспечивает поддержку определенного набора политических решений [4, p. 8–9].

Выделение четырех типов власти было обусловлено стремлением Стоуна и его последователей обратить внимание на коалиционный характер властных отношений в городской общности, складывавшихся в результате сложного взаимодействия акторов, представляющих как публичную (государственную), так и частную сферу городской жизни. Идея коалиционной природы власти в американских городах[4] возникла в результате понимания ограниченных возможностей местных властей контролировать важнейшие ресурсы, прежде всего материальные, которые находятся в руках негосударственных акторов. Политический режим — это коалиция акторов, обладающих доступом к институциональным ресурсам и осуществляющих управление общностью. Он не сводится к электоральной коалиции, а предполагает более широкий спектр взаимодействия; в нем нет очевидной субординации и важнейшую роль играют неформальные связи, обеспечивающие эффективность взаимодействия акторов и прочность коалиции. Кооперация является не данностью, а скорее проблемой: она должна быть достигнута; поэтому политический режим не возникает в каждом городе, он является результатом совместных усилий зависимых друг от друга акторов[5]. Коалиция (режим) относительно стабильна и не меняется в зависимости от того, вокруг каких вопросов идет политическая дискуссия[6]; она имеет кросс-секторальный характер, представляя собой нечто более широкое, чем неформальная организация, институт или единая правящая элита[7]. Каждый режим характеризует определенная «повестка дня» (*agenda*) — набор целей и программ, которые отражают коалиционный характер власти и ресурсы ее субъектов. Повестка дня выражает определенное согласие по фундаментальным ценностям членов коалиции и достаточно устойчива, что позволяет режиму сохраняться, несмотря на изменения в лидерстве и конфигурации акторов; она не может быть ни слишком узкой или частной (в этом случае она не станет средством мобилизации массовой поддержки), ни чересчур абстрактной (иначе мобилизация будет, в лучшем случае, кратковременной).

Данные признаки режима тесно взаимосвязаны: если ресурсы неадекватны заявленным целям и программам, то управление не будет эффективным; отсутствие кросс-секторального основания режима лишает его необходимых ресурсов; без эффективного соединения потенциалов различных групп, особенно субъектов из разных секторов общества, невозможна стабильность режима [9, p. 20–23, 26][8].

Содержательная специфика модели городских политических режимов направляет исследование власти в городских общностях на выявление факторов, обусловливающих формирование и сохранение правящих режимов. Она ставит перед исследователями несколько ключевых вопросов: кто составляет правящую коалицию? как формируется коалиция? каковы последствия осуществления политики правящей коалиции? [4, p. 6]. Касаясь состава правящих коалиций, Стоун подчеркивает, что он во многом обусловлен «двумя базовыми институциональными принципами американской политической экономии: контролем народа над системой государственного управления и принципом частного предпринимательства». Первый является основным, однако государственное управление всегда ограничено необходимостью обеспечить инвестиционный процесс в экономической сфере, в которой доминирует частное предпринимательство [4, p. 6–7]. Поэтому наиболее влиятельными акторами городской политики обычно являются представители публичной власти и бизнеса. Частная сфера, разумеется, представлена не только бизнесом: профсоюзные функционеры, партийные лидеры, руководители некоммерческих организаций или фондов, религиозные лидеры также могут играть в правящих коалициях существенную роль. Однако именно бизнес Стоун выделяет особо, поскольку от него зависит экономическое развитие города, он контролирует важные политические ресурсы и практически всегда присутствует на политической сцене.

Особое внимание, уделяемое формированию правящих коалиций, Стоун объясняет тем, что коалиция «не возникает только потому, что является выгодной» и «часто может быть достигнута только ценой значительных издержек» — как видимых (экономические, коммуникационные, временные и т.п.), так и менее очевидных, связанных с необходимостью соблюдения соглашений, ограничивающих свободу действий акторов. Поскольку структура и особенности публичного и частного секторов существенно варьируются, каких-то универсальных способов достижения кооперации между ними не существует, и здесь неизбежно имеет место элемент неопределенности. Кооперация может быть выгодна акторам, но она в любом случае не может быть автоматической; при этом вероятность ее возникновения зависит от различных обстоятельств, которые и находятся в фокусе анализа теории режимов. Нормой является скорее некооперация, чем кооперация, а успешные режимы должны постоянно преодолевать проблему коллективного действия. Поэтому специальное внимание уделяется вопросу о том, что обеспечивает сохранение коалиции, несмотря на социальные изменения, связанные с включением в политику новых акторов, усилением конфликтов или ростом апатии [4, p. 9].

Какие факторы способствуют кооперации? Почему одни коалиции (режимы) стабильны, а другие — нет? Предпосылки коалиционного характера власти в городе заложены в структуре современного (капиталистического) общества, которая, несмотря на различия между странами, предполагает взаимодействие публичного и частного секторов: местные политики заинтересованы в своем (пере)избрании и поэтому должны поддерживать коалиции, которые этому способствуют. Характер успешной коалиции группы зависит от того, какие группы составляют электоральное большинство — бедные (лица, имеющие ограниченные доходы или живущие на пособия) или средний класс; местным политикам необходимы средства

на проведение электоральной кампании [10, p. 16]. Поэтому для формирования успешного политического режима необходимы, как минимум: условия успешной мобилизации в поддержку местных политиков (наличие соответствующего персонала, партийная организация, финансовая база) и социальная поддержка (социальная специфика электората, мотивирующие электорат проблемы).

Британские исследователи П. Джон и Э. Коул [11, p. 388–389] выделили благоприятные условия формирования политических режимов:

1. «Местная проекция интересов бизнеса»: в идеале бизнес должен быть в собственности тех, кто проживает в городе[9]. В противном случае будет значительно меньше стимулов к установлению отношений сотрудничества и обмена между публичным и частным секторами, заинтересованности у бизнеса в победе тех или иных местных политиков.

2. «Бизнес должен быть сравнительно интегрированным» [4, p. 165, 168–173]; в этом случае представители бизнеса могут выступать от имени всего частного сектора. Для поддержания коалиции важно, чтобы в политике участвовали не только те, кто непосредственно выигрывает от конкретных решений, хотя включение всего бизнеса в политику не предполагается.

3. Более вероятно возникновение и сохранение режимов в больших городах. Хотя все режимы имеют локальное измерение, они не стимулируются замкнутостью (*parochialism*). В Соединенных Штатах режимы в большей степени распространены в таких городах, как Даллас и Атланта, и в меньшей — в небольших и новых городках, где меньше стимулов к кооперации ради достижения коллективных целей [4, p. 185]. Однако режимы возникают не во всех крупных городах, поскольку расширение территории города может привести к отсутствию достаточной коллективной идентичности, необходимой для объединения усилий публичных и частных факторов.

4. Успешному формированию режима способствует передающаяся из поколения в поколение традиция политического прагматизма и веры в городскую политику. Исторический опыт успешного партнерства очень важен для сохранения взаимного доверия между властями и бизнесом в неизбежно возникающих ситуациях конфликта.

5. Режимы чаще формируются в городах, которые обладают уникальностью и своеобразием. Это порождает «политику исключительности» (*politics of exceptionalism*) и «чувство отличия от других центров», стимулирующих кооперацию городских акторов для сохранения преимущества над другими городами или преодоления отставания от них[10].

Разумеется, само по себе наличие благоприятных условий не приведет к появлению режима без наличия у акторов политической воли. Стоун отмечает, что в Атланте бизнес- и политические элиты были впереди своих визави из других городов американского Юга и в этом смысле «Атланта не является типичным городом» [4, p. X]. Во многих городах могут возникать совершенно иные формы власти, в том числе и враждебные интересам бизнеса [11, p. 389].

Показательным примером сохранения режима на протяжении длительного времени, наглядно демонстрирующим результаты и последствия его деятельности, является Атланта. Стоун показывает, что в середине 40-х годов XX в. режим в Атланте опирался на взаимодополняющие ресурсы афроамериканской общно-

сти (электоральное большинство) и бизнеса (материальные и организационные ресурсы). Стратегическую цель («повестку») режима — экономический рост плюс постепенное искоренение остатков расизма («системы Джима Кроу») выражал лозунг: «Город слишком занят, чтобы ненавидеть». Цели акторов были конгруэнтны: бизнес принял (хотя и с некоторым сопротивлением) необходимость изменения расовых отношений в обмен на возможность участвовать в развитии городской экономики и инфраструктуры, а афроамериканцы поддержали проекты развития города ради прогресса в решении расового вопроса, в том числе и открытия для них возможностей участвовать в экономической жизни города. Однако конгруэнтность целей не сделала кооперацию автоматической; последняя возникла как результат осознанной конструктивной деятельности. Изначально роль главного конструктора правящей коалиции играли созданная бизнесом «Центральная ассоциация Атланты» и представлявшая афроамериканское сообщество «Городская Лига»; при этом лидирующие позиции занимал бизнес, в числе приоритетных стратегий которого был не только экономический рост (строительство автомагистралей, спортивных сооружений, аэропорта, более эффективное использование городского пространства и др.), но и расширение экономических и профессиональных возможностей черного среднего класса. Несмотря на явное электоральное превосходство, афроамериканское большинство было вынуждено поддерживать приоритеты бизнеса в ущерб многим другим реальным проблемам города, в частности проблемам бедности, расширению образовательных возможностей неимущих слоев и т.п., которые озвучивались на выборах, но так и не стали частью основной стратегии режима, поскольку никогда не были в числе тех, которые непосредственно интересуют бизнес. Таким образом, кооперация имела очевидный классовый уклон, при этом в тех городах, где не было режима роста, ситуация была существенно иной [9, p. 25, 28][11].

Стоун объяснил и причины ослабления режима в 1990-е годы, в результате чего бирасовая коалиция стала неспособна осуществлять серьезные проекты. Речь идет о снижении мотивации бизнеса в активном участии в городской политике и его переориентации на региональный уровень, нежелании бизнеса поддерживать усилия публичного сектора по решению социальных проблем и естественном ослаблении единства между гражданскими структурами, инициировавшими решение расовых проблем в связи с достижением прогресса в этой сфере. В новых социально-экономических условиях возможности и ресурсы режима, созданного для решения иных проблем, оказались неэффективными; в результате без серьезной поддержки бизнеса городские власти были не в состоянии решать важнейшие социальные проблемы [9, p. 28–33].

Опыт Атланты свидетельствует и о том, что наличие прочной коалиции само по себе не является гарантией решения важнейших городских проблем; напротив, оно может быть отложено из-за того, что артикулируемые в публичном пространстве политические приоритеты могут не совпадать с реальными приоритетами режима. Несмотря на бесспорный прогресс в области городского строительства и репутацию пионера в сфере решения расовых проблем, Атланта вошла в число городов с самым высоким уровнем бедности в США, а ее население заметно сократилось. Теория городских политических режимов показывает, что эффективное управление может быть однобоким, реализующим выборочные цели тех, кто

образует правящую коалицию, а решение других проблем оказывается весьма затрудни-тельным в силу того, что они фактически не включаются в повестку дня. Поэтому исследовательский интерес фокусируется вокруг направленности (ориентации) режима, тех целей и ценностей, которые он поддерживает и культивирует, а также корреляции между ориентацией политического режима и показателями его эффективности и стабильности. К настоящему времени предложены различные классификации политических режимов; в большинстве из них режимы различаются по общей направленности и целям. Чаще других выдляются следующие типы городских политических режимов в США: режим поддержания статус-кво, режим роста (развития), прогрессивный режим среднего класса, — в которых, в свою очередь, имеют место видовые различия.

Режим сохранения статус-кво (сервиса) поддерживается силами, которые не выдвигают каких-то глобальных проектов городского переустройства. И владельцы собственности, и мелкий бизнес, нередко доминирующие в электоральных коалициях, ощущают опасность повышения налогов и разрушения устоявшихся форм социальной жизни, сопровождающих стратегию роста. По мнению Стоуна, такие режимы имеют перспективы в небольших городах, а у режимов роста больше шансов в мегаполисах.

Режим роста (развития) большинство исследователей считают самым распространенным в США. Его наиболее обстоятельное описание и объяснение предложено создателями теории «машин роста» Х. Молотчем и Дж. Логаном. Режимы роста — это коалиции местных групп интересов и власти, ориентированных на быстрое экономическое развитие города, его рост. Рост — это не просто одна из нескольких равнозначных проблем (*issues*), а «политическая и экономическая суть практически любой территории» [13, p. 309–310]; его особое место в структуре городской политики обусловлено тем, что он может обеспечить богатство и существенные преимущества определенным акторам. Поэтому естественное стремление к росту формирует консенсус между элитными группами независимо от их расхождений по любым другим проблемам, в том числе и относительно выбора оптимальной стратегии роста. Естественно, наиболее заинтересованными участниками коалиции являются бизнесмены, получающие непосредственную выгоду от развития городской экономики и инфраструктуры. При этом ключевая роль в режимах роста часто принадлежит владельцам городской земли и недвижимости, а главной темой городской политики выступает рациональное (эффективное) использование земли, критерием которого считается величина прибыли, полученной ее владельцами. К бизнесу присоединяются другие группы, непосредственно заинтересованные в эффективном использовании городского пространства, — проектные организации, сервис, различные группы профессионалов и прочее.

Однако сама по себе бизнес-элита и поддерживающие ее группы не могут обеспечить выбор стратегии роста и ее реализацию без участия городского политического класса, поскольку многие составляющие экономического роста, его выгоды и издержки зависят от конкретных политических решений. Заинтересованность в поддержке стратегий роста со стороны местных политиков и бюрократии, рассчитывающих на пополнение бюджета и, соответственно, хорошие перспективы сохранить свои должности, стимулирует элиту роста влиять на выбор местных политиков и наблюдать за их деятельностью. Представители местной власти вос-

принимаются ею как «посланцы индустрии», «коммуникаторы с потенциальными инвесторами», а их главной функцией является создание благоприятного климата для развития бизнеса и организационных условий для роста.

Режимы роста (развития), в свою очередь, могут различаться в зависимости от соотношения влияния политических и экономических акторов, роли федеральной составляющей в городской политике, мотивации и установок политической элиты и т.д. Например, С. Элкин описывает три городских политических режима, общим для которых является складывание коалиций роста. Плюралистический режим был в городах, где имела место относительная независимость политико-административной элиты от владельцев земли, поскольку политики обладали сравнительно большими материальными ресурсами; при этом коалиция роста, в которой доминировали собственники земли, не могла детерминировать решение вопросов в других сферах общественной жизни. Эти режимы возникли в 1950–1960-х годах в больших городах Северо-Востока и Среднего Запада (Филадельфия, Питтсбург, Бостон) со сложной расово-этнической композицией населения. Главная цель коалиций — повысить эффективность использования земли в центре города, а также улучшить транспортные коммуникации с другими районами. Электоральная база режима и поддержка возрождения центра оказались сравнительно широкими: для средних и крупных владельцев городской собственности была важна стабильность (или снижение) налогов на собственность, либерально настроенные группы рассчитывали на расширение возможностей улучшения своих жилищных условий, а бедные граждане продолжали пассивно поддерживать коалицию, голосуя за реформаторов [5, p. 55–57].

Федералистские режимы возникали в 70-е годы XX в. по мере увеличения федеральных программ развития городов, которые могли способствовать снятию социального и политического напряжения, вызываемого издержками реализации программ роста. Плюралистическим режимам (роста) было трудно сохранять себя в условиях растущего противодействия со стороны отдельных групп интересов, а городским политикам и партийным лидерам стало сложно выступать от имени территорий; многие проблемы (сервис, школы, рабочие места и др.), ранее считавшиеся периферийными по сравнению с проблемами использованием земли, приобрели большую значимость, что затрудняло поддержание кросс-секторальной кооперации. Осуществление значительных экономических проектов оказалось в зависимости от поддержания определенного уровня удовлетворенности населения, а между тем бизнес по-прежнему не очень стремился к решению обострившихся проблем. Новый федералистский режим базировался на доступности федеральных ресурсов, приток которых в 1970-е годы существенно возрос. Федеральные деньги использовались для сохранения рабочих мест, пособий и уровня обслуживания населения, что помогало политикам восстановить и поддерживать кооперацию с владельцами земли и электоральные коалиции, в том числе с городскими меньшинствами и наемными работниками. Однако в случае существенного сокращения федеральных денег поддерживать режим, по мнению Элкина, становится практически невозможно. Примером перерастания плюралистического режима в федералистский он считает эволюцию режима в Чикаго [5, p. 57–60].

В предпринимательских режимах (*entrepreneurial regimes*) имеет место сильный бизнес, подавляющий любые попытки сопротивления стратегии роста. С этой

точки зрения он наиболее последовательно представляет собой «машину роста», ставящую экономическое развитие города над всеми остальными аспектами городской политики. В Далласе, который рассматривается Элкиным в качестве примера предпринимательского режима, наблюдалось тесное взаимодействие между властями и лидерами бизнеса, длительное время поддерживавшееся тем, что многие лидеры бизнеса занимали публичные посты в городе. По сравнению с другими городскими режимами режим в Далласе в наибольшей степени демонстрировал лидирующие позиции бизнеса в составе городской правящей коалиции, а приоритеты городских политиков, чиновников и ведущих бизнесменов оказались, по сути, одинаковыми. «Эти общие взгляды были именно взглядами бизнеса, а не наоборот» [5, p. 62–63]. Бизнес приложил немало усилий, чтобы добиться такого положения в городе, и они оказались весьма успешными — как в плане поддержки «своих» кандидатов, так и в создании эффективного, профессионального и в значительной степени деполитизированного управления городом, способного создать условия для развития бизнеса и обеспечить рост городской экономики. В результате бизнес-элита Далласа выстроила такие отношения с городскими политиками и чиновниками, при которых не было необходимости указывать им, что нужно делать [5, p. 62–82].

Прогрессивные режимы среднего класса обычно возникают в экономически развитых местах, где жители опасаются, что (возможные) выгоды роста перевешиваются издержками загрязнения окружающей среды или потерей общности. Успех этих движений наиболее вероятен там, где у них есть прочная опора в лице активного «светского» среднего класса, имеющего свободное время. «Коалиции против роста» обычно складываются вокруг движений в защиту окружающей среды, гражданских, а также антивоенных движений; к ним примыкают профессионалы из среднего класса, рабочие, государственные служащие и менеджеры фирм, чьи доходы не зависят от роста, а также все те, кто считает, что их благосостояние и стиль жизни находятся в противоречии со стратегией роста [13, p. 327–328]. Движения против роста возникают либо в результате реакции на действия местных властей, не желающих учитывать негативные социальные последствия тех или иных программ экономического развития, либо в результате прихода к власти людей, изначально поддерживающих идеологию охраны окружающей среды и социального либерализма [14, p. 136].

Ранее эти движения считались «романтическими» или даже «иррациональными», а потому часто игнорировались[12]. В последние годы база движений против роста стала значительно более широкой. Если в середине 1970-х годов Молотч рассматривал альтернативные политики лишь как тенденцию преодоления иррациональности политической системы [13, p. 328–329], то в последующие десятилетия число городов, в которых появились сильные коалиции против роста или за «управляемый рост», возросло [15, p. 79; 16].

Движения против роста обычно не бывают массовыми: они не выражают надежды рабочего класса на новые рабочие места или квартиросъемщиков на собственные дома. Поэтому оппозиция «машинам роста» скорее отражает эстетические преференции высшего среднего класса, людей образованных и благополучных, готовых платить больше налогов, лишь бы не видеть уродливых фабрик, палаток с гамбургерами и других последствий роста. Разумеется, не вся оппозиция состоит

из высшего среднего класса. Исследователи описывали довольно многочисленные случаи борьбы черных и бедных против проектов городского строительства и развития центра города. Однако они отмечали, что традиционные городские элиты обычно вполне успешно справляются с этим видом оппозиции и ее значительно больше беспокоит противодействие со стороны более образованных и благополучных слоев [17, p. 35–37].

Если в городской политике начинает доминировать «коалиция антироста», то развитие территории переориентируется на улучшение окружающей среды, а местные власти стремятся ограничивать рост населения общности. Это осуществляется через соответствующее законодательство, инструкции, процедуры получения разрешения на строительство, нормативы природопользования и т.п. Значительно замедлить рост или даже свести его к нулю могут противодействие расширению улиц, строительству новых дорог, вырубке деревьев, затягивание с созданием необходимых для роста коммуникаций и служб (водоснабжение, канализация, пожарная охрана), увеличение соответствующих пошлин, охрана исторических памятников и т.д. В этом случае у местных властей появляется больше возможностей сделать что-то непосредственно для жителей территории (а не для роста их числа), при этом промышленные проекты все более оцениваются с точки зрения их социальной полезности (полезности произведенного продукта) [16].

* * *

В отличие от ранних моделей исследования власти в городских и территориальных общностях, не получивших широкого распространения за пределами США, теория политических режимов стала весьма популярной в Европе. Рассуждая о признании американских теорий в Великобритании, английский исследователь А. Хардинг связывает его не столько с преимуществами новых теорий, сколько с теми изменениями, которые имели место в британской системе управления городом[13]. В их числе он называет фрагментацию институциональных структур местной власти, во многом обусловленную «рыночными» реформами консерваторов после 1979 г., усиление роли экономической составляющей в городской политике, распространение смешанных (частно-государственных) структур, создаваемых для реализации городских экономических программ и тенденцию к постепенному превращению местной власти из органа исполнения в орган поддержки, в результате чего она все более становится центром выработки общей стратегии и координации усилий по ее реализации. Теории «машин роста» и «городских политических режимов» продемонстрировали способность учесть данные тенденции и поэтому оказались востребованными [18, p. 681–682; 19, p. 13][14].

Естественно, что новые институциональные контексты использования американских теорий вызвали ряд изменений как в самой теории городских политических режимов, так и в описании режимов, обнаруженных в европейских городах. Произошло расширение понятия «режим», которое фактически отождествляется с понятием «городское управление» (*urban governance*). Тем самым подразумевается, что всегда есть какой-то уровень кооперации между публичным и частным секторами, а режим существует в любом городе. Соответственно изменились и типологии режимов. Они стали выделяться на несколько иных основаниях, что

привело к появлению ссылок на «гиперплюралистические», «радикальные», «элитистские», «бюрократические», «появляющиеся» и другие режимы, в которых практически отсутствовала кросс-секторальная кооперация, между основными акторами мог иметь место сильный конфликт, а характер политических отношений быстро изменялся. Термин «режим» стал использоваться для обозначения даже таких коалиций, в которых частный сектор не участвовал вообще [23, p. 14–817]. Например, Х. Сэвитч и Дж. Томас предложили следующую классификацию типов политических режимов: плюралистический режим (доминируют политические лидеры, координирующие разрозненные группы городского бизнеса); элитистский режим (сильная интегрированная бизнес-элита явно преобладает над слабыми политическими лидерами); корпоратистский режим (соединяет сильную политическую элиту, которая определяет повестку дня и интегрированную бизнес-элиту); и гиперплюралистический режим (в котором ни политические лидеры, ни бизнес-элита не имеют достаточных ресурсов для доминирования в городском политическом пространстве и не в силах обеспечить создание прочных правящих коалиций) [24, p. 224–250][15].

Хотя многие исследователи отрицательно относятся к расширению концепта «городской политический режим», данный процесс отражает отличия европейского городского политического пространства от американского, которые обусловлены следующими факторами:

- более значимой ролью лидеров бизнеса в американской городской политике;
- отсутствием в США сильных политических партий, связанных с профсоюзами, или социал-демократической ориентации;
- существенно большей автономией американской системы планирования использования земли по сравнению с европейской, которая в значительной степени зависит от центральных структур государства;
- сравнительно слабым влиянием публичного сектора в США на отношения собственности и управление землей;
- большей ориентированностью местных властей в США на финансирование своих проектов и кампаний из местных источников [18, p. 687].

В Европе система государственного управления более централизована, чем в США; государство обладает значительными возможностями влиять на рыночные механизмы, а административная элита играет важную роль в осуществлении таких традиционных муниципальных функций, как планирование использования земли. Это ведет к более униформной местной политике, меньшей соревновательности между городами и большей значимости внутригосударственных отношений по сравнению с США. В Европе большинство городов имеет финансовую поддержку со стороны центральной власти и она более существенна, чем аналогичная поддержка городов в США; поэтому местные власти не находятся в такой сильной зависимости от налоговых поступлений, как в Америке. Фискальная политика распределения в пользу бедных регионов также усиливает роль центра, делая местные власти менее зависимыми от местного рынка, хотя и за счет политической автономии. Существенным фактором европейской городской политики выступают политические партии, которые в целом имеют более сильную структуру, чем груп-

пы давления. При этом наличие влиятельных левых партий делает практически невозможным формирование идеала города как машины роста, а либерально-рыночная идеология и идеи капиталистического накопления непрерывно подвергаются атакам с различных сторон [26, p. 458–459, 462].

В силу этих причин взаимоотношения между публичной властью и группами интересов носят в Европе несколько иной характер, чем в США; государственная власть перевешивает все остальные элементы и тем самым ограничивает тенденцию к формированию коалиционной политики, а ключевые решения по основным вопросам развития города по-прежнему принимают политические лидеры. Вывод, к которому приходят большинство исследователей, состоит в том, что хотя в европейских странах городские коалиции, выступающие за экономический рост, и становятся все более значимым фактором городской политики, они не играют в ней доминирующей роли, как в Соединенных Штатах; бизнес участвует в них, но по-прежнему главенствующую роль играет публичная власть [18, p. 696; 27, p. 988; 23, p. 820].

Вместе с тем происходящие под влиянием глобализации изменения стимулируют переход к иному характеру городского управления, который обозначается аналитиками как переход от *urban government* к *urban governance*. Он связан с тем, что появление международных секторов экономики, интернациональных экономических институтов и мобильной системы инвестиций капитала ослабляет возможности городских властей (*government*) контролировать развитие города. Рост сложности и многомерности социальной жизни, менее однозначная, чем в прошлом, связь горожан с территорией их проживания, тенденция к децентрализации политической жизни, вызванная потребностями учета разнообразных и противоречивых местных интересов, изменяют систему принятия политических решений. Если ранее в ней явно доминировали публичные политики, то теперь она трансформируется в более сложный по своему представительству механизм управления, в котором властью, ресурсами и ответственностью обладают не только «официальные лица», но и довольно широкий спектр других участников городской политики, в том числе бизнес. При этом рост межгородской конкуренции и борьба за инвестиции заставляют политическую элиту города быть «более предпринимательской» (*entrepreneurial*) и, соответственно, менее ориентированной на модель «государства всеобщего благосостояния»; города активнее выходят на международную арену, расширяя интернациональные связи, и все менее полагаются на центральное правительство [28, p. 845–846].

В последнее десятилетие теория городских политических режимов становится все более востребованной в международных сравнительных исследованиях. Одним из наиболее интересных и содержательных исследований является изучение городских политических режимов в четырех европейских городах (Лидс, Саутгемптон, Лилль, Ренн), осуществленное Питером Джоном и Элистером Коулом [11, 29]. Они попытались ответить на вопрос о том, что оказывает наибольшее влияние на специфику политического режима — институциональные факторы (административно-политическое устройство, законодательная основа, традиции государственного строительства, политические ценности и др.), специфика места (территория, население, уровень экономического развития и др.) или сфера, в которой формируется режим. Используя сетевой анализ, Джон и Коул изучили режимы (сети),

сформировавшиеся в двух основных секторах городской политики — экономического развития и среднего образования выбранных ими европейских городов. Тем самым используемая ими концепция режима фактически ограничивала его сетью акторов в одной из сфер общественной жизни[16].

Каждая сеть была оценена исследователями по четырем основным параметрам: состав сети (конфигурация основных акторов); структура сети (закрытая, узкая, в принятии решений доминирует небольшая группа людей или открытая, оставляющая доступ в нее сравнительно большому числу акторов); сравнительные возможности сети (высокие или низкие в зависимости от готовности ее участников к кооперации для достижения коллективных целей); изменения в сети. Была выявлена широкая вариативность сетей по данным параметрам, при этом ни одна из гипотез о преобладающей роли того или иного фактора (сектор, институты, место) не подтвердилась.

Однако исследование показало, что институциональные различия наглядно проявились в образовательных сетях городов, но мало повлияли на экономические сети. Последние более зависели от специфики города (его расположения, структуры экономики и т.п.). В трех городах из четырех в экономических сетях сформировались достаточно устойчивые публично-частные коалиции (особенно в Лидсе), включавшие местных политиков, чиновников и представителей бизнеса, причем роль последних была далеко не второстепенной. В образовательных сетях доминирующее влияние публичного сектора было очевидным. В британских городах основные акторы —представители местной публичной власти и руководства школ; роль последних усилилась, а сети стали более открытыми. В образовательных сетях французских городов большое влияние имеют представители министерства образования, местные политики и чиновники, курирующие городское образование. Сети оказались достаточно закрытыми, а влияние других акторов (учителя, профсоюзы, гражданские лидеры) было незначительным. Различия в составе образовательных сетей британских и французских городов, по мнению исследователей, обусловлено правовыми аспектами: в Великобритании школы находится в основном в компетенции местных властей, во Франции — центральных.

Джон и Коул пришли к выводу, что между тремя переменными — институтами, секторами, городами — существует взаимосвязь, но нельзя утверждать, что какой-то из этих трех факторов играет более важную роль, чем другие: степень проявления институциональных различий и специфики городского пространства зависит от сектора; в образовательной сети фактор институциональных различий оказался существенным, тогда как экономические сети различных французских и британских городов имели гораздо большее сходство. Поэтому невозможно прогнозировать ни рост сходства между режимами в различных странах в силу общности городских проблем, ни возрастание различий между ними, обусловленное институциональной спецификой [29, p. 260–266].

Интересным представляется вывод исследователей о том, что в европейских городах имеют место многие из отмеченных ими пяти факторов, создающих благоприятные условия для формирования и поддержания городских политических режимов. В частности, в Лидсе есть сильный и достаточно сплоченный местный бизнес; это большой город, обладающий идентичностью; в нем есть традиции к кооперации и преобладает здравый прагматизм. В Лилле также есть бизнес, хотя

бизнес-сообщество и не столь единое; он является достаточно большим городом, и в результате отставания от соседей у городских акторов появились дополнительные стимулы к кооперации. По мнению Джона и Коула, управление в Лидсе вполне вписывается в концепцию городского политического режима, и ее уже можно частично использовать применительно к Лиллю [11, p. 401].

Несколько менее оптимистичные выводы относительно формирования политических режимов в европейских условиях были сделаны Элизабет Стром по результатам исследования в Берлине [26]. Она обнаружила, что в 1990-е годы в объединенном Берлине возникли некоторые условия и стимулы для формирования режима роста (приход к власти консерваторов из ХДП, заинтересованность ряда крупных фирм в реализации проекта переустройства города, борьба за проведение Олимпийских игр в Берлине в 2000 г. и др.), однако в итоге коалиция роста оказалась слабой и не стала основанием правящего режима. Это проявилось в том, что между различными государственными структурами возникли серьезные противоречия относительно проекта реконструкции центра города; ключевые инвесторы были более ориентированы на отстаивание своих собственных проектов и оказались неспособными объединиться; в результате верх взяли противники проекта, опиравшиеся на общественное мнение. Стром считает, что потенциал формирования правящих кросс-секторальных коалиций ограничен прежде всего тем, что сравнительные возможности публичного и частного секторов в Германии существенно различаются, а наиболее важными ресурсами остаются вертикальные и горизонтальные связи в публичном секторе. Германские чиновники не столь свободны в своих действиях, как их американские коллеги, будучи более ограниченными формальными правилами; существенным фактором оказалось наличие сильных групп интересов и организаций, не принимающих «логику капиталистического развития» в городской политике; в целом же проблемы городского развития в Германии традиционно относятся к сфере деятельности городских политиков и чиновников, а ценности, разделяемые как отдельными сегментами элиты, так и большими группами населения, препятствуют принятию главенствующей роли частного сектора в городском развитии. [26, p. 472–477].

Из других исследований политических режимов в Европе заслуживает внимания попытка использования концепции для объяснения политических процессов на субгородском уровне, предпринятая группой исследователей под руководством К. Доудинга. В качестве объектов исследования были выбраны шесть районов (боро) Лондона. Исследователями были обнаружены режимы (в традиционном смысле) в трех районах: в Кройдоне сформировался режим развития, опирающийся на достаточно прочную коалицию политиков и бизнеса; в Вандсворте и Ислингтоне возникли «режимы сервиса». В остальных районах режимы не сформировались, однако в каждом из них были отдельные черты политических режимов[17].

Эти и другие исследования городских политических режимов, достаточно многочисленные и за пределами США[18], свидетельствуют о растущей популярности теории, что, на наш взгляд, вполне закономерно. Привлекая внимание к процессу формирования правящих коалиций, теория позволила, с одной стороны, преодолеть ограниченность исследований городской политики, фокусировавшейся, в основном, на формальных политических институтах, с другой — избежать недостатков ранних дискуссий о распределении власти в городских общностях, слабо

учитывавших структурные компоненты власти, ограниченность городской политики и вариативность конфигурации власти[19]. При этом она оказалась достаточно продуктивной и для объяснения политических процессов в странах с сильной государственной составляющей, что позволяет размышлять о возможностях и перспективах ее использования в российском социально-политическом контексте.

* * *

В отечественной науке накоплен определенный опыт изучения политических режимов на уровне региона. Предложенные исследователями объяснения политических режимов и их классификации помогли раскрыть специфику и особенности политических процессов на региональном уровне. Однако отечественные концепции политического режима несколько отличались от зарубежных аналогов. В силу специфического (переходного) характера российского общества многие авторы предпочитают использовать «универсальное» определение политического режима, не связывающее его с четко очерченным набором конкретных характеристик, что, по их мнению, расширяет возможности классификации режимов. В частности, в наиболее обстоятельном эмпирическом исследовании политических режимов в российских регионах его участники определили режим как «совокупность акторов политического процесса, институтов политической власти, ресурсов и стратегий борьбы за достижение и/или удержание власти» [32, p. 20]. Предполагается, что режим есть в каждом регионе и он может быстро измениться. В качестве важнейшего основания классификации режимов обычно рассматривается степень концентрации власти в регионе (моноцентрические и полицентрические режимы), характер взаимоотношений между основными акторами («авторитарная ситуация», «гибридный режим», «демократическая ситуация») [32, p. 18–60, 331–375], уровень «полиархичности» режимов [33, p. 144–146] или такие параметры, как происхождение правящей группы; количество и субординация центров (полюсов) политического влияния; состояние гражданского общества как инфраструктуры регионального политического процесса; статус региона вовне [34, p. 100–102].

Данный подход представляется вполне обоснованным и весьма продуктивным для анализа политических процессов в России. В отличие от США и Западной Европы, где демократическая практика имеет длительные традиции, в России региональные политические процессы, как и политические процессы на федеральном уровне, имеют сильную авторитарную составляющую; поэтому сделанный авторами акцент на показателях уровня демократичности политической практики в регионах, бесспорно, оправдан и отражает наиболее важные исследовательские преференции, задаваемые реальной ситуацией. Вместе с тем мне представляется, что анализ коалиционного потенциала власти в регионах, на который нацеливают западные модели городских политических режимов, также может раскрыть некоторые существенные аспекты региональной политики.

Вопрос заключается лишь в том, насколько нынешнее состояние и тенденции политического развития регионов сохраняют в себе потенциал кооперации, в том числе кросс-секторальной. На первый взгляд, современные политические процессы в России делают городские и региональные режимы маловероятными в силу все большего преобладания административно-политических механизмов управле-

ния по мере выстраивания и укрепления «вертикали власти». Слабость либерально-демократических традиций и институтов гражданского общества, расширение бюрократического контроля и сужение сферы публичной политики, широкое использование «административного ресурса» и отсутствие независимой правоохранительной системы, казалось бы, полностью исключают предпосылки и возможности установления стабильных партнерских (равноправных) отношений между политико-административными элитами и негосударственными акторами.

Однако есть и факторы, сохраняющие возможность и/или перспективы формирования городских режимов, аналогичных американским или британским. Во-первых, это влияние глобализации, а также возрастание сложности и многомерности социальных процессов, стимулирующие усложнение социального управления, переход от *government* к *governance*. Эти тенденции все более заметны в России, особенно в крупных городах.

Во-вторых, усиление влияния федерального центра на региональную и городскую политику может усилить естественное стремление местных политических и экономических элит объединиться в отстаивании своих интересов.

В-третьих, в любом современном обществе с рыночной экономикой бизнес будет иметь существенные ресурсы политического влияния (деньги, корпоративная солидарность, связи, мобильность, инновационность) и (по крайней мере, в потенциале) структурные преимущества над другими группами, позволяющие ему рассчитывать на привилегированное положение при учете его интересов представителями публичной власти. Поэтому даже в условиях доминирования административно-политических элит роль бизнеса в политике никогда не будет второстепенной. Особенно это касается сферы принятия решений по экономическим вопросам.

В-четвертых, слабость правовой системы и формальных правил может не только препятствовать созданию нормальных условий для участия различных структур гражданского общества в принятии решений, но и в какой-то мере использоваться для создания коалиционных отношений на неформальной основе. Режимная теория подчеркивает значимость неформальных отношений между акторами, в которых и реализуются имеющиеся у негосударственных акторов ресурсы власти и влияния. Неформальные практики всегда играли центральную роль в российском политическом процессе, и поэтому предпринимающиеся попытки ограничить роль бизнеса в принятии политических решений вряд ли смогут полностью подорвать его неформальное влияние, особенно в регионах.

В-пятых, в период президентства Б.Н. Ельцина огромное влияние бизнеса на политические процессы — как на федеральном уровне, так и в городах и регионах — было бесспорным, и многие аналитики обозначали существовавший режим как «олигархический». Сегодня ситуация изменилась, однако в силу инерции, а также растущего понимания бизнес-элитами необходимости поддержания политической составляющей своего положения в обществе многие формы отношений, сформировавшиеся в тот период, по-видимому, сохранились, по крайней мере, отчасти. Как показывают эмпирические исследования в регионах, заявленные цели политики федерального центра расходятся с реальными практиками их реализации, поскольку отнюдь не все субъекты региональной политики заинтересованы в укреплении вертикали власти [35].

Европейский опыт использования теории «городских политических режимов» показывает, что режимы (коалиции) возникают и в странах с сильной государственной централизацией. Очевидно, что не во всех регионах будут обнаружены прочные коалиции; в каких-то случаях можно рассматривать их как «появляющиеся» или «ограниченные» режимы (А. Хардинг) или просто как коалиции с определенной конфигурацией акторов. Ключевые роли в большинстве коалиций, по-видимому, будут играть представители публичной власти разного уровня, хотя в отдельных регионах бизнес может иметь вполне сопоставимое влияние. В любом случае, пока остается региональное политическое пространство, на котором действуют (относительно) самостоятельные акторы, теория политических режимов в ее различных версиях остается востребованной.

Примечания

[1] Некоторые исследователи, например, К. Доудинг, предпочитают говорить не о теории режима, а о концепции режима, или модели исследования, поскольку у нее сравнительно ограниченные возможности объяснения и предсказания [3, p. 517].

[2] Кроме Стоуна, к числу основателей теории относят Стефана Элкина («Город и режим в американской республике» [5]).

[3] Данная теория получила широкое распространение с конца 1980-х годов после выхода в свет книги Дж. Логана и Х. Молотча «Благосостояние города: политическая экономия территории» [7], однако постепенно она оказалась «поглощенной» теорией режимов, рассматривавшей «режим роста» в качестве одного из наиболее распространенных типов политического режима в современном городе.

[4] Теория городских политических режимов, так же как и более ранние подходы к объяснению распределения власти в городских и территориальных общностях, изначально сформировалась в США.

[5] Этим первоначальные версии теории городских политических режимов отличаются от некоторых более поздних и более широких подходов, фактически нивелирующих различие между понятиями «городской режим» и «городское управление» (*governance*), а также от отечественных концепций, используемых в региональных исследованиях.

[6] На этот пункт Стоун обращает особое внимание, подчеркивая отличия теории политического режима от плюралистических подходов, рассматривающих городскую политику как процесс изменения конфигурации акторов от одной проблемы к другой [9, p. 21].

[7] Стоун и его последователи не склонны считать режимом систему управления городом, в которой власть монополизирована одной группой.

[8] Аналогичный набор признаков городского политического режима приводит британский исследователь Кейт Доудинг [10].

[9] В Атланте бизнес был тесно связан с местным сообществом [4, p. 25], что во многом и предопределило стабильность режима.

[10] Исследователи выделяют и некоторые другие факторы, способствующие формированию режимов. Например, Доудинг подчеркивает значимость идеологии, а также наличия коалиции до начала электоральной кампании [10, p. 16–17].

[11] Не стоит, однако, думать, что режим всегда формируется против интересов большинства городского населения. В этой связи Доудинг считает невозможным говорить о власти бизнеса, который в Америке часто выступает инициатором формирования городских правящих коалиций, если цели правящей коалиции поддерживаются большинством населения. В этом случае, по его мнению, имеет место не власть, а «удача» (термин Б. Бэрри) [12, p. 103–113].

[12] Издержки роста были известны давно, однако раньше лишь немногие обращали на это серьезное внимание, хотя среди них были группы очень богатых людей, стремившихся

сохранить для своего проживания небольшие малонаселенные общности (Беверли-Хиллс, Сэндс-Пойнт, Уэст-Палм-Бич и др.) [13, p. 327].

[13] Хардинг использует понятие «местное управление» (*local governance*), которое охватывает не только систему городских органов публичной власти (*local government*), но и всю совокупность управляющих воздействий на принятие городских решений, которые осуществляют как государственные учреждения, так и частные акторы, ассоциации и структуры [18, p. 680].

[14] Одни авторы утверждают, что концепции не имеют существенного эвристического потенциала для проведения кросснациональных исследований [20, 21]; другие отмечают необходимость более осторожного использования американских моделей в иных контекстах, особенно в отношении роли местной власти в решении экономических и социальных проблем [22]. Хардинг полагает, что главная проблема в использовании американских теорий обусловлена тем, что заимствование терминологии «роста» и «режимов» не сопровождалось адекватной аналитической и эмпирической экспертизой теорий. По его мнению, мало внимания уделено роли арендодателей, фактору «привязанности к месту» (*place-boundness*) для мобилизации бизнеса и влиянию местного капитала на приоритеты местных властей и инвестиционные решения столичного капитала; практически не учитывались отношения между частным и общественным секторами (особенно если они имели неинституционализированный характер) и, в целом, неформальным процессам формирования коалиций интересов, объединению их ресурсов и влияния для осуществления определенных стратегий развития города [18, p. 685–686].

[15] Дж. Пьер также выделяет четыре модели городского управления, используя в качестве критерия соотношение роли демократических и профессионально-менеджерских начал: менеджерское управление (в нем преобладают профессионалы, роль избранных политиков минимальна); корпоратистское управление (в тех городах, где имеет место сильный публичный (государственный) сектор и активную роль играют группы интересов); режимы роста и вэлферный режим (он часто возникает в старых индустриальных центрах; местные власти подозрительно относятся к бизнесу и более ориентированы на помощь со стороны центра) [25, p. 377–389].

[16] Попытки увязать режим с определенными сферами общественной жизни предпринимались и ранее. Например, Барбара Ферман предложила углубить анализ политических режимов с помощью концепции «арена деятельности», которая выражает доминирующую сферу городской политики (ею может быть электоральная сфера, гражданская сфера, сфера бизнеса и др.) [30].

[17] Доудинг выделяет восемь признаков режима, но полагает, что режимы могут иметь место и в тех случаях, когда некоторые признаки отсутствуют. В Кройдоне и Вансворте он обнаружил все восемь признаков (хотя в последнем, по его признанию, имела место скорее коалиция местных и национальных политиков, и сказывалось доминирующее влияние консерваторов). В трех районах, где режимы так и не сложились, было отмечено по три-четыре признака [3, p. 519–520].

[18] Автор обнаружил попытку использования концепции для объяснения городской политики в современном Китае. Исследователь из Сингапура Жеминь Жу пришел к выводу, что начиная с 1980-х годов вследствие расширения рыночных механизмов в китайской экономике и усиления конкуренции между городами в последних стали возникать коалиции, стремящиеся мобилизовать ресурсы для осуществления стратегий развития [31].

[19] Большинство авторов считают теорию политических режимов развитием плюралистической традиции, хотя сам Стоун своим идейным предшественником называет Ф. Хантера. В отличие от элитистских интерпретаций, теория режимов отрицает принадлежность власти одной узкой группе людей, при этом власть не является структурно-предопределенной (что фактически подразумевается в марксистских структуралистских подходах), а союз бизнеса и власти — не бывает автоматическим. В то же время она и не меняется от проблемы к проблеме (как рассуждали традиционные плюралисты) и является достаточно стабильной, при этом возможности различных акторов изначально дифференцированы.

Литература

1. *Ледяев В.Г.* Модели эмпирического исследования власти: западный опыт // Власть и элиты в российской трансформации: Сб. научных статей / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2005. С. 65–79.

2. *Agger R.E., Goldrich D., Swanson B.E.* The Rulers and the Ruled. N.Y.: John Wiley and Sons,1964.

3. *Dowding K., Dunleavy P., King D., Rydin Y.* Regime politics in London local government // Urban Affairs Review. Vol. 34. No. 4. P. 515–545.

4. *Stone C.N.* Regime politics: Governing Atlanta, 1946–1988. Lawrence: University Press of Kansas,1989.

5. *Elkin S.* City and Regime in the American Republic. Chicago: University of Chicago Press,1987.

6. *Ледяев В.Г.* Эмпирическая социология власти: теория «машин роста» // Власть, государство и элиты в современном обществе / Под ред. А.В. Дуки, В.П. Мохова. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2005. С. 5–23.

7. *Logan J., Molotch H.* Urban Fortunes: The Political Economy of Place. Berkeley: University of California Press,1987.

8. *Pickvance C.* Marxist theories of urban politics // Theories of urban politics / Ed. by D. Judge, G. Stoker, H. Wolman. L.: Sage, 1995. P. 253–275.

9. *Stone C.* The Anlanta experience re-examined: The link between agenda and regime change // International Journal of Urban and Regional Research. 2001. Vol. 25. No. 1. P. 20–34.

10. *Dowding K.* Explaining urban regimes // International Journal of Urban and Regional Research. 2001. Vol. 25. No. 1. P. 7–19.

11. *John P., Cole A.* Urban regimes and local governance in Britain and France: Policy adaptation and coordination in Leeds and Lille // Urban Affairs Quarterly. 1998. Vol. 33. No. 3. P. 382–404.

12. *Dowding K.M.* Rational Choice and Political Power. Aldershot: Edward Elgar, 1991.

13. *Molotch H.* The city as growth machine // American Journal of Sociology. 1976. Vol. 82. No. 2. P. 309–355.

14. *Clark T.N., Goetz E.G.* The antigrowth machine: Can city governments control, limit, or manage growth // Urban innovation. Creative strategies for turbulent times / Ed. by T.N. Clark. L.: Sage, 1994. P. 105–145.

15. *Dowding K.M.* Power. Buckingham: Open University Press, 1996.

16. *Ferman B.* Challenging the growth machine. Neighbourhood politics in Chicago and Pittsburg. Lawrence: University Press of Kansas,1996.

17. *Dye T.R.* Community power and public policy // Community power: Directions for future research / Ed. by R.J. Waste. Beverly Hills: Sage Publications, 1986. P. 29–51.

18. *Harding A.* Review article: North American urban political economy, urban theory and British research // British Journal of Political Sociology. 1999. Vol. 29. P. 673–698.

19. *Fainstein S.S., Campbell S.* Introduction: Theories of urban development and their implications for policy and planning // Readings in Urban Theory / Ed. by S.S. Fainstein, S. Campbell. Oxford: Blackwell, 1996. P. 1–18.

20. *Shaw K.* The development of new urban corporatism: The politics of urban regeneration in the North East of England // Regional Studies. 1994. Vol. 27. P. 251–259.

21. *Wood A.* Analysing the politics of local economic development: Making sense of cross-national convergence // Urban Studies. 1996. Vol. 33. P. 1281–1295.

22. *Stoker G., Mossberger K.* Urban regime theory in comparative perspective // Government and Policy. 1994. Vol. 12. P. 195–212.

23. *Mossberger K., Stoker G.* The evolution of regime theory: The challenge of conceptualization // Urban Affairs Review. 2001. Vol. 36. No. 6. P. 810–835.

24. *Savitch H., Thomas J.* Conclusion: End of the millennium big city politics // Big city politics in transitions / Ed. by H. Savitch, J. Thomas. Newbury Park: Sage, 1991. P. 224–250.

25. *Pierre J.* Models of urban governance: The institutional dimension of urban politics // Urban Affairs Review. 1999. Vol. 34. No. 3. P. 372–396.

26. *Strom E.* In search of the growth coalition: American urban theories and the redevelopmentofBerlin // Urban Affairs Review. 1996. Vol. 31. No. 4. P. 455–481.

27. *Harding A., Wilks-Heed S., Huthins M.* Business, government and the business of urbangovernance // Urban Studies. 2000. Vol. 37. No. 5–6. P. 975–994.

28. *Kearns A., Paddison R.* New changes for urban governance // Urban Studies. 2000. Vol. 37. No. 5–6. P. 845–850.

29. *John P., Cole A.* When do institutions, policy sectors, and cities matter? Comparing networks of local policy makers in Britain and France // Comparative Political Studies. 2000. Vol. 33. No. 2. P. 248–268.

30. *Ferman B.* Challenging the growth machine: Neighbourhood politics in Chicago and Pittsburg. Lawrence: University Press of Kansas, 1987.

31. *Zhu J.* Local growth coalition: The context and implications of China's gradualist urban land reforms // International Journal of Urban Relations. 1999. No. 3. P. 534–548.

32. Россия регионов: трансформация политических режимов / Общ. ред. В. Гельман, С. Рыженков, М. Бри. М.: Весь Мир, 2000.

33. *Кузьмин А.С., Мелвин Н. Дж., Нечаев В.Д.* Региональные политические режимы в постсоветской России: опыт типологизации // Политические исследования. 2002. С. 142–155.

34. *Борисов С.В.* Актуальный политический режим в Нижегородской области // Политические исследования. 1999. № 1. С. 98–115.

35. *Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е.* Путинские реформы и потенциал влияния региональных элит: Аналитический доклад, подготовленный по заказу московского представительства Фонда им. Ф. Эберта. М., 2004.

1. Каковы причины каждой из волн структурно-количественных изменений муниципального пространства в России?
2. Как российский опыт реформ в этой области соотносится с западным?
3. Каковы преимущества и недостатки различных систем муниципальной организации?

А.Н. Швецов

СТРУКТУРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА. ОБОСНОВАНИЕ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ*

«Маятник» структурных трансформаций муниципального пространства: частота и амплитуда колебаний

Базовой характеристикой системы местного самоуправления является ее *пространственная организация*, образуемая разветвленной сетью *муниципальных образований* — территориальных единиц, в пределах которых *повсеместно* осуществляется местное самоуправление. **Десятки тысяч самоуправляемых муниципальных образований являются, выражаясь метафорично, *фундаментом* пространственной организации общества и системы управления страной. И ненормально, если этот фундамент не только не оберегается как залог долговременной устойчивости всей огромной государственной конструкции, но, напротив, претерпевает *частые, существенные* и, главное, *непоследовательные* переделки, от которых испытывает сильные деформации не только само это основание, но подвергается критическим рискам и все покоящееся на нем многоуровневое массивное сооружение**[1]. Однако именно такие *импульсивные трансформации* выступают характерной чертой современного (постсоветского) муниципального реформирования, в ходе которого уже *трижды существенно* менялся *численный состав* и *пространственная организация* муниципальных образований.

Так, в первой половине 1990-х годов количество территориальных единиц под юрисдикцией местных органов власти по сравнению с дореформенным (советским) периодом было резко и сильно *уменьшено* (более чем в *2,5 раза*). Вследствие слияний или поглощений около 30 тыс. низовых единиц административно-территориального деления советской России (районы, города и их районы, поселки

* *Швецов А.Н.* Структурные преобразования муниципального пространства. Обоснование целесообразности и оценка эффективности // Регион: экономика и социология. 2018. № 4. С. 228–249.

и т.п.) были трансформированы в двенадцать тысяч муниципальных образований. В новой пространственной структуре местного самоуправления муниципальными образованиями оказались только 620 из 1060 городов (менее 60%), 100 из 340 городских районов (только каждый третий), 630 из более 2 тыс. поселков (менее трети) и всего около 10 тыс. из 150 тыс. сельских населенных пунктов (не более 7%).

Сформированная конфигурация муниципального пространства оставалась неизменной недолго и уже в 2003 г. «маятник» трансформаций качнулся в противоположную сторону — начался «муниципальный передел», главный результат которого состоял в *увеличении* более чем в *два раза* числа муниципальных образований в стране. Если накануне этой реструктуризации в России насчитывалось 11 599 муниципальных образований [2], то по ее итогам — 24 510 муниципальных образований, в том числе 520 городских округов, 1819 муниципальных районов, 20 109 сельских и 1826 городских поселений [3]. При общем увеличении числа муниципальных образований в стране в регионах изменения имели *разнонаправленный* характер. Так, в 11 регионах число муниципальных образований даже несколько уменьшилось, в 17 регионах — осталось на дореформенном уровне или выросло несущественно (менее чем на 10%), но в 29 регионах рост числа муниципальных образований составил *от 3 до 10 раз*, а в 18 регионах количество муниципалитетов возросло более чем в *10 раз* [3].

На этом колебания «маятника» пространственных трансформаций не закончились. В 2008–2010 гг. начались процессы новых структурных изменений, следствием которых стало продолжающееся до настоящего времени *уменьшение* числа муниципальных образований[2]. На 1 января 2017 г. их общее число сократилось до 22 327, снизилось и число муниципальных районов — до 1784, а также сельских — до 18 101 и городских поселений — до 1589, но при этом число городских округов увеличилось до 567. Указанные преобразования в региональном разрезе идут *не повсеместно* и *не равномерно* — почти в половине субъектов Российской Федерации вообще никаких структурных изменений не происходило, в то время как в регионах Центрального (Воронежская, Смоленская и Тверская области) и Северо-Западного (Архангельская, Вологодская и Псковская области) федеральных округов процесс принял *массовый* характер [5].

Колебания количества муниципальных образований сопровождались *изменениями их пространственных параметров* — размеров (площади) и конфигурации (границ) территориальных локальностей, подпадающих под юрисдикцию органов местного самоуправления. В зависимости от вектора этих изменений *расширялся или сокращался социально-экономический потенциал* муниципальных образований (численность и структура жителей, состав предприятий, виды и запасы природных ресурсов, обеспеченность объектами социальной, производственной и транспортной инфраструктуры, и т.п.). При этом каждое обновление муниципальной «нарезки» влекло за собой наряду с изменениями факторов, составляющих *экономическую основу* местного самоуправления и определяющих его *доходный потенциал*, трансформацию состава и объема *расходных обязательств* местного самоуправления, определяющих *затраты местных бюджетов*.

Таким образом, на протяжении всего двадцати лет пространственную организацию местного самоуправления — *муниципальное пространство* — троекратно перекраивали *поступательно-возвратные («маятниковые») структурные пульсации*,

проходившие по схеме «реформа-контрреформа». В связи с этим закономерен ряд вопросов. Какими *обстоятельствами* вызывалась необходимость проведения за такой короткий период трех противоположных по смыслу, всеохватных по масштабам и кардинальных по своим последствиям количественно-структурных трансформаций и какие *соображения* (экономические, финансовые, правовые, политические и др.) закладывались в обоснование выбора сначала одного, затем другого и, наконец, третьего варианта? Как российские реформы и контрреформы соотносятся с аналогичным *зарубежным опытом*? Уместно ли ставить и как следует решать задачу *обоснования целесообразности* и *оценки эффективности* пространственных трансформаций муниципальных образований?

Предпосылки, содержание и последствия «маятниковых» структурных трансформаций муниципального пространства

Причины отмеченной повышенной изменчивости структурной организации муниципального пространства, на наш взгляд, коренятся в *противоречиях становления новой (постсоветской) системы местного самоуправления*[3]. Их множество и они разнообразны: принципиальные и второстепенные, идейно-теоретические и прикладные, объективные и личностные, сложные и не очень. Но все они — порождение огромных трудностей *переходного периода*, обусловленных **масштабом и сложностью реформируемого объекта, представленного многими тысячами разностатусных и сильно различающихся по географическому положению, размерам, потенциалам и уровням развития, а также местным культурно-историческим традициям муниципальных образований, в одночасье оказавшихся в условиях всеобщих и кардинальных социально-экономических, административно-территориальных и политических преобразований, усугубленных системным кризисом** распада СССР, а также чередой кризисов становления новой экономики России и ее встраивания в мировое рыночное хозяйство. Кроме того, местное самоуправление столкнулось и с новыми вызовами: депопуляцией сельской местности и малых городов, старением населения, миграционными процессами.

В этих обстоятельствах принималось множество *поспешных* и *непоследовательных* решений, следствием которых стало становление местного самоуправления *рывками и откатами по схеме «реформа-контрреформа»*[4]. Муниципалитеты то разукрупняли, то объединяли, то передавали им дополнительные права, то забирали, то расширяли их налоговые полномочия, то сужали, то вводили выборность местных глав, то упраздняли и т.п. И каждый раз, едва принимались одни нововведения, как начинались разговоры о **необходимости разработки новых концепций, стратегии или программы продолжения реформ, не очень беспокоясь выяснением, почему же предыдущие решения оказались неудачными** и зачем надо, не доведя одно дело до конца, затевать разработку нового курса развития местного самоуправления?

Порождением такой политики стало стремление *путем пространственно-структурных манипуляций* — то уменьшая, то увеличивая количество муниципальных образований — *быстро* и *одинаково стандартно* на неоднородном пространстве всей страны справиться с массой разнообразных *сущностных проблем* становления нового порядка местного самоуправления. При такой массирован-

ной и одномоментной реорганизации системы трудно было обеспечить всестороннюю и глубокую обоснованность решений, которая зачастую подменялась энергичной, но *легковесной* и *противоречивой* общественно-политической риторикой[5], получавшей юридическое подкрепление в быстро и небрежно скроенном законодательстве.

Первая «муниципальная нарезка» 90-х годов стала следствием постсоветского перехода к системе местного самоуправления западноевропейского образца. Местные органы из низового звена *государственной властно-субординационной иерархии* органов управления были трансформированы в *самостоятельный, не входящий в систему органов государственной власти институт*. Была осуществлена *общероссийская унификация* видов административно-территориальных единиц как объектов местного самоуправления. Административные районы, города (республиканского, краевого, областного, окружного значения), городские районы и округа, поселки городского типа, сельские администрации и сельские населенные пункты — все эти различные виды таксономических единиц стали муниципальными образованиями с одинаковым набором предметов ведения. А органы местного самоуправления любых муниципальных образований вне зависимости от реального состава и объема задач обеспечения их жизнедеятельности, а также имеющихся для этого ресурсных возможностей приобрели одинаковый статус и равные полномочия. Проведенная унификация игнорировала объективные различия в организационных и экономических возможностях реализации «общих принципов организации местного самоуправления» и «финансовых основ местного самоуправления» в населенных пунктах разных видов — в региональных «столицах» и в малых городах, в поселках городского типа и в сельских поселениях, в индустриальных центрах и в «наукоградах», в городских и в сельских районах. Другим структурным следствием реформы стала допустимость вхождения одного муниципального образования в состав другого, что порождало проблемы пересекающихся ареалов местного самоуправления.

Нарастание противоречий в рамках выстроенной системы стало поводом для проведенного в начале 2000-х годов *переформатирования пространственной организации местного самоуправления*. В целях приближения местной власти к населению, разграничения полномочий, повышения муниципальной автономии вводилась двухзвенная поселенческо-районная структура[6]. Однако организационно-статусные аспекты реорганизации оказались оторванными от бюджетно-налоговых решений, в результате чего структура муниципальных образований видоизменялась до того, как были определены финансовые основы их функционирования, что привело к ухудшению бюджетной обеспеченности муниципальных образований по сравнению с периодом 90-х годов. Ряд важных вопросов (например, кадровых) вообще выпал из поля зрения. Возобладал единообразно жесткий подход, не предусматривавший учета уровня и особенностей развития разных регионов, накопленного в них опыта организации местного самоуправления и т.д.[7] Состав и размещение объектов социальной инфраструктуры не вписывались в новую двухзвенную структуру муниципальных образований.

Результаты нового «муниципального передела» получились *противоречивыми*. С одной стороны, *местная власть* за счет организации *по поселенческому признаку* и обусловленного этим существенного увеличения числа муниципальных обра-

зований существенно *приблизилась к населению*, но, с другой стороны, самостоятельные *управленческие возможности* местных органов *оказались ничтожными*, поскольку свыше 90% муниципальных образований были *хронически дотационными*, а более 80% муниципальных образований вообще не имели бюджетов и осуществляли свою деятельность по смете, являвшейся составной частью районных бюджетов. Функционирование такой системы требовало *централизации* средств и затем их *перераспределения* между «неимущими» муниципальными образованиями. Их полная финансовая зависимость от регионального уровня стала благодатной почвой для выстраивания не партнерских, а *субординационных* отношений между ними — пресловутой «вертикали власти». А в этой логике закономерно возникал и вопрос о *повышении управляемости*, который решался уменьшением числа объектов управления, для чего, как нельзя лучше, годился простой структурный маневр — *укрупнение* муниципальных образований[8], подкрепляемое заменой выборности *назначением* их глав губернаторами регионов[9].

Было решено добиваться сокращения количества дотационных поселений (в основном в сельской местности) и повышения сбалансированности местных бюджетов[10] за счет уменьшения расходов на содержание аппаратов управления, приведения структуры органов местного самоуправления в соответствие с неблагоприятными изменениями демографической ситуации (особенно в сельской местности), а также с размещением производства и трудовых ресурсов, с состоянием транспортной сети.

Новая реструктуризация муниципального пространства пошла по пути, во-первых, *упразднения поселенческого звена* местного самоуправления путем преобразования *составной структуры* муниципальных районов с входящими в них муниципалитетами-поселениями в *структурно единые* городские округа (переход от двухзвенной к однозвенной структуре)[11], и, во-вторых, *укрупнения муниципалитетов-поселений* посредством их *объединения* в новое муниципальное образование или *присоединения* к существующему.

Следствием указанных действий стало в очередной раз *уменьшение количества и рост размеров муниципальных образований*. Государство взяло курс на централизацию сущностных полномочий и наращивание контроля местного самоуправления, нагружая в то же время муниципалитеты не свойственными им функциями и лишая их организационной автономии[12]. Но такие меры вторжения «государственного интереса» в вопросы местного развития *не дали ожидаемых эффектов* ни в экономии расходов, ни в повышении качества местного управления [11].

Поучительный опыт структурных трансформаций муниципального пространства за рубежом

Пространственная организация местного управления за рубежом под нарастающим влиянием проблем экономического порядка, с которыми сталкиваются муниципалитеты, также претерпевает серьезные *количественно-структурные перемены*, следствиями которых становятся *уменьшение количества муниципалитетов при увеличении их пространственных размеров, роста численности жителей, расширении полномочий и повышении устойчивости*. Этот процесс идет во многих странах —

и в федеративных (Канада, Германия и др.) и в унитарных (Франция, Великобритания, Дания и др.) государствах.

Так, в Канаде в сфере местного самоуправления практически всех провинций процесс *реструктуризации муниципалитетов путем их объединения* становится все более интенсивным и масштабным. В подоплеке муниципальных слияний лежат сходные мотивы — *повышение экономической эффективности оказания муниципальных услуг* за счет снижения нерациональных расходов и улучшения координации в управлении развитием смежно-расположенных и тяготеющих друг к другу деревень, поселков и городов, объединявшихся по этим мотивам в рамках единого административно-территориального образования. Кроме того, усилилось стремление к *повышению бюджетной самостоятельности муниципальных образований* за счет увеличения доли доходов их бюджетов из так называемых собственных источников и тем самым снижения зависимости муниципальных бюджетов от трансфертов из бюджетов провинций.

В результате изменений наряду с двухуровневой структурой, образуемой небольшими поселенческими муниципалитетами, входящими в состав надпоселенческих муниципалитетов с более широкой зоной охвата, формируется новая одноуровневая подсистема укрупненных муниципальных образований. Сосуществование двух подсистем муниципальных образований дает основания для сравнительного анализа их преимуществ и недостатков. Главное преимущество двухуровневой системы связывается с перераспределительными возможностями между поселенческими муниципалитетами в границах одной территории. В то же время наличие двух муниципальных уровней влечет за собой рост непроизводительных расходов и дублирование в предоставлении отдельных видов услуг. Двухуровневая система оказывается менее прозрачной и затрудняет понимание налогоплательщиками, какой именно уровень несет ответственность за ту или иную услугу. Наличие двух муниципальных органов власти создает дополнительные бюрократические барьеры на пути принятия эффективных решений.

В качестве преимуществ структуры с большими одноуровневыми муниципалитетами обычно указывают на ее более высокую экономическую эффективность, обусловленную сокращением численности управленческого персонала и снижением соответствующих расходов, исключением дублирования в выполнении административных функций и устранением бюрократических барьеров, рационализацией процедур предоставления услуг, увеличением масштабов страхования, уменьшением закупочных цен в связи с большими объемами закупок, расширением возможностей применения сложного и специализированного технического оборудования. Расширение налоговой базы в новой структуре создает возможности для повышения уровня и более справедливой организации финансирования предоставляемых муниципальных услуг. Повышается управленческая ответственность за счет ее концентрации на одном муниципальном уровне. Создаются условия для более эффективного развития в расширенных территориальных границах сети объектов транспортной (дороги и мосты), инженерно-коммунальной (водоснабжение, канализация, электросети) и социально-рекреационной (парки, зоны отдыха, библиотеки и пр.) инфраструктуры. Устраняется неэффективная и дорогостоящая межмуниципальная конкуренция, имевшая место в прежней структуре между поселениями, каждое из которых стремилось,

во что бы то ни стало привлечь именно к себе тот или иной объект, игнорируя при этом соображения экономической целесообразности его размещения в конкретном месте.

Противники политики муниципальных слияний, естественно, прямо наоборот оценивают последствия такой реструктуризации. В частности, в устранении межмуниципальной конкуренции они усматривают вовсе не благо, а опасность уменьшения и даже утраты стимулов к росту эффективности и снижению издержек. Не без оснований отмечается неоднозначность эффектов экономии на масштабе. Другими словами, они соглашаются с тем, что для некоторых видов услуг укрупнение муниципалитета приведет к заметному выигрышу за счет снижения удельных издержек, но в то же время для других видов услуг эти издержки снизятся не существенно, а для третьих — даже повысятся. Это довольно просто объясняется тем, что *максимальная эффективность и наименьшие издержки для разных видов услуг достигаются при различных размерах муниципалитета*, т.е. рост эффективности и снижение издержек неодинаковы для дорожных работ, пожарной службы, полиции и зон отдыха. Подвергается сильному сомнению обоснованность надежд на снижение непроизводительных затрат за счет устранения дублирования функций при слиянии муниципалитетов и предсказывается, что в реальности расходы в новой структуре скорее всего сохранятся на максимальном уровне, сложившемся до реструктуризации. Наконец, обращается внимание на реальную опасность утраты при укрупнении муниципалитетов прежних возможностей учета местных предпочтений и особенностей при оказании тех или иных услуг, эффект от которых проявляется только на местном уровне.

Но, конечно же, указания на недостатки новой муниципальной структуры не в силах поколебать уверенности сторонников муниципальной реструктуризации в ее преимуществах и лишь стимулируют поиск мер, компенсирующих возможные негативные последствия реформы. Так, парируя вполне ожидаемые критические замечания по поводу того, что переход к одноуровневой структуре крупных муниципалитетов неизбежно ведет к отдалению местной власти от населения, адепты идеи слияния муниципалитетов обычно указывают на простую и доступную возможность легкого преодоления этого недостатка путем организации сети «местных комитетов, консультационных и иных дополнительных офисов» с минимальным штатом служащих, предоставляющих определенный набор услуг, консультирующих местных жителей или отвечающих на их вопросы. Аналогично обстоит дело и с другими доводами противников реформы. Скажем, в ответ на упреки по поводу устранения конкуренции предлагается обеспечить ее путем более широкого использования альтернативных способов предоставления муниципальных услуг, например, с привлечением сторонних организаций на договорных условиях.

Альтернативой крупным муниципалитетам в рамках одноуровневой системы местного самоуправления выступают небольшие муниципальные образования с характерными для них преимуществами и недостатками. Говоря о достоинствах небольших муниципальных структур, на первое место обычно выдвигают отнюдь не экономические факторы, а такие их свойства, как большая демократичность организации жизнедеятельности на меньшей территории, лучшая доступность местной власти и непосредственная ответственность выборных лиц перед налого-

плательщиками. Считается также, что в небольших муниципалитетах более полно учитывается местная специфика, принимаются в расчет различия между городом и сельской местностью, исторические традиции и т.п. Многочисленные малые общины, получая муниципальный статус, приобретают возможность реализации своих разнообразных интересов и противостоят тенденциям к «стандартизации» муниципальных услуг и «выравниванию» затрат на их предоставление. Сосуществование множества муниципалитетов содействует установлению конкурентной среды, стимулирующей их к более скрупулезному учету и контролю собственных затрат, предоставляя для этого более широкие информационные возможности для сравнительного анализа показателей экономической эффективности оказания тех или иных услуг в разных муниципалитетах. Но в то же время увеличение количества муниципалитетов сопряжено с ростом численности выборных лиц и наемного персонала, возрастанием административных расходов. Муниципальная конкуренция может превратиться в дорогую и неэффективную, а стремление к получению эффектов от экономии на масштабах при оказании услуг наталкивается на объективные ограничения, которые невозможно преодолеть в рамках отдельных небольших муниципальных образований, а требуется использование механизмов межмуниципальных взаимодействий (соглашений или специальных управляющих структур).

Процессы реструктуризации муниципальных образований характерны и для Европейского Союза, в разных странах которого уже осуществлены, проводятся или планируются соответствующие реформы [12–16]. Здесь прослеживаются *две основные тенденции*. Одна — к *укрупнению* общин в целях повышения административной результативности и экономической эффективности местного самоуправления. Этот путь характерен, в первую очередь, для *североевропейских* стран и регионов (Скандинавские государства, Англия, северогерманские земли). Так, в Германии проведенная в 1970-е годы реформа административно-территориального деления страны привела почти к *троекратному* (с 22000 до 8500) сокращению количества общин. В Швеции в результате укрупнений коммун, проведенных в 1952 г. и 1974 г., их количество уменьшилось почти в *восемь раз* — с 2282 до 290 [13]. В Дании в результате реформы 1970 г. число муниципалитетов было уменьшено почти в *пять раз* (с 1300 до 275) и планируется сокращение еще почти втрое [14]. Делая упор на сугубо экономических эффектах (снижение издержек или повышение эффективности управления), в указанных странах все же осознают, что подобный подход ухудшает возможности жителей влиять на муниципальную политику и участвовать в местном самоуправлении. Поэтому предпринимаются специальные меры, компенсирующие негативные последствия укрупнения общин. Так, для усиления роли жителей в местном самоуправлении механизмы представительской демократии дополняются инструментами прямой и партиципативной демократии [15]. Другая тенденция реструктуризации муниципального пространства характерна для *южноевропейских* стран и регионов (Франция, Италия, Австрия, южногерманские земли и др.), где сохраняется исторически сложившаяся структура муниципального пространства, представленная преимущественно *мелкими* поселениями. В этой части Европы для повышения административной результативности и экономической эффективно-

сти местного самоуправления используются организационно-правовые формы *межмуниципальной кооперации*.

Какие уроки следует извлечь из зарубежного опыта? В отличие от российской практики, за рубежом трансформации муниципального пространства носят не столь кардинальный и массовый характер, к ним прибегают не так часто, изменения протекают более монотонно и последовательно, готовят их более тщательно (от нескольких лет до нескольких десятилетий), всесторонне и широко обсуждают и организованно осуществляют [16]. Сформированные таким образом пространственные структуры местного самоуправления характеризуются устойчивостью и эффективностью.

Структурные трансформации муниципального пространства как проект и оценка его эффективности

Пространственная организация местного самоуправления *инерционна*, но это *не застывшая структура*. Ее известная подвижность обусловлена *объективными причинами* и *ситуативными мотивами*. Объективные предпосылки изменчивости муниципальной конфигурации эксперты связывают с *проблемами* и *вызовами*, с которыми сталкивается современное местное самоуправление. В их числе — динамика «человеческого капитала» (депопуляция, старение, миграция, рост и дифференциация образовательного уровня), технико-технологические факторы (в частности, развитие ИКТ), а также обострение экологических проблем, рост террористических угроз, глобальные изменения в экономике [17]. Ситуативные мотивы муниципальных трансформаций обусловлены *интересами* и *возможностями* их основных участников. Во-первых, это *интересы власти* (в решающей мере региональной и крупных муниципалитетов). Они оказывают наиболее сильное воздействие на организацию муниципального пространства, они четко осознаны их выразителями, которые к тому же хорошо организованы и наделены значительными ресурсами (правовыми, административными и финансовыми). При этом власти в своих интересах не во всем едины и могут действовать как консолидировано, так и противоречиво. Вторая группа — это *интересы населения*. Они разнообразны и слабо структурированы, их носители не консолидированы и не обладают никакими ресурсами, кроме одного главного — права выбора местной и региональной власти, но его значимость сведена практически к нулю. Третья группа — это *интересы бизнеса*. Их значимость пространственно неравномерна и определяется масштабами местного присутствия и экономическими потенциалами субъектов рынка. Свои интересы в муниципальных делах бизнес (крупный) реализует во взаимодействии с властными структурами, внедрением в них своих представителей. Четвертую группу образуют *интересы муниципального хозяйства*. Речь идет об учреждаемых местными органами предприятиях и организациях, оказывающих услуги жителям и которые заинтересованы в увеличении масштабов своей деятельности, зависящей от размеров бюджетных ассигнований и платежей жителей. Сложное и противоречивое взаимодействие указанных групп интересов и возможностей формирует главные предпосылки, условия и направления муниципально-пространственных трансформаций.

Чтобы сделать это взаимодействие прозрачным и конструктивным, сократить возможности для волюнтаристских действий властей по перекройке муниципального пространства целесообразно было бы *законодательно обязать* региональные и местные власти, *во-первых*, любые намерения по структурному преобразованию муниципального пространства (образованию, объединению и разукрупнению муниципалитетов) обязательно представлять общественному вниманию в виде развернутого *проекта*, корректно и всесторонне обосновывающего предпосылки и задачи предлагаемого преобразования, состав и содержание, а также расчетную стоимость планируемых мероприятий и их наиболее существенных последствий (как выгод, так и рисков); и, *во-вторых*, одобрение или отклонение такого проекта производить только в зависимости от *оценки* его *эффективности*.

Принципиально важно, чтобы оценка эффективности проекта преобразования муниципального пространства была *методически корректной*. Такая оценка требует одновременного решения *пяти основных задач* [18]. Во-первых, нужна *оценка реализуемости проекта*, т.е. проверка того, что он удовлетворяет всем *экзогенным ограничениям* правового, экономического, финансового, организационного, социального и др. характера. Во-вторых, требуется оценка *абсолютной эффективности проекта*, состоящая в сопоставлении совокупных результатов и затрат. В-третьих, должна быть сделана оценка *сравнительной эффективности проекта*, в ходе которой необходимо убедиться в том, что рассматриваемый проект лучше (хуже), чем альтернативные. В-четвертых, необходимо выбрать из ряда потенциально реализуемых проектов *наиболее эффективный*, т.е. решить задачу оптимизации, в которой при заданных индивидуально реализуемых и абсолютно эффективных проектов (частично независимых, альтернативных и т.д.) и системе ограничений экономического, финансового и др. характера требуется определить, какие проекты из этого ряда целесообразно выбрать для реализации, с тем, чтобы выбранные проекты были наиболее эффективными по заданному критерию и реализуемыми. В-пятых, нужно *проверить устойчивость* (чувствительность) полученных оценок эффективности. Поскольку проекты преобразований реализуются несколькими участниками, цели и интересы которых не совпадают, то и проект они будут оценивать с разных точек зрения, используя несовпадающие показатели эффективности. Поэтому проект будет эффективен только, если он эффективен в *целом* и *для каждого* его участника.

Сейчас ничего подобного не делается. Обоснования преобразований районно-поселенческой структуры, например, в формат городского округа сводятся, как правило, к лапидарной малодоказательной аргументации и только одной заинтересованной стороны — региональной и местной власти. При этом речь идет исключительно о *гипотетических выгодах*, набор которых повсеместно сводится к одним и тем же утверждениям, что преобразование позволит преодолеть размытость ответственности между властями района и поселений, исключить дублирование их функций и полномочий, сократить численность чиновников и упростить документооборот, устранить административные барьеры в предоставлении земельных участков инвесторам, консолидировать скудные бюджетные средства поселений для решения общих для них задач, добиться повышения доступности услуг и выравнивания уровня жизни населения путем комплексного развития района как единого муниципалитета. И ни слова о *рисках негативных последствий*.

* * *

Итак, «маятник» структурных преобразований муниципального пространства по-прежнему колеблется. И это свидетельство сохраняющейся неустойчивости системы, нахождения ее в переходном состоянии. Продолжается эмпирическое нащупывание рациональных в сложившихся обстоятельствах размеров муниципалитетов и формата их пространственной организации. При этом масштаб и интенсивность нынешней — третьей волны структурных преобразований уменьшились. Считать ли это признаком затухания колебаний? Как бы то ни было, чтобы циклический процесс вновь не набрал силу, следовало бы воспрепятствовать массовым структурным трансформациям муниципального пространства, обусловив любые его преобразования обязательным их обоснованием в виде исчерпывающего открытого проекта действий, судьбу которого нужно решать только по результатам независимой квалифицированной оценки его эффективности в целом и для каждого участника.

Примечания

[1] Эксперты упрекают федеральные власти в том, что они не только не гарантируют и не обеспечивают стабильность границ и правового статуса муниципальных образований, как того требует ст. 12 Конституции Российской Федерации, но, напротив, перманентными изменениями федерального законодательства явным образом снижают уровень правовых гарантий местного самоуправления, подменяя самодеятельность граждан решениями органов государственной власти [1].

[2] Эта устойчивая тенденция была нарушена в 2014 г. всплеском количества муниципальных образований, обусловленным воссоединением Российской Федерацией с Республикой Крым. На полуострове было образовано 289 муниципальных образований, в том числе 11 городских округов, 14 муниципальных районов, 4 городских и 250 сельских поселений, а также 10 внутригородских муниципальных образований в Севастополе [4].

[3] Всесторонний анализ предпосылок, особенностей и проблем становления местного самоуправления в России 1990-х годов дан в [6].

[4] Более обстоятельно об этом явлении с глубокими историческими корнями см. [7].

[5] На разных этапах говорилось как о полезности укрепления демократии, расширении политической самостоятельности местной власти и ее приближении к населению, так и о необходимости повышения управляемости на местах, укрепления «вертикали власти» на местном уровне, отмене выборности мэров городов и т.п.

[6] Новая схема территориальной организации местного самоуправления получила юридическое закрепление в принятой 6 октября 2003 г. обновленной версии Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

[7] Во многих регионах не поддержали новый этап муниципальной реформы, посчитав его преждевременным. Неприятие реформы региональными и местными властями оказалось настолько сильным, что пришлось дважды продлевать сроки перехода к новому порядку организации местного самоуправления — сначала до 1 января 2006 г., а затем еще на три года — до 1 января 2009 г. Но откладывание сроков не сопровождалось корректировкой главных содержательных вопросов реформы. Высказывавшиеся многими регионами существенные претензии так и не были учтены в федеральном законе.

[8] Сигнал к контрреформе прозвучал на расширенной коллегии министерства финансов страны в апреле 2009 г.: «...настало время рассмотреть вопрос объединения муниципальных

образований, особенно тех, где практически отсутствует доходная база». URL: http://old.minfin.ru/ru/press/speech/index.php?id_4=7278.

[9] Это может расцениваться как снижение достигнутого уровня местной демократии, отторжению жителей от самоуправления, от их участия в общих делах и увеличению разрыва между населением (носителем права на местное самоуправление) и властью, а следовательно, — как нарушение Европейской хартии местного самоуправления [12].

[10] По признанию представителей региональных властей, процесс укрупнения муниципальных образований затевался именно с целью оптимизации бюджетных расходов [8].

[11] При этом власти не смущало, что эта практика не только являлась отступлением от законодательства [9], но и нарушала конституционный принцип осуществления местного самоуправления именно на поселенческом уровне. К тому же создаваемые таким образом *мнимые* городские округа не соответствуют понятию, признакам и назначению *подлинного* городского округа. Как правило, указанному преобразованию предшествует делегирование поселенческими муниципалитетами своих основных полномочий районному уровню. И после этого создание городского округа становится закреплением де-юре того, что уже сложилось де-факто.

[12] Конституционный Суд фактически зафиксировал и признал утрату муниципальными районами и городскими округами значительной части своей самостоятельности вследствие многократного увеличения количества переданных на их уровень для исполнения отдельных государственных полномочий [5, 10].

Литература

1. *Петухов Р.В.* Территориальная организация местного самоуправления: последние законодательные новации // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2017. № 3. С. 31–35.

2. *Бабичев И.В.* Местное самоуправление: вчера, сегодня, завтра // Полития. 2004. № 1.

3. Мониторинг хода муниципальной реформы // Консорциум по вопросам прикладных экономических исследований. М.: ИЭПП, 2006. — 402 с.

4. Доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации / Под ред. Е.С. Шугриной. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. — 240 с.

5. Доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации: Современные вызовы и перспективы развития / Под ред. Е.С. Шугриной. М.: Проспект, 2016. — 312 с.

6. *Лексин В.Н., Швецов А.Н.* Муниципальная Россия. Социально-экономическая ситуация, право, статистика (в пяти томах, 12 книгах). М.: Эдиториал УРСС, 2000–2001.

7. *Швецов А.Н.* Реформы и контрреформы местного самоуправления: марафон длиною в полтора столетия // Федерализм. 2016. № 1. С. 77–90.

8. *Санжиев Д.* Перемещение денег из бюджета в бюджет — «инъекция» для местных бюджетов // Экономика и жизнь. 2016. № 16 (9632).

9. *Шугрина Е.С., Петухов Р.В.* Об особенностях изменения территориальных основ местного самоуправления в Московской области на примере Шаховского района // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 2. С. 42–46.

10. Доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации: Изменение баланса интересов государственной власти и местного самоуправления / Под ред. Е.С. Шугриной. М.: Проспект, 2017. — 484 с.

11. *Петухов Р.В.* Территориальная организация местного самоуправления: последние законодательные новации // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2017. № 3. С. 31–35.

12. *Маркварт Э., Швецов А.Н.* Территориальная организация местного самоуправления и управление городскими агломерациями. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2017. — 304 с.

13. *Kuhlmann S., Wollmann H.* Verwaltung und Verwaltungsreformen in Europa. Springer VS, Wiesbaden, 2013. — 324 p.

14. *Корсби П.* Реформы местного самоуправления — опыт Дании и возможности его применения в России // Институциональный, правовой и экономический федерализм в Российской Федерации. 2006. № 3.

15. *Маркварт Э.*, *Францке Й.* Территориальное реформирование местного самоуправления в Германии и России на современном этапе // Пространственная экономика. 2017. № 3. С. 40–61.

16. *Schwab Ch., Bouckaert G., Kuhlmann S.* The Future of Local Government in Europe. Lessons from Research and Practice in 31 Countries. Nomos Verlagsgesellschaft, Baden-Baden, Germany. 2017. — 129 p.

17. *Маркварт Э.* Местное самоуправление в России перед главными вызовами современности // Российский экономический журнал. 2016. № 6. С. 1–15.

18. *Виленский П.Л., Лившиц В.Н., Смоляк С.А.* Оценка эффективности инвестиционных проектов: Теория и практика. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Поли Принт Сервис, 2015. — 1300 с.

ГЛАВА 12

Пространственная идентичность

Геополитика образов и структурирование метапространства

Модели политического пространства

Системообразующие свойства пространства–времени при трансформации общественно-географического пространства

1. Как картографирование влияет на восприятие окружающего пространства?
2. Что такое «геополитика образов» и какова ее роль?
3. В какой мере понятие образно-географической драмы способствует геополитическому анализу?
4. Назовите основные геополитические образы России. Каков исторический контекст актуализации каждого из них в современный период?

Д.Н. Замятин

ГЕОПОЛИТИКА ОБРАЗОВ И СТРУКТУРИРОВАНИЕ МЕТАПРОСТРАНСТВА*

I. Генезис образно-географического видения мира

Генезис образно-географического видения мира — результат синкретического сплава поэзии и мифа. Поэтико-мифологическое видение мира на ранних стадиях развития человеческих сообществ сочетает в себе два взгляда на земное пространство. Первый — измерительно-топографический, или геометрический. Практически любая космогония содержит топографические или геометрические указания, параметризующие ее в рамках крохотных по современным меркам ойкумен. Второй взгляд — хорологический, когда космогонические представления завязаны на «небесную» точку зрения, а координаты привычного мира отсчитываются по вертикальной умозрительной шкале. Ранние мифологические построения содержат обе трактовки, причем они могут сильно противоречить друг другу. Так, в «Теогонии» Гесиода «тартар описывается в системе отсчета, противоположно направленной относительно вектора системы, в которой описываются прочие мировые стихии» [Шиловский, 1998: 99]. В эпической традиции архаических обществ хорологический взгляд зачастую подавляет измерительно-топографический, что ведет к совмещению семантически несочетаемых лексем [Шиловский, 1998: 99–100; Урысон, 1999]. На метапространственном уровне в космогонических представлениях происходит отождествление микрои макрообразов земного пространства. С позиций Модерна, эти образы нельзя назвать географическими, поскольку в таком случае земное пространство и есть весь мир, космос [Вернан, 1988: 140, 142–143]. Но подобная ситуация близка Постмодерну, ибо учитывает возможность разных географий — «космической», «мифической» и т.д.[1]

* *Замятин Д.Н.* Геополитика образов и структурирование метапространства // Полис. Политические исследования. 2003. № 1. С. 82–102.

В древнегреческом полисе космос обретает географические черты. Географическое пространство здесь однородно. Политическое пространство полиса имманентно географическому. Это гомогенный, строго центрированный мир, в котором политические кругообороты (переход власти от одной группы граждан к другой) четко соотнесены с отдельными частями территории полиса. Космос полиса жестко упорядочен, его образ максимально географичен [Вернан, 1988: 121–125, 132]. «Режим полиса предстает перед нами соотнесенным с новой концепцией пространства; институты полиса представляют собой проекцию и воплощение того, что можно назвать 'политическим пространством'» [Вернан, 1988: 150]. Вместе с тем такое пространство геометрично, оно имеет уравнивающий и симметричный характер, лишено какой-либо иерархии. Геометрия еще тождественна географии, и геометрия политического пространства проецируется на пространство физическое (представления милетцев Анаксимандра и Гекатея). Политико-геометрические образы становятся физико-геометрическими. Географическое пространство полностью центрировано, реальные контуры суши и моря не играют большой роли; Азия симметрична и равновелика Европе [Вернан, 1988: 152–155]. Мир является геометрическим образом, а его развитие есть концентрическое расширение.

Политическое пространство полиса сосуществует с сакральным. Они отделены друг от друга, Агора противостоит Акрополю [Вернан, 1988: 15–152]. Общность этих пространств — в наличии Центра, из которого происходит их структурирование. В отличие от архаичной модели, видевшей в земном мире лишь слепок, сколок мира божественного [Tuan, 1978; Топоров, 1982, 1987; Элиаде, 1987: 168; Cook, 1988], античная деонтологизирует земное пространство, расщепляя его на равномерно множащиеся образы [Элиаде, 1994: 22–24]. Суть данного процесса — в феноменологизации пространственных отношений, в осознании уникальности (географичности) физических расстояний и проницаемости, преодолимости пространства как физического (метафизического) феномена. Земное пространство как бы постигает себя. Политико-географические образы, продуцируемые полисом, строятся на сакральных интерпретациях пространства. Античная мифология «ложится» на политическую географию полиса, создавая удивительный эффект композитных, гибридных географических образов [Торшилов, 1999: 70–90]. Сакральное пространство предельно политизируется, при этом представления о том, что «наш мир» — всегда в центре, а реальное пространство раскрывается через священное [Элиаде, 1994: 34–35, 46], сохраняются и используются.

Примерно та же трактовка пространства (хотя и в усеченном виде) господствует и в период средневековья [Гуревич, 1972; Мельникова, 1986, 1998; Райт, 1988; Плигузов, 1993 и др.]. По мере расширения географических знаний геомифологические (библейские по происхождению) образы все более отодвигаются на края известного физико-географического пространства, но это не меняет теоцентристского взгляда на мир. Библейские генеалогии приспосабливают реальное пространство под условные мифологические траектории развития различных народов [см., напр., Мыльников, 1996]. Средневековье мыслит мелкими прерывными интервалами и практически не связанными локусами в рамках реальных путешествий [Гуревич, 1972: 79–80; Мельникова, 1998: 12–14], и эти мозаичные топообразы проецируются и встраиваются в сакрально-пространственную картину мира.

Наступление эпохи Возрождения сопровождается кардинальными изменениями в понимании земного пространства. Оно секуляризуется, постепенно исчезают непространственные (по преимуществу — сакральные) его интерпретации [Кузнецов, 1979: 99–104]. Пространство теперь осмысляется как упорядоченный ряд каузальных представлений непрерывно перемещающегося тела [Кузнецов, 1979: 178–181, 186–188; Буркхардт, 1996: 185–200], становится непрерывным и повсеместно открытым для обзора, обретает «свободу» от тотальных (политических, сакральных) взглядов на мировое развитие. Впервые открывается возможность формирования множественных географических образов мира, в структуре которых заложено осознание мира как непрерывного пространственного развития.

Происходит своего рода «приватизация» мест и расстояний; путешествия воспринимаются как необходимая политизация (в широком смысле) географического пространства. Перефразируя С. Родса («Расширение — это все»), можно сказать: «Пространство — это все». Мир мыслится как политика самого пространства; понимание сакральности и божественного «завязано» на процедуры опространствления политических событий; данное измерение теперь есть необходимый атрибут политического бытия. Подобное толкование мира — заслуга Модерна, который тем самым подготовил почву для любых других пространственных интерпретаций мирового развития. В этом плане Постмодерн всегда находится «внутри» Модерна; он не представим без Модерна.

Географические образы Постмодерна формируют ментальные пространства нового типа. «Отражаясь» один от другого и постоянно плодясь, эти образы придают любой выделяемой пространственной конфигурации уникальный, индивидуальный характер. Они семантически насыщают друг друга, обеспечивают перманентную семантическую «подпитку» собственной конфигурации [Топоров, 1995: 446]. Каждая подобная конфигурация автоматически отсылает к иным, семантически с ней соприкасающимся. Возникает постоянно растущее поле семантических смыслов, последовательно выходящих на очередной метауровень[2]. Мировое развитие осуществляется по бесчисленному множеству образных траекторий и на этом же бесчисленном множестве.

II. Географические образы как когнитивные модели

Географические образы Постмодерна можно и нужно обсуждать в рамках когнитивной теории. Процесс познания стал прямо зависеть от пространственных конструкций, создаваемых и работающих в языке и через язык. Тотальное освоение пространства происходит путем внедрения в него языка; возникают структуры описания, в которых язык неотделим от соответствующего пространства. Пространства Постмодерна — это метаязык, с помощью которого осуществляются ментальные репрезентации. Ментальные пространства реализуются в качестве глобальных и одновременно точечных, локальных географических образов. Пространственность этих образов обеспечивает эффективность ментальных репрезентаций. Географические образы репрезентируются в виде ключевых пространственных концептов, формирующих собственные концептуальные пространства. В соответствии с проведенными ментальными репрезентациями строятся схемы интерпретации, которые определяют формы и уровень соотнесения географиче-

ских образов в метапространстве и ориентируют их по отношению друг к другу. Мир предстает воплощением определенных схем интерпретации [Кубрякова и др., 1996: 91, 99–100, 157–158, 180; Кубрякова, 1997]. «Границы интерпретации являются одновременно и границами воспринимаемого мира» [Кубрякова и др., 1996: 180]. Пространства Постмодерна суть когнитивная география ключевых концептов, репрезентирующих образы одновременных миров (мест)[3]. Мировое развитие интерпретируется как наложение концептуальных структур, параметризованных географически. Мир представляется структурным пространством (пространством структур), а концепт мирового развития означает прежде всего пространственное развитие, воплощаемое в последовательных трансформациях географических образов.

Картографирование географических образов: содержание и смысл. Приступая к обсуждению данной проблемы, следует прежде всего определить, что означает картографирование географических образов и как оно производится. Очевидно, что карты географических образов отличаются от традиционных географических, а также от ментальных (мысленных), или когнитивных [см., напр., Down, Stea, 1977; Gould, White, 1986; Ланге, 1988: 28; Kitchin, 1996; Найссер, 1998: 134–137 и др.]. Вместе с тем при таком картографировании частично сохраняется общая ориентация по сторонам света, принятая в западной картографии Нового времени. Верх карты обозначает север, низ — юг, и т.д. Карты географических образов во многом близки географическим картоидам [Родоман, 1977], однако для них характерна сильная отчлененность, отделенность самих образов от традиционного картографического поля, наличие большей дистанции между картографируемыми объектами (образами) и их субстратом, или фоном [Замятин, 1998б]. Благодаря картографированию географических образов создается автономное географоидное пространство со своими законами развития [Замятин, 1999а].

Картографирование географических образов предполагает репрезентацию и интерпретацию тех или иных топонимов как географических образов. При этом названные образы рассматриваются как знаки некоей реальности, или реального географического пространства. Они взаимодействуют и создают собственное метагеографическое пространство[4]. В результате достигается максимальная символизация географического пространства (пространств), а его представление приобретает универсальность. Благодаря процессу картографирования репрезентация географических образов становится эквивалентной, или тождественной их интерпретации как таковой. Как следствие, происходит трансформация самого содержания и толкования понятия картографирования, которое сближается с понятием mapping, господствовавшим в английском языке до введения слова cartography [O'Cadhla, 1999: 94].

Понятие картографирования переводится в метагеографическую плоскость, начинает «опережать» реальное пространство, «диктовать» ему свои условия; картографируемые географические образы постоянно конструируют, дополняют, переформировывают реальность. В итоге формируются специфические фреймы [Минский, 1979] восприятия окружающей среды, которые как бы вписывают реальность в сами географические образы. Такие фреймы обрамляют традиционное географическое пространство, заключают его в рамки[5]. Следовательно, образ становится в известном смысле шире реальности и при этом усваивает ее в процессе

и через процесс картографирования. Как результат, на метауровне создаются концептуальные карты географических образов. Такие карты являются своего рода методологическим руководством для построения более подробных карт в специализированных областях деятельности — например, в области изучения культурного и природного наследия, в туризме, в управлении имиджами территорий и регионов.

Картосемиотика географических образов. Картосемиотика географических образов серьезно отличается от традиционной семиотики географической карты, хотя, несомненно, и опирается на нее. Каковы же расстояния (их символичность, знаковость) между образами в геосемиотическом пространстве, как их трактовать и интерпретировать?

Принципиальная особенность картографического языка географических образов состоит в конструировании пластичной и динамичной анимационной поверхности (поверхностей), предполагающей, как правило, несколько пространственных измерений. В качестве примера сошлемся на имперские картографические дискурсы, формировавшиеся в период активных колониальных захватов. В ходе исследования таких дискурсов выявились изменчивость и вариативность географических образов, продуцируемых метрополией [Godlewska, Smith, 1994; Said, 1995; Turnbull, 1996]. Так, господствующие географические образы колоний Британской империи (Ирландии, Индии и др.) создавались как некие содержательно «пустые места», «пустые пространства», культурно заполняемые метрополией, ее ведущими образами [Hammer, 1989; Cullen, 1997; Andrews, 1997; Edney, 1997; O'Cadhla, 1999]. В подобном имперском картографическом дискурсе мир представлялся абсолютным центром, периферия фактически исчезала. Однако сам центр оказывался в этом случае «приватизированным» в пространственном отношении в рамках всеобщего имперского видения мира, имперской точки зрения.

Как известно, в любую колониальную эпоху обычно существует несколько имперских дискурсов. Картографирование и исследование картосемиотики географических образов позволяют наглядно представить, реконструировать борьбу и взаимодействие этих дискурсов. На образной географической карте отдельные страны и территории выступают как знаки, ярлыки или клейма определенной имперской экспансии и в то же время рассматриваются в качестве воображаемых мест самих метрополий. Последние в данном случае становятся универсальными, семиотически безупречными географическими образами, фактически знаками, фиксирующими тотальные географии идеальных империй.

Культура и географические образы. Каждая культура создает свои образы географического пространства; это ее неотъемлемые элементы. Традиционные культуры предлагали собственные, часто уникальные коды к их расшифровке и пониманию [см., напр., Элиаде, 1987, 1994, 2000; Жуковская, 1988; Мосс, 1996: 6–74; Леви-Строс, 1994: 243, 245, 305; Окладникова, 1995; Островский, 1997; Вендина, 1998; Елизаренкова, 1999 и др.]. Решающая трансформация произошла в начале Нового времени, когда разработка картографических проекций определила доминирующие и универсальные способы репрезентации таких образов [Берлянт, 1986; Woodward, Lewis, 1998; Чекин, 1999; Подосинов,1999].

Дальнейшее развитие образов географического пространства связано с их известной автономизацией в культуре (культурах) — они становятся в некотором

смысле субкультурой, транспонируемой другими по генезису образами и закрепляющей себя различными средствами. Вместе с тем возникают самостоятельные типы географических пространств — политико-географические, культурно-географические, социально-географические, экономико-географические, — которые репрезентируются и интерпретируются специфическими типами образов. Кроме того, большинство современных цивилизаций и/или культур как бы экспортируют свои образы географического пространства, и те взаимодействуют с чужеродными аналогами, порождая целые «веера» гибридных, композитных образов.

На традиционное физико-географическое пространство накладываются многочисленные «слои» образов географического пространства, отличающихся по происхождению, структурам, способам функционирования и специализации. Они совмещаются, сосуществуют в традиционном пространстве. Основная исследовательская проблема состоит в том, чтобы нащупать механизмы и каналы взаимодействия таких образов, а затем попытаться идентифицировать типы, характер и масштабы их трансформаций. Так, на уровнях страны, региона, небольшой местности могут происходить абсолютно несхожие образные взаимодействия и трансформации, ведущие к созданию и доминированию принципиально разных образов географического пространства.

Геокультурные образы и цивилизационные границы. Конкретные цивилизации и культуры есть не что иное, как мощные географические образы, которые «заряжают» окружающее их пространство, поляризуют его. Геоцивилизационное пространство — это система крупных цивилизационных «ядер» и различного рода цивилизационных зон, чьи типологии далеко не в первую очередь зависят от реальных географических расстояний, отделяющих их от «ядра».

Взрывные и динамичные, но также часто неустойчивые и слабо оформленные, поначалу даже вторичные цивилизации формируются на глобальных культурных границах. Таковы российская и латиноамериканская цивилизации. Они периодически страдали, соответственно, «европоманией» и «нордоманией» [Родо, 1998: 442–444], но их культурные «протуберанцы» обладали исходной первичной силой. Аутентичность любой цивилизации проверяется через ее «умещение» в собственном географическом положении, осознаваемом как естественный цивилизационный фундамент. Это, безусловно, относится к европейской цивилизации, чье географическое положение стало самой емкой ее характеристикой и, по сути, определением. Вновь возникающие, молодые цивилизации как бы питаются чужими геоцивилизационными границами, будучи сами в широком смысле границами. Но по мере становления таких цивилизаций чужие границы отбрасываются, политические рубежи «перешагиваются» и складывается новая цивилизационная топография. Например, границы мусульманских тарикатов (братств) проведены без всякого учета государственных границ [Ходжсон, 1998: 364] — ислам воистину надгосударственная религия, и в этом плане он наиболее «геокультурен», «геоцивилизационен».

Современная география цивилизаций — это мир налагающихся, соприкасающихся, взаимодействующих геоцивилизационных мифов и образов. Миф об Азии укреплялся тысячелетиями; он, конечно, европоцентричен и сразу же начинает «рассыпаться», едва лишь «теряет Европу под ногами». Как писал американский культуролог Дж. Стидмен: «Реальная Азия большей частью заменяется на вербаль-

ные образы... Антитеза между духовным Востоком и материалистическим Западом заглушает все голоса из Азии, кроме голосов монахов и брахманов» [Стидмен, 1998: 261]. Могут фрагментироваться и менее крупные геоцивилизационные образы: индуистская цивилизация оказывается при ближайшем рассмотрении чрезвычайно разнообразной, причем именно географически, чего не видно при традиционном ее противопоставлении, скажем, миру ислама. Вполне очевидно, что системы геоцивилизационных образов одного масштаба явно не редуцируются на более низких уровнях, и всякий раз, на каждом уровне возникает своя, в чем-то новая география цивилизаций. Иначе говоря, сам масштаб геокультурного рассмотрения задает структуру геоцивилизационных пространств, которые хотя и могут вкладываться друг в друга, как матрешки, но представляют собой различные структуры. Так, европейская цивилизация может «нянчить» миф Азии как некую «отсутствующую структуру» [Эко, 1998]; в свою очередь, географический образ исламской или буддийской цивилизации вполне естественно продуцирует образ Европы, не имеющий ничего общего с ее саморефлексией.

Межкультурная и межцивилизационная адаптация. Процессы межкультурной и межцивилизационной адаптации, развивавшиеся на протяжении всей истории цивилизаций, наглядно демонстрируют неразрывную связь геополитики и геокультуры. Эта связь наиболее четко проявляется во взаимодействии геополитических и геокультурных образов, сталкивающихся в пространстве, подверженном цивилизационной турбулентности. Такое столкновение, в частности, происходило в период расширения Российского государства в XVI–XIX вв.

Динамика геополитических образов России определялась не столько известным «маятником» Европа–Азия (Запад–Восток), сколько расширением, экспансией самого образно-географического поля России, быстрым «захватом» все новых потенциально ярких географических образов, которые требовали геополитической «огранки». Такая «огранка» должна опираться на вновь создаваемые механизмы межкультурной и межцивилизационной адаптации [см.: Цымбурский, 2000]. Неудача на этом поприще обусловливает «бледность», очевидную образно-геополитическую невыраженность части системы и, в конечном счете, ее деградацию. Между тем подробный образно-геополитический анализ захвата царскими войсками Средней Азии во второй половине XIX в. показывает, что стремительная военная экспансия Российской империи в этом регионе и включение его в сферу внешне- и внутриполитических российских интересов не сопровождались появлением соответствующего набора четко артикулированных политических и геополитических образов [Замятин, 1998а]. Чем сильнее втягивалась Россия в Среднюю Азию, соперничая с Великобританией, тем более одномерным и реактивным становился ее геополитический образ — по преимуществу «европейской державы»; механизмы межцивилизационной адаптации так, по существу, и не были обеспечены.

III. Геополитика образов

Геополитика образов и геополитика языка. Геополитика образов — это целенаправленное позиционирование и манипулирование специализированными географическими образами в ментально-географическом пространстве (далее — метапространство) [Замятин, 1998а, 1998б, 1999, 2000а, 2000б, 2001а, 2001б, 2001в].

К категории специализированных относятся политико-, культурно-, экономико-географические образы (их список может быть расширен).

Для чего нужна геополитика образов? Очевидно, для создания максимально структурированного пространства (поля) решений и смыслов, а также для целенаправленной трансформации реального географического пространства. Образы пространства (или специализированные географические образы) выступают заменителями реального пространства, создают его подобия, а иногда могут рассматриваться и как тождественные ему. Географические образы обеспечивают эффективную концентрацию, сосредоточение мысли на каком-либо подлинном событии (событиях). Другими словами, геополитика образов означает экономное, рациональное размещение географических образов для решения какой-либо задачи. В этом случае рассматриваемые образы становятся максимально эффективной формой образа как такового — естественно, в рамках сформированного метапространства.

Какое отношение имеет к геополитике образов геополитика языка? В первом приближении, геополитика языка есть стремление (иногда сознательное, но иногда и подсознательное или бессознательное) выразить на каком-либо естественном и/или искусственном языке мысль и/или образ, приобретающие благодаря языку оптимальную содержательную форму (оболочку, упаковку) [см.: Lakoff, Johnson, 1980; Блакар, 1987; Fauconnier, 1994, 1997; Fauconnier, Sweetser, 1996]. Иначе говоря, язык часто диктует своему носителю стратегии поведения и развития, которые выражаются посредством географических образов. Эти образы могут быть спонтанными, нередко — слабо различимыми или трудно уловимыми для постороннего наблюдателя.

Структуры понимания фундаментальных геополитических образов («Евразия», «Европа», «хартлэнд», «лимитроф», «пространство» и т.д.) зависят от исторических, культурных, идеологических контекстов, развитие которых прямо связано с динамикой определенного языка. Вместе с тем сам язык в процессе своей эволюции способен навязывать те или иные стратегии понимания различных контекстов [Кубрякова, 1997]. Другими словами, язык может иметь собственную геополитику, интерпретирующую те или иные пространства, территории и регионы.

Взаимосвязь конкретного пространства и геополитических языковых стратегий проявляется через различного рода тексты — документальные, художественные (письменные источники), живописные и графические. Более того, творчество некоторых авторов, например В. Хлебникова, правомерно трактовать как «геополитику языка».

Геополитика языка прямо зависит от культурного и цивилизационного субстратов, на которых она вырастает; ее постоянно подпитывают мощные геокультурные и геоисторические образы, сформировавшиеся на релевантной территории[6]. В целом эту геополитику можно анализировать на трех основных уровнях: (1) прямое продуцирование специфических геополитических образов в рамках письменных (художественных) стратегий; (2) неявные языковые стратегии, связанные с переосмыслением их геополитических, геоидеологических и геокультурных контекстов; (3) изменения режимов функционирования самого языка, конфигураций языкового поля, приводящие к смене механизмов формирования геополитических образов.

Классическая геополитика (в трудах Мэхэна, Маккиндера, Челлена, Хаусхофера) использует языковые стратегии первого уровня, связанные с артикулированием

и интерпретацией элементов географической карты [Parker, 1998: 1–10]. Географическая карта выступает языком геополитики, и любая геополитическая концепция складывается из карты и письменного текста, накладывающегося на картографические изображения и составляющего их специфическую оболочку. Геополитические образы формируются в данном случае в смысловом поле, созданном взаимодействием картографических изображений и их текстовых интерпретаций.

На втором уровне происходят «отделение» языка геополитики от его картографической основы и непосредственное манипулирование географическими понятиями с целью построения автономных геополитических образов. Классический пример — геополитическая концепция евразийцев. Ее корни, несомненно, в географической карте Евразии, однако по мере развития концепции понятие Евразии наполнялось новыми смыслами, постепенно отрываясь от традиционной картоосновы. В результате геополитический образ Евразии стал более смыслоемким, приобрел ряд новых — геоидеологических и геокультурных — контекстов [ср., Цымбурский, 1998].

На третьем уровне становление геополитических образов осуществляется в специфической языковой среде, где географические названия и/или понятия играют роль маркеров, кодов. Эти коды отсылают в образные «кластеры», где идет идеологическое или мифологическое насыщение геополитических образов. Подобные языковые процессы протекали в СССР в 1920–1930-е годы, когда понятия Европы, Америки, Азии, Китая осмыслялись через идеологическую практику советского руководства и Коминтерна. Геополитические образы находились как бы внутри особых языковых конструкций и концептов («колониализм», «империализм», «пролетарская революция», «перманентная революция», «построение социализма в отдельно взятой стране» и т.д.) и формировали особую образно-геополитическую карту, имевшую мало общего с традиционной географической [Кен, Рупасов, 2000].

На том же уровне иногда возникают художественно-языковые стратегии, принципиально меняющие механизмы создания геополитических образов. Интенсивное конструирование неологизмов и попытки выработать новый поэтический язык связаны с языковыми структурами, смысловые ориентации которых можно трактовать как геополитические. Это в полной мере относится к поэтическому и, частично, прозаическому наследию В. Хлебникова. Поиски им первосмыслов приводили к «политическому» выравниванию структур языка. Слова и словосочетания приобретали своего рода «первобытный» смысл. В ходе поэтического творчества происходило соотнесение этих «первобытных» смыслов и формирование новых смысловых коннотаций, а следовательно — их геополитизация. Геополитические образы в поэтических произведениях Хлебникова («Россия», «Германия», «Азия», «Китай», «Волга», «Москва» и др.) — результат конкретных целенаправленных языковых трансформаций [Перцова, 1995; Баран, 1998].

Создание эффективных геополитических образов связано с построением специфических языковых стратегий. Эти стратегии заключаются в расширении и углублении смысловой нагрузки традиционных геополитических понятий, во включении их в новые идеологические и мифологические контексты, а также в выработке языковых механизмов, продуцирующих принципиально новые геополитические интерпретации. Сочетание всех трех уровней работы с языком позволяет говорить о метагеополитике.

Современная метагеополитика есть совокупность наиболее важных действий, тактик и стратегий в образном геополитическом пространстве [ср., Цымбурский, 1999: 25]. Ее базовой составляющей являются хорошо продуманные PR-кампании по созданию, расширению и культивированию тех или иных геополитических образов. Суть метагеополитики — разработка взвешенной системы действий в пространстве существующих ключевых геополитических образов, а также конструирование новых, достаточно мощных и эффективных. В итоге формируется метагеополитическое пространство, конфигурация и рельеф которого зависят от глобальных целей в области внешней политики и безопасности [Замятин, 2000в].

Основные положения концепции геополитики образов. В рамках рассматриваемой концепции под образом подразумевается именно географический образ; первое и второе понятия отождествляются. Образ должен быть вписан в определенный контекст, диктующий его специфику, динамику и трансформации. Образ и его контекст взаимоопределяются и взаиморазвиваются[7].

Образ имеет, как правило, несколько различных модификаций; это обязательное условие его бытия и развития. Речь идет о целом образном «веере», или «бриколаже» [Леви-Строс, 1985]. Среди образных модификаций нет основной, базовой или главенствующей; они — сеть без каких-либо иерархий, близкая по своей организации к «ризоме» французских постструктуралистов Ж. Делеза и Ф. Гваттари [Deleuze, Guattari, 1976][8].

Трансформациями и конфигурациями метапространства (образного поля) можно и необходимо управлять. Метапространству изначально требуются трансформации, его органичное существование связано с постоянными изменениями. В содержательном плане в метапространстве как таковом уже заложены его изменения. Поэтому геополитика образов, по сути, означает «самонаведение» образов в результате их беспрестанного перемещения и репозиционирования. Сама же она есть не что иное, как перетекание субстанции политического образа в содержание самого пространства, в чисто пространственные образы[9]. Образная карта — это перманентно перетекающее само в себя пространство, пространство, постоянно трансформирующее свои собственные образы.

Принципиально важное значение для анализируемой концепции имеет понятие образно-географической драмы (ОГД) [см.: Олкер, 1987]. Понятие образа (образов) вообще завязано на понятии драмы, ибо драма предстает прежде всего в виде действа в конкретное время и в конкретном месте. В таком действе, как правило, происходят быстрые, резкие, неожиданные изменения, сломы различных образов, их рождение и исчезновение. При этом можно сказать, что и сама драма выступает в качестве средства, способа управления и целенаправления образов, ее формирующих.

ОГД есть система значительных, стремительных «знаковых» событий, которые приводят к быстрой смене «декораций», т.е. всей прежней образно-географической системы и ключевых образно-географических стратегий. Иначе говоря, меняется само отношение к пространству, которое, в свою очередь, тоже меняется, предлагая совершенно другие образы для своего описания.

Понятие ОГД может использоваться как для исследования уже произошедших поворотных событий, так и для «проигрыша», имитации возможных, для разработки прогнозных вариантов. В связи с этим целесообразно кратко охарактеризо-

вать те основные элементы ОГД, которые позволяют применять данное понятие в концептуальном образно-геополитическом анализе.

Прежде всего — это ядро драмы, главное событие, которое интерпретируется как центральный, или ядерный, образ. Конфигурацию последнего определяет подобраз, или образ-архетип, каковых может быть несколько. Далее идет образная аура (шлейф); она возникает в результате события и/или как его следствие и означает «растворение», переживание самого события. Наконец, возможен — правда, не всегда — некий образный катарсис, ведущий к полному переосмыслению происшедшего.

Попытаемся на основе понятия ОГД проанализировать события, связанные с террористическими актами в США 11 сентября 2001 г. Ядерным образом здесь является небоскреб, выступающий глобальным, наиболее мощным символом США и Запада вообще [см.: Gottmann, 1966; Zelinsky, 1973: 60]. Образ-архетип в данном случае уже совершенно иной: это образ (образы) американской цивилизации [см. Американская цивилизация 2001] и, в частности, фронтира — движущейся границы между цивилизацией и дикостью[10].

Переводя данный образ в глобальный образно-геополитический контекст, мы можем сказать, что вся Земля, весь мир предстает в качестве единого глобального фронтира, на котором или посредством которого пространство переживается онтологически и в то же время феноменологически. Этот образ способствует производству масштабных экономических и политических действий, подобных тем, что были предприняты после терактов; он также предопределяет культуру обращения с собой и свои собственные трансформации. Иначе говоря, во время и после проведения США военной операции в Афганистане тот оказался как бы усеян образами небоскребов, превратился в новейший американский фронтир.

Очевидно, что образной аурой рассматриваемых событий было небывалое расширение, увеличение образа исламского мира; он стал непропорционально большим в сравнении со своей культурной, экономической и политической мощью. При этом образ Афганистана в очередной раз занял ключевое место на образно-геополитической карте мира[11]. Военная операция США в Афганистане привела также к разрастанию образов Пакистана, Ирана и Центральной Азии в целом. В результате образной мультипликации сильно трансформировался образ России, которая внезапно стала ближайшим союзником Запада в борьбе против исламских террористов. Образ России начал быстро приближаться в рамках метапространства к образу Европы, что породило своего рода образную эйфорию, опережавшую реальное закрепление образов на условной местности, в новых координатах метапространства. Скорее всего, мы еще не увидели образного катарсиса этих событий; каков он может быть, пока трудно сказать.

Итак, геополитика образов — это концепция, позволяющая не только интерпретировать важные политические, экономические и культурные события, но и целенаправленно конструировать метапространства определенной образной конфигурации, способные воздействовать на ход реальных событий и/или определять их. Следует заметить, что реальные события, по сути, всегда прежде всего образны.

И еще один вывод — скорее методологического порядка: геополитика образов имеет дело с «активным» пространством, которое как бы само создает, порождает

образные поля; это пространство, постоянно формирующее собственные параметры. Не боясь тавтологии, его можно назвать пространством пространства.

Перейдем теперь к прикладным интерпретациям данной концепции.

IV. Политико-географические образы в международных отношениях

Политико-географические образы (ПГО) есть уплотнение, концентрация ведущих знаков, символов и черт отдельных стран, регионов, политических и военных союзов в некоем политическом отношении. По сути дела речь идет о сгущении самого политико-географического пространства с помощью различных пространственных знаков и символов, преображающих или трансформирующих его [Замятин, 1998б; Agnew, Corbridge, 1995; O'Tuathail, 1996; Parker, 1998 и др.].

Основные классификации ПГО. В основание подобных классификаций кладутся генезис (происхождение), структура, масштабность, продолжительность существования ПГО, характер, динамика и особенности их развития. Здесь будут рассмотрены две наиболее важные в содержательном отношении классификации ПГО — генетическая и структурная.

В рамках генетической классификации ПГО делятся на эндогенные, экзогенные и смешанные (гибридные). В становлении первых решающую роль играют внешние факторы, в формировании вторых — внутренние, тогда как третьи развиваются под влиянием и внешних, и внутренних факторов. Каждый тип ПГО служит базой для возникновения самостоятельного политико-географического пространства. Приведем примеры.

Древняя Русь была окраиной византийского культурного и политического круга [Оболенский, 1998] и одновременно размещалась на оси север — юг, соединявшей Балтику с Черным морем и Балканами. При формировании ее политико-географического пространства преобладали экзогенные ПГО, прежде всего ПГО Скандинавии, Швеции, Дании, Балтики, а также Византии, причем по мере приближения к центру представляемого ими политико-географического пространства плотность ПГО падала. Иначе говоря, наблюдалась своего рода инверсия ПГО: в центре — образная пустота, а наибольшая политико-географическая образная плотность — на реальной географической периферии. Характерно, что завоевание Киева было совершено с окраины древнерусского политико-географического пространства — из Новгорода, чей образ продолжал соперничать с образом Киева. В период правления киевского князя Ярослава Мудрого довольно успешная борьба с Киевом велась из Тмутаракани.

В эпоху расцвета Римской империи образ самого Рима, несомненно, развивался преимущественно как эндогенный[12], притягивавший к себе ПГО зависимых государственных образований на Востоке, в Малой Азии, Причерноморье и Закавказье [Сапрыкин, 1996]. Фактически он продуцировал образы различных буферных зон и как бы выбрасывал их вовне, расширяя тем самым собственное политико-географическое пространство. То есть на определенной стадии развития мощный эндогенный ПГО становится катализатором создания экзогенных образов, наращивающих свое участие в формировании конкретного политико-географического пространства. Подобные процессы были характерны для анти-

чности в целом. Политические пространства классического полиса и империи как его логичного порождения всячески стимулировали появление и взаимодействие различного рода лимесов, буферных и фронтирных зон [Замятин, 2001].

Смешанный (гибридный) ПГО присущ современной России, что способствует вхождению ее во многие политико-географические пространства и образно-географические системы — такие, как Европа, Восточная Европа, Ближний, Средний и Дальний Восток, Центральная Азия. ПГО такого типа чаще всего неустойчивы, неравновесны, быстро трансформируются. Можно говорить даже о различных вариантах эволюции исходных ПГО, а также о точках бифуркации. Развитие смешанного ПГО напоминает качание маятника и нередко является причиной неточностей в политической и/или политико-географической самоидентификации государства или политического союза. Главная сложность здесь — определение образной дистанции, позволяющей сформировать и закрепить сам ПГО.

Основанием структурной классификации ПГО служит степень сложности их строения. Любой ПГО состоит из ядра, наиболее плотной и содержательной части образа, и оболочек («упаковок»), выполняющих функции трансляции и трансформации наполнения ядра. В рамках классификации выделяются простые, переходные (полусложные) и сложные ПГО. Рассмотрим их подробнее.

Простые ПГО обладают плохо сформированным, не очень плотным в содержательном отношении ядром, и одной-двумя упаковками. Показательный пример — ПГО Московского государства XVI–XVII вв. Для него были характерны протоимперское рыхлое ядро, сложившееся на базе частично легендарных политических и династических связей с Византией и Древним Римом, и две довольно разнородные оболочки [Богданов, 1995; Синицына, 1998]. Первая оболочка — образы слабоосвоенных территорий на окраинах Московского государства, строившиеся из полумифических сведений и визионерских представлений [Плигузов, 1993]; вторая — образы государств, внешне иногда мало похожих на Московское государство, но так или иначе «зеркально» отражавшихся в политических и культурных представлениях, прежде всего Османской и Габсбургской империй, Речи Посполитой и Венеции [Богданов, 1995; Мыльников, 1996]. За пределами этих двух упаковок существовала еле различимая протоупаковка, состоявшая из почти не оформившихся образов национальных государств Европы, таких как Швеция, Дания, Франция и т.д. Главное в данной структуре ПГО — практическое отсутствие переходов, резкие скачки между отдельными структурными элементами, а также использование принципа взаимных отражений в создании структурных элементов. Между элементами структуры (подобразами) преобладают прямые связи, а сами образы, как правило, остаются плохо проработанными, не соотносящимися непосредственно с географической известностью стран и территорий. Образные дистанции здесь чаще всего небольшие.

Формирование ПГО переходного (полусложного) типа связано с уплотнением его структурного ядра. Параллельно содержательно прорабатываются и упаковки, однако они остаются довольно схематичными. По сравнению с простыми ПГО в переходных структурах количество оболочек увеличивается, и ядра ПГО прямо транслируют в них свое содержание. Примером здесь может выступать ПГО Московского княжества, складывавшегося в междуречье Волги и Оки в XIV–XV вв.

Несколько попыток уплотнения своих ПГО предпринял и исламский мир, особенно Иран и Египет. В оболочках ПГО этих стран присутствуют США, Западная Европа и Россия, но сами образные дистанции и наполнение оболочек диктует ядро ПГО. Реальная географическая близость или отдаленность соответствующих государств/регионов не играет большой роли. Например, образы Европы или России в оболочке ПГО современного Ирана относительно просты и определяется через функцию поставки новых, в том числе военных, технологий.

Сложные ПГО представляют собой системы, действующие по принципу «вызов — ответ». Характер связей здесь двусторонний, возможно также развитие нескольких образных ядер, причем унифицированные образные оболочки «работают» одновременно на разные ядра. К данному типу относится, в частности, ПГО Европы. В нем сразу несколько ядер: страны ЕС, страны Шенгенского соглашения, страны НАТО, Западная Европа. Качество оболочек здесь не так важно, хотя они достаточно проработаны. Среди унифицированных оболочек ПГО Европы выделяются Восточная Европа, Балканы, Ближний Восток, Россия, США. При этом наблюдается образная инверсия, т.е. более удаленные в реальном географическом пространстве регионы создают более плотные и важные образные оболочки. В образном отношении США (а в какой-то мере — и Ближний Восток) гораздо ближе к Европе, чем Россия или Балканы.

Использование ПГО в международных отношениях. Международные отношения — очень подвижная, «мягкая» и в то же время весьма плодотворная среда для складывания ПГО. Системность возникновения и функционирования ПГО тесно связана с системностью самих международных отношений [Международные отношения, 1998].

Первое направление использования ПГО в международных отношениях — идеологическое формирование выгодных или надежных систем ПГО, обеспечивающих достижение определенных политических целей. В методологическом плане данное направление представляет собой макроуровень, на котором, как правило, сознательно конструируются те или иные ПГО. Показательный пример — конструирование преимущественно негативного ПГО современной России, помещаемого внутрь культурогенной западоцентричной системы ПГО. В этой системе происходит явная подмена содержательных оснований, вследствие чего проблемы конкретного политического взаимодействия между Россией и странами Запада начинают рассматриваться сквозь призму «чуждости» российской культуры западной культуре, подаваемой как единство, целостность. В результате ПГО России оказывается отброшенным на периферию базовых систем ПГО, как бы зажат более мощными и действенными образами.

Второе направление использования ПГО — технократическое — методологически можно представить как мезоуровень. В рамках этого направления происходит операционально продуманный выбор цели международных переговоров, выстраивается компромиссная среда и создаются системы ПГО, работающие на достижение поставленной цели. Так, неудача недавних переговоров между Израилем и Палестиной во многом обусловлена отсутствием адекватной, устраивающей обе стороны системы ПГО, которая бы учитывала их зачастую противоположные политико-географические воззрения и конструировалась как медиативная. Подобная система должна максимально расширять образное политико-географиче-

ское пространство по сравнению с традиционным за счет подачи образов Ближнего Востока, Палестины как компонентов образов Европы и Средиземноморья. Очевидно также, что ей нельзя быть этноцентричной. Полезным представляется и включение в нее образов Малой Азии, Причерноморья, России и Совета Европы. Такое решение, даже если оно окажется временным и промежуточным, способно позитивно повлиять на ход международных переговоров вокруг израильско-палестинского конфликта.

Третье — микроуровневое — направление можно назвать вспомогательным, интерпретационным. На этом уровне происходят приспособление, адаптация, приближение международных договоров и решений международных конференций к традиционной географической карте, вырабатываются различные трактовки и интерпретации политико-географической карты. В результате таких интерпретаций создается определенная дистанция по отношению к традиционной карте, своего рода образное пространство над самой картой. Классический пример — Балканы. Образное политико-географическое решение проблемы Косово (и всех постъюгославских государств) состоит в постепенном отрыве от традиционной геополитики Балканского полуострова. Большинство современных политических решений и действий НАТО, США и ЕС слишком «геополитичны», в них латентно уже встроены события Первой и Второй мировых войн и историко-политическая ретроспектива рассматриваемого региона. На наш взгляд, здесь необходима политико-географическая интерпретация, включающая в поле зрения значительные историко-географические образы (Османской империи, Византии, Венгрии, Франции, крестовых походов и т.п.). Одновременно геополитическая ситуация на Балканах должна быть «обвосточнена», т.е. образно сдвинута на восток, — естественно, с параллельным усилением историко-географических образных компонентов. В данном случае надо использовать технологии образного «отодвигания», отстранения ПГО, меняющие их координаты в политико-географическом пространстве. И несомненно, ПГО Балкан должны быть приближены к образам Курдистана, Малой Азии иТурции.

V. Динамика геополитических образов современной России (1991–2001 гг.)

Геополитические образы (ГПО) есть общественно наиболее значимые, предельно анаморфированные с точки зрения традиционного географического пространства и в то же время самые масштабные (т.е. охватывающие очень значительные по площади территории и регионы Земли) географические образы. В силу своей особой динамичности, повышенной изменчивости и даже известной неустойчивости они являются естественным испытательным «полигоном», на котором возможны эффективные научные исследования общих закономерностей динамики и трансформаций образно-географических систем. Более развернуто геополитические образы можно определить как имеющие целевую нагруженность и четко структурированные представления о географическом пространстве, включающие максимально яркие и запоминающиеся символы, знаки и характеристики конкретных территорий, стран, регионов, маркирующие их с политической точки зрения. Ключевые ГПО — это образы, оказывающие решающее и долговременное

влияние на структурирование остальных ГПО, а также формирующие и во многом скрепляющие общее образно-геополитическое пространство.

Ключевые геополитические образы России. Исследование ГПО России связано с определенными сложностями. Во-первых, на протяжении трех последних столетий территория ее государственного ядра, несмотря на серьезные колебания, оставалась весьма обширной, поэтому создание одного-двух базовых ГПО и манипулирование ими в целях научного исследования практически невозможно. Во-вторых, внешняя политика России данного периода отличалась своего рода «агеографичностью» — учет преимуществ и недостатков геополитического положения страны был невполне адекватным, что вело к известной «недоношенности» ее стихийно или сознательно культивировавшихся ГПО. В-третьих, большинство находившихся в политическом и внешнеполитическом «обороте» ГПО по большей части лишь «спекулировали» на очевидных физико-географических особенностях России или на ее весьма поверхностной идеологической «упаковке» (концепция «Москва — Третий Рим», дилеммы славянофильства и западничества, романо-германской и российско-православной цивилизаций, евразийство и т.д.) [Колосов, 2000]. Эти сложности вполне преодолимы, однако здесь требуется особый подход: моделирование нескольких наиболее явных и действенных ГПО страны в единой «связке», «оконтуривание» целостной страновой образно-геополитической системы и дальнейшее проработка ее возможных конфигураций и структур.

Надежная и динамичная образно-геополитическая страновая система должна включать ГПО отдельных регионов и активно манипулировать ими[13]. Целенаправленная геополитика — это, в известной мере, сбалансированность внешних и внутренних ГПО, рассматриваемых в едином образно-географическом поле. Поэтому, например, ГПО Сибири и Дальнего Востока конца XIX — начала XX в. неотделимы в своей динамике от ГПО Маньчжурии и Монголии [Белов, 1997, 1999].

Динамичная образно-геополитическая система страны является, как правило, аналогом неравновесной термодинамической системы, в которой кратковременные равновесные состояния сменяются периодами турбулентности и быстрых трансформаций. По сути дела, это арена столкновения, борьбы и взаимодействия порой довольно разнородных ГПО, иногда имеющих под собой и разные геокультурные фундаменты. Геополитические и геокультурные образы страны могут вступать в известное противоречие [Грузински, 1993], но именно эта разветвленная «цепочка» и позволяет осознать соответствующие системы как динамичные геоисторические протяженности, «длительности» (по Ф. Броделю), естественно «переваривающие» противоречивость и неоднозначность ГПО.

Так каковы же ключевые ГПО России? Первый из них — так наз. «остров Россия», впервые выделенный и подробно описанный В.Л. Цымбурским как устойчивый архетип геополитического развития нашей страны [Цымбурский, 1993; см. также: Ильин, 1995]. Данный ГПО во многом базируется на этнокультурных, цивилизационных и языковых особенностях развития Древней Руси и средневековой России, которые и предопределили его аутентичность [Цымбурский, 1997].

Следующий ключевой ГПО — это Россия–Евразия, детально проработанный в концепции евразийства 1920–1930-х годов [Вернадский, 1996/1997; Савицкий, 1997] и означавший выход за рамки традиционных геополитических возможностей России. Используя историко-географические основания, евразийцы созда-

ли мощный ГПО, потенциально позволяющий разрабатывать весьма масштабные и разнообразные геостратегии.

Несколько ранее был осознан и транслирован вовне ГПО Россия-и-Европа (или Россия как Европа) [Зимин, 2000]. В историософском плане указанный образ был проработан в основном в XIX в., однако в политическом и культурном отношениях понимание России как в первую очередь европейской державы стало складываться еще в XVII–XVIII вв. Важно отметить, что при этом Россия воспринималась (и воспринимается) в качестве маргинальной, фронтирной страны Европы, во многом схожей, например, с Испанией — прежде всего, конечно, в историко-культурном смысле. В более широком контексте российскую цивилизацию, подобно латиноамериканской (ибероамериканской), типологически относят к пограничным [Семенов, 1994; Ерасов, 1998].

На цивилизационной основе выделяется и следующий ключевой ГПО — Византия. Его происхождение очевидно: Россия входила в византийский культурный ареал; российскую цивилизацию можно также назвать византийско-православной [Оболенский, 1998]. Очевидно, что ГПО Византии играл немалую роль в формировании внешней политики России XVIII — начала XX в., включая «Греческий проект» Екатерины II [Елисеева, 2000; Зорин, 2001] и планы захвата Константинополя в Первую мировую войну. С ГПО Византии тесно связаны такие «сконструированные» ГПО, как Скандовизантия (термин Д.С. Лихачева) и Славотюркика (термин Г.С. Лебедева) [Лебедев, 1995], в которых отражено многовековое и весьма интенсивное международное политическое и культурное взаимодействие на территории современной России, существенно повлиявшее на ее геополитическое самоопределение и развитие. Образ-архетип, стоящий за этими ГПО, — это, несомненно, «мост» (или «страна-мост»).

К числу ключевых ГПО России относится и Восточная Европа [Игрицкий, 1998; Особая папка НГ, 1999]. Конечно, само понятие и образ Восточной Европы неоднократно менялись, особенно в XX столетии, охватывая порой совершенно разные страны и страновые и региональные образы. Но несмотря на всю свою расплывчатость и изменчивость, этот ГПО (во многом пересекающийся с ГПО Византии) оказал и продолжает оказывать заметное влияние на формирование внешнеполитического имиджа России. Историческая память здесь используется напрямую, поскольку и Киевская Русь, и Московское государство XVI–XVII вв. достаточно ясно осознавали свое геополитическое положение в рамках Восточной Европы.

Среди ключевых для России нужно отметить и ГПО Украины. Отличие этого ГПО от описанных выше состоит в том, что он, по всей видимости, является структурным и непосредственно влияет на весь механизм деятельности и функционирования ГПО России. Основание для подобной оценки — тесное переплетение политической истории и политической географии России и Украины, долгое время составлявших единое целое [Ильин, 1998; Колосов, 1998; Дергачев, 1998; Мошес, 1998 и др.]. В конечном счете, ГПО Украины во многом определяет соотношение различных ГПО России, их взаимную дислокацию и размещение в образном геополитическом пространстве.

Структура и организация данного пространства связана прежде всего с характером использования ключевых ГПО во внешней политике современной России. Рассмотрим этот процесс более подробно.

ГПО во внешней политике России 1991–2001 гг. ГПО «остров Россия» весьма интенсивно использовался в первый год президентства В. Путина, когда развернулся процесс постепенного дистанцирования от геополитических моделей, доминировавших во внешней политике России в 1990-е годы, и создания автономного геополитического пространства[14]. При этом «утилизация» старых геополитических «запасов» сочеталась с геополитической поддержкой таких же «островов»-дублеров — Белоруссии и, частично, Украины. Началась разработка и внешних, пока не очень заметных геополитических «эксклавов» России — Ирана и, в меньшей степени, Ирака.

ГПО Россия–Евразия наиболее активно культивировался в период премьерства Е. Примакова, о чем наглядно свидетельствуют визиты этого деятеля в КНР и Индию. Но попытка сформировать евразийский «треугольник» (несомненно, направленный против США и НАТО) не увенчалась успехом, поскольку образ самой России был не в состоянии заместить хорошо фундированные в цивилизационном отношении образы Индии и Китая. Гораздо эффективнее рассматриваемый ГПО «работал» на дальних рубежах России, прежде всего в Центральной Азии, где Россия оказывала политическую, военную и экономическую помощь постсоветским государствам — Казахстану, Таджикистану, Кыргызстану и, в какой-то мере, Узбекистану. В зону его влияния входят также Закавказье и даже часть самой России — Северный Кавказ. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в основе данного ГПО все же лежит образ России как европейской страны. Обращаясь к нему в своей внешней политике, Россия вынуждена постоянно оппонировать США, которые фактически выступают его внешней «упаковкой».

На протяжении 1990-х годов шло расставание с внешнеполитическими иллюзиями и эйфорией по поводу вхождения России в Европу. Претворение на практике идей создания единого европейского «дома» и Европы от Атлантики до Урала, озвучивавшихся Миттераном, Колем и Ельциным, было отнесено на отдаленное будущее. В метагеополитическом пространстве Россия постепенно отдалилась от Европы, однако сами образные расстояния стали более точными, выверенными и надежными. К концу 1990-х годов ГПО Россия-и-Европа по сути дела сузился до ГПО Россия-и-Северная Европа (проект сотрудничества ЕС и России «Северное измерение»).

Конфликт в Косово в 1999 г. показал, что во внешнеполитическом плане Россия воспринимается как недо- или пара-Европа, причем этот взгляд доминирует, явно или неявно, у обеих сторон. В известном смысле СССР был в гораздо большей степени европейской страной, и в его внешней политике ГПО Россия-и-Европа, действительно, играл одну из ключевых ролей. В 1990-х годах большинство «советских» внешнеполитических представлений о Европе оказались отправлены в «архив». Современное репрезентирование ГПО Россия-и-Европа связано, в основном, с «точечной акупунктурой» Совета Европы (права человека, свобода слова и СМИ) и деятельностью России в рамках ОБСЕ, а сам он заметно «съежился», что полностью соответствует сложившейся внешнеполитическойситуации.

В начале 1990-х годов ГПО Византии пребывал в застывшем или «замороженном» состоянии, но во время конфликта в Косово он быстро «ожил» — и не только в настроениях российского общества (это произошло еще в период войны в Боснии), но, главное, на государственном уровне. Войны в Боснии и Хорватии как бы «разогрели» его, придали ему первоначальный энергетический импульс: добро-

вольцы из России уходили воевать за единоверцев; православие воспринималось как синоним общих византийско-православных корней. ГПО Византии довольно интенсивно использовал премьер Примаков, к нему не раз прибегал и министр иностранных дел И. Иванов.

После падения режима С. Милошевича рассматриваемый ГПО стал более локальным и вследствие своих устойчивых антизападных коннотаций, нежелательных в новой геополитической ситуации, вновь отошел на второй план. Однако его активизация вполне реальна — вероятно, в связке с ГПО Восточной Европы. Способен он найти применение также в Грузии и Армении, хотя здесь необходимо учитывать сложившиеся историко-географические образы взаимодействия закавказских цивилизаций с византийской, включающие в себя элемент соперничества и противоборства.

В 1991–2001 гг. ГПО Скандовизантии и Славотюркики Россией практически не использовались. Вместе с тем представляется целесообразным задействовать их по всей ее западной границе, прежде всего в общении со государствами Скандинавии, а также в региональной политике внутри страны. Можно даже сказать, что данные ГПО — образы «внутренней» внешней политики, направленной на большее сплочение регионов — субъектов РФ (своего рода аналог «*cohesion policy*» в странах ЕС [Бусыгина, 1998: 112]).

Не нашел должного отражения во внешней политике современной России и ГПО Восточной Европы. Это во многом связано с несбалансированным развитием образа Европы в целом. Чрезмерное усиление образов Западной Европы, ЕС и, частично, НАТО и их фактическое внешнеполитическое отождествление привели к тому, что названный ГПО оказался вытеснен «на задворки». Тем не менее, на наш взгляд, именно его надо активно культивировать как оригинальный и автохтонный для России. В частности, его стоит постоянно артикулировать в отношениях с Белоруссией, Украиной и Молдовой. В перспективе ГПО России может составить ядро ГПО Восточной Европы.

ГПО Украины фактически находится в одном образном пространстве с ГПО России. На протяжении 1990-х годов между этими двумя государствами шла активная борьба за образы Европы, Византии и даже Евразии. Во внешней политике нашей страны ГПО Украины, по сути, оставался дублером ГПО самой России, его малой копией; продолжал эксплуатироваться и заведомо не продуктивный в современной геополитической ситуации инерционный образ Украины как «младшей сестры» [Окара, 2000]. Очевидный факт: ГПО Украины широко используется, но его конфигурация и структуры не эффективны. Его необходимо досконально продумать и максимально углубить, ибо он очень важен для российской внешней политики. ГПО Украины должен действительно преподноситься как ключевой для России. При этом требуется «привязать» его к ГПО Восточной Европы. В функциональном плане Украину следует представлять в качестве посредницы, «моста» между Россией и Центральной Европой, а также между Россией и Ближним и Средним Востоком, тем самым более тесно соединяя ее образ с ГПО России. Технологически процесс детального структурирования ГПО Украины может сопровождаться формированием более мелких промежуточных образов, входящих в образный «арсенал» обоих государств (Днепр, Дикое Поле, Причерноморье и т.п.). Кроме того, полезно актуализировать такие важные историко-географи-

ческие образы, как Киевская Русь, Древняя Русь, Запорожская Сечь, Малороссия и т.д., — естественно, в позитивном для России внешнеполитическомконтексте.

Перспективные направления формирования метагеополитического пространства России. Прежде чем обсуждать заявленную проблему, следует сказать несколько слов о форме репрезентации системы ключевых образов России. На наш взгляд, речь должна идти о карте образно-географического пространства, конкретизированной как карта ГПО в российской внешней политике. Необходимо структурировать данное образно-географическое пространство, предварительно разделив его на ядро и периферию. В центре карты ГПО России — наиболее прочные, устойчивые и фундированные образы Европы и Евразии, в значительной степени пересекающиеся и взаимодействующие между собой. В первую ближнюю «упаковку», или оболочку ядра, входят образы Украины и Восточной Европы (ближняя периферия). Это сфера образной актуализации, крайне важной для развития ключевых ГПО России в целом. Вторая упаковка (дальняя периферия) складывается из образов Византии, Скандовизантии и Славотюркики, составляющих историко-географические «скрепы» карты.

Сразу же надо оговорить, что на практике карта ГПО России пока не структурирована, использование ГПО в отечественной внешней политике осуществляется довольно эпизодично, поверхностно и несистемно, а сами они слабо связаны и не взаимодействуют друг с другом. Тем не менее, на наш взгляд, основания для создания и эффективного применения подобной карты имеются.

В связи с этим можно вести речь о следующих перспективных направлениях формирования метагеополитического пространства России.

1. Актуализация историко-географической основы ГПО. Должна быть осознана преемственность политического и геополитического развития страны. Эта преемственность может уясняться постепенно, в частности за счет утилизации геоидеологического наследия евразийцев.

2. Расширение концептуальной базы формирования ГПО современной России. Здесь необходимо прежде всего осмыслить, опираясь на различные историософские, геософские и философские исследования, роль и значение географического пространства и его образов применительно к политическому развитию России.

3. Увеличение содержательности ГПО современной России. Чтобы эффективно манипулировать ключевыми ГПО во внешней политике, требуется наполнить их реальным содержанием. Расширение НАТО на восток и противодействие России этому процессу показали исключительную важность данного аспекта внешней политики. Активное оперирование продуманными и содержательными ГПО — продуктивный способ реализации внешнеполитического курса страны.

Примечания

[1] Данная аналогия была подсказана автору М. Ильиным.

[2] Ср. в связи с этим образ Сибири у декабриста Батенькова после его поездки со Сперанским, когда «сибирское пространство... естественно отсылало к другим ‘пространствам’ России, увиденным теперь синтетически и стереометрически» [Топоров, 1995: 464].

[3] Понятие когнитивной географии введено в российский научный дискурс Н. Замятиной, ею же развивается концепция когнитивной географии [см.: Замятина, 1999а, 1999б, 2000].

За рубежом концепция когнитивной географии разрабатывался преимущественно в США, где указанное понятие трактуется уже. Как отдельное направление в когнитивной географии рассматривается так наз. «наивная география», связанная с репрезентацией геоизображений, в основном в рамках геоинформационных систем [см.: Kossslyn et al., 1978; Kuipers, 1978; Talmy, 1983; Williams, 1988; Egenhofer, Franzosa, 1991; Waddington, 1993 и др.]. К числу ранних протокогнитивно-географических исследований в отечественной традиции можно отнести работы В.Л. Каганского и Ю.А. Шрейдера [см.: Каганский, 1991; Каганский, Шрейдер, 1992].

[4] При конструировании или воспроизводстве данного пространства на карте обычно используются классические диаграммы Вьенна, с помощью которых отображаются пересечения и вхождения географических образов друг в друга и их взаимная ориентация [Замятин, 1998б].

[5] Хотя в одном из своих значений английское слово *frame* и переводится как рамка, в данном случае мы сознательно расширяем толкование этого термина.

[6] Так, например, геополитическая идеология и геополитический язык, сконструированные в рамках «Греческого проекта» Екатерины II, базировались на геокультурных и геоисторических образах античности и Византийской империи. В свою очередь, проект присоединения и освоения Российской империей Крыма опирался на геоисторические реминисценции, связанные с христианизацией Руси, а затем и геокультурный образ Крыма как библейского рая [Экштут, 1998: 38; Елисеева, 2000; Зорин, 2001].

[7] Так, образ Украины не будет эффективным и понятным без контекста, включающего взаимосвязанные образы Восточной Европы, России, Польши, Византии, Дикого поля, Турции и т.д.

[8] Приведем пример. Образ России должен иметь целый ряд, веер вариантов: европейская страна, часть Европы; азиатская или восточная страна; полупериферия Запада; авангард Запада на крайнем востоке Европы; пограничная (фронтирная) держава (Российская империя) [Замятин, 1999а: 63]. Все эти модификации используются (осознанно или неосознанно) по мере надобности, в зависимости от целей, задач и обстоятельств.

[9] Рассмотрим в качестве иллюстрации геополитику образов США. Это целая карта взаимосвязанных образов, которые позиционируются как бы все одновременно, все вместе, разом. США воспринимаются как мировая супердержава; как один из геокультурных центров мира; как региональный образ для соседей (Латинской Америки и Канады); как «Римская империя», на лимесе которой находятся ее соседи-варвары; наконец, как ядерная держава. Если расширить ядерный контекст, то включается Россия и ее ретро-образ — Советский Союз. Сюда же можно ввести новые, пока слабо управляемые ядерные державы — Индию и Пакистан.

[10] Концепция фронтира была разработана в конце XIX в. американским историком Ф. Тернером применительно к истории США; впоследствии это понятие стало использоваться и при анализе неустойчивых границ в зонах межцивилизационного взаимодействия [см.: Treagold, 1952; Perry, 1963; Wieczynski, 1976; Hennessy, 1978; Harrison, 1980; Shaw, 1983; Дашкевич, 1989; Баррет, 2000 и др.].

[11] Во второй половине XIX — начале XX в. этот образ был важнейшим для понимания особенностей разграничения в Центральной Азии двух империй — Британской и Российской; в 1980-х годах он являлся узловым в рамках геополитического соперничества США и СССР.

[12] Эндогенные ПГО в чистом виде встречаются весьма редко, так что речь обычно идет о доминировании данной характеристики.

[13] В истории России были примеры конструирования удачных региональных ГПО. К подобного рода удачам следует отнести формирование ГПО Юга страны [Морозова, 1998], в меньшей степени — Сибири (до 1910-х годов) и Дальнего Востока (до 1890-х годов) [Замятин, 1999б].

[14] Стремление расширить последнее (или восстановить контуры прежнего) явственно просматривается, в частности, за визитами Путина на Кубу и в КНДР.

Литература

Американская цивилизация как исторический феномен. Восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли. М., 2001.

Баран Х. Загадка «Белого Китая» Велимира Хлебникова // Терентьевский сборник. М., 1998.

Баррет Т.М. Линии неопределенности: северокавказский «фронтир» России // Американская русистика. Вехи историографии. Имперский период. Самара, 2000.

Белов Е.А. Россия и Китай в начале XX века. Русско-китайские противоречия в 1911–1915 гг. М., 1997.

Белов Е.А. Россия и Монголия. М., 1999.

Берлянт А.М. Образ пространства: карта и информация. М., 1986.

Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.

Богданов А.П. От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII века. М., 1995.

Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. Опыт исследования. М., 1996.

Бусыгина И.М. Региональная политика Европейского союза на рубеже веков: новые тенденции и вызовы // Европа на пороге XXI века: ренессанс или упадок? М., 1998.

Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998.

Вернадский Г.В. История России. Тверь; М., 1996/1997.

Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988.

Грузински С. Колонизация и война образов в колониальной и современной Мексике // Международный журнал социальных наук. 1993. № 1.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.

Дашкевич Я.Р. Большая граница Украины. (Этнический барьер или этноконтактная зона) // Этноконтактные зоны в Европейской части СССР (география, динамика, методы изучения). М., 1989.

Дергачев А. Украина в современных геополитических преобразованиях // Полис. 1998. № 3.

Евсюков В.В. Мифы о Вселенной. Новосибирск, 1988.

Елизаренкова Т.Я. Слова и вещи в Ригведе. М., 1999.

Елисеева О.И. Геополитические проекты Г.А.Потемкина. М., 2000.

Ерасов Б.С. (ред.). Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. М., 1998.

Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988.

Замятин Д.Н. Моделирование геополитических ситуаций (На примере Центральной Азии во второй половине XIX века) // Полис. 1998а. № 2, 3.

Замятин Д.Н. Политико-географические образы и геополитические картины мира (Представление географических знаний в моделях политического мышления) // Полис. 1998б. №6.

Замятин Д.Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. Смоленск, 1999а.

Замятин Д.Н. Историко-географические аспекты региональной политики и государственного управления в России // Регионология. 1999б. № 1.

Замятин Д.Н. Национальные интересы как система «упакованных» политико-географических образов // Полис. 2000а. № 1.

Замятин Д.Н. Образ страны: структура и динамика // Общественные науки и современность. 2000б. № 1.

Замятин Д.Н. Рецензия на книгу: Внешняя политика и безопасность современной России: Хрестоматия: В 2 т. // Pro et Contra. 2000в. Т. 5. № 3.

Замятин Д.Н. Геополитика в XX веке // Полис. 2001а. № 6.

Замятин Д.Н. Геополитические образы современного мирового развития // МэиМО. 2001б. № 11.

Замятин Д.Н. Многоликость современного мира // Мегатренды мирового развития. М., 2001в.

Замятин Д.Н. Географические образы мирового развития // Общественные науки и современность. 2001а. № 1.

Замятина Н.Ю. Когнитивная география // География. 1999а. № 44.

Замятина Н.Ю. Когнитивно-географическое положение региона как фактор регионального развития: методологические аспекты // Новые факторы регионального развития. М., 1999б.

Замятина Н.Ю. Когнитивно-географическое изучение региональных политических процессов // Образы власти в политической культуре России. М., 2000.

Зимин А.И. Европоцентризм и русское культурно-историческое самосознание. М., 2000.

Зорин А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001.

Игрицкий Ю.И. Восточноевропейское цивилизационное пространство в XXI в. // Европа на пороге XXI в.: ренессанс или упадок? М., 1998.

Ильин М.В. Проблемы формирования «острова России» и контуры его внутренней геополитики // Вестник МГУ. Серия 12: Политические науки. 1995. № 1.

Ильин М.В. Этапы становления внутренней геополитики России и Украины // Полис. 1998. № 3.

Каганский В.Л. Классификация, районирование и картирование семантических пространств // Научно-техническая информация. Серия 2. 1991. № 3.

Каганский В.Л., Шрейдер Ю.А. Карта как общий способ представления знаний // Научно-техническая информация. Серия 2. 1992. № 5.

Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП (б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920-х — 1930-е годы). Проблемы. Документы. Опыт комментария. Ч. 1: Декабрь 1928 — июнь 1934 г. СПб., 2000.

Колосов В.А. «Примордиализм» и современное национально-государственное строительство // Полис. 1998. №3.

Колосов В.А. (ред.). Геополитическое положение России: Представления и реальность. М., 2000

Крутько В.Н. Семантические модели и проблема представления географической информации // Вопросы географии. 1986. С. 127.

Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Известия АН. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 3.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

Кузнецов Б.Г. Идеи и образы Возрождения (Наука XIV–XVI вв. в свете современной науки). М., 1979.

Ланге П. В. Горизонты Южного моря: История морских открытий в Океании. М., 1988.

Лебедев Г.С. «Скандовизантия» и «Славотюркика» как культурно-географические факторы становления Руси // Русская литература. 1995. № 3.

Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1985.

Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994.

Лютый А.А. Язык карты: сущность, система, функции. М., 1988.

Международные отношения: социологические подходы. М., 1998.

Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения (текст, перевод, комментарий). М., 1986.

Мельникова Е.А. Образ мира. Географические представления в средневековой Европе.М., 1998.

Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979.

Морозова Е.В. Современная политическая культура Юга России // Полис. 1998. № 6.

Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М., 1996.

Мошес А. Геополитические искания Киева // Pro et Contra. 1998. Т. 3. № 2.

Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века. СПб., 1996.

Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. Благовещенск, 1998.

Оболенский Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.

Окара А. В поисках имперской перспективы: Суждено ли Киеву стать новым центром поствизантийской цивилизации // Содружество НГ. 2000. № 9 (31).

Окладникова Е.А. Модель Вселенной в системе образов наскального искусства Тихоокеанского побережья Северной Америки. Проблема этнокультурных контактов аборигенов Сибири и коренного населения Северной Америки. СПб., 1995.

Олкер Х.Р. Волшебные сказки, трагедии и способы изложения мировой истории // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.

Особая папка НГ. 1999. № 3.

Островский А.Б. Мифология и верования нивхов. СПб., 1997.

Перцова Н.Н. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова // Wiener Slawistischer almanach. Sonderband. 1995. № 40. Wien, Moskau.

Плигузов А.И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М., Ньютонвиль, 1993.

Подосинов А.В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999.

Райт Дж.К. Географические представления в эпоху крестовых походов: Исследование средневековой традиции в Западной Европе. М., 1988.

Родо Х.Э. Ариэль против Калбана: «нордомания» и проблема латиноамериканской самобытности // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. М., 1998.

Родоман Б.Б. Географические картоиды // Теория и методика экономико-географических исследований. М., 1977.

Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997.

Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство: государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996.

Семенов С. Ибероамериканская и восточно-евразийская общности как пограничные культуры // Общественные науки и современность. 1994. № 2.

Синицына Н.Б. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998.

Стидмен Дж. «Миф об Азии» // Б.С. Ерасов (ред.) Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. М., 1998.

Топоров В.Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки истории естественнонаучных знаний в древности. М., 1982.

Топоров В.Н. Древо мировое // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1987.

Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.

Торшилов О.Д. Античная мифография: миф и единство действия. СПб., 1999.

Урысон Е.В. Языковая картина мира и лексические заимствования (лексемы округа и района) // Вопросы языкознания. 1999. № 6.

Хлебников В. Учитель и ученик. О словах, городах и народах. Разговор I // Хлебников В. Творения. М., 1987.

Ходжсон М. Роль суфийского мистицизма в исламской цивилизации // Ерасов Б.С. (ред.) Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. М., 1998.

Цымбурский В.Л. Остров Россия (перспективы российской геополитики) // Полис. 1993. № 5.

Цымбурский В.Л. «От великого острова Русии...» (К прасимволу российской цивилизации) // Полис. 1997. № 6.

Цымбурский В.Л. Две Евразии: омонимия как ключ к идеологии раннего евразийства // Вестник Евразии. 1998. № 1–2.

Цымбурский В.Л. Геополитика как мировидение и род занятий // Полис. 1999. № 4.

Цымбурский В.Л. Россия — Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М., 2000.

Чекин Л.С. Картография христианского Средневековья. VIII–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1999.

Шиловский Д.П. Исчисление пространства в архаическом космогоническом тексте: к интерпретации стихов 736–738 «Теогонии» Гесиода // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. 1998. № 6.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 1998.

Экштут С. На службе российскому Левиафану. М., 1998.

Элиаде М. Космос и история. М., 1987.

Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.

Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2000.

Agnew J., Corbridge S. Mastering space: hegemony, territory and international political economy. L.; N.Y., 1995.

Andrews J.H. Shapes of Ireland: Maps and their Makers, 1564–1839. Dublin, 1997.

Cook R. The tree of life. Image for Cosmos. N.Y., 1988.

Cullen F. Visual Politics: The Representation of Ireland, 1750–1930. Cork, 1997.

Deleuze G., Guattari F. Rhizome. Introduction. P., 1976.

Down R.M., Stea D. (eds.). Maps in mind: reflections on cognitive mapping. N.Y., 1977.

Edney M. Mapping an Empire: The Geographical Construction of British India, 1765–1843. Chicago; L., 1997.

Egenhofer M., Franzosa R. Point-Set Spatial Topological Relations // International Journal of Geographical Information Systems. 1991. No. 5 (2).

Fauconnier G. Mental spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge, 1994.

Fauconnier G. Mappings in Thought and Language. Cambridge, 1997.

Fauconnier G., Sweetser E. Spaces, Worlds, and Grammar (Cognitive Theory of Language and Culture). Chicago, 1996.

Godlewska A., Smith N. (eds.). Geography and Empire. Oxford; Cambridge, 1994.

Gottmann J. Why the Skyscraper? // Geographical Review. 1966. Vol. 56. No. 2.

Gould P., White R. Mental Maps. Boston, 1986.

Hammer M. Putting Ireland on the Map // Textual Practice. 1989. No. 3.

Hennessy A. The Frontier in Latin American History. L., 1978.

Kitchin R.M. Increasing the integrity of cognitive mapping research: appraising conceptual schemata of environment-behaviour interaction // Progress in Human Geography. 1996. Vol. 20. No. 1.

Kosslyn S., Ball T., Reiser B. Visual Images Preserve Metric Spatial Information: Evidence from Studies of Image Scanning // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. 1978. No. 4.

Kuipers B. Modeling Spatial Knowledge // Cognitive Science. 1978. No. 2.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago, 1980.

Livingstone D.N., Harrison R.T. The frontier: metaphor, myth and model // Professional Geographer. 1980. No. 32.

O'Cadhla S. Mapping a Discourse: Irish Gnosis and the Ordnance Survey, 1824–1841 // Culture, Space and Representation. A special issue of the Irish Journal of Anthropology. 1999. Vol. 4.

O'Tuathail G. Critical Geopolitics. The Politics of Writing Global Space. L., 1996.

Parker G. Geopolitics. Past, present and future. L., Washington, 1998.

Perry T.M. Australian's First Frontier. L., 1963.

Said E.W. Orientalism: Western Conceptions of the Orient. L., 1995.

Shaw D.J.B. Southern Frontiers of Muscovy, 1550–1700 // J.N. Bater, R.A. French (eds). Studies in Russian Historical Geography. L., 1983.

Talmy L. How Language Structures Space // H. Pick, L. Acredolo (eds.). Spatial Orientation: Theory, Research, and Application. N.Y., 1983.

Treagold W. Russian Expansion in the Light of the Turner on the American Frontier // Agricultural History. 1952. No. 26.

Tuan Y. Sacred space: explorations of an idea // K. Butzer (ed.) Dimensions of human geography: essays on some familiar and neglected themes. Chicago, 1978.

Turnbull D. Cartography and Science in Early Modern Europe: Mapping the Construction of Knowledge Spaces // Imago Mundi. 1996. No. 48.

Waddington M. Naive Geography // Queen's Quarterly. 1993. No. 100 (1).

Wieczynski J.L. The Russian Frontier. The impact of borderlands upon the course of early Russian history. Charlottsville, 1976.

Williams C.H. (eds.). Language in geographical context. Clevedon, 1988.

Woodward D., Lewis G.M. (eds.). The History of Cartography. Vol. 2, b. 3: Cartography in the Traditional African, American, Arctic, Australian, and Pacific Societies. Chicago, 1998.

Zelinsky W. The Cultural Geography of the United States. Englewood Cliffs, 1973.

1. Как географическое положение городов повлияло на характер власти местных чиновников?
2. В чем состоят различия в историческом характере освоения земель в России и США?
3. Дайте определение понятию «анизотропность». Как данный феномен проявляет себя в России?
4. Как соотносятся унитарный и федеративный тип административно-территориального деления?

Н.Ю. Замятина

МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА*

Отношение власти к пространству, различные подходы к осознанному или подсознательному его структурированию — основная тема настоящей работы. Специфика пространственно-ориентированной мыследеятельности субъекта зачастую определяет и то, что этот субъект увидит в пространстве, и то, какое место займут увиденные им объекты в общей системе его представлений, или, если угодно, — картине мира. Понимавшие это идеологические лидеры советской науки традиционно подчеркивали, что советские географы выявляют районы (тем самым подразумевая объективность существования последних), а зарубежные — выделяют их (тем самым заведомо намекая на исключительную субъективность или искусственность всего, что может быть в итоге выделено). Аналогичным образом можно указать на бесчисленное множество подходов к структурированию и упорядочиванию наблюдаемого пространства, различающихся не только по признаку объективности/субъективности, но и по другим критериям, и выбор любого подхода повлечет за собой комплекс логических следствий — целостную систему пространственных представлений. Эта система представлений, в конечном счете, будет определять и поведение субъекта в пространстве, в частности, в ходе его освоения и колонизации.

Освоение Сибири как пример овладения пространством

Процесс освоения Российским государством Сибири был важнейшим эпизодом в истории российской колонизационной экспансии. В период продвижения в глубину материка, вплоть до выхода к Тихому океану и к границе с Китаем,

* *Замятина Н.Ю.* Модели политического пространства // Полис. Политические исследования. 1999. № 4. С. 29–41.

русским почти не пришлось сталкиваться с иными мощными цивилизациями, способными сдержать, затормозить это наступление или, по крайней мере, наложить на него свой социокультурный отпечаток. Поэтому в характере освоения сибирского пространства смогли предельно отчетливо проявиться те фундаментальные особенности российского мировидения, которые были связаны с феноменами пространства и власти, а точнее, с их взаимоотношением, с организацией власти на конкретном пространстве и организацией пространства посредством власти.

Россия продвигалась в Сибирь, осуществляя своеобразное оцентрование территории. То, что освоение Сибири во многом было связано с созданием новых городов — своего рода локальных эпицентров, которые «были рассадниками русской колонизации» [1, с. 460], — широко известный и многократно описанный в научной литературе факт. Однако мало кто обращал внимание на то, какого рода культурное пространство формируется при подобном «засаждении» его городами. «Островное» культурное пространство не сводимо к как бы «лежащему на поверхности» рисунку сети расселения, который в принципе мало изменился с XVII в. Чтобы составить представление об этом рисунке, мы «должны будем представить русскую оседлость в Сибири... островами, оазисами среди лесной и болотной пустыни» [1, с. 461]. Из трудов по исторической географии и градоведению известно, что сибирское культурное пространство поделено на всевозможные опорные каркасы, разнопорядковые районы и центры, комплексы и агломерации [2]. Но какие силовые линии действуют в этом «обществе городских островов», какие глубинные общественные структуры отражает данный рисунок — эти вопросы еще требуют своего изучения.

Кстати, сам по себе островной, или, точнее, «архипелагообразный» характер заселения территории — явление далеко не уникальное. В сущности таким же образом выглядела и средневековая Европа: «Долгое время средневековый Запад оставался скоплением поместий, замков и городов, возникших среди невозделанных и пустынных пространств. Лес, впрочем и был пустыней... Лес обступал этот мир, изолировал его и душил» [3, с. 124–125]. Особенность сибирских «островных» городов состояла в том, что эти «города служили средством утверждения государства в Сибири» [2, с. 278].

Властные функции опережали развитие всех остальных, обычно присущих городу, — торговых, промышленных и т.д. «Административные функции предшествовали экономическим... Сибирские города, вырастая из острогов, не сразу обрастали посадами» [2, с. 278]. Пожалуй, именно этой «недогруженностью» молодых административных центров экономическими функциями объясняется возникавшее у столь многих наблюдателей впечатление о сибирских городах как о специфических чиновничьих центрах: «городах с казенной физиономией» [4, с. 54], «городах Акакиев Акакиевичей» [данное высказывание Потанина об Омске цит. по: 2, с. 439]. Власть чиновников казалась столь всеобъемлющей не только в силу их фактической безнаказанности, обусловленной нахождением вдалеке от столицы, но и по причине отсутствия каких-либо местных противовесов их произволу. Герцен верно определял, что «власть губернатора вообще растет в прямом отношении расстояния от Петербурга, но она растет в геометрической прогрессии в губерниях, где нет дворянства, как в Перми, Вятке и Сибири» [5, с. 221].

Любопытно, однако, что не только в Сибири, но и вообще в России прослеживается тенденция воспринимать города как центры власти, а не по-европейски, как средоточие мест торговли, промышленности, ремесел (уж не стоит говорить об особом воздухе, который «делает человека свободным»). Характерно, что знаменитая административная реформа Екатерины Великой 1775–1785 гг., по которой в России было создано несколько десятков новых городов, обосновывалась необходимостью создания именно центров управления — «для доставления жителям ближайшего суда и расправы» [2, с. 288]. Воистину, как гласит пословица, «в воде черти, в земле черви, в Крыму татаре, в Москве бояре, в лесу сучки, в городе крючки» (В. Даль)[1].

Интересно было бы коснуться в связи со сказанным одного из традиционных сюжетов русской историографии, или, точнее, одной из ее популярных гипотез, согласно которой некоторые особенности российского государства объясняются его продолжительным пребыванием в условиях колонизации (вспомним хотя бы знаменитую фразу Ключевского о том, что «история России — история страны, которая колонизуется»). Если следовать этой историографической традиции, причину того, что властные функции российских городов оказались настолько преувеличенными, легко обнаружить в своеобразном «синдроме малоосвоенных пространств». В качестве аргумента в пользу этого предположения отметим, что административные функции опережали экономические не только в Сибири, но и в других колонизовавшихся ранее районах. Впрочем, этот вопрос требует более пристального рассмотрения, и, в частности, изучения городских традиций Золотой Орды. Так, наряду с исследованием таких «механических факторов», как процесс колонизации, необходимо обратить внимание и на проблемы преемственности культур и т.д. Ограничимся пока только лаконичной констатацией: в России города прежде всего — центры власти.

Кстати, верным окажется и обратное утверждение: власть в России жестко привязана к определенным центрам. При освоении Сибири эта закономерность проявилась особенно отчетливо. Овладение сибирской территорией было не столько освоением территории, и даже не столько овладением территорией, сколько созданием на территории властных центров. Более того, именно создание властного центра и воспринималось как собственно освоение (присвоение) территории, его конечная цель. Как говорится, есть острог — земля наша, нет — не наша.

Отношение к освоению-присвоению территории как к процессу «снабжения» ее центрами власти хорошо иллюстрирует специфическая форма административно-территориального деления, появлявшаяся на некоторых редконаселенных окраинах, когда в качестве административных единиц фигурировали острожки и ясачные зимовья, окруженные довольно приблизительно «приписанной» к ним округой. Так, например, к началу XVIII в. в Якутском уезде в качестве низовых административно-территориальных единиц значилось, помимо 36 волостей, 29 постоянно и 11 временно действовавших острогов, острожков и ясачных зимовий [7, с. 22]. Иначе говоря, при установлении административно-территориального деления новой территории последняя собственно и не «делилась» — вместо этого устанавливалась система соподчинения властных центров разной иерархии, тогда как приписанная к каждому из них территория имела весьма размытые границы.

Для сравнения возьмем пример США: представление об освоенности территории в них связывалось, в первую очередь, с раздачей (разделом) земельной площади в частную (или коллективную — например, религиозных общин) собственность, при этом территория могла считаться «своей» и не будучи «оцентрованной» местным властным центром. Если в России своеобразным актом присвоения было основание острога (без особого внимания к разделу земельной площади), то в США таким символически значимым актом был именно раздел площади — и уже на выделенной земельной площади выбирался центр. Центры многих низовых административно-территориальных единиц США определялись на конкурсной основе в ходе специальных референдумов.

Косвенным свидетельством различного отношения в России и США к центрам и границам территориальных единиц является их «долговечность». В России именно центры обладали относительной стабильностью — во всяком случае, центры первого порядка (областей, краев, республик) определились уже в конце XVIII в. [2, с. 287]. Напротив, границы административных единиц России претерпевали почти непрерывные изменения, которые едва успевали отражаться на картах [8, с. 151]. В США границы штатов остаются незыблемыми с момента их принятия в союз, тогда как столицы стабильно существующих единиц могут изменяться (например, центры некоторых округов Индианы менялись до семи раз) [9, с. 215].

Заметим, что приоритетное внимание именно к центрам, а не к конкретным границам в России не связано, как это может показаться на первый взгляд, с недостатком информации об осваиваемой территории. Практически полное отсутствие данных об американском континенте не помешало, например, Британской короне уже в первые годы XVII в. делить неизведанные земли на отдельные колонии по параллелям — причем сразу аж до тихоокеанского побережья, которое к тому времени еще ни разу не было достигнуто посуху. Очевидно, выбор той или иной модели присвоения пространства (дележ земельной площади, как в США, или властного пространства, как в России) во многом связан с общественно-экономической системой, господствовавшей в осваивающем обществе. Безусловно, не последнюю роль в возникновении властного «оцентрования» территории сыграла ясачная система: на новой территории русским был нужен, в первую очередь, ясак, и они, соответственно, были озабочены основанием центров для его сбора.

Исследуя колонизацию Сибири, стоит обратиться для обнаружения сходных черт не к «фермерским» США, а к институту классического феодального полюдья — в особенности потому, что сам характер управления Сибирью долгое время напоминал традиционные княжеские наезды в области своих данников. Последние исследования показывают, что полюдье, ранее считавшееся преимущественно экономическим явлением, заключавшимся в основном в сборе дани [10, с. 5], было значительно более сложным общественным феноменом, имеющим и политические, и даже ритуально-религиозные составляющие [10].

Историк Ю.М. Кобищанов, посвятивший много лет исследованию полюдья, рассматривает это явление в качестве элемента становления феодального государства. Попытаемся использовать выводы ученого для решения несколько иной задачи — выяснения роли полюдья в формировании территориальных общест-

венных систем. Полюдье касалось преимущественно пограничных, «переходных» областей, находившихся как бы на полдороге от независимой племенной территории к территории, полностью интегрированной в состав единого, централизованного феодального государства: «Историки отмечают различие между центральными областями феодальных государств, составлявшими их устойчивое ядро, и периферийными областями, весьма непрочно связанными с центром. Нередко сбор дани с периферийных областей и поддержание в них центральной власти осуществлялись через полюдья, которые в центральной, основной части государства уже утратили свое значение» [10, с. 7]. Таким образом происходило как бы постепенное «приучение» отдаленных регионов к центральной власти (или их «приручение»): по собранным Кобищановым многочисленным примерам функционирования полюдья видно, что полюдье являлось не только и не столько инструментом сбора дани, сколько инструментом подтверждения легитимности власти. Характерно, что в областях, подвергавшихся полюдью, для сбора дани часто выделялись специальные места, где власть одновременно символически утверждала свою легитимность, т.е. где находились важнейшие объекты религиозного культа. Заметим, что сбор дани в этих местах сопровождался религиозными обрядами [10]. Иначе говоря, в ходе полюдья возникали сначала временные, потом постоянные центры власти «на местах». По мере эволюции религиозного общества временные центры, где на ранних ступенях развития происходило непосредственное «явление народу» верховной власти, превращались в постоянные центры местной власти.

Итак, изучение исторического опыта полюдья позволяет сделать следующий вывод о пространственном развитии властных технологий: «приучение» регионов к власти-из-центра происходит через формирование центров-для-власти на местах с последующим превращением их в местные центры власти. Именно таким и был процесс освоения Сибири.

Пространство мира, имеющего центр

Мы далеки от того, чтобы напрямую переносить механизм средневекового полюдья на процесс освоения Сибири. Но нельзя не обратить внимание на то, что в обоих случаях проявляется определенное сходство представлений, влекущее за собой однотипность действий. Кстати, в большинстве случаев идеологические импульсы распространяются в пространстве тем же самым образом — в виде движения от центра к центру. Так, например, почти все христианские путешественники — от испанских конкистадоров до казаков-первопроходцев — утверждали свою веру на новой территории путем основания локальных центров: миссий, часовен, наконец, просто с помощью водружения креста.

Согласно теории Т. Хегерстранда, диффузия нововведений происходит путем перехода от центра к центру, но в сочетании со сплошным, или площадным, движением-расползанием. По-видимому, в каждом конкретном случае распространения какого-либо нововведения имеет место сочетание — в разных пропорциях — движения от центра к центру и движения сплошной волной. Так, при освоении Сибири преобладало первое, при образовании США — второе; данное различие

может быть проявлением и некоторой более общей закономерности, например, тенденции властных и в целом идеологических нововведений распространяться от центра к центру, а земледельческой колонизации — сплошным волнообразным движением. Рассмотрим более подробно первый тип миграции.

Как уже отмечалось, этот тип движения наиболее характерен для экспансии религиозных или мифологических представлений. Так, освоение, обживание новой территории для человека с религиозным сознанием всегда связывается с ее сакральным «оцентрованием», установкой на ней некоторой точки отсчета — строительством алтаря, закладкой камня, установкой столба (отсюда — выражение «застолбить землю»).

Потребность в оцентровании территории восходит к традиционным мифологическим (и религиозным) концепциям устройства мира, согласно которым мир всегда должен иметь центр. Такая точка зрения обусловлена, в свою очередь, характерной для самых разных мифов и религиозных систем идеей, что мир был сотворен в одной точке — первоцентре, сакральном Центре Мира. При поселении на новом месте, естественно, происходит его обустройство, которое для религиозного человека оказывается аналогичным созданию мира: «Обосноваться в новом, неизвестном и невозделанном крае равносильно акту творения» [11, с. 37]. А раз мир был сотворен в некоем изначальном центре, то и освоение новой территории должно начаться с некоторой первоточки, которая затем окажется центром колонизации пространства [подробный анализ мифологической семантики освоения территории см: 11, 12, 13].

Впоследствии представления о центричности мира переносятся на практически любые обитаемые «частные миры»: дом, город, страну, ибо религиозному человеку важно везде иметь точку отсчета, сакральное место. Центр обнаруживается им и в доме («красный угол», или, в дохристианской мифологии жилища, — печь, от которой «пляшут»), в городе (главный храм), в стране: «“откуда есть пошла земля русская” — вот основная установка русского летописца. Это не позиция любомудрствующего ума, а первейшая необходимость ориентации в пространстве» [14, с. 139]. Так в сознании религиозного человека возникает картина мира, состоящая из сложной иерархии центрированных миров — от собственного дома до Центра Мира наивысшей сакральности (Мекка, Гроб Господень в Иерусалиме, священные горы по некоторым верованиям и т.д.). Иначе говоря, в сознании религиозного человека выстраивается определенная пространственная структура мира, базирующаяся на представлении о наличии первоточки, изначального центра мироздания.

Допустим, что указанная картина мира (конкретнее, система пространственных представлений, базирующаяся на положении о центрированности мира) представляет собой своеобразный архетип пространственного мышления. Из этого следует, что обращение к идее Центра влечет за собой определенный способ структурирования пространства, который автоматически предполагает наличие на фиксированном участке земли не только центра, но и противоположной ему периферии.

Это положение можно проиллюстрировать, обратившись к феномену времени. Как и религиозно-мифологическое пространство, так и религиозно-мифо-

логическое время имеет первоточку, начало отсчета, исток. Например, многие древние календари (в том числе так наз. «восточные») основаны на исчислении времени в промежутке от сотворения мира до предполагаемого конца света [15]. Начало и конец земледельческого года почти во всех культурах связывался с ритуалами, символизирующими смерть и возрождение, т.е. речь идет опять-таки о целой жизни, проходящей замкнутый (хотя и повторяющийся ежегодно) путь от рождения к смерти. По-видимому, здесь также можно говорить о некотором архетипе циклического времени, точнее, о целой системе представлений о ходе времени, выработанной религиозно-мифологическим сознанием. К их числу можно отнести представления о начале и конце «кругового» периода, наличии в нем не просто независимых отрезков, а определенных стадий, последовательность которых строго закреплена. Мы постоянно в своих действиях следуем архетипу циклического времени, и, не разделяя связанных с этим архетипом мифологических верований или, во всяком случае, не отдавая себе в этом отчета: справляем Новый год, готовим бухгалтерские отчеты к концу года финансового, сдаем школьные экзамены в конце года учебного и имеем привычку планировать начало новых дел на понедельник. Точно так же обстоит дело и с представлением о пространстве, входящим в мифологическую картину мира, отдельные черты которой, как мы могли убедиться, проявляются и в нашей сегодняшней, в основном сугубо светской жизни[2].

Обратим особое внимание на то, что мифологическая картина мира отражается в повседневной жизни, по-видимому, не посредством употребления ее отдельных, самостоятельных элементов — понятий, а в виде целого комплекса взаимосвязанных представлений. Это означает, что, выделив центр как один из элементов мифологической пространственной картины мира, мы тем самым признаем существование и других ее элементов (в частности, уже упоминаемой периферии), т.е. начинаем мыслить в рамках специфического архетипа пространственных представлений. Если это предположение верно, оно может иметь важные методологические следствия: оно позволит изучить структуру конкретных пространственных систем, восходящих к архетипу централизованного мироустройства, по аналогии со структурами других пространственных систем.

Важнейшее свойство централизованного пространства — его неоднородность; простое перемещение в такого рода пространстве в той или иной степени оказывает влияние на судьбу перемещающегося.

Интересен в связи с этим случай некоторых традиционных обществ, в которых передвижение в пространстве было жестко увязано с перемещением по «социальной лестнице». Таким, например, было африканское государство Лоанго, описанное в XVII в. голландцем О. Даппером [цит. по: 10, с. 280]: «Чем дальше от (столицы) Лоанго был расположен населенный пункт, тем меньше его правитель имел прав на верховную власть... Так, старший брат короля, наследник престола, жил в Кайе, в двух лье (около 5 км) от Лоанго, следующий по старшинству — в Буке, в 5–6 лье (около 10 км) от столицы и т.д. В случае, если умирал король или кто-либо из его старших братьев, происходило передвижение по всем ступеням этой лестницы и соответствующее переселение братьев в более близкий к столице городок, дающий больше прав на престол». Аналогичная («лествичная») система была, видимо, распространена в Киевской Руси [10, с. 281].

В централизованном мире «достижение «центра» равносильно посвящению, инициации» [11, с. 43], достижение центра — вершина карьеры и всей жизни. Эта идея, мифологически-религиозная по природе, отразилась в официальной советской культуре 1930-х годов: достаточно вспомнить финалы фильмов «Волга-Волга» и «Светлый путь», чтобы увидеть мифологическую основу сюжета обеих кинолент, в которых венцом пути героев оказывается достижение Москвы. Впрочем, «сакральность» Москвы культивировалась едва ли не во всех фильмах того времени.

Не только перемещение к центру, но и движение в обратную сторону обладает в централизованном пространстве «судьбоносной» силой, только с противоположным знаком. Скажем, наказание должно заключаться в перемещении в направлении от центра к периферии. Особенно наглядно это проявилось в институте ссылки, а также высылки на поселение, в том числе за 101-й км. Механическое перемещение в пространстве Российской империи (и многих других стран) было заменой смертной казни (история и роль ссылки в России прослежена, например, Милюковым, см.: 16, с. 499]. Невольно вспоминаются традиционные административные меры, характерные для обществ с племенной организацией, где наказание состояло в «высылке» за пределы племенного поселения. Такое наказание было вовсе не мягким: пространство за пределами поселения, пространство вне влияния сакрального центра воспринималось религиозным человеком как абсолютное небытие — и оказаться в нем было символически равнозначно физической гибели. Мифологический смысл пространства за границей мира (т.е. обжитого поселения) отлично иллюстрирует роман «Чевенгур», насыщенный мифологическими образами: за пределами населенных пунктов в этом произведении расстилается безжизненное пространство, пространство мертвых водоразделов — все смерти в романе происходят именно в нем; принесшая гибель Чевенгуру армия появляется в финале романа также из туманного степного пространства[3].

Идея неоднородности пространства (сакральности центра и «губительности» границ мира), присущая в особенности такому политическому образованию, как империя, воспроизводится в действиях властей на всех ступенях иерархической лестницы. Так, по свидетельству Герцена, сибирским генерал-губернатором И.Б. Пестелем практиковалась «внутренняя» ссылка провинившихся жителей «руководимой» им территории — на границу Восточной Сибири [5, с. 236]. Централизованная модель была использована для формирования современных административных единиц Сибири: огромный клин территории приписывался к расположенному у ее южных границ крупному центру (Тюменская область, Красноярский край). В принципе, возможен был и другой вариант — выделение территориальных единиц по принципу внутренней однородности: тогда Север или его части были бы представлены особыми единицами вроде канадских северо-западных территорий. Но в централизованном пространстве любая территория должна быть снабжена центром, и такой пункт был найден и для полярных окраин, пускай даже отделенный от реального географического центра тысячами километров.

Централизованное пространство не только неоднородно, оно обладает анизотропностью, т.е. движение в этом пространстве в разных направлениях неравноценно. Одно из следствий подобной «анизотропности» с легкостью обнаружива-

ется на любой топографической карте, где видно, что в России лучшего качества дороги ведут в центр — столицу государства или административной единицы более низкого порядка[4], тогда как проехать между двумя даже близко расположенными периферийными пунктами иногда практически невозможно. Зачастую для того, чтобы попасть из одной деревни в другую, расположенную в двух десятках километров, но в другом районе, необходимо ехать в райцентр, из него — в соседний райцентр, а уже оттуда — в нужную деревню. Достаточно взглянуть на топографическую карту, чтобы убедиться в том, что в России немного дорог пересекает границы административных районов.

Подобная картина российских путей сообщения — словно тень древних представлений об устройстве мира. Например, в древних скандинавских странах, по мнению Е.А. Мельниковой, известного специалиста по истории Скандинавии, по-видимому, любой путь представлялся проходящим между фиксированными центрами, вне зависимости от реального его маршрута: «Направление движения определяется не относительно сторон света, а относительно центров каждой из четвертей как центров ориентации. Поэтому при поездке, например, из западной четверти в северную реальным было направление на северо-восток или даже восток, но обозначалось оно как северное, поскольку человек двигался в направлении северной четверти» [20, с. 196]. В основе такого определения направленности путей, как считает Мельникова, лежит особое представление об устройстве ойкумены. В Скандинавском мире, как и во многих других древних мирах, выделялось четыре части ойкумены: западная, северная, восточная и южная, причем каждая часть понималась как своеобразная целостность. Значимым оказывалось не движение внутри такой части, а перемещение из одной части в другую.

По-видимому, одним из важнейших свойств такого пространства является ритуализация его разделения. Одновременно с ним происходит унификация пространства: во-первых, внутри каждой из его частей, во-вторых, внутри зон, состоящих из равноудаленных от центра территорий. Унификация вообще считается одним из важнейших атрибутов мифологического сознания, которому чужда ценность индивидуальности и для которого значимо лишь место-в-системе [подробнее см.: 14].

Кстати, отношение к центру оказывалось решающим фактором для положения в системе не только той или иной территории, но и ее населения. Аргументируя данное утверждение, можно сослаться на процесс изменения статуса русских крестьян и инородцев в ходе колонизации обитаемых ими земель. С одной стороны, инородцев сравнительно легко принимали в «россияне», т.е. в «свои», как только российское государство распространялось на инородческие области. Даже в проводниках колонизации — казачьих войсках — было немало национальных подразделений: литовские конные, ногайские, калмыцкие полки, кавказские иррегулярные части, тунгусский и бурятский полки, туркменский конный дивизион и китайский туземный отряд. С другой стороны, и русские могли перейти в разряд инородцев: например, в 1792 г. 30 селений русских крестьян-беглецов («бухтарминские каменщики») были зачислены в состав инородческой Бухтарминской волости, причем их жители — русские крестьяне — записывались как оседлые инородцы, в силу чего они должны были вносить в казну ясак мехами и при этом

освобождались от воинской обязанности, от уплаты государственных податей, натуральных повинностей и не могли быть приписаны к заводу [21, с. 24–25]. Таким образом происходила как бы унификация населения внутри определенных концентрических зон централизованного пространства.

Иерархия территорий от центра к окраинам является важнейшим атрибутом централизованного государства. В частности, подобная иерархия называется специалистами в числе важнейших признаков империи [22]. Подобную иерархичность мы видим и в России, где в разное время выделялись края, области, вотчины, уезды, губернии, генерал-губернаторства и т.д. Даже при нынешнем декларированно федеративном устройстве России сохраняется несколько классически-имперских уровней территориальной иерархии (республики, автономные округа, одна автономная область, края и области; в последние годы появилось также несколько национальных районов наряду с районами чисто административными). Кстати, наличие различного рода территориальных автономий — совсем не редкость в унитарных государствах: это Фареры и Гренландия в Датском Королевстве, Аландские острова в Финляндии, Шотландия и Северная Ирландия в Великобритании. «Еще показательнее пример Италии, где по конституции каждая область настолько автономна, что сама принимает свой статус, утверждаемый собственным законом» [23, с. 71].

Итак, централизованное пространство состоит из неравных по своему статусу территорий. Но как происходит размежевание внутри одного уровня иерархии? На наш взгляд, весьма произвольно или, во всяком случае, без учета местных особенностей. Обратимся к опыту одной из самых древних империй — Китайской времен первых царей династии Чжоу (XI–X вв. до н.э.). Как пишет Кобищанов: «Один раз в каждые пять лет своего правления... император объезжал свои владения. Весной он направлялся на восток, одетый, как и вся его свита, в голубое и зеленое (зелено-голубой цвет символизировал восток), летом — одетый в красное — символ юга — на юг, осенью (в белом) — на запад и зимой (в черном) — на север. В годы, когда сам правитель не «инспектировал» свои владения, ...он принимал у себя ...наместников провинций, ...надевая одежды соответствующего цвета» [10, с. 39].

Хотя это может показаться излишне смелым утверждением, но, похоже, выделение в СССР и современной России национальных автономий не так уж принципиально отличается от разделения в Древнем Китае сине-зеленой, красной, белой и черной провинций. Подробный и обстоятельный анализ Э. Карра [24] позволяет проследить, как в первые годы советской власти происходил переход от идеи национальной самобытности к идее равенства народов при праве наций на самоопределение. Эти две идеи вовсе не тождественны. Скажем, национальная самобытность подразумевает наличие у каждой нации специфических черт (возвращаясь к началу нашей работы, речь идет о распознавании, а не о выделении). К подобным чувствам апеллировали большевики в первые годы их власти: «...все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России! Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными» [24, с. 255]. Уже по этому заявлению видно, что

местная специфика для многих народов России выражалась, в первую очередь, в их религиозной вере, оказывавшей влияние на все сферы общественной жизни, от образования до законодательства.

Однако в социалистическом государстве о полном и подлинном признании всех аспектов национальной специфики (подразумевавшем, в частности, возможность учреждения шариатского суда вместо советского и т.д.), разумеется, не могло быть и речи. По существу, выделение территории с определенным названием стало единственной политической привилегией национальности[5], если не считать права использовать элементы национальной (фольклорной) традиции при исполнении некоторых политических ритуалов. На память приходят многочисленные встречи в республиках делегаций из центра девушками в национальных костюмах — как тут не вспомнить древнекитайские переодевания.

Выделение национальных территорий — особенно в Средней Азии и Казахстане, на землях, населенных кочевниками, во многом было ритуальным. В традициях этих народов вообще не было принято соотносить представления о собственности или нации с территорией, в строгом смысле и само понятие «территории», интерпретируемое как участок земли с определенными границами [подробнее о семантике понятия «территория» см.: 13], не применимо к этому призрачному пространству кочевий, изрезанному границами только после прихода европейских завоевателей — русских и англичан [см.: 6]. Слабо обоснованным было и различение самих народов: «За исключением небольшой группы таджиков иранского происхождения, народы Туркестана связывала общность тюркского происхождения, и все они говорили на тюркских диалектах. Впоследствии население Средней Азии было разделено на туркменов, проживающих в западных районах, узбеков — в центре, и киргизов, сосредоточенных на востоке, что было отчасти обусловлено выгодами административного характера. Это разделение было вызвано скорее местной враждой, чем глубокими расовыми, языковыми или историческими различиями» [24, с. 264]. Впрочем, насильственным образом происходило выделение национальных образований и в других районах; классическим примером служит Кабардино-Балкария, при создании которой пришлось пренебречь фундаментальными культурными различиями тюркоязычных мусульман-балкарцев и христиан-кабардинцев.

Ритуальная или полуритуальная приписка национального признака целой территории может быть трактована и как форма ее унификации[6]. Унификация централизованного пространства практически осуществлялась в России и иными способами, в частности, посредством выравнивания уровней промышленного и социального развития регионов (например, строительства текстильных фабрик в Средней Азии, чтобы занять только что сбросивших паранджу женщин Востока в общественном производстве и т.д.).

Федерация: мир увиденных территорий

Насколько далека идея выделения унифицированно-равных районов централизованного государства от подлинного обеспечения самобытности территорий, становится понятно из сравнения унитарных и федеративных государств: идея равенства регионов соответствует в большей мере идее унифицированного цент-

рализованного государства, нежели государства федеративного, как это иногда считается. В частности, именно «унитарные государства ощутимо «выравнивают» личностные начала региональных руководителей; ... речь идет о «выравнивании»... служебного поведения, административных реакций на указания «центра» и т.п. [23, с. 85].

Федерация и унитарные государства — не два полярных воплощения какого-то одного понятия, но реалии, отражающие две разные и едва ли вообще соотносимые идеи — распознавания пространства и его разделения с позиции центра. Федеративное устройство основывается на распознавании пространственного объекта, различении его как целого, самого по себе, устройство унитарное — на выделении объекта как части целого, «различении-из». Географ Г.Д. Костинский показал, что в первом случае результатом оказывается различение территорий, а во втором — районов [13].

Насколько различны следствия использования одного или другого из названных подходов продемонстрируем, вновь обратившись к «двойнику» пространства — времени. Подход ко времени с позиции распознавания выглядит следующим образом [рассуждения относительно времени позаимствованы нами из оригинальной работы Э. Авени, см.: 15]: «Мы обычно определяем год и то, что мы его прожили, в связи со значительными, этапными событиями. Каждый год несет с собой сигнальные события, подсознательно запоминаемые людьми; эти события как раз и упорядочивают течение повседневной жизни. Кое-кто, конечно, может вспомнить, что «это было в 87-м», или « в конце 85-го», но большинство из нас скажет: «Это было в том году, когда мы переехали на западное побережье» или «Это случилось во время отпуска».

Тем же способом мы различаем (распознаем) и отдельные территории, увязывая их с какими-либо образами, например: «Сибирь — это там, где холодно», «Камчатка — там, где вулканы», «Москва-чаевница». Разумеется, в этих примерах механизм различения сознательно упрощен (или, как заметил мне один коллега, вульгаризирован). У каждого более-менее образованного человека с достаточным жизненным опытом наверняка найдется целый набор образов для различения большинства известных ему географических объектов (например, Сибирь — это не только то место, где холодно, но и где тайга, и где декабристы «во глубине сибирских руд» хранили «гордое терпенье», где, кроме руд, также есть нефть, буровые, поэтому нефтедоллары, «Газпром» и т.д.) — причем образы эти множатся, переплетаются и проникают друг в друга. В своей основе различение географических объектов происходит именно по этой модели тождества образу. Хорошо знают это опытные учителя географии, заставляющие своих питомцев запоминать «аксиомы» вроде «Республика Коми — наша “лесопилка” вместо “объективной”, но зубосводяще-нудной “комплексной характеристики хозяйства района”».

Разделительное, как бы «от-целостное» восприятие времени основано на делении на части какого-либо временного отрезка. Неделя делится на дни, год — на месяцы и сезоны. В некоторых культурах жизнь человека раскалывается на стадии-отрезки, связанные с четко определенными правами и обязанностями; нечто подобное можно наблюдать и в европейской культуре («возраст, когда по закону можно жениться», «возрастной период, когда положено служить в армии»).

Критерием выделения отдельных объектов (районов) при таком подходе служит их место в системе некоего целого. Место-в-системе — как бы константа, своеобразный электрический потенциал, индуцируемый в любом теле, попадающим в соответствующую точку поля. Свойства конкретного объекта (в территориальном «разрезе» — района) при этом могут быть генетически не связаны с его внутренними особенностями — они привносятся занимаемым им местом в системе. Так, например, местоположение «на камчатке» в школьном классе подразумевает некоторые особенности сидящего там ученика (скажем, рассеянность внимания на уроке — хотя бы потому, что «с камчатки» плохо видно происходящее у доски) и в некоторой мере предопределяет отношение к нему учителей. Школьная «камчатка» — характерный пример выделения территориального объекта по принципу «выделения частей целого».

Особое внимание следует обратить на взаимоотношение двух факторов сегодняшней России: анизотропности ее пространства и федеративного устройства, формально утвержденного на традиционно центрированной российской территории. Ключевая, казалось бы, проблема современных федеративных отношений в России — отношения «Центр — регионы». Но ведь сама постановка такого вопроса свидетельствует о сохранении централизованного устройства нашего государства, или во всяком случае базового централизующего вектора. В классической федерации векторы «к центру» и «от центра» не выражены: все направления равноправны (это опять-таки видно на карте дорог США, представляющей собой, по большей части, сеть перпендикулярно пересекающихся трасс [см. также: 6]. Своеобразный «узел» федерации — в отношениях между отдельным регионом и федерацией; заметим, не федеральным центром, а совокупностью всех других субъектов. Собственно, роль Федерального собрания, по идее, должна была состоять в корректировке межсубъектных противоречий, а не в представительстве регионов в центре, как это можно предположить, исходя из российских реалий. Кстати, особенности государственного устройства выражаются и в названиях государственных учреждений: в США организации, находящиеся в ведомстве федерации — за исключением, пожалуй, Центрального разведывательного управления, — называются федеральными (например, Федеральная избирательная комиссия — *Federal Election Commission*), но никак не центральными (вроде Центризбиркома).

Нередко приходится слышать утверждение, что в США — как образцовом федеративном государстве — имеет место иная модель пространства, нежели в государствах унитарных и централизованных. Если обратиться вновь к примеру дорожной сети: в США она в значительной мере представляет собой «клетку» пересекающихся под прямым углом магистралей. Такой рисунок, действительно, своеобразная топографическая «физиономия» федеративного пространства, каждая точка которого равноценна другой [6]. Однако модель государственного устройства США все же немного сложнее. По-видимому, ее следует описывать как двухуровневую. Первый уровень повторяет «мифологическую» картину устройства централизованного государства: центрированную и иерархическую систему. В частности, США долгое время представляли собой как бы «асимметричную федерацию», в которой выделялись полноправные штаты с собственными органами власти, и так наз. территории — слабозаселенные земли, управляемые назначавшимися из центра губернаторами. В качестве одной из иерархических единиц та-

ких «мифологически-устроенных» США можно назвать современное Пуэрто-Рико и ряд других территорий. На международной сцене США, похоже, ведут себя как классическая империя и это, скорее всего, не случайно: некоторые имперские черты этого государства проявлялись и в прошлом, например, в ходе продвижения американского переднего края освоения — фронтира (подробности мы опускаем, эта тема требует особого анализа).

В то же время внутри «ядра» этой империи, т.е. внутри 50 штатов основной территории США, и вправду наблюдается классическое федеральное устройство. Взаимоотношения самих штатов в Сенате, отсутствие вертикальной лестницы между центром и регионами — все это черты федерализма, его идей, зародившихся в Европе на пороге Нового времени и сыгравших столь важную роль в истории Нового света (об идеологических корнях федерализма [см.: 26]. Осмелимся высказать предположение, что федерализм как модель государственности стал воплощением приобретенного европейцами иного, немифологического видения мира, оформившегося в эпоху европейского Возрождения. Мифологический мир можно представить плоским: взгляд в нем скользит по одной плоскости — от местоположения глядящего — вдаль, от центра — к периферии. В любой точке этого мира могут быть различимы только центр — и «все остальное», границы большого мира (как и малых, локальных миров) размыты и часто сливаются с линией горизонта. Взгляд «федерала» — взгляд с высоты «птичьего полета», он видит свою территорию среди разноцветной мозаики других земель, как одно из многих пространств, расположенных на широком пестром ландшафте. Повторим наш основной вывод: федеральная модель государства характерна для секуляризированной, немифологической культуры, развитие которой в свое время привело и к падению феодальной системы, и к революции в картографии (своя земля перестала изображаться в центре мира; картографы начали изображать территорию со все более высокой точки — вплоть до орбиты искусственного спутника). Что касается советского же административного устройства, федеративного лишь формально, то оно смогло только показать, насколько трудно воспринимаются архаичной «почвой» идеи европейского Возрождения.

Примечания

[1] На то, что города играли в России преимущественно роль властных центров, также обращает большое внимание философ С. Королев в работе «Бесконечное пространство» [6], посвященной технологиям власти в России.

[2] На первый взгляд, может показаться недопустимым смешение систем, существовавших в рамках различных эпох, культур и исторических условий. Это было бы справедливым в том случае, если бы мы пытались объяснить появление той или иной пространственной системы, ее причинно-следственные связи. Мы, однако, не ставим этой задачи, рассматривая функционирование централизованных пространственных систем как таковых. Исследования, выходящие за рамки анализа конкретных историко-культурных общностей, не являются чем-то необычным. Позволим себе привести довольно обширные рассуждения М. Элиаде, обосновывавшего свои сравнения религий народов Месопотамии, индийцев, китайцев и племени квакиутли: «Для нашего описания важнее вскрыть сущность религиозного опыта, нежели показать его многочисленные обусловленные историей разновидности и различия. Это подобно тому, как если бы мы, стремясь понять, что такое поэзия, обратились к разрозненным примерам, цитируя наряду с Гомером, Вергилием и Данте индийские,

китайские, мексиканские поэмы... В рамках истории литературы подобные наложения весьма сомнительны. Но они допустимы, если целью является описание собственно поэтического феномена, если мы стремимся показать основные различия между поэтическим языком и разговорным» [12, с. 20]. Подобным образом мы допускаем наличие одинаковых архетипических свойств в самых разных пространственных системах, обладающих лишь одной общей чертой — централизацией.

[3] Блестящий анализ аналогичного сюжета ранней американской истории дан в книге Е. Петровской «Часть света» [17, см. также: 18].

[4] Обратим в этой связи внимание на исследование С.Г. Кирдиной, согласно которому российская государственная машина основывается, в частности, на институте ходоков [19].

[5] «Нация имела право на отделение; если она предпочитала не использовать это право, тогда у нее как у нации никакого другого права не оставалось, хотя при этом каждый представитель этой нации естественно пользовался наравне с другими гражданами одинаковыми правами в отношении языка, образования и культуры, какими пользуются даже в такой буржуазно-демократической стране, как Швейцария» [24, с. 333].

[6] Другой способ унификации территории, основанный на восприятии ее как целостности, по-видимому, нашел отражение в институте круговой поруки территории [см. анализ Кирдиной: 19]. Аналогичный взгляд на устройство Российского государства из унифицированных целостностей разного порядка, но в несколько иной интерпретации — как повтор целостного мира крестьянской общины на общегосударственном уровне — был высказан С.В. Лурье [25].

Литература

1. *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.

2. См., напр.: *Лаппо Г.М.* География городов: Учеб. пособие. М., 1997.

3. *Ле Гофф Ж.* Цивилизации средневекового Запада. М., 1992.

4. *Кропоткин П.А.* Дневники разных лет. М., 1992.

5. *Герцен А.И.* Былое и думы. М., 1974.

6. *Королев С.А.* Бесконечное пространство: гео- и социографические образы власти в России. М., 1997.

7. *Сафронов Ф.Г.* Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. М., 1978.

8. *Алексеев А.И.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М., 1982.

9. *Бурстин Д.* Американцы: национальный опыт. М., 1993.

10. *Кобищанов Ю.М.* Полюдье: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М., 1995.

11. *Элиаде М.* Космос и история. М., 1987.

12. *Элиаде М.* Священное и мирское. М., 1994.

13. *Костинский Г.Д.* Географическая матрица пространственности // Известия РАН. Серия географическая. 1997. № 5.

14. *Чеснов Я.В.* Лекции по исторической этнологии: Учеб. пособие. М., 1998.

15. *Авени Э.* Империи времени. Календари, часы, культуры. София, 1998.

16. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М., 1993.

17. *Петровская Е.В.* Часть света. М., 1995.

18. *Замятина Н.Ю.* Локализация идеологии в пространстве (американский фронтир и пространство в романе А. Платонова «Чевенгур») // Полюса и центры роста в региональном развитии. М., 1998.

19. *Кирдина С.Г.* Политические институты регионального взаимодействия: пределы трансформации // Общественные науки и современность. 1998. № 5.

20. *Мельникова Е.А.* Образ мира. Географические представления в средневековой Европе. М., 1998.

21. *Липинская В.А.* Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII — начало XX века. М., 1996.

22. *Ильин М.В.* Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997.

23. *Лексин В.Н., Швецов А.Н.* Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М., 1997.

24. *Карр Э.* История Советской России. Кн. 1. Т. 1, 2. Большевистская революция. 1917–1923. М., 1990.

25. *Лурье С.В.* Восприятие народом осваиваемой территории // Общественные науки и современность. 1998. № 5.

26. *Новиков А.В.* Географическая интерпретация концепции американского федерализма // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 10. М., 1989.

1. Из чего формируется местный общественно-географический контекст?
2. Почему место всегда связано с конкретным временем его существования?
3. Дайте определение «пространственно-временной системы». Что является необходимым условием ее появления?

К.Э. Аксенов

СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ СВОЙСТВА ПРОСТРАНСТВА–ВРЕМЕНИ ПРИ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА*

Несмотря на пришедшее в науку сначала из философии, а затем и из физики представление о единстве пространства-времени, в мире по-прежнему отдельно существуют география и история. За столетия сосуществования единый методологический и понятийный словарь у них не появился, и дело здесь, видимо, не только в том, что и географы, и историки не смогли договориться между собой. Имеется некое содержательное противоречие. С одной стороны, мы вполне принимаем классическую материалистическую точку зрения о том, что пространство и время есть неотъемлемые атрибуты материи. С другой — у времени и пространства есть принципиально разные качества, способные и материи придавать разные свойства. Дж. Урри называет пространственно-временные отношения асимметричными, отмечая, в частности, что хотя два объекта могут занимать одну и ту же точку во времени (в разных местах), при этом они не могут занимать одну и ту же точку в пространстве [19]. Многие исследователи, также считая эти атрибуты разноразмерными, отмечают необратимость и универсальную для всех явлений однонаправленность времени как ключевое отличие свойств времени и пространства [16, 12]. Дж. Урри считает, что хотя пространственное измерение обязательно включает и временные измерения, последние не обязательно включают пространственные. Поэтому необходимо делать различие скорее между «временным» и «пространственно-временным», чем между временным и пространственным [19]. Нас же, географов, интересующихся развитием общества, также занимает проблема познаваемости и управляемости — в этой области существуют более значительные сложности с методиками по отношению к времени, нежели пространству. И уж во всяком случае методики эти не совпадают, что и позволяет нам вслед за А. Трейвишем утверждать, что единой «геоистории» нет [12, с. 17].

* *Аксенов К.Э.* Системообразующие свойства пространства-времени при трансформации общественно-географического пространства // Известия Русского географического общества. 2014. Т. 146. № 4. С. 69–80.

Тем не менее и в истории, и в географии, и в обществоведении широко практикуется пространственно-временной подход, позволяющий часто находить и изучать процессы и явления, неопределимые только с использованием хорологических или хронологических методов[1].

Пространственно-временной подход, таким образом, позволяет не только разнообразить палитру используемых методов, но и включить в научный анализ принципиально новые предметы. Предмет нашего исследования — трансформации общественно-географического пространства — относится как раз к типу, поддающемуся выявлению только с использованием пространственно-временного подхода. Не претендуя здесь на разрешение общих философских проблем науки применительно к данному предмету, мы относимся к пространственно-временной атрибутике как к основе для выработки в перспективе совершенно определенной служебной методологии, основанной на понятии пространственно-временных систем для изучения трансформации общественно-географического пространства. Для этого нам необходимо определить основные понятия и свойства пространства и времени, которые являются атрибутами интересующих нас систем. Ниже мы постараемся доказать, что не только общественная сущность трансформации, но, главное, пространство и время сами имеют системообразующее значение для исследуемого нами предмета.

Процессы взаимодействия общества и пространства—времени представляют собой нечто большее, нежели отношения по типу «явление—среда» и даже «явление—признаки». Мы исходим из того, что взаимодействие пространственных (временных) и общественных явлений и процессов порождает самостоятельный предметно-научный и общественный феномен, требующий оценки и изучения как особая системная целостность. При этом наличие особой системной целостности требует выработки особых методов и подходов к ее изучению, не сводимых к традиционным методам социологии, географии или истории.

Трансформация общественно-географического пространства — это временной процесс, в результате которого сущности общественно-географических явлений не просто видоизменяются, а заменяются на принципиально новые (подробнее см: [5]). Следовательно, изучая трансформацию в пространстве мы должны найти и описать элементы, меняющие свою сущность. Как зафиксировать состояния элементов пространства, чтобы определить состояние их сущности? Что именно считать элементами пространства? Что представляют собой пространственно-временные системы?

Первичный элемент общественно-географического («служебного» или сущностного) пространства, в котором начинают проявляться общественно-географические различия, мы будем называть общественно-географическим местом (о «служебных» общественно-географических местах более подробно см.: [2]). Место определяет в каждый момент времени не только особенности проявления экономических, социальных, политических и прочих факторов, действующих в обществе, но и формирует особую модель их сочетания, обусловливающую степень и результаты их влияния на сущность исследуемого явления. Место — квант любого «служебного» пространства, существующий в конкретный момент (период) времени. Общественно-географическое место всегда связано с конкретным

общественным явлением (проявлением определенной общественной сущности)[2]. У иной общественной сущности место, как ее первичное пространственное проявление, в данной физической точке будет другим. В качестве примера, на котором можно наиболее наглядно продемонстрировать проявление обсуждаемых явлений и процессов, возьмем отрасль хозяйства, которая наиболее динамична (быстрее прочих способна менять сущность под внешним воздействием) и очевидна (ее проявления фиксируются на бытовом уровне), — мелкую торговлю и услуги (подробнее см.: [1]). Так, первичным сущностным материальным проявлением общественного явления «мелкая разносная торговля» может считаться, скажем, торговец пирожками, вышедший торговать ими к автотрассе. Особенности конкретной точки в пространстве, в которой производится торговля, может повлиять на ее экономическую успешность и личную «выживаемость» ее субъекта. Набор соответствующих характеристик этой точки связан с особенностями данной отрасли экономики: в частности, важны характеристики потока индивидов, способных стать покупателями, т.е. способных и желающих заплатить 20–30 руб. за этот вид товара, способных и желающих физически подойти и вступить в контакт с продавцом и т.п. Вполне возможно, что именно в данной точке названные параметры социально-экономического пространства не позволяют существовать этому виду бизнеса: удобного места для остановки транспорта не окажется, и это будет критическим фактором выживания субъектов отрасли «мелкой разносной торговли». Однако если в этой же самой точке физического пространства появится субъект другой отрасли, например «наружной рекламы», то описанные выше параметры социально-экономического пространства, характерные для данной точки, будут не существенны. В месте, где невозможна остановка, а следовательно, мелкая торговля, вполне может появиться успешный билборд с рекламой новой модели автомобиля. Для данной отрасли не нужны остановка и физический контакт с потенциальным потребителем, способным заплатить 20–30 руб. Зато критическим для того, чтобы рекламодатель захотел купить это рекламное место, будет характеристика транзитного потока и визуального (не физического!) контакта с потенциальным потребителем, способным заплатить 20–30 тыс. долл. за новый автомобиль. Получается, что общественно-географические характеристики одной и той же физической точки пространства могут по-разному повлиять на зарождение здесь новой экономической сущности (явления), в зависимости от того, что это за сущность.

Заметим, что в другой момент времени параметры значимых характеристик пространства могут стать другими, и свойства того же общественно-географического места для исследуемой сущности драматически меняться. Сущность исчезнет, произойдет трансформация места[3]. Так, временное событие — капитальный ремонт данной трассы, происходящий в десятках километров от данной точки, может отвести отсюда транспортный поток на продолжительный период, и обе исследуемые отрасли не смогут развиться в данном месте. По истечении времени ремонта оба бизнеса снова могут здесь развиться, возможно с новыми параметрами, например, если в результате ремонта изменится характеристика транспортного потока.

Комплекс экономических, социальных, политических, коммуникативных и других условий, отличающих данное место от остальных, а также его «внешнее»

положение (соседство, протяженность, изолированность и т.д.) по отношению к другим местам и их системам в каждый момент времени неизбежно формируют специфический местный общественно-географический контекст — совокупность прочих мест, связанных с сущностью исследуемого места[4]. Если же определенный контекст закрепляется на значимое время для формирующей данное место сущности, то такой контекст превращается в среду, т.е. время мы считаем критическим фактором, отличающим контекст от среды. Так, например, для точки по торговле пирожками случайная остановка туристического автобуса рядом с ней формирует определенный общественно-географический контекст, изменяющий суть общественного явления, — торговли пирожками, которая резко активизируется за счет туристов. Этот контекст исчезает после отъезда автобуса. Однако если туристическая компания, увидев, что туристам понравились пирожки больше, чем экскурсия, решает сделать остановку у этой точки постоянным элементом маршрута, то устойчиво повторяющиеся во времени остановки туристических автобусов около данной торговой точки формируют среду. Такая среда в отличие от контекста начинает привлекать другие торговые точки, которые тоже начинают предлагать товар туристам. Эти новые точки становятся новыми общественно-географическими местами, изменив сущность торговли первой точки, и сами для нее становятся элементами среды. Сходные процессы происходят во всех сферах и масштабах общественной жизни. При функционировании любого общества интересы «местной» социальной среды являются самостоятельным значимым фактором развития общества[5]. Таким образом, если контекст однократно способен повлиять на изменение параметров сущности, формирующей какое-либо место, то повторяющееся/продолжающееся во времени проявление такого контекста формирует среду.

«Элементарной частицей» общественного времени выступает событие, определяемое как первичное изменение сущности общественного феномена (явления)[6]. Если данное событие изменяет сущность не всего общественного явления, а только в конкретном месте, то логично называть это изменение место-событием. Мы уже видели, что как пространственные, так и временные общественные параметры критически влияют на возможность существования разнообразных экономических сущностей в связанной с ними физической точке. Не только возникновение или исчезновение какой-либо сущности является событием (место-событием), но и ее развитие. Так место-событием для общественного явления «торговля пирожками» в описанном примере выступило не только появление первой торговой точки в каком-то месте физического пространства, превратив его в «служебное», «торговое» пространство. Приезд первого автобуса не уничтожил «торговую» функцию данного места «служебного» пространства, но сильно изменил ее характеристики — все пирожки были раскуплены, чего ранее никогда не происходило, оборот скачкообразно вырос. Кроме того, маркетинговая ценность данной точки также изменилась — пирожки понравились. Таким образом, торговля в данной точке осталась, однако ее сущность немного изменилась. Следующим место-событием, помимо последующих приездов автобусов, стало появление рядом еще одной торговой точки — сущность явления «торговля» изменилась гораздо сильнее — появилась конкуренция. Последними событиями

для явления «торговля пирожками» в том месте пространства, которое занимала первая торговая точка, станут ее снос в результате проигранной конкуренции соседним хот-догам и строительство на ее месте кафе или иного объекта другой отрасли. Весь процесс перерождения сущности (трансформации) места состоял из чередования событий. Изменение в чередовании событий, равно как и в контексте, может привести к изменению результирующих пространственно-временных параметров места.

Возникает вопрос: если мы указываем, что место всегда связано с конкретным временем его существования (или фиксации — для исследователя), то почему его сразу не определять как место-событие? Мы видим необходимость такого различения минимум по двум причинам. Во-первых, место может существовать не только в привязке к отдельному временному «кванту» — событию, но и к более продолжительному интервалу времени — периоду, в течение которого принципиально не изменяются характеристики составляющей данное место общественно-географической сущности. Во-вторых, такая необходимость часто содержится в познавательных задачах и связанных с ними методологических (возможно, даже гносеологических) подходах. Точно так же, как в географии принято «отсекать лишнее измерение» для упрощения познавательных процедур, обращаясь к термину «территория» вместо «пространство», также и в данном случае полезно бывает пренебрегать временным параметром для вычленения именно хорологических закономерностей, на которые не наложены законы хронологических процессов. Так, часто не имеет смысла для целей исследования акцентировать внимание на времени существования зафиксированного (наблюденного) состояния исследуемой сущности в определенной точке пространства, но имеет значение пространственная распространенность данного состояния. Пространственные параметры распространенности единого состояния сущности и описывают место.

Точно так же, как и для места — шкала расстояния, для события — шкала времени определяется наложением первичного изменения сущности на физические пространство и время[7]. Это позволяет определять соразмерность пространственно-временны́х характеристик разных сущностей. Полимасштабность сущностей порождает и полимасштабность мест и событий как первичных проявлений этих сущностей. Появление стационарного сооружения сетевого ресторана быстрого питания на месте первой точки торговли пирожками изменило не только показатели экономической эффективности в данном месте пространства. Цикл жизни сетевого ресторана в благоприятной среде потенциально гораздо длиннее, чем точки торговли пирожками, пространственные параметры проявления его сущности гораздо шире. Следовательно, шкалы для фиксации этих параметров должны измеряться разными масштабами физического пространства и времени.

Обобщенно система описанных выше категорий представлена в таблице. Таким образом, подытоживая, можем заключить, что базовым (первичным) понятием для анализа трансформации общественно-географического пространства выступает понятие места (место-события). Важными для нас свойствами места (место-события) являются следующие:

- место имеет сущностное происхождение и не отлично от своей общественной сущности;

Таблица

Пространственно-временны́е характеристики сущности общественно-географического явления

	Первичное проявление (первичный элемент) сущности	Взаимодействие первичных элементов
Общественно-географическое пространство	Место	Контекст места
Общественно-географическое время	Событие	Чередование событий
Общественно-географическое пространство–время	Место–событие	Среда

- место всегда имеет пространственный контекст, но не всегда — среду;
- временное чередование событий влияет на изменение сущности места, в результате чего место возникает, развивается и исчезает (перерождается).

Поскольку одним из центральных для нашего предмета является понятие трансформации пространства, то полезно понимать, что происходит с местом при его трансформации. Как мы уже указывали, трансформацией мы считаем только процесс, сопровождающийся заменой одной сущности трансформирующегося общественного явления другой. Таким образом, в случае трансформации места это будет означать обязательную замену породившей его сущности и перерождение самого места. При этом возможно изменение и пространственных параметров проявления новой сущности в данном элементе физического пространства[8]. Так, в приводившемся выше примере выросший в процессе трансформации места сетевой ресторан в точке, занимавшейся некогда продажей пирожков, по всем пространственным параметрам больше последней. Однако это скорее перерождение (трансформация) старого места с изменением сущности, чем просто возникновение на пустом месте ресторана, поскольку появление последнего именно в данной точке было связано с тем, что торговля пирожками повысила его маркетинговую привлекательность в сегменте покупки быстрой еды настолько, что здесь смог появиться целый ресторан[9].

Как мы упоминали, место может не только переродиться, но и исчезнуть. Исчезнуть оно может минимум по трем причинам. Во-первых, может исчезнуть не определенная сущность, а все явление целиком — если общество вдруг откажется от потребления пирожков, то исчезнет и торговля ими. Во-вторых, составившая данное место сущность может изменить свое положение в пространстве — торговая точка может переехать, и это будет принципиально иное место. В-третьих, контекст данного места может измениться настолько, что проявление данной сущности станет незаметным на его фоне, сольется с контекстом, став частью другого, более общего места. Так, например, вокруг нашей точки с пирожками может вырасти целый рынок (временный или постоянный) и, несмотря на то что точка даже не изменит своего положения в пространстве, контекст из совокупности прочих мест торговли пирожками и прочими товарами сделает нашу точку неразличимой — покупатель поедет «на рынок», а не «к торговцу». Графическое изображение процесса трансформации места представлено на рис. 1.

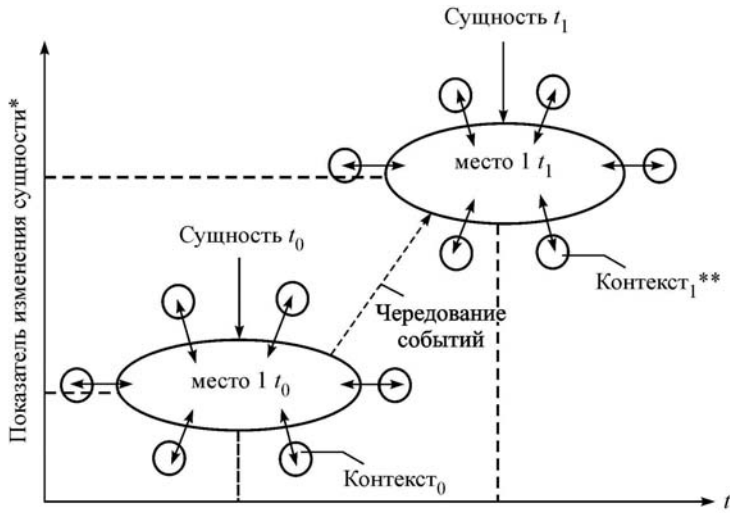


Рис. 1. Процесс трансформации места

Примечания: * — экономическая эффективность, общественная значимость, политический результат и т.п.; ** — система или совокупность мест, потенциально связанных с происхождением места 1.

Пространство (добавим — и время) выступает неотъемлемым атрибутом деятельности общества. Неотъемлемость пространственно-временного атрибута двояка. Во-первых, как мы покажем далее, материальная деятельность общества всегда пространственна и не существует вне пространства[10]. Неотъемлемость пространственно-временной атрибутики от деятельности общества позволяет нам оперировать категориями «служебных» пространства и времени. Из всего многообразия явлений, как пространственных и временных объектов и событий, мы выбираем только те, которые имеют общественное происхождение, и называем их общественно-географическими пространством и временем. Элементами общественно-географического пространства и времени выступают также все общественные явления, зародившиеся и развивающиеся на основе необщественных пространственных процессов. Практика показывает, что даже для специалистов существует трудность перехода от обыденного восприятия пространства и особенно времени с их физическим наполнением к пространству-времени, сложенному не физическими телами и явлениями. Поэтому остановимся подробнее на определении общественно-географического пространства-времени.

Довольно распространено в отечественных философских публикациях представление о том, что атрибуты социальной формы движения являются лишь определенным фрагментом закономерностей физического времени и пространства. Например, среди политикогеографов существует подход, при котором политическое (политико-географическое) пространство выделяется на основе наложения политических (политико-географических) процессов на параметры физического пространства: «политико-географическое пространство идентично территории, на которой в пределах определенной общественной формы и по-

средством нее складываются и действуют разнообразные политико-географические процессы, тенденции, закономерности, обстоятельства и факторы» [14]; «политическое пространство (территория) — площадь, на которой происходит политическая деятельность» [17].

В данном случае, на наш взгляд, необходимо различать понятия «среда» и «пространство». Так, если первое может включать компоненты различных сфер и «отраслевых» пространств, влияющие на развитие интересующих нас процессов и явлений, то пространство определяется единством и определенностью составляющих его самих рассматриваемых нами явлений. Г. Гегель писал: «Мы не можем обнаружить никакого пространства, которое было бы самостоятельным пространством; оно есть всегда наполненное пространство и нигде оно не отлично от своего наполнения» [6].

Таким образом, можно сказать, что компоненты физического пространства-времени входят элементами скорее в среду деятельности общества, являясь по отношению к общественно-географическому пространству одной из функций. Физическое пространство проявляется по отношению к последнему опосредованно — в степени влияния на осуществление общественно-географических процессов либо лишь в отдельных его характеристиках (например, соседства, чередования и т.п. — для пространства; последовательности, сосуществования и т.п. — для времени). Само же по себе физическое пространство и его измерения могут описывать лишь физические характеристики общественных объектов (взятых как физические тела): например, размеры государственной территории, протяженность и конфигурация границ и др.

Существует также точка зрения, согласно которой пространство отлично от материи и представляет собой, скорее, набор отношений между явлениями. Сторонники этой точки зрения считают, что материальные явления существуют в пространстве и времени. Так, со ссылкой на И. Канта, Дж. Урри полагает, что пространство возникает только между не менее чем двумя объектами. Именно в таком понимании он настаивает, что пространство — это набор отношений, а не материя [19]. На основании этого автор делает вывод, что общество и пространство не могут «взаимодействовать», поскольку общество, помимо прочего, есть материя, а пространство — нет [19]. Такой подход близок к ньютоновскому определению пространства, в котором оно представляет собой нечто большее, чем наполняющие его предметы. К ним добавляется расстояние как самостоятельный участник взаимодействия, отличный от самих материальных предметов. Нам же ближе лейбницевский подход, при котором любой единичный материальный объект пространственен, вне зависимости от наличия иного объекта. Пространство возникает не между объектами, а уже в атрибутах самого объекта, которые возможно сравнивать в пространственных категориях между собой. При этом если и рассматривать сравнение разных измерений отдельного объекта как отношение, то это будет отношение атрибутов материи внутри ее элемента, а не между элементами материи. Взаиморасположенность двух материальных объектов, которую сторонники описанной точки зрения считают первичным признаком пространства, таковым, стало быть, не является, уступая «первичность» пространственным атрибутам, проявляемым измерением каждого отдельного материального объекта[11].

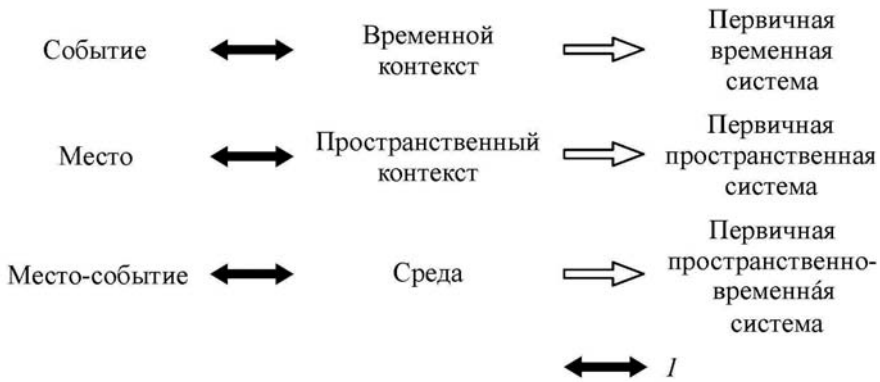


Рис. 2. Категория пространственно-временных систем

1 — системная взаимосвязь.

Вслед за многими исследователями (например, [15, 18]) мы заключаем, что общественно-географическое пространство — это не пространство физических тел, в котором осуществляется общественная деятельность, а сама эта деятельность, взятая с атрибутивной точки зрения. Общественно-географическое пространство — это форма бытия общественно-географических объектов, отражающая отношения их сосуществования: соразмерности (в мерах протяженности, объема, глубины) и взаиморасположенности[12].

В таком понимании пространство становится тем, чем оно и является на самом деле. Пространство является не только причиной дифференциации форм зарождения и развития общественных процессов. Оно всегда было и останется впредь средством, целью и результатом деятельности общества.

Если первая описанная выше сторона неотъемлемости пространственного атрибута деятельности общества универсальна и не отличает место-событие от прочих элементов общественно-географического пространства (времени), то вторая специфична только для пространственно-временных систем. Под пространственно-временными системами мы понимаем системы, в которых одновременно и пространственные, и временные свойства их элементов способны менять сущность образующих систему явлений или процессов. В связи с этим без анализа пространственных и временных характеристик такие системы не познаваемы, а иногда и неразличимы[13]. Отличием пространственно-временных систем от место-события, контекста или среды выступает то, что последние системами не являются, т.е. в них отсутствуют взаимосвязи, без которых существование составляющих их элементов в данной их сущности было бы невозможным. Необходимым условием появления пространственно-временной системы в общем виде выступает совпадение системных взаимосвязей во времени и пространстве.

Приведем пример из области политики, где политическое явление возникает только тогда, когда противоречие интересов перерастает в конфликт (подробнее см.: [3]). Конфликт между носителями капиталистической и коммунистической идеологий в XX в. мог остаться на уровне противоречия, если рассматривать интересы, скажем, предпринимателя в США и секретаря парткома в СССР. Про-

странственный размах их интересов практически не перекрывался, т.е. позволял реализовать свои интересы независимо друг от друга. Конфликт оставался потенциальным. Однако если в качестве субъектов того же противоречия выступали правительства СССР и США, то для политических явлений такой величины пространственные сферы реализации их интересов начинали перекрываться и противоречие перерастало в конфликт — системную взаимосвязь. Наглядным проявлением этого конфликта была «холодная война», представлявшая собой глобальную пространственно-временную систему.

Аналогично тому, как мы подошли к рассмотрению категорий пространства и времени через их первичные элементы, можно определить и категорию пространственно-временных систем (рис. 2).

Так, первичная временная система возникает только из сочетания события и контекста во времени; пространственная — из сочетания места и контекста в пространстве; пространственно-временная — из сочетания место-события и среды во времени и пространстве. Без описанных условий возникновение первичных систем невозможно, следовательно, данные условия выступают необходимыми условиями появления систем. Однако очевидно, что не все сочетания событий, мест и место-событий с контекстом и средой порождают системы. Уже упомянутое первым условие наличия системных взаимосвязей дополняет картину необходимых условий возникновения первичных пространственно-временных систем. Очевидно, что первичные системы могут формировать иерархии и сочетания.

Предложенный выше подход позволяет изучать сложные поликомпонентные процессы и явления, происходящие в общественно-географическом пространстве, особенно в периоды трансформаций[14]. Думается, что возможности данного подхода выходят за пределы только лишь общественной географии, однако оставим это предметом отдельного рассмотрения.

Примечания

[1] Недавнее обсуждение этой тематики см., например, в [13].

[2] А.А. Минц и В.С. Преображенский называли это «функцией места» [8, с. 124].

[3] У А.А. Минца и В.С. Преображенского — это смена функции места, которая происходит либо в результате изменения самого явления, составляющего место, либо внешних воздействий на данную точку пространства [8].

[4] По сути, совокупность контекстов всех объектов со схожей сущностью и формирует мгновенный срез «служебного» географического пространства — здесь мы полностью солидарны с «позиционным» принципом формирования географического пространства Б.Б. Родомана, согласно которому географу стоит изучать совокупность только тех пространственных аспектов отношений объекта к другим объектам, которые являются существенными для рассматриваемого объекта [10].

[5] Л.В. Смирнягин обращает особое внимание на понятие расстояния, которое делает места более или менее доступными между собой для установления связей (контекстных, средовых или системных. — *К.А.*). Изменяя режим «достижимости», по сути, можно менять пространственную протяженность, масштаб формируемых местами контекстов (в терминах Смирнягина — местоположений) [11].

[6] Традиционно отечественные философы отличают понятие феномен от понятия явление. Соглашаясь с той точкой зрения, что феномен представляет собой единство явления и сущности, для методологического упрощения мы будем употреблять далее тер-

мин явление как для феномена, так и собственно для явления — формы выражения (обнаружения) сущности предмета, без которой индикация феномена невозможна.

[7] Б.Б. Родоман предлагает в таких случаях оперировать понятиями геовечность, геогод, геонеделя, геосутки [9].

[8] Тот же Б.Б. Родоман описывает механизм, названный им «давлением места», при котором под воздействием неблагоприятных местных факторов одни объекты способны изменить свое местоположение, иные, менее мобильные, меняют свои свойства и функции (сущность, добавим мы). Самые неадаптивные же объекты исчезают [10].

[9] Подобные трансформации детально исследованы и описаны в [1]. Так, в городской среде 1990–2000-х годов происходило последовательное возникновение в конкретных, тех же самых, точках пространства агломераций торговцев с рук, затем — киосков, позже — павильонов и, в итоге, крупных многофункциональных комплексов.

[10] Согласно радикальному материалистическому подходу, не только материальная, но и нематериальная деятельность общества (информационная, духовная, мыслительная и т.п.) пространственна, поскольку обязательно связана с материальными (локализуемыми в пространстве) носителями (органическими и неорганическими). Наша позиция менее радикальна, но материалистична.

[11] География пока не занимается объектами, размеры которых настолько малы, что не позволяют измерить пространственные атрибуты таких объектов и сравнить их между собой.

[12] С таким подходом сочетается даже предлагаемое Н. Замятиной понятие географического ментального пространства, точно так же представляющего собой одно из «служебных» общественно-географических пространств [7].

[13] Пример исследования такой системы представлен в [4]. Там сравниваются пространства личной деятельности разных социальных групп. Различия в этих пространствах можно наблюдать только во времени, они не выявляемы в статичный момент наблюдения.

[14] Пример исследования на основе предложенного подхода такого сложного объекта, как общественная трансформация в России 1990–2000-х гг., представлен в [5].

Литература

1. *Аксенов К., Брадэ И., Бондарчук Е.* Трансформационное и посттрансформационное городское пространство. Ленинград–Санкт-Петербург. 1989–2002. СПб.: Геликон Плюс, 2006. — 284 с.

2. *Аксенов К.Э.* Понятие места в политической географии и особенности пространственной организации власти в США / Изв. ВГО. 1990. Т. 122. Вып. 1. С. 99–105.

3. *Аксенов К.Э.* Пространство и политика. Концептуальные подходы к изучению особой предметной области // Региональная политика. 1993. № 5. С. 62–81.

4. *Аксенов К.Э.* Социальная сегрегация пространств личной деятельности в пост-трансформационном метрополисе (на примере Санкт-Петербурга) / Изв. РГО. 2009. Т. 141. Вып. 1. С. 9–20.

5. *Аксенов К.Э.* Трансформация общественно-географического пространства метрополиса: Санкт-Петербург и Москва, 1989–2011. Lambert Academic Publishing, Saarbrucken, 2012. — 483 с.

6. *Гегель Г.* Философия природы // Энциклопедия философских наук. Т. 2. М., 1975. С. 47.

7. *Замятина Н.* Смысл и положение в ментально-географических пространствах // Географическое положение и территориальные структуры: памяти И. М. Маергойза / Сост. П.М. Полян, А.И. Трейвиш. М.: Новый хронограф, 2012. С. 457–476.

8. *Минц А.А., Преображенский В.С.* Функция места и ее изменение // Известия РАН. Серия географичкская. 1970. № 6. С. 118–131.

9. *Родоман Б.Б.* География, районирование, картоиды. Смоленск: Ойкумена, 2007. С. 154.

10. *Родоман Б.Б.* Территориальные ареалы и сети. Смоленск: Ойкумена, 1999.

11. *Смирнягин Л.В.* Место вместо местоположения? (О сдвигах в фундаментальных понятиях географии) // Географическое положение и территориальные структуры: памяти И. М. Маергойза / Сост. П.М. Полян, А.И. Трейвиш. М.: Новый хронограф, 2012. С. 424.

12. *Трейвиш А.И.* Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. С. 17.

13. *Шарыгин М.Д., Чупина Л.Б.* Подходы к изучению географического пространства-времени и проблемы, связанные с ним / Географический вестник. 2013. № 2. С. 4–8.

14. *Ягья В.С.* Пространство в политической географии (постановка проблемы) // Экономическая и социальная география: проблемы и перспективы. Л.: ГОСССР, 1974.

15. *Giddens A.* Central Problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. L. and Berkeley, 1979. — 294 p.

16. *Lucas J.R.* A Treatise on Time and Space. London: Methuen & Co, 1973. P. 10–11.

17. *Sack R.D.* Territorial Basis of Power // Political Studies from Spatial Perspectives / Ed. A.D. Burnett, P. J. Taylor. Chichester, 1981. P. 6.

18. *Soja E.* The Spatiality of Social Life // D. Gregory, J. Urry (eds). Social Relations and Spatial Structures. L.: Macmillan, 1985. P. 90–128.

19. *Urry J.* Social Relations, Space and Time // D. Gregory, J. Urry (eds). Social Relations and Spatial Structures. L.: Macmillan, 1985. P. 20–49.

Об авторах и составителях

Аксенов Константин Эдуардович, доктор географических наук, профессор кафедры региональной политики и политической географии СПбГУ.

Ахременко Андрей Сергеевич, доктор политических наук, профессор департамента политики и управления НИУ ВШЭ.

Бакланов Петр Яковлевич, доктор географических наук, академик РАН, научный руководитель Тихоокеанского института географии ДВО РАН, заведующий кафедрой географии и устойчивого развития геосистем ДВФУ.

Бусыгина Ирина Марковна, доктор политических наук, профессор департамента политологии и международных отношений, заведующая Центром сравнительных исследований власти и управления НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге.

Винокуров Евгений Юрьевич, доктор экономических наук, главный экономист Евразийского банка развития и Евразийского фонда стабилизации и развития.

Воскресенский Алексей Дмитриевич, доктор политических наук, профессор кафедры востоковедения, директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России.

Грачев Михаил Николаевич, доктор политических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии РГГУ.

Дружинин Александр Георгиевич, доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем ЮФУ.

Елацков Алексей Борисович, кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры региональной политики и политической географии СПбГУ.

Замятин Дмитрий Николаевич, доктор культурологии, главный научный сотрудник Высшей школы урбанистики им. А.А. Высоковского НИУ ВШЭ.

Замятина Надежда Юрьевна, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник кафедры социально-экономической географии зарубежных стран МГУ им. М.В. Ломоносова.

Заяц Дмитрий Викторович, кандидат географических наук, научный сотрудник кафедры географии мирового хозяйства МГУ им. М.В. Ломоносова, доцент кафедры экономической и социальной географии МПГУ им. академика РАО В.П. Максаковского.

Ильин Михаил Васильевич, доктор политических наук, профессор-исследователь департамента политики и управления НИУ ВШЭ, руководитель Центра пер-

спективных методологий социально-гуманитарных исследований Института научной информации по общественным наукам РАН.

Иноземцев Владислав Леонидович, доктор экономических наук, основатель и директор Центра исследований постиндустриального общества.

Исаев Борис Акимович, доктор социологических наук, профессор кафедры истории и философии, руководитель направления «Политология» гуманитарного факультета ГУАП.

Каледин Николай Владимирович, кандидат географических наук, основатель и доцент кафедры региональной политики и политической географии СПбГУ.

Колосов Владимир Александрович, доктор географических наук, заместитель директора по научной работе, заведующий Лабораторией геополитических исследований Института географии РАН.

Корнеевец Валентин Сергеевич, доктор географических наук, профессор кафедры туристического бизнеса, географии и пространственного планирования БФУ им. И. Канта.

Косолапов Николай Алексеевич, кандидат исторических наук, руководитель отдела международно-политических проблем Института мировой экономики и международных отношений РАН им. Е.М. Примакова.

Ледяев Валерий Георгиевич, доктор философских наук, профессор кафедры анализа социальных институтов НИУ ВШЭ.

Макарычева Анна Владимировна, кандидат политических наук, преподаватель кафедры испанского языка МГИМО МИД России.

Межевич Николай Маратович, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра белорусских исследований Института Европы РАН, профессор кафедры европейских исследований СПбГУ.

Овсянников Анатолий Александрович, доктор экономических наук, профессор Института бизнеса и делового администрирования РАНХиГС при Президенте РФ.

Окунев Игорь Юрьевич, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, директор Центра пространственного анализа международных отношений Института международных исследований МГИМО МИД России.

Панарина Дарья Сергеевна, кандидат культурологии, научный сотрудник Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН.

Попов Федор Аркадьевич, кандидат географических наук, докторант факультета географии Университета Колорадо в Боулдере, США.

Россман Вадим Иосифович, доктор философских наук, приглашенный профессор в Университете международного бизнеса и экономики, КНР.

Сбродова Ольга Александровна, стажер-исследователь Центра пространственного анализа международных исследований Института международных исследований МГИМО МИД России.

Себенцов Александр Борисович, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Лаборатории геополитических исследований Института географии РАН.

Тархов Сергей Анатольевич, доктор географических наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии РАН, ведущий научный сотрудник, профессор Высшей школы урбанистики им. А.А. Высоковского НИУ ВШЭ.

Трейвиш Андрей Ильич, доктор географических наук, профессор кафедры социально-экономической географии зарубежных стран МГУ им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии РАН.

Туровский Ростислав Феликсович, доктор политических наук, профессор департамента политики и управления, заведующий Лабораторией региональных политических исследований НИУ ВШЭ, вице-президент Центра политических технологий.

Федоров Геннадий Михайлович, доктор географических наук, директор Института геополитических и региональных исследований БФУ им. И. Канта.

Фененко Алексей Валериевич, доктор политических наук, доцент кафедры международной безопасности МГУ им. М.В. Ломоносова.

Шведов Вячеслав Геннадьевич, доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории территориально-хозяйственных структур Тихоокеанского института географии ДВО РАН.

Швецов Александр Николаевич, доктор экономических наук, заместитель директора Института системного анализа РАН.

Шестакова Марианна Николаевна, кандидат географических наук, ведущий эксперт Управления магистерской подготовки, старший преподаватель кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России.

Учебное издание

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ
Современная российская школа

Хрестоматия

Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 44,2.
Заказ №

ООО Издательство «Аспект Пресс»
111141, Москва, Зеленый проспект, д. 3/10, стр. 15.
E-mail: info@aspectpress.ru; https://aspectpress.ru
Тел. 8(495)306-78-01, 306-83-71

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1.
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87